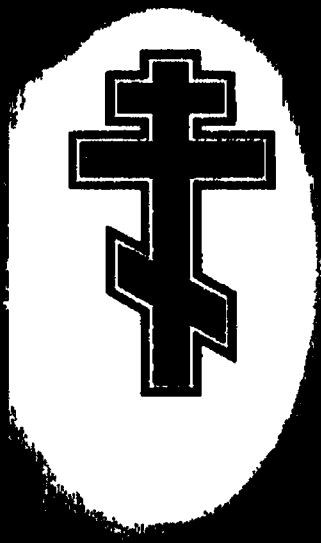

БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

ЧТО ТАКОЕ МОЛИТВА ІИСУСОВА ПО ПРЕДАНІЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Бесѣды инока-старца съ мірскимъ іереемъ,
вызванныя
«Сборникомъ о молитвѣ Іисусовой»

Изданіе Валаамскаго монастыря

СЕРДОБОЛЬ. 1938

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

Sortavalassa
Raamattutalo Oy:n kirjapainossa
1938

© Макет и художественное оформление
ЗАО "Тираж-51"

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Отъ издателя 3

Предисловіе 10

Вступленіе 17

Бесѣда первая. О томъ, что такое молитва Іисусова по своей формѣ и содержанію, о ея первомъ дѣлательномъ или трудовомъ періодѣ, о необходимыхъ условіяхъ ея правильнаго прохожденія и о ея плодахъ 23

Бесѣда вторая. Продолженіе бесѣды о дѣлательной Іисусовой молитвѣ: о способахъ обученія этой молитвѣ, о трудностяхъ, неправильностяхъ и недоумѣніяхъ, возникающихъ при этомъ дѣланіи, и о молитвѣ благодатной 50

Бесѣда третья. Наставленія о внутреннемъ дѣланіи и о молитвѣ Іисусовой древнихъ святыхъ Отцовъ Православной Церкви: Василія Великаго, Макарія Великаго, Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Исихія Іерусалимскаго, Филовея Синайскаго, Варсонофія и Іоанна, Исаака Сирина и преп. Серафима Саровскаго 111

Бесѣда четвертая. Писанія Молдавскихъ старцевъ — схимонаха Василія и схи-архимандрита Паисія (Величковскаго) объ умномъ дѣланія и объ Іисусовой молитвѣ 216

Бесѣда пятая. Ближайшіе къ намъ наставники Іисусовой молитвы: Еп. Ѳеофанъ-Затворникъ и Еп. Игнатій (Брянчаниновъ), Оптинскіе старцы, Валаамскій старецъ Агапій, Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) и другіе отечественные подвижники XIX вѣка 346

Заключительная бесѣда 505

Алфавитный указатель, помогающій читателю находить въ этой книгѣ имена, изреченія и наставленія св. Отцовъ и подвижниковъ Православной Церкви, учившихъ внутреннему духовному дѣланію. 520

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Валаамская обитель издала въ 1936 году »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой», желая этимъ »уяснить способъ производства Іисусовой молитвы, показать всю ея нужду и необходимость въ дѣлѣ нашего служенія Богу, словомъ — напомнить какъ современному монашеству, такъ и всѣмъ ревнующимъ о своемъ душевномъ спасеніи, древле-отеческое ученіе о умномъ дѣланіи и о борьбѣ со страстьми».

По выходѣ въ свѣтъ, эта книга привлекла къ себѣ вниманіе и печати, и читателей. Приводимъ часть полученныхъ нами отзывовъ, изъ которыхъ можно видѣть, чѣмъ именно наша книга привлекла къ себѣ вниманіе и сочувствіе общества.

»Достоуважаемый отецъ Игуменъ. Книгу Вами мнѣ присланную, »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой», я получилъ и благодарю Васъ за нее, за Вашу ревность и за молитвы, въ которыхъ всегда нуждаюсь. Изданная Вами книга отвѣчаетъ насущной потребности времени и потому встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Валаамская обитель съ давнихъ поръ была яркимъ свѣточемъ для всего русскаго иночества и Ваше изданіе доказываетъ, что она, не взирая на пережитыя ею потрясенія, продолжаетъ нести свою прежнюю миссію доселѣ.» *Митрополитъ Анастасій.*

»Книга эта — прекрасная, душеспасительная и многимъ послужитъ вразумленіемъ и утѣшеніемъ, — на пользу душевную. Наше современное общество мало знаетъ и понимаетъ въ этомъ дѣлѣ.» *Митрополитъ Евлогій.*

»Выражаю Вамъ искреннюю благодарность за присланную мнѣ Вашу весьма назидательную книгу — »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой.» *Митрополитъ Александръ (Эстонія).*

»Многосторонностью своего содержанія Сборникъ будетъ прекраснымъ руководствомъ для ищущихъ духовныхъ подвиговъ, весьма облегчая имъ изученіе вопроса о молитвѣ Іисусовой. Благодарную службу сослужитъ книга и пропов'ѣднику, такъ какъ онъ найдетъ въ ней много свѣдѣній, и найдетъ ихъ очень легко, благодаря систематизаціи матеріала. Да вознаградится трудъ Вашъ духовными подвигами тѣхъ, которые будутъ къ тому подвигнуты Вашей книгой или которымъ Ваша книга дастъ новый толчекъ къ развитію своей внутренней жизни.» *Архіепископъ Германъ (Сердоболь).*

»Приношу Вамъ большую благодарность за Вашу хорошую книгу о молитвѣ Іисусовой. Ваше почтенное имя будетъ съ благодарностью воспоминаться среди художниковъ духа.» *Епископъ Александръ (Выборгъ).*

»Давно въ печати не выходило книги, подобной Вашей, съ такимъ чисто святоотеческимъ содержаніемъ и стилемъ. Для меня было большимъ духовнымъ удовольствіемъ читать Вашу книгу и вдыхать благоуханіе горняго міра, доступное лишь при тихомъ и сосредоточенномъ, безконечно сладостномъ для сердца и души, повтореніемъ въ умномъ дѣланіи молитвы: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя». Да вознаградитъ Васъ Господь сторицею за Ваше доброе дѣло: дать многимъ возможность »вниманіемъ стоя въ сердцѣ, стать умомъ въ сердцѣ предъ лицемъ Господа и взывать: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя» и ощутить силу въ Господѣ . . .» *Епископъ Андрей (Болгарія).*

»Ваша книга — очень полезный вкладъ въ аскетическую литературу и можетъ служить настольной книгой для лицъ, посвятившихъ себя этому духовному дѣланію». *Архимандритъ Мелетій (Іерусалимъ).*

»Отъ души благодарю Васъ за присланную книгу о молитвѣ Іисусовой. Она очень хороша и полезна не только для инока, а и для всякаго умнаго дѣлателя о Дусѣ Святѣ». *Архимандритъ Варсонофій (Марокко).*

Выдержки изъ отзывовъ духовныхъ журналовъ:

»Валаамскій монастырь недавно (въ 1936 году) выпустилъ первымъ изданіемъ новую книгу: »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой». Въ наше мятущееся время, въ дни почти всеобщаго ожиданія и предощущенія великой грозы, надвигающейся на весь міръ, весьма многіе, особенно же русскіе люди, ищутъ путей ко входу въ какую нибудь тихую и спасительную пристань. Большинство такихъ благочестивыхъ искателей находятъ искомое пристанище въ святой Православной Церкви. Созидая свое душевное устроеніе, основанное на глубоко религіозныхъ началахъ, эти богоискатели чрезвычайно интересуются вопросами объ Іисусовой молитвѣ, о которой всѣ болѣе или менѣе слышали, что съ помощью именно этой молитвы, многіе духовные старцы, подвижники духа и св. угодники Божіи творили и совершали великія дѣла и чудеса. Поэтому, теперь нерѣдко можно услышать и отъ духовныхъ лицъ, отъ монаховъ и монахинь, а также и отъ мірянъ, вопросы, какъ ею молиться, какъ къ ней приступить, нужны ли при этомъ земные поклоны, и другіе разные подобные вопросы, связанные съ интересомъ къ этой молитвѣ. Вышеуказанная книга, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ пробудившемуся въ вѣрующемъ обществѣ интересу и вниманію къ Іисусовой молитвѣ. Поэтому этотъ Сборникъ вышелъ весьма своевременно .... Сборникъ можно порекомендовать, какъ лучшее пособіе всѣмъ интересующимся вопросами, связанными съ Іисусовой молитвой и съ практическимъ ея примѣненіемъ въ нашей жизни. Редакція »Святой Земли» настойчиво рекомендуетъ этотъ »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой». *(»Святая Земля», № 1 — 1937 г. Іерусалимъ).*

»Прекрасно внѣшне изданная книга, цѣнная и по содержанію о пользѣ молитвы Іисусовой. Матеріалъ собирался годами и заимствованъ изъ личнаго опыта подвижниковъ, изъ твореній св. отцовъ Церкви и т. п. Въ настоящее время эту книгу можно считать наиболѣе полной и наиболѣе содержательной въ отношеніи тайны »умнаго дѣланія» — молитвы Іисусовой». *(»Хлѣбъ Небесный», № 1 — 1937 г. Харбинъ).*

»Валаамскій монастырь (Въ Финляндіи) издалъ недавно книгу подъ двойнымъ заглавіемъ: »Умное дѣланіе. О молитвѣ Іисусовой», — сборникъ поученій Святыхъ Отцовъ и извѣстныхъ подвижниковъ Православной Церкви о молитвѣ Іисусовой и ея значеніи для христіанина . . . . Сборникъ, составленный Игуменомъ Харитономъ, будетъ полезенъ въ наше время духовнаго оскудѣнія и молитвеннаго небреженія. Можно, поэтому, рекомендовать его не только современному монашеству и пастырямъ, но и всѣмъ вообще возгрѣвающимъ въ своемъ сердцѣ молитвенный даръ, ревнующимъ о своемъ душевномъ спасеніи». *(»Вѣдомости Братства теологовъ». Варшава. № 3 — 1936 г).*

»О молитвѣ Іисусовой» . . . Прекрасно изданный Валаамскимъ монастыремъ сборникъ поученій святыхъ отцовъ и опытныхъ дѣлателей Іисусовой молитвы . . . . Новый сборникъ обращаетъ на себя вниманіе исключительнымъ богатствомъ свято-отеческихъ изреченій и цѣлымъ рядомъ поученій о Іисусовой молитвѣ. Справедливо новый сборникъ названъ кѣмъ-то »Малое Добротолюбіе». Умное дѣланіе — непрестанное повтореніе Іисусовой молитвы — »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго» — это тотъ типъ православной мистики, въ которой особенно подчеркивается важность имени Божьяго, призываемаго на молитвѣ . . . Подвижники свидѣтельствуютъ, что сладчайшее имя Іисуса заключаетъ въ себѣ силу присутствія Божія. Имя Іисуса, пребывающее въ сердцѣ человѣка, сообщаетъ ему силу обоженія (теозисъ), которое даровано намъ Искупителемъ. *(»Вѣра и жизнь», Рига. № 6 — 1937 г.).*

»Умное дѣланіе. О молитвѣ Іисусовой. Сборникъ поученій святыхъ отцовъ и опытныхъ ея дѣлателей» . . . . Это малое »Русское Добротолюбіе» должно явиться настольной книгой не только каждаго инока, но и каждаго члена Церкви, любящаго Бога, ревнующаго о своемъ спасеніи и сознающаго свою отвѣтственность, прежде всего молитвенную, за судьбы Церкви и міра. Невысокая цѣна (40 амер. цент. безъ пересылки) облегчаетъ ознакомленіе съ

этой цѣнной книгой, вкладомъ обители Валаамской въ русскую аскетическую письменность». *(»Сергіевскіе листки». № 102—1937 г. Проф. Б. И. Сове).*

»Сборникъ». Книга имѣетъ 298 стр., въ него входитъ около 400 изреченій св. отцовъ и подвижниковъ и, кромѣ того, цѣлыя поученія опытныхъ въ молитвенномъ подвигѣ лицъ, какъ то: Святителя Димитрія Ростовскаго, архимандрита Паисія Величковскаго, старца Василія и другихъ ... Приведенныя въ »Сборникѣ» поученія и изреченія почитаемыхъ Церковью св. отцовъ и подвижниковъ съ совершенною полнотою разъясняютъ и освѣщаютъ древле-отеческое ученіе объ »умномъ дѣланіи» и о борьбѣ со страстями. Каждое приведенное въ »Сборникѣ» изреченіе снабжено указаніемъ сочиненія, откуда оно заимствовано. Въ этомъ отношеніи »Сборникъ» является чрезвычайно цѣннымъ справочникомъ къ обширной русской аскетической литературѣ. Но, будучи таковымъ, »Сборникъ» въ то же время является для всякаго, ревнующаго о своемъ душевномъ спасеніи, глубоко назидательною книгою, заключающею въ себѣ мудрыя руководственныя указанія и совѣты людей высокаго христіанскаго духа и великаго опыта въ молитвенномъ подвигѣ». *(»Утренняя Заря». № 12 — 1936 г. Сердоболь).*

»Сборникъ о молитвѣ Іисусовой». На первый взглядъ эта книга предназначается для монаховъ, подвижниковъ, лицъ духовнаго званія. Но дѣло молитвы есть первое дѣло каждаго христіанина, говоритъ Еп. Ѳеофанъ, мысли и слова котораго неоднократно приводитъ составитель сборника. Молитва — дыханіе духа. Есть дыханіе въ тѣлѣ — живетъ тѣло; прекратится дыханіе — прекратится жизнь. Такъ и въ духѣ. Есть молитва — живетъ духъ; нѣтъ молитвы — нѣтъ жизни въ духѣ. А когда нѣтъ духовной жизни, человѣкъ живетъ только тѣлесно-душевной жизнію. Гармонія, полнота жизни нарушается, томится человѣкъ, и не понимаетъ, что лишь въ общеніи со своимъ Первообразомъ можетъ онъ найти нарушенную гармонію, найти удовлетвореніе своимъ томленіямъ. Коль скоро нѣтъ общенія съ

Богомъ, коль скоро оно не ощущается, человѣкъ долженъ сознаться, что стоитъ онъ внѣ своей цѣли, внѣ своего высокаго назначенія. Но дѣло молитвы — есть цѣлая наука, есть искусство изъ искусствъ, какъ говорятъ объ этомъ святые отцы . . . . Что есть молитва, въ чемъ сущность молитвы, каковы степени ея, какъ пріобрѣсти навыкъ къ молитвѣ, какія условія необходимы для стяжанія истиннаго духа молитвеннаго, каковы плоды молитвы — на всѣ эти вопросы и даетъ отвѣты »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой» словами и изреченіями мудрыхъ отцовъ, художниковъ духа. Для современнаго читателя это особенно цѣнно, такъ какъ сейчасъ лишь въ монастырскихъ библіотекахъ сохранились такія книги, какъ Добротолюбіе, сочиненія Еп. Ѳеофана Затворника, Еп. Игнатія Брянчанинова и другихъ учителей и дѣлателей молитвы Іисусовой. Поэтому Сборникъ Игумена Харитона долженъ стать настольной книгой, тѣмъ руководствомъ, которое долженъ имѣть каждый, стремящійся жить соотвѣтственно тому высокому назначенію, къ которому призванъ человѣкъ». *(»Журналъ Содружества». № 2 — 1937 г. Выборгъ).*

Изъ вышеприведенныхъ отзывовъ видно, что »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой» »какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ пробудившемуся въ вѣрующемъ обществѣ интересу и вниманію къ Іисусовой молитвѣ, и что Сборникъ вышелъ весьма своевременно», что »въ настоящее время эту книгу можно считать наиболѣе полной и наиболѣе содержательной въ отношеніи тайны »умнаго дѣланія молитвы Іисусовой» и что »это малое Русское Добротолюбіе должно явиться настольной книгой не только каждаго инока, но и каждаго члена Церкви».

Но дѣло молитвы -- есть цѣлая наука, есть искусство изъ искусствъ, художество изъ художествъ, какъ говорятъ объ этомъ святые отцы.

Еп. Игнатій говоритъ: »Въ настоящее время — существенная нужда въ правильной молитвѣ, а ее то и не знаютъ! Не знаютъ, что она должна быть орудіемъ и выраженіемъ покаянія, ищутъ наслажденія и восторговъ, льстятъ себѣ,

и орудіемъ, даннымъ во спасеніе, убиваютъ свои души. Существенно нужно правильное пониманіе молитвы въ наше время! Она существенный, единственный руководитель въ наше время ко спасенію. Наставниковъ нѣтъ!» Тоже подтверждаетъ и Еп. Ѳеофанъ: »Молитва есть все: вѣра, благочестіе, спасеніе. Слѣдовательно, объ ней столь можно говорить, что и конца не будетъ. Желательно, чтобъ книгу кто составилъ въ руководство къ молитвѣ изъ святыхъ отцевъ. Это было бы тоже, что руководство ко спасенію».

Валаамская обитель, имѣя не малое богатство святоотеческихъ твореній въ своей библіотекѣ, которой могутъ пользоваться не всѣ, и видя недостатокъ въ современномъ христіанскомъ обществѣ святоотеческой литературы, нашла возможнымъ снова, хотя бы отчасти, послужить удовлетворенію этой нужды изданіемъ второй книги объ умномъ дѣланіи, или о Іисусовой молитвѣ, — придавъ ей форму бесѣды между инокомъ и мірскимъ іереемъ. Эта книга служитъ пополненіемъ и поясненіемъ первой. Въ нее входятъ — многочисленныя наставленія о молитвѣ древнихъ св. отцовъ Церкви, полный русскій переводъ писаній о молитвѣ Іисусовой старца Поляномерульскаго скита схимонаха Василія и старца Нямецкаго монастыря схиархимандрита Паисія, наставленія преп. Серафима Саровскаго, Епископа Ѳеофана, Епископа Игнатія, Оптинскихъ и Валаамскихъ старцевъ, о. Іоанна Кронштадтскаго, и даются отвѣты на возникающіе недоумѣнные вопросы свѣтскихъ людей о молитвенномъ дѣланіи.

Валаамъ. 24 апрѣля 1938 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли кто рѣшится утверждать, что въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ нѣтъ расположенія къ религіозной жизни. Храмы по праздникамъ почти всегда полны, да и по буднямъ почти всегда бываютъ молящіеся. Умѣютъ молиться горячо. Исповѣдуются искренно, горячо, со слезами. Нѣкоторые часто причащаются. Интересуются религіозными вопросами. Большинство горячо стоитъ за строгое православіе и осуждаетъ всякія »ереси» и »новшества». Интересуются духовной литературой, жалуются на недостатокъ духовнаго чтенія, и со вниманіемъ слѣдятъ за вновь выходящими духовными книгами; посѣщаютъ духовныя лекціи и бесѣды, ходятъ на »акафисты»; очень любятъ посѣщать св. обители и вспоминаютъ о нихъ; многіе считаютъ долгомъ посѣщать больныхъ въ госпиталяхъ и помогать имъ, чѣмъ могутъ; другіе посѣщаютъ бѣдныхъ. собираютъ для нихъ пожертвованія деньгами и вещами; въ каждомъ номерѣ газеты можно найти фамиліи или инициалы жертвователей на больныхъ и нуждающихся; ни одинъ призывъ не остается безъ отвѣта, всякая заявленная нужда сейчасъ же находитъ усердный откликъ. Многіе работаютъ для дѣтей, въ колоніяхъ, въ лагеряхъ и т. д.

Однако, наряду съ этимъ, мы видимъ въ томъ же обществѣ явленія другого порядка — домашнія неурядицы, сплетни, злословіе, осужденіе, вражду, злобу, ненависть, гордость, тщеславіе и т. д.; утромъ горячо молятся въ церкви, по выходѣ изъ храма злословятъ, осуждаютъ, раздражаются, ссорятся, обманываютъ; вечеромъ отправляются въ кино, или еще куда; сегодня каются и плачутъ на исповѣди, завтра снова злобствуютъ, ненавидятъ, лгутъ, клевещутъ.

Не говоримъ уже о разныхъ еще болѣе темныхъ сторонахъ личной, семейной и общественной жизни. Происходитъ какая-то черезполосица, какая-то неупорядоченность въ нашей духовной и внѣшней жизни; религіозное, христіанское начало не является руководящимъ двигателемъ жизни, а составляетъ лишь одно изъ явленій этой жизни, наряду съ различными другими, даже темными и предосудительными, явленіями. Есть *бытъ*, въ которомъ, несомнѣнно, извѣстное мѣсто занимаетъ религіозная сторона, но нѣтъ христіанской *жизни*, какъ планомѣрно осуществляемой *христіанской задачи*, какъ христіанскаго отвѣтственнаго служенія Богу. Отъ такого двойственнаго характера жизни предостерегаетъ Господь Іисусъ Христосъ, когда говоритъ: »Не можете Богу работати и мамонѣ» (Мо. 6: 24), а у насъ эта работа Богу и мамонѣ является обычнымъ и привычнымъ явленіемъ нашей жизни. Какъ относиться къ этому явленію? Нужно ли признать его неизбѣжною принадлежностью человѣческой жизни и примириться съ нимъ, или же надо видѣть въ немъ зло нашей жизни, съ которымъ надо бороться? Но если бороться, то какъ? Проповѣдей у насъ говорятъ много, имѣются и книги духовнаго содержанія, дѣтей учатъ съ раннихъ лѣтъ и молитвамъ, и закону Божію, но какъ-то все это мало вліяетъ. Можетъ быть, и вліяетъ, но перемѣны не видно. Церковь, несомнѣнно, обладаетъ благодатными средствами благотворнаго вліянія на человѣческую душу, и эти средства оказываютъ свое дѣйствіе — домашняя молитва, чтеніе слова Божія, посѣщеніе церковныхъ службъ и св. мѣстъ и особенно принятіе св. таинствъ, исповѣди и причащенія св. Христовыхъ Таинъ, оставляютъ глубокій и благотворный слѣдъ въ душахъ вѣрующихъ. Но у Церкви имѣется и еще одно благодатное средство вліянія на человѣческую душу, на которое мало кто изъ свѣтскихъ людей обращаетъ вниманіе, но которое имѣетъ ту драгоцѣнную особенность, что оно всегда находится въ распоряженіи человѣка, желающаго имъ пользоваться, и дома, и въ храмѣ, и на пути, и за работой. Это средство заключается

во внутреннемъ, молитвенномъ и покаянномъ призываніи имени Господа Іисуса Христа. Призываемое съ вѣрою, это имя имѣетъ великую спасительную силу. О немъ сказано, что Богъ »далъ Ему *имя* выше всякаго имени, дабы предъ *именемъ* Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ» (Фил. 2: 9, 10) »Всякій, кто призоветъ *имя* Господне, спасется (Дѣян. 2: 21). »Нѣтъ другого *имени* подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись» (Дѣян. 4: 12).

Сущность призыванія имени Іисуса Христа заключается не въ произнесенія только словъ, а въ постоянномъ молитвенномъ вспоминаніи Іисуса Христа, въ постоянномъ молитвенномъ къ Нему обращеніи, для каковаго молитвеннаго обращенія самыя слова молитвы Іисусовой: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго (грѣшную)» являются лишь внѣшнимъ выраженіемъ заключающейся въ нихъ мысли и чувства. Молитва Іисусова, постоянно творимая, сближаетъ, сродняетъ и соединяетъ произносящаго ее съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и эта постоянная молитвенная память о Христѣ Спасителѣ становится какъ бы стражемъ нашей внутренней жизни, нашихъ мыслей и нашихъ чувствъ, не позволяющимъ водворяться въ душѣ нашей ничему нечистому и недостойному. Вниманіе, пріучаемое всегда быть съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, помогаетъ преодолѣвать блужданіе и разсѣяніе мыслей, очищаетъ мысль отъ назойливыхъ праздныхъ помысловъ, охраняетъ сердце отъ нечистыхъ движеній, водворяетъ внутри насъ чистоту и благочиніе мыслей и чувствованій, укрѣпляетъ вѣру и молитву. Это внутреннее упорядоченіе души отражается на всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ человѣка, на его рѣчахъ и на его поступкахъ. Мы приводимъ въ эпиграфѣ замѣчательныя слова св. Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, ученика св. Григорія Богослова: »Если внутри сердца не сотворитъ человѣкъ волю Божію и не сохранитъ заповѣди Его, то онъ и во-внѣ не сможетъ этого сдѣлать». Эти слова ясно показываютъ, въ чемъ заключается зло нашей религіозной жизни и какъ нужно съ нимъ

бороться. Зло заключается въ нашей внутренней безпорядочности и недисциплинированности. Если мы не овладѣемъ своимъ сердцемъ и своими мыслями, не создадимъ единства и благочинія внутри себя, то не создадимъ ихъ и въ нашихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ, важнѣйшемъ дѣлѣ нашей религіозной жизни, незамѣнимую помощь можетъ намъ оказать священная Іисусова молитва, или, лучше сказать, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ этой молитвѣ нами призываемый и чрезъ нее становящійся намъ близкимъ, постояннымъ обитателемъ нашего сердца.

Но какъ-же научиться Іисусовой молитвѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и служитъ предлагаемая книга, дающая сводку того, что говорили и писали о молитвѣ Іисусовой и вообще о внутреннемъ дѣланіи Святые Отцы и подвижники Православной Церкви.

Мы сейчасъ кратко скажемъ объ этомъ молитвенномъ дѣланіи лишь нѣсколько предварительныхъ словъ. Къ молитвѣ Іисусовой надо приступать съ благоговѣніемъ и съ покаяннымъ духомъ, и совершать ее со вниманіемъ, неспѣшно, и съ великою простотою, не усиливаясь выжимать изъ своего сердца никакихъ особенныхъ чувствъ. Молитва называется *устною*, когда она произносится словами, гласно или безгласно. Такъ она можетъ произноситься и устами, и внутри персей и внутри сердца. Молитва называется *умною*, когда съ нею неразрывно соединяется вниманіе ума, и *сердечною* или умно-сердечною, когда начинаетъ твориться въ сердцѣ. При совершеніи Іисусовой молитвы не такъ важно количество, какъ качество молитвы. Но все же слѣдуетъ назначить себѣ на каждый день опредѣленное число молитвъ, какъ постоянное правило, чтобы не было мѣста произволу и случайности. Проходящій Іисусову молитву долженъ помнить, что онъ этимъ самымъ становится въ особенную близость къ Господу, и съ этимъ своимъ особымъ положеніемъ долженъ согласовать свою жизнь — воздерживаться отъ всего, что недостойно его положенія, и дѣлать все возможное, что ему соотвѣтствуетъ. Ставши въ такое положеніе, необходимо терпѣливо совершать свой молит-

венный трудъ, предоставивъ себя всецѣло Господу, и не мечтая ни о какихъ высокихъ достиженіяхъ, но всегда считая себя рабомъ непотребнымъ. Вотъ, вкратцѣ, вся сущность Іисусовой молитвы.

Начинать надо съ устной молитвы, которая при благоговѣйномъ, въ сокрушеніи сердца, и неспѣшномъ ея произношеніи сама собою переходитъ въ умную, а умная въ сердечную. Постепенно она овладѣваетъ душею и вноситъ въ нее состояніе мира, спокойствія, тишины, чистоты, порядка и радости, и постояннаго внутренняго предстоянія Господу.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась въ печати увлекательно написанная книга: »Откровенные разсказы странника», въ которой онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ научился Іисусовой молитвѣ, многіе свѣтскіе люди съ увлеченіемъ набросились на эту книгу, и всюду шли разговоры о молитвѣ Іисусовой. Прошло немного времени, и разговоры стихли. Объ Іисусовой молитвѣ какъ будто забыли. Можетъ быть, и не забыли, но увидѣли, что дѣланіе Іисусовой молитвы не такъ легко дается, какъ это показалось сразу. А главное, оно требуетъ терпѣнія, смиренія и времени. А на это не у всѣхъ хватаетъ постоянства и возможности. Правда, и тотъ путь, которымъ шелъ странникъ, нельзя назвать общимъ путемъ. Это — его личный, индивидуальный путь, осуществимый при его особомъ странническомъ положеніи. Не каждый, по условіямъ своей жизни, можетъ совершать въ день по три, по шести, по двѣнадцати тысячъ Іисусовыхъ молитвъ. Не каждый можетъ примѣнить къ себѣ и тѣ способы сведенія ума въ сердце, какіе рекомендовались отцами- подвижниками аѳонскимъ отшельникамъ въ 14 или 15 вѣкѣ. Но все это и не обязательно нужно, какъ учатъ болѣе близкіе къ намъ дѣлатели и наставники Іисусовой молитвы — Епископы Ѳеофанъ-Затворникъ, Игнатій Брянчаниновъ, или Преподобный Серафимъ Саровскій и другіе. Іисусовой молитвѣ можно обучаться гораздо проще и удобнѣе, какъ это видно изъ наставленій этихъ подвижниковъ.

Мы придали настоящей книгѣ форму бесѣды между ино-

комъ-старцемъ и мірскимъ іереемъ, имѣя въ виду, что эта форма, во первыхъ, оживляетъ разсказъ, а во вторыхъ, даетъ возможность удобнѣе освѣтить тотъ или иной вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Книга оказалась значительно больше по размѣрамъ, чѣмъ предполагалось. Это произошло отъ того, что составителямъ трудно было удержаться отъ желанія исчерпать съ возможною полнотою цѣнныя наставленія о молитвѣ Святыхъ Отцовъ и подвижниковъ Православной Церкви, какъ древняго, такъ и новаго времени.

Дай Богъ, чтобы книга, при всѣхъ недостаткахъ своего изложенія, принесла пользу читателямъ, ищущимъ спасенія и внутренняго упорядоченія своей духовной жизни!

Валаамъ, 25 марта 1838 г.

»Не можете Богу работати и мамонѣ». *Мѳ VI: 24.*

»Отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая человѣка». *Мѳ XV: 19, 20.*

»Если внутри сердца не сотворитъ человѣкъ волю Божію, и не сохранитъ заповѣдей Его, то онъ и во-внѣ не сможетъ этого сдѣлать». *Св. Исихій Іерусалимскій.*

»Нужно имѣть глубокое чувство опасности своего положенія и опасности крайней, отъ коей нѣтъ иного спасенія, какъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ». *Еп. Ѳеофанъ.*

»Двѣ силы, совершенно противоположныя между собою, вліяютъ на меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Какъ духовныя силы, обѣ онѣ невидимы. Добрая сила, по свободной и искренней молитвѣ моей, всегда прогоняетъ силу злую, и сила злая сильна только зломъ, во мнѣ скрывающимся. Чтобы не терпѣть непрерывныхъ стуженій злого духа, надо постоянно имѣть въ сердцѣ Іисусову молитву: Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя. Противъ невидимаго (діавола) — невидимый Богъ, противъ крѣпкаго — Крѣпчайшій». *Протоіерей І. Сергіевъ (Кронштадтскій).*

»Передать дѣло словомъ простымъ всякому по силамъ и удобно. Такъ, скажемъ для примѣра, всякому легко сказать, что хлѣбъ приготовленъ изъ пшеницы; но, чтобы подробно описать его приготовленіе, не у всякаго достанетъ знанія, и могутъ сдѣлать сіе только люди опытные. Подобно сему сказать просто о безстрастіи и совершенствѣ не трудно и удобно, но дознать дѣло опытомъ значитъ то же, что самымъ дѣломъ и на самой истинѣ постигнуть, какъ пріобрѣтается совершенство». *Св. Макарій Великій.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

Инокъ. Я очень радъ вашему пріѣзду, дорогой батюшка, въ нашу святую обитель. Надѣюсь, что вы поживете у насъ подольше, и мы будемъ имѣть возможность часто видѣться съ вами и бесѣдовать.

Іерей. Да, я тоже очень счастливъ, что Господь привелъ меня къ вамъ. Для насъ, мірскихъ священниковъ, чрезвычайно важно посѣщать отъ времени до времени святыя обители, и здѣсь, въ тишинѣ, уединеніи и молитвѣ приводить въ порядокъ свою утомленную душу. Вы не можете представить себѣ, до какой степени душа опустошается и вывѣтривается въ повседневной мірской суетѣ.

И. Мнѣ странно слышать отъ васъ эти слова! Вы — іерей Божій, и вдругъ говорите объ опустошеніи вашей души! Вы такъ часто стоите у Престола Божія, молитесь, причащаетесь св. Таинъ Христовыхъ! Вѣдь это же неизсякаемый источникъ благодатной жизни и духовнаго укрѣпленія и утѣшенія!

І. Совершенно вѣрно, батюшка! Частое богослуженіе, молитва и причащеніе св. Христовыхъ Таинъ являются источникомъ благодатной жизни и духовной крѣпости. И тѣмъ не менѣе печальный фактъ на лицо. Отчасти по нашей собственной небрежности и невниманію, отчасти по озабоченности разными неизбѣжными внѣшними дѣлами, наша молитва нерѣдко бываетъ разсѣянной и слабой, мысли разбѣгаются и блуждаютъ, сердце становится холоднымъ. Мало по малу опускаешься, привыкаешь къ формальному исполненію своихъ обязанностей, и теряешь то сосредоточенное и благоговѣйное внутреннее чувство, тотъ страхъ Божій, который долженъ быть главнымъ настроеніемъ души не только пастыря, но и каждаго вѣрующаго христіанина.

Казалось бы, весь окружающій насъ міръ Божій долженъ былъ бы всегда нами восприниматься, какъ одинъ великій необъятный храмъ Божій, въ которомъ всегда присутствуетъ Самъ Господь, его Творецъ и Промыслитель. И созерцая въ мірѣ Его славу и величіе, и отъ этого созерцанія проникаясь чувствомъ глубокаго благоговѣнія, мы должны были бы и нашу земную жизнь, и всѣ наши земныя дѣла разсматривать и устраивать въ свѣтѣ этого благоговѣйнаго чувства, подчиняя временное вѣчному, и земное небесному.

Въ дѣйствительности, происходитъ не то. Мы совершенно забываемъ, что надъ нами есть Богъ, и всецѣло поглощаемся своими преходящими дѣлами, общественными, государственными, а иногда и просто своими мелкими житейскими дрязгами, сплетнями, своими страстями, до такой степени, что слова о вѣчности, о будущей жизни не находятъ отклика въ нашей душѣ, какъ будто совершенно не относящіяся къ нашей земной жизни и къ нашимъ земнымъ дѣламъ.

Другое отношеніе къ жизни, совершенно противоположное, мы видимъ въ монастыряхъ. Конечно, и тамъ живутъ не одни святые, а такіе же грѣшные и слабые люди, и тамъ людей волнуютъ страсти и житейскія заботы, но тамъ все это идетъ по другому. Тамъ всегда чувствуютъ себя живущими предъ лицемъ Божіимъ, въ ожиданіи неизбѣжнаго перехода отъ временнаго къ вѣчному бытію, и предстоящаго, неизбѣжнаго и праведнаго суда Божія и воздаянія за каждое дѣйствіе, за каждое слово и за каждую мысль, и это чувство, которымъ пропитана монастырская жизнь, придаетъ этой жизни особый возвышенный и свѣтлый характеръ всегдашняго предстоянія предъ лицемъ Божіимъ, каковое чувство міръ почти утратилъ. Эта особенность монастырской жизни чувствуется мірянами, чувствуется ими какъ то именно, чего имъ самимъ не хватаетъ, безъ чего они духовно задыхаются. Вотъ почему такъ и тянется міръ къ монастырю, чтобы хотя нѣкоторое время пожить въ этомъ чистомъ и освѣжающемъ воздухѣ живого предстоянія предъ лицемъ Божіимъ, и вернуться потомъ въ свою обычную, жи-

тейскую суету духовно обновленнымъ, ожившимъ, окрѣпшимъ и какъ бы помолодѣвшимъ. И что особенно дорого и знаменательно, — это освѣжающее и спасительное значеніе монастырей чувствуютъ не только взрослые, но и молодежь, которая тоже тянется сюда и, пріѣхавъ сюда даже на короткое время, уѣзжаетъ отсюда обновленною и духовно окрѣпшею и просвѣтленною. Великое за это спасибо святымъ обителямъ! Поэтому, батюшка, не удивляйтесь тому, что и я, іерей Божій и пастырь, много лѣтъ прослуживший Господу, пріѣхалъ къ вамъ въ обитель искать отдыха своей усталой душѣ и оживленія ослабѣвшихъ чувствъ страха Божія, вѣры, молитвы и покаянія, съ угасаніемъ которыхъ душа тоскуетъ, задыхается и умираетъ.

Впрочемъ, есть у меня еще и особая, спеціальная причина, заставившая меня пріѣхать къ вамъ. Вамъ, конечно, извѣстна недавно изданная Валаамской обителью книга: »Сборникъ о молитвѣ Іисусовой». Эта книга привлекла къ себѣ вниманіе и печати, и читателей. Всѣ отзываются о ней съ большою похвалою, и отъ всего сердца благодарятъ потрудившихся въ ея составленіи и изданіи.

Такое широкое сочувствіе и вниманіе къ этой книгѣ вызвано, какъ мнѣ кажется, тѣмъ именно обстоятельствомъ, о которомъ я только что говорилъ. Она прозвучала среди мірянъ, какъ сладостный церковный благовѣстъ, какъ голосъ изъ другаго, далекаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ близкаго и родного міра. Она явилась нѣкоторымъ проникновеніемъ въ нашу суетную, мірскую жизнь монастырскаго, или лучше сказать, подлинно-православнаго пониманія жизни, какъ молитвеннаго и покаяннаго предстоянія предъ лицемъ Божіимъ. Въ простой и безыскусственной формѣ выписокъ изъ прочитанныхъ духовныхъ книгъ — поставленъ передъ мірянами вопросъ огромнаго значенія и важности — о *молитвѣ*, какъ основаніи и сущности христіанской жизни. Молитва поставляется *центромъ* христіанской жизни. Гдѣ нѣтъ молитвы, тамъ нѣтъ и христіанской жизни. Истина, повидимому, ясная и безспорная, но столь многими совершенно забываемая и исключаемая изъ повседневнаго оби-

хода. А между тѣмъ для иныхъ этотъ вопросъ о молитвѣ является больнымъ и мучительнымъ вопросомъ. Есть жажда молитвы, но нѣтъ привычки и умѣнья молиться. Читаемыя по молитвеннику молитвы не находятъ отклика въ опустѣвшемъ сердцѣ и, произносимыя устами, не прививаются къ сердцу, которое остается холоднымъ и безмолвнымъ. Появившаяся книга, разъясняя сущность и важность молитвы, помогаетъ выйти изъ этого нездороваго и мучительнаго состоянія. Въ этомъ заключается ея цѣнность и значеніе. Какъ и другіе, я прочиталъ эту книгу съ большимъ интересомъ, пользою и утѣшеніемъ. Но, привлекая къ молитвѣ, эта книга вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ въ душѣ цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ молитвѣ Іисусовой, къ ея сущности, значенію, необходимости и къ ея прохожденію на практикѣ. Хотя я и священникъ, но долженъ сознаться, что я не принадлежу къ числу дѣлателей Іисусовой молитвы. Я являюсь въ этомъ отношеніи совершеннѣйшимъ, можно сказать, невѣждою. Вотъ я и пріѣхалъ сюда, чтобы, сознавшись въ своемъ невѣжествѣ, искать здѣсь разъясненія вопроса о молитвѣ Іисусовой во всей его возможной полнотѣ. Я буду вамъ глубоко благодаренъ, если вы окажете мнѣ помощь въ этомъ дѣлѣ.

И. То, что вы говорили о различномъ отношеніи къ жизни, существующемъ въ мірѣ и въ монастырѣ, я выслушалъ съ большимъ вниманіемъ, и, если это дѣйствительно такъ, то надъ этимъ нельзя не задуматься. Вопросъ этотъ большой и серьезный и отмѣчаетъ опасную болѣзнь нашего времени. Что же касается вопроса о молитвѣ, и объ Іисусовой молитвѣ въ частности, то нужно сказать, что этотъ вопросъ, какъ и вообще вопросъ о христіанской жизни, недостаточно разъяснять одними только теоретическими бесѣдами. Въ глубочайшей своей основѣ и въ своей сущности христіанство познается, главнымъ образомъ, постепенно пріобрѣтаемымъ опытомъ христіанской жизни и духовно возрастающаго ума и сердца. Чтобы познать христіанскую жизнь, а не одинъ только ея внѣшнія формы и проявленія, и чтобы не ограничиваться однимъ только тео-

ретическимъ, формальнымъ знаніемъ христіанскихъ истинъ, необходимо познавать христіанство путемъ жизненнаго, опытнаго, трудового духовнаго подвига, медленно восходя съ одной ступени христіанской жизни на другую, высшую. Возьмемъ тотъ же, поставленный вами вопросъ о молитвѣ. Можно имѣть о молитвѣ самыя полныя, исчерпывающія теоретическія познанія, дать самое точное опредѣленіе молитвы, указать, у какого церковнаго писателя какое имѣется ученіе о молитвѣ, и какія даются наставленія къ преуспѣянію въ молитвѣ, и при всѣхъ этихъ обширныхъ теоретическихъ познаніяхъ самому не умѣть молиться. Такъ теоретическое, разсудочное знаніе религіозной истины можетъ совершенно не совпадать съ его опытнымъ, жизненнымъ познаніемъ. Тоже самое можно сказать и о всѣхъ другихъ истинахъ христіанства, не исключая даже и самой основной истины бытія Божія. Сказанное относится и къ молитвѣ Іисусовой. Она познается не однимъ только внѣшнимъ изученіемъ, но опытнымъ дѣланіемъ. Для людей съ простымъ и вѣрующимъ сердцемъ пользованіе ею почти не представляетъ трудностей, почему церковный Уставъ для людей не книжныхъ даже рекомендуетъ замѣнять ею всѣ установленныя молитвенныя чиноположенія. Для людей же, неимѣющихъ простой, непосредственной вѣры, и живущихъ болѣе разсудочною и отвлеченною жизнію, дѣйствительно, не легко войти въ опытъ сердечнаго молитвеннаго дѣланія. Но не слѣдуетъ этимъ смущаться. Ибо все-же оно ни для кого не закрыто. На вопросъ о томъ, всѣмъ ли дается умная молитва, Оптинскій старецъ Леонидъ, въ схимѣ Левъ, отвѣчалъ: »Кого посѣтитъ Господь тяжкимъ испытаніемъ, скорбію, лишеніемъ возлюбленнаго изъ ближнихъ, тотъ и невольно помолится всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ, всѣмъ умомъ своимъ. Слѣдственно, источникъ молитвы у всякаго есть; но отверзается онъ или постепеннымъ углубленіемъ въ себя, по ученію св. Отцовъ, или мгновенно Божіимъ сверломъ» (Жизнеописаніе Оптинскаго старца іеросхимонаха Леонида. Изд. 1890 г. Стр. 178). Іисусова молитва, правильно проходимая практически,

по руководству св. Отцовъ и опытныхъ наставниковъ молитвеннаго дѣланія, является тѣмъ именно »постепеннымъ углубленіемъ человѣка въ себя», о которомъ говоритъ старецъ Леонидъ. Она помогаетъ открыться въ сердцѣ источнику живой, приснодвижущейся молитвы, которая, будучи единеніемъ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, становится на стражѣ человѣческаго сердца, противодѣйствуя всякому его нечистому движенію, сообщая ему глубокій миръ и духовную крѣпость, и черезъ то регулируя всю внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка. Въ этомъ и заключается значеніе молитвы Іисусовой въ духовной жизни христіанина.

Я не могу выдавать себя за опытнаго дѣлателя и наставника молитвы Іисусовой. Но я охотно подѣлюсь съ вами всѣмъ, что мнѣ извѣстно о ней изъ писаній св. Отцовъ и опытныхъ наставниковъ этой молитвы. И потому прошу васъ предлагать мнѣ ваши вопросы, и мы начнемъ нашу бесѣду объ Іисусовой молитвѣ.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

О томъ, что такое молитва Іисусова по своей формѣ и содержанію, о ея первомъ дѣлательномъ или трудовомъ періодѣ, о необходимыхъ условіяхъ ея правильнаго прохожденія и о ея плодахъ.

I. Ваши послѣднія слова, какъ будто, пріоткрываютъ тайну Іисусовой молитвы. Если эта молитва, какъ вы говорите, напечатлѣваетъ въ сердцѣ постоянную молитвенную память о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и соединяетъ съ Нимъ наше сердце, и становится какъ бы стражемъ сердца отъ всякихъ нечистыхъ и грѣховныхъ движеній, а черезъ это регулируетъ и всю жизнь христіанина, то вѣдь это и есть самое важное и необходимое въ дѣлѣ христіанской жизни. Самыя обширныя богословскія познанія, начитанность въ святоотеческой литературѣ и въ богослужебныхъ книгахъ, если все это остается достояніемъ только ума и памяти, и не доходитъ до глубины сердца, не управляетъ жизнью человѣка и всѣми его поступками, то все это остается мертвымъ и неиспользованнымъ сокровищемъ. И, конечно, въ этомъ случаѣ Іисусова молитва становится важнѣе и необходимѣе всѣхъ этихъ теоретическихъ знаній. Это соображеніе вызываетъ во мнѣ особенный интересъ къ этой молитвѣ. И я прошу васъ простить меня, если, предлагая вамъ свои вопросы, я буду говорить о вещахъ, повидимому, совершенно ясныхъ и удобопонятныхъ, не требующихъ никакого разъясненія и всѣмъ извѣстныхъ; но я буду это дѣлать единственно изъ-за того, чтобы въ столь важномъ и чрезвычайно интересномъ вопросѣ не упустить изъ вниманія ни одной мелочи, тѣмъ болѣе, что я уже предупредилъ васъ о своемъ крайнемъ невѣжествѣ въ этомъ вопросѣ

Итакъ, первый мой вопросъ заключается въ слѣдующемъ: какая надобность въ Іисусовой молитвѣ, когда Православная Церковь обладаетъ неисчислимымъ множествомъ молитвъ домашнихъ и церковныхъ, составленныхъ по внушенію Святаго Духа святыми по жизни и высокими по дарованіямъ пѣснописцами — Іоанномъ Дамаскинымъ, Косьмою Маюмскимъ, Романомъ Сладкопѣвцемъ, Андреемъ Критскимъ, Іосифомъ Пѣснописцемъ и другими, а также великими святыми Отцами — Василіемъ Великимъ, Іоанномъ Златоустымъ, Ефремомъ Сиринымъ и другими, и, кромѣ того, данныхъ намъ Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и Его Пречистою Матерію? Во всѣхъ этихъ молитвахъ, тропаряхъ, канонахъ, стихирахъ заключается такъ много глубокаго, трогательнаго и разнообразнаго содержанія, что въ нихъ можетъ найти свое выраженіе всякое человѣческое религіозное чувство, настроеніе, потребность, нужда, всякое горе и всякая радость, всякая мольба и всякая благодарность; онѣ могутъ всякую душу научить, вразумить, напитать, согрѣть, утѣшить, просвѣтить, одушевить, исправить и направить . . . Зачѣмъ же вмѣсто того, чтобы пользоваться всѣмъ этимъ разнообразнымъ духовнымъ церковнымъ богатствомъ ограничивать себя одною покаянною молитвою мытаря, какъ будто вся религіозная жизнь человѣка сводится къ одному только покаянію? Простите меня за мой, можетъ быть, наивный вопросъ, но не откажите дать ваше разъясненіе.

И. Что касается вашихъ словъ объ ограниченіи всѣхъ молитвъ одною покаянною молитвою мытаря, то если бы это и было такъ, въ этомъ не было бы ничего соблазнительнаго и противнаго Евангелію. Ибо — покаяніе лежитъ въ основаніи всей христіанской жизни. Кто научится покаянію, тотъ научится христіанской жизни. Іисусъ Христосъ началъ проповѣдь Свою проповѣдью покаянія. »Оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати, и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное» (Мѳ. 4: 17). Заповѣди блаженства, которыми Іисусъ Христосъ началъ Свою нагорную проповѣдь, ублажаютъ прежде всего смиренныхъ и плачущихъ.

Но сейчасъ рѣчь не объ этомъ. Вашъ вопросъ происходитъ отъ очевиднаго недоразумѣнія. Повидимому, вы полагаете, что Іисусовой молитвой предлагается замѣнить всѣ существующія домашнія и церковныя молитвословія и пѣснопѣнія.

Совсѣмъ нѣтъ. На это никто не дерзаетъ. Все, существующее въ Церкви, имѣетъ Божественное происхожденіе, установлено для нашего спасенія, и никакой отмѣнѣ не можетъ подлежать! Іисусова молитва ничего не отмѣняетъ, и имѣетъ своею цѣлью только вспомоществовать тому же дѣлу спасенія, которому служитъ все въ Церкви Христовой. »Не думай, пишетъ одинъ изъ дѣлателей и наставниковъ Іисусовой молитвы, что заставляя обучаться умному дѣланію, св. Отцы наносятъ ущербъ псалмамъ и канонамъ. Да не будетъ этого! Ибо все это дано Церкви Духомъ Святымъ. И всѣ ея священнодѣйствія заключаютъ въ себѣ все таинство домостроительства Бога-Слова до самаго второго Его пришествія, а также и нашего воскресенія. И нѣтъ въ церковныхъ установленіяхъ ничего человѣческаго, но все является дѣйствіемъ Божественной благодати, не возрастающимъ отъ нашихъ достоинствъ, не умаляющимся отъ нашихъ грѣховъ» (Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго. Изд. 1847 г. Стр. 107).

»Церковь Христова, пишетъ другой дѣлатель Іисусовой молитвы, назданная на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу» (Ефес. 2: 20), имѣетъ стоять непоколебимо до скончанія вѣка на своемъ вѣчномъ основаніи, которое есть Іисусъ Христосъ. Все въ ней, учрежденное Духомъ Святымъ, должно быть исполняемо нами безпрекословно, какъ дѣло Божіе, установленное нашего ради спасенія». Итакъ, рѣчь идетъ не объ отмѣнѣ или замѣнѣ какихъ либо церковныхъ установленій, а объ особомъ вспомогательномъ молитвенномъ дѣланіи, которое, содѣйствуя установленію и укрѣпленію внутренняго, сердечнаго, молитвеннаго единенія съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, не только не мѣшаетъ домашней или церковной нашей молитвѣ, но еще и помогаетъ ей быть болѣе сосредоточенной, углубленной и дѣйственной. То правда, что не-

знающимъ грамоты церковный Уставъ предлагаетъ замѣнять недоступныя имъ молитвословія Іисусовой молитвою, но это вызывается очевидной необходимостью, невозможностью для нихъ пользоваться богослужебными книгами.

Пустынники и отшельники замѣняютъ молитвою Іисусовою церковное богослуженіе отчасти по этой же причинѣ, отчасти по характеру своего особеннаго духовнаго подвига.

І. Благодарю васъ за это разъясненіе. Не откажите еще дать точное опредѣленіе, что вы называете Іисусовой молитвой? Вѣдь каждая молитва, обращенная къ Господу Іисусу Христу, можетъ быть названа Іисусовой молитвой, и такихъ молитвъ очень много. Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ нужно правильно произносить Іисусову молитву?

И. Молитвою Іисусовою мы называемъ не иное что, какъ благоговѣйное призываніе спасительнаго имени Господа нашего Іисуса Христа — во всякое время, при всякомъ занятіи и на всякомъ мѣстѣ. Выражается эта молитва обычно слѣдующими словами: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго (или грѣшную)». Короче можно сказать такъ: »Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя» (грѣшнаго или грѣшную). Въ этой своей формѣ она какъ разъ соотвѣтствуетъ словамъ св. Апостола Павла: »Хощу пять словесъ умомъ моимъ рещи, нежели тьму языкомъ» (1 Кор. 14: 19). Можно сказать и еще короче: »Господи, помилуй!»

І. Чѣмъ объясняется то, что съ молитвою о помилованіи мы обращаемся не къ Пресвятой Троицѣ, не къ Богу — Отцу, и не къ Святому Духу, а къ Сыну Божію?

И. Вамъ, конечно, извѣстно, что мы обращаемся съ молитвами къ Пресвятой Троицѣ («Пресвятая Троице, помилуй насъ . . .»), и къ Богу Отцу («Отче нашъ») и къ Св. Духу («Царю Небесный»). Но въ данномъ случаѣ мы обращаемся къ Сыну Божію. Причина этому понятна. Мы обращаемся къ Сыну Божію не потому, конечно, чтобы Сынъ Божій преимуществовалъ въ тройческомъ единствѣ Божества, но потому, что Онъ стяжалъ насъ Богу и Отцу Честною Своею Кровію и есть нашъ Спаситель и Примиритель съ Божественною правдою.

Онъ принялъ въ Свою божественную личность наше естество, искупилъ насъ отъ грѣховъ нашихъ Своею жизнью, смертью и воскресеніемъ; понесъ за насъ наказаніе, которое неотложно лежало на насъ за наши грѣхи — прародительскіе и свои личные. И потому, по всей справедливости, мы и должны молиться Ему, какъ нашему Спасителю. Онъ есть нашъ Посредникъ, Ходатай и Примиритель; только Имъ и черезъ Него наши молитвы получаютъ свою силу, и мы имѣемъ доступъ къ Отцу Небесному: »Аще что просите отъ Отца во имя Мое — дастъ вамъ» (Іоан. 14: 13).

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что и всякая другая молитва, обращенная къ Господу Іисусу Христу, составленная св. Отцами, богодухновенна, божественна и причастна благодатной силы, по мѣрѣ нашего должнаго къ ней отношенія; но при своей, большей или меньшей, многосложности, не имѣетъ той легкой удобности, чтобы можно было читать ее постоянно, во всякое время, при всякомъ занятіи, на всякомъ мѣстѣ. Однако, при всей своей краткости и простотѣ, молитва Іисусова заключаетъ въ себѣ все, что принадлежитъ Сыну Божію, какъ по домостроительству нашего спасенія, такъ и по Его Божественному Ипостасному состоянію. Исповѣдуя Его Господомъ и Сыномъ Божіимъ, мы признаемъ Его истиннымъ Богомъ, единосущнымъ Отцу и Святому Духу; а называя Его Іисусомъ Христомъ и прося »помилуй насъ», исповѣдуемъ таинство домостроительства, которое было благоугодно Ему совершить насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія; мы признаемъ Его своимъ Спасителемъ, Который только одинъ и можетъ спасти насъ. А въ этомъ, какъ извѣстно, и состоитъ вся сущность нашей христіанской вѣры, Евангелія и всего Христова ученія. Св. Іоаннъ Богословъ, оканчивая свое Евангеліе говоритъ: »Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и да вѣрующе животъ имате во имя Его» (Іоан. 20: 31). Словомъ — молитва Іисусова соединяетъ насъ съ Сыномъ Божіимъ ближайшимъ образомъ, въ Немъ дѣлаетъ насъ причастными вѣчной жизни. По слову того-же Апостола: »Въ Томъ животъ бѣ» (Іоан. 1: 4).

І. Ваши слова дали мнѣ вполнѣ достаточныя предварительныя разъясненія о молитвѣ Іисусовой, и теперь мы можемъ перейти къ главному вопросу: о значеніи молитвы Іисусовой въ духовной жизни христіанина, и о томъ, какъ надо проходить эту молитву.

И. Мы уже отчасти коснулись этого вопроса. Теперь съ Божіею помощію приступимъ къ болѣе глубокому и подробному его разсмотрѣнію. Наша молитва можетъ быть троякаго рода. Постигаетъ насъ какая нибудь бѣда, болѣзнь, тяжкое горе, или трудныя житейскія обстоятельства, изъ которыхъ мы не видимъ благополучнаго выхода, и тогда наша душа, даже у людей равнодушныхъ къ религіи, сама собою раскрывается для горячей молитвы къ Богу о помощи. Или придетъ къ намъ неожиданная радость, произойдетъ благопріятный поворотъ въ болѣзни дорогого существа, откроется выходъ изъ безвыходнаго, казалось, положенія, и сердце наше снова само собою загорается благодарною молитвою къ Господу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ молитва вспыхиваетъ въ душѣ нашей *непроизвольно*, и бываетъ искренней и горячей. Это одинъ видъ нашей молитвы. Но проходитъ моментъ, вызвавшій горячій молитвенный порывъ нашего сердца, и мы можемъ снова погрузиться въ обычное наше безразличіе и равнодушіе къ молитвѣ.

Есть другая молитва, совершаемая въ опредѣленномъ порядкѣ и постоянная. Утромъ и вечеромъ мы совершаемъ установленное молитвенное правило, читаемъ молитву передъ принятіемъ и послѣ принятія пищи, въ праздничные дни посѣщаемъ церковное богослуженіе.

Мы дѣлаемъ это или потому, что находимъ въ этомъ религіозное удовлетвореніе, или по чувству долга, или по обычаю и привычкѣ. Выполняя свою молитву, мы иногда переживаемъ тѣ религіозныя чувства и настроенія, о которыхъ говорится въ читаемой или слушаемой молитвѣ, а иногда остаемся совершенно безучастными и невнимательными, погруженными въ свои собственныя мысли. Вамъ, конечно, извѣстно, какъ мало бываетъ иногда связана эта

наша домашняя и церковняя молитва съ нашимъ образомъ жизни, съ нашими вкусами, привычками, даже съ нашимъ образомъ мыслей.

Прочитавъ, не всегда внимательно, наши утреннія или вечернія молитвы, отстоявъ всенощную или литургію, мы считаемъ, что выполнили свой долгъ передъ Богомъ, »воздали Божіе Богови», и теперь можемъ со спокойнымъ сердцемъ, уже не вспоминая о Богѣ, всецѣло отдаваться своимъ житейскимъ дѣламъ и заботамъ, пустымъ разговорамъ, пересудамъ, сплетнямъ и развлеченіямъ, не думая о соотвѣтствіи нашей жизни волѣ Божіей. Такимъ образомъ, между молитвою и жизнью не получается взаимной связи. Между ними существуетъ какое то разъединеніе. Молитва не только не вліяетъ на нашу жизнь, не только не руководитъ ею, но мы даже склонны думать, что такого вліянія и такого руководства и не должно быть, иначе жизнь станетъ очень скучной, если мы все время будемъ думать о Богѣ. Однако, такой разрывъ между молитвою и жизнью совсѣмъ не соотвѣтствуетъ духу христіанства. Христіанство требуетъ единства и цѣльности вѣры и жизни. У насъ же выходитъ, что то, *что* мы получаемъ (если только получаемъ) въ нашей домашней и церковной молитвѣ, мы растрачиваемъ нашимъ образомъ жизни и нашими привычками. И отъ этого мы не видимъ въ себѣ никакого духовнаго плода, никакого духовнаго роста, никакого успѣха и улучшенія въ нашей духовной жизни, да и самая молитва превращается въ формальное, скучное занятіе.

I. То, что вы говорите, совершенно вѣрно, и является большимъ зломъ въ нашей мірской жизни, и я, какъ мірской священникъ, могу подтвердить справедливость вашихъ словъ. Я даже скажу больше — мы сами, пастыри, нерѣдко погрѣшаемъ этимъ раздѣленіемъ жизни на двѣ половины — духовную и свѣтскую, другими словами, служимъ одновременно и Богу, и мамонѣ. Но какой же выходъ изъ этого положенія?

И. Выходъ есть. Онъ заключается въ слѣдующемъ: нужно, чтобы въ нашемъ сердцѣ образовался нѣкоторый

постоянный духовный молитвенный союзъ съ Богомъ, установилось наше неразрывное молитвенное единеніе съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и оттуда, изъ сердца, исходила бы двигающая сила, направляющая всю нашу внутреннюю и внѣшнюю жизнь согласно духу и заповѣдямъ св. Евангелія.

І. Но какъ же создать въ нашемъ сердцѣ такой, какъ вы говорите, союзъ съ Господомъ, или постоянное молитвенное сопребываніе съ Нимъ?

И. На этотъ вопросъ Церковь отвѣчаетъ своимъ ученіемъ объ Іисусовой молитвѣ, умомъ въ сердцѣ совершаемой. Наша общая печальная ошибка заключается въ томъ, что мы не пользуемся молитвою, какъ постоянною духовною силою, направляющею нашу духовную жизнь. Это я говорю не только объ Іисусовой, но и о всякой другой нашей молитвѣ. Мы смотримъ на молитву лишь какъ на извѣстную дань Богу. Уплатилъ эту дань, прочиталъ или выслушалъ положенныя молитвы, значитъ, выполнилъ все, что отъ меня требуется. Я могу теперь жить и дѣлать, что угодно. Придетъ постъ, покаюсь, и опять за прежнее. Мы не смотримъ на молитву, какъ на нашу постоянную спутницу и сотрудницу въ правильномъ ходѣ нашей внутренней и внѣшней христіанской жизни, не смотримъ, конечно, потому что у насъ нѣтъ и заботы объ устроеніи нашей жизни по-христіански. Для того-же, чтобы наша жизнь была устроена по-христіански, необходимо, чтобы прежде всего наше сердце было устроено по-христіански, ибо изъ него идутъ истоки нашей духовной жизни. Достигнуть этого правильнаго устроенія сердца и помогаетъ намъ Іисусова молитва, которая, укореняясь въ сердцѣ, начинаетъ управлять оттуда всею нашею жизнью. Здѣсь-то и открывается третій видъ молитвы, какъ *постояннаго внутренняго молитвеннаго дѣланія*, имѣющаго цѣлью, при помощи Божіей, привести къ напечатлѣнію въ сердцѣ постоянной молитвенной памяти о Господѣ Іисусѣ Христѣ, при помощи которой преодолѣваются нечистыя движенія сердца и утверждается въ сердцѣ правильная духовная

христіанская жизнь. Это значеніе Іисусовой молитвы не есть что либо новое — оно во всѣ времена сознавалось въ Православной Церкви.

И хотя всѣ наши молитвы могутъ имѣть такое же значеніе, какъ Іисусова молитва, но не съ такимъ удобствомъ. Іисусова же молитва, въ виду ея краткости и возможности пользоваться ею при всякомъ занятіи, во всякомъ мѣстѣ и во всякое время, а также и въ виду самаго ея содержанія, имѣетъ въ этомъ отношеніи особенное преимущество. Употребленіе ея освящено самимъ Евангеліемъ: вспомните жену-хананеянку, слѣпцовъ іерихонскихъ и др. случаи. И потому она во всѣ времена и повсюду употреблялась въ Православной Церкви для этой цѣли, и рекомендовалась святыми Отцами и подвижниками. Употреблялись, правда, въ прежнія времена, и другія краткія молитовки, выражающія то или другое состояніе христіанской души и направленныя къ той же цѣли. Посредствомъ ихъ частаго, громкаго или безмолвнаго въ сердцѣ, произношенія вѣрующіе поддерживали въ себѣ постоянную память о Богѣ и молитвенное и благоговѣйное съ Нимъ общеніе. Св. Кассіанъ говоритъ, что въ Египтѣ, въ его время, обычною краткою молитвою быль 2-й ст. 69-го псалма: *Боже, въ помощь мою вонми; Господи, помощи ми потщися!* О св. Іоанникіи Великомъ пишется въ житіи, что онъ всегда повторялъ, и перемежалъ ею чтеніе псалмовъ, такую молитву: *Упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый.* Другой нѣкто постоянною своею молитвою имѣлъ такія слова: *Азъ яко человѣкъ согрѣшихъ, Ты же яко Богъ щедръ, помилуй мя!* Иные и иныя возлюбляли для себя молитовки. Но, какъ было сказано, уже въ самыя древнія времена, очень многими избираема была молитва: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго», которая постепенно и вошла во всеобщее употребленіе и даже въ Уставъ Церковный. Видимъ указаніе на нее у Св. Ефрема, Св. Златоуста, Св. Исаака Сиріанина, Св. Исихія, Св. Варсонуфія и Іоанна, Св. Іоанна Лѣствичника. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ о ней такъ: »умоляю васъ, [illegible]

когда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей. Монахъ долженъ, — ѣстъ ли, пьетъ ли, сидитъ ли, служитъ ли, шествуетъ ли путемъ, или другое что дѣлаетъ, — непрестанно взывать: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!*, да имя Господа Іисуса Христа, сходя въ глубь сердца, смиритъ держащаго тамошнія пажити змія, душу же спасетъ и оживотворитъ. Непрестанно пребудь съ именемъ Господа Іисуса, да поглотитъ сердце Господа, и Господь сердце, и будутъ два сіи во едино.» И въ другомъ мѣстѣ: »Не отлучайте сердца своего отъ Бога, но пребывайте съ Нимъ, и сердце свое храните всегда съ памятованіемъ Господа нашего Іисуса Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца, и оно ни о чемъ другомъ помышлять не станетъ ,— да возвеличится Христосъ въ васъ».

Подобное же пишетъ и св. Іоаннъ Лѣствичникъ: »Память Іисусова да сраствориться съ дыханіемъ твоимъ».

Въ правилѣ Пахомія Великаго, преподанномъ ему Ангеломъ, вмѣстѣ съ другими молитвами указано и сто молитвъ Іисусовыхъ. Св. Игнатій Богоносецъ, мужъ апостольскій, котораго въ его младенчествѣ Господь Іисусъ Христосъ поставилъ въ примѣръ смиренія своимъ ученикамъ, получилъ свое прозваніе »Богоносца» потому, что онъ, по его собственнымъ словамъ, всегда носилъ въ сердцѣ своемъ имя Господа Іисуса Христа.

И вы сами хорошо знаете, какъ много *святымъ именемъ Іисуса Христа* чудесъ совершили, и какъ много за это *имя* пострадали святые апостолы и мученики Христовы!

І. Вотъ вы сказали, батюшка, приводя слова св. Іоанна Златоуста, что онъ обращался со своимъ наставленіемъ о молитвѣ Іисусовой къ монахамъ. Можетъ быть, это духовное дѣланіе Іисусовой молитвы настолько высоко и трудно, и требуетъ такой отчужденности отъ всего житейскаго, что мірянамъ имъ и заниматься не слѣдуетъ, а только однимъ монахамъ?

И. Совсѣмъ нѣтъ. Дѣланіе Іисусовой молитвы для всѣхъ спасительно. Вотъ послушайте, что говоритъ объ этомъ православный русскій Епископъ Іустинъ: »Всякому

истинному христіанну нужно всегда помнить и никогда не забывать, что ему необходимо соединяться съ Господомъ Спасителемъ всѣмъ существомъ своимъ, — надобно дать Ему, Господу, вселиться въ умѣ и сердцѣ нашемъ, необходимо начать жить Его пресвятою жизнью, — Онъ принялъ плоть нашу, а мы должны принять и плоть и всесвятый духъ Его — принять и хранить навсегда. Только такое соединеніе съ нашимъ Господомъ доставитъ намъ тотъ миръ и то благоволеніе, тотъ свѣтъ и ту жизнь, кои потеряны нами въ Адамѣ первомъ, и возвращаются теперь отъ лица Адама второго — Господа Іисуса Христа. А къ такому соединенію съ Господомъ, послѣ Причащенія Тѣла и Крови Его, лучшее и надежнѣйшее средство есть умная молитва Іисусова, которая читается такъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!* Обязательна ли эта молитва Іисусова и для мірянъ, а не для однихъ только монашествующихъ? Непремѣнно обязательна, потому что всякому христіанину необходимо соединиться съ Господомъ въ сердцѣ, а къ сему соединенію лучшимъ способомъ служитъ молитва Іисусова» (Сборникъ о молитвѣ Іисусовой, § 183).

Святый Симеонъ, Архіепископъ Солунскій, заповѣдуетъ и совѣтуетъ архіереямъ, священникамъ, всѣмъ монахамъ и мірскимъ на всякое время и часъ произносить эту священную молитву, имѣя ее, какъ бы дыханіе жизни.

У св. Григорія Паламы читаемъ: »пусть никто не думаетъ, братія мои христіане, будто одни лица священнаго сана и монахи долгъ имѣютъ непрестанно и всегда молиться, а не міряне. Нѣтъ, нѣтъ: всѣ мы христіане имѣемъ долгъ всегда пребывать въ молитвѣ . . . И Григорій Богословъ учитъ всѣхъ христіанъ и говоритъ имъ, что чаще надлежитъ поминать въ молитвѣ имя Божіе, чѣмъ вдыхать воздухъ . . . Имѣйте во вниманіи и способъ молитвы, какъ розможно непрестанно молиться, — именно молиться умомъ. А это всегда можемъ дѣлать, если захотимъ. Ибо и когда сидимъ за рукодѣліемъ, и когда ходимъ, и когда пищу принимаемъ, и когда пьемъ, всегда умомъ можемъ молиться . . . Тѣломъ будемъ работать, а душею молиться . . .» и т. д. (Сборн. § 52).

Преосвященный Епископъ Игнатій во второмъ томѣ своихъ сочиненій, на стр. 257-ой, говоритъ: »Постановленіемъ святой Церкви законополагается всѣмъ неграмотнымъ и незнающимъ Свящ. Писанія наизусть замѣнять молитвословіе и псалмопѣніе молитвою Іисусовой». И въ другомъ мѣстѣ: »всѣмъ христіанамъ можно и должно заниматься молитвою Іисусовой съ цѣлью покаянія и призыванія Господа на помощь, заниматься со страхомъ Божіимъ и вѣрою, съ величайшимъ вниманіемъ къ мысли и словамъ молитвы, съ сокрушеніемъ духа».

Тоже самое говоритъ и Епископъ Ѳеофанъ Затворникъ и всѣ другіе наставники Іисусовой молитвы.

Конечно, у монаховъ есть свои преимущества въ прохожденіи Іисусовой молитвы — ихъ уединенная жизнь, отстраненность отъ мірскихъ заботъ, молитвенная обстановка, опытное руководство. Но и среди мірянъ, несмотря на всю ихъ житейскую суету, наблюдаются, хотя и не часто, случаи высокаго преуспѣянія въ молитвѣ Іисусовой, о чемъ вы можете прочитать, напримѣръ, въ письмахъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія (Собраніе писемъ. Вып. 2-ой. Письмо 399. Стр. 119). О примѣрахъ прохожденія мірянами Іисусовой молитвы въ его время разсказываетъ и Епископъ Игнатій Брянчаниновъ (Сочиненія, т I. Стр. 207). Да и мы сами могли бы указать подобные случаи. Мы не можемъ, однако, не упомянуть, что наставники Іисусовой молитвы дѣлаютъ различіе въ прохожденіи Іисусовой молитвы между новоначальными и мірянами съ одной стороны и болѣе преуспѣвшими съ другой стороны, и строго предостерегаютъ отъ самовольнаго и гордостнаго преждевременнаго устремленія къ высшимъ степенямъ молитвы. Я немного забѣгаю впередъ, но разъ уже началъ, то скажу. Тотъ же Еп. Игнатій пишетъ: »Упражненіе молитвою Іисусовой имѣетъ два главнѣйшихъ подраздѣленія или періода . . . Въ первомъ періодѣ предоставляется молиться при одномъ собственномъ усиліи; благодать Божія, несомнѣнно, содѣйствуетъ молящемуся, но она не обнаруживаетъ своего присутствія . . . Во вто-

ромъ періодѣ благодать Божія являетъ ощутительно свое присутствіе и дѣйствіе, соединяя умъ съ сердцемъ, доставляя возможность молиться непарительно, или, что то же, безъ развлеченія, съ сердечнымъ плачемъ и теплотою . . . Душею и цѣлью молитвы и въ томъ и въ другомъ состояніи должно быть покаяніе. За покаяніе, приносимое при одномъ собственномъ усиліи, Богъ даруетъ, въ свое время, покаяніе благодатное». (Сборн. о мол. Іисусовой, §§ 191, 192, 193, 194).

Молитва перваго періода именуется дѣлательною или трудовою и покаянною, молитва второго періода — благодатною и самодвижною, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и покаянною, каковою она должна оставаться всегда. Къ упражненію въ молитвѣ перваго рода и къ преуспѣянію въ ней св. Отцы приглашаютъ всѣхъ христіанъ. Но они строго воспрещаютъ начинающимъ и новоначальнымъ преждевременное усиліе взойти умомъ во святилище сердца для *благодатной* молитвы, когда эта молитва *еще не дана Богомъ*. Когда придетъ время, Господь Самъ возведетъ на нее дѣлателя молитвы. »Благодать Божія, пишетъ Еп. Игнатій, сама собою, въ извѣстное ей время, по ея благоволенію, переводитъ подвижника молитвы отъ перваго образа молитвы ко второму. Если благоугодно Богу оставить подвижника при первоначальной молитвѣ покаянія, то да остается онъ при ней, да не ищетъ высшаго состоянія, да не ищетъ его въ твердомъ убѣжденіи, что оно не пріобрѣтается человѣческимъ усиліемъ, — но дарується Богомъ. Пребываніе въ покаяніи есть залогъ спасенія. Будемъ довольны этимъ состояніемъ; не будемъ искать состоянія высшаго. Такое исканіе есть вѣрный признакъ гордости и самомнѣнія, такое состояніе приводитъ не къ преуспѣянію, а къ претыновеніямъ и погибели. Для стяжанія глубокой сердечной молитвы необходимо значительное пріуготовленіе». (Соч. Еп. Игнатія, т. 2. стр. 257).

Я боюсь, что я преждевременно коснулся вопроса о степеняхъ Іисусовой молитвы и что этимъ я нарушаю порядокъ нашей бесѣды. Прошу простить мнѣ это. Но съ

другой стороны, это предупрежденіе облегчитъ вамъ пониманіе дальнѣйшаго хода Іисусовой молитвы. Въ связи со сказаннымъ долженъ прибавить еще нѣсколько словъ. Не думайте, что степени Іисусовой молитвы есть что либо искусственно установленное. Это есть необходимая принадлежность всякаго естественнаго органическаго возрастанія. Молитва есть жизненное дѣло: усваивается она не отвлеченнымъ разсужденіемъ, а жизненнымъ опытомъ и трудомъ. Узнавъ на опытѣ одно состояніе молитвы, молящійся переходитъ къ слѣдующему, высшему, если на то будетъ воля Божія, а не по своему усилію. Въ этомъ дѣланіи невозможно ни пропустить промежуточную ступень, ни проходить ступени въ обратномъ порядкѣ. Все равно, какъ въ физическомъ возрастаніи человѣкъ переходитъ незамѣтно отъ дѣтства къ отрочеству, отъ отрочества къ юношеству и т. д. Перейдя на высшую ступень, онъ чувствуетъ себя уже по другому, чѣмъ чувствовалъ себя на низшей. Юноша уже не отрокъ, и никогда не вернется ни къ отрочеству, ни къ младенчеству. Но и для отрока нѣтъ ничего обиднаго въ томъ, что онъ не юноша: не пришло еще время. Такъ и въ духовной жизни существуютъ свои духовныя ступени, по которымъ надо терпѣливо восходить, въ свое время, и нѣтъ ничего обиднаго въ томъ, чтобы стоять на разныхъ ступеняхъ. И никто не можетъ жаловаться, почему ему недоступно то, что доступно другому. Каждый долженъ принять свой возрастъ со смиреніемъ, безъ преждевременнаго и горделиваго притязанія на старшій возрастъ, который ему все равно не по силамъ.

І. Ваши слова о возрастахъ въ Іисусовой молитвѣ меня, дѣйствительно, очень заинтересовали. Не можете ли вы сказать объ этомъ подробнѣе? Какіе это возрасты? Чѣмъ они различаются? Можно ли опредѣлить ихъ число? Какая ихъ послѣдовательность? Какъ нужно восходить по нимъ?

И. Потерпите немного, батюшка! Вы обо всемъ услышите въ свое время. Помните только, что о возрастахъ въ дѣлѣ молитвы надо знать не для удовлетворенія одной

только любознательности ума, отъ этого пользы не будетъ; но нужно ихъ познавать самимъ опытомъ и трудомъ молитвы, кому какъ Богъ подастъ. Однако возвратимся къ продолженію нашей бесѣды. Разсмотримъ ближе порядокъ Іисусовой молитвы, условія ея благотворнаго дѣйствія въ насъ, и тѣ духовные плоды, которые она можетъ приносить намъ даже на первыхъ порахъ своего правильнаго дѣланія. По словамъ Еп. Ѳеофана, молитва Іисусова есть прежде всего такая же молитва, какъ и всѣ прочія молитвы. Она также не можетъ твориться внѣ связи съ нашимъ тѣломъ. Она также сопровождается крестнымъ знаменіемъ, поклонами поясными и земными. Наши уста и языкъ произносятъ слова молитвы; нашъ умъ, имѣющій средоточіе въ головѣ, внимаетъ словамъ молитвы, наше сердце чувствуетъ эти слова и отзывается на нихъ. При правильномъ сочетаніи всѣхъ этихъ элементовъ получается правильная молитва.

Еп. Ѳеофанъ указываетъ сначала условія правильности всякой нашей молитвы, не только Іисусовой. Онъ говоритъ: »Не словомъ только надо молиться, но и умомъ; и не умомъ только, но и сердцемъ, да ясно видитъ и понимаетъ умъ, что произносится словомъ, и сердце да чувствуетъ, что помышляетъ при семъ умъ. Все сіе въ совокупности и есть настоящая молитва, и если нѣтъ въ твоей молитвѣ чего либо изъ сего, то она есть или несовершенная молитва, или совсѣмъ не молитва. По нашей оплошности бываетъ, что иной разъ языкъ произноситъ святыя слова молитвы, а умъ блуждаетъ не вѣсть гдѣ; или и умъ понимаетъ слова молитвы, а сердце не отзывается на нихъ чувствомъ. Полная и настоящая молитва есть та, когда со словомъ молитвеннымъ и молитвенною мыслью сочетавается и молитвенное чувство. Какъ же научиться такой молитвѣ? Передъ самымъ началомъ молитвословія поставь себя въ присутствіе Божіе до сознанія и чувства Его съ благоговѣйнымъ страхомъ, и возставь въ сердцѣ живую вѣру, что Богъ видитъ и слышитъ тебя, что Онъ не отвращается отъ молящихся, но благоволительно взираетъ на нихъ и на тебя въ часъ молитвы сей, и окрылись упованіемъ, что Онъ готовъ

и исполнить, и дѣйствительно исполнитъ прошеніе твое, если оно душеполезно для тебя. Настроясь такъ, произноси молитвы твои, всеусильно углубляясь въ нихъ и всячески заботясь о томъ, чтобы онѣ исходили изъ сердца, какъ твои собственныя. Не дозволяй вниманію твоему отклоняться, и мыслямъ твоимъ улетать на сторону. Какъ только сознаешь, что это случилось, возврати мысли свои внутрь и начинай опять молитвы съ того пункта, съ котораго вниманіе твое отклонилось . . . Не дозволяй себѣ спѣшить въ молитвословіи, а все его благоговѣйно, какъ священное дѣло, съ терпѣніемъ доводи до конца». (Невидимая брань. Стр. 144).

Это правило общей молитвы примѣнимо и къ Іисусовой молитвѣ, которая также, какъ и другія молитвы, можетъ быть совершаема правильно и неправильно. Уста могутъ произносить Іисусову молитву, а вниманія къ молитвѣ можетъ не быть; умъ можетъ блуждать не вѣсть гдѣ, или засоряться посторонними помыслами. Можетъ и умъ быть на мѣстѣ и внимать словамъ молитвы, а сердце оставаться безучастнымъ. Для правильности Іисусовой молитвы требуется, чтобы при произношеніи ея и умъ внималъ словамъ молитвы, и сердце чувствовало бы эту молитву. Таковы общія условія правильнаго совершенія Іисусовой молитвы.

Теперь перейдемъ къ отдѣльнымъ, частнымъ условіямъ ея благотворнаго дѣйствія въ насъ. Что требуется отъ насъ, чтобы Іисусова молитва приносила добрый плодъ въ сердцахъ нашихъ? Мы уже упоминали, что Іисусова молитва, на какой бы степени она ни стояла, непремѣнно должна сопровождаться покаяннымъ чувствомъ. Этого требуетъ и самое ея содержаніе. Вѣдь мы просимъ въ ней »помилованія». О необходимости покаяннаго чувства учатъ всѣ наставники Іисусовой молитвы. »Пребывать въ мирѣ съ Богомъ нельзя безъ *непрерывнаго покаянія*, пишетъ Епископъ Ѳеофанъ. Условіе къ миру съ Богомъ Апостолъ Іоаннъ поставляетъ такое: »аще сердце наше не зазритъ намъ» (I Іоан. 3: 21). Если нѣтъ ничего на совѣсти, можно имѣть дерзновеніе и доступъ къ Богу въ чуствѣ мира, а

если есть, то миръ нарушается. Бываетъ что на совѣсти — отъ сознанія грѣха. Но по тому же Апостолу, мы никогда не бываемъ безъ грѣха, и это такъ рѣшительно, что тотъ уже лжецъ, кто иначе думаетъ и чувствуетъ. (1 Іоан. 1: 8). Слѣдовательно, нѣтъ минуты, когда бы кто не имѣлъ чего на совѣсти — вольнаго или невольнаго, а потому нѣтъ минуты, когда бы не возмущался его миръ съ Богомъ. Отсюда слѣдуетъ, что всенеобходимо очищать свою совѣсть, чтобъ быть въ мирѣ съ Богомъ. Очищается же совѣсть покаяніемъ; слѣдовательно, непрерывно должно каяться. Ибо покаяніе смываетъ всякую скверну съ души и дѣлаетъ ее чистою (1 Іоан. 1: 9). Покаяніе сіе состоитъ не въ словахъ только: прости Господи, помилуй Господи, но при немъ неизбѣжны всѣ дѣйствія, условливающія отпущеніе грѣховъ, то есть: сознаніе опредѣленной нечистоты помысла, взгляда, слова, соблазна или другого чего нибудь, сознаніе своей въ томъ виновности и безотвѣтственности безъ самооправданія, молитва объ оставленіи ради Господа до умиренія духа. Что касается до великихъ грѣховъ, то тѣ тотчасъ должно исповѣдать духовному отцу и принять разрѣшеніе, ибо въ тѣхъ не успокоишь духа однимъ повседневнымъ покаяніемъ. Такимъ образомъ, обязанность непрерывнаго покаянія есть тоже, что обязанность содержать совѣсть въ чистотѣ и безукоризненности.» (Сборникъ, § 156). »Приступая къ молитвѣ, пишетъ другой наставникъ Іисусовой молитвы, нужно молить Господа о томъ, чтобы далъ намъ увидѣть свое бѣдственное, грѣховное состояніе, въ которомъ находимся всѣ мы; всю свою нищету духовную, убожество и свое совершенное безсиліе въ дѣлѣ добра; чтобы далъ намъ имѣть сердце сокрушенное и болѣзненное, и чувство нужды въ Его божественной, всесильной помощи, которую и просить непрестанною молитвою». »Молитва Іисусова», продолжаетъ онъ же, »обязательно должна быть погружена въ покаянныя чувства; каковое настроеніе должно быть непрекращаемымъ во всю нашу жизнь, согласно ученію о семъ предметѣ всѣхъ св. Отецъ. При упражненіи молитвою нужно имѣть цѣлію, чтобы сокрушеніемъ,

слезами и умиленіемъ очистить сердце отъ грѣховъ и земныхъ пристрастій, и симъ уготовить себя для принятія Господа Іисуса въ чистой небесной неразвлекаемой молитвѣ, въ которой и составляется наше съ Нимъ примиреніе и духовное общеніе. И только здѣсь, именно въ чистомъ сердцѣ и глубокомъ искреннемъ смиреніи, съ любовію къ ближнимъ, и могутъ состояться и дѣйствовать высшія мѣры истинной сердечной молитвы, соединяющей насъ съ Богомъ, и дающей намъ вкусить въ Немъ вѣчный животъ».

Тоже самое пишетъ о необходимости покаяннаго духа при молитвѣ Іисусовой и Еп. Игнатій Брянчаниновъ: »Начинать дѣланіе молитвы Іисусовой надо сначала, а не съ средины, и не съ конца. Начинаютъ съ средины тѣ, которые, безъ всякаго приготовленія, усиливаются взойти умомъ въ сердечный храмъ и оттуда возсылать молитву. Съ конца начинаютъ тѣ, которые ищутъ немедленно раскрыть въ себѣ благодатную сладость молитвы и прочія благодатныя дѣйствія ея. Должно начинать съ начала, то есть совершать молитву со *вниманіемъ* и *благоговѣніемъ*, съ цѣлью *покаянія*, заботясь единственно о томъ, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитвѣ». (Соч. т. 1 стр. 223.)

Въ другомъ мѣстѣ Еп. Игнатій пишетъ, что »отъ всякаго невѣрнаго шага, отъ всякой ошибки, или обмана и прелести, отъ всякаго ложнаго, нездороваго чувства въ началѣ дѣланія молитвы Іисусовой спасаетъ одно — *покаяніе* или *плачъ*.

При упражненіи молитвою Іисусовой и вообще молитвою вполнѣ и со всею вѣрностью предохраняетъ тотъ видъ смиренія, который называется *плачемъ*. Плачъ есть сердечное чувство *покаянія*, спасительной печали о грѣховности и разнообразной, многочисленной немощи человѣка. Плачъ есть *духъ сокрушенъ*, *сердце сокрушенно* и смиренно, которое *Богъ не уничижитъ*, то есть не предастъ во власть и поруганіе демонамъ, какъ предается имъ сердце гордое, исполненное самомнѣнія, самонадѣянности, тщеславія. Плачъ есть та единственная жертва, которую Богъ принимаетъ отъ падшаго человѣческаго духа, до обновленія человѣческаго ду-

ха Святымъ Божіимъ Духомъ. Да будетъ наша молитва проникнута чувствомъ покаянія, да совокупится она съ плачемъ, — и прелесть никогда не воздѣйствуетъ на насъ» (Соч. т. 1, стр. 226).

Еще съ большею настойчивостью требуетъ отъ своихъ учениковъ покаяннаго чувства и болѣзнованія сердца при молитвенномъ дѣланіи великій молдавскій старецъ схиархимандритъ Паисій Величковскій. Онъ настаиваетъ, чтобы они проходили молитвенный трудъ »сокрушеннымъ сердцемъ». Онъ напоминаетъ имъ слова Св. Іоанна Лѣствичника, который говорилъ: »Если мы и высокую жизнь проходимъ, а сердца болѣзненнаго не пріобрѣтаемъ, то все это притворно и суетно». И св. Григорій Синаитъ говоритъ: »Болѣзнь сердечная, и смиреніе, и трудъ послушанія по силѣ каждаго съ правотою сердца совершаютъ дѣло истины». И онъ же снова: »Всякое дѣланіе, тѣлесное и духовное, не имѣющее сердечнаго труда, никогда не приноситъ плода совершающему его, ибо Царство Божіе усиліемъ берется, и употребляющіе усиліе достигаютъ его, какъ сказалъ Господь. Хотя бы кто нибудь безболѣзненно и многіе годы трудился, или трудится, но не заботится съ горячимъ усердіемъ сердца совершать труды покаянія, бываетъ чуждъ чистоты и не причастенъ Духу Святому». И еще: »Кто трудится съ небрежностью и лѣностью, то хотя бы онъ, казалось, и много работаетъ, никакого плода не получаетъ, ибо идущіе не болѣзненнымъ путемъ впадаютъ отъ унынія въ неполезныя попеченія, и помрачаются». Тоже самое говоритъ и Св. Симеонъ Новый Богословъ: »Кто не подражаетъ Христовымъ Страстямъ покаяніемъ, слезами, смиреніемъ, послушаніемъ и терпѣніемъ, особенно же нищетою и скорбями, поношеніемъ и поруганіемъ, и не бываетъ причастникомъ Его позорной смерти, тотъ не можетъ быть и сопричастникомъ Его духовнаго здѣсь Воскресенія, и не можетъ получить благодати Св. Духа, ибо божественный Павелъ говоритъ: »Если съ Нимъ страдаемъ, то съ Нимъ и спрославимся» . . . Ибо безъ покаянія и слезъ, какъ мы сказали, ничто изъ сказаннаго не можетъ быть когда нибудь и не

будетъ ни въ насъ самихъ, ни въ другихъ». Онъ же и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: »Никто не можетъ доказать отъ Божественнаго Писанія, что безъ слезъ и всегдашняго умиленія могъ очиститься отъ страстей, и чтобы кто нибудь изъ людей могъ достигнуть святости, или получить Духа Святаго, или увидѣть Бога, или почувствовать Его внутри себя въ своемъ сердцѣ безъ предварительнаго покаянія и умиленія, ибо только по мѣрѣ слезъ, печали и покаянія, все это производитъ божественный огонь умиленія». И снова говоритъ: »Берегитесь, чтобы вамъ не лишиться имѣть въ себѣ Христа и чтобы вы не отошли съ пустыми руками изъ этой жизни, и тогда восплачете и возрыдаете».

Приводя эти слова св. Отцовъ, старецъ Паисій со слезами убѣждаетъ братію исполнять заповѣди Христовы и пріобрѣтать себѣ сердце сокрушенное и смиренное.

Имѣя покаянное сердце, приступающій къ дѣланію молитвы Іисусовой долженъ позаботиться также и о томъ, чтобы вся жизнь его была въ соотвѣтствіи съ этимъ священнымъ дѣланіемъ, и не противорѣчила ему. Это второе необходимое условіе правильно совершаемой Іисусовой молитвы. Св. Макарій Великій пишетъ: »Сколько велики и неисповѣдимы обѣтованныя Богомъ блага, столько же многихъ требвютъ трудовъ и подвиговъ, съ надеждою и вѣрою совершаемыхъ. И сіе явно изъ слѣдующаго: *Аще кто хощетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. 16: 24). И еще: *Аще кто не возненавидитъ отца и матерь, и братію, и жену, и чадъ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14: 26). Большая же часть людей столько неразумны, что желаютъ получить царствіе, наслѣдовать вѣчную жизнь, вѣчно царствовать со Христомъ (что весьма высоко и выше всякаго понятія), а живутъ по собственнымъ своимъ хотѣніямъ, и имъ послѣдуютъ, вѣрнѣе же сказать, послѣдуютъ тому, кто посѣваетъ въ нихъ такія суетныя и явно вредныя мысли». (Преп. Макарія Егип. сл. 4, гл. 22). »Кто принуждаетъ себя исключительно и всеусильно къ молитвѣ, но не трудится о пріобрѣтеніи смиренія, любви, кротости и всего

сонма прочихъ добродѣтелей, не внѣдряетъ ихъ въ себя насильно», пишетъ тотъ же св. Макарій, «тотъ можетъ достигнуть только до того, что *иногда*, по прошенію его, касается его Божественная благодать, потому что Богъ по естественной благости Своей человѣколюбиво даруетъ просящимъ то, чего они хотятъ. Если же получившій не пріобучитъ себя къ прочимъ добродѣтелямъ, упомянутымъ нами, и не стяжетъ навыка въ нихъ, то или лишается полученной благодати, или, вознесшись, ниспадаетъ въ гордость, или оставаясь на низшей степени, на которую взошелъ, уже не преуспѣваетъ болѣе и не растетъ. Престоломъ и покоемъ, такъ сказать, для Святаго Духа служатъ смиреніе, любовь, кротость и, послѣдовательно, всѣ святыя заповѣди Христовы» (Св. Макарій Великій).

Тотъ же св. Макарій пишетъ: «Если смиренномудріемъ, простодушіемъ и благостію украшены не будемъ, то видъ молитвы никакой пользы намъ не принесетъ». И не о внѣшнихъ только добрыхъ дѣлахъ долженъ заботиться дѣлатель Іисусовой молитвы, но и о достиженіи внутренней чистоты сердца. «Какъ кто можетъ сказать о себѣ: такъ какъ я пощусь, живу въ пустынѣ, раздаю свое имущество, то я святъ!? Но святъ ли тотъ, кто не очистилъ своего внутренняго человѣка? И не просто воздержаніемъ отъ зла достигается чистота, но истребленіемъ зла въ совѣсти своей достигается истинная чистота. Войди ты, кто бы ты ни былъ, къ военноплѣнной и рабѣ грѣха душѣ твоей, и разсмотри до дна мысли твои, и глубину помышленій твоихъ изслѣдуй, и ты увидишь въ нѣдрахъ души твоей ползающаго и гнѣздящагося змія, убившаго тебя отравою частей души твоей. Ибо сердце неизмѣримая есть бездна: если ты убьешь этого змія, то похвались передъ Богомъ чистотою твоею. Если же нѣтъ, смири себя, какъ немощный и грѣшный, моляся Богу о тайныхъ твоихъ» (Преп. Макарій Великій. Слово 1-е, гл. 1).

«Прежде другихъ добродѣтелей простота, какъ въ сердцѣ, такъ и въ рѣчахъ, взаимная другъ къ другу любовь, и радость, и смиреніе, да будутъ непремѣнно, какъ нѣкоторое

основаніе, положены въ Братствѣ, да не сотворимъ безполезнымъ нашъ трудъ, возносясь другъ предъ другомъ, и другъ на друга ропща» (Преп. Макарій Великій).

»Желающій приступить къ Господу, и сподобиться вѣчной жизни, и быть домомъ Божіимъ, и удостоиться Духа Святаго, чтобы непорочно и чисто творить по заповѣдямъ Господнимъ плоды Его, долженъ такъ начать. Во-первыхъ, вѣровать твердо Господу, и всего себя предать словамъ заповѣдей Его, и во всемъ отречься міра, дабы умъ не вращался ни въ чемъ изъ видимыхъ вещей, и всегда непоколебимо пребывать въ молитвахъ, и не отчаиваться въ ожиданіи, что Господь призритъ и поможетъ во всякое время. Затѣмъ постоянно понуждать себя ко всякому доброму дѣлу, и ко всѣмъ заповѣдямъ Господнимъ, хотя бы для пребывающаго въ сердцѣ грѣха и желанія къ тому не было. То есть принуждать себя къ смиренію предъ всѣми людьми, считать себя меньшимъ и худшимъ всѣхъ, не ища ни отъ кого чести себѣ, или похвалы, или славы, какъ того требуетъ Евангеліе, но только всегда имѣть предъ глазами своими Господа и Его заповѣди, и Ему одному стараться угождать. Также принуждать себя къ кротости, хотя бы и противилось тому сердце. Подобнымъ же образомъ быть милостивымъ, привѣтливымъ, сострадательнымъ, добрымъ, сколько возможно къ тому себя принуждая. И имѣть всегда предъ своими глазами и смиреніе Господне, и жизнь, и обращеніе, содержа ихъ всегда въ своей памяти незабвенно, какъ образъ и примѣръ для себя. И сколько есть силъ, понуждать себя къ непрестанному пребыванію въ молитвахъ, всегда прося и вѣруя, чтобы пришелъ Господь и обитель сотворилъ въ немъ и наставилъ и утвердилъ бы его во всѣхъ заповѣдяхъ Своихъ, и чтобы душа его стала домомъ Іисусу Христу. И такимъ образомъ дѣлая теперь съ насиліемъ надъ собою и противъ воли сердца, онъ привыкнетъ потомъ ко всякому доброму дѣлу, ко всегдашней памяти о Господѣ, ко всегдашнему ожиданію Его великой благодати и любви. И тогда Богъ, видя такой его трудъ и принужденіе себя къ добру, дастъ ему истинную молитву Христову,

дастъ глубину милосердія, истинное человѣколюбіе, и, просто сказать, подастъ ему всѣ плоды духовные» (Преп. Макарій Великій. Слово 1-е, гл. 13).

Мы указали тѣ качества, какія долженъ укрѣплять въ себѣ дѣлатель Іисусовой молитвы, но должны указать еще и то, съ чѣмъ ему приходится бороться въ себѣ: это — разсѣяніе вниманія, трудность сосредоточить его на словахъ молитвы, блужданіе мыслей, а также все время лѣзущіе въ голову посторонніе помыслы. Все это преодолѣвается у новоначальныхъ не своими силами, а смиреннымъ прибѣганіемъ подъ защиту Божію, дѣланіемъ молитвы Іисусовой. По мѣрѣ того, какъ молитва все болѣе и болѣе укрѣпляется въ сердцѣ, и какъ все живѣе и глубже дѣлается чувство своего предстоянія передъ Господомъ, тѣмъ чище и свободнѣе отъ разсѣянности и помысловъ становится молитва.

У Епископа Игнатія Брянчанинова мы находимъ слѣдующее разъясненіе о раздѣленіи помысловъ по ихъ происхожденію: »Вступившій умомъ въ подвигъ молитвы долженъ отречься и постоянно отрекаться какъ отъ всѣхъ помысловъ и ощущеній падшаго естества, такъ и отъ всѣхъ помысловъ и ощущеній, приносимыхъ падшими духами, сколько бы ни были благовидными тѣ и другіе помыслы и ощущенія: онъ долженъ идти постоянно тѣснымъ путемъ внимательнѣйшей молитвы, не уклоняясь ни налѣво, ни направо. Уклоненіемъ налѣво называю оставленіе молитвы умомъ для бесѣды съ помыслами суетными и грѣховными; уклоненіемъ направо называю оставленіе молитвы умомъ для бесѣды съ помыслами, повидимому, благими. Четырехъ родовъ помыслы и ощущенія дѣйствуютъ на молящагося: одни прозябаютъ изъ благодати Божіей, насажденной въ каждаго православнаго христіанина Святымъ крещеніемъ, другіе предлагаются Ангеломъ хранителемъ, иные возникаютъ изъ падшаго естества, наконецъ, иные наносятся падшими духами. Первыхъ двухъ видовъ помыслы, правильнѣе, воспоминанія и ощущенія содѣйствуютъ молитвѣ, оживляютъ ее, усиливаютъ вниманіе и чувство покаянія, производятъ умиленіе, плачъ сердца, слезы, обнажаютъ передъ

взорами молящагося обширность грѣховности его и глубину паденія человѣческаго, возвѣщаютъ о неминуемой никѣмъ смерти, о безъизвѣстности часа ея, о нелицепріятномъ и страшномъ судѣ Божіемъ, о вѣчной мукѣ, по лютости своей превышающей постиженіе человѣческое. Въ помыслахъ и ощущеніяхъ падшаго естества добро смѣшано со зломъ, а въ демонскихъ зло часто прикрывается добромъ, дѣйствуя впрочемъ иногда и открытымъ зломъ. Послѣдніе двухъ родовъ помыслы и ощущенія дѣйствуютъ совокупно по причинѣ связи и общенія падшихъ духовъ съ падшимъ человѣческимъ естествомъ, — и первымъ плодомъ дѣйствія ихъ являются высокоуміе, въ молитвѣ разсѣянность. Демоны, принося мнимо духовныя и высокія разумѣнія, отвлекаютъ ими отъ молитвы, производятъ тщеславную радость, услажденіе, самодовольство, какъ бы отъ открытія таинственнѣйшаго христіанскаго ученія . . . Вслѣдъ за демонскими богословіемъ и философіею вторгаются въ душу помыслы и мечтанія суетныя и страшныя, расхищаютъ, уничтожаютъ молитву, разрушаютъ благое устроеніе души. По плодамъ различаются помыслы и ощущенія истинно благія отъ помысловъ и ощущеній мнимо-благихъ» (Сочиненія, т. 1, стр. 211).

Вы спросите меня — замѣчаются ли въ этомъ начальномъ періодѣ Іисусовой молитвы какіе либо плоды этого дѣланія? Несомнѣнно замѣчаются, если кто старательно выполняетъ вышеуказанныя условія, т. е. молится со *вниманіемъ*, съ *благоговѣніемъ* и съ *покаяннымъ* чувствомъ.

Главнымъ плодомъ молитвеннаго дѣланія Епископъ Ѳеофанъ считаетъ — не теплоту и сладость, а страхъ Божій и сокрушеніе (Сборн. о молитвѣ Іисусовой, § 226).

Епископъ Игнатій такъ говоритъ о плодахъ молитвы: «Первоначальные плоды молитвы заключаются во вниманіи и умиленіи. Эти плоды являются прежде всѣхъ другихъ отъ всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же отъ молитвы Іисусовой, упражненіе которою превыше псалмопѣнія и прочаго молитвословія. Отъ вниманія рождается умиленіе, а отъ умиленія усугубляется вни-

маніе. Они усиливаются, рождая другъ друга; они доставляютъ молитвѣ глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляютъ ей чистоту, устраняя разсѣянность и мечтательность. Какъ истинная молитва, такъ и вниманіе и умиленіе суть дары Божіи» (Сборн. о мол. Іисусовой, § 74).

То же говоритъ и Еп. Ѳеофанъ: »Плодъ молитвы — сосредоточеніе вниманія въ сердцѣ и теплота. Это естественное дѣйствіе. Достигать сего всякому можно. И молитву сію творить всякому можно, не монаху только, но и міянину» (Сборн. о мол. Іис., § 77).

У Епископа Игнатія далѣе читаемъ слѣдующія слова о плодахъ молитвы при условіи постоянства въ ней: »Будемъ молиться постоянно, терпѣливо, настойчиво. Богъ, въ свое время, дастъ благодатную, чистую молитву тому, кто молится безъ лѣности и постоянно своею нечистою молитвою, кто не покидаетъ малодушно молитвеннаго подвига, когда молитва долго не поддается ему. Образецъ успѣха настойчивой молитвы Іисусовой видимъ въ Евангеліи. Когда Господь выходилъ изъ Іерихона въ сопровожденіи учениковъ и народнаго множества, тогда слѣпецъ Вартимей, сидѣвшій при пути и просившій милостыни, узнавъ, что Господь проходитъ мимо, началъ кричать: *Сыне Давидовъ, Іисусе, помилуй мя.* Ему воспрещали кричать, но онъ тѣмъ болѣе кричалъ. Послѣдствіемъ неумолкаемаго крика было исцѣленіе слѣпца Господомъ. Такъ и мы будемъ вопить, несмотря на возстающія изъ падшаго естества и приносимые діаволомъ помыслы, мечтанія и ощущенія грѣховныя, для воспрепятствованія нашему молитвенному воплю, — и несомнѣнно получимъ милость».

»Отъ непрестанной молитвы подвижникъ приходитъ въ нищету духовную: пріучаясь непрестанно просить Божіей помощи, онъ постепенно теряетъ упованіе на себя; если сдѣлаетъ что благопоспѣшно, видитъ въ томъ не свой успѣхъ, а милость Божію, о которой онъ непрестанно умоляетъ Бога. — Непрестанная молитва руководствуетъ къ стяжанію вѣры, потому что непрестанно молящійся начинаетъ постепенно ощущать присутствіе Бога. Это ощущеніе мало

по малу можетъ возрасти и усилиться до того, что око ума яснѣе будетъ видѣть Бога въ промыслѣ Его, нежели сколько видитъ чувственное око вещественные предметы міра; сердце ощутитъ присутствіе Бога. Узрѣвшій такимъ образомъ Бога и ощутившій Его присутствіе, не можетъ не увѣровать въ Него живою вѣрою, являемою дѣлами. — Непрестанная молитва уничтожаетъ лукавство надеждою на Бога, вводитъ въ святую простоту, отучая умъ отъ разнообразныхъ помысловъ, отъ составленія замысловъ относительно себя и ближнихъ, всегда содержа его въ скудости и смиреніи мыслей, составляющихъ его поученіе. — Непрестанно молящійся постепенно теряетъ навыкъ къ мечтательности, разсѣянности, суетной заботливости и многопопечительности, теряетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе святое и смиренное поученіе будетъ углубляться въ его душу и вкореняться въ ней. Наконецъ, онъ можетъ придти въ состояніе младенчества, заповѣданное Евангеліемъ, содѣлаться буимъ ради Христа, то есть, утратить лжеименный разумъ міра, и получить отъ Бога разумъ духовный. — Непрестанною молитвою уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. Отъ этого всѣ люди начинаютъ казаться добрыми; а отъ такого сердечнаго залога къ людямъ рождается къ нимъ любовь. — Непрестанно молящійся пребываетъ непрестанно въ Господѣ, познаетъ Господа какъ Господа, стяжаетъ страхъ Господень, страхомъ входитъ въ чистоту, чистотою въ Божественную любовь . . . Любовь Божія исполняетъ храмъ свой дарованіями Духа» (Сборн. о мол. Іисусовой, § 38).

»Плодомъ молитвы бываетъ постепенно расширяющееся зрѣніе своихъ согрѣшеній и своей грѣховности, отчего усиливается умиленіе и обращается въ плачъ. Плачемъ называется преизобильное умиленіе, соединенное съ болѣзнованіемъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго, дѣйствующее изъ глубины сердца и объемлющее душу. Потомъ являются ощущенія присутствія Божія, живое воспоминаніе смерти, страхъ суда и осужденія. Всѣ эти плоды молитвы сопровождаются плачемъ и, въ свое время, осѣняются тон-

кимъ, святымъ духовнымъ ощущеніемъ Страха Божія . . . Страхъ Божій — ощущеніе совершенно новое. Страхъ Божій — дѣйствіе Святаго Духа. Отъ внушенія этого чуднаго дѣйствія начинаютъ истаивать страсти, — умъ и сердце начинаютъ привлекаться къ непрерывному упражненію молитвою. По нѣкоторомъ преуспѣяніи приходитъ ощущеніе тишины, смиренія, любви къ Богу и ближнимъ безъ различія добрыхъ отъ злыхъ, терпѣніе скорбей, какъ попущеній и врачеваній Божіихъ, въ которыхъ необходимо нуждается наша грѣховность. Любовь къ Богу и ближнимъ, являющаяся постепенно изъ страха Божія, вполнѣ духовна, неизъяснимо свята, тонка, смиренна, отличается отличіемъ безконечнымъ отъ любви человѣческой въ обыкновенномъ состояніи его, не можетъ быть сравнена ни съ какою любовью, движущеюся въ падшемъ естествѣ, какъ бы ни была эта естественная любовь правильною и священною. Одобряется законъ естественный, дѣйствующій во времени; но законъ вѣчный, законъ духовный настолько выше его, насколько Святый Духъ выше духа человѣческаго. О дальнѣйшихъ плодахъ и послѣдствіяхъ моленія Святѣйшимъ именемъ Господа Іисуса останавливаюсь говорить», заканчиваетъ Еп. Игнатій свои слова: »пусть блаженный опытъ научитъ имъ и меня и другихъ» (Сочин. т. 1, стр. 290—291).

Таковы даруемые Богомъ плоды Іисусовой молитвы, постепенно пріобрѣтаемые ея усердными дѣлателями по свидѣтельству ея опытныхъ наставниковъ.

На этомъ мы закончимъ нашу первую бесѣду о молитвѣ Іисусовой, и въ слѣдующій разъ продолжимъ нашу рѣчь, какъ о дѣлательной, трудовой, такъ и о самодвижной Іисусовой молитвѣ, и о тѣхъ трудностяхъ и неправильностяхъ, какія бываютъ при этомъ умномъ дѣланіи.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Продолженіе бесѣды о дѣятельной Іисусовой молитвѣ: о способахъ обученія этой молитвѣ, о трудностяхъ, недоумѣніяхъ и неправильностяхъ, возникающихъ при этой молитвѣ, и о молитвѣ благодатной, самодвижной.

И. Благословясь, продолжимъ нашу бесѣду.

І. Простите, батюшка, я хочу напомнить вамъ ваше обѣщаніе, подробно разъяснить различіе степеней Іисусовой молитвы въ соотвѣтствіи съ духовнымъ возрастомъ и преуспѣяніемъ проходящихъ эту молитву.

И. Вы интересуетесь этимъ вопросомъ изъ теоретической любознательности, или потому, что опытомъ узнали начальные шаги этого молитвеннаго дѣланія, и ищете дальнѣйшихъ указаній? Если этотъ вопросъ интересуетъ васъ теоретически, то отвѣтъ на него, будучи достояніемъ только вашего ума и памяти, не принесетъ вамъ существенной пользы.

Я припоминаю случай, когда одинъ послушникъ жаловался своему старцу, что при чтеніи книги св. Іоанна Лѣствичника у него ничего не осталось въ памяти. Старецъ отвѣтилъ: Эта книга запоминается дѣланіемъ. Вспоминается также и другой случай съ преп. Павломъ Препростымъ, который просилъ Великаго Антонія научить его псалтири. И когда Антоній произнесъ первыя слова: »Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ», то преп. Павелъ остановилъ его и сказалъ: »Подожди. Дальнѣйшее ты мнѣ скажешь, когда я научусь исполнять сказанное тобою».

Изъ этихъ примѣровъ вы видите, что наука духовной жизни изучается не теоретическимъ усвоеніемъ памятью, а практическимъ опытомъ жизни.

І. Благодарю васъ, батюшка, за это разъясненіе, но все же я хотѣлъ бы, прежде чѣмъ приступить къ опытному дѣланію Іисусовой молитвы, имѣть о ней возможно болѣе полное понятіе, чтобы яснѣе представлять себѣ свой духовный возрастъ, и то мѣсто, на которомъ я стою духовно, и весь предлежащій путь молитвы, и черезъ это сознательнѣе, спокойнѣе и увѣреннѣе идти по этому пути.

И. Ну, хорошо, пусть будетъ по вашему. Вы помните — въ прошлый разъ мы говорили о томъ, что называется Іисусовою молитвою, какое значеніе имѣетъ въ нашей духовной жизни упражненіе этою молитвою, какія условія необходимы для ея благотворнаго дѣйствія, и какіе плоды она приноситъ въ нашей душѣ. Настоящая наша бесѣда будетъ отчасти восполненіемъ недосказаннаго тогда, отчасти продолженіемъ предыдущей бесѣды: мы будемъ говорить о томъ, какъ нужно навыкать Іисусовой молитвѣ и какія бываютъ при этомъ трудности, недоумѣнія и неправильности, а послѣ того скажемъ и о молитвѣ благодатной.

Какъ было уже сказано въ прошлый разъ, въ дѣланіи Іисусовой молитвы очень важно строгое соблюденіе порядка и послѣдовательности. Всякая поспѣшность, нетерпѣливость, забѣганіе впередъ, желаніе поскорѣе достигнуть послѣднихъ результатовъ молитвы, не пройдя предварительнаго медленнаго и болѣзненнаго пути, не только не совмѣстимы съ чувствомъ благоговѣйнаго отношенія къ молитвѣ, но и обрекаютъ дѣлателя на полную безуспѣшность и безплодіе его труда, и даже болѣе того — являются источникомъ самообольщенія и прелести, доводящей и до поврежденія въ умѣ. Да сохранитъ Господь дѣлателей Іисусовой молитвы отъ сего ложнаго и пагубнаго пути! Поэтому наставники этого дѣланія и требуютъ отъ своихъ учениковъ не порываться самочинно впередъ, но съ возможнымъ вниманіемъ, благоговѣніемъ, покаяннымъ чувствомъ и неустаннымъ трудомъ выполнять начальное дѣланіе молитвы, терпѣливо ожидая, пока Самъ Господь, когда найдетъ это нужнымъ, возведетъ ихъ на слѣдующую ступень. Таковъ единственный правильный порядокъ молитвеннаго преус-

пѣнія. Подходить къ этому дѣланію нужно возможно проще, искреннѣе, не напрягаясь и не усиливаясь выжимать изъ себя тѣ или иныя чувства, предоставляя все это волѣ Божіей. Не думать и о томъ, что начинаешь какое то особенное, великое дѣло, которымъ выдѣляешься изъ ряда другихъ людей. Одно только нужно — сознавать себя предъ лицемъ Божіимъ грѣшникомъ, ищущимъ спасенія и упорядоченія души и жизни своей дѣланіемъ священной Іисусовой молитвы. Нужно имѣть въ сердцѣ своемъ искреннюю, хотя бы и малую на подобіе горчичнаго зерна, вѣру, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и истинный Богъ — есть, дѣйствительно, нашъ Спаситель, обѣтованный Богомъ Избавитель міра, Который одинъ только можетъ воскресить и мою душу и возжечь въ ней подлинную жизнь, чистую и святую. Безъ такой вѣры самая молитва становится невозможной. Она дѣлается праздным и безплоднымъ пустословіемъ. Но по мѣрѣ прохожденія Іисусовой молитвы наша слабая вѣра будетъ крѣпнуть и разгораться и, наконецъ, займетъ въ сердцѣ первое и главенствующее мѣсто. Далѣе — нужно усиливаться исполнять все то, что Господь Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ творить во Святомъ Евангеліи, дѣлами свидѣтельствовать свою вѣру, имѣть нелицемѣрную любовь къ ближнему, считать себя худшимъ всей твари, и болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ чувствовать грѣхи свои. Отъ дѣланія Іисусовой молитвы всѣ эти чувствованія и расположенія духа будутъ укрѣпляться, вниманіе будетъ сосредоточиваться, мысли не будутъ разбѣгаться, пустые и нечистые помыслы потеряютъ свою назойливость.

Слѣдуя порядку постепенности, мы начнемъ настоящую бесѣду съ изложенія тѣхъ практическихъ совѣтовъ, какіе даетъ Еп. Ѳеофанъ всѣмъ желающимъ навыкнуть правильной молитвѣ. Сначала онъ говоритъ о молитвѣ вообще, а потомъ о молитвѣ Іисусовой въ частности. Совѣты его заключаются въ слѣдующемъ: Для молитвы вообще:

1. Избери молитвенное правило — утреннее, дневное и вечернее.

2. Правило небольшое сначала, чтобы не отвратить непривыкшаго къ сему дѣланію и труду духа.

3. Совершать его должно всегда со страхомъ (съ благоговѣніемъ), тщаніемъ (стараніемъ) и вниманіемъ.

4. Здѣсь требуются стояніе, поклоны, колѣнопреклоненія, крестное знаменіе, чтеніе, иногда пѣніе.

5. Чѣмъ чаще становиться на такую молитву, тѣмъ лучше . . . не много, но чаще.

6. Какія читать молитвы, это указано въ молитвенникахъ. Но хорошо навыкнуть къ какой-либо одной, чтобы, начавъ ее, тотчасъ загорался духъ.

7. Правило молитвословія просто: ставъ на молитву, со страхомъ и трепетомъ (съ благоговѣніемъ) говори ее, какъ въ уши Божіи, сопровождая крестомъ, поклонами и паденіемъ ницъ, соотвѣтственно движенію духа.

8. Принятое правило непремѣнно всегда исполнять должно; но это не препятствуетъ, по требованію сердца, и прибавлять.

9. Чтеніе и пѣніе вслухъ, или шепотомъ, или молча — все одно, ибо Господь близь. Но иногда лучше тѣмъ, иногда другимъ способомъ совершать все молитвословіе.

10. Твердо должно содержать въ мысли предѣлъ молитвы (ея послѣднюю цѣль). Та молитва хороша, которая оканчивается припаденіемъ къ Богу съ чувствомъ: ими-же вѣси судьбами, спаси мя.

11. Есть степени молитвы. Первая степень — молитва тѣлесная, болѣе въ читаніи, стояніи, поклонахъ. Вниманіе отбѣгаетъ, сердце не чувствуетъ, охоты нѣтъ; тутъ терпѣніе, трудъ. Несмотря однакожъ на то, положи предѣлы и дѣлай молитву. Это дѣлательная молитва. Вторая степень — молитва внимательная: умъ привыкаетъ собираться въ часъ молитвы, и всю ее проговоритъ съ сознаніемъ безъ расхищенія. Вниманіе срастворяется съ словомъ писаннымъ и говоритъ, какъ свое. Третья степень — молитва чувства; отъ вниманія согрѣвается сердце, и что тамъ въ мысли, то здѣсь становится чувствомъ. Тамъ — слово сокрушительное, а здѣсь — сокрушеніе; тамъ — прошеніе, а здѣсь — чув-

ство нужды и потребность. Кто перешелъ къ чувству, тотъ безъ слова молится, ибо Богъ есть Богъ сердца. Потому это и есть предѣлъ молитвеннаго воспитанія — ставъ на молитву, переходить отъ чувства къ чувству.

12. Какъ бы, впрочемъ, ни полагалъ себя кто усовершенствовавшимся въ молитвѣ, правила молитвеннаго оставлять никогда не должно, а творить его, какъ указано, и всегда начинать съ молитвы дѣлательной. Съ нею должна быть умная, а за ними придетъ и сердечная. Безъ этого растеряются сіи послѣднія, и человѣкъ будетъ думать, что молится, а на дѣлѣ этого не будетъ.

13. Когда молитвенное чувство взойдетъ до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть даръ Духа Божія, молящагося за насъ, — послѣдняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорятъ, еще и непостигаемая умомъ молитва, или заходящая за предѣлы сознанія (такъ у свят. Исаака Сирина)» (Еп. Ѳеофанъ. Путь ко спасенію. Стр. 240—242).

Таковъ порядокъ общаго молитвеннаго дѣланія. Многія изъ указанныхъ Епископомъ Ѳеофаномъ правилъ для общей молитвы, утрен. . . или вечерней, примѣнимы и для молитвы Іисусовой, какъ это легко можетъ видѣть каждый. Но сказанное здѣсь Епископъ Ѳеофанъ дополняетъ еще и другими совѣтами, относящимися непосредственно къ молитвѣ Іисусовой.

»Навыкновеніе молитвѣ Іисусовой, пишетъ онъ, внѣшне состоитъ въ достиженіи того, чтобы она сама собою непрестанно вращалась на устахъ, внутренно же, въ сосредоточеніи ума въ сердцѣ и непрестанномъ въ немъ предстояніи предъ Господомъ, съ сопровождающею сіе сердечною теплотою въ разныхъ степеняхъ, и отрѣваніемъ всякихъ другихъ помышленій, и наипаче съ сокрушеннымъ и смиреннымъ припаданіемъ къ Господу Спасителю. Начало сему навыку полагается частымъ, сколько можно, повтореніемъ сей молитвы со вниманіемъ въ сердцѣ. Частое повтореніе, установляясь, собираетъ умъ во едино въ предстояніи Господу. Установленію такого строя внутри сопутствуетъ

согрѣяніе сердца и отогнаніе помысловъ даже простыхъ, а не только страстныхъ. Когда въ сердцѣ начнетъ непрестанно теплиться огонь прилѣпленія къ Господу, тогда вмѣстѣ съ нимъ водворится внутри мирное устроеніе сердца съ сокрушеннымъ и смиреннымъ, мысленнымъ припаданіемъ къ Господу. До сего доходитъ собственный нашъ трудъ съ помощію благодати Божіей. Что еще, высшее сего, можетъ совершаться въ дѣлѣ молитвы, то будетъ даромъ единой благодати. У св. Отцовъ поминается о семъ для того только, чтобы кто, достигши показаннаго предѣла, не подумалъ, что ему нечего уже больше желать, и не возмечталъ, что стоитъ на самомъ верху совершенства молитвеннаго или духовнаго. Итакъ, первое тебѣ дѣло — частое, сколько можно частое, повтореніе молитвы Іисусовой, пока навыкнешь непрестанно ее повторять. Дѣлай сіе такъ:

1. Опредѣли въ молитвенномъ твоемъ правилѣ часть и молитвѣ Іисусовой. Твори нѣсколько разъ сію молитву въ началѣ своего молитвословія, и нѣсколько разъ послѣ него. Если есть усердіе, и послѣ каждой молитвы, входящей въ твое молитвословіе, дѣлай тоже.

2. Число, сколько разъ повторять, въ какомъ случаѣ, сію молитву, самъ себѣ опредѣли, или съ совѣта духовнаго отца твоего. Только сначала много не назначай, а потомъ, по мѣрѣ усвоенія этой молитвы, прибавляй по немногу. Если когда придетъ желаніе повторить положенное число, не отказывай себѣ въ этомъ, не поставляя себѣ это въ постоянное правило, а только въ этомъ случаѣ. И сколько бы ни потребовало сердце такихъ повтореній, не отказывай.

3. Не торопись въ произношеніи молитвъ одной за другою, а съ мѣрной длительностью произноси ихъ, однако же не объ однихъ словахъ заботься, а паче о томъ, чтобы умъ былъ въ сердцѣ и предстоялъ Господу, яко присущему, съ полнымъ сознаніемъ Его величія, и благодати, и правды.

4. Если имѣешь свободу, то во время между однимъ и другимъ молитвословіемъ положи себѣ остановиться, какъ обычно становишься на молитву, и возносить къ Господу нѣсколько разъ молитву сію. А если нѣтъ такой свободы,

то внутренно вставляй сію молитву всюду между дѣлами твоими и даже рѣчами.

5. Творя сію молитву на правилѣ, или кромѣ его, становись для нея въ молитвенное положеніе, при каждомъ разѣ ея произношенія дѣлай поклонъ, — десять разъ поясной, а потомъ земной, — такъ, пока кончишь. Ты, конечно, слыхалъ, или читалъ, что св. Отцы въ своихъ правилахъ о молитвѣ полагаютъ множество поклоновъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: недостаточна молитва, когда кто не преутрудитъ въ ней тѣла своего поклонами. Если ты положишь, по силѣ своей, подражать сему, то скорѣе увидишь плодъ отъ труда своего надъ навыкновеніемъ молитвѣ Іисусовой.

6. О дальнѣйшихъ наставленіяхъ, указаніяхъ и предостереженіяхъ касательно молитвы Іисусовой, читай въ Добротолюбіи—Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита, Никифора монаха, Игнатія и Каллиста; и всѣхъ другихъ отцовъ уроки о внутренней молитвѣ могутъ быть прилагаемы и къ молитвѣ Іисусовой. Замѣть: въ урокахъ сказанныхъ отцовъ ты найдешь указанія, какъ сидѣть, какъ держать голову, и дѣйствовать дыханіемъ. Эти пріемы, какъ сказали Каллистъ и Игнатій, не существенно необходимы, а суть только внѣшнія приспособленія, не для всѣхъ пригодныя. Для тебя довольно быть вниманіемъ въ сердцѣ предъ лицемъ Господа, и возносить къ Нему сію краткую молитовку благоговѣйно и смиренно, съ поклонами, когда стоишь на правилѣ, и съ однимъ мысленнымъ припаданіемъ, когда дѣлаешь это между дѣлами.

7. Замѣть еще: быть вниманіемъ надо въ сердцѣ, или внутри персей, какъ говорятъ иные отцы, именно — немного выше лѣваго сосца, — и тамъ повторять молитву Іисусову. Когда отъ напряженія сердце начнетъ щемить, тогда поступи, какъ совѣтуетъ монахъ Никифоръ: стань со вниманіемъ и молитвеннымъ словомъ тамъ, гдѣ мы обыкновенно ведемъ бесѣду съ самими собою, подъ гортанью, наверху груди. Послѣ опять сойдешь надъ лѣвый сосецъ. Не побрезгуй симъ замѣчаніемъ, какъ оно ни покажется тебѣ слишкомъ простымъ и мало духовнымъ.

8. У святыхъ Отцовъ встрѣтишь много предостереженій. Ко всѣмъ имъ поводы даны опытами неправильнаго дѣйствованія. Чтобы избѣжать сихъ неправильностей, имѣй совѣтника — отца духовнаго, или собесѣдника — брата единомышленнаго, и повѣряй имъ все случающееся при такомъ трудѣ твоемъ. Самъ же всегда дѣйствуй въ наибольшей простотѣ, въ великомъ смиреніи, и неприсвоеніи себѣ успѣха. Вѣдай, что настоящій успѣхъ происходитъ внутри, незамѣтно, не выдаваясь, какъ совершается ростъ тѣла. Посему, когда возгласится у тебя внутри — *а, вотъ оно!*, знай, что это возгласъ вражій, представляющій тебѣ нѣчто кажущееся вмѣсто дѣйствительнаго. Тутъ начало самопрельщенія. Заглушай сей гласъ сразу; иначе онъ, какъ труба, будетъ гудѣть у тебя, питая самомнѣніе.

9. Не опредѣляй времени потребнаго для успѣха въ молитвѣ сей. Положи только трудиться и трудиться. Пройдутъ мѣсяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успѣха. Одинъ изъ аѳонскихъ отцовъ говорилъ о себѣ, что прошло два года труда, пока согрѣлось сердце, у другого нѣкоего это пришло черезъ 8 мѣсяцевъ. У всякаго это происходитъ по мѣрѣ силъ его и усердія къ сему дѣлу» (Епископъ Ѳеофанъ. Невидимая брань. Стр. 207—212).

Таковы внѣшніе пріемы навыкновенія молитвѣ Іисусовой. Одновременно съ этимъ Епископъ Ѳеофанъ указываетъ и внутренній порядокъ молитвы. Онъ говоритъ: »Молитва — дѣло внутреннее. Главное, въ чемъ надо упражняться, есть память Божія или хожденіе въ присутствіи Божіемъ. Старайтесь пріобрѣсти навыкъ всегда быть въ сознаніи и чувствѣ, что находитесь подъ окомъ Божіимъ, проникающимъ всю глубину вашего сердца, и всѣ внутреннія движенія ваши видящимъ». »Корень добраго внутренняго строя есть страхъ Божій. Его надо сдѣлать неотходнымъ. Онъ будетъ все держать въ напряженіи, и не дастъ распускаться ни членамъ, ни мыслямъ, созидая бодренное сердце и трезвенную мысль. Но всегда помнить надо, и чувствовать, что успѣхъ въ духовной жизни и во всѣхъ ея проявленіяхъ есть плодъ благодати Божіей. Духовная жизнь —

вся отъ Пресвятаго Духа Божія». «Ищите и обрящете» обѣтовалъ Господь. Чего искать должно? Живого, осязательнаго общенія съ Господомъ. Даетъ сіе благодать Божія, но намъ необходимо и самимъ трудиться о томъ. Куда же обращать трудъ? На то, чтобы всегда памятовать о Господѣ, яко близь и даже въ сердцѣ сущемъ. Стань вниманіемъ въ сердцѣ предъ лицемъ Господа и говори: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Все дѣло въ этомъ и есть, и по существу дѣла — больше ничего не требуется» (Изъ писемъ Еп. Ѳ. къ иноку).

При прохожденіи Іисусовой молитвы имѣетъ особенное значеніе вопросъ о томъ, гдѣ должны быть сосредоточены во время молитвы умъ и вниманіе молящагося. По словамъ всѣхъ наставниковъ молитвы Іисусовой, вниманіе ума должно быть сосредоточено не въ головѣ, а въ сердцѣ. Епископъ Ѳеофанъ пишетъ: «Пока не сядетъ душа умомъ своимъ въ сердцѣ, до тѣхъ поръ не видитъ себя и не сознаетъ, какъ слѣдуетъ» (Сборн. о молитвѣ Іисусовой, § 140).

«Надобно изъ головы сойти въ сердце. Теперь у васъ помышленіе о Богѣ въ головѣ, а самъ Богъ какъ бы внѣ — и выходитъ, что это — работа внѣшняя. Пока вы въ головѣ, мысли не улягутся покойно, все будутъ мястись, какъ снѣгъ или толкашки комарей лѣтніе» (Сборн. о мол. Іисусовой, § 168).

«Вы писали, что отъ вниманія голова даже болитъ. Да, если головою только работать, а когда сойдете въ сердце, никакого труда не будетъ, голова опустѣетъ и помысламъ конецъ. Они все въ головѣ, и одинъ за другимъ гонятся и управиться съ ними нѣтъ возможности. Если же *найдете сердце* и *съумѣете стоять въ немъ*, то всякій разъ, какъ начнутъ смущать помыслы, стоитъ только низойти въ сердце — и помыслы разбѣгутся. Это будетъ уютный уголокъ, безопасное пристанище. Не полѣнитесь низойти. Въ сердцѣ — жизнь, тамъ и жить надобно. Не думайте, что это дѣло совершенныхъ. Нѣтъ. Это дѣло всѣхъ, начинающихъ искать Господа» (Сборн. о мол. Іисусовой, § 169).

«Какъ понимать выраженіе — *сосредоточить умъ въ*

сердцѣ? Умъ тамъ, гдѣ вниманіе. Сосредоточить его въ сердцѣ — значитъ установить вниманіе въ сердцѣ и умно зрѣть предъ собою присущаго невидимаго Бога, обращаясь къ Нему со славословіемъ, благодареніемъ и прошеніемъ, назирая при этомъ, чтобы ничто стороннее не входило въ сердце. *Тутъ вся тайна духовной жизни*» (Сборн. о мол. Іисусовой, § 170).

И епископъ Ѳеофанъ, и Епископъ Игнатій считаютъ сердце средоточіемъ высшей, духовной жизни человѣка. Еп. Ѳеофанъ такъ говоритъ о сердцѣ: »Сердце — внутреннѣйшій человѣкъ, или духъ, гдѣ самосознаніе, совѣсть, идея о Богѣ съ чувствомъ зависимости отъ Него всесторонней, вся духовная жизнь вѣчно-цѣнная» (Сборн., § 149).

Подобное же пишетъ, и еще съ большею опредѣленностью, и Еп. Игнатій: »Читая у Отцовъ о сердечномъ мѣстѣ, которое умъ обрѣтаетъ молитвою, надо понимать *словесную* силу сердца, помѣщенную Творцомъ *въ верхней части сердца*, силу, которою сердце человѣческое отличается отъ сердца скотовъ, имѣющихъ силу воли или желанія, и силу ревности или ярости, наравнѣ съ человѣками. Сила *словесства* выражается въ совѣсти или въ сознаніи нашего духа, безъ участія разума, въ страхѣ Божіемъ, въ духовной любви къ Богу и ближнему, въ ощущеніи покаянія, смиренія, кротости, въ сокрушеніи духа или глубокой печали о грѣхахъ, и въ другихъ духовныхъ ощущеніяхъ чуждыхъ животнымъ. Сила души — умъ, хотя и духовна, но имѣетъ мѣстомъ своего пребыванія головной мозгъ; сила же словесства или духъ человѣка, хотя и духовна, но имѣетъ мѣстомъ своего пребыванія верхнюю часть сердца, находящуюся надъ лѣвымъ сосцемъ груди, около сосца и нѣсколько выше его. Соединеніе ума съ сердцемъ есть соединеніе духовныхъ помысловъ ума съ духовными ощущеніями сердца» (Сборн. о мол. Іисусовой, § 148).

По ученію Еп. Игнатія, въ первозданномъ человѣкѣ находились въ полномъ единеніи и гармоніи умъ, сердце и тѣло. По грѣхопаденіи они оказались разсѣченными, раздѣленными, противоборствующими другъ другу. Возсое-

диняются они снова благодатію Божіею. »Отъ прикосновенія руки Его ко всему существу моему, умъ, сердце и тѣло соединились между собою, составили нѣчто цѣлое, единое; потомъ погрузились въ Бога, — пребываютъ тамъ, доколѣ ихъ держитъ тамъ невидимая, непостижимая, всемогущая рука» . . . (Сб. о мол. Іис., § 201).

»При молитвѣ нужно, чтобы духъ соединялся съ умомъ и вмѣстѣ съ нимъ произносилъ молитву, при чемъ умъ дѣйствуетъ словами, произносимыми одною мыслію или съ участіемъ голоса, а духъ дѣйствуетъ чувствомъ умиленія или плача. Соединеніе даруется въ свое время Божественною благодатію, а для новоначальнаго достаточно, если духъ будетъ сочувствовать и содѣйствовать уму При сохраненіи вниманія умомъ, духъ непремѣнно ощутитъ умиленіе. Духъ обыкновенно называется сердцемъ, какъ и вмѣсто слова умъ употребляется слово голова» (Сборн. о мол. Іис. § 220).

По словамъ Епископа Игнатія: »Не только всякое грѣховное чувствованіе и всякій грѣховный помыслъ, но и всѣ естественные помыслы и ощущенія, какъ бы они ни были тонки и замаскированы мнимою праведностью, разрушаютъ соединеніе ума съ сердцемъ, поставляютъ ихъ въ противодѣйствіе другъ другу. При уклоненіи отъ духовнаго направленія, доставляемаго Евангеліемъ, тщетны всѣ пособія и механизмы: *сердце и умъ никогда не соединятся между собою*» (Сб. о мол. Іисусовой, § 205). Поэтому »Если ощутилъ, что соединился умъ твой съ душею и тѣломъ что ты уже не разсѣченъ грѣхомъ на части, но составляешь нѣчто единое и цѣлое, что святый миръ Христовъ возвѣялъ въ тебѣ, то храни со всевозможнымъ тщаніемъ даръ Божій» (Сборн. о мол. Іисус § 199).

Взаимное сочетаніе ума и сердца въ дѣланіи Іисусовой молитвы является для неопытныхъ одной изъ большихъ трудностей этого дѣланія, влекущей за собою, при неумѣломъ образѣ дѣйствій, большія неправильности въ этомъ дѣланіи, о которыхъ подробно говорятъ наставники умнаго дѣланія. Поэтому-то здѣсь и требуется постоянное наблюденіе и совѣтъ опытнаго руководителя. Но обратимся къ

дальнѣйшему разсмотрѣнію внутренняго порядка дѣланія Іисусовой молитвы, по наставленіямъ Епископа Ѳеофана. »Что умъ послѣ нѣсколькихъ молитвъ убѣгаетъ изъ сердца и отъ памяти Божіей отстаетъ, это отъ слабости вниманія, и отъ равнодушія къ молитвѣ. Не дорожитъ душа молитвою, и спѣшитъ отдѣлаться отъ нея поскорѣе, бормоча ее кое-какъ. Взыщи страхъ Божій и съ нимъ приступай къ молитвѣ, и молись, держа вниманіе на смыслѣ словъ молитвенныхъ. Коротенькія молитовки и молитва Іисусова затѣмъ и употребляются, чтобы *привить сердцу чувство къ Богу*, и тѣмъ приковать вниманіе. Но если будемъ небрежно относиться къ молитвѣ, то никогда не преуспѣемъ въ ней. Помни также, что молитва одна не бываетъ въ совершенствѣ, а вмѣстѣ со всѣми добродѣтелями. По мѣрѣ усовершенствованія добродѣтелей совершенствуется и молитва (какъ объ этомъ уже была рѣчь въ первой нашей бесѣдѣ). Главнѣйшія добродѣтели суть: страхъ Божій, цѣломудріе, смиреніе, сокрушеніе, плоти умерщвленіе, терпѣніе, любовь. Когда онѣ будутъ, явятся и другія всѣ, а съ ними и молитва». Дѣланіе молитвы Іисусовой требуетъ съ самаго же начала большого вниманія, терпѣнія, постоянства. Имъ нельзя заниматься кое-какъ, спустя рукава. Вниманіе разбѣгается — необходимо его собрать; помыслы назойливо втискиваются въ сознаніе, раздражаютъ воображеніе — необходимо ихъ отстранить; поднимаются страсти, волнуютъ сердце — надо ихъ усмирить; кажущаяся безплодность самого дѣланія наводитъ уныніе, вызываетъ скуку — надо терпѣть и молиться. По ошибкѣ, по невѣдѣнію, по самочинію, по самообольщенію дѣлаются ложные шаги, надо каяться и исправлять ихъ. И при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ надо смиряться, не роптать, не прекращать молитвеннаго дѣланія, и всю свою надежду возлагать на помощь Божію. Такое состояніе можетъ продолжаться не мѣсяцы, а годы, пока, наконецъ, не затеплится въ сердцѣ постоянный огонекъ благодатной, самодвижной молитвы.

Въ прошлой бесѣдѣ мы уже указывали эту неизбѣжность постоянной борьбы съ многоразличными трудно-

стями при дѣланіи Іисусовой молитвы. Но я считаю нужнымъ еще и еще напоминать объ этомъ, предупреждать объ этихъ трудностяхъ и призывать къ тому, чтобы, испытывая эту борьбу, мы не падали духомъ, не обманывали бы себя, не думали, что это молитвенное дѣланіе совершается такъ же легко и просто, какъ по рецепту доктора получается лѣкарство въ аптекѣ.

Мы упоминали выше, что самое сочетаніе ума съ сердцемъ можетъ ставить въ затрудненіе и вызывать недоумѣніе. Недавно мною было получено письмо отъ одного инока, благоговѣйнаго дѣлателя Іисусовой молитвы, который былъ смущенъ строгими словами Епископа Игнатія, запрещающаго новоначальнымъ, подъ угрозою впаденія въ прелесть, входить молитвенно въ область сердца, и усмотрѣлъ въ этомъ запрещеніи противорѣчіе со словами старца Василія молдавскаго и Епископа Ѳеофана, указывающихъ необходимость при молитвѣ Іисусовой стоять вниманіемъ въ сердцѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи словъ Епископа Игнатія выяснилось, однако, что никакого противорѣчія между, Епископомъ Игнатіемъ и другими наставниками Іисусовой молитвы нѣтъ. Причина недоумѣнія оказалась въ разницѣ выраженій, употребляемыхъ подвижниками для обозначенія одной и той же мысли, и въ различіи моментовъ, о которыхъ они говорятъ. И Епископъ Игнатій не отрицаетъ необходимости участія сердца въ молитвѣ новоначальныхъ и страстныхъ, но выражаетъ эту мысль словами: »при сочувствіи сердца», а другіе выражаются иными словами. Такъ, старецъ схимонахъ Василій пишетъ о молитвѣ новоначальныхъ: »Св. Апостолъ сказалъ: хочу пять словъ сказать моимъ умомъ, нежели тысячу языкомъ. Поэтому, слѣдуетъ прежде всего этими пятичисленными словами очищать умъ и сердце, непрестанно говоря *во глубинѣ сердечной:* »Господи, Іисусе Христе, помилуй мя», и этимъ восходить къ *разумному* пѣнію. Ибо всякій новоначальный и страстный можетъ *разумно, при блюденіи сердца,* совершать эту молитву, пѣнія же не можетъ совершать *разумно, пока не предочистится сею молитвою».*

(Житіе и писанія Паисія Величковскаго. Изд. 1847 г. стр. 107).

Въ другомъ мѣстѣ старецъ Василій говоритъ еще опредѣленнѣе о возможности молитвы сердцемъ для новоначальныхъ и страстныхъ. Опровергая мнѣніе тѣхъ, кто считаетъ дѣланіе Іисусовой молитвы приличнымъ только святымъ и безстрастнымъ, старецъ пишетъ: »Первая степень преуспѣянія новоначальныхъ монаховъ состоитъ въ умаленіи страстей трезвеніемъ ума и блюденіемъ сердца, то есть *умною молитвою, подобающею дѣятельнымъ*». (Сочин. Еписк. Игнатія. т. 1. стр. 219).

Такимъ образомъ, то, что старецъ Василій называетъ »разумно, при блюденіи сердца» (или въ глубинѣ сердечной), совершаемой молитвой новоначальныхъ и страстныхъ — соотвѣтствуетъ, въ твореніяхъ Епископа Игнатія, молитвѣ »умомъ при сочувствіи сердца» совершаемой и всѣмъ доступной, не только преуспѣвшимъ, но и новоначальнымъ. У Епископа Ѳеофана этимъ же выраженіямъ соотвѣтствуютъ: »Стать надъ сердцемъ, стать умомъ въ сердцѣ, изъ головы сойти въ сердце, — все сіе, по его словамъ, одно и тоже. Существо дѣла въ сосредоточеніи вниманія и стояніи предъ невидимымъ Господомъ, но не въ головѣ, а внутри груди, — къ сердцу и въ сердцѣ». (Сб. о мол. Іис., § 184).

Слова »стать умомъ въ сердцѣ» самъ Епископъ Ѳеофанъ объясняетъ такъ: »Знаете, гдѣ сердце? Такъ, станьте тамъ вниманіемъ и стойте неисходно, — и будете умомъ въ сердцѣ; умъ неотлученъ отъ вниманія: гдѣ оно, тамъ и онъ.» (Сборн. о молитвѣ Іисусовой, § 176).

Въ другомъ мѣстѣ Епископъ Ѳеофанъ еще яснѣе указываетъ мѣсто сердца: »Гдѣ отзывается и чувствуется печаль, радость, гнѣвъ и проч., тамъ сердце. Тамъ и вниманіемъ стойте».

Итакъ, пишетъ инокъ, разрѣшая свое собственное недоумѣніе, если при молитвѣ необходимо »сочувствіе сердца», — а гдѣ сочувствіе, тамъ и вниманіе, а гдѣ вниманіе, тамъ и умъ, — то и выходитъ, что у всѣхъ трехъ наставниковъ разница только въ словахъ, а по существу они

говорятъ одно о тоже, а именно: что и новоначальнымъ, и страстнымъ, и не очистившимся отъ страстей, возможно и должно молиться въ сердцѣ Іисусовой молитвою съ цѣлью очищенія сердца отъ страстей.

Это заключеніе подтверждается и словами Епископа Ѳеофана: »Плодъ молитвы — сосредоточеніе вниманія въ сердцѣ и теплота. Это естественное дѣйствіе. Достигать сего всякому можно. И молитву сію творить можно всякому, не монаху только, но и мірянину. Это не есть какое либо высокое дѣло, а простое. И молитва Іисусова, одна сама по себѣ, не чудотворная какая, а какъ всякая другая краткая молитва, словесная и, слѣдовательно, внѣшняя. Но она можетъ перейти въ умную и сердечную . . . все естественнымъ путемъ. Что отъ благодати, того надо ждать, а взять того никакимъ инымъ способомъ нельзя. Что вамъ писали, что надо прежде страсти очистить, то относится къ высокой, созерцательной молитвѣ; а это простая молитва . . . могущая, однакожъ, привести къ высокой молитвѣ». (Сборн. о мол. Іисусовой, § 77).

Мы подошли къ предѣлу, гдѣ молитва первоначальная, дѣлательная или трудовая, соприкасается съ молитвою благодатною, зависящею уже не отъ нашихъ усилій, а отъ Божіей благодати. Наши же усилія здѣсь сводятся лишь къ тому, чтобы не помѣшать благодати Божіей дѣйствовать въ насъ. Всѣ наставники молитвы согласно предостерегаютъ противъ самочинныхъ и преждевременныхъ исканій высшей молитвы. Епископъ Игнатій пишетъ: »Иное молиться со вниманіемъ при участіи сердца, иное нисходить умомъ въ сердечный храмъ, и оттуда приносить таинственную молитву, исполненную силы и благодати Божественныхъ. Второе происходитъ отъ перваго. Вниманіе ума при молитвѣ привлекаетъ сердце къ сочувствію; при усиленіи вниманія сочувствіе сердца уму обращается въ соединеніе сердца съ умомъ; наконецъ, при вниманіи, усвоившемся молитвѣ, умъ нисходитъ въ сердце, для глубочайшаго молитвеннаго священнослуженія. Все сіе совершается подъ водительствомъ благодати Божіей, по

ея благоволенію и усмотрѣнію. Стремленіе ко второму прежде стяжанія перваго не только безполезно, но можетъ быть причиною величайшаго вреда». (Соч. т. 2, стр. 263).

Тоже самое говоритъ и схимонахъ Василій. Признавая возможной для новоначальныхъ дѣятельную сердечную молитву, онъ предостерегаетъ отъ преждевременнаго и самочиннаго исканія зрительной или созерцательной молитвы, говоря: »Дерзостный и самонадѣянный, ища того, что выше его достоинства и устроенія, горделиво добивается того, чтобы прежде времени достигнуть зрительной молитвы . . . Если кто въ самомнѣніи мечтаетъ достигнуть высокаго, охваченный сатанинскимъ, а не истиннымъ желаніемъ, такого діаволъ легко улавливаетъ своими сѣтями, какъ своего слугу». (Житіе и писанія Паисія Величковскаго, изд. 1847 г. стр. 112).

Запрещая исканіе безвременно и преждевременно открытія въ себѣ явственнаго дѣйствія благодати, Епископъ Игнатій подкрѣпляетъ свои слова грознымъ прещеніемъ святого Григорія Синаита, приводимымъ также и преп. Ниломъ Сорскимъ: »Память Божів, то-есть умная молитва, выше всѣхъ дѣланій, добродѣтелей глава, какъ любовь Божія. Кто безстыдно и дерзко захочетъ войти къ Богу и бесѣдовать съ Нимъ чисто, кто нудится стяжать Его въ себѣ: тотъ удобно умерщвляется бѣсами, если будетъ попущено, какъ взыскавшій достигнуть того дерзостно и гордостно, превыше своего достоинства и устроенія».

Возникаетъ вопросъ, не распространяетъ ли св. Григорій Синаитъ эту свою угрозу и на тѣхъ новоначальныхъ и страстныхъ, которые, по словамъ старца Василія, совершеніемъ Іисусовой молитвы »въ глубинѣ своего сердца» стремятся очистить сердце отъ страстей?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у св. Григорія въ его ученіи о борьбѣ съ помыслами. Здѣсь мы входимъ въ такую область дѣланія Іисусовой молитвы, которая близка и понятна болѣе монашествующимъ, нежели міянамъ, но и міянамъ не мѣшаетъ имѣть о ней нѣкоторое понятіе — оно можетъ и имъ оказаться полезнымъ.

Св. Григорій Синаитъ указываетъ разные способы борьбы съ помыслами: одни — для сильныхъ и совершенныхъ, другіе — для слабыхъ и новоначальныхъ. Онъ говоритъ: »Сильнымъ и совершеннымъ принадлежитъ бороться всегда однимъ, и непрестанно обращать на нихъ мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій (Еф. 6: 17); немощные же и новоначальные пользуются, какъ твердынею, бѣгствомъ, съ благоговѣніемъ и страхомъ отказываясь отъ противоборства, и не дерзая прежде времени вступать въ него, и такимъ образомъ избѣгаютъ смерти» . . . »Сего ради новоначальному надлежитъ внимать сердечному дѣйству, какъ незаблудному (т. е. стоя вниманіемъ въ сердцѣ, творить молитву Іисусову), все прочее не принимать до времени умиренія отъ страстей» . . . »Изъ новоначальныхъ никто никогда не можетъ отогнать помысла, если Богъ не отгонитъ его. Только сильнымъ свойственно бороться съ ними и прогонять ихъ. Но и они не сами собою отгоняютъ ихъ, а съ Богомъ воздвигаются на брань съ ними, какъ облеченные во всеоружіе Его. Ты же, когда приходятъ помыслы, призывай Господа Іисуса часто и терпѣливо, и они отбѣгнутъ: ибо, не терпя сердечной теплоты, молитвою подаемой, они, какъ огнемъ палимые, отбѣгнутъ. Іисусовымъ именемъ, говоритъ Лѣствичникъ, бичуй супостатовъ: ибо Богъ намъ есть огнь, поядаяй злобу . . . Не имѣющій же дѣйства молитвы инымъ побѣждаетъ ихъ, подражая Моисею. Ибо когда онъ возстанетъ и на небо простретъ руки и очи свои (Исх. 17: 11), Богъ прогоняетъ ихъ. Потомъ онъ опять садится и начинаетъ молитву съ терпѣніемъ. Вотъ какой способъ употребляютъ еще не стяжавшіе дѣйства молитвы. Но и имѣющій дѣйство молитвы, при движеніи тѣлесныхъ страстей — разлѣненія или блуда, страстей лютыхъ и тяжкихъ, часто вставая, простираетъ руки въ помощь противъ нихъ. Однакожъ прелести ради не долго сіе творитъ, и опять садится, чтобъ врагъ не обольстилъ ума его, показавъ какой-либо призракъ. Ибо имѣть умъ даже безопасный отъ паденія, и горѣ, и долу, и въ сердцѣ, и всюду безопаснымъ отъ вреда свойственно однимъ чистымъ и совершеннымъ».

Изъ этихъ словъ св. Григорія Синаита видно, что угроза его, которую мы привели выше, не относится къ тѣмъ, кто, стоя вниманіемъ въ сердцѣ, творитъ Іисусову молитву на помыслы; она относится къ тѣмъ, кто самовольно и преждевременно стремится къ созерцательной молитвѣ, или же, будучи страстнымъ, вступаетъ въ единоборство или противоборство бѣсовскимъ помысламъ, тогда какъ ему нужно, стоя вниманіемъ въ сердцѣ, вопіять именемъ Божіимъ о помощи противъ враговъ. Тоже самое говоритъ и св. Варсонофій Великій на вопросъ ученика: »Если страстный помыслъ войдетъ въ сердце, чѣмъ отражать его? Тѣмъ ли, чтобы противорѣчить ему, или произнести запрещеніе, и какъ бы прогнѣваться на него, или тѣмъ, чтобы прибѣгнуть къ Богу и повергнуть предъ Нимъ свою немощь? »Старецъ отвѣтилъ: »Страсти тѣ же скорби, и Господь не отдѣлилъ ихъ, но сказалъ: призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя (Ис. 49: 15). И потому въ отношеніи всякой страсти ничего нѣтъ полезнѣе, какъ призывать имя Божіе. Противорѣчить же прилично не всѣмъ, но только сильнымъ о Богѣ, которымъ повинуются бѣсы. Если же кто изъ несильныхъ будетъ противорѣчить, бѣсы ругаются надъ нимъ, что находясь въ ихъ власти, онъ же имъ противорѣчитъ. Также и запрещать имъ — дѣло мужей великихъ, имѣющихъ надъ ними власть. Многіе ли изъ святыхъ запрещали діаволу, подобно Михаилу Архангелу, который сдѣлалъ сіе, потому что имѣлъ власть. Намъ же, немощнымъ, остается только прибѣгать къ имени Іисусову; ибо страсти, какъ сказано, суть демоны — и уходятъ (отъ призыванія сего имени)». (Вопросъ 301).

Тоже самое читаемъ мы и у св. Исихія: »Если, начавъ жительствовать во вниманіи ума, съ трезвеніемъ сочетаемъ смиреніе и съ прекословіемъ совокупимъ молитву, то будемъ добро шествовать мысленнымъ путемъ, какъ со свѣтильникомъ свѣта, съ поклоняемымъ и святымъ именемъ Іисуса Христа, какъ выметая и очищая отъ грѣха. такъ и украшая и убирая домъ сердца своего. Если же на одно

свое трезвеніе или вниманіе понадѣемся, то скоро подвергшись нападенію враговъ, падемъ, бывъ низринуты. И начнутъ тогда во всемъ одолѣвать насъ эти коварнѣйшіе злокозники, а мы начнемъ больше и больше опутываться злыми пожеланіями, какъ сѣтями, или совершенному закланію удобно подвергнемся отъ нихъ, не имѣя въ себѣ побѣдоноснаго меча — имени Іисусъ-Христова. Ибо только сей священный мечъ, будучи непрестанно вращаемъ въ упраздненномъ отъ всякаго образа сердцѣ, умѣетъ обращать ихъ вспять и посѣкать, опалять и поядать, какъ огонь солому». (Исихій, § 152).

Итакъ, сильные Богомъ, съ этимъ священнымъ мечемъ, выступаютъ на борьбу съ врагомъ, немощные же, спасаясь бѣгствомъ въ собственное сердце, оттуда вопіютъ къ Господу Іисусу о помощи, и такимъ образомъ избавляются отъ врага.

Нѣтъ, однако, ничего опаснѣе, какъ поддаваясь помысламъ и впадая въ тяжкіе грѣхи, совмѣщать это съ Іисусовою молитвою. Епископъ Игнатій пишетъ объ этомъ такъ: »Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые благонамѣренные люди, но впадающіе въ блудъ на самомъ дѣлѣ, не могущіе по несчастной привычкѣ воздержаться отъ паденій, покушаются на упражненіе въ сердечной молитвѣ. Можетъ ли быть что либо безразсуднѣе, невѣжественнѣе, дерзостнѣе этого начинанія!» Епископъ же Ѳеофанъ говоритъ: »Сумашествіе отъ молитвы Іисусовой можетъ произойти тогда, когда, творя сію молитву, не отстаютъ отъ какихъ либо грѣховъ и привычекъ грѣшныхъ, кои осуждаетъ совѣсть. При семъ внутри происходитъ глубокій разладъ, прогоняющій всякую мирность сердца. Отсюда помутиться можетъ голова, и понятія придти въ смятеніе и запутанность» (Сборн. о мол. Іисус., § 372).

Конечно, въ приведенныхъ примѣрахъ виновата не Іисусова молитва, а виновато допущенное противорѣчіе между порочнымъ образомъ жизни и молитвеннымъ дѣланіемъ. Душа не можетъ мириться съ такимъ внутреннимъ противорѣчіемъ и такою двойственностью, и нарушенное равновѣсіе духа и постоянные укоры совѣсти приводятъ къ душевному разстройству.

Изъ всего сказаннаго совершенно ясно, что вышеупомянутая угроза и прещенія св. Григорія Синаита и преп. Нила Сорскаго — не относятся къ тѣмъ, кто, хотя и обуреваемы страстями и помыслами, съ покаяннымъ чувствомъ, съ благоговѣніемъ и вниманіемъ, въ глубокомъ смиреніи ищутъ въ молитвѣ Іисусовой спасенія и очищенія отъ страстей. Угроза относится только къ тѣмъ, кто самочинно и дерзостно стремится преждевременно, не очистившись отъ страстей, къ высшей, созерцательной молитвѣ, или къ тѣмъ, кто предаваясь своимъ страстямъ и не заботясь объ очищеніи сердца, пытается совмѣстить съ этимъ и дѣланіе Іисусовой молитвы. Такой можетъ даже повредиться и умомъ.

Существуютъ и другіе неправильные подходы къ Іисусовой молитвѣ, о которыхъ необходимо знать молящемуся. И хотя они также болѣе имѣютъ отношеніе къ монашествующимъ, но не мѣшаетъ ихъ знать и каждому дѣлателю Іисусовой молитвы. Таковы, напримѣръ, тѣ неправильности въ молитвѣ, о которыхъ говоритъ св. Симеонъ Новый Богословъ въ своемъ словѣ о трехъ образахъ вниманія и молитвы. Это свое слово онъ предваряетъ слѣдующими поучительными наставленіями: »Есть три образа вниманія и молитвы, коими душа возвышается и преуспѣваетъ, или низвергается и гибнетъ. Кто эти три образа употребляетъ *въ свое время* и *какъ слѣдуетъ*, тотъ преуспѣваетъ; а кто употребляетъ ихъ неразумно и не во время, тотъ низвергается. Вниманіе такъ должно быть связуемо и неразлучно съ молитвою, какъ связано и неразлучно тѣло съ душею. Вниманіе должно идти впередъ и сторожить враговъ, какъ нѣкій стражъ; оно первое пусть вступаетъ въ борьбу съ грѣхомъ и противостоитъ злымъ помысламъ, входящимъ въ душу, а позади вниманія пусть слѣдуетъ молитва, которая истребляетъ и побиваетъ тотчасъ всѣ тѣ злые помыслы, съ которыми предъ симъ вело брань вниманіе: ибо одно оно не можетъ ихъ побивать. *На этой брани вниманія и молитвы (съ помыслами) виситъ жизнь и смерть души.* Если вниманіемъ хранимъ молитву чистою, то преуспѣваемъ, а если не внимаемъ, чтобы хранить ее чистою, но оставляемъ неохра-

няемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываемъ непотребными и безуспѣшными».

Послѣ этихъ словъ преп. Симеонъ переходитъ къ первому образу вниманія и молитвы, въ которомъ неправильное преобладающее положеніе занимаетъ *воображеніе*.

Передавая слова преп. Симеона, Еп. Ѳеофанъ предваряетъ ихъ слѣдующими своими замѣчаніями: »Въ естественномъ порядкѣ, или строѣ нашихъ силъ, на переходѣ отвнѣ внутрь (т. е. къ сердцу) стоитъ воображеніе. Надо благополучно миновать его, чтобы благополучно попасть на настоящее мѣсто внутри. По неосторожности можно застрять на немъ и, оставаясь тамъ, быть увѣреннымъ, что вошли внутрь, тогда какъ это только внѣшнее преддверіе . . . Да это бы еще ничего; но этому состоянію всегда почти сопутствуетъ самопрельщеніе, а изъ него развивается визіонерство, съ его пагубными послѣдствіми . . . Извѣстно, продолжаетъ Еп. Ѳеофанъ, что вся забота ревнителей о духовной жизни обращена на то, чтобы поставить себя въ должное отношеніе къ Богу. Совершается это и обнаруживается въ молитвѣ. Она есть путь восхожденія къ Богу, и ея степени суть степени приближенія нашего духа къ Богу. Самый простой законъ для молитвы — *ничего не воображать*, и собравшись умомъ въ сердцѣ, стать въ убѣжденіи, что Богъ близь, видитъ и внимаетъ, и въ этомъ убѣжденіи припадать къ Нему, страшному въ величіи и близкому въ благоснисхожденіи къ намъ . . . Помышлять о Немъ надобно, какъ о Духѣ чистѣйшемъ, не имѣющемъ никакого вида и образа . . . Имѣть такое помышленіе даетъ только благодать, когда образуется в сердцѣ чувство къ Богу. До тѣхъ же поръ помышленіе наше о Богѣ не совершенно, смѣшано съ какою либо формою. Напр., пророкъ говоритъ: »Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть». Это образъ. Всячески надо стараться о томъ, чтобы молиться безъ образовъ Божіихъ. Стой въ сердцѣ съ вѣрою, что и Богъ тутъ же есть, а какъ есть, не соображай . . . Между тѣмъ иные вотъ что дѣлаютъ во время молитвы» . . . Далѣе слѣдуютъ слова св. Симеона: »Предстоя на молитвѣ,

возводятъ на небо очи и умъ, и воображаютъ въ умѣ своемъ Божественныя помышленія, небесныя блага, чины св. Ангеловъ и обители святыхъ, словомъ — все, что говорится въ Писаніи объ этихъ предметахъ, вызываютъ ихъ изъ памяти и перебираютъ воображеніемъ во время молитвы, стараясь потрясти этимъ свое чувство, въ чемъ иногда и успѣваютъ, разгорячаютъ свое сердце къ желанію Божественнаго, умиляются и плачутъ» . . .

I. Батюшка, да вѣдь молящіеся такою молитвою есть и среди моихъ прихожанъ. Въ ней они видятъ проявленіе подлиннаго религіознаго настроенія, очень высоко ее цѣнятъ, ищутъ ея, и когда достигаютъ, думаютъ, что достигли истинной молитвы и боятся потерять ее. Иные при этомъ видятъ даже свѣтъ отъ иконъ или улыбку на иконныхъ ликахъ, и другія подобныя явленія, которыя они считаютъ благодатными.

И. Слушайте дальше, и вы увидите, насколько они правы и въ чемъ ошибаются. Представлять предметы Божественные подъ тѣми образами, продолжаетъ уже свою собственную рѣчь Еп. Ѳеофанъ, какъ они представляются въ Писаніи, ничего нѣтъ худого и опаснаго; мы и разсуждать о нихъ иначе не можемъ, какъ облекая понятія въ образы, — но не должно никогда думать, что и на дѣлѣ такъ есть, какъ эти образы являются, и тѣмъ болѣе останавливаться на этихъ образахъ во время молитвы. Во время благочестивыхъ размышленій, или при богомысліи, это умѣстно; но во время молитвы нѣтъ. Образы *держатъ вниманіе во внѣ*, какъ бы они священны ни были, а *во время молитвы вниманію надо быть внутрь, въ сердцѣ;* сосредоточеніе вниманія въ сердцѣ есть исходный пунктъ должной молитвы. И поелику молитва есть путь восхожденія къ Богу, то уклоненіе вниманія отъ сердца есть уклоненіе отъ этого пути. Значитъ, употребляющіе означенный, воображательный образъ держанія себя во время молитвы, на первыхъ же порахъ сами себѣ устраиваютъ препоны къ дѣлу, за которое взялись съ такою ревностью. Но въ этой неправости начала есть только начало бѣды, которое наводитъ на нѣчто

худшее и опаснѣйшее. Такъ какъ это пареніе или летаніе ума въ небесныхъ областяхъ легко и, по связи сердца съ воображеніемъ, тотчасъ оставляетъ слѣдъ вліянія своего въ разблаженіи чувствъ, то занимающійся такъ, тотчасъ начинаетъ мечтать объ успѣшности своего дѣла и о своемъ совершенствѣ. »У такого», говоритъ св. Симеонъ, »мало по малу кичится сердце; ибо онъ воображаетъ, что совершаемое имъ и происходящее въ немъ бываетъ отъ Божественной благодати къ утѣшенію его. Почему онъ и молитъ Бога, чтобы далъ ему и всегда быть въ такомъ состояніи; а оно не есть доброе состояніе, а прелесть». Такимъ образомъ, у него путь къ преуспѣянію пресѣкается въ самомъ началѣ, ибо искомое считается достигнутымъ, тогда какъ достиженіе его еще не начато. Посему то такой человѣкъ »никогда не можетъ придти въ разумъ и достигнуть добродѣтели или безстрастія». Далѣе — самомнѣніе еще болѣе разгорячаетъ воображеніе, и оно быстро рисуетъ новыя картины, вставляя въ свои мечтанія личность мечтающаго, и представляя ее всегда въ привлекательномъ видѣ, въ близости къ Богу, ангеламъ и святымъ. Чѣмъ болѣе онъ такъ мечтаетъ, тѣмъ болѣе укореняется въ немъ убѣжденіе, что онъ точно уже другъ неба и небожителей, достойный осязательнаго съ ними сближенія и особыхъ откровеній. На этой степени начинается *визіонерство*, и какъ естественная болѣзнь душевная, и болѣе того, какъ дѣло врага, который не дремлетъ.

»Такимъ образомъ, многіе прельстились, видя свѣтъ и сіяніе очами тѣлесными, обоняя благоуханіе обоняніемъ своимъ, слыша гласы ушами своими и т. п. Иные изъ нихъ повреждались въ умѣ и переходили съ мѣста на мѣсто, какъ помѣшанные. Иные, принявъ бѣса, являвшагося имъ въ образѣ свѣтлаго Ангела, до того утверждались въ прелести, что до конца оставались неисправимыми, и не принимали совѣта ни отъ одного брата; иные, по внушенію бѣсовскому, сами себя убивали, низвергались въ стремнины, удавливались. И кто можетъ исчислить всѣ прельщенія, въ какія ввергалъ таковыхъ врагъ! Если не всякій изъ держащихся такого образа молитвы терпитъ вредъ, то спасаются глав-

нымъ образомъ тѣ, которые живутъ въ обителяхъ съ другими братіями. Но все же они проводятъ жизнь безъ всякаго успѣха» . . . Бываютъ видѣнія и истинныя, продолжаетъ Еп. Оеофанъ, опытные умѣютъ ихъ различать отъ порожденій своего воображенія и привидѣній бѣсовскихъ; но какъ на дѣлѣ людей неопытныхъ болѣе, чѣмъ опытныхъ, и къ тому же врагъ слишкомъ хитеръ, то поставлено вообще закономъ (духовной жизни) не принимать никакихъ видѣній и не довѣряться имъ. »Внимай себѣ тщательно, рачитель Божіяго дѣла», пишетъ св. Григорій Синаитъ, »и разумно совершай дѣло свое. Если увидишь свѣтъ или огонь, внѣ себя или внутри, или образъ какой, Христа, напримѣръ, или ангела, или иного кого, — не принимай того, чтобы не потерпѣть вреда. И уму своему не попускай строить въ тебѣ такіе образы: это внѣшнее дѣло и ведетъ къ прелести. И если замѣтишь, что будто тянетъ кто умъ твой къ такимъ внѣшнимъ воображеніямъ, — не поддавайся, держись внутрь, и совершай дѣло вниманія къ Богу, безъ всякихъ образовъ».

Переходимъ теперь ко второму неправильному образу молитвы. Какъ мы сказали выше, первый неправильный образъ молитвы, каковую можно назвать *мечтательной молитвой*, происходитъ отъ того, что иные дѣйствуютъ въ немъ преимущественно воображеніемъ и фантазіей.

Эти силы составляютъ первую инстанцію въ движеніи отвнѣ внутрь, которую слѣдовало бы миновать, а вмѣсто того останавливаются на ней. Вторую инстанцію на пути внутрь представляетъ разсудокъ, разумь, умъ, вообще, разсуждающая и мыслящая сила. Слѣдуетъ и ее миновать, и вмѣстѣ съ нею сойти въ сердце. Когда же останавливаются на ней, то происходитъ второй неправый образъ молитвы, отличительная черта котораго та, что *умъ, оставаясь въ головѣ, самъ собою все въ душѣ хочетъ уладить и всѣмъ управить*, но изъ трудовъ его ничего не выходитъ. Онъ за всѣмъ гоняется, но ничего одолѣть не можетъ, и только терпитъ пораженія (Еп. Ѳеофанъ. Письма о духовной жизни. Стр. 184).

Это состояніе бѣднаго ума очень полно изображено у Сим на Новаго Богослова. Онъ пишетъ: »Второй образъ есть такой, когда кто сводитъ умъ свой къ себѣ, отвлекая его отъ всего чувственнаго, и хранитъ чувства свои, и собираетъ всѣ помыслы свои, чтобы они не скитались по суетнымъ вещамъ міра сего, и то изслѣдуетъ помыслы свои, то внимаетъ словамъ произносимой молитвы, то возвращаетъ къ себѣ свои помыслы, если они, бывъ плѣнены діаволомъ, унеслись къ чему-нибудь суетному и худому, то снова съ большимъ трудомъ и принужденіемъ приходитъ въ себя самого, если былъ возобладанъ и побѣжденъ какою-либо страстію. (»А между тѣмъ, какъ происходитъ это броженіе въ головѣ, сердце идетъ своимъ чередомъ; его никто не блюдетъ, и на него набѣгаютъ заботы и страстныя движенія. Тогда и умъ себя забываетъ, и убѣгаетъ къ предметамъ заботъ и страстей; и ужъ развѣ когда-то когда опомнится». — Еп. Ѳеофанъ. Письма о дух. жизни. Стр. 172). Имѣя такой подвигъ и такую брань внутри самого себя, онъ никогда не можетъ быть миренъ, или найти время творить добродѣтель, и получить вѣнецъ правды. Ибо онъ подобенъ ведущему брань со своими врагами ночью во тьмѣ, слышитъ голоса враговъ, и раны отъ нихъ получаетъ, но не можетъ ясно видѣть, кто они, и откуда пришли, и какъ, и ради чего борются съ нимъ. Такъ какъ тьма, которая находится въ умѣ его, и буря, которую онъ имѣетъ въ помыслахъ, приносятъ ему этотъ ущербъ, и онъ никакъ не можетъ освободиться отъ своихъ мысленныхъ враговъ, чтобы они не сокрушали его; и несетъ большой трудъ, награды же лишается, ибо окрадывается тщеславіемъ, не замѣчая сего, и думаетъ о себѣ, что онъ внимателенъ; и много разъ отъ гордости презираетъ другихъ и осуждаетъ ихъ, и считаетъ себя, въ своемъ воображеніи, достойнымъ быть пастыремъ овецъ, и путеводительствовать ихъ, уподобляясь слѣпцу, пытающемуся водить другихъ слѣпцовъ. Таковъ второй образъ вниманія, и каждый, желающій себѣ спасенія, долженъ быть очень внимателенъ и замѣчать вредъ, какой онъ причиняетъ душѣ. Впрочемъ, этотъ второй образъ (молитвы) лучше перваго, какъ лун-

ная ночь лучше безлунной». Епископъ Ѳеофанъ называетъ этотъ образъ молитвы *умно-головнымъ*, въ противоположность третьему — умно-сердечному, или сердечно-умному.

»Третій образъ вниманія и молитвы, приводитъ Еп. Ѳеофанъ слова св. Симеона, есть вещь воистину преславная и неудобоизъяснимая, даже невѣроятная, пока кто не испытаетъ ее дѣломъ. И въ наши времена не у весьма многихъ найдешь ты его. Тутъ нѣтъ того, чтобы умъ свой занимать воображеніями небесныхъ вещей, или, держа умъ въ головѣ только, гоняться безуспѣшно за помыслами, оставляя сердце быть пораженнымъ, когда и какъ придется. Что же это такое? Приготовленіемъ къ этому образу молитвы служитъ совершенное послушаніе духовному отцу своему, сопровождаемое безпопеченіемъ. и храненіе совѣсти своей чистою предъ Богомъ, предъ своимъ духовнымъ отцомъ, предъ всѣми людьми и въ отношеніи ко всѣмъ вещамъ. Предъ Богомъ хранить совѣсть свою чистою, значитъ, не дѣлать ничего, о чемъ знаешь, что оно непріятно и неугодно Богу; хранить совѣсть свою чистою предъ духовнымъ отцомъ, значитъ, ничего — ни больше, ни меньше — не дѣлать противъ заповѣданнаго имъ; къ инымъ людямъ хранить совѣсть свою чистою, значитъ, не дѣлать имъ ничего, чего не хочешь, чтобы они дѣлали тебѣ; къ вещамъ хранить чистою совѣсть, значитъ, беречься злоупотребленія, но все употреблять надлежащимъ образомъ, — пищу, питье, одежду и прочее. Коротко: все долженъ ты дѣлать, какъ предъ лицемъ Бога, чтобы совѣсть отнюдь ни въ чемъ не обличала тебя, что ты не хорошо сдѣлалъ то или это. Устроясь такъ, приступи къ прохожденію третьяго образа вниманія и молитвы, который состоитъ въ слѣдующемъ: умъ, во время молитвы, да пребываетъ неисходно внутрь сердца, и оттуда, то есть, изъ глубины сердца, да возсылаетъ молитвы къ Богу. (Въ этомъ существо дѣла! Еп. Ѳеоф.). Когда вкуситъ онъ потомъ изъ среды сердца, яко благъ Господь, и усладится тѣмъ, тогда не станетъ уже болѣе исходить изъ мѣста сердечнаго, говоря, какъ нѣкогда Ап. Петръ: *добро есть намъ здѣ быти;* но будетъ всегда зрѣть внутрь сердца, и

тамъ пребывать, вымышляя образъ нѣкій прогонять всѣ помыслы, всѣваемые туда врагомъ. Тѣмъ, которые не извѣдали еще этого спасительнаго дѣланія, кажется оно весьма труднымъ и стѣснительнымъ; тѣ же, которые вкусили сладость его во глубинѣ сердца своего, взываютъ съ Ап. Павломъ: *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія* (Римл. 8: 35).

Св. Отцы наши, слыша слово Господа, что отъ сердца исходятъ помышленія злыя — убійство, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы — и сквернятъ человѣка, слыша также заповѣдь Его очищать *внутреннее стклянницы, да будетъ и внѣшнее чисто*, оставили всякое иное дѣло, и всю ревность свою, весь подвигъ свой обратили на храненіе сердца, наьѣрно зная, что этимъ дѣланіемъ удобно стяжать и всякую другую добродѣтель; а безъ него не успѣютъ ни въ одной. Это дѣланіе нѣкоторые изъ Отцовъ назвали безмолвнымъ, сердечнымъ, иные — вниманіемъ, иные — трезьѣніемъ, иные — храненіемъ ума Они всѣ упражнялись въ немъ и сподобились небесныхъ дарованій. Кто хочетъ знать о томъ, пусть читаетъ Марка Подвижника, Іоанна Лѣствичника, преп. Исихія, Филофея Синайскаго, авву Исаію, Варсонофія и другихъ.

Вотъ какъ надобно проходить эти дѣланія. Три вещи необходимо тебѣ хранить прежде всего другого: *первое*, безпопеченіе о всякой вещи, благословной и неблагословной; *второе*, совѣсть чистую во всемъ, такъ, чтобы она ни въ чемъ тебя не обличала; и *третье*, безпристрастіе совершенное, чтобы помыслъ твой не уклонялся въ пристрастіе ни къ чему мірскому. Утвердивъ все это въ сердцѣ твоемъ, сядь въ какомъ нибудь безмолвномъ мѣстѣ, наединѣ, въ углу, затвори дверь, собери умъ твой, отвлекши его отъ всякой привременной и суетной вещи, прижми къ груди бороду, сдерживай немного дыханіе твое, низведи умъ твой въ сердце твое, обративъ туда и чувственныя очи, и внимая ему, держи тамъ умъ свой, и пробуй умомъ найти мѣсто, гдѣ находится сердце твое, чтобы тамъ быть совершенно и умъ твой. Сначала ты встрѣтишь тамъ тьму и жесткость; но потомъ, если будешь продолжать это дѣло вниманія день и

ночь, найдешь тамъ непрестанное веселіе. Умъ, подвизаясь въ этомъ, найдетъ мѣсто сердечное, и тогда скоро увидитъ тамъ то, чего никогда не видалъ и не вѣдалъ, — увидитъ себя свѣтлымъ, исполненнымъ благоразумія и разсужденія. И оттолѣ впредь, откуда бы ни возникъ и ни явился какой помыслъ, прежде чѣмъ войдетъ онъ въ сердце и изобразится въ немъ, будетъ онъ отгонять его оттуда и потреблять именемъ Іисусовымъ, говоря: »Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!» И съ этихъ поръ умъ человѣческій начинаетъ уже имѣть памятозлобіе и ненависть къ бѣсамъ, и непрестанную борьбу, и воздвигаетъ на нихъ естественный гнѣвъ, и гонитъ ихъ, бичуетъ и истребляетъ. Остальное же, что обычно бываетъ при этомъ, узнаешь послѣ, съ помощію Божіею, самъ, своимъ опытомъ, посредствомъ вниманія ума твоего, держа въ сердцѣ Іисуса, то есть, означенную молитву: »Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!»

При этомъ не забывай слѣдующее мудрое наставленіе св. Іоанна Лѣствичника. Онъ уподобляетъ дѣло спасенія лѣстницѣ о четырехъ ступеняхъ и говоритъ: одни укрощаютъ и ослабляютъ страсти; другіе поютъ, то есть, молятся устами своими; иные упражняются въ умной молитвѣ; а иные восходятъ къ видѣнію. Хотящіе восходить по этимъ четыремъ ступенямъ не должны начинать сверху, но должны восходить снизу, и ступивъ на первую ступень, восходить съ нея на вторую, потомъ на третью и, наконецъ, уже на четвертую. Этимъ путемъ всякій можетъ подняться отъ земли и взойти на небо. И сначала нужно подвизаться въ укрощеніи и умаленіи страстей; потомъ, упражняться въ псалмопѣніи, т. е., навыкнуть молиться устно; и когда страсти умалятся, тогда молитва по самой природѣ своей уже доставляетъ веселье и сладость языку и становится благоугодной Богу. Далѣе, нужно молиться умно; и, наконецъ, восходить къ видѣнію.

И первое есть дѣло новоначальныхъ, второе — возрастающихъ въ преуспѣяніи, третье — достигшихъ до конца преуспѣянія, и четвертое — совершенныхъ (Еп. Ѳеофанъ. Письма о духовн. жизни. Стр. 195).

I. Ученіе преп. Симеона Новаго Богослова о трехъ образахъ вниманія и молитвы исполнено глубины, тонкости и и ясности въ описаніи внутренняго состоянія человѣка и видовъ молитвеннаго дѣланія. Оно дало мнѣ объ этомъ предметѣ новыя понятія, какихъ я до сихъ поръ не имѣлъ. Но мнѣ кажутся странными и ненужными тѣ внѣшніе механическіе пріемы собиранія вниманія ума въ сердцѣ, какіе онъ рекомендуетъ своимъ ученикамъ. Да и не меня одного смущаютъ эти совѣты въ дѣланіи Іисусовой молитвы. Я знаю людей, которые не только съ недоумѣніемъ, но даже съ нѣкоторой насмѣшкой относятся къ этимъ внѣшнимъ пріемамъ; изъ-за этихъ внѣшнихъ пріемовъ они не видятъ самаго существа Іисусовой молитвы, которое вы такъ обстоятельно мнѣ разъясняете, и относятся къ этой молитвѣ отрицательно. Это почувствовалъ, повидимому, и Епископъ Ѳеофанъ, который въ своемъ переводѣ Добротолюбія счелъ даже возможнымъ опустить описаніе этихъ внѣшнихъ пріемовъ сосредоточенія вниманія ума въ сердцѣ.

И. Вы не правы, смущаясь словами и совѣтами преп. Симеона Новаго Богослова, а также и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ Отцовъ Церкви о внѣшнихъ пріемахъ Іисусовой молитвы. Епископъ Ѳеофанъ, дѣйствительно, въ Добротолюбіи опустилъ описаніе этихъ пріемовъ, но въ книгѣ »Письма о духовной жизни» даетъ ихъ подробное описаніе. Смущаться здѣсь нечѣмъ. Прежде всего нужно помнить, что эти внѣшніе пріемы, по заявленію самихъ подвижниковъ, не составляютъ существенной стороны въ дѣланіи Іисусовой молитвы, и являются только вспомогательнымъ средствомъ къ нахожденію того мѣста, гдѣ должно быть сосредоточено вниманіе ума при Іисусовой молитвѣ. Извѣстно, что наша духовная жизнь тѣсно связана съ нашею тѣлесною жизнью. И какъ духъ нашъ вліяетъ на наше тѣло, такъ и наоборотъ, наше тѣло вліяетъ на нашъ духъ. Архіепископъ Ѳеофанъ Полтавскій въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, между прочимъ, что благочиніе тѣла при молитвѣ содѣйствуетъ благочинію духа.

Внѣшняя обстановка молитвы можетъ содѣйствовать или

препятствовать расположенію. Напримѣръ, окружающая тишина, полумракъ, и самое положеніе тѣла — могутъ располагать къ сосредоточенію вниманія. Отцы Церкви знаютъ, что съ измѣненіемъ физическаго мѣста вниманія мѣняется самоощущеніе тѣла, а въ зависимости отъ этого мѣняется и характеръ молитвы, и она можетъ пріобрѣтать нежелательные и опасные оттѣнки. И они тѣмъ болѣе должны были заботиться о точномъ указаніи мѣста сосредоточенія вниманія при молитвѣ, что иные простые монахи не имѣли даже понятія о границахъ сердца, и готовы были относить къ сердцу всю область живота, смѣшивая, вѣроятно, область сердца съ областью чрева, на основаніи Ев. Іоанна, 7: 38, и другихъ подобныхъ мѣстъ Св. Писанія, и, собирая тамъ свое вниманіе, возбуждали въ себѣ самыя нежелательныя физическія ощущенія.

Не забывайте и того, что весь этотъ трудъ молитвеннаго дѣланія, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, долженъ совершаться, по ученію Отцовъ, подъ неослабнымъ наблюденіемъ и руководствомъ опытныхъ старцевъ, чѣмъ обезпечивается правильность его прохожденія Самочинное же его прохожденіе, безъ опытнаго руководительства, можетъ привести къ печальнымъ результатамъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Если вы примете все это во вниманіе, то для вашего предубѣжденія не останется мѣста.

Разрѣшите перейти къ дальнѣйшему разсмотрѣнію дѣланія Іисусовой молитвы. Слѣдуя порядку Епископа Ѳеофана, котораго онъ держится въ своей книгѣ »Письма о духовной жизни», остановлю ваше вниманіе на ученіи о молитвѣ преп. Григорія Синаита. »Слѣдовало бы намъ, пишетъ св. Григорій, принявшимъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ, чистою въ сердцѣ молитвою херувимски бесѣдовать съ Господомъ; но мы, не разумѣя величія, чести и славы благодати возрожденія, и не заботясь о томъ, чтобы возрасти духовно черезъ исполненіе заповѣдей, востечь до состоянія умнаго созерцанія, предаемся нерадѣнію, черезъ что впадаемъ въ страстные навыки, и, такимъ образомъ, низвергаемся въ

бездну нечувствія и мрака. Бываетъ и то, что мы даже мало помнимъ — есть ли Богъ; а каковы мы должны быть, какъ чада Божіи по благодати, о томъ нерѣдко и совсѣмъ не знаемъ. Вѣруемъ, но вѣрою недѣйственною, и по обновленіи духомъ въ крещеніи, не перестаемъ жить плотски. Если иногда, покаявшись, и начинаемъ исполнять заповѣди, то исполняемъ ихъ только внѣшне, а не духовно, и до того отвыкаемъ отъ духовной жизни, что проявленія ея въ другихъ кажутся намъ неправостями и заблужденіями. Такъ до самой смерти пребываемъ мы мертвыми духомъ, живя и дѣйствуя не о Христѣ, и не соотвѣтствуя тому опредѣленію, что рожденное отъ Духа должно быть духовно. Между тѣмъ принятое нами о Христѣ Іисусѣ во святомъ крещеніи не истребляется, а только зарывается, какъ нѣкое сокровище въ землю. И благоразуміе, и благодарность требуютъ позаботиться о томъ, чтобы открыть его и привести въ ясность. Къ этому ведутъ слѣдующіе способы: *во-первыхъ*, даръ этотъ открывается многотруднымъ исполненіемъ заповѣдей, такъ что поколику исполняемъ заповѣди, потолику даръ сей обнаруживаетъ свою свѣтлость и свой блескъ; *во-вторыхъ*, приходитъ онъ въ явленіе и раскрывается непрестаннымъ призываніемъ Господа Іисуса, или, что тоже, непрестанною памятію о Богѣ. И первое средство могущественно, но второе могущественнѣе, такъ что и первое отъ него получаетъ полную свою силу. Посему, если искренно хотимъ раскрыть сокрытое въ насъ сѣмя благодатное, то поспѣшимъ скорѣе навыкнуть сему послѣднему сердечному упражненію, и имѣть всегда въ сердцѣ это одно дѣло молитвы, безвидно и невоображенно, пока оно согрѣетъ сердце наше и распалитъ его до неизреченной любви ко Господу. Дѣйствіе этой молитвы въ сердцѣ бываетъ двоякимъ образомъ: иногда умъ предваряетъ, прилѣпляясь къ Господу въ сердцѣ непрестанною памятію; иногда дѣйствіе молитвы, само подвигшись предварительно огнемъ веселія, привлекаетъ умъ въ сердце и привязываетъ его къ призыванію Господа Іисуса и благоговѣйному Ему предстоянію. (Къ этимъ словамъ св. Григорія Еп. Ѳеофанъ

дѣлаетъ поясненіе — »Первая молитва есть трудовая, вторая самодержная»). Въ первомъ случаѣ дѣйствіе молитвы начинаетъ открываться, по умаленіи страстей, исполненіемъ заповѣдей, теплотою сердечною, вслѣдствіе усиленнаго призыванія Господа Іисуса; во второмъ Духъ привлекаетъ умъ къ сердцу и водружаетъ его тамъ въ глубинѣ, удерживая отъ обычнаго скитанія. И тогда онъ не бываетъ уже, какъ плѣнникъ, отводимый изъ Іерусалима къ ассиріанамъ, а напротивъ, совершаетъ переселеніе изъ Вавилона въ Сіонъ, взывая съ пророкомъ: *Тебѣ подобаетъ пѣснь, Боже, въ Сіонѣ, и Тебѣ воздастся молитва во Іерусалимѣ.* Отъ этихъ двухъ видовъ молитвы и умъ бываетъ то дѣятельнымъ, то созерцательнымъ; дѣяніемъ онъ, съ помощію Божіею, побѣждаетъ страсти, и созерцаніемъ зритъ Бога, сколько это доступно человѣку.

Дѣлательная умно-сердечная молитва совершается такъ: сядь на сѣдалищѣ въ одну пядь, низведи умъ свой изъ головы въ сердце, и придержи его въ чемъ; потомъ болѣзненно, преклонившись, и боля персями, плечами и шеею (отъ напряженія мышцъ), взывай умно-сердечно: »Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!» Удерживай при этомъ и дыханіе, не дерзостно дыши, потому что это можетъ развѣвать мысли. Если увидишь, что возникаютъ помыслы, не внимай имъ, хотя бы они были простые и добрые, а не только суетные и нечистые. Держа дыханіе, сколько тебѣ возможно, заключая умъ въ сердцѣ и призывая Господа Іисуса часто и терпѣливо, ты скоро сокрушишь и истребишь ихъ, поражая невидимо Божественнымъ именемъ. Св. Лѣствичникъ говоритъ: »Іисусовымъ именемъ бей ратниковъ; крѣпче этого орудія нѣтъ другого ни на небѣ, ни на землѣ.»

»Когда въ такомъ трудѣ изнеможетъ умъ, возболѣзнуютъ тѣло и сердце, отъ напряженнаго водруженія частаго призыванія Господа Іисуса, такъ что это дѣланіе перестанетъ согрѣвать и возвеселять, чѣмъ поддерживается усердіе и терпѣніе подвижниковъ въ этомъ трудѣ: тогда встань и пой, одинъ или съ ученикомъ твоимъ, или упражняйся въ размышленіи о какомъ либо мѣстѣ Писанія, или въ

памяти о смерти, или займись чтеніемъ, или рукодѣліемъ, или другимъ чѣмъ, чтобы потрудить тѣло своё». (Поясненіе Еп. Ѳеофана: Это писано для безмолвника. Другимъ слѣдуетъ сказать, примѣнительно къ сему такъ: тогда встань и берись за обычныя дѣла свои со страхомъ Божіимъ и вниманіемъ къ себѣ, не пропуская, однакожъ, обычныхъ при этомъ духовныхъ упражненій — чтеніемъ и размышленіемъ).

»Когда возмешься за это дѣло, тогда тебѣ прилично читать только такія книги, въ которыхъ излагается ученіе о внутренней жизни, о трезвеніи и молитвѣ, именно: Лѣствицу, Слова Исаака Сиріанина, аскетическія писанія Максима Исповѣдника, Симеона Новаго Богослова, Исихія, Филооея Синайскаго, и другія подобныя писанія. Писанія иного рода всѣ оставь до времени, не ради того, чтобы они были не хороши, а ради того, что тебѣ не благовременно ими заниматься, при настоящемъ твоемъ настроеніи и стремленіи: они могутъ отводить умъ твой отъ молитвы. Читай не много, но съ углубленіемъ и усвоеніемъ. Этимъ умъ, укрѣпляясь, исполняется силою трезвенно и бодренно молиться. Многочтеніе (и тѣмъ паче чтеніе посторонних книгъ) разслабляетъ и омрачаетъ умъ, и дѣлаетъ его безсильнымъ и разсѣяннымъ въ молитвѣ. Что касается до дѣлъ твоихъ, то внемли себѣ и поминутно назирай за намѣреніями и цѣлями твоими, точно опредѣляя, куда онѣ клонятся, — Бога ли ради, и самого добра, и душевнаго спасенія дѣлаешь ты все, что дѣлаешь, чтобы не быть тебѣ окрадену безъ вѣдома, и не оказаться по виду только богоугодникомъ, въ душѣ же человѣкоугодникомъ. Врагъ покушается окрасть всякое дѣло, чтобы оно было не по Богу совершаемо. Но пусть онъ неослабно ратуетъ и безстыдно наступаетъ, — ты держи искреннее намѣреніе богоугожденія твердымъ и неизмѣннымъ, и не будешь окраденъ. Хоть иногда мысль невольно и попаритъ къ инымъ цѣлямъ, при ослабленіи вниманія, — это извиняется и прощается ради того единаго главнаго намѣренія и стремленія сердца, которое зритъ Всемогущій.

Надобно знать, что вѣрный признакъ доброты подвига и вмѣстѣ условіе преуспѣянія чрезъ него есть приболѣзненность (о чемъ мы уже говорили въ нашей первой бесѣдѣ). Неболѣзненно шествующій не получитъ плода. Болѣзнь сердечная и тѣлесный трудъ приводятъ въ явленіе даръ Духа Святаго, подаемый всякому вѣрующему во св. крещеніи, который нашимъ нерадѣніемъ объ исполненіи заповѣдей погребается въ страстяхъ, но неизреченной же милости Божіей опять воскрешается въ покаяніи. Не отступай же отъ трудовъ изъ-за болѣзненности ихъ, чтобы не быть тебѣ осуждену за безплодіе и не услышать: *возьмите отъ него талантъ.* Всякій подвигъ, тѣлесный или душевный, не сопровождаемый болѣзненностью и не требующій труда, не приноситъ плода: *царствіе Божіе нудится и нуждницы восхищаютъ е.* (Мо. 11: 12). Многіе много лѣтъ неболѣзненно трудились и трудятся, но ради безболѣзненности этой были и суть чужды чистоты, и непричастны Духа Святаго, какъ отвергшіе лютость болѣзней. Въ небреженіи и разслабленіи дѣлающіе, трудятся будто и много, но никакого не пожинаютъ плода, по причинѣ безболѣзненности. Если, по пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши отъ постныхъ трудовъ, и если мы не водрузимъ въ сердцѣ болѣзненныхъ чувствъ сокрушенія, и не возболѣзнуемъ, какъ рождающая, то не возможемъ родить духъ спасенія на землѣ сердца нашего. Ума никто удержать не можетъ, если не Духъ. Поползнувшись въ паденіи, умъ удалился отъ Бога, и водится всюду, какъ плѣнникъ. Не можетъ онъ опять установиться, если не покорится Богу, и если, соединившись съ Нимъ опять, не будетъ Имъ удерживаемъ въ молитвѣ. Когда придетъ дѣйствіе молитвы, тогда оно удержитъ его у себя съ веселіемъ, и не попуститъ ему быть плѣняему въ расхищеніе. Когда нападаютъ помыслы и отвлекаютъ отъ молитвы, самъ своимъ оружіемъ не борись съ ними; но, вмѣсто всякаго оружія, призывай Господа Іисуса, часто и терпѣливо, — и отбѣгнутъ. Не терпя теплоты сердечной, отъ молитвы исходящей, они, какъ огнемъ палимые, разбѣгутся. Богъ нашъ есть огнь,

поядаяй злобу. Скорый на помощь, Онъ тотчасъ сотворитъ отмщеніе усердно вопіющимъ къ Нему день и ночь. Если недостаточно будетъ одного этого внутренняго взысканія, встань и, подражая Моисею, воздвигни руки и очи твои на небо, — и Богъ поразитъ враговъ твоихъ.

Это дѣйствіе призыванія Бога на помыслы изображены однимъ изъ Отцовъ въ слѣдующемъ сравненіи: »Я, говоритъ онъ, подобенъ человѣку, который сидитъ подъ большимъ деревомъ и видитъ, что къ нему приближается множество звѣрей и змѣй. Если онъ не можетъ стоять противъ нихъ, влѣзаетъ на дерево, и спасается. Такъ и я: сижу въ своей кельѣ и вижу злые помыслы, возстающіе на меня; когда у меня не достаетъ силъ противъ нихъ, прибѣгаю къ Богу посредствомъ молитвы, и спасаюсь отъ врага».

Не оставляй и молитвословія. Въ отношеніи къ нему не всѣ одинаково дѣйствуютъ: иные держатъ большое молитвенное правило, иные совсѣмъ оставляютъ молитвенникъ, молясь Господу одною умною молитвою. Ты же избери средину: не набирай много молитвъ, ибо отсюда — смущеніе, но и вовсе не оставляй ихъ, на случай немощи и разслабленія. Если видишь, что молитва дѣйствуетъ въ тебѣ и не перестаетъ сама двигаться въ сердцѣ твоемъ, не оставляй ее и не берись за молитвенникъ. Это значило бы, оставивъ Бога внутрь, выйти оттуда, и извнѣ простирать къ Нему бесѣду. Тѣмъ, которые еще не имѣютъ дѣйствія молитвы, надо много молитвословить, и даже безъ мѣры, чтобы непрестанно быть въ этомъ многомолитвіи и разномолитвіи, пока отъ такого приболѣзненнаго труда молитвеннаго разогрѣется сердце и начнется въ немъ дѣйствіе молитвы. Кто же вкуситъ, наконецъ, этой благодати, тому надобно молитвословить въ мѣру, а больше пребывать въ умной молитвѣ, какъ заповѣдали отцы. Въ случаѣ разслабленія, надо молитвословить или прочитывать отеческія писанія. Употребленіе веселъ излишне, когда вѣтеръ надулъ паруса; они нужны тогда, когда падетъ вѣтеръ, и ладья остановится.

Великое орудіе на враговъ имѣетъ тотъ, кто въ молитвѣ

держитъ плачъ сокрушенный, чтобы не впасть въ самомнѣніе отъ радости, подаваемой молитвою. Хранящій эту радосто-печаль избѣгнетъ всякаго вреда. Настоящая, не прелестная молитва та, въ которой теплота, съ молитвою Іисусовою, влагаетъ огнь въ землю сердца нашего и попаляетъ страсти, какъ терніе. Она веселіемъ и миромъ осѣняетъ душу и приходитъ не отъ десныя или шуія страны, ни даже свыше, но прозябаетъ въ сердцѣ, какъ источникъ воды отъ животворящаго Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать въ сердцѣ твоемъ, храни умъ всегда немечтательнымъ. Съ нею не бойся ничего, ибо Тотъ, Кто сказалъ: *дерзайте: Азъ есмь, не бойтеся*, — Самъ съ нами. Кто, настроившись такъ, живетъ праведно и непорочно, чуждъ человѣкоугодія и высокомѣрія, тотъ устоитъ и не потерпитъ никакого вреда, хотя бы весь бѣсовскій полкъ поднялся противъ него и навелъ на него безчисленныя искушенія.»

Таково ученіе о молитвѣ Іисусовой св. Григорія Синаита. Какъ видите, оно вноситъ нѣкоторыя новыя подробности, разъясняющія дѣло молитвы.

Представлю вашему вниманію еще одно послѣднее начертаніе занимающаго насъ дѣланія, по ученію Каллиста, патріарха Цареградскаго, и Игнатія, сотаинника его, руководствуясь книгою Епископа Θеофана: »Письма о духовной жизни». (Стр. 216).

Начало жизни по Богу есть ревность и всеусердное тщаніе жить по спасительнымъ заповѣдямъ Христовымъ; конецъ же — явленіе въ совершенствѣ того, что воображено въ насъ Божественною благодатію въ крещеніи, или, что тоже, отложивши ветхаго человѣка съ дѣяніями и похотьми его, облещися въ новаго, духовнаго, то есть, въ Господа Іисуса Христа, какъ говоритъ Божественный Павелъ: »Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ» (Гал. 4: 19).

»Когда мы крещаемся, говоритъ св. Златоустъ, тогда душа наша паче солнца сіяетъ, очищаемая Св. Духомъ. Какъ серебро чистое, лежащее противъ солнечныхъ лучей, и само лучи испускаетъ, не по естеству своему, но по причи-

нѣ осіянія его солнцемъ: такъ и душа, очищаемая въ крещеніи, принимаетъ лучи отъ славы Духа, и сама внутренно является славною. Но, увы! Слава сія, неизреченная и страшная, одинъ или два дня пребываетъ въ насъ, а потомъ мы погашаемъ ее, наводя бурю житейскихъ попеченій и страстныхъ дѣлъ».

»Въ Божественныхъ ложеснахъ, т. е. въ священной купели, туне принимаемъ мы совершенную Божественную благодать. Если послѣ того мы скрываемъ ее подъ тьмою житейскихъ попеченій и страстей, то можемъ опять возстановить и очистить ее покаяніемъ и исполненіемъ Божіихъ заповѣдей, и узрѣть ея прежестественную свѣтлость. Это бываетъ по мѣрѣ вѣры каждаго и теплоты усердія жить по вѣрѣ, наипаче же по благоволенію Господа Іисуса Христа. Св. Маркъ говоритъ: »Христосъ, совершенъ Богъ сый, совершенную даровалъ крестившимся благодать Святаго Духа, которая никакого приложенія отъ насъ не требуетъ; открывается же она въ насъ и явною творится по мѣрѣ исполненія заповѣдей, пока достигнемъ въ мѣру возраста исполненія Христова».

»Итакъ, поелику начало и корень спасительнаго дѣйствія есть то, чтобы жить по заповѣдямъ Господа, а конецъ и плодъ, чтобы возстановить дарованную намъ испервa крещеніемъ совершенную благодать Духа, которая въ насъ есть, ибо нераскаянны дарованія Божіи, но погребена страстями, и снова открывается исполненіемъ Божіихъ заповѣдей: то подобаетъ намъ возревновать объ исполненіи сихъ заповѣдей, чтобы сущее въ насъ дарованіе Духа возочистить и узрѣть яснѣе. Наперсникъ Господа, Іоаннъ, говоритъ, что соблюдающій заповѣди Господни съ Господомъ пребываетъ, и Господь съ нимъ. Самъ же Господь еще полнѣе это излагаетъ: *имѣяй заповѣди Моя*, говоритъ Онъ, *и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя; а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14: 21, 23)

Это точное исполненіе спасительныхъ заповѣдей невозможно для насъ безъ Господа Іисуса Христа, какъ Самъ Онъ говоритъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*, и какъ исповѣдалъ Апостолъ, что *ни о единомъ же иномъ спасеніе:* Онъ для насъ *путь, истина и животъ.* Посему-то славные наставники наши и учители, съ живущимъ въ нихъ Всесвятымъ Духомъ, премудро поучаютъ насъ прежде всякаго другого дѣла Господу помолиться, и отъ Него безъ сомнѣнія просить себѣ милости, и всесвятое и сладчайшее имя Его непрестанно имѣть и носить всегда и въ сердцѣ, и въ умѣ, и въ устахъ, съ нимъ непрестанно жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и ѣсть и пить. Ибо какъ въ то время, когда нѣтъ въ насъ такого призыванія, стекается на насъ все худое и пагубное; такъ и въ то время, когда оно въ насъ есть, все сопротивное отгоняется, ничто благое не оскудѣваетъ, и ничего не бываетъ, чего не могли бы мы исполнить, какъ Самъ Господь сказалъ: *Иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ* (Іоаннъ 15: 5).

Итакъ, сознавши немощь свою, и все упованіе свое возложивъ на Господа, заповѣди же возлюбивъ до готовности скорѣе положить животъ, чѣмъ нарушить какую либо изъ нихъ, все тщаніе свое обрати на то, чтобы навыкнуть и утвердиться въ этомъ непрестанномъ призываніи спасительнаго имени Господня, разрушительнаго для всякаго зла и созидательнаго для всякаго добра. Чтобы успособить этотъ трудъ, св. Отцы указали особое нѣкое дѣланіе, назвавъ его художествомъ, и даже художествомъ художествъ.

Предложу здѣсь предивнаго Никифора естественное художество о входѣ внутрь сердца путемъ дыханія, много способствующее къ собиранію мыслей.

Правило это слѣдующее: сядь въ уединенномъ мѣстѣ, и собравъ умъ, введи его путемъ дыханія въ сердце, и остановившись тамъ вниманіемъ, взывай непрестанно: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!» Тако дѣлай до тѣхъ поръ, пока къ сердцу привьется это призываніе и станетъ непрерывнымъ.

И всѣ св. Отцы такъ учили. Св. Златоустъ учитъ: »молю

васъ, братіе, никогда не переставать исполнять правилъ молитвы сей». Въ другомъ мѣстѣ: »Должно всякому, ѣстъ ли онъ, пьетъ ли, сидитъ ли, служитъ ли, путешествуетъ ли, или другое что дѣлаетъ, непрестанно вопить: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!» — да имя Господа Іисуса Христа, сходя въ глубину сердечную, смиритъ змія пагубнаго, душу же спасетъ и оживотворитъ. Пребудь же непрестанно въ призываніи имени Господа Іисуса, чтобы сердце поглотило Господа и Господь сердце, и стали сіи два во едино». И еще: »Не отлучайте сердца вашего отъ Бога, но храните въ немъ всегда память Господа нашего Іисуса Христа, пока имя Господа водрузится внутрь сердца, и ни о чемъ другомъ не помышляйте, какъ только о томъ, чтобы возвеличился въ васъ Христосъ».

Св. Лѣствичникъ также учитъ: »Іисусова память да соединится съ дыханіемъ твоимъ». И св. Исихій пишетъ: »Если хочешь покрыть стыдомъ помыслы, и безпрепятственно трезвиться сердцемъ, молитва ко Господу Іисусу да прилѣпится къ дыханію твоему, и въ немного дней увидишь желаніе свое исполненнымъ».

»Вѣдомо да будетъ, что если мы научимъ умъ свой вмѣстѣ съ дыханіемъ сходить въ сердце, то замѣтимъ также, что, сходя туда, онъ единиченъ и нагъ бываетъ, держась одной памяти и призыванія Господа нашего Іисуса Христа; напротивъ, исходя оттуда, и простираясь на внѣшніе предметы, не хотя, раздѣляется на многія представленія и воспоминанія. Для сохраненія этой-то простоты и единичности ума и заповѣдано опытными въ семъ дѣлѣ Отцами, чтобы тотъ, кто возревновалъ пріобрѣсти навыкъ трезвиться умомъ въ сердцѣ, сидѣлъ въ безмолвномъ и несвѣтломъ мѣстѣ, а особенно въ началѣ этого добраго подвига. Ибо видѣніе внѣшнихъ предметовъ естественно бываетъ причиною разсѣянія мыслей; когда же безмолвная и темная храмина скрываетъ отъ насъ внѣшнее, мысль перестаетъ развлекаться и удобнѣе собирается въ себя, какъ говоритъ Василій Великій: »умъ, непростираемый чувствами на міръ, къ себѣ возвращается». »Замѣть тщательно, что существо этого под-

вига состоитъ въ единомысленномъ сердечномъ, чистомъ и непарительномъ призываніи съ вѣрою Господа нашего І. Христа, а не въ этомъ одномъ схожденіи до сердца путемъ дыханія и сидѣнія въ безмолвномъ и темномъ мѣстѣ. Все это и подобное изобрѣтено Отцами не для другого чего, какъ ради того, что въ этомъ они видѣли нѣкое пособіе къ собиранію мыслей и возвращенію ихъ къ себѣ отъ обычнаго паренія. Отъ навыка же быть собраннымъ и внимать себѣ рождается уже и навыкъ чисто и непарительно молиться умомъ въ сердцѣ».

»Вѣдай и то, что всѣ эти приспособительныя положенія тѣла предписываются, опредѣляются подробными правилами и считаются нужными, пока мы не стяжали еще чистой и непарительной въ сердцѣ молитвы. Когда же благоволеніемъ и благодатію Господа нашего Іисуса Христа достигнешь сего, тогда, оставивъ многія и различныя дѣланія, съ единымъ Господомъ пребудешь соединеннымъ паче слова въ чистой и непарительной молитвѣ сердечной . . . Рѣдкіе, однакожъ, и едва одинъ изъ тысячи, сподобляются достигнуть въ это устроеніе благодатію Христовою; а чтобы еще дальше пройти и сподобиться духовной молитвы и предвкусить тайны будущаго вѣка, едва въ родѣхъ и родѣхъ обрѣтается кто достойный того. Итакъ, хочешь ли самымъ дѣломъ сподобиться жизни о Христѣ Іисусѣ, потщись достигнуть того, чтобы во всякое время и всякій часъ и при всякомъ дѣлѣ чисто и непарительно молиться Господу въ сердцѣ, чтобы такимъ образомъ съ возраста младенца возмогъ ты доспѣть въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Не забудь при этомъ, что когда по временамъ будетъ приходить тебѣ самоохотная, чистая молитва, ты ни подъ какимъ видомъ не долженъ разорять ее своими правилами молитвенными. Такъ учитъ Филимонъ: »Ночью ли, днемъ ли, сподобитъ тебя Господь чистую и непарительную ощутить въ себѣ молитву, оставь тогда правила свои, и, сколько есть силъ, простирайся прилѣпляться къ Господу Богу, и Онъ просвѣтитъ сердце твое въ дѣланіи духовномъ. Когда же сподобишься неотходнаго пребыванія молитвы въ сердцѣ,

какъ говоритъ Исаакъ Сиріанинъ, тогда достигъ ты конца всѣхъ добродѣтелей и сталъ жилищемъ Святаго Духа; тогда не престанетъ молитва, сидишь ли или ходишь, ѣшь или пьешь, или другое что дѣлаешь; даже въ глубокомъ снѣ молитвенныя благовонія восходить будутъ изъ сердца безъ труда; если и умолкнетъ она во снѣ, но внутрь, тайно всегда священнодѣйствоваться будетъ, не переставая» (Письма о духовной жизни. Стр. 226).

Приведя всѣ эти выписки изъ св. Отцовъ-подвижниковъ о художественной молитвѣ Іисусовой, Епископъ Ѳеофанъ сопровождаетъ ихъ слѣдующими, заслуживающими нашего вниманія, замѣчаніями: »Во всѣхъ почти статьяхъ »Добротолюбія» говорится объ умномъ предстояніи Господу. Я взялъ только тѣхъ учителей, которые поминаютъ и о тѣлесныхъ при этомъ пріемахъ, или нѣкоторомъ искусственномъ приспособленіи себя къ тому. Всѣ они считаютъ полезнымъ и до времени нужнымъ это тѣлесное приспособленіе, но существо дѣла полагаютъ не въ немъ. Все ихъ вниманіе обращено на то, чтобы дать руководство къ успѣшнѣйшему навыку въ дѣланіи умной молитвы, или на самое это умное Господу въ сердцѣ предстояніе, въ которомъ существо дѣла. Не чуждо будетъ смысла ихъ предписаній сказать: какъ хочешь держи себя, только успѣвай пріобрѣсти это послѣднее. Мы же предлагаемъ тебѣ такія положенія тѣла, какія сами держали, и отъ которыхъ получили пользу. Есть, однакожъ, между этими тѣлесными дѣланіями и такія, которыя какъ бы срастаются съ умною молитвою и никогда отъ нея не отходятъ. Необходимо вниманіемъ стоять въ сердцѣ, необходимо все тѣло держать въ бодренномъ напряженіи мышцъ, и вниманію своему не позволять поддаваться и увлекаться внѣшними впечатлѣніями чувствъ. Эти условія, въ какой формѣ хочешь и можешь, въ такой и исполняй. Темное и уединенное мѣсто считается нужнымъ для отстраненія внѣшнихъ впечатлѣній; но если ты можешь отвлекать себя отъ этихъ впечатлѣній и среди множества ихъ, оставайся гдѣ хочешь. Сидѣть на маломъ стульцѣ, стѣснить дыханіе, болѣть плечами, шеей, грудью

совѣтуется ради того, чтобы поставить въ бодренное направленіе тѣло; но если ты можешь какъ нибудь иначе это исполнить, или дѣлать это однимъ внутреннимъ напряженіемъ мышцъ, дѣлай, какъ находишь удобнѣе, только не распускай членовъ тѣла. Сведеніемъ ума въ сердце путемъ дыханія указывается на тотъ случай, если ты не знаешь, гдѣ остановиться вниманіемъ, или гдѣ сердце; а если ты и безъ этого знаешь, какъ найти сердце, дѣлай, какъ знаешь, только установись въ сердцѣ. Указывается призывать Господа сими словами: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!» Но ты можешь и эти слова сокращать и измѣнять, или замѣнять другими, даже безъ словъ умно предстоять Господу; ибо не въ словахъ сила, а въ настроеніи ума и сердца. Зная, однакожъ, все это, не долженъ ты пренебрегать сказаннымъ положеніемъ тѣла. Всячески тѣлу надобно же дать какое либо положеніе; но если опытъ показалъ, что такія и такія положенія тѣла очень пригодны къ дѣланію умной молитвы и успѣху въ ней, то какая нужда отступать отъ нихъ или изобрѣтать новыя? Тѣмъ болѣе, что по пріобрѣтеніи успѣха въ молитвѣ, они сами собою отстранятся въ нѣкоторыхъ чертахъ, какъ отнимаются подмостки, когда отстроенъ бываетъ домъ».

Я считаю полезнымъ познакомить васъ съ этими оговорками и поясненіями Епископа Ѳеофана, чтобы еще разъ подчеркнуть ту мысль, что всѣ внѣшніе пріемы въ дѣланіи молитвы Іисусовой имѣютъ не существенное, а лишь вспомогательное значеніе, и это всегда долженъ помнить каждый дѣлатель умной молитвы, чтобы не принять второстепенное за главное.

Все, о чемъ мы говорили до сихъ поръ, относится къ дѣятельной или трудовой Іисусовой молитвѣ, то есть той молитвѣ, въ которой преобладаютъ усилія самого молящагося, когда онъ принуждаетъ себя къ молитвѣ, борется съ разсѣянностью вниманія, съ блужданіемъ мысли, съ натискомъ помысловъ и страстей, пытается установиться вниманіемъ въ сердцѣ. Эта молитва еще не имѣетъ совершенной чистоты, не свободна отъ разсѣянія мысли и отъ нападе-

нія помысловъ и страстей, еще не совершенно сосредоточена въ Богѣ. И такова молитва огромнаго большинства молящихся Іисусовою молитвою. Большинство съ нею доходятъ и до конца своего земного существованія. Какъ уже было сказано, чистой молитвы достигаетъ одинъ изъ тысячи. Съ этимъ обстоятельствомъ долженъ считаться и долженъ его помнить каждый молящійся, и онъ не долженъ смущаться этимъ. Ибо при всѣхъ своихъ трудностяхъ, дѣлательная молитва не теряетъ своего значенія, но укрѣпляетъ сердце молящагося и подготовляетъ его къ иной, высшей молитвѣ, о чемъ Епископъ Ѳеофанъ говоритъ такъ: »Трудись, напрягайся, ищи — и обрящешь; толцы — и отверзется тебѣ. Не ослабѣвай и не отчаявайся. Но при всемъ томъ помни, что труды сіи составляютъ только опытъ усилій съ нашей стороны къ привлеченію благодати, а не самое дѣло, котораго мы еще ищемъ. Не достаетъ главнаго—благодатнаго возбужденія. Очень замѣтно, что разсуждаемъ ли, молимся ли, или другое что дѣлаемъ, — втѣсняемъ какъ бы нѣчто чуждое въ свое сердце, совнѣ. Бываетъ, что соотвѣтственно силѣ напряженія, нѣкое воздѣйствіе отъ сихъ трудовъ низойдетъ до извѣстной глубины въ сердце, но потомъ опять оттуда извергается, по какой-то упругости непокориваго и непривычнаго къ тому сердца, подобно тому, какъ извергается изъ воды палка, вертикально погруженная въ воду. Тотчасъ же послѣ сего опять начинается холодность и дебелость на душѣ — явный признакъ, что тутъ не было благодатнаго воздѣйствія, а одинъ нашъ трудъ и наше усиліе. Потому не успокаивайся на однихъ этихъ дѣлахъ и не почивай на нихъ, какъ будто они то и были то, что тебѣ слѣдуетъ сыскать. Опасное заблужденіе! Равно опасно думать, что въ этихъ трудахъ заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсѣмъ нѣтъ! Это только приготовленіе къ принятію, самое же дарованіе совершенно зависитъ отъ воли Раздаятеля. Итакъ, при рачительномъ употребленіи всѣхъ предуказанныхъ средствъ, ищущему слѣдуетъ еще ожидать посѣщенія Божія, которое, впрочемъ, не приходитъ съ усмотрѣніемъ, и никто не

знаетъ, откуда оно приходитъ. Когда придетъ сія возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дѣло перемѣны жизни и нрава. Безъ того успѣха и ожидать нельзя, — будутъ однѣ попытки неудачныя. Свидѣтель тому блаженный Августинъ, который долго маялся самъ надъ собою, а одолѣлъ себя уже тогда, когда осѣнила его благодать. Трудись, ожидая, въ вѣрной надеждѣ. Придетъ — и все устроитъ» (Сборникъ о молитвѣ Іисусовой. § 195).

Переходимъ теперь къ болѣе подробному описанію благодатныхъ состояній при молитвѣ Іисусовой. Начнемъ съ предостереженія. Истинное благодатное состояніе надо отличать отъ состоянія мнимо-благодатнаго, воображаемаго. У Епископа Ѳеофана читаемъ: »Необходимо строго разграничивать подлинную внутреннюю жизнь во Христѣ отъ ложнаго мистицизма и квіетизма, который есть болѣзненное порожденіе ложно направленной религіозности. Въ ложномъ мистицизмѣ увлекающіеся имъ люди ищутъ добраго дѣла, — живого общенія съ Богомъ, но ищутъ не тѣмъ путемъ. А главное, надѣются своими усиліями и какъ бы по праву завладѣть тѣмъ, чего надлежитъ ожидать отъ милости Божіей и что надлежитъ принять, какъ даръ этой милости. Въ напряженіяхъ этой самонадѣянной самодѣятельности разгорается воображеніе и порождаются мечтательныя ожиданія, которыя, какъ жарко желаемыя, скоро кажутся и считаются исполнившимися, и цѣль трудовъ достигнутою. Все это раскрашивается самыми привлекательными красками и представляется въ образахъ прелестныхъ, въ мечтательныхъ заоблачныхъ созерцаніяхъ . . . Истинная во Христѣ жизнь есть жизнь сокровенная, таинственная. Апостолъ Павелъ называетъ ее *животомъ, сокровеннымъ со Христомъ въ Богѣ* (Колос. 3: 3); Апостолъ Петръ — *потаеннымъ сердца человѣкомъ* (1 Петр. 3: 4); Самъ Спаситель — *царствіемъ Божіимъ внутрь насъ* (Лук. 17: 21). Но въ явленіи своемъ она очень проста. Возникновеніе ея Еп. Ѳеофанъ изображаетъ такъ: »Невѣдомо, какъ приходитъ Духъ, и возбуждаетъ къ покаянію. Совершивъ

этотъ внутренній переворотъ, Онъ потомъ вооружаетъ вѣрующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководитъ въ ней и помогаетъ. Эта борьба есть у всякаго, болѣе или менѣе долгая и болѣзненная; она приводитъ къ чистотѣ сердечной, ради которой вѣрующій труженикъ удостаивается и яснѣйшаго постиженія истинъ Божіихъ и сладостнѣйшаго ощущенія, — того и другого въ такихъ чертахъ, какія точно опредѣлены въ Евангеліи и писаніяхъ Апостольскихъ. Это послѣднее является уже въ концѣ долгихъ трудовъ и многихъ испытаній, какъ вѣнецъ наградный. Мистики же за эту верхнюю точку совершенства, прямо или преимущественно, и хватаются, и ее-то и живописуютъ, какъ она рисуется въ мечтахъ ихъ воображенія, всегда въ ложныхъ краскахъ. Истину можно сказать только по опыту, только по вкушеніи духовныхъ благъ самымъ дѣломъ, а мистики самыми мечтами своими заграждаютъ для себя настоящую туда дорогу. *Напротивъ, въ писаніяхъ отеческихъ менѣе всего говорится объ этихъ высшихъ состояніяхъ, а все о трудахъ покаянія, борьбы со страстями, и разныхъ при этомъ случаяхъ*» (Еп. Ѳеофанъ. Письма о духовной жизни. Стр. 13—15).

»Бываютъ состоянія, продолжаетъ Епископъ Ѳеофанъ, когда крѣпко захочется помолиться, или когда потянетъ на молитву. Это испытываютъ всѣ въ большей или меньшей степени, и на переходѣ отъ самотруднаго исканія къ живому богообщенію, и по достиженіи его. Состояніе это похоже на то, въ какомъ бываетъ человѣкъ, когда о чемъ либо задумывается. Задумавшійся уходитъ внутрь себя и сосредоточивается въ своей душѣ, не обращая вниманія на свою внѣшнюю обстановку, на лица, вещи и событія. Тоже и здѣсь; только тамъ — дѣло ума, а здѣсь — дѣло сердца. Находитъ влеченіе къ Богу, душа собирается въ себя и становится передъ лицо Бога и, или изливаетъ предъ Нимъ свои надежды и болѣзни сердечныя, какъ Анна, мать Самуилова, или славословитъ Его, какъ Пресвятая Дѣва Марія, или стоитъ передъ Нимъ въ изумленіи, какъ часто стоялъ св. Ап. Павелъ. Тутъ всѣ своеличныя дѣйствованія

— мысли, намѣренія, прекращаются, и все внѣшнее отходитъ отъ вниманія. Душѣ самой не хочется заниматься ничѣмъ постороннимъ. Бываетъ это и въ церкви, и даже на молитвенномъ правилѣ, или при чтеніи и размышленіи, можетъ быть даже во время какихъ либо внѣшнихъ занятій, и среди общества. Однажды испытавшій это влеченіе можетъ помнить о немъ, желать повторенія его, напрягаться къ нему, но самъ своимъ усиліемъ не привлечешь его: оно находитъ. Произволу остается одно: когда найдетъ, не позволяй себѣ разстраивать его, а попекись, сколько силъ есть, дать ему просторъ побольше побыть въ тебѣ. Можно назвать это проявленіемъ настоящаго молитвеннаго духа, или ощущеніями приближенія Божія, которыя въ рукахъ благодати . . . Въ нихъ предуказывается, чего надобно искать и домогаться; и вмѣстѣ свидѣтельствуется, что труды исканія, доселѣ подъятые, не пропадаютъ даромъ, и тѣмъ возгрѣвается ревность къ неутолимѣйшему исканію . . . Конецъ же исканія тотъ, чтобы это временное состояніе сдѣлалось постояннымъ, не въ томъ, конечно, видѣ, но въ томъ же существѣ дѣла. Когда это придетъ, тогда въ душѣ совершится раскрытіе Царствія Божія» (Тамъ-же, стр. 35).

»Что это за Царствіе Божіе? Царствіе Божіе въ насъ есть, когда Богъ царствуетъ въ насъ, когда душа въ глубинѣ своей исповѣдуетъ Бога своимъ Владыкою и покорствуетъ Ему всѣми силами, и Богъ властно дѣйствуетъ въ ней . . . Начало сему царствію полагается въ моментъ рѣшимости работать Богу въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Св. Духа. Тогда человѣкъ — христіанинъ свое сознаніе и свободу, въ которыхъ состоитъ собственно существо человѣческой жизни, предаетъ Богу, а Богъ принимаетъ эту жертву, и такимъ образомъ, происходитъ союзъ человѣка съ Богомъ и Бога съ человѣкомъ, возстановляется завѣтъ съ Богомъ, прерванный паденіемъ и прерываемый произвольными грѣхами. Этотъ внутренній союзъ запечатлѣвается, утверждается и дѣлается сильнымъ къ стоянію и самосохраненію благодатною силою, въ Божественныхъ таинствахъ крещенія, а для падавшихъ по крещеніи — въ

таинствѣ покаянія, и потомъ постоянно подкрѣпляется въ св. Причащеніи . . . Говоря о Царствіи Божіемъ въ насъ, всегда надобно прибавлять: въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Св. Духа. Въ этомъ печать *христіанскаго* въ насъ Царствія Божія. Богъ надъ всѣми Царь, какъ Творецъ и Промыслитель; но истинно въ душахъ царствуетъ Онъ, и въ душахъ истинно исповѣдуется Царемъ только по возстановленіи прерваннаго паденіемъ союза съ Нимъ душъ; а это совершается Духомъ Святымъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ нашемъ» (Тамъ же, стр. 38).

Царствіе Божіе не сразу и навсегда утверждается въ нашемъ сердцѣ.

»Царствіе Божіе въ насъ сначала сокровенно содержится, потомъ обнаруживается, наконецъ, раскрывается, или является въ силѣ. Обнаруживается оно показанными невольными влеченіями внутрь предъ Бога. Тутъ душа не самовластна, а подлежитъ стороннему воздѣйствію. Кто-то беретъ ее и вводитъ внутрь. Это Богъ, благодать Духа Святаго, Господь и Спаситель . . . Пока эти влеченія не покажутся, а они показываются не вдругъ, — человѣкъ, повидимому, дѣйствуетъ болѣе самъ, при скрытой помощи благодатной. Онъ напрягается вниманіемъ и благонамѣреніями быть въ себѣ, Бога помнить, отгонять пустословіе и худомысліе, и всякое дѣло богоугодно совершать. напрягается и трудится до утомленія, но успѣть въ этомъ ему никакъ не удается: и мысли его расхищаются, и страстныя движенія одолѣваютъ его, и въ дѣлахъ оказываются нестроенія и ошибки; все это отъ того, что Богъ еще не являетъ своего властвованія надъ душою. А какъ только покажется это, а показывается оно при сказанныхъ влеченіяхъ, тотчасъ все внутри приходитъ въ строй . . . Тутъ, разумѣется, не необыкновенное какое состояніе, а такое, какое обще всѣмъ, и какое бываетъ у всѣхъ, не нерадящихъ о спасеніи. Только бываетъ оно въ разныхъ степеняхъ силы и длительности, а въ существѣ одно и тоже, начиная съ легкихъ движеній, скоро преходящихъ, до невозмутимыхъ внутреннихъ предстояній Богу, продолжающихся иногда цѣлые часы . . .

Кто пойметъ званіе и взыщетъ, то влеченія тѣ станутъ учащаться и болѣе длиться, пока достигнутъ постояннаго и неизмѣннаго водворенія въ сердцѣ . . . Когда это состояніе отойдетъ, тогда опять начнется блужденіе мыслей и прираженіе страстныхъ движеній. Душа съ неба спускается опять на землю, изъ свѣта — въ сумракъ, изъ легкаго покоя — въ многотрудное дѣланіе. Терпи и жди, пока опять придетъ это обнаруженіе царствія Божія въ сердцѣ. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока Богу угодно будетъ закрѣпить это углубленное внутрь пребываніе навсегда, и сдѣлать его неотходнымъ и неизмѣннымъ. Исканіе этого послѣдняго и есть собственно исканіе царствія Божія; появленіе же его — раскрытіе царствія» (Тамъ-же, стр. 42).

Еп. Игнатій дополняетъ сказанное Еп. Ѳеофаномъ слѣдующими словами: »Божественное дѣйствіе — невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, невообразимо, необъяснимо никакимъ сравненіемъ, заимствованнымъ изъ сего вѣка; приходитъ, дѣйствуетъ таинственно. Сперва показываетъ человѣку грѣхъ его, раститъ въ очахъ человѣка грѣхъ его, непрестанно держитъ страшный грѣхъ предъ его очами, приводитъ душу въ самоосужденіе, являетъ ей паденіе наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть погибели, въ которую ниспалъ родъ нашъ согрѣшеніемъ нашего праотца; потомъ мало по малу даруетъ сугубое вниманіе и сокрушеніе сердца при молитвѣ. Приготовивъ такимъ образомъ сосудъ, внезапно, неожиданно, невещественно прикасается разсѣченнымъ частямъ, — и онѣ соединяются во едино. Кто прикоснулся? — Не могу объяснить: я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, но вижу себя измѣненнымъ, внезапно ощутилъ себя такимъ отъ дѣйствія самовластнаго. Создатель подѣйствовалъ при возсозданіи, какъ дѣйствовалъ Онъ при созданіи . . . Отъ прикосновенія руки Его ко всему существу моему, умъ, сердце и тѣло соединились между собою, составили нѣчто цѣлое, единое; потомъ погрузились въ Бога, — пребываютъ тамъ, доколѣ ихъ держитъ тамъ невидимая, непостижимая, всемогущая рука» (Сборникъ о молитвѣ Іисусовой, § 201).

Указанный выше порядокъ возникновенія въ насъ благодатной духовной жизни, или раскрытія царствія Божія въ насъ, — сопутствуется возникновеніемъ въ насъ горѣнія духа или духовной теплоты. По словамъ Еп. Ѳеофана, »при этомъ не только умъ срастворяется съ памятію о Богѣ и проникается ею, но и все наше существо духовное вступаетъ въ живое богообщеніе: *Богъ огнь есть* (Евр. 12: 29). И вотъ теплота и горѣніе духа водворяются въ насъ съ момента раскрытія въ насъ царствія Божія. Эта черта осязательнѣе всѣхъ, доступнѣе для понятія, и больше даетъ удобства къ объясненію проявленій духовной жизни. Извѣстно, что когда человѣкъ въ чувствѣ, тогда онъ весь сковывается этимъ чувствомъ, и готовъ, и силенъ бываетъ безпрекословно сдѣлать все, къ чему побуждаетъ его то чувство. Чувство походитъ на рычагъ, или на руль въ управленіи своимъ. внутреннимъ. Его-то и добиваются, оно-то и дается. Что болѣе всего озабочиваетъ ищущаго, такъ это внутреннее нестроеніе въ мысляхъ и желаніяхъ; вся его ревность обращена на то, какъ бы устранить это нестроеніе. Къ этому другого способа нѣтъ, какъ добыть это духовное чувство или эту теплоту сердечную при памяти о Богѣ. Какъ только зародится эта теплота, мысли улягутся, внутренняя атмосфера станетъ ясна, станутъ видимы всѣ зарожденія добрыхъ и недобрыхъ движеній души, и получится власть на отгнаніе послѣднихъ. И на внѣшнее расходится этотъ внутренній свѣтъ, и тамъ даетъ онъ возможность отличать должное отъ недолжнаго, сообщая и крѣпость установиться въ первомъ, несмотря ни на какія препятствія; словомъ, тогда начинается истинная, дѣйственная, духовная жизнь, которая доселѣ была только въ исканіи, а если и проявлялась, то урывками . . . Теперь же, зародившись въ сердцѣ, теплота остается неотходною, и неотходнымъ держитъ при себѣ вниманіе ума. Когда умъ въ сердцѣ, — это и есть сочетаніе ума съ сердцемъ, представляющее цѣлость нашего духовнаго организма» (Письма о духовной жизни, стр. 65).

Поясняя возникновеніе теплоты въ сердцѣ, Епископъ Ѳеофанъ употребляетъ сравненіе: »Какъ въ физическомъ

мірѣ трутъ дерево объ дерево, и получаютъ теплоту и даже огонь; или держатъ вещь на солнцѣ, и она согрѣвается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается; такъ бываетъ и въ духовномъ мірѣ: треніе — труды подвижничества, держаніе на солнцѣ — Іисусова молитва. Когда все это будешь проходить съ усердіемъ, нелѣностно и не опустительно, — милостивъ Господь, — затеплится огонекъ въ сердцѣ, который будетъ свидѣтельствовать о зарожденіи въ средоточіи естества нашего внутренней духовной жизни, или о воцареніи Господа въ насъ» (Письма о духовной жизни, стр. 66).

При этомъ, по словамъ Епископа Ѳеофана, »Сознаніе все сосредоточивается въ сердцѣ и стоитъ предъ лицомъ Господа, изливая предъ Нимъ свои чувства, болѣе же всего болѣзненно припадая къ Нему въ смиренныхъ чувствахъ покаянія, съ соприсущею готовностью весь животъ свой посвящать на служеніе Ему единому . . .

Вмѣстѣ съ образованіемъ такого строя, прекращается все нестроеніе, которое качествовало внутри до этого момента, въ періодъ исканія, въ это переходное состояніе томленія . . . Неудержимое броженіе мыслей прекращается; атмосфера души становится чистою и безоблачною: стоитъ одна мысль и память о Господѣ. Отсюда *свѣтлость* во всемъ внутреннемъ. Все тамъ ясно; всякое движеніе замѣчается и достойно оцѣнивается, при умномъ свѣтѣ, исходящемъ отъ лица Господа созерцаемаго. Вслѣдствіе сего, всякій недобрый помыслъ и недоброе чувство, приражающіеся къ сердцу, въ самомъ зародышѣ встрѣчаютъ сопротивленіе, и прогоняются. Тутъ исполняется то, что совѣтуетъ Филофей Синайскій: »Отъ утра стань у входа сердца, и именемъ Іисусовымъ поражай подступающихъ враговъ». Это прогнаніе недобраго можетъ быть мгновенно, но можетъ длиться часы, дни, мѣсяцы и годы; между тѣмъ, существо дѣла всегда одно, именно то, что ничто недоброе не допускается въ сердце, а встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ съ минуты сознанія недоброты его, и гнаніе его не прекращается, пока совершенно не упразднится отъ него сердце. Вслѣдъ за

симъ; что ни думается, что ни чувствуется, что ни пожелается, что ни говорится и ни дѣлается, — думается, чувствуется, желается, говорится и дѣлается по точному сознанію, что все такое не оскорбляетъ неотступно созерцаемаго Господа, благоугодно Ему и сообразно съ Его волей. Если же противъ воли и проскользнетъ что-либо противное, тотчасъ смиренно исповѣдуется Господу и очищается внутреннимъ покаяніемъ или внѣшнимъ исповѣданіемъ, такъ что совѣсть всегда хранится чистою предъ Господомъ. Въ награду за весь такой внутренній трудъ подается дерзновеніе къ Богу въ молитвѣ, которая и теплится непрестанно въ сердцѣ. Теплота молитвы непрестанная есть духъ этой жизни, такъ что, съ прекращеніемъ сего теплѣнія, прекращается и движеніе духовной жизни, какъ съ прекращеніемъ дыханія прекращается жизнь тѣлесная» (Письма о духовной жизни, стр. 88).

Продолжая описывать дѣйствія благодати Божіей, Епископъ Ѳеофанъ пишетъ: »Она именно есть присутствіе Господа нашего внутрь насъ. *Безъ Мене ничего не можете;* это и есть принципъ благодати. Въ этомъ - то смыслѣ также апостолы и первые христіане называли Іисуса Христа просто Господомъ. Самое блистательное доказательство математической истины можетъ ли сравниться въ очевидности съ дѣйствіями благодати, когда сердце раскрыто для нея покаяніемъ? До зарожденія внутренней жизни, или проявленія ощутительнаго дѣйствія благодати и богообщенія, человѣкъ часто еще что нибудь самъ дѣлаетъ и напрягаетъ къ тому свои силы. Но, измаявшись безуспѣшно въ своихъ усиліяхъ, онъ бросаетъ, наконецъ, свою самодѣятельность и вседушно предаетъ себя вседѣйствію благодати. Тогда посѣщаетъ его Господь милостію Своею, и возжигаетъ въ немъ огнь внутренней духовной жизни. Что въ этомъ великомъ переворотѣ его усилія ничего не значили, это знаетъ онъ по опыту. Послѣ, болѣе или менѣе частыми отступленіями, благодать Божія впечатлѣваетъ въ него также опытное удостовѣреніе, что и поддержаніе этого огня жизни не есть дѣло его собственныхъ усилій. Затѣмъ, ча-

стое нахожденіе благихъ мыслей и начинаній, частыя осѣненія духа молитвеннаго, невѣдомо какъ и откуда находящаго, тоже опытно даютъ ему убѣдиться, что и все доброе не иначе для него возможно, какъ отъ дѣйствія Божіей благодати, всегда присущей ему, по милости Господа, спасающаго всѣхъ спасаемыхъ. Онъ предаетъ себя Господу, и Господь вседѣйствуетъ въ немъ. Опытъ показываетъ, что тогда только и идетъ у него все успѣшно, когда онъ исполненъ этимъ самопреданіемъ . . . Онъ предаетъ себя вседѣйствію благодати, и благодать въ немъ дѣйствуетъ. Эта истина для него не только очевиднѣе всякой математической истины, но и всякаго внѣшняго опыта, ибо онъ уже пересталъ жить во внѣ, и весь сосредоточенъ внутри» (Тамъ же, стр. 140).

»Этими немногими словами сказано все, что приноситъ съ собою водвореніе внутрь царствія, или другими словами, блаженный огнь, возгорающійся, наконецъ, въ сердцѣ, этимъ же опредѣляется и существо истинной духовной жизни, или ея существенныя отправленія. Не вдругъ, конечно, все это является въ свойственной силѣ, — бываютъ и уклоненія, и ошибки, и ослабленія; но въ виду имѣется именно это, съ тѣхъ поръ, какъ умъ сочетавается съ сердцемъ и, утвердясь внутрь, становится на службу предъ лицемъ Господа» (Тамъ же, стр. 90).

Съ этого момента у молящагося должна быть одна забота — »быть всегда вѣрнымъ присущей въ немъ благодати. Невѣрность оскорбляетъ ее, и она или отступаетъ, или сокращаетъ свое дѣйствіе. Вѣрность свою благодати или Господу человѣкъ свидѣтельствуетъ тѣмъ, что ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ, ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ничего не допускаетъ такого, что сознаетъ противнымъ Господу, и, напротивъ, никакого дѣла и начинанія не пропускаетъ, не исполнивъ его, коль скоро сознаетъ, что на то есть воля Божія . . . Это иногда гребуетъ много труда, болѣзненныхъ самопринужденій и самопротивленій; но ему радостно приноситъ все въ жертву Господу, ибо, послѣ всякой такой жертвы, онъ получаетъ внутреннее воздаяніе: миръ, обра-

дованіе и особенное дерзновеніе въ молитвѣ. Этими актами вѣрности благодати и возгрѣвается даръ благодати въ связи съ молитвою, уже неотходною въ это время.

Чѣмъ болѣе внѣдряется въ сердце молитва Іисусова, тѣмъ болѣе согрѣвается сердце, и тѣмъ самодвижнѣе становится молитва, такъ что огнь жизни духовной въ сердцѣ возгорается, и горѣніе ея становится непрестаннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ молитва Іисусова займетъ все сердце и станетъ непрестанно движущеюся . . .» (Тамъ же, стр. 141).

Относительно теплоты, бывающей въ сердцѣ при молитвѣ Іисусовой, Епископъ Ѳеофанъ предупреждаетъ, что надо различать разные виды теплоты — теплоту естественную и теплоту благодатную. »Первый плодъ Божіей теплоты есть собраніе мыслей во едино и устремленіе ихъ къ Богу неотходное. Если мысли утомляютъ, не даютъ установиться вниманіемъ предъ Богомъ — то бывающая при этомъ теплота не Божія, а своя» (Тамъ же, стр. 142).

»Эту натуральную теплоту не надо вмѣнять во что нибудь, а только почитать приготовленіемъ къ Божіей теплотѣ, болѣзновать о скудости Божіяго дѣйствія въ сердцѣ, и въ болѣзни молить Господа непрестанно».

»Когда вниманіе сойдетъ въ сердце, то привлечетъ туда въ одну точку всѣ силы души и тѣла. Это сосредоточеніе всей человѣческой жизни въ одно мѣсто тотчасъ отзывается тамъ особымъ ощущеніемъ; сіе ощущеніе и есть начало будущей теплоты. Ощущеніе сіе, сначала легкое, все усиливается, крѣпнетъ, углубляется, и изъ холоднаго, каково оно въ началѣ, переходитъ въ теплое чувство и держитъ на себѣ вниманіе. И происходитъ, такимъ образомъ, что сначала вниманіе держится въ сердцѣ напряженіемъ воли; силою своею вниманіе порождаетъ теплоту въ сердцѣ. Теплота же сія затѣмъ держитъ вниманіе безъ особаго его напряженія. Они затѣмъ другъ друга поддерживаютъ, и должны пребывать неразлучно, ибо разсѣяніе вниманія охлаждаетъ теплоту, а умаленіе теплоты ослабляетъ вниманіе. Отсюда законъ духовной жизни: держи сердце въ чувствѣ къ Богу, всегда будешь въ памяти Божіей. Духовная ли-

это теплота? Нѣтъ, не духовная, а обыкновенная, естественная, кровяная. Но какъ она держитъ вниманіе ума въ сердцѣ, и чрезъ то способствуетъ развитію тамъ духовныхъ, указанныхъ выше, движеній, то она называется духовною, въ томъ однако же случаѣ, если она не сопровождается похотными ощущеніями, хотя бы и легкими, но держитъ душу и тѣло въ трезвенномъ настроеніи. Отсюда слѣдуетъ, какъ скоро теплота, сопровождающая молитву Іисусову, не сопровождается духовными чувствами, то ее не слѣдуетъ называть духовною, а просто кровяною теплотою; и она, будучи таковою, не худа, если только не связывается, какъ было сказано, съ похотными движеніями. Если же связывается, то худа, и подлежитъ изгнанію. Поэтому неправильно удовлетворяться или ограничиваться однимъ ощущеніемъ теплоты, не заботясь о чувствахъ духовныхъ, даже о памяти Божіей, а лишь о томъ, чтобы была теплота; нужно замѣтить это и исправить, ибо въ такомъ случаѣ останется одна кровяная теплота, животная . . . Не должно сію теплоту почитать духовною, или благодатною. Духовною ее можно назвать только тогда, когда она сопровождается духовными, молитвенными движеніями. Кто безъ нихъ называетъ ее духовною, тотъ допускаетъ неправильность. Кто называетъ ее благодатною, еще болѣе неправъ. Благодатная теплота особая есть, и она собственно есть духовная. Она отрѣшена отъ плоти, и въ тѣлѣ не производитъ замѣтныхъ измѣненій, и свидѣтельствуется тонкимъ сладостнымъ чувствомъ. По симъ чувствамъ всякій легко можетъ опредѣлить и различить теплоту. Это каждому слѣдуетъ сдѣлать самому. Стороннему тутъ нѣтъ дѣла и мѣста. (Сборникъ, § 11).

Подобно Еп. Ѳеофану предостерегаетъ противъ принятія естественной теплоты и Епископъ Игнатій: »Теплота, являющаяся отъ усиленнаго, вещественнаго подвига, также вещественна. Это — теплота плотская, кровяная, въ области падшаго естества. Неопытный подвижникъ, ощутивъ эту теплоту, непремѣнно возмнитъ о ней нѣчто, найдетъ въ ней пріятность, услажденіе, въ чемъ начало само-

обольщенія. Не только не должно думать чего либо особеннаго объ этой теплотѣ, но, напротивъ того, должно принять особенныя мѣры предосторожности при появленіи ея. Предосторожность необходима по той причинѣ, что эта теплота, какъ кровяная, не только переходитъ по разнымъ мѣстамъ груди, но очень легко можетъ спуститься и ниже, и вызвать нежелательныя движенія въ тѣлѣ».

»Іисусовой молитвою надо искать не того, конечно, чтобы ощутить въ сердцѣ физическую теплоту. А того нужно искать, чтобы канулъ въ сердце благодатный огонь, и началась непрестанная молитва, чѣмъ и опредѣляется благодатное состояніе. Вѣдать подобаетъ, что Іисусова молитва, когда искра Божія падетъ въ сердце, раздуваетъ ее въ пламень, а сама не даетъ сей искры, но только способствуетъ къ принятію ея. Чѣмъ способствуетъ? Тѣмъ, что собираетъ мысли во едино, и даетъ душѣ возможность стоять передъ Господомъ и ходить въ присутствіи Его. Главное — стояніе и хожденіе предъ Богомъ съ вопіяніемъ къ Нему изъ сердца. Такъ дѣлалъ св. Максимъ Капсокаливитъ».

»Духовное горѣніе сердца къ Господу есть любовь къ Нему. Она загорается отъ прикосновенія Господа къ сердцу. Какъ Онъ весь есть любовь, то и прикосновеніе Его къ сердцу тотчасъ возжигаетъ любовь къ Нему. А отъ любви — горѣніе сердца къ Нему. Вотъ это и должно быть предметомъ исканія. Твореніе Іисусовой молитвы есть только орудіе къ тому, или лучше сказать, только трудъ, показывающій сильное желаніе души обрѣсти Господа».

Еще о теплотѣ Епископъ Ѳеофанъ пишетъ: »Когда сердце ваше затеплится теплотою Божіею, съ того времени начнется собственно внутренняя ваша передѣлка. Огонекъ тотъ все въ васъ пережжетъ и переплавитъ, иначе сказать, — все одухотворять начнетъ, пока совсѣмъ одухотворитъ. Пока не придетъ тотъ огонекъ, одухотворенія не будетъ, какъ ни напрягайтесь на духовное. Стало быть, теперь все дѣло — достать огонька . . . Но сіе вѣдайте, — что огонекъ не покажется, пока страсти въ силѣ, хотя имъ и не поблажаютъ. Страсти тоже, что сырость въ дровахъ. Сы-

рые дрова не горятъ. Надо со стороны принесть сухихъ дровичекъ и зажечь. Они, горя, начнутъ просушивать сырость и, по мѣрѣ просушиванія, зажигать сырые дрова. Такъ по немногу огонь, гоня сырость и распространяясь, обыметъ пламенемъ и всѣ дрова положенные. Дрова наши суть всѣ силы души нашей и всѣ отправленія тѣла. Всѣ они, пока не внимаетъ человѣкъ себѣ, пропитаны сыростію — страстями, и пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному . . . Онѣ проходятъ и въ душу и въ тѣло, забираютъ и самый духъ — сознаніе и свободу и, такимъ образомъ, господствуютъ надъ всѣмъ человѣкомъ. Какъ онѣ въ стачкѣ съ бѣсами, то чрезъ нихъ и бѣсы господствуютъ надъ человѣкомъ, мечтающимъ однакожъ, что онъ самъ себѣ господинъ» (Сборникъ, § 94).

Не нужно еще забывать, что кромѣ естественной теплоты и благодатной, можетъ быть при молитвѣ еще и третья теплота — бѣсовская. О ней подробно будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, въ писаніяхъ старца схимонаха Василія, который говоритъ о ней въ предисловіяхъ на книги св. Григорія Синаита, Филофея Синайскаго и Исихія Іерусалимскаго.

Какъ наглядный примѣръ благодатной теплоты, возникающей въ сердцѣ, я хочу сообщить вамъ разсказъ св. Григорія Синаита о Максимѣ Капсокаливитѣ, на котораго такъ часто указываетъ Епископъ Ѳеофанъ.

Я передамъ разсказъ св. Григорія Синаита о Максимѣ Капсокаливитѣ полностью, какъ онъ изложенъ въ »Добротолюбіи». И изъ него вы узнаете не только о томъ, какъ возгорѣлся въ душѣ Максима благодатный огонь и появилась постоянная, самодвижная молитва Іисусова, но предъ вами откроются до нѣкоторой степени и тайны высшихъ молитвенныхъ состояній, которыхъ касаться въ нашей бесѣдѣ мы не можемъ просто потому, что эта тема выше нашего духовнаго возраста и пониманія. Но знать, что эти высшія молитвенныя состоянія существуютъ, намъ полезно, чтобы мы не думали, будто все содержаніе молитвенной жизни исчерпывается тѣми молитвенными состояніями, какія мы сами переживаемъ.

Итакъ, перехожу къ разсказу св. Григорія Синаита, помѣщенному въ пятомъ томѣ »Добротолюбія» подъ названіемъ: »Изъ житія преподобнаго отца нашего Максима Капсокаливита. Объ умной благодатной молитвѣ».

»Божественный Григорій Синаитъ, встрѣтивъ святаго Максима и бесѣдуя съ нимъ, между прочимъ, спросилъ его: прошу тебя, отче мой честнѣйшій, скажи мнѣ: держишь ли ты умную молитву? Тотъ, поникши немного главою, отвѣтилъ ему: не хочу скрывать отъ тебя, честный отче, чуда Пресвятыя Богородицы, которое было со мною. Отъ юности моей имѣлъ я великую вѣру къ Госпожѣ моей Богородицѣ и умолялъ Ее со слезами, да подастъ мнѣ сію благодать умной молитвы. Въ одинъ день, пришедши въ храмъ, какъ имѣлъ обычай, просилъ я Ее о семъ съ безмѣрною теплотою сердца, и когда потомъ съ любовію цѣловалъ святую икону Ея, вдругъ ощутилъ въ груди моей и въ сердцѣ моемъ нѣкую особенную теплоту и пламя, изшедшее отъ святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало, и вносило въ душу мою великое умиленіе. Съ этого момента, отче мой, сердце мое начало изъ-внутрь себя говорить молитву, и умъ мой услаждается памятованіемъ Господа моего Іисуса Христа и Пресвятыя Владычицы моей Богородицы, и всегда пребываетъ въ семъ памятованіи о нихъ; и съ того времени молитва не пресѣкалась въ сердцѣ моемъ, — прости мнѣ.

Говоритъ ему св. Григорій: скажи мнѣ, святый отче, бывало ли съ тобою въ то время, какъ ты говорилъ молитву: Господи Іисусе Христе и проч. божественное какое измѣненіе, или изступленіе, или другой какой плодъ Духа Святаго? — Божественный Максимъ отвѣтилъ ему: да; и сего ради, отче, я уходилъ въ пустынныя мѣста и всегда любилъ полное безмолвіе, да наслаждусь въ большей мѣрѣ плодомъ молитвы, т. е. преизобильною любовію къ Богу и восхищеніемъ ума къ Господу.

Святый Григорій спросилъ его: прошу тебя, отче, скажи мнѣ: имѣешь ли ты то, о чемъ сказалъ. Божественный Максимъ, потупивъ очи, говоритъ ему: не пытай о моихъ прельщеніяхъ.

Тогда святый Григорій сказалъ ему: о, когда бы и мнѣ далъ Богъ имѣть такое же прельщеніе, какое у тебя, отче святый! — Впрочемъ прошу тебя, скажи мнѣ: въ тотъ часъ, когда умъ твой восхищаемъ бываетъ къ Богу, что видитъ онъ умными очами своими? И можетъ ли тогда умъ вмѣстѣ съ сердцемъ возводить молитву? Святый Максимъ отвѣтилъ ему: нѣтъ, не можетъ. Ибо когда благодать Св. Духа придетъ въ человѣка посредствомъ молитвы, тогда молитва прекращается, такъ какъ умъ тогда весь овладѣвается благодатію Святаго Духа и не можетъ болѣе дѣйствовать собственными своими силами, но пребываетъ бездѣйственъ и повинуется только Духу Святому, и куда хощетъ Духъ Святый, туда и ведетъ его, или въ невещественный воздухъ свѣта Божественнаго, или въ другое какое созерцаніе несказанное, или, какъ часто бываетъ, въ божественную бесѣду, и кратко сказать, какъ хощетъ Утѣшитель, Духъ Святый, такъ и утѣшаетъ рабовъ Своихъ; какая потребна каждому изъ нихъ, ту и подаетъ имъ благодать Свою. Сіе, что говорю я, можетъ всякій ясно видѣть въ Пророкахъ и Апостолахъ, которые сподоблялись видѣть всякаго рода видѣнія, хотя люди насмѣхались надъ ними, почитали ихъ прельщенными и упившимися. Такъ пророкъ Исаія видѣлъ Господа, на престолѣ высокомъ превознесеннаго и окруженнаго Серафимами. Первомученикъ Стефанъ видѣлъ отверстыя небеса и Господа Іисуса одесную Отца, и проч. — Такимъ же образомъ и нынѣ рабы Христовы сподобляются видѣть разныя видѣнія, которымъ нѣкіе не вѣрятъ и никакъ не признаютъ ихъ истинными, но считаютъ прелестями, и тѣхъ, которые видятъ ихъ, называютъ состоящими въ прелести. Дивлюсь я такимъ много, и недоумѣваю, что это за люди, и какъ ослѣпились они, что, будто слѣпые, не видятъ и не вѣруютъ тому, что обѣтовалъ неложный Богъ устами пророка Іоиля, именно, что это самое дастъ Онъ вѣрующимъ, говоря: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть и прорекутъ* (Іоил. 2: 28), — каковую благодать Господь ниспослалъ на учениковъ Своихъ, и нынѣ подаетъ ее, и будетъ подавать до скончанія вѣка, по обѣтованію Своему,

всѣмъ вѣрнымъ рабамъ Своимъ. Итакъ, когда сія благодать Духа Святаго сойдетъ на кого либо, то не что либо обычное показываетъ ему изъ вещей чувственнаго міра сего, но показываетъ то, чего тотъ никогда не видѣлъ и не воображалъ. Тогда умъ такого человѣка научается отъ Святаго Духа высшимъ и сокровеннымъ тайнамъ, которыхъ, по божественному Павлу ни око человѣческое не можетъ видѣть, ни умъ уразумѣть самъ собою никогда (1 Кор. 2: 9). И чтобъ тебѣ понять, какъ умъ нашъ видитъ ихъ, вникни въ то, что я скажу тебѣ. Воскъ, когда далеко отъ огня находится, бываетъ твердъ, и можно взять его и держать; но какъ только ввергнешь его въ огонь, тотчасъ растаяваетъ, и тамъ въ огнѣ возгорается и горитъ, и бываетъ весь свѣтомъ, и такимъ образомъ кончается весь среди огня. Такъ и умъ человѣческій, когда одинъ самъ о себѣ бываетъ, не срѣтясь съ Богомъ, тогда уразумѣваетъ, какъ обычно, окружающее его по силѣ своей, — когда же приблизится къ огню Божества и къ Духу Святому, тогда весь всецѣло овладѣвается огнемъ Божескимъ, и бываетъ весь свѣтъ, и тамъ въ пламени Духа Святаго возгорается, и разливается въ божескихъ помышленіяхъ, и никакъ невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своемъ и о томъ, о чемъ хочетъ.

Послѣ сего святый Григорій напомянулъ ему: бываетъ, Капсокаливите мой, и другое нѣчто, подобное сему, что однакожъ есть дѣйство прелести. — На это великій оный Максимъ отвѣтилъ ему: бываетъ; но у каждой изъ сихъ свои особые признаки, — иные признаки прелести и иные — благодати. Когда злой духъ прелести приближается къ человѣку, то возмущаетъ умъ его и дѣлаетъ дикимъ, сердце ожесточаетъ и омрачаетъ, наводитъ боязнь и страхъ и гордости очи извращаетъ, мозгъ тревожитъ, все тѣло въ трепетаніе приводитъ, призрачно предъ очами показываетъ свѣтъ не свѣтлый и чистый, а красноватый, умъ дѣлаетъ изступленнымъ и бѣсноватымъ, и уста заставляетъ говорить слова непотребныя и хульныя; тотъ, кто видитъ сего духа прелести, большею частію серчаетъ и исполненъ бываетъ гнѣва,

смиренія совсѣмъ не знаетъ, ни истиннаго плача и слезъ, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда безъ сдержанности и страха Божія поддается движеніямъ страстей, наконецъ выходитъ изъ ума и приходитъ въ совершенную пагубу. Отъ таковой прелести да избавитъ насъ Господь молитвами твоими, отче честный. Признаки же благодати суть слѣдующія: когда входитъ въ человѣка благодать Святаго Духа, то собираетъ умъ его и дѣлаетъ его внимательнымъ и смиреннымъ, приводитъ ему на память смерть и грѣхи его, будущій судъ и вѣчное мученіе, душу его исполняетъ сокрушеннымъ умиленіемъ и подвигаетъ къ плачу и слезамъ, очи его дѣлаетъ кроткими и полными слезъ, и чѣмъ болѣе сближается съ человѣкомъ, тѣмъ болѣе умиротворяетъ душу его и утѣшаетъ святыми страданіями Господа нашего Іисуса Христа и безпредѣльнымъ Его человѣколюбіемъ, и умъ исполняетъ возвышенными созерцаніями: а) недомыслимой силы Божіей, какъ Онъ единымъ словомъ все изъ несущаго привелъ въ бытіе, б) безмѣрной силы, коею все содержитъ, всѣмъ управляетъ и о всемъ промышляетъ, в) непостижимой Святой Троицы и неизслѣдимой бездны Божескаго существа и прочее. Тогда умъ человѣка восторгается Божескимъ онымъ свѣтомъ, и просвѣщается свѣтомъ Божескаго вѣдѣнія, сердце дѣлается тихимъ и кроткимъ, и обильно источаетъ плоды Духа Святаго — *радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, любовь, смиреніе* и прочее (Гал. 5: 22), и душа его воспріемлетъ неизреченное веселіе.

Слыша сіе, св. Григорій Синаитъ пришелъ въ изступленіе, изумляясь тому, что говорилъ преподобный Максимъ, и болѣе не называлъ уже его человѣкомъ, но земнымъ Ангеломъ».

Въ словахъ преподобнаго Максима указуются молитвенныя состоянія, стоящія за предѣлами обычной и доступной людямъ молитвы, какъ дѣлательной, такъ и самодвижной. Въ эти высшія молитвенныя состоянія человѣкъ не можетъ войти собственными усиліями, и не долженъ даже посягать на это. Туда вводитъ человѣка Духъ Святый.

И тогда открываются человѣку, насколько онъ въ силахъ вмѣстить, небесныя тайны и созерцанія, которыхъ онъ не можетъ даже и передать человѣческими словами.

Объ этихъ молитвенныхъ состояніяхъ Епископъ Θеофанъ пишетъ: »Что касается до созерцанія, то ни у одного изъ Отцовъ не находимъ, чтобы въ него можно было вступить самимъ и, слѣдовательно, дѣлать что либо и съ своей стороны для вступленія въ него. Созерцаніе, по словамъ ихъ, давалось именно тѣмъ, которые уже успѣли очистить сердце свое совершенно, и глубоко соединились съ Господомъ. Изъ тысячи одинъ успѣваетъ стяжать чистую молитву; а молитву духовную, или, что тоже, созерцательную, въ родѣхъ и родѣхъ едва одинъ оказывается имѣющимъ» (Письма о духовной жизни. Стр. 233).

Мы дошли до предѣла, на которомъ намъ и слѣдуетъ закончить нашу общую бесѣду о молитвѣ Іисусовой, и перейти къ той части бесѣды, гдѣ будутъ изложены наставленія объ Іисусовой молитвѣ древнѣйшихъ св. Отцовъ и подвижниковъ Православной Церкви.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

Наставленія о внутреннемъ дѣланіи и о молитвѣ Іисусовой древнихъ св. Отцовъ Православной Церкви: Василія Великаго, Макарія Великаго, Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Исихія Іерусалимскаго, Филофея Синайскаго, Варсонофія и Іоанна, Исаака Сирина и преп. Серафима Саровскаго.

И. Наши предыдущія бесѣды имѣли характеръ болѣе или менѣе послѣдовательнаго и систематическаго изложенія ученія Православной Церкви о томъ, что такое Іисусова молитва, каково ея значеніе въ духовной жизни христіанина, какъ нужно проходить ее, каковы условія ея благотворнаго дѣйствія въ насъ, какія трудности и неправильности могутъ быть при занятіи этою молитвою и т. д.

Желая придать сказанному въ предыдущихъ бесѣдахъ болѣе полное и всестороннее освѣщеніе, я хочу въ дополненіе къ сказанному изложить въ настоящей бесѣдѣ ученіе объ Іисусовой молитвѣ и о молитвѣ вообще нѣкоторыхъ отдѣльныхъ св. Отцовъ и подвижниковъ Православной Церкви, писавшихъ или учившихъ объ умномъ дѣланіи.

Изъ совокупности ихъ наставленій получится болѣе глубокое и всестороннее изображеніе умнаго дѣланія, и, я полагаю, это будетъ намъ очень полезно, и дастъ намъ болѣе правильное и болѣе широкое и глубокое ознакомленіе съ этимъ дѣланіемъ.

Мы начнемъ съ древнѣйшихъ Отцовъ Церкви и постепенно перейдемъ къ ближайшимъ къ намъ по времени наставникамъ Іисусовой молитвы.

Что вы на это скажете, дорогой батюшка?

І. Что же я могу сказать? Я только съ величайшей

благодарностью и интересомъ буду слушать все то, что вы мнѣ предложите, такъ какъ ожидаю отъ этого новаго для себя назиданія и утѣшенія.

И. Итакъ, благословясь, продолжимъ нашу бесѣду.

Преосвященный Епископъ Ѳеофанъ, приступая къ печатанію своего перевода святоотеческаго »Добротолюбія», предпосылаетъ ему оцѣнку значенія и необходимости знакомства со святоотеческою письменностью не только для монашествующихъ, но и для мірянъ, дорожащихъ единствомъ, цѣльностью и полностью своего христіанскаго міровоззрѣнія и христіанской жизни. Для предстоящаго намъ ознакомленія со святоотеческой и подвижнической письменностью объ Іисусовой молитвѣ и о молитвѣ вообще предисловіе Епископа Ѳеофана къ Добротолюбію является очень подходящимъ вступленіемъ. По его словамъ: »Сокровенная въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ истинно христіанская жизнь зачинается, раскрывается и къ совершенству восходитъ, въ своей для каждаго мѣрѣ, по благоволенію Бога Отца, дѣйствіемъ присущей въ христіанахъ благодати Пресвятаго Духа, подъ водительствомъ Самого Христа Господа, обѣтовавшаго быть съ нами во вся дни неотлучно.

Благодать Божія призываетъ всѣхъ къ такой жизни; и для всѣхъ она не только возможна, но и обязательна, потому что въ ней существо христіанства. Причастниками же ея являются не всѣ призванные, и дѣйствительные ея причастники не всѣ причащаются ея въ одинаковой мѣрѣ. Избранники глубоко въ нее входятъ и по степенямъ ея высоко восходятъ.

Проявленія ея, равно какъ и богатства области, въ которой она раскрывается, не менѣе обильны и разнообразны, какъ и явленія обычной жизни. И если-бъ могло быть ясно понято, и понятно изображено все, бывающее тамъ: вражескія нападенія и искушенія, борьбы и одолѣнія, паденія и возстанія, зарожденія и укрѣпленія разныхъ проявленій духовной жизни, степени общаго преуспѣянія и свойственное каждой состояніе ума и сердца, взаимодѣйствіе во всемъ свободы и благодати, ощущенія близости и отдаленія

Божія, чувства промыслительнаго вседержительства и положенія себя, — окончательное и безвозвратное, — въ десницу Господню, съ отложеніемъ всѣхъ своихъ способовъ дѣйствованія, при непрестанномъ, напряженномъ дѣйствованіи, — если бы все сіе, и многое другое, неразлучное съ истинною въ Господѣ жизнію, могло быть ясно и удобопонятно изображено; то представило бы картину, сколько привлекательную, столько же и поучительную, — картину, похожую на всемірное путешествіе.

Путешественники пишутъ путевыя замѣтки о всемъ, что встрѣчаютъ достойнымъ вниманія на пути своемъ. Писали свои замѣтки и избранники Божіи, въ разныхъ направленіяхъ прослѣдившіе всѣ тропы духовной жизни, о всемъ, что встрѣчали и испытывали въ семъ многотрудномъ шествованіи своемъ. Но участь и назначеніе тѣхъ и другихъ замѣтокъ неодинаковы.

Не имѣющіе способовъ путешествовать могутъ, и не двигаясь съ мѣста, составить себѣ довольно приблизительныя понятія и представленія о чужихъ странахъ, посредствомъ чтенія путевыхъ замѣтокъ другихъ путешественниковъ, потому что формы жизни всѣхъ тварей больше или меньше походятъ однѣ на другія, въ какихъ бы странахъ онѣ ни проявлялись. Не то бываетъ въ отношеніи къ опытамъ духовной жизни. Понимать ихъ могутъ только шествующіе путемъ сей жизни. Для невступавшихъ на него это совершенно невѣдомая наука; но и вступившіе на него не все вдругъ понимать могутъ. Ихъ понятія и представленія уясняются по мѣрѣ шествія и углубленія въ страну духа. По мѣрѣ умноженія собственныхъ опытовъ духовной жизни, становятся ясными и понятными указанія опытовъ, замѣченныхъ святыми отцами въ писаніяхъ.

При всемъ томъ, однакожъ, изображеніе разныхъ проявленій духовной жизни, заключающееся въ святоотеческихъ писаніяхъ, не есть даръ напрасный и для всѣхъ вообще христіанъ. Оно даетъ всякому понять, что если онъ не испыталъ еще того, о чемъ говорится въ семъ описаніи, то значитъ, что установившійся для него образъ жизни, не

смотря на то, что съ нимъ мирится его христіанская совѣсть, не есть законченное совершенство, лучше котораго нечего желать, и выше котораго некуда идти. Давая же это понять, оно не можетъ не возбудить ревности къ преуспѣянію, не можетъ не манить впередъ, указывая тамъ нѣчто лучшее, нежели чѣмъ обладаетъ онъ.

Для тѣхъ, которые вступили на путь къ лучшему и совершеннѣйшему, оно даетъ нужныя указанія въ сомнительныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ, когда нѣтъ наличнаго опытнаго руководства, и когда и это самое встрѣчаетъ неразрѣшимости, не позволяющія давать окончательныя рѣшенія, которыя устраняли бы всякое колебаніе въ шествующемъ. Очень важно бываетъ знать, какъ и куда ступить ногою въ извѣстномъ случаѣ, чтобъ не сдѣлать ошибки. И вотъ, здѣсь какое нибудь изреченіе отеческое разгоняетъ тьму, возсіявъ подобно лучу молніи среди ночи.

Вообще же это теплица духовная, въ которую вѣрующій, прочитывая указанія о явленіяхъ духовной жизни, входитъ сознаніемъ и сердцемъ, и подлежа тамъ ощутительнымъ вліяніямъ возбужденныхъ созерцаній, чувствуетъ, что онъ витаетъ въ сіи минуты въ иной нѣкоей атмосферѣ, свѣтоносной и живоносной. Это отрадные моменты, — и въ продолженіе ихъ-то обычно зарождаются и зрѣютъ разные отпрыски на древѣ духовной жизни. И потому нѣтъ ничего дивнаго, что испытавшій это, какъ только улучаетъ свободную минуту, спѣшитъ къ опытнымъ описаніямъ духовной жизни, какъ любящій прибыль спѣшитъ къ мѣстамъ, прибыль обѣщающимъ, и любящій удовольствія — къ мѣстамъ утѣхъ. Онъ часто при этомъ желаетъ подышать оживляющимъ и ободряющимъ воздухомъ духовнымъ. И однакожъ это не есть праздное любопытство. Нѣтъ, это есть дѣло существенной необходимости для преуспѣянія и благосостоянія нашего духа.

Вотъ почему между истинными христіанами всегда была и есть потребность имѣть подъ руками святоотеческія писанія о духовной жизни. Но сколько похвально чувство такой потребности, столько же обязательно удовлетворе-

ніе ея отъ лица тѣхъ, кои имѣютъ долгъ къ тому и силы на то. Она и была всегда удовлетворяема, какъ изданіями сихъ писаній въ полномъ ихъ составѣ, — напримѣръ: святыхъ Макарія, Исаака и Ефрема Сиріанъ, Лѣствичника и другихъ многихъ, такъ не менѣе того и сборниками изъ нихъ. Къ числу такихъ сборниковъ принадлежитъ и извѣстное всѣмъ *Добротолюбіе*, какъ наилучшій изъ нихъ». (Еп. Ѳеофанъ. Первый томъ Добротолюбія. Вступленіе).

Послѣдуя призыву Преосвященнаго Ѳеофана, мы и вступаемъ въ страну духовной жизни, описанію которой посвящены страницы книгъ, оставленныхъ намъ св. Отцами и подвижниками Православной Церкви. Мы будемъ излагать ихъ ученіе ихъ же собственными словами въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно приводится въ книгѣ Е т Ѳеофана: »Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи . . .» (Изд. 2-е. Москва. 1884 г.) и дополняя въ необходимыхъ случаяхъ выписками изъ ихъ твореній.

Св. Василій Великій.

Начинаемъ со Святого *Василія Великаго*. »Огненный столпъ, огненныя уста Св. Духа, око церковное (по выраженію старца Паисія Величковскаго), Св. Василій Великій, толкуя слова Божественнаго Писанія — »Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устѣхъ моихъ», прекрасно поучаетъ: »Думается, пишетъ онъ, невозможно то, что говоритъ пророкъ, ибо какъ можетъ хвала Божія всегда быть во устахъ человѣка? Когда человѣкъ ведетъ свои обычные человѣческіе разговоры, въ его устахъ нѣтъ хвалы Богу; когда спитъ, молчитъ, конечно; когда ѣстъ и пьетъ, могутъ ли его уста произносить хвалу? Отвѣчаемъ на это — есть духовныя уста внутреннѣйшаго человѣка, которыми онъ воспринимаетъ животворное Слово Божіе, какъ хлѣбъ, сшедый съ небеси. Объ этихъ устахъ говоритъ пророкъ: »уста моя отверзохъ и привлекохъ Духъ»; эти уста и Господь призываетъ намъ имѣть открытыми къ пріятію истинной пищи: »расширь, говоритъ, уста твоя и исполню я». Ибо можетъ однажды возникшая и напечатлѣнная въ разумѣ души мысль о Богѣ именоваться хвалою,

всегда отъ Бога бываемою въ душѣ; можетъ, и по Апостолу, заботливый все творить во славу Божію. Такъ какъ всякое дѣло, и всякое слово, и всякое движеніе умное имѣетъ силу хвалы. И потому, ѣстъ ли праведникъ, или пьетъ, или что нибудь другое дѣлаетъ, все это онъ дѣлаетъ во славу Божію: у него и во снѣ сердце бдитъ». (Изъ житія и писаній молдавскаго старца Паисія. Изд. 1847 г. Стр. 214).

Епископъ Ѳеофанъ въ своемъ сборникѣ »О трезвеніи» приводитъ слѣдующія слова св. Василія: »Какъ достигнуть неразсѣянности въ молитвѣ? Несомнѣнно убѣдившись, что Богъ передъ очами . . . молящійся съ показаннымъ убѣжденіемъ будетъ имѣть умъ, не уклоняющійся отъ Испытующаго сердца и утробы, исполняя написанное: воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія (I Тим. 2: 8). (Святоот. наставл. § 26).

»Можно ли достигнуть неразсѣянности во всемъ и во всякое время, — и какъ сего достигнуть? Что сіе возможно, показалъ тотъ, кто сказалъ: »очи мои выну (всегда) ко Господу (Пс. 24: 15), и: »предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15: 8). А какъ сіе возможно, о томъ сказано выше, а именно: для сего не должно давать душѣ времени быть праздною отъ помышленія о Богѣ и о Божіихъ дѣлахъ и дарахъ, также отъ исповѣданія и благодаренія за все». (Святоот. наст. § 7).

»По какой причинѣ человѣкъ теряетъ всегдашнее памятованіе о Богѣ? Если онъ не памятуетъ благодѣяній Божіихъ» (10).

»Молитву должно всему предпочитать. Марѳа принимаетъ (заботится угостить) Господа, а при ногахъ Его сидитъ Марія. Въ обѣихъ сестрахъ видно прекрасное усердіе; но ты различай дѣло. Господь одобрилъ усердіе обѣихъ женщинъ: но Марію предпочелъ Марѳѣ. Марѳа — образъ дѣятельнаго служенія другимъ; Марія — образъ созерцательнаго предстоянія Богу въ молитвѣ. Подражай чему хочешь: тѣмъ и другимъ пріобрѣтешь плодъ спасенія; впрочемъ, послѣднее выше перваго. Марія благую часть избра (Лук. 10: 42). Если и ты хочешь быть таинникомъ

Христовымъ, сядь при ногахъ Его и пребывай въ молитвенномъ созерцаніи Его». (II).

»Если будешь осуждаемъ совѣстію своею, какъ презритель заповѣдей Божіихъ, и если будешь стоять на молитвѣ разсѣянно, когда бы могъ стоять и неразсѣянно, то не дерзай стоять передъ Богомъ, чтобы молитва твоя не обратилась въ грѣхъ. Если же ты стараешься, но не успѣваешь молиться безъ развлеченія, то принуждай себя, сколько станетъ силъ, и продолжай стоять передъ Богомъ, къ Нему обращая умъ, и собирая его въ себя самаго, и Богъ проститъ тебѣ: потому что не изъ пренебреженія, но по немощи не имѣлъ ты силъ стоять передъ Богомъ, какъ должно» (16).

»Надобно *всякимъ храненіемъ блюсти свое сердце* (Притч. 4: 23), чтобы никакъ не терять мысли о Богѣ, и памятованія о чудесахъ Его не осквернять представленіями суетнаго, но святую мысль о Богѣ, постояннымъ и чистымъ памятованіемъ напечатлѣнную въ душахъ нашихъ, всюду носить съ собою, какъ неизгладимую печать. Ибо такимъ образомъ пріобрѣтается нами любовь къ Богу, которая и возбуждаетъ къ исполненію заповѣдей Господнихъ, и вмѣстѣ опять сама ими соблюдается, дѣлаясь непрерывною и непоколебимою» (25).

»Откуда разсѣянность и помыслы? И какъ ихъ приводить въ порядокъ? Разсѣянность происходитъ отъ праздности ума, незанимающагося необходимымъ. А умъ остается въ праздности и безпечности отъ невѣрія въ присутствіе Бога, испытующаго сердца и утробы. Ибо, если кто повѣритъ сему, то безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ сказанное: — »Предзрѣхъ Господа предо мною, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15: 8). А кто достигъ сего и подобнаго сему, тотъ никогда не осмѣлится и не будетъ имѣть досуга помыслить что либо, не клонящееся къ созиданію вѣры, хотя бы и казалось это хорошимъ, а не только что нибудь запрещенное и неугодное Богу» (27).

Св. Макарій Египетскій.

Отъ Василія Великаго переходимъ къ *Великому Макарію Египетскому*, котораго молдавскій старецъ Паисій Величковскій именуетъ »Египетскимъ, лучше же сказать,

вселенскимъ солнцемъ, свѣтлѣе солнца просіявшимъ въ неизреченныхъ дарованіяхъ Святаго Духа».

Вотъ что пишетъ Великій Макарій объ отношеніи человѣческой души къ Богу. Я привожу слова св. Макарія по Добротолюбію (Томъ I, изд. 3).

»Нѣтъ иной такой близости и взаимности, какая есть у души съ Богомъ и у Бога съ душою. Богъ сотворилъ разныя твари; сотворилъ небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносныя, всякіе роды животныхъ. Но ни въ одной изъ сихъ тварей не почиваетъ Господь. Всякая тварь во власти Его; однакоже не утвердилъ Онъ въ нихъ престола, не установилъ съ ними общенія; благоволилъ же о единомъ человѣкѣ, съ нимъ вступивъ въ общеніе. Видишь ли въ этомъ сродство Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ?

Посему душа смысленная и благоразумная, обошедши всѣ созданія, нигдѣ не находитъ себѣ упокоенія, какъ только въ Единомъ Господѣ. И Господь ни къ кому не благоволитъ, какъ только къ единому человѣку.» (§ 1).

Но Господь не насилуетъ свободу человѣка, которою Онъ одарилъ его:

»Удобоизмѣняема человѣческая природа, наклонна то къ худому, то, наоборотъ, къ прекрасному, и вслѣдствіе того и другого имѣетъ способность соизволять, на какія захочетъ дѣла. Поэтому, природа наша удобопріемлема и для добра, и для зла; и для Божіей благодати, и для сопротивной силы. Но она не можетъ быть приневоливаема» (§ 16).

Глубоко укоренился грѣхъ въ душѣ человѣческой: »Вошедшій въ душу человѣка грѣхъ овладѣлъ пажитями души до глубочайшихъ ея тайниковъ, обратился въ привычку и предубѣжденіе, съ младенчества въ каждомъ возрастаетъ, воспитывается и учитъ его худому» (§ 30).

»Видимый міръ, отъ царей и до нищихъ, весь въ смятеніи, въ нестроеніи, въ борьбѣ, и никто изъ нихъ не знаетъ тому причины . . . Прившедшій грѣхъ, какъ разумная нѣкая сила и сущность сатаны, посѣялъ всякое зло: онъ

тайно дѣйствуетъ на внутренняго человѣка и на умъ, и борется съ нимъ помыслами; люди же не знаютъ, что дѣлаютъ сіе побуждаемые чуждою нѣкоею силою; напротивъ того, думаютъ. что это естественно, и что дѣлаютъ сіе по собственному своему разсужденію. Но въ самомъ умѣ имѣющіе миръ Христовъ и озареніе Христово знаютъ, откуда воздвигается все это» (§ 36).

Но все же грѣхъ не всецѣло поработилъ человѣка: »Осталась въ человѣкѣ свобода, какую Богъ далъ ему въ началѣ. Какъ совершенный не привязанъ къ добру какою либо необходимостью, такъ не привязанъ и ко злу погрязшій въ грѣхъ и дѣлающій себя сосудомъ діавола» (§ 43).

»Ты свободенъ; и если хочешь погибнуть, то природа твоя удобоизмѣняема. Кто хочетъ, тотъ и покорствуетъ Богу, и идетъ путемъ правды, и владѣетъ пожеланіями, потому что умъ сей есть противоборникъ, и твердымъ помысломъ можетъ препобѣдить порочныя стремленія и гнусныя пожеланія» (§ 44).

Однако, однѣми своими силами человѣкъ не можетъ преодолѣть грѣха вполнѣ.

»Напрасно, однакожъ, надмѣваясь, думаютъ собственною своею свободою устранить отъ себя поводы ко грѣху. Свобода, возможная для человѣка, простирается на то чтобы противиться діаволу, а не на то, чтобы при сей возможности непремѣнно имѣть и власть надъ страстями» (§ 45).

О связи грѣха съ человѣческою природою св. Макарій пишетъ: »Въ насъ дѣйствуетъ зло со всею силою и ощутительностою, внушая всѣ нечистыя пожеланія, однакожъ срастворено съ нами не такъ, какъ иные говорятъ сіе о смѣшеніи вина съ водою, но какъ на одномъ полѣ растутъ и пшеница сама по себѣ, и плевелы сами по себѣ, или какъ въ одномъ домѣ находятся особо разбойникъ и особо владѣтель дома» (§ 46).

»Источникъ изливаетъ чистую воду; но на днѣ его лежитъ тина. Если возмутитъ кто тину, — весь источникъ дѣлается мутнымъ. Такъ и душа, когда бываетъ возмущена,

срастворяется съ порокомъ. И сатана чѣмъ то однимъ дѣлается съ душею; оба духа во время блуда или убійства составляютъ что то одно . . . Въ иное же время, самостоятельная душа дѣйствуетъ сама по себѣ, и раскаявается въ своихъ поступкахъ, плачетъ, молится и приводитъ себѣ на память Бога» (§ 48).

Исцѣленіе пораженной грѣхомъ человѣческой души возможно только отъ Бога.

»Душу, вначалѣ уязвленную неисцѣльною язвою вредоносныхъ страстей, никто не могъ исцѣлить . . . , пока не пришелъ Спаситель, истинный Врачъ, туне врачующій и Себя дающій въ искупительную цѣну за родъ человѣческій. Онъ одинъ совершилъ великое и спасительное искупленіе и уврачеваніе души; Онъ освободилъ ее отъ рабства и извелъ ее изъ тьмы» (§ 53).

»Господь нашъ Іисусъ Христосъ для того и пришелъ, чтобы измѣнить, преобразить и обновить естество, и эту душу, вслѣдствіе преступленія низложенную страстями, создать вновь, растворивъ ее Божественнымъ Духомъ. Онъ пришелъ вѣрующихъ въ Него содѣлать новымъ умомъ, новою душею, новыми очами, новымъ слухомъ, новымъ языкомъ духовнымъ, однимъ словомъ — новыми людьми» (§ 58).

»Господь непрестанно ударяетъ въ двери сердецъ нашихъ, чтобы отверзли мы Ему, и Онъ вошелъ и почилъ въ душахъ нашихъ, и сотворилъ обитель у насъ. Ибо говоритъ: се стою при дверяхъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему (Апок. 3: 20). Для того Онъ благоволилъ много пострадать, предавъ тѣло Свое на смерть, и искупивъ насъ отъ рабства, чтобы пришедши къ душѣ нашей, сотворить въ ней обитель. Ибо и пища, и питіе, и одежда, и покровъ, и упокоеніе Его — въ душахъ нашихъ. Посему непрестанно ударяетъ въ дверь, желая войти къ намъ. Пріимемъ же Его и введемъ внутрь себя; потому что и для насъ Онъ есть и пища, и питіе, и жизнь вѣчная. И всякая душа, которая не пріяла Его въ себя и не успокоила Его въ себѣ нынѣ, или лучше сказать, сама

не успокоилась въ Немъ, не имѣетъ наслѣдія со Святыми въ царствѣ небесномъ, и не можетъ войти въ небесный градъ. Ты Самъ, Господи Іисусе Христе, введи насъ въ оный!» (§ 66).

Спасеніе человѣка, хотя и совершается Богомъ, но не безъ воли и самого человѣка.

»Человѣкъ по природѣ имѣетъ предначинаніе, и его то взыскуетъ Богъ. И поэтому повелѣваетъ, чтобы человѣкъ сперва понялъ, понявъ возлюбилъ, и предначалъ волею. А чтобы мысль привести въ дѣйствіе, или перенести трудъ, или совершить дѣло, — сіе благодать Господня даетъ возжелавшему и увѣровавшему. Посему воля человѣческая есть какъ бы существенное условіе. Если нѣтъ воли, — Самъ Богъ ничего не дѣлаетъ, хотя и можетъ по свободѣ Своей. Посему совершеніе дѣла Духомъ зависитъ отъ воли человѣка. Опять, если даемъ мы полную свою волю, то намъ все дѣло приписываетъ чудный во всемъ и совершенно недомыслимый Богъ» (§ 67).

»Какъ пчела тайно выдѣлываетъ сотъ въ ульѣ, такъ и благодать тайно производитъ въ сердцахъ любовь свою, и горечь превращаетъ въ сладость, а жестокосердіе — въ мягкосердіе» (§ 188).

»Человѣкъ не тотчасъ, какъ услышитъ Божіе слово, дѣлается уже достойнымъ благой части. Утверждая противное, отнимаешь у человѣка волю и отрицаешь бытіе сопротивной силы, противоборствующей уму. Мы же говоримъ, что слушающій слово приходитъ въ сокрушеніе, и потомъ начинаетъ онъ упражняться и поучаться въ брани, борется и подвизается противъ сатаны; и послѣ долгаго состязанія и боренія, одерживаетъ побѣду и дѣлается христіаниномъ (рѣшается, то есть, быть строгимъ послѣдователемъ Христовымъ. Е. Ѳ.)» (§ 76).

»Вникни въ умную сущность души, и вникни не слегка. Безсмертная душа есть драгоцѣнный нѣкій сосудъ. Смотри какъ велико небо и земля, и не о нихъ благоволилъ Богъ, а только о тебѣ. Воззри на свое благородство и достоинство, потому что не Ангеловъ послалъ, но Самъ Господь

пришелъ ходатаемъ за тебя, чтобы воззвать погибшаго, изъязвленнаго, возвратить тебѣ первоначальный образъ чистаго Адама. Самъ Богъ пришелъ вступиться за тебя и избавить тебя отъ смерти. Стань же твердо, и представь себѣ, какое о тебѣ промышленіе» (§ 77).

Еще здѣсь на землѣ должно начинаться возрожденіе души и ея соединеніе со Святымъ Духомъ.

»Какъ въ тѣлѣ жизнь не отъ него самаго, но отъ того, что внѣ его, то есть отъ земли, и безъ существующаго внѣ его невозможно ему жить: такъ, если душа еще нынѣ не возродится въ оную землю живыхъ, и не будетъ тамъ духовно питаться и духовно возрастать, преспѣвая предъ Господомъ, и не облечетъ ее Божество въ неизреченныя ризы небесной лѣпоты, то безъ оной пищи невозможно ей самой собою жить въ услажденіи и упокоеніи. Ибо естество Божіе имѣетъ и хлѣбъ жизни, — Того, Кто сказалъ: Азъ есмь хлѣбъ животный (Іоан. 6: 35), и воду живу (Іоан. 4: 10), и вино, веселящее сердце человѣка (Пс. 103: 15), и елей радости (Пс. 44: 8), и многообразную пищу небеснаго Духа, и свѣтоносныя небесныя одежды, даруемыя Богомъ. Въ этомъ и состоитъ небесная жизнь души. Горе тѣлу, когда оно останавливается на своей природѣ, потому что разрушается и умираетъ. Горе и душѣ, если она останавливается на своей только природѣ, не имѣя общенія съ Божественнымъ Духомъ; потому что умираетъ, не сподобившись вѣчной Божественной жизни. Какъ отчаяваются въ больныхъ, когда тѣло ихъ не можетъ уже принимать пищи, и плачутъ о нихъ всѣ близкіе, друзья, родные и любимые ими; такъ Богъ и святые Ангелы достойными слезъ признаютъ тѣ души, которыя не вкушаютъ небесной пищи Духа и не живутъ въ нетлѣніи» (§ 86).

Оберегая душу, человѣкъ долженъ вести мужественную борьбу съ сатаною.

»Случается, что сатана ведетъ разговоръ съ тобою въ сердцѣ: »смотри, сколько худого сдѣлалъ ты; смотри, какого неистовства исполнена душа твоя; столько обремененъ ты грѣхами, что не можешь уже спастись». Сіе же дѣлаетъ,

чтобы ввергнуть тебя въ отчаяніе, потому что непріятно ему покаяніе твое. Ибо, какъ скоро чрезъ преступленіе вошелъ грѣхъ, — ежечасно бесѣдуетъ онъ съ душею, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Отвѣчай ему и ты: »Имѣю въ Писаніи Господнемъ свидѣтельство: не смерти хочу грѣшника, но покаянія, чтобы обратился онъ отъ пути лукаваго и былъ живъ (Іезек. 33: 11). Ибо для того снисшелъ Онъ, чтобы спасти грѣшныхъ, воскресить мертвыхъ, оживотворить умершвленныхъ, просвѣтить находящихся во тьмѣ» (§ 98).

»Представь себѣ станъ персидскій и станъ римскій; и вотъ вышли изъ нихъ два окрыленные мужествомъ и равносильные юноши и ведутъ борьбу. Такъ сопротивная сила и умъ равномощны между собою, и равную имѣютъ силу, какъ сатана преклонять и лестію вовлекать душу въ волю свою, такъ опять и душа прекословить и ни въ чемъ не повиноваться ему; потому что обѣ силы могутъ только побуждать, а не принуждать къ злу и добру. Таковому то произволенію дается Божія помощь, и оно можетъ борьбою пріобрѣсти оружіе съ неба, и имъ побѣдить и искоренить грѣхъ; потому что душа можетъ противиться грѣху, но не можетъ безъ Бога побѣдить или искоренить зло. А утверждающіе, что грѣхъ подобенъ сильному исполину, душа же подобна отроку, говорятъ худо. Ибо, если бы таково было несходство, и грѣхъ уподоблялся исполину, а душа — отроку, то несправедливъ былъ бы Законоположникъ, Который далъ человѣку законъ — вести брань съ сатаною» (§ 99).

»Очень немного такихъ, которые съ добрымъ началомъ соединили добрый конецъ, непреткновенно дошли до цѣли, имѣютъ единую любовь къ Единому Богу и отъ всего отрѣшились. Многіе приходятъ въ умиленіе, многіе дѣлаются причастниками небесной благодати, уязвляются небесною любовію; но, не выдержавъ встрѣтившихся на пути различныхъ бореній, подвиговъ, трудовъ и искушеній отъ лукаваго, поелику у каждаго есть желаніе любить что-либо въ мірѣ семъ, и не вовсе отрѣшаться отъ любви своей,

возвратившись къ разнообразнымъ и различнымъ мірскимъ пожеланіямъ, по слабости и недѣятельности, или по боязливости собственной своей воли, или по любви къ чему либо земному, остались въ мірѣ и погрязли въ глубинѣ его» (§ 105).

»... Для какой нибудь земной и плотской любви, которою человѣкъ связываетъ себя по собственной волѣ, уловляетъ его грѣхъ, дѣлается для человѣка оковами, узами, тяжкимъ бременемъ, которое потопляетъ и подавляетъ его въ вѣкѣ лукавомъ, не давая ему собраться съ силами и возвратиться къ Богу . . . Отъ этого зависитъ и равновѣсіе, и склоненіе, и перевѣсъ порока; симъ испытвается весь родъ человѣческій, испытываются всѣ христіане, живущіе въ городахъ, или въ горахъ, или въ обителяхъ, или въ поляхъ, или въ мѣстахъ пустынныхъ; потому что человѣкъ, уловляемый собственною своею волею, начинаетъ любить что нибудь; любовь его связывается чѣмъ нибудь и не всецѣло уже устремлена къ Богу. Напримѣръ, иный возлюбилъ имѣнія, а иный золото и серебро, иный же—многоученую мірскую мудрость для славы человѣческой; иный возлюбилъ начальство, иный — славу; иный любитъ безвременныя сходбища, иный весь день проводитъ въ разсѣяніи и удовольствіяхъ; иный обольщается праздными помыслами; иный для человѣческой славы любитъ быть какъ бы законоучителемъ; иный услаждается недѣятельностію и нерадѣніемъ; другой привязанъ къ одеждамъ; иный предается земнымъ попеченіямъ; иный любитъ сонъ, или шутки, или сквернословіе. Чѣмъ привязанъ кто къ міру, малымъ ли или великимъ, то и удерживаетъ его, и не позволяетъ ему собраться съ силами. Съ какою страстію человѣкъ не борется мужественно, ту любитъ онъ, и она обладаетъ имъ, и обременяетъ его, и дѣлается для него оковами и препятствіемъ уму его обратиться къ Богу, благоугодить Ему и, послуживъ Ему Единому, содѣлаться благопотребнымъ для царствія и улучить вѣчную жизнь» (§ 107).

»А душа, дѣйствительно стремящаяся ко Господу, вся и всецѣло къ Нему простираетъ любовь свою и, сколько

есть силъ, къ Нему Единому привязуется своимъ произволеніемъ, и въ этомъ пріобрѣтаетъ помощь благодати, отрицается сама себя, и не слѣдуетъ хотѣніямъ ума своего; потому что по причинѣ неотлучнаго съ нами и обольщающаго насъ зла, ходитъ онъ лукаво. Такимъ образомъ, какъ скоро душа возлюбила Господа, исхищается изъ сѣтей собственною своею вѣрою и великою рачительностію, а вмѣстѣ и помощію свыше сподобляется вѣчнаго царства, и дѣйствительно возлюбивъ оное, по собственной своей волѣ и при помощи Господней, не лишится уже вѣчной жизни» (§ 108).

Христіанину необходимо не только желать небесныхъ благъ и дарованій, но и быть готовымъ ради нихъ претерпѣть труды и скорби.

»Когда мы читаемъ Писанія, или о какомъ праведникѣ, какъ благоугодилъ онъ Богу, какъ сталъ другомъ и собесѣдникомъ Божіимъ, или о всѣхъ отцахъ, какъ содѣлались они друзьями и наслѣдниками Божіими, сколько претерпѣли скорбей, сколько страдали ради Бога, сколько совершали доблестныхъ дѣлъ и подвиговъ; тогда ублажаемъ ихъ и хотимъ сподобиться равныхъ съ ними даровъ и достоинствъ, охотно желаемъ получить славныя оныя дарованія, отложивъ только въ сторону ихъ труды, подвиги, скорби и страданія; и стяжать тѣ почести и достоинства, какія пріяли они отъ Бога, желаемъ усердно, а ихъ изнуреній, трудовъ и подвиговъ на себя не пріемлемъ. Но сказываю тебѣ, что всего этого желаетъ и вожделѣваетъ всякій человѣкъ: и блудники, и мытари, и несправедливые люди хотѣли бы получить царствіе такъ легко, безъ трудовъ и подвиговъ. Для того то и предлежатъ на пути искушенія, многія испытанія, скорби, боренія и пролитія пота, чтобы явными содѣлались тѣ, которые дѣйствительно отъ всего произволенія и всѣми силами даже до смерти любили Единаго Господа, и при такой любви къ Нему не имѣли уже ничего иного для себя вожделѣннаго. Посему-то, по правдѣ, входятъ они въ небесное царство, отрекшись отъ себя самихъ, по Господнему слову, и паче дыханія своего возлюбивъ Единаго Господа;

почему за высокую любовь свою и будутъ вознаграждены высокими небесными дарами» (§ 112).

»Кто приходитъ къ Богу, и дѣйствительно желаетъ быть послѣдователемъ Христовымъ, тотъ долженъ приходить съ тою цѣлію, чтобы перемѣниться, показать себя лучшимъ и новымъ человѣкомъ, неудержавшимъ въ себѣ ничего изъ свойственнаго ветхому человѣку. Ибо сказано: *аще кто во Христѣ, нова тварь*» (2 Кор. 5: 17) (§ 113).

»Приступающему ко Господу надлежитъ принуждать себя ко всякому добру; принуждать себя къ любви, если кто не имѣетъ любви; принуждать себя къ кротости, если не имѣетъ кротости; принуждать себя къ тому, чтобы милосердымъ быть и имѣть милостивое сердце; принуждать себя къ тому, чтобы терпѣть пренебреженіе, и когда пренебрегаютъ, — быть великодушнымъ, когда унижаютъ или безчестятъ, — не приходить въ негодованіе, по сказанному: *не себе отмщающе возлюбленніи* (Рим. 12: 19); надлежитъ принуждать себя къ молитвѣ, если не имѣетъ кто духовной молитвы. Въ такомъ случаѣ, Богъ видя, что человѣкъ столько подвизается и противъ воли сердца съ усиліемъ обуздываетъ себя, дастъ ему истинную духовную молитву, дастъ истинную любовь, истинную кротость, *утробы щедротъ*, истинную доброту, и однимъ словомъ, исполнитъ его духовнаго плода» (§ 132).

»Нѣкоторые говорятъ, что Господь требуетъ отъ людей однихъ явныхъ плодовъ, а тайное совершаетъ Самъ Богъ. Но не такъ бываетъ на дѣлѣ; напротивъ того, сколько ограждаетъ кто себя по внѣшнему человѣку, столько же онъ долженъ бороться и вести брань съ помыслами; потому что Господь требуетъ отъ тебя, чтобы самъ на себя былъ ты гнѣвенъ, велъ брань съ умомъ своимъ, не соглашался на порочные помыслы, и не услаждался ими» (§ 141).

»Душа должна сопротивляться, противоборствовать и отражать. Произволеніе твое, противоборствуя, пребывая въ трудѣ и скорби, начинаетъ, наконецъ, одерживать верхъ; оно и падаетъ и возстаетъ; грѣхъ снова низлагаетъ его; въ десяти и въ двадцати бореніяхъ побѣждаетъ и низлагаетъ

душу; но и душа современемъ въ одномъ чемъ нибудь побѣждаетъ грѣхъ. И опять, если душа стоитъ твердо и ни въ чемъ не ослабѣваетъ, то начинаетъ брать преимущество, рѣшать дѣло и одерживать надъ грѣхомъ побѣды. Такъ-то люди преодолѣваютъ и дѣлаются его побѣдителями» (§ 142).

»Открывается какая-то сокровенная и тонкая сила тьмы, пребывающая въ сердцѣ. И Господь бываетъ близь души и тѣла твоего, и смотря на борьбу твою, влагаетъ въ тебя сокровенные, небесные помыслы, и втайнѣ начинаетъ упокоевать тебя. Но пока оставляетъ еще тебя подъ обученіемъ, и въ самыхъ скорбяхъ промышляетъ о тебѣ благодать. И когда прійдешь въ упокоеніе, дастъ тебѣ познать Себя, и покажетъ тебѣ, что для твоей же пользы попускала быть тебѣ въ бореніи. Какъ сыну богатаго человѣка, у котораго есть пѣстунъ, пока наставникъ наказываетъ его, и ученіе, и раны, и удары кажутся тяжкими, и это бываетъ пока не сдѣлается мужемъ, и тогда начинаетъ уже благодарить пѣстуна; такъ и благодать промыслительно обучаетъ, пока не прійдешь въ совершеннаго мужа» (§ 146).

»Самое главное оружіе для борца и подвижника состоитъ въ томъ, чтобы, вошедши въ сердце, сотворилъ онъ брань съ сатаною, возненавидѣлъ себя самаго, отрекся отъ души своей, гнѣвался на нее, укорялъ ее, противился привычнымъ своимъ пожеланіямъ, препирался съ помыслами, боролся съ самимъ собою» (§ 165).

»Истинное основаніе молитвы таково — быть внимательнымъ къ помысламъ и совершать молитву въ великомъ безмолвіи и мирѣ. Человѣку молящемуся надобно все усиліе свое обращать на помыслы, и что служитъ пищею лукавымъ помысламъ, то отсѣкать, а устремляться мыслію къ Богу, и хотѣнія помысловъ не исполнять, но кружащіеся помыслы собирать отовсюду воедино, различая естественные помыслы отъ лукавыхъ. Душа подъ грѣхомъ уподобляется какъ бы большому лѣсу на горѣ, или тростнику на рѣкѣ, или какой нибудь чащѣ терній и деревъ; посему, намѣревающіеся проходить симъ мѣстомъ, должны протягивать впередъ руки и съ усиліемъ и съ трудомъ раздви-

гать предъ собою вѣтви. Такъ и душу окружаетъ цѣлый лѣсъ помысловъ, внушаемыхъ сопротивною силою; почему, потребны великая рачительность и внимательность ума, чтобы человѣку отличать чуждые помыслы, внушаемые сопротивною силою. Внимательные къ помысламъ, весь подвигъ въ молитвахъ совершаютъ внутренно. Таковые своимъ разумѣніемъ и разсудительностію могутъ преуспѣвать, отражать возстающіе помыслы и ходить въ волѣ Господней» (§ 161).

Отъ возгорѣнія духа оживотворяется сердце.

»Маріи подражай, — подражай, не имѣя въ виду ничего иного, а взирая только на Того, Кто сказалъ: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся*! (Лук. 12: 49) Ибо возгорѣніе духа оживотворяетъ сердца. Невещественный и Божественный огнь освящаетъ души и искушаетъ ихъ, какъ неподдѣльное золото въ горнилѣ, а порокъ попаляетъ, какъ тернія и солому; потому что *Богъ нашъ огнь поядаяй есть* (Евр. 12: 29). Дѣйственности сего огня взыскуя, блаженный Давидъ сказалъ: *искуси мя, Господи, и испытай мя, разжги утробы моя и сердце мое*» (Пс. 25: 2) (§ 175).

»Сей огнь согрѣвалъ сердце Клеопы и спутника его, когда говорилъ съ ними Спаситель по воскресеніи. И Ангелы и служебные духи причащаются свѣтлости сего огня, по сказанному: *творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя огнь палящъ* (Евр. 1: 7). Сей огнь, сожигая сучецъ во внутреннемъ окѣ, дѣлаетъ чистымъ умъ, чтобы, возвративъ себѣ естественную прозорливость, непрестанно видѣлъ онъ чудеса Божіи, подобно тому, кто говоритъ: *открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118: 18). Поэтому, огнь сей прогоняетъ бѣсовъ и истребляетъ грѣхъ» (§ 176).

»Господь знаетъ немощь человѣческую, что человѣкъ скоро превозносится; поэтому останавливаетъ его и попускаетъ ему быть въ непрестанномъ упражненіи и волненіи. Ибо если когда и малое пріемлешь, для всѣхъ дѣлаешься несноснымъ и надмѣваешься, то кольми паче сдѣлаешься нестерпимымъ, если дадутъ тебѣ въ одинъ разъ насытиться.

Но Богъ, зная твою немощь, по смотрѣнію Своему посылаетъ тебѣ скорби, чтобы сталъ ты смиреннымъ и ревностнѣе взыскалъ Бога» (§ 194).

Достигшіе истиннаго преуспѣянія, не видятъ своего совершенства и почитаютъ себя ничѣмъ.

»Благоискусные предъ Богомъ сами себя признаютъ весьма малыми и крайне неблагоискусными, и для нихъ стало естественнымъ и непремѣннымъ дѣломъ почитать себя низкими, или даже ничѣмъ. Ужели таковые не знаютъ, что имъ придано, чего не имѣли, и пріобрѣли нѣчто необычайное для естества своего? Сказывая тебѣ, что не признаютъ они себя благоискусными и преуспѣвшими, не знаютъ, что пріобрѣли, чего не имѣли. Нисходящая же на таковыхъ благодать сама учитъ ихъ, чтобы и преуспѣвая, не почитали души своей драгоцѣнною, естественно же признавали себя ничего нестоющими. И будучи драгоцѣнными предъ Богомъ, не таковы они сами для себя; при своемъ преуспѣяніи и вѣдѣніи Бога, признаютъ себя какъ бы ничего не знающими, и богатые предъ Богомъ, сами для себя кажутся бѣдными» (§ 197).

»Посему, христіане сами должны употреблять все стараніе вовсе никого не осуждать, ни явную блудницу, ни грѣшниковъ, или людей безчинныхъ, взирать же на всѣхъ съ простодушнымъ произволеніемъ, чистымъ окомъ, чтобы обратилось человѣку какъ бы въ нѣчто естественное и непремѣнное, никого не уничижать, не осуждать, никѣмъ не гнушаться и не дѣлать различія между людьми» (§ 207).

»Человѣкъ можетъ ли пасть, имѣя благодатное дарованіе? Если вознерадитъ, то падаетъ; потому что враги никогда не остаются въ бездѣйствіи, и ведутъ брань, не предаваясь лѣности. Кольми паче не долженъ ты прекращать исканія своего предъ Богомъ. Ибо много бываетъ тебѣ вреда, если предаешься нерадѣнію, хотя бы повидимому, испытанъ ты былъ въ самомъ таинствѣ благодати» (§ 208).

»Какъ плывущіе моремъ купцы, хотя найдутъ и попутный вѣтръ и тихое море, по пока не войдутъ въ пристань, находятся всегда подъ страхомъ, что вдругъ возстанетъ

противный вѣтръ, взволнуется море, и корабль подвергнется опасности; такъ и христіане, хотя и ощущаютъ въ себѣ, что дышетъ благопріятный вѣтеръ Святаго Духа, однакоже находятся еще подъ страхомъ, чтобы не нашелъ и не подулъ вѣтръ сопротивной силы, и не воздвигъ въ душахъ ихъ какого мятежа и волненія. Посему, потребна великая рачительность, чтобы войти въ пристань упокоенія, въ совершенный миръ, въ вѣчную жизнь и вѣчное наслажденіе, во градъ святыхъ – въ небесный Іерусалимъ, въ *церковь* первородныхъ (Евр. 12: 23). А кто не прошелъ еще оныхъ степеней, для того много причинъ къ страху, чтобы лукавая сила, во время сего прохожденія, не устроила ему какого либо паденія» (§ 211).

»Нѣтъ человѣка, на котораго врагъ пересталъ бы нападать. Сатана немилосердъ и человѣконенавистенъ, поэтому не лѣнится нападать на всякаго человѣка; но повидимому не на всѣхъ наступаетъ онъ съ одинаковымъ усиліемъ. Иные терпятъ сильную брань и терзанія отъ грѣха, но укрѣпляются во браняхъ, пренебрегая сопротивную силу, и нѣтъ имъ опасности въ этомъ отношеніи, потому что непоколебимы и увѣрены въ своемъ спасеніи, такъ какъ часто упражнялись и пріобрѣли опытность во брани съ злобою, и Самъ Богъ съ ними; Богомъ путеводятся они и упокоеваются. Иные же, не упражнявшись еще, если въ одну только впадутъ скорбь и воздвигнется на нихъ брань, тотчасъ повергаются въ бѣду и гибель» (§ 241).

»Сказано: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. 33: 9); вкушеніе же сіе есть въ несомнѣнности дѣйственная сила Духа, совершающая служеніе въ сердцѣ. Ибо тѣ, которые суть сыны сѣта и служенія Новому Завѣту въ Духѣ Святомъ, ничему не научаются у людей, какъ научаемые Богомъ. Сама благодать пишетъ на сердцахъ ихъ законы Духа. Посему, не въ Писаніяхъ только, начертанныхъ чернилами, должны они находить для себя удостовѣреніе, но и на скрижаляхъ сердца благодать Божія пишетъ законы Духа и небесныя тайны; потому что сердце владычественно и царственно въ цѣломъ тѣлесномъ сочлененіи.

И когда благодать овладѣетъ пажитями сердца, тогда царствуетъ она надъ всѣми членами и помыслами: ибо тамъ умъ и всѣ помыслы, и чаяніе души. Почему, благодать и проникаетъ во всѣ члены тѣла» (§ 255).

»Хотя благодать непрестанно сопребываетъ, укореняется и дѣйствуетъ какъ закваска въ человѣкѣ, съ юнаго возраста, и сіе, сопребывающее въ человѣкѣ, дѣлается чѣмъ то какъ бы естественнымъ и неотдѣлимымъ, какъ бы единою съ нимъ сущностію; однакоже, какъ ей угодно, различно видоизмѣняетъ она свои дѣйствія въ человѣкѣ къ его пользѣ. Иногда огнь сей возгорается и воспламеняется сильнѣе, а иногда какъ бы слабѣе и тише; въ иныя времена сѣтъ сей возжигается и сіяетъ болѣе, иногда же умаляется и меркнетъ; и свѣтильникъ сей, всегда горя и свѣтя, иногда дѣлается яснѣе, болѣе возгорается отъ упоенія Божіею любовію, а въ другое время издаетъ сіяніе свое бережливо, и соприсущій въ человѣкѣ свѣтъ бываетъ слабѣе» (§ 262).

Св. Іоаннъ Златоустъ.

Св. *Іоаннъ Златоустъ*, »Христовы уста, свѣтило всемірное, вселенскій учитель», объ Іисусовой молитвѣ пишетъ слѣдующее наставленіе, относящееся ближайшимъ образомъ къ монахамъ, но имѣющее значеніе и для мірянъ:

»Умоляю васъ, братіе, никогда не оставлять правила молитвъ, или понебречь имъ; ибо я слышалъ нѣкогда отцевъ, которые говорили, какой это монахъ, если онъ небрежетъ о правилѣ, или попираетъ его? Но онъ долженъ, ѣстъ ли или пьетъ, сидитъ дома или путешествуетъ, или другое что дѣлаетъ, непрестанно взывать: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!* дабы это поминаніе имени Господа нашего Іисуса Христа раздражало на брань противъ врага. Поминаніемъ симъ душа, нудящая себя на то, можетъ разыскать въ себѣ все, и худое и доброе: прежде имѣетъ она увидѣть внутри, въ сердцѣ своемъ, худое, а потомъ и доброе. Поминаніе сіе имѣетъ привести въ движеніе змія, и поминаніе сіе имѣетъ смирить его. Поминаніе сіе можетъ обличить живущій въ насъ грѣхъ, и поминаніе сіе можетъ потребить его. Поминаніе сіе можетъ подвигнуть всю силу вражію въ сердцѣ, и поминаніе сіе можетъ побѣдить и иско-

ренить ее мало-по-малу: имя Господа Іисуса Христа, сходя въ глубину сердца, змія, держащаго пажити ея, смиритъ, душу же спасетъ и оживотворитъ. Непрестанно убо пребудь съ именемъ Господа Іисуса, да поглотитъ сердце Господа, и Господь сердце, и будутъ два во едино. Впрочемъ, дѣло сіе не есть дѣло одного дня или двухъ, но многихъ лѣтъ, и долгаго времени: ибо великій требуется подвигъ и многолѣтній, да извергнется врагъ и вселится Христосъ» (Добротолюбіе, т. 5, стр. 369).

И опять: »Нужно запереться въ себѣ и править умомъ, и обуздывать его, и всякій помыслъ и всякое дѣйство лукаваго казнить призываніемъ Господа нашего Іисуса Христа».

И еще: »Гдѣ стоитъ тѣло, тамъ да будетъ и умъ, чтобы посредѣ между Богомъ и сердцемъ ничего другого не находилось, какъ средостѣніе, или перегородка, затѣняющая сердце и отдаляющая умъ отъ Бога. Если же иной разъ что-нибудь похититъ умъ, не надо замедлять въ помыслахъ, дабы сосложеніе съ помыслами не вмѣнилось въ дѣло грѣховное въ день суда предъ лицемъ Господа, когда судить имѣетъ Богъ тайная человѣковъ. Упраздняйтеся убо всегда и пребывайте съ Господомъ Богомъ, пока Онъ ущедритъ насъ. И ничего другого не ищите у Господа славы, кромѣ одной себѣ милости; ища же милости, ищите ее съ сердцемъ смиреннымъ и умиленнымъ, и съ утра до вечера вопійте, а если можно, то и всю ночь: *Господи, Іисусе Христе, помилуй мя,* и понуждайте умъ свой на это дѣло до самой смерти. Ибо великаго понужденія требуетъ дѣло сіе, потому что *узки врата и тѣсенъ путь, вводящій въ животъ,* и одни нудящіе себя входятъ въ него, ибо такихъ *нудящихъ себя есть царствіе небесное* (Матѳ, 7: 14; – 11: 12). Умоляю убо васъ, не отдаляйте сердецъ вашихъ отъ Бога, но внимайте имъ и храните ихъ всегдашнимъ памятованіемъ Господа нашего Іисуса Христа, пока не укоренится имя Господа внутрь сердца вашего, и оно ни о чемъ уже другомъ не станетъ помышлять, какъ только о томъ, да возвеличится Христосъ въ васъ» (Тамъ же, стр. 370).

О силѣ внутренней, сердечной молитвы Златоустъ пишетъ такъ:

»*Изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи* (Пс. 129: 1). Что значитъ изъ глубины? Не просто устами, не просто языкомъ: ибо слова могутъ изливаться и безъ мысли, но изъ глубины сердца, съ великимъ усердіемъ и ревностію, изъ самыхъ основаній души. Такія молитвы имѣютъ великую силу и крѣпость, не разсѣяваются и не колеблются, хотя бы діаволъ нападалъ съ великою дерзостію. Какъ дерево крѣпкое, весьма глубоко впустившее корни въ землю и охватившее нѣдра ея, противостоитъ всякому порыву вѣтра, а дерево, держащееся на поверхности, поваливается при маломъ дуновеніи вѣтра, вырывается съ корнемъ и падаетъ на-земь, такъ точно и молитвы, исходящія изъ нѣдръ души, и имѣющія корень въ глубинѣ ея, пребываютъ крѣпкими и неослабными и не колеблются, хотя бы приступали безчисленные помыслы и все полчище діавола; а молитвы, исходящія изъ устъ только и съ языка, но не происходящія изъ глубины души, не могутъ даже взойти къ Богу, по безучастію въ нихъ сердца. Кто такъ молится, у того уста издаютъ звукъ, а сердце пусто, и умъ празденъ.» (Еп. Ѳеофанъ. О молитвѣ и трезвеніи. § 89.)

О силѣ сердечной молитвы, безъ произносимыхъ словъ выражаемой, Златоустъ пишетъ еще въ одномъ мѣстѣ:

»*Егда молишися, вниди въ клѣть твою* (Мѳ. 6: 6). Но прежде еще затворенія двери клѣти твоей, Господь хощетъ, чтобъ ты заключилъ двери ума твоего и сердца. Когда приступаешь къ молитвѣ, тогда, все оставя, къ Тому единому взирай, Кто власть имѣетъ даровать тебѣ просимое тобою. Если же, Его оставя, будешь всюду блуждать и кружиться умомъ, то отойдешь съ пустыми руками. Если такъ у тебя будетъ, то хоть въ клѣть войдешь и дверь заключишь, никакой отъ этого не будетъ тебѣ пользы. Не будемъ ограничивать молитву свою положеніемъ тѣла, но паче будемъ возсылать ее изъ горящаго сердца, со всякою тихостію, сокрушеніемъ умиленнымъ и слезами. – Но ты болишь душею и не можешь не взывать? – Но скорбящему-то

наипаче и свойственно такъ молиться, какъ я сказалъ. И Моисей скорбѣлъ душею, но молился симъ образомъ, – и былъ слышанъ; почему и сказалъ ему Господь: *что вопіеши ко Мнѣ?* И Анна опять, при неслышности голоса, испросила, чего хотѣла, потому что сердце ея вопіяло. Стенай и ты, какъ они, – не воспрещаю. Раздери, какъ повелѣлъ Пророкъ, сердце твое, а не одежду (Іоиля 2: 13). Изъ глубины души призывай Бога, подражая св. Давиду, который говоритъ: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи!* (Пс. 129: 1). Изъ глубины сердца возводи гласъ, держа молитву свою сокровенною. Ты стоишь въ хорѣ Ангеловъ, общникъ еси Архангеловъ, и поешь съ Серафимами. Но всѣ сіи сонмы великое соблюдаютъ благочиніе, Богу, Царю всяческихъ, съ трепетомъ возсылая свои сокровенные гимны. Къ нимъ сопричисли себя моляся, и ихъ таинственному соревнуй благообразію. Не человѣкамъ молишься, но Богу, всюду сущему, прежде езыванія твоего слышащему, и тайны сердца твоего вѣдущему. Поелику самъ Онъ невидимъ, то хочетъ, чтобъ такова-же была и молитва твоя» (§ 100).

Внутреннюю молитву можно совершать на всякомъ мѣстѣ, при всякомъ занятіи, во всякомъ званіи.

»Люди слышатъ только этотъ звуковой голосъ, а Богъ прежде его слышитъ то, что воніется внутри. Почему возможно и безъ вопіянія быть услышану, и ходя по торжищу, умомъ со всѣмъ усердіемъ молиться, и сидя съ друзьями, или другое что дѣлая, воплемъ крѣпкимъ призывать Бога, — внутреннимъ, разумѣю, — не дѣлая сего явнымъ никому изъ присущихъ» (§ 72).

»Не будемъ прикрываться предлогами, говоря, что нѣтъ вблизи молитвеннаго дома. Насъ самихъ благодать Св. Духа благоволитъ содѣвать храмами Божіими, если будемъ трезвенствовать, такъ что намъ повсюду есть полное удобство молиться . . . Гдѣ бы ты ни былъ, можешь воздвигнуть алтарь, показавъ только трезвенствующее расположеніе; мѣсто не мѣшаетъ, не мѣшаетъ и время; и хоть колѣнъ не преклонишь, хоть въ грудь не будешь уда-

рять, ни рукъ къ небу простирать, а только покажешь теплоту чувства къ Богу, — ты совершилъ, какъ слѣдуетъ, дѣло молитвы. Можно и женщинѣ, сидящей за прялкою или ткацкимъ станкомъ, воззрѣть на небо умомъ и тепло призвать Бога. Можно и мущинѣ, на торжище вступившему, или одиноко шествующему, прилежныя творить молитвы. И тому, кто сидитъ въ лавкѣ и шьетъ что кожаное, можно душею своею возноситься къ Богу. И слугѣ, когда покупаетъ что, или взбѣгаетъ на верхъ и сбѣгаетъ внизъ по дѣлу услуженія господину дома, или стоитъ предъ очагомъ въ кухнѣ, можно усердныя творить молитвы въ сердцѣ, если некогда сходить въ церковь. Богъ не стыдится мѣста; одного ищетъ, — теплаго сердца и души цѣломудренной» (§ 75).

»Вотъ угодный Богу образъ молитвы! Приступивъ къ Богу съ трезвеннымъ умомъ, съ душею сокрушенною и потоками слезъ, не проси ничего житейскаго, будущаго ищи, о духовномъ умоляй, не молись противъ враговъ и ни на кого не держи злопамятства, изгони изъ души всѣ страсти, сокрушайся о грѣхахъ, держи въ порядкѣ свое внутреннее, изъявляй готовность на всякую уступчивость и на то, чтобъ языкъ свой обращать лишь на добрыя о другихъ рѣчи, не вплетайся ни въ какое дѣло, ни согласіемъ, ни содѣйствіемъ, не имѣй ничего общаго съ общимъ врагомъ вселенной, т. е. съ діаволомъ. Ибо такимъ образомъ ты будешь праведнымъ; а будучи праведнымъ, услышанъ будешь, имѣя правду своею заступницею» (§ 79).

»Таково свойство духовнаго огня, пишетъ св. Іоаннъ о сердечной теплотѣ благодатной молитвы, что онъ не допускаетъ имѣть пристрастіе къ чему либо здѣшнему, но преисполняетъ насъ любовію къ другому міру. Возлюбившему же его, хотя бы надлежало ради его потерять все имѣніе, хотя бы разстаться со всѣми утѣхами и славою, хотя бы даже душу свою отдать, онъ сдѣлаетъ все сіе съ охотою и, безъ замедленія. Ибо теплота того огня, вошедши въ душу, свергаетъ тяготу лѣности, и дѣлаетъ всякаго легчайшимъ пера. Таковый, все, наконецъ, презрѣвши, пребываетъ въ

непрестанномъ сокрушеніи и умиленіи, источая всегда обильные источники слезъ, и въ этомъ находя сладостное утѣшеніе. Ничто такъ не прилѣпляетъ къ Богу и не соединяетъ съ Нимъ, какъ слезы. Таковый и посредѣ града жиря, пребываетъ будто въ пустынѣ, въ горахъ и пещерахъ, не внимая ничему настоящему, и сытости не находя въ плачѣ и слезахъ, за себя ли ихъ изливаетъ, или за другихъ» (§ 99).

»Не говори: грѣшенъ я, не имѣю дерзновенія, не смѣю молиться. Тотъ и имѣетъ дерзновеніе, кто думаетъ, что не имѣетъ дерзновенія, какъ наоборотъ, кто думаетъ, что имѣетъ дерзновеніе, отнимаетъ силу у дерзновенія, какъ фарисей. Кто почитаетъ себя отверженнымъ и бездерзновеннымъ, тотъ паче будетъ услышанъ, какъ мытарь. Смотри, сколько на это имѣешь примѣровъ: — Сирофиникиссу, мытаря, разбойника на крестѣ, друга въ притчѣ, три хлѣба просившаго и получившаго ихъ не по дружбѣ, а по неотступности прошенія . . . Вспоминая все сіе, будемъ молиться непрестанно, съ трезвеніемъ, дерзновеніемъ, съ благими надеждами, со многимъ усердіемъ. Будемъ молиться и за враговъ, и за друзей, и конечно, получимъ все благопотребное. Человѣколюбивъ бо есть Даятель, — и не столько мы желаемъ получать, сколько Онъ желаетъ давать» (§ 58).

»Какъ преклонить на милость Господа? — Вотъ какъ: Водрузимъ молитву въ сердцѣ своемъ, и къ ней приложимъ смиреніе и кротость. — Ибо Господь говоритъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѳ. 11: 29). И Давидъ воспѣлъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50: 19). Ничего такъ не любитъ Господь, какъ душу кроткую и смиренную. Смотри, брате, и ты не прибѣгай къ людямъ, когда что нечаянно отяготитъ тебя, но, минуя всѣхъ, востеки мыслію своею ко Врачу душъ. Ибо сердце уврачевать можетъ Одинъ Онъ, *создавый наединѣ сердца* наша *и разумѣваяй на вся дѣла* наши (Пс. 32: 15). Онъ можетъ войти въ совѣсть нашу, коснуться ума,

утѣшить душу. Если Онъ не утѣшитъ сердецъ нашихъ, человѣческія утѣшенія излишни и несмысленны; какъ напротивъ, когда Онъ утѣшаетъ, то, хотя бы люди неисчетныя дѣлали намъ притѣсненія, ни на волосъ не возмогутъ они повредить намъ. Когда Онъ укрѣпитъ сердце, никто не можетъ встревожить его. Зная сіе, возлюбленные, будемъ всегда прибѣгать къ Богу, и хотящему и могущему развѣять налегшія на насъ тучи прискорбностей (§ 23).

»Молитвы суть нервы души. Какъ тѣло нервами держится въ строѣ и живетъ, движется и стойкимъ является; когда же кто ихъ пресѣчетъ, тогда вся гармонія тѣла разстраивается, такъ и души — святыми молитвами благоустрояются, стойкость пріемлютъ, и легко текутъ путемъ благочестія. Если же ты лишишь себя молитвы, то сдѣлаешь тоже въ душѣ, что дѣлаетъ въ тѣлѣ пресѣченіе нервовъ, она замретъ, или по другому сравненію, это будетъ тоже, что рыбу вынуть изъ воды: ибо какъ для рыбы жизнь — вода, такъ для души твоей молитва. Ею можно сквозь воздухъ, какъ сквозь воду, пронестись, на небеса взойти и стать близъ Бога» (§ 44).

Можно было бы еще десятки страницъ заполнить столь же цѣнными наставленіями св. Іоанна Златоуста о молитвѣ, и о ея внутреннемъ и сердечномъ дѣланіи, но необходимо предоставить слово и другимъ св. Отцамъ Церкви, и потому мы переходимъ къ ср. *Ефрему Сиріанину*. У св. Ефрема мы находимъ наставленія, относящіяся какъ къ храненію помысловъ, такъ и къ сердечной молитвѣ. **Св. Ефремъ Сиринъ.**

»Стоя на молитвѣ, знай, Кому предстоишь. Къ Нему да будутъ обращены и вся твоя душа, и все твое сердце. Разумѣй, что говорю». (Еп. Ѳеофанъ. О молитвѣ и трезвеніи. Св. Ефремъ С. § 5.)

»Вошедши въ домъ Божій, не будемъ парить умомъ; напротивъ того, внутренній человѣкъ нашъ да займется созерцаніемъ и молитвою. А молясь, будемъ говорить: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ*, чтобъ никакіе другіе помыслы не смущали ума нашего» (§ 4).

»Со всѣхъ сторонъ обнеси домъ души твоей стѣною

трезвеннаго вниманія, и не оставляй скважины въ оградѣ, чтобы врагъ, вошедши чрезъ нее, не разграбилъ дома твоего, и ты сталъ виною своей погибели» (§ 8).

»Малое нерадѣніе рождаетъ грѣхъ, и малая трезвенность отвращаетъ великій вредъ» (§ 10).

»Отъ чего иногда душа побѣждается помыслами? Отъ того, что не противится имъ, но дозволяетъ имъ входить внутрь, и они, находя тамъ себѣ пищу, понемногу разстраиваютъ душу» (§ 22).

»Прежде, нежели укоренится въ тебѣ страсть, вырви ее изъ себя, и прежде нежели дастъ отростки, исторгни корень ея изъ самыхъ глубинъ. Ибо если попустишь ей укорениться въ тебѣ, она возобладаетъ надъ тобою» (§ 23).

»Пока не пренебрежетъ кто страхомъ Божіимъ, дотолѣ онъ не согрѣшитъ. Хочешь ли не грѣшить? Храни страхъ Божій» (§ 31).

»Возлюбимъ благоговѣніе: пусть ругаются надъ нами, пусть наносятъ намъ удары; мы не оставимъ его. Ибо это сокровище, исполненное благъ. Оно преклоняетъ Бога воззрѣть на того, кто пріобрѣлъ оное, по написанному: *на кого воззрю? Токмо на кроткаго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66: 2). И блаженъ, кто все презритъ ради благоговѣнія» (§ 42).

»Страхъ Божій да будетъ всегда предъ очами твоими, и грѣхъ не возобладаетъ тобою. Не говори: »сегодня согрѣшу, а завтра покаюсь». Ибо о завтрашнемъ днѣ ничего нѣтъ у тебя вѣрнаго. Будемъ сегодня каяться, а о завтрашнемъ днѣ попечется Господь» (§ 35).

»Всѣмъ сердцемъ своимъ вѣруй въ Господа, и во всякое время обрѣтешь благодать Его. Если въ Немъ пребываешь, то не погубишь мзды своей» (§ 37).

»Не останавливайся на нечистыхъ помыслахъ, чтобъ не довели они тебя до срамнаго исполненія ихъ на самомъ дѣлѣ; но гнушайся ими, и отгоняй ихъ отъ себя, чтобы умъ твой былъ въ покоѣ. Молись Господу, чтобы просвѣтилъ очи сердца твоего; *ибо невозможная у человѣка, возможна у Бога*» (§ 44).

»Если окаменѣло сердце твое, плачь предъ Господомъ, чтобы источилъ Онъ на тебя озареніе вѣдѣнія» (§ 49).

»Не разслабѣвай отъ приходящихъ тебѣ помысловъ. Но когда придетъ тебѣ лукавый помыслъ, воззови ко Господу со слезами, говоря: Господи, будь милостивъ ко мнѣ грѣшному, и прости меня, Человѣколюбецъ! Отгони отъ насъ лукаваго, Господи! Богъ — сердцевѣдецъ, и знаетъ помышленія, происходящія отъ злонравія; но знаетъ также и помышленія, бывающія у насъ по злобѣ бѣсовъ. Но знай и то, что въ какой мѣрѣ будешь подвизаться и терпѣть, работая Господу, въ такой будутъ очищаться и умъ твой, и помышленія твои» (§ 56).

»Вмѣсто щита, ограждай себя честнымъ крестомъ, запечатлѣвая имъ свои члены и сердце. И не рукою только полагай на себѣ крестное знаменіе, но и въ мысляхъ запечатлѣвай онымъ всякое свое занятіе: и входъ свой, и исхожденіе свое во всякое время, и сѣденіе свое, и возстаніе, и одръ свой, и какое ни проходишь служеніе, прежде всего запечатлѣй (крестнымъ знаменіемъ) во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (§ 63).

»Много потребно борьбы и тайнаго, невидимаго труда; должно всегда производить испытаніе помысловъ, и изнемогшія чувства души нашей непрестанно упражнять въ различеніи добраго и худого, и ослабѣвшіе душевные члены возгрѣвать стремленіемъ ума къ Богу и тщаніемъ, къ Нему всегда прилѣпляясь умомъ своимъ, чтобы при помощи Божіей благодати, по апостольскому изреченію, быть въ единый духъ съ Господомъ. И сію тайную борьбу, помышленіе о Богѣ и трудъ надобно имѣть всѣмъ намъ, — и днемъ, и ночью, и при всякомъ исполненіи заповѣди, молимся-ли или служимъ, или ѣдимъ, или пьемъ, или другое что дѣлаемъ» (§ 67).

»Желающій постоянно пребывать въ молитвѣ, долженъ принять обширнѣйшій подвигъ, великій трудъ и непрестанное стараніе; потому что постоянному пребыванію въ молитвѣ есть много грѣховныхъ препятствій: сонъ, уныніе, отяжелѣніе тѣла, круженіе помысловъ, безпорядочность ума, нерадивость, нетерпѣніе, разслабленіе, и другія тонкія

внушенія злобы; за симъ слѣдуютъ скорби, возстанія самыхъ лукавыхъ духовъ, которые ведутъ брань съ душею, въ дѣйствительности непрестанно взыскующею Бога, противоборствуютъ ей до крови, и возбраняютъ приблизиться къ Богу. Посему ему должно мужаться со всею трезвенностію и тщательностію, и со всякимъ усиліемъ душевнымъ и тѣлеснымъ, въ терпѣніи всякаго рода. Какъ дѣйствительно несущій на себѣ крестъ, непрестанно да пребываетъ онъ въ бореніи, и въ великомъ трудѣ, и въ плачѣ, и въ скорби ради царствія, не разслабѣвая, не предаваясь кружеліямъ грѣховныхъ помысловъ, или сну, или унынію, или разслабленію, или смущенію ума, не предаваясь мыслію чему либо неподобному и не удовлетворяясь тѣлеснымъ только колѣнопреклоненіемъ, между тѣмъ какъ умъ находится въ смущеніи и кружеліи» (§ 70).

»Кто боится Бога, тотъ выше всякаго страха; онъ устранилъ отъ себя и далеко оставилъ за собою всѣ ужасы вѣка сего. *Предзрѣхъ Господа предо мною выну, да не убоюся и да не подвижуся,* говоритъ исполненный страха Божія Давидъ (Пс. 95· 8). Ни предъ ужасами міра сего, ни предъ страхованіями лукаваго не приходитъ въ страхъ и трепетъ тотъ, кто боится Бога. Даже сатана боится того, кто боится Бога, и полчища его содрогаются предъ тѣмъ, кто исполняетъ заповѣди Божіи» (§ 73).

»Градомъ убѣжища для насъ нынѣ покаяніе. И не далеко, но близко оно; каждый стоитъ при дверяхъ его. Долго надо было еврею бѣжать до града убѣжища, — и едва только могъ онъ спасаться, а иногда и не спасался. Этотъ же градъ нашего убѣжища самъ спѣшитъ на встрѣчу грѣшникамъ. Благословенъ Благій, Который тебя, покаяніе, даровалъ намъ градомъ нашего убѣжища» (§ 75).

»Тебя умоляю, Господи, въ Твою дверь ударяю, Благій! Отверзи мнѣ по неложному обѣтованію Твоему: *толцыте, и отверзется вамъ* (Мѳ. 7; 7). Се, умоляю, какъ наученъ Тобою; даруй мнѣ, Господи, какъ обѣтовалъ. Не золота прошу. Изглажденіе грѣховъ лучше золота, прощеніе — драгоцѣннѣе сокровищъ» (§ 77).

»*Царствіе Божіе внутрь есть* (Лк. 17: 21). Войди въ самаго себя, ищи усердьѣй, и безъ труда найдешь. Удались съ распутія забавъ, съ пагубнаго пути похотей, изъ дебри корыстолюбія и вредныхъ сообществъ. Войди въ себя, живи въ себѣ самомъ, въ прекрасной клѣти духа твоего, — и тамъ ищи царства, какъ научилъ Спаситель нашъ. Если оно еще не въ тебѣ, то взывай: *Отче нашъ, да пріидетъ царствіе Твое!* и оно прійдетъ, когда призовешь. Царство — въ тебѣ. Войди же въ себя, пребывай въ сердцѣ своемъ; ибо тамъ — Богъ. Онъ не оставляетъ тебя, но ты оставляешь Его» (§ 88).

»Пока сердце пребываетъ въ добрѣ, дотолѣ и Богъ въ немъ пребываетъ, дотолѣ оно служитъ источникомъ жизни: потому что тогда изъ него исходитъ доброе. Но какъ скоро уклоняется оно отъ Бога и дѣлаетъ беззаконія, то становится источникомъ смерти; потому что тогда изъ него исходитъ злое. Сердце — Божія обитель; потому имѣетъ нужду въ охраненіи, чтобы не вошло въ него злое, и Богъ не удалялся изъ него» (§ 89).

»Дивно сіе и досточудно, непостижимо для горнихъ и неизреченно для дольнихъ. Недоступный для всякаго ума входитъ въ сердце и обитаетъ въ немъ; Сокровенный отъ Огнезрачныхъ обрѣтается въ сердцѣ. Земля не выноситъ стопы Его, а чистое сердце носитъ Его въ себѣ. Небо — мало для пяди Его, а сердце — обитель Его. Вся тварь не вмѣщаетъ Его въ предѣлахъ своихъ; но если взыщетъ сердце, то и малое сердце вмѣщаетъ Его. Малое мѣсто избираетъ Богъ въ человѣкѣ для жилищ: Своего; и дѣлается человѣкъ храмомъ Божіимъ, въ которомъ обитаетъ и пребываетъ Богъ. Душа — храмъ Его, а сердце — святый жертвенникъ, на которомъ приносятся жертвы хвалы и славословія; іереемъ же бываетъ умъ, который стоитъ и священнодѣйствуетъ тамъ» (§ 90).

»Въ сердцѣ у тебя хранится сокровище. — Пріищи же себѣ стража, который бы непрестанно находился при дверяхъ твоихъ, чтобы не ограбили тебя разбойники, не расхитили злые люди. — Поелику ты не заботишься о душѣ

своей, не ищешь для нея хранителей, то вторгаются въ нее нечистые духи и грабители, и раззоряютъ ее въ конецъ. Имѣніе, которое — не твоя собственность, охраняешь ты со тщаніемъ; а душу, свою собственность, не оберегаешь. У виноградниковъ, у масличныхъ садовъ, у засѣянныхъ полей ставишь ты стражей, а Божіе достояніе оставляешь безъ стражей, которые бы охраняли его. Временное имѣніе всякій бережетъ съ предусмотрительностію, а душу, самое дорогое Божіе достояніе, расхищаютъ и грабятъ демоны, и никто о томъ не поболѣзнуетъ и не поскорбитъ. Лукавый входитъ въ насъ, — и приводитъ въ разстройство и сердце и умъ; оттого каждый, противъ воли своей, идетъ въ дебрь (мірь), и блуждаетъ тамъ» (§ 91).

»Душа много любезнѣе Богу всѣхъ созданныхъ Имъ тварей. А грѣхъ дѣлаетъ ее мертвою, — и ты не разумѣешь того, грѣшникъ. Скорби о себѣ ради Бога, потому что Онъ сожалѣетъ о тебѣ. Грѣхомъ умерщвлена душа твоя; возврати ее къ жизни слезами. Возрадуй Бога, да возвеселится Онъ о томъ, что душа твоя возвращена тобою къ жизни» (§ 94).

»Будь и храмомъ и священникомъ Богу; служи Богу въ храмѣ твоемъ, какъ Онъ для тебя сталъ и іереемъ, и жертвою, и закланіемъ. Посему и ты будь для Него храмомъ, и священникомъ, и жертвою. Поелику духъ твой есть храмъ, то не допускай въ него никакой нечистоты» (§ 104).

»Не допускай въ домъ Божій ничего такого, что ненавистно Богу; а напротивъ, укрась домъ Божій всѣмъ, что подобаетъ Богу» (§ 105).

Преп. Іоаннъ Лѣствичникъ

Отъ прп. Ефрема Сиріанина переходимъ къ великому игумену Горы Синайской преподобному *Іоанну Лѣствичнику.**)

»Непрестанно борись съ пареніемъ твоихъ мыслей, и когда умъ разсѣялся, собирай его къ себѣ, ибо отъ новоначальныхъ . . . Богъ не ищетъ молитвы безъ паренія. Потому не скорби, будучи расхищаемъ мыслями, но благоду-

---

*) Цитируется по изданію Оптиной пустыни 1901 года.

шествуй и непрестанно воззывай умъ ко вниманію: ибо никогда не быть расхищаему мыслями свойственно одному Ангелу» (Слово 4, § 92).

»Ставшимъ на молитву лукавый духъ напоминаетъ о нужныхъ дѣлахъ, и употребляетъ всякое ухищреніе, чтобы только отвлечь насъ отъ собесѣдованія съ Господомъ, какимъ либо благовиднымъ предлогомъ» (13, § 7).

»Бей супостатовъ именемъ Іисусовымъ: ибо нѣтъ сильнѣйшаго оружія ни на небѣ, ни на землѣ» (21: § 7).

»Отъ злаго корня и отъ злой матери происходитъ злѣйшее исчадіе, то есть отъ скверной гордости рождается несказанная хула. Это не маловажное что нибудь, но самый лютый изъ нашихъ враговъ и супостатовъ. И, что еще ужаснѣе, мы не можемъ безъ затрудненія сказать, открыть, исповѣдать врачу духовному сіи помыслы. Посему они часто многихъ повергали въ отчаяніе и безнадежность, истребивъ всю надежду ихъ, подобно червю въ деревѣ» (23, § 39).

»Часто во время Божественной литургіи, и въ самый страшный часъ совершенія Таинствъ, сіи мерзкіе помыслы хулятъ Господа и совершаемую святую Жертву. Отсюда явно открывается, что сіи нечестивыя, непостижимыя и неизъяснимыя слова внутри насъ не душа наша произноситъ, но богоненавистникъ бѣсъ, который низверженъ съ небесъ за то, что и тамъ хулить Бога покушался» (23, § 40).

»Никакой помыслъ не бываетъ такъ трудно исповѣдать, какъ сей; посему онъ во многихъ пребывалъ до самой старости, ибо ничто такъ не укрѣпляетъ противъ насъ бѣсовъ и злыхъ помысловъ, какъ то, что мы ихъ не исповѣдуемъ, но таимъ и питаемъ ихъ въ сердцѣ» (23, § 41).

»Сей лукавый и безчеловѣчный мучитель многихъ отвлекъ отъ молитвы; многихъ отлучилъ отъ Св. Таинъ; нѣкоторыхъ тѣла изнурилъ печалію; иныхъ истомилъ постомъ, не давая имъ ни малѣйшей ослабы» (23, § 46).

»Кого духъ хулы безпокоитъ, и кто хочетъ избавиться отъ него, тотъ пусть знаетъ несомнѣнно, что не душа его виновна въ такихъ помыслахъ, но нечистый бѣсъ, сказавшій нѣкогда Самому Господу: *сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ*

поклониши ми ся (Матѳ. 4: 9). Посему, и мы, презирая его, и вмѣняя за ничто влагаемые имъ помыслы, скажемъ ему: *иди за мною, сатано: Господу Богу* моему поклонюся и *Тому единому* послужу; *болѣзнь* же твоя и слова твои обратятся *на главу* твою, *и на верхъ* твой *снидетъ* хула твоя въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ» (Пс. 7: 17). (23, § 48).

»Кто другимъ образомъ хотѣлъ бы побѣдить бѣса хулы, тотъ уподобился бы покушающемуся удержать своими руками молнію. Ибо какъ настигнуть, состязаться и бороться съ тѣмъ, который вдругъ, какъ вѣтеръ, влетаетъ въ сердце, мгновенно произноситъ слово, и тотчасъ исчезаетъ? Всѣ другіе враги стоятъ, борются, медлятъ и даютъ время тѣмъ, которые подвизаются противъ нихъ. Сей же не такъ: онъ только что явился, и уже отступилъ; проговорилъ — и исчезъ» (23, § 49).

Перестанемъ судить и осуждать ближняго, и мы не будемъ бояться хульныхъ помысловъ; ибо причина и корень второго есть первое» (23, § 51).

»Кто презираетъ сего врага, тотъ отъ мучительства его освобождается; а кто инымъ образомъ ухищряется вести съ нимъ борьбу, тѣмъ онъ возобладаетъ. Хотящій побѣдить духовъ словами подобенъ старающемуся запереть вѣтры» (23, § 53).

»Одинъ тщательный монахъ, претерпѣвая нападенія отъ сего бѣса, двадцать лѣтъ изнурялъ тѣло свое постомъ и бдѣніемъ; но какъ никакой не получалъ отъ сего пользы, то, описавъ на бумагѣ свое искушеніе, пошелъ къ нѣкоему святому мужу и, вручивъ ему оную, повергся лицемъ на землю, не дерзая воззрѣть на него. Старецъ, прочитавъ писаніе, улыбнулся и, поднявъ брата, говоритъ ему: »положи, чадо, руку твою на мою выю». Когда же братъ оный сдѣлалъ это, великій мужъ сказалъ ему: »на выѣ моей, братъ, да будетъ грѣхъ сей, сколько лѣтъ онъ ни продолжался и ни будетъ продолжаться въ тебѣ; только ты вмѣняй его за ничто». Послѣ инокъ сей увѣрялъ, что онъ еще не успѣлъ выдти изъ кельи старца, какъ эта страсть исчезла. Сіе повѣдалъ мнѣ самъ, бывшій въ искушеніи, принося благодареніе Богу» (23, § 54).

І. Я вамъ очень благодаренъ, батюшка, за то, что вы такъ подробно остановились на этомъ грѣхѣ — хульныхъ помысловъ. Трудно и представить себѣ всю отвратительность этихъ помысловъ, врывающихся въ душу въ самыя святыя минуты, напримѣръ, во время исповѣди. Даже такой великій праведникъ и молитвенникъ, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, передаетъ о себѣ самомъ, что онъ бывалъ не свободенъ отъ нихъ даже при совершеніи таинства Евхаристіи.

И что дѣлаетъ эти помыслы особенно мучительными, такъ это то, что страдающіе ими, приписывая ихъ всецѣло своей грѣховной испорченности, и думая, что только они одни ими страдаютъ, стыдятся признаться въ нихъ даже на исповѣди, и черезъ это не освобождаются отъ нихъ, но продолжаютъ носить ихъ въ своемъ сердцѣ. Слова и объясненія преп. Іоанна Лѣствичника со многихъ страдающихъ душъ снимутъ тяжелое бремя.

И. Продолжимъ наши выдержки изъ книги великаго наставника молитвы.

»Кто проситъ у Бога меньше того, чего онъ достоинъ, тотъ, конечно, получитъ болѣе, нежели чего стоитъ. Объ истинѣ сего свидѣтельствуетъ мытарь, просившій отпущенія грѣховъ, и получившій оправданіе. Разбойникъ также просилъ только, чтобы Господь помянулъ его во царствіи Своемъ, но онъ первый получилъ весь рай въ наслѣдіе» (25, § 56).

»Всѣ, просящіе чего нибудь у Бога, и не получающіе, безъ сомнѣнія, не получаютъ по какой либо изъ сихъ причинъ: или потому, что прежде времени просятъ; или потому, что просятъ не по достоинству, а по тщеславію; или поэтому, что получивши просимое, возгордились бы, или впали бы въ нерадѣніе» (26, § 60).

»При сравненіи золъ, должно избирать легчайшее. Напримѣръ, часто случается, что когда мы предстоимъ на молитвѣ, приходятъ къ намъ братія; мы бываемъ въ необходимости рѣшиться на одно изъ двухъ: или оставить молитву, или отпустить брата безъ отвѣта, и опечалить его. Но лю-

бовь больше молитвы, потому что молитва есть добродѣтель частная, а любовь есть добродѣтель всеобъемлющая» (26, § 69).

»Какъ имѣющіе здравое чувство обонянія могутъ ощущать ароматы, хотя кто и тайно ихъ при себѣ имѣетъ; такъ и душа чистая познаетъ въ другихъ и благоуханіе, которое сама получила отъ Бога, и злосмрадіе, отъ котораго совершенно избавлена, хотя другіе сего и не ощущаютъ» (26, § 81).

»Память Іисусова да соединится съ дыханіемъ твоимъ» (27, § 61).

»Вѣра воскриляетъ молитву; и безъ вѣры молитва не можетъ возлетѣть на небо» (28, § 26).

»Молитва, по качеству своему, есть пребываніе и соединеніе человѣка съ Богомъ; по дѣйствію же, она есть утвержденіе міра, примиреніе съ Богомъ, матерь и вмѣстѣ дщерь слезъ, умилостивленіе о грѣхахъ, мостъ для перехожденія искушеній, стѣна, защищающая отъ скорбей, сокрушеніе браней, дѣло Ангеловъ, пища всѣхъ безплотныхъ, будущее веселіе, безконечное дѣланіе, источникъ добродѣтелей, виновница дарованій, невидимое преуспѣяніе, пища души, просвѣщеніе ума, сѣкира отчаянію, указаніе надежды, уничтоженіе печали, богатство монаховъ, сокровище безмолвниковъ, укрощеніе гнѣва, зеркало духовнаго возрастанія, познаніе преуспѣянія, обнаруженіе душевнаго устроенія, предвозвѣстница будущаго воздаянія, знаменіе славы. Молитва истинно молящемуся есть судъ, судилище и престолъ Судіи прежде страшнаго суда» (28, § 1).

»Когда идешь предстать предъ Господомъ, да будетъ вся риза души твоей соткана изъ нитей, вѣрнѣе же сказать, изъ залога непамятозлобія. Если не такъ, то не получишь отъ молитвы никакой пользы» (28, § 4).

»Вся ткань молитвы твоей да будетъ немногосложна; ибо мытарь и блудный сынъ однимъ словомъ умилостивили Бога» (28, § 5).

»Прежде всего изобразимъ на хартіи нашего моленія искреннее благодареніе Богу; потомъ исповѣданіе грѣховъ

и сокрушеніе души въ чувствѣ; послѣ сего да представляемъ Царю всяческихъ наши прошенія. Сей образъ молитвы есть самый лучшій, какъ одному изъ братій отъ Ангела Господня было показано» (28, § 7).

»Не употребляй въ молитвѣ твоей премудрыхъ выраженій; ибо часто простой и неухищренный лепетъ дѣтей былъ угоденъ Небесному Отцу ихъ» (28, § 9).

»Не старайся многословить, бесѣдуя съ Богомъ, чтобы умъ твой не расточился на изысканіе словъ. Одно слово мытаря умилостивило Бога, и одно изреченіе, исполненное вѣры, спасло разбойника. Многословіе при молитвѣ часто развлекаетъ умъ, и наполняетъ его мечтаніями, а единословіе обыкновенно собираетъ его» (28, § 10).

»Если ты въ какомъ либо словѣ молитвы почувствуешь особенную сладость, или умиленіе, то остановись на немъ; ибо тогда и Ангелъ хранитель нашъ молится съ нами» (28, § 11).

»Хотя бы ты взошелъ на всю лѣствицу добродѣтелей, однако и тогда молись о прощеніи грѣховъ, слыша, что св. Павелъ говоритъ о грѣшникахъ: *отъ нихъ же первый есмь азъ*» (1 Тим. 1: 15). (28, § 13).

»Старайся всегда возвращать къ себѣ уклоняющуюся твою мысль, или, лучше сказать, заключай ее въ словахъ молитвы. Если она, по младенчественности твоей, утомится и впадетъ въ развлеченіе, то опять введи ее въ слова молитвы; ибо непостоянство свойственно нашему уму. Но Тотъ, Кто силенъ все утвердить, можетъ и уму нашему дать постоянство. Если ты неослабно въ семъ дѣланіи подвизаешься, то и къ тебѣ пріидетъ *Полагаяй предѣлы морю* ума твоего, и скажетъ ему въ молитвѣ твоей: *доселѣ дойдеши и не прейдеши* (Іов. 38: 11). Духа связывать невозможно; а гдѣ Создатель духа сего, тамъ все Ему покорно» (28, § 17).

»Начало молитвы состоитъ въ томъ, чтобы отгонять приходящіе помыслы при самомъ ихъ появленіи; середина же ея — въ томъ, чтобы умъ заключался въ словахъ, которыя произносимъ или помышляемъ; а совершенство молитвы есть восхищеніе ко Господу» (28, § 19).

»Великій дѣлатель великой и совершенной молитвы говоритъ: *хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати* (1 Кор. 14: 19) и прочее. Но для младенчествующихъ такое дѣланіе невозможно. Посему мы, какъ несовершенные, съ качествомъ молитвы должны соединять и количественное множество, потому что второе бываетъ причиною перваго. Ибо сказано: *Даяй молитву* чистую *молящемуся* нелѣностно, хотя бы и не чисто, но съ утружденіемъ» (28, § 21).

»Иное дѣло оскверненіе молитвы, иное — истребленіе оной, иное — окраденіе, а иное — порокъ молитвы. Осквер-, неніе молитвы бываетъ, когда человѣкъ, предстоя Богу, занимается непристойными и нечистыми помышленіями. Истребленіе молитвы, когда умъ бываетъ плѣняемъ неполезными попеченіями. Окраденіе же, когда мысль молящагося непримѣтно паритъ; а порокъ молитвы есть прираженіе какого бы то ни было помысла, во время оной къ намъ приближающагося» (28, § 22).

»Долго пребывая въ молитвѣ, и не видя плода, не говори: я ничего не пріобрѣлъ. Ибо самое пребываніе въ молитвѣ есть уже пріобрѣтеніе; и какое благо выше сего, прилѣпляться ко Господу и пребывать непрестанно въ соединеніи съ Нимъ?» (28, § 29).

»Устроеніе твое покажетъ молитва; ибо богословы утверждаютъ, что молитва есть зеркало иноковъ» (28, § 34).

»Если кто нибудь проситъ тебя помолиться объ немъ, то хотя ты и не стяжалъ еще дара молитвы, не отрицайся. Ибо часто вѣра просящаго молитвы спасетъ и того, кто молится объ немъ съ сокрушеніемъ сердца» (28, § 36).

»Пріобрѣтенное многими молитвами. и годами бываетъ твердо и прочно» (28, § 40).

»Во время молитвы, не принимай никакого чувственнаго мечтанія, чтобы не впасть въ изступленіе ума» (28, § 42).

»Извѣщеніе о томъ, что прошеніе наше услышано Богомъ, получаемъ мы во время молитвы. Извѣщеніе есть устраненіе сомнѣнія; извѣщеніе есть достовѣрное объявленіе неизвѣстнаго» (28, § 43).

»Проси плачемъ, ищи послушаніемъ, толцы долготер-

пѣніемъ. Такимъ образомъ *просяй пріемлетъ, ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется*» (Мато. 7: 8). (28, § 56).

»Исповѣдуя грѣхи свои Господу, не входи въ подробности плотскихъ дѣяній, какъ они происходили, чтобы тебѣ не сдѣлаться навѣтникомъ самому себѣ» (28, § 58).

»Во время молитвы не разсматривай даже и нужныхъ и духовныхъ вещей. Если же не такъ, то потеряешь лучшее» (28, § 59).

»Если ты непрестанно молишься Небесному Царю противъ враговъ твоихъ во всѣхъ ихъ нападеніяхъ, то будь благонадеженъ: ты немного будешь трудиться. Ибо они и сами по себѣ скоро отъ тебя отступятъ, потому что нечистые эти не хотятъ видѣть, чтобы ты молитвою получалъ вѣнцы за брань съ ними, и сверхъ того, опаляемые молитвою, какъ огнемъ, они принуждены будутъ бѣжать. (28, § 63).

»Будь мужественъ во всѣхъ случаяхъ, и Самъ Богъ будетъ твоимъ учителемъ въ молитвѣ. Нельзя словами научиться зрѣнію, ибо это есть природная способность; такъ и благолѣпіе молитвы нельзя познать отъ одного ученія. Ибо она въ самой себѣ имѣетъ учителя — Бога, *учащаго человѣка разуму, дающаго молитву молящемуся и благословляющаго лѣта праведныхъ* (Пс. 49: 10. I Цар. 2: 9). (28, § 64).

Преп. Исихій Іерусалимскій.

Переходимъ къ наставленіямъ о трезвеніи, борьбѣ съ помыслами и молитвѣ Преподобнаго *Исихія*, пресвитера Іерусалимскаго, одного изъ замѣчательнѣйшихъ и глубочайшихъ отцовъ-подвижниковъ, бывшаго въ молодости своей ученикомъ св. Григорія Богослова, и скончавшагося въ первой четверти пятаго вѣка.*)

»Вниманіе есть непрестанное отъ всякаго помысла безмолвіе сердца, въ коемъ оно Христомъ Іисусомъ, Сыномъ Божіимъ и Богомъ, и Имъ однимъ всегда, непрерывно и непрестанно дышетъ, Его призываетъ, съ Нимъ мужественно ополчается противъ враговъ, и Ему, имѣющему власть оставляти грѣхи, исповѣдуетъ (свои прегрѣшенія). Такая

*) Цитируемъ по кн. Еп. Ѳ.: Святоотеч. наставл. о молитвѣ и трезвеніи . . .

душа, часто въ сокровенности, объемлетъ чрезъ призываніе Христа, Единаго испытующаго сердца, отъ людей же всѣхъ пытается всячески скрыть свою сладость и свой внутренній подвигъ, чтобъ врагъ лукавый какъ нибудь скрытно не поблагопоспѣшествовалъ въ ней грѣху, и не уничтожилъ прекраснаго ея дѣланія» (§ 5).

»Трезвеніе есть твердое водруженіе помысла (ума) и стояніе его у двери сердца, такъ что онъ видитъ, какъ подходятъ (чуждые) помыслы, эти воры-окрадыватели, слышитъ, что говорятъ и что дѣлаютъ сіи губители, и какой демоны начертываютъ и возграждаютъ образъ, пытаясь, увлекши чрезъ него въ мечтанія умъ, обольстить его. Если будемъ люботрудно проходить такое дѣйствованіе, то оно, если хотимъ, очень разумно покажетъ намъ искусство мысленной брани» (§ 6).

»Сугубый страхъ, съ одной стороны отъ оставленій Божіихъ, съ другой отъ врзумительныхъ искушеній случайностями (жизни), обыкновенно рождаетъ частость надзирательнаго вниманія въ умѣ человѣка, который старается заградить источникъ худыхъ помысловъ и дѣлъ. Для этого бываютъ оставленія и посылаются нечаянныя искушенія отъ Бога, къ исправленію жизни нашей, особенно когда кто вкусилъ сладость упокоенія отъ добра сего, вниманія и трезвенія, и вознерадѣлъ. Отъ частоты сей рождается навыкъ; отъ этого — естественная нѣкая непрерывность трезвенія; а отъ сего по свойству его мало по малу порождается видѣніе брани, за которымъ послѣдуетъ терпѣливая (притрудная) молитва ко Іисусу, сладостное безъ мечтаній умиреніе ума и (дивное) состояніе, изъ Іисуса (изъ сочетанія съ Нимъ) составляющееся» (§ 7).

»Мысль, стоящая и призывающая Христа на враговъ и къ Нему прибѣгающая, подобна звѣрю какому нибудь, который, быръ окруженъ множествомъ псовъ, мужественно стоитъ противъ нихъ, укрывшись въ нѣкоемъ огражденіи. Издали провидя мысленно мысленныя ковы невидимыхъ враговъ, она непрестанно противъ нихъ молится миротворцу Іисусу, и чрезъ то пребываетъ неуязвленною ими» (§ 8).

»Тому, кто подвизается внутри, въ каждое мгновеніе надобно имѣть слѣдующія четыре (дѣланія): смиреніе, крайнее вниманіе, противорѣчіе (помысламъ) и молитву. Смиреніе, чтобы, такъ какъ брань у него идетъ съ соперниками гордыми демонами, всегда имѣть въ рукѣ сердца помощь Христову, ибо Господь ненавидитъ гордыхъ. Вниманіе, чтобы всегда держать сердце свое не имѣющимъ никакого помысла, хотя бы онъ казался добрымъ. Противорѣчіе, дабы, какъ только острозоркостью ума уразумѣешь, кто пришелъ, тотчасъ съ гнѣвомъ воспротиворѣчить лукавому, какъ говорится: *и отвѣщаю поношающимъ ми злая* (Пс. 118: 42), *не Богу ли повинется душа моя* (Пс. 61: 1)? — Молитву, дабы послѣ противорѣчія тотчасъ изъ глубины сердца возопить ко Христу въ воздыханіи неизглаголанномъ. И тогда самъ подвизающійся увидитъ, какъ покланяемымъ именемъ Іисуса врагъ его съ своимъ мечтаніемъ разліется и разогнанъ будетъ, какъ прахъ вѣтромъ, или исчезнетъ, какъ дымъ» (§ 20).

»Кто не имѣетъ чистой отъ помысловъ молитвы, тотъ не имѣетъ оружія на брань, — молитвы, говорю, той, которая непрестанно дѣйствовалась бы во внутреннѣйшихъ сокровенностяхъ души, и призываніемъ Господа Іисуса Христа бичевала и опаляла врага, скрытно ратующаго» (§ 21).

»Надлежитъ тебѣ острымъ и напряженнымъ взоромъ ума смотрѣть внутрь, чтобъ узнавать входящихъ. Какъ только узнаешь, тотчасъ противорѣчіемъ сокрушай главу змія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ воздыханіемъ воній ко Христу. И получишь тогда опытъ невидимаго божескаго заступленія, и преясно узришь правость сердца» (§ 22).

Какъ держащій въ рукѣ зеркало и стоящій между другими многими, смотря въ зеркало, видитъ и свое лице, каково оно, видитъ и другихъ, смотрящихъ въ то же самое зеркало: такъ всецѣло приникшій въ сердце свое, видитъ въ ономъ свое собственное состояніе, видитъ и черныя лица мысленныхъ эѳіоповъ» (§ 23).

»Не можетъ умъ побѣдить демонское мечтаніе самъ токмо собою: да не дерзаетъ на сіе никогда. Ибо хитры враги

наши, и притворясь побѣжденными, не рѣдко отынуды, чрезъ тщеславіе, подшибаютъ борца. Противъ же призыванія имени Іисусова и минуты постоять и злокознствовать противъ тебя не стерпятъ» (§ 24).

»Смотри, не впади въ самомнѣніе, подобно древнему Израилю: иначе и ты преданъ будешь мысленнымъ врагамъ. Ибо тотъ, избавленъ будучи отъ египтянъ Богомъ всяческихъ, измыслилъ потомъ своего себѣ помощника — идола сліяннаго» (§ 25).

»Подъ идоломъ же сліяннымъ разумѣй слабый нашъ разумъ, который, пока на духовъ злобы призываетъ Іисуса Христа, удобно отгоняетъ ихъ и съ искуснымъ умѣніемъ обращаетъ въ бѣгство невидимыя, ратныя силы врага, а коль скоро самъ на себя одного безразсудно дерзнетъ понадѣяться, то падаетъ и разбивается, подобно такъ называемому, быстрокрылому» (§ 26).

»Какъ невозможно Красному морю явиться на тверди небесной среди звѣздъ, и какъ нельзя человѣку, ходящему по землѣ, не дышать здѣшнимъ воздухомъ, — такъ невозможно намъ очистить сердце свое отъ страстныхъ помышленій, и изгнать изъ него мысленныхъ враговъ, безъ частаго призыванія имени Іисусъ-Христова» (§ 28).

»Будемъ же бѣгать вольности, какъ яда смертоноснаго; а злое стяжаніе забвенія, съ тѣмъ что отъ него происходитъ, будемъ врачевать крайне строгимъ храненіемъ ума, и непрестаннымъ призываніемъ Господа нашего Іисуса Христа, ибо безъ Него не можемъ мы *творити ничесоже*» (§ 32).

»Какъ дождь чѣмъ въ большемъ количествѣ низпадаетъ на землю, тѣмъ болѣе умягчаетъ ее, — такъ и землю сердца нашего радуетъ и веселитъ имя Христово, нами возглашаемое, чѣмъ чаще оно призывается» (§ 41).

»Неумѣющій шествовать духовнымъ путемъ, не заботится о страстныхъ помышленіяхъ, но все занятъ бываетъ только тѣломъ, или чревоугодничаетъ и распутничаетъ, или печалится, гнѣвается и злопамятствуетъ, и чрезъ то омрачаетъ умъ свой, или, начиная чрезмѣрные подвиги, разстраиваетъ и обезсмысливаетъ мысль» (§ 49).

»Какъ повредившій сердцевину растенія, все оное изсушаетъ, такъ разумѣй и относительно сердца человѣческаго. Ежеминутно надобно внимать, потому что хищники не зѣваютъ» (§ 78).

»Если не сотворитъ человѣкъ воли Божіей и закона Его посредѣ чрева, т. е. посредѣ сердца, то и внѣ не можетъ онъ удобно исполнить ихъ» (§ 86).

»Какъ чувственная соль услаждаетъ хлѣбъ и всякую пищу, охраняетъ мясо отъ гніенія и сберегаетъ въ цѣлости надолго; такъ разумѣй и объ умномъ храненіи мысленной сладости и дивнаго въ сердцѣ дѣланія. Ибо и оно божественно услаждаетъ и внутренняго, и внѣшняго человѣка, прогоняетъ зловоніе худыхъ помысловъ и сохраняетъ насъ постоянно въ добрѣ» (§ 87).

»Насколько бдительно внемлешь уму, настолько съ теплымъ желаніемъ будешь молиться Іисусу; и опять, насколько небрежно надзираешь за умомъ, настолько отдалишься и отъ Іисуса. И какъ первое сильно освѣщаетъ воздухъ ума; такъ послѣднее, — уклоненіе отъ трезвенія и сладостнаго призыванія Іисуса, обыкновенно совсѣмъ омрачаетъ его. Естественно быть сему дѣлу такъ, какъ мы сказали, и иначе оно не бываетъ. Это узнаешь ты изъ опыта, когда дѣломъ испытаешь. Ибо добродѣтель, и особенно такое свѣтородное сладостное дѣленіе, обыкновенно не иначе изучается, какъ опытомъ» (§ 90).

»Рождается божественное нѣкое въ умѣ состояніе, отъ непрестаннаго памятованія и призыванія Господа нашего Іисуса Христа, если не будемъ не радѣть о всегдашнемъ къ Нему въ душѣ моленіи, о непрерывномъ трезвеніи, и объ одномъ настоятельно необходимомъ дѣлѣ. И воистину одно и одинаковымъ образомъ совершаемое всегда должны имѣть мы дѣло, — призыванія Іисуса Христа Господа нашего, съ горѣніемъ сердца взывая къ Нему, да дастъ Онъ намъ причаститься и вкусить святаго имени Его. Ибо учащеніе есть мать навыка, какъ въ отношеніи къ добродѣтели, такъ и въ отношеніи къ пороку; а навыкъ потомъ властвуетъ уже, какъ природа. — Пришедши въ

такое состояніе, умъ самъ уже ищетъ своихъ супостатовъ, какъ звѣроловный песъ зайца въ кустахъ; но сей ищетъ для того, чтобъ пожрать, а тотъ, чтобъ поразить и разогнать» (§ 97).

»Итакъ, всякій разъ, какъ случится умножиться въ насъ лукавымъ помысламъ, ввергнемъ въ среду ихъ призываніе Господа нашего Іисуса Христа; и тотчасъ увидимъ, что они начнутъ разсѣяваться, какъ дымъ въ воздухѣ, какъ научилъ насъ опытъ. Когда послѣ сего умъ останется одинъ (безъ помысловъ смущающихъ), возмемся опять за непрерывное вниманіе и призываніе. Такъ будемъ поступать всякій разъ, какъ потерпимъ такое искушеніе» (§ 98).

»Когда мы недостойные сподобимся со страхомъ и трепетомъ причаститься божественныхъ и пречистыхъ таинъ Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболѣе покажемъ трезвенія, храненія ума и строгаго вниманія, да огнь сей божественный, то есть, тѣло Господа нашего Іисуса Христа, потребитъ грѣхи наши, и наши — малыя и большія — скверны. Ибо входя въ насъ, оно тотчасъ прогоняетъ изъ сердца лукавыхъ духовъ злобы, и отпущаетъ намъ прежде бывшіе грѣхи; и умъ нашъ тогда оставляется свободнымъ отъ безпокойной докучливости лукавыхъ помысловъ. Если послѣ сего, стоя у дверей сердца, будемъ тщательно сохранять умъ свой, то когда опять будемъ сподобляться ср. таинъ, Божественное Тѣло болѣе и болѣе будетъ просвѣщать умъ нашъ и дѣлать его блестящимъ подобно звѣздѣ» (§ 101)

»Забвеніе погашаетъ обыкновенно храненіе ума, какъ вода погашаетъ огонь. Но непрестанная молитва Іисусова съ неослабнымъ трезвеніемъ въ конецъ испаряетъ его изъ сердца. Молитва имѣетъ нужду въ трезвеніи, какъ малая лампадочка въ свѣтѣ свѣчи» (§ 102).

»Брань мысленную надо вести также, какъ ведутъ войну обыкновенную. Первое дѣло — вниманіе; потомъ, когда замѣтимъ, что подошелъ вражій помыслъ, бросимъ на него съ гнѣвомъ слова клятвы изъ сердца; третье затѣмъ дѣло — помолиться на него, обращая сердце къ призыванію Іисуса Христа, да разсѣется этотъ демонскій призракъ

тотчасъ, чтобъ иначе умъ не пошелъ въ слѣдъ этого мечтанія, какъ дитя, прельщаемое какимъ нибудь искуснымъ фокусникомъ». (§ 105).

»Какъ невозможно жить настоящею жизнію безъ пищи и питія, — такъ безъ храненія ума и чистоты сердца, — что есть и называется трезвеніе, — невозможно душѣ достигнуть чего либо духовнаго и Богу угоднаго или избавиться отъ мысленнаго грѣха, хотя бы кто страхомъ мукъ и нудилъ себя не грѣшить». (§ 109).

»Впрочемъ и тѣ, которые нужденіемъ нѣкіимъ воздерживаютъ себя отъ грѣха дѣломъ, блаженны предъ Богомъ, Ангелами и человѣками: потому что они суть *нуждницы восхищающіе царствіе небесное*» (Мѳ. 11: 12). (§ 110).

»Образъ внѣшихъ, чувственно-тѣлесныхъ подвиговъ есть Ветхій Завѣтъ, а Святое Евангеліе, которое есть Новый Завѣтъ, есть образъ вниманія, или чистоты сердечной. И какъ Ветхій Завѣтъ не доводилъ до совершенства, не удовлетворялъ и не удостовѣрялъ внутренняго человѣка въ дѣлѣ Богоугожденія, *ничто-же бо*, говоритъ Апостолъ, *совершилъ есть законъ* (Евр. 7: 19), а только грубые преграждалъ грѣхи; такъ разумѣй и о тѣлесной праведности и тѣлесныхъ подвигахъ, о постѣ, говорю, и воздержаніи, долулежаніи, стояніи, бдѣніи и прочихъ, кои подъемлются обыкновенно относительно тѣла, и страстную часть тѣла успокаиваютъ отъ грѣховныхъ движеній. Хорошо, конечно, и это все, какъ сказано и о Ветхомъ Завѣтѣ (что добръ законъ): потому что служитъ къ обученію нашего внѣшняго человѣка и къ охраненію отъ страстныхъ дѣлъ. Но подвиги эти не суть охранители и отъ грѣховъ мысленныхъ, или возбранители ихъ, то есть не сильны избавить насъ отъ зависти, гнѣва и прочаго». (§ 112).

»А чистота сердца, то есть блюденіе и охраненіе ума, коего образомъ служитъ Новый Завѣтъ, если соблюдается нами какъ должно, всѣ страсти и всякое зло отсѣкаетъ отъ сердца и искореняетъ изъ него, и вмѣсто того вводитъ въ него радость, благонадежіе, сокрушеніе, плачъ, слезы, познаніе самихъ себя и грѣховъ своихъ, памятованіе смерти,

истинное смиреніе, безмѣрную любовь къ Богу и людямъ, и Божественное нѣкое сердечное услажденіе». (§ 113).

»Какъ ходящему по землѣ невозможно не разсѣкать этого воздуха; такъ невозможно сердцу человѣческому не быть непрестанно бориму отъ демоновъ, или не подлежать скрытнымъ отъ нихъ воздѣйствіямъ, хотя бы кто и строго проходилъ тѣлесные подвиги». (§ 114).

»Горечію отъ яда худыхъ помысловъ исполняется сердце наше, когда, вознерадѣвъ по причинѣ забвенія, надолго отродимы бываемъ отъ вниманія и молитвы Іисусовой. Но когда по любви къ божественному, съ крѣпкимъ усердіемъ, стройно начнемъ въ нашемъ дѣтелищѣ мысленномъ (въ мастерской мысленной, въ сердцѣ) совершать вышереченное, то есть вниманіе и молитву, оно опять исполняется сладости, въ чувствѣ услажденія блаженнымъ нѣкіимъ радованіемъ. Тогда-то твердыя полагаемъ мы намѣренія всегда ходить въ безмолвіи сердечномъ, и не ради чего другого, а ради ощущаемой отъ него въ душѣ пріятной сладости и отрадности» (§ 120).

»Наука наукъ и искусство искусствъ есть умѣніе управляться съ злотворными помыслами. Самый лучшій противъ нихъ пріемъ и самое надежное перехитреніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы въ Господѣ смотрѣть за появленіемъ прилога ихъ и мысль всегда хранить чистою, какъ хранимъ око тѣлесное, имъ-же самимъ острозорко осматривая, чтобъ не приблизилось къ нему что либо могущее повредить его, и всячески стараясь не допускать до него даже малой порошинки» (§ 121).

»Какъ снѣгъ не породитъ пламени, вода не родитъ огня, тернъ — смоквъ, — такъ сердце каждаго человѣка не освободится отъ бѣсовскихъ помысловъ, словъ и дѣлъ, если не очиститъ своего внутренняго, не сочетаетъ трезвенія съ молитвою Іисусовою, не стяжетъ смиренія и душевнаго безмолвія, и не будетъ со всѣмъ усердіемъ тещи, поспѣшая въ предняя. Душа, себѣ не внимающая, неизбѣжно бываетъ безплодна на благія и непорочныя помышленія, подобно безплодному мулу; потому что и въ ней нѣтъ разумѣнія

духовной мудрости. Воистину призываніе имени Іисусова и упраздненіе страстныхъ помысловъ есть сладостное дѣло, водворяющее миръ душевный» (§ 122).

»Умъ омрачается и становится безплоднымъ, когда монахъ или поговоритъ съ кѣмъ о мірскихъ вещахъ, или мысленно самъ въ себѣ поразглагольствуетъ о нихъ, или когда у него тѣло и съ умомъ осуеченно займется чѣмъ либо чувственнымъ, или когда онъ вообще предается суетливости. Ибо въ такомъ случаѣ тотчасъ непосредственно за тѣмъ теряетъ онъ теплоту, сокрушеніе, дерзновеніе къ Богу, и вѣдѣніе (сознаніе порядка Божія, и память о Богѣ; впадаетъ въ забвеніе о Богѣ и о порядкахъ Божіихъ); такъ что поколику внимаемъ мы уму, потолику просвѣщаемся, и поколику не внимаемъ уму, потолику омрачаемся» (§ 127).

»Помыслы, противъ воли нашей появляющіеся и стоящіе въ сердцѣ, обыкновенно изглаждаетъ молитва Іисусова съ трезвеніемъ, изъ глубинъ помышленія сердечнаго» (§ 137).

»Какъ безъ большого корабля нельзя переплыть морской пучины, — такъ безъ призыванія Іисуса Христа невозможно изгнать прилога помысла лукаваго» (§ 142).

»Прекословіе обыкновенно преграждаетъ дальнѣйшій ходъ помысламъ, а призываніе (имени Іисусъ-Христова) изгоняетъ ихъ изъ сердца. Какъ только образуется въ душѣ прилогъ представленіемъ чувственнаго какого-либо предмета, какъ то: оскорбившаго насъ человѣка, или женской красоты, или сребра и злата, — или когда все это одно за другимъ побываетъ въ мысли нашей, — тогда само собою явнымъ становится, что сердце наше готово исполнить помыслы или злопамятства, или блуда, или сребролюбія. Итакъ, если умъ нашъ опытенъ и обученъ, такъ что умѣетъ блюсти себя отъ прираженій, и ясно какъ днемъ видѣть обольстительныя мечтанія и прелести лукавыхъ; то тотчасъ отпоромъ чрезъ прекословіе и молитвою Іисусъ Христовою легко угашаетъ разженныя стрѣлы діавола, не позволяя себѣ устремляться въ слѣдъ за мечтаніемъ, какъ только оно появится, ни помысламъ нашимъ сочувственно согласоваться съ призракомъ прилога, или дружелюбно бесѣдовать

съ нимъ, или сосложиться съ нимъ въ шумѣ многомыслія, — за чѣмъ съ нѣкоторою необходимостью, какъ ночи за днями, слѣдуютъ худыя дѣла» (§ 143).

»Слишкомъ строгимъ и тяжкимъ кажется людямъ — душевно безмолвствовать отъ всякаго помысла. И воистину это притрудно и приболѣзненно: ибо не однимъ только, не посвященнымъ въ тайны духовной брани, до боли тяжело безтѣлесное заключать и удерживать въ тѣлесномъ домѣ, но и тѣмъ, которые искусились во внутренней невещественной брани. Но кто непрестанною молитвою содержитъ въ персѣхъ Іисуса, тотъ, по Пророку, *не утрудится послѣдуя Ему и дне человѣча не пожелаетъ* (Іер. 17: 15), ради красоты, пріятности и сладости Іисуса, и враговъ своихъ — нечистыхъ демоновъ, ходящихъ вокругъ его, не постыдится, но возглаголетъ къ нимъ во вратахъ сердца (Пс. 126: 5), и вспять прогонитъ ихъ Іисусомъ». (§ 148).

»Душа, воспаривши по смерти на воздухъ ко вратамъ небеснымъ, и тамъ не постыдится враговъ своихъ, имѣя за собою Христа; но и тогда, какъ нынѣ, дерзновенно возглаголетъ къ нимъ во *вратѣхъ*. Только до самаго исхода своего да не скучаетъ она день и ночь взывать къ Господу Іисусу Христу, Сыну Божію; и Онъ сотворитъ отмщеніе ея вскорѣ, по неложному божественному обѣтованію, которое изрекъ Онъ въ притчѣ о неправедномъ Судіи: *ей глаголю вамъ сотворитъ отмщеніе вскорѣ* (Л. 18. 8), — и въ настоящей жизни, и по исходѣ ея изъ тѣла». (§ 149).

»Если, начавъ жительствовать во вниманіи ума, съ трезвеніемъ сочетаемъ смиреніе и съ прекословіемъ совокупимъ молитву, то будемъ добрѣ шествовать мысленнымъ путемъ, какъ со свѣтильникомъ свѣта, съ покланяемымъ и святымъ именемъ Іисуса Христа, какъ выметая и очищая отъ грѣха, такъ и украшая и убирая домъ сердца своего. Если же на одно трезвеніе или вниманіе понадѣемся, то скоро, подвергшись наладенію враговъ, падемъ, бывъ низринуты. И начнутъ тогда во всемъ одолѣвать насъ эти коварнѣйшіе злокозненники, а мы начнемъ больше и больше опутываться злыми пожеланіями, какъ сѣтями;

или и совершенному закланію удобно подвергнемся отъ нихъ, не имѣя въ себѣ побѣдоноснаго меча — имени Іисусъ-Христова. Ибо только сей священный мечъ, будучи непрестанно вращаемъ въ упраздненномъ отъ всякаго образа сердцѣ, умѣетъ обращать ихъ вспять и посѣкать, опалять и поядать, какъ огнь солому.» (§ 152).

»За простыми и безстрастными помыслами слѣдуютъ страстные, какъ узнали мы изъ долговременнаго опыта и наблюденія; и первые служатъ входомъ для послѣднихъ, безстрастные для страстныхъ». (§ 163).

»Не двинется впередъ корабль безъ воды; не преуспѣетъ нисколько и храненіе ума безъ трезвенія со смиреніемъ и всегдашнею молитвою Іисусъ-Христовою». (§ 168).

»Основаніе дома — камни, а сей добродѣтели, храненія ума, и основаніе, и верхъ — святое и покланяемое имя Господа нашего Іисуса Христа. Скоро и легко потерпитъ кораблекрушеніе во время бури неразумный кормчій, который корабельщиковъ распуститъ, весла и паруса броситъ въ море, а самъ заляжетъ спать; но еще скорѣе потоплена будетъ бѣсами душа, которая при начинающихся прилогахъ вознерадитъ о трезвеніи и о призываніи имени Іисусъ-Христова.» (§ 169).

»Что знаемъ, то передаемъ чрезъ писаніе, и что видѣли, проходя путемъ, о томъ свидѣтельствуемъ желающимъ, — если хотите принять сказываемое вамъ. Самъ Господь сказалъ: *аще кто не пребудетъ во Мнѣ, изверженется вонъ, яко розга и изсшетъ: и собираютъ ю, и во огнь влагаютъ, и сгараетъ. А иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ* (Іоан. 15: 5—6). — Какъ невозможно солнцу сіять безъ свѣта, такъ невозможно сердцу очиститься отъ скверны пагубныхъ помысловъ безъ призыванія имени Іисусова. Если это истинно, какъ вижу, будемъ употреблять Его какъ собственное дыханіе. Ибо оно (имя Іисусъ-Христово) — свѣтъ, а тѣ (помыслы скверные) — тьма; и Онъ есть Богъ и Владыка, а тѣ — слуги демонскіе». (§ 170).

»Горе внутреннему отъ внѣшняго, ибо внутренній человѣкъ много терпитъ отъ внѣшнихъ чувствъ. Но потер-

пѣвъ что-либо, онъ долженъ употребить бичи противъ этихъ внѣшнихъ чувствъ. Исполнившій то, что относится къ дѣятельной сторонѣ жизни, начинаетъ уже уразумѣвать и то, что относится къ сторонѣ ея созерцательной.» (§ 172).

»Если внутренній нашъ человѣкъ трезвится, то, по словамъ Отцевъ, онъ силенъ сохранить и внѣшняго. — По ихъ же словамъ, мы и злодѣи демоны, обои сообща совершаемъ грѣхи: тѣ въ помыслахъ или мечтательныхъ живописяхъ изображаютъ только предъ умомъ грѣхъ, какъ хотятъ, а мы и въ помыслахъ — внутри воображаемъ грѣхъ, и дѣломъ во внѣ совершаемъ его. Демоны, не имѣя дебелыхъ тѣлъ, и лишь посредствомъ помысловъ устрояя козни и обольщенія, и себѣ и намъ уготовляютъ муку. Но еслибъ эти непотребнѣйшіе не были лишены дебелаго тѣла, то грѣшили бы непрестанно и дѣлами, всегда содержа въ себѣ злое произволеніе, готовое нечествовать». (§ 173).

»Но молитва, сердечная къ Господу, единословная разбиваетъ ихъ и разсѣиваетъ прелести ихъ. Ибо непрестанно и нелѣностно призываемый нами Іисусъ, Богъ и Сынъ Божій, отнюдь не допускаетъ имъ даже и начать вложеніе въ насъ грѣха, — что называютъ прилогомъ, — не допускаетъ ни образъ какой либо показать ему въ зеркалѣ мысли, ни проговорить какія либо слова въ сердцѣ. Но если никакой образъ не вгѣснится въ сердце, то оно и отъ помысловъ, какъ сказали мы, будетъ пусто; потому что демоны обыкновенно чрезъ помыслы скрытно бесѣдуютъ и научаютъ злу». (§ 174).

»Отъ непрестанной молитвы мысленный въ насъ воздухъ чистъ бываетъ отъ мрачныхъ облаковъ и вѣтровъ духовъ злобы. Когда же воздухъ сердца чистъ, то ни что не препятствуетъ уже сіять въ немъ божественному свѣту Іисусову, — если только мы не надымемся тщеславіемъ, самомнѣніемъ и желаніемъ показности, не понесемся къ неосязаемому, — и не будемъ за то лишены помощи Іисусовой; потому что Христосъ ненавидитъ все таковое, будучи образцомъ смиренія». (§ 175).

»Емлемся убо за молитву и смиреніе, — сіи два оружія,

коими совокупно съ трезвеніемъ, какъ мечомъ огненнымъ, ополчаются воители противъ демоновъ. Если такъ будемъ вести жизнь свою, то каждый день и часъ можемъ радостный имѣть праздникъ въ сердцѣ таинственно.» (§ 176).

»Если истинно хочешь покрыть стыдомъ помыслы, достодолжно безмолвствовать, и безъ труда трезвенствовать сердцемъ, да прильпнетъ къ дыханію твоему молитва Іисусова, — и въ немного дней увидишь это на дѣлѣ.» (§ 182).

»Очищеніе сердца, ради котораго какъ смиреніе, такъ и всякое, свыше сходящее благо, имѣетъ въ насъ мѣсто, не что иное есть, какъ то, чтобъ отнюдь не попускать входить въ сердце помысламъ, проникающимъ къ нему.» (§ 193).

»Храненіе ума, съ Божіею помощію и ради единаго Бога дѣйствуемое, установившись въ душѣ, доставляетъ уму мудрость въ веденіи подвиговъ по Богу; не малою также причастника своего снабжаетъ оно способностію къ тому, чтобы по Богу также устроять и внѣшнія дѣла и слова, съ разсужденіемъ безукоризненнымъ.» (§ 194).

»Блаженъ, воистину, кто такъ прилѣпился мыслію къ молитвѣ Іисусовой, вопія къ Нему непрестанно въ сердцѣ, какъ воздухъ прилежитъ тѣламъ нашимъ, или пламя къ свѣчѣ. — Солнце, проходя надъ землею, производитъ день; а святое и досточтимое имя Господа Іисуса, непрестанно сіяя въ умѣ, порождаетъ безчисленное множество солнцевидныхъ помышленій.» (§ 196).

Преп. Филовей, иг. Синайскій.

Переходимъ къ *преп. Филовею*, игумену Синайскому, время жительства и кончины котораго неизвѣстно, но о сочиненіи котораго сказано въ »Добротолюбіи», что оно »требуетъ большого вниманія: если бы кто назвалъ его точнымъ истолкованіемъ и вѣрнымъ правиломъ трезвенія, храненія ума и чистоты сердца, не погрѣшилъ бы противъ истины».

»Съ утра должно мужественно и неотступно стоять у дверей сердца, съ крѣпкою памятію о Богѣ и непрестанною въ душѣ Іисусъ-Христовою молитвою, и сею мысленною стражею убивать всѣхъ грѣшниковъ земли, т. е. вѣрною усиленною и горѣ восхищающею памятію о Богѣ посѣкать,

ради Господа, главы сильныхъ и брань воздвигающихъ помысловъ» (Еп. Θеофанъ. О молитвѣ и трезвеніи. Препод. Филоѳей. § 2).

»Гдѣ смиреніе, память о Богѣ съ трезвеніемъ и вниманіемъ и частая противъ враговъ устремляемая молитва, тамъ мѣсто Божіе, или сердечное небо, въ которомъ полчище бѣсовское боится стоять ради того, что въ мѣстѣ семъ обитаетъ Богъ» (§ 4).

»Когда пріобрѣтемъ нѣкоторый навыкъ въ воздержаніи и удаленіи отъ видимыхъ золъ, производимыхъ пятью чувствами, то послѣ сего возможемъ и сердце свое блюсти съ Іисусомъ и просвѣщаться въ немъ отъ Него, и съ теплымъ нѣкоторымъ расположеніемъ вкушать умомъ благости Его. Ибо не для другого чего приняли мы законъ очищать сердце, какъ для того, чтобы, когда облака злыхъ помысловъ изгнаны будутъ изъ атмосферы сердца и разогнаны непрерывнымъ вниманіемъ, мы могли, какъ въ ясный день, чисто видѣть Солнце Правды — Іисуса, и сколько-нибудь просвѣтиться въ умѣ словами величествія Его; ибо обыкновенно они открываются не всѣмъ, а только тѣмъ, кои очищаютъ смыслъ свой» (§ 8).

»Потребно намъ великое смиреніе, если искреннее имѣемъ попеченіе о храненіи ума въ Господѣ, во первыхъ, въ отношеніи къ Богу, и (во вторыхъ) въ отношеніи къ людямъ. Всячески всегда должны мы сокрушать свое сердце, изыскивая и въ дѣло вводя все, могущее смирять его. Сокрушаетъ же и смиряетъ сердце, какъ извѣстно, память о прежней нашей жизни, если она припоминается, какъ слѣдуетъ. Также память о всѣхъ грѣхахъ отъ юности, когда кто пересматриваетъ ихъ умомъ по частямъ, обыкновенно и смиряетъ, и слезы рождаетъ, и ко всесердечному благодаренію Бога подвигаетъ насъ, какъ и всегдашняя дѣйственная память о смерти, которая при томъ рождаетъ и плачъ радостный со сладостію, и трезвеніе ума. Преимущественно же смиряетъ мудрованіе наше и располагаетъ потуплять очи въ землю воспоминаніе о страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа, когда кто проходитъ ихъ въ памяти и все подробно

воспоминаетъ. Это подаетъ также и слезы. Сверхъ того истинно смиряютъ душу великія Божіи благодѣянія, именно къ намъ, когда кто подробно перечисляетъ ихъ и пересматриваетъ; ибо мы имѣемъ брань съ гордыми (неблагодарными Богу) демонами» (§ 13).

»Не чуждайся изъ самолюбія этихъ спасительныхъ врачествъ душевныхъ, если ты таковъ, что имѣешь въ нихъ нужду. Ибо иначе ты уже не ученикъ Христовъ, и не подражатель Павла, который говоритъ о себѣ: нѣсмь достоинъ нарещися Апостоломъ (1 Кор. 15: 9); а въ другомъ мѣстѣ сознается, что былъ прежде хульникомъ, гонителемъ и досадителемъ (1 Тим. 1: 13). Видишь ли, горделивецъ, вотъ и святой, а не забывалъ прежней своей жизни. Да и всѣ святые, отъ начала созданія до нынѣ, облачались въ это послѣднѣйшее святое одѣяніе Божіе (т. е. въ смиреніе). Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, будучи Богъ непостижимый, недовѣдомый и неизглаголанный, въ продолженіи всей Своей во плоти жизни, облеченъ былъ въ смиреніе, такъ что святое смиреніе праведно должно именоваться и Божественною добродѣтелію, и Владычнею заповѣдію, и облаченіемъ. Также Ангелы, и всѣ оныя свѣтлыя Божественныя Силы проходятъ и хранятъ сію добродѣтель, вѣдая, какимъ паденіемъ палъ возгордѣвшійся сатана и какъ онъ, въ примѣръ того, какъ надлежитъ страшиться паденія (въ сей грѣхъ) Ангеламъ и людямъ, лежитъ лукавый въ безднѣ, за гордость свою явленный безчестнѣйшимъ предъ Богомъ паче всякой другой твари. Знаемъ мы и то, какимъ паденіемъ палъ Адамъ изъ-за гордости. Имѣя предъ очами такіе примѣры сей высокотворной добродѣтели, будемъ всегда смирять себя всячески, сколько силъ есть, пользуясь указанными выше врачествами. Смиримъ себя душею и тѣломъ и въ мудрованіи, и въ желаніи, и въ рѣчахъ, и въ помышленіяхъ, и во внѣшнемъ видѣ, и внѣшно, и внутренно. О чемъ особенно надобно заботиться, это — чтобы сущій за насъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и Богъ, не сталъ противъ насъ. *Ибо Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Прит. 3: 34). *Научитеся отъ Мене, яко*

кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, говоритъ Спаситель (Мѳ. 11: 29)». (§ 14).

»Душа (грѣхолюбивая), какъ стѣною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причинѣ этого окружающаго ее мрака, не можетъ молиться, какъ слѣдовало бы; ибо связуется имъ втайнѣ (въ сокровенностяхъ и глубинахъ своихъ, или сама не вѣдая, какъ), и слѣпотствуетъ внутренними очами. Но когда она положитъ начало молитвенному къ Богу прибѣганію, и станетъ по силѣ трезвенствовать въ молитвѣ, тогда мало по малу начинаетъ она разрѣшаться силою молитвы; иначе же разрѣшиться ей отъ тьмы нѣтъ никакой возможности. Въ это время познаетъ она, что есть внутрь въ сердцѣ иное бореніе, иное сокровенное противоборство, иная война въ помыслахъ, отъ духовъ злобы возбуждаемыхъ, какъ свидѣтельствуетъ и святое Писаніе, когда говоритъ: *аще духъ владѣющаго взыдетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Еккл. 10: 4). Мѣсто же ума есть твердое стояніе его въ добродѣтели и трезвеніе. Есть стояніе и въ добродѣтельной и въ грѣшной жизни. Ибо писаніе говоритъ: Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на путь грѣшныхъ не ста (Пс. 1: 1). И Апостолъ учитъ: Станите препоясани чресла ваша истиною (Еф. 6: 14)». (§ 19).

»Крѣпко накрѣпко да держимъ Христа, ибо не мало такихъ, кои всячески покушаются похитить Его изъ душъ. И сами не допустимъ до того, чтобы Іисусъ уклонился, *народу* (толикѣ) помысловъ *сущу на мѣстѣ* души (Лук. 5: 19). Но удержать Его невозможно безъ болѣзненнаго труда душевнаго. Потрудимся осязать слѣды житія Его во плоти, чтобы и свою жизнь проводить намъ смиренно. Воспріиемъ въ чувство страсти Его, чтобы соревнуя Ему, терпѣливо переносить все скорбное. Вкусимъ неизреченнаго Его смотрительнаго о насъ снисхожденія, чтобы отъ сладкаго вкушенія сего душою, познать намъ, сколь благъ Господь. Надо всѣмъ же симъ, или прежде всего сего, да вѣруемъ Ему несомнѣнно во всемъ, что говоритъ Онъ, и каждодневно да чаемъ промышленія Его, на насъ обращеннаго, и что ни

случится, что ни встрѣтимъ, будемъ принимать то съ благодарностью, любовью и радостнымъ довольствомъ, да научимся смотрѣть на Единаго Бога, Который всѣмъ управляетъ по Божественнымъ законамъ премудрости Своей. Когда сдѣлаемъ все это, тогда недалеко будемъ отъ Бога. Благочестіе есть конца не имѣющее совершенство, какъ сказалъ нѣкто изъ богоносныхъ и совершенныхъ въ духѣ мужей» (§ 20).

»Сладостная память о Богѣ, т. е. о Іисусѣ, съ гнѣвомъ сердечнымъ и огорченіемъ спасительнымъ, обыкновенно разрушаетъ всѣ обаянія помысловъ, разныя внушенія, слова, мечтанія, мрачныя воображенія, и, кратко сказать, все, чѣмъ вооружается и съ чѣмъ дерзостно выступаетъ всегубительный врагъ, ища поглотить души наши. Іисусъ, будучи призываемъ, все попаляетъ легко. Ибо ни въ комъ другомъ нѣтъ намъ спасенія, кромѣ Христа Іисуса. Это сказалъ и Самъ Спаситель, говоря: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15: 5)». (§ 22).

»Съ крайнимъ напряженіемъ вниманія блюди свой умъ. Какъ только замѣтишь помыслъ, тотчасъ воспротиворѣчь ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ спѣши призвать Христа Господа на отмщеніе. Сладчайшій же Іисусъ, когда ты еще будешь говорить, скажетъ: Се съ тобою Я, чтобы подать тебѣ заступленіе. Но ты и послѣ того, какъ, по молитвѣ твоей, всѣ эти враги усмирены будутъ, опять продолжай усердно внимать уму. Вотъ снова волны (помысловъ), множайшія прежнихъ, однѣ за другими устремятся на тебя, такъ что отъ нихъ будто уже погружается душа какъ въ пучину и готова погибнуть. Но и Іисусъ опять, возбуждаемый ученикомъ, яко Богъ запрещаетъ злымъ вѣтрамъ. Ты же, улучивъ свободу отъ вражескихъ нападеній, на часъ или минуту, прославь спасшаго тебя, и углубись въ помышленіе о смерти» (§ 26).

»Не будемъ отрицаться и отъ трудовъ тѣлеснаго подвижничества: ибо какъ изъ земли пшеница, такъ отъ нихъ произрастаетъ духовная радость и опытность въ добрѣ. Не будемъ ложными умствованіями отклонять требованіе совѣсти, потому что она внушаетъ намъ спасительное и дѣятельное,

и всегда изрекаетъ, въ чемъ долгъ нашъ и къ чему мы обязаны, особенно, когда бываетъ очищаема живымъ, дѣятельнымъ и тонкимъ трезвеніемъ ума. Въ этомъ случаѣ она, по причинѣ чистоты своей, обычно износитъ ясный судъ достодолжный и рѣшительный, — исключающій всякое колебаніе. Ради всего этого не должно сбиваться съ пути ложными умствованіями; ибо она внутри возвѣщаетъ намъ жизнь, угодную Богу, и строго обличая душу, если она осквернила смыслъ грѣхами, показываетъ способъ исправленія прегрѣшеній, внушая сердцу падшему покаяться, и указывая ему врачевство съ сладостнымъ убѣжденіемъ» (§ 28).

»Дымъ, выходящій изъ дровъ, тяжелъ бываетъ для очей; но потомъ показываетъ имъ свѣтъ и услаждаетъ тѣхъ, кому прежде причинялъ непріятность. И вниманіе, держа непрестанно въ напряженіи умныя очи, утомляетъ и тяготитъ голову. Но Іисусъ, призываемый въ молитвѣ, пришедши, просвѣщаетъ сердце. Память о Немъ, вмѣстѣ съ осіяніемъ (внутренняго нашего) доставляетъ и высочайшее изъ благъ (т. е. Самого Господа»). (§ 29).

»Многіе изъ братій не знаютъ прелести ума, которую претерпѣваютъ отъ демоновъ. Они прилежатъ тому, чтобы быть исправными въ дѣлахъ, не заботясь объ умѣ, и проводятъ жизнь въ простотѣ и безхитростности. Думаю, что не вкусивши сердечной чистоты, они совсѣмъ не знаютъ тьмы внутреннихъ страстей. Тѣ, которые не знаютъ брани, о коей говоритъ св. Павелъ, неокачествовались, быть можетъ, опытно и добромъ, и только дѣломъ совершаемые грѣхи почитаютъ паденіями, не беря въ счетъ мысленныхъ побѣжденій и побѣдъ, которыхъ не видитъ чувственное око, потому что онѣ сокровенны и вѣдомы только единому подвигоположнику Богу, и совѣсти подвизающагося. Къ таковымъ, кажется, сказано слѣдующее слово Писанія: *говорятъ: миръ, миръ, и не бяше мира* (Іез. 13: 10). О тѣхъ братіяхъ, которые отъ простоты находятся въ такомъ состояніи, молиться надобно, и научать ихъ сколько можно, чтобы удалялись не отъ видимыхъ только худыхъ дѣлъ, но

и отъ того зла, которое дѣйствуетъ въ сердцѣ. У тѣхъ же, кои имѣютъ божественное желаніе — очистить душевное око (собственно, зрительность души), иное есть дѣланіе Христово, и иное таинство» (§ 37).

На этомъ мы кончаемъ выписки изъ преп. Филоѳея Синайскаго и переходимъ къ великимъ *старцамъ Варсонофію и Іоанну*, подвизавшимся въ Палестинѣ въ шестомъ вѣкѣ.

І. *Разрѣшите, батюшка, остановить васъ и предложить вамъ нѣкоторые вопросы. Отвѣтьте мнѣ на нихъ такъ, какъ бы вы отвѣтили простому, рядовому мірянину, ничего не понимающему въ вопросахъ внутренней духовной жизни. Послѣдніе два отца, преп. Исихій и преп. Филоѳей, говорятъ о помыслахъ, о борьбѣ съ ними, о вниманіи, о внутреннемъ трезвеніи, о блюденіи ума и сердца. Первый вопросъ, который у меня возникаетъ, есть вопросъ о помыслахъ. Отцы говорятъ, что нужно стремиться къ очищенію себя отъ помысловъ, и не только отъ дурныхъ, но и вообще отъ помысловъ . . . Какъ нужно понимать это? Неужели нужно ни о чемъ не думать, и не имѣть въ головѣ никакихъ мыслей? Помыслы и мысли — одно ли это и тоже? Или ихъ нужно различать? И какъ тогда понимать слово »помыслы»? Это первый мой вопросъ. А второй вопросъ заключается въ томъ, существуетъ ли какая нибудь связь между очищеніемъ отъ помысловъ и Іисусовой молитвой?*

И. Вы хорошо сдѣлали, что высказали возникшія у васъ недоумѣнія. Это даетъ намъ поводъ глубже и внимательнѣе разобраться въ вопросѣ о помыслахъ. Помыслы и мысли — это не одно и тоже, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ они и сближаются. Мысль близко стоитъ къ слову — мышленіе, размышленіе, которое есть естественная и необходимая дѣятельность дарованнаго намъ Богомъ разума, свободно нами осуществляемая. Мышленіемъ мы углубляемся въ познаніе окружающаго насъ міра и самихъ себя, и разрѣшаемъ всевозможные вопросы по устроенію нашей личной и общественной жизни. Эту дѣятельность нашего ума мы и называемъ работою мысли, но ее нельзя назвать работою по-

мысла. Способность мышленія составляетъ такую же необходимую принадлежность нашего духовнаго существа, какъ и способность чувствованія, и способность дѣйствій, или воля. Другое дѣло помыслы. Помыслы — это не отъ нашей воли зависящее возникновеніе въ нашемъ сознаніи тѣхъ или иныхъ представленій, образовъ, предположеній, намѣреній, желаній, воспоминаній и т. д. Здѣсь помыслъ сближается съ мыслью. И мы нерѣдко употребляемъ безразлично то и другое слово: »у меня возникла мысль, у меня возникъ помыслъ» . . . Въ этомъ случаѣ мысль, какъ и помыслъ, есть нѣчто невольно возникающее въ умѣ, а не свободная мыслительная дѣятельность ума. Помыслы бываютъ разнаго рода. Въ одной изъ предыдущихъ бесѣдъ мы приводили классификацію помысловъ Епископа Игнатія Брянчанинова. Онъ различаетъ четыре вида помысловъ. Отличительная черта всѣхъ ихъ та, что они: невольно возникаютъ въ нашемъ сознаніи. По словамъ Епископа Игнатія »одни (помыслы) прозябаютъ изъ благодати Божіей, насажденной въ каждаго православнаго христіанина святымъ крещеніемъ; другіе предлагаются Ангеломъ Хранителемъ; иные возникаютъ изъ падшаго естества; а иные наносятся падшими духами. Первыхъ двухъ видовъ помыслы, правильнѣе, воспоминанія и ощущенія, содѣйствуютъ молитвѣ, оживляютъ ее, усиливаютъ вниманіе и чувство покаянія, производятъ умиленіе, плачъ сердца, слезы и т. п. Въ помыслахъ и ощущеніяхъ падшаго естества добро смѣшано со зломъ, а въ демонскихъ зло часто прикрывается добромъ, дѣйствуя впрочемъ иногда и открытымъ зломъ». Если наставники внутренняго дѣланія совѣтуютъ бороться не только съ злыми помыслами, но и вообще съ помыслами, то это означаетъ лишь то, что христіанинъ не долженъ находиться во власти *невольно* возникающихъ въ его сознаніи помысловъ. Онъ долженъ заботиться о чистотѣ и ясности своего сознанія. Ибо, въ дѣйствительности, мы нерѣдко бываемъ рабами помысловъ, и никакъ не можемъ отъ нихъ освободиться. Они врываются въ работу нашего ума, нарушаютъ ясность, чистоту, непрерывность, силу и плодо-

творность его работы, засоряютъ сознаніе различными ненужными, пустыми, даже вредными, развращающими представленіями, картинами, воспоминаніями. Въ правильный и спокойный ходъ мышленія врываются не идущія къ дѣлу и мѣшающія работѣ мысли, воспоминанія и представленія, напримѣръ, о вчерашней встрѣчѣ, о непріятномъ разговорѣ, о недоразумѣніяхъ и обидахъ, о неисполненныхъ тѣхъ или другихъ планахъ, о полученныхъ на улицѣ впечатлѣніяхъ, о газетныхъ сообщеніяхъ и т. д. и т. д. Все это засоряетъ сознаніе, засоряетъ и сердце, особенно, когда человѣкъ станетъ на молитву, или придетъ въ храмъ Божій. Въ это время, какъ нарочно, словно изъ рога изобилія, посыпятся въ голову всевозможныя постороннія мысли, представленія, воспоминанія, планы будущаго, мелкія заботы, мелкія тревоги о забытомъ или не сдѣланномъ; въ сердцѣ возникаетъ безпокойство, тревога, иногда раздраженіе противъ того или другого лица, потребность сдѣлать то-то и то-то; ваша молитва начинаетъ не ладиться; она мѣшаетъ вамъ, задерживаетъ васъ; вы начинаете молиться торопливо, чтобы какъ-нибудь поскорѣе закончить начатое молитвенное правило, и заняться дѣломъ, которое, можетъ быть, не такъ уже было и неотложно. Отъ чего все это происходитъ съ нами? Конечно, прежде всего отъ недисциплинированности нашего сознанія, отъ непривычки держать его въ предѣлахъ назначенной ему нами работы, но не только отъ этого. У васъ въ міру мало придаютъ значенія и даже стѣсняются думать серьезно, а не только говорить, о той внѣшней, посторонней, бѣсовской силѣ, которая стремится всевозможными способами засорить, загрязнить и осквернить наше сознаніе и наши чувства съ цѣлью поработить насъ своей власти, отнять у насъ ясность и чистоту мысли и совѣсти, и оторвать насъ отъ Бога. И мы, нерѣдко, не сознавая и не желая сознавать это, становимся игрушкою этой внѣшней и злой силы. Она дѣйствуетъ на насъ и посредствомъ грѣховныхъ помысловъ, овладѣвающихъ нашимъ сознаніемъ и волею, постоянно врывающихся въ нашу душу, нами овладѣвающихъ и насъ терзающихъ и духовно уби-

вающихъ. Каждый изъ насъ, среди этихъ помысловъ, несомнѣнно найдетъ особенно ему сродные, отъ которыхъ онъ особенно страдаетъ, и отъ которыхъ не можетъ никакими своими усиліями избавиться. Эту картину нашей безсильной борьбы съ овладѣвающими нами помыслами очень хорошо изобразилъ преп. Симеонъ Новый Богословъ во второмъ образѣ вниманія и молитвы, о чемъ мы уже упоминали. Такъ вотъ, дорогой батюшка, изъ этого краткаго моего объясненія, мнѣ кажется, вы можете ясно видѣть различіе между нашею свободною мыслью и невольно возникающими помыслами, а также видѣть и необходимость какой то правильной и цѣлесообразной борьбы съ помыслами, для очищенія отъ этой сорной травы чистаго поля нашего сознанія и нашего сердца. Св. Отцы и православная Церковь предлагаютъ намъ вѣрный и испытанный вѣками способъ и путь къ очищенію нашего сердца и нашего сознанія отъ этого ихъ засоренія помыслами. Къ сожалѣнію, мірскіе люди не только не пользуются этимъ способомъ, но большею частью даже и не подозрѣваютъ о его существованіи, да не догадываются даже и о возможности и необходимости бороться съ помыслами, и просто терпятъ ихъ, какъ неизбѣжное зло. Между тѣмъ, въ самомъ дѣйствованіи на насъ этихъ помысловъ, есть обстоятельство, помогающее нашей борьбѣ съ ними. Это обстоятельство заключается въ томъ, что помыслы, такъ сказать, не наваливаются на насъ сразу всею своею силою, а завладѣваютъ нами постепенно, по мѣрѣ того, какъ мы имъ поддаемся. Они какъ бы нащупываютъ для себя почву въ нашей душѣ, и если видятъ, что не находятъ въ ней сопротивленія, то все болѣе и болѣе захватываютъ ее въ свои сѣти.

Отцы Церкви различаютъ нѣсколько послѣдовательныхъ моментовъ въ натискѣ, производимомъ на насъ помыслами. Если мы по своей безпечности, или неосторожности, или по невѣдѣнію не преодолѣемъ помысла при первомъ соприкосновеніи съ нимъ, то съ каждымъ новымъ его натискомъ намъ будетъ все труднѣе и труднѣе побѣдить его. Въ приведенныхъ выше выпискахъ изъ наставленій святыхъ

отцовъ мы уже видѣли тотъ первоначальный способъ борьбы съ помыслами, какой они указываютъ. Прежде всего необходимо *разгнѣваться* на помыслъ, рѣзко возстать противъ него, и сейчасъ же обратиться съ молитвою о помощи ко Господу, отъ дѣйствія которой помыслъ потеряетъ свою силу и разсѣется. У св. Григорія Синаита находится особенно подробное наставленіе объ этомъ для новоначальныхъ. Имъ ни въ коемъ случаѣ не совѣтуется вступать въ единоборство съ помыслами. Это пусть дѣлаютъ сильные, опытные. Новоначальнымъ же слѣдуетъ, давши помыслу первый отпоръ, тотчасъ же укрыться въ »глубину сердца» и тамъ творить Іисусову молитву, ожидая помощи отъ Господа, каковую и подастъ имъ Господь.

Постепенно возрастающую силу захвата нашей души помыслами святые Отцы изображаютъ такъ. Въ началѣ является такъ называемый *прилогъ*. Этимъ именемъ называется всякій простой помыслъ, или представленіе какого-либо предмета, или какая-либо мысль, пришедшая человѣку на умъ. Какъ таковой, прилогъ называютъ безгрѣшнымъ, не заслуживающимъ ни похвалы, ни осужденія, пока онъ не вызываетъ въ насъ того или другого къ себѣ отношенія. Второй моментъ наступаетъ тогда, когда мы *замѣчаемъ* этотъ предметъ, или эту мысль, начинаемъ присматриваться къ нимъ, или, по выраженію Отцовъ, начинаемъ съ ними *собесѣдовать*, страстно или не-страстно. Въ этомъ случаѣ мы не отталкиваемъ помысла, и дозволяемъ ему остаться въ насъ, хотя и не принимаемъ его. Это называется *сочетаніемъ*. Это св. Отцы почитаютъ уже не всегда безгрѣшнымъ; но оно можетъ быть и похвально, въ томъ случаѣ, если это разсматриваніе помысла завершается богоугодно, то есть когда мы отвергаемъ его, усматривая его грѣховность. Третій моментъ бываетъ тогда, когда къ возникшему помыслу мы начинаемъ относиться *сочувственно*, склоняемся къ нему и готовы послѣдовать ему. Это называется *сложеніемъ* или *соглашеніемъ* съ помысломъ. Но и въ этомъ случаѣ могутъ быть два исхода: послѣ временнаго склоненія въ сторону помысла, мы можемъ опомниться и,

раскаиваясь и исповѣдуя Богу свой мысленный грѣхъ, призвать Бога на помощь, и Богъ прощаетъ намъ грѣхъ, и мы преодолѣваемъ помыслъ; другой же исходъ, по слову св. Григорія Синаита, бываетъ тогда, »когда кто волею своею принимаетъ отъ врага наносимыя мысли и, согласуясь и сдружаясь съ ними, побѣждается ими такъ, что уже не только не противоборствуетъ имъ, но и рѣшается все сдѣлать по ихъ внушенію, и если не исполнитъ своихъ рѣшеній на дѣлѣ, то не почему-либо другому, какъ только по неполученію на то времени или мѣста, или по другой причинѣ, недозволяющей совершить преднамѣренное». Четвертый моментъ — тотъ, когда помыслъ невольно и принудительно овладѣваетъ нашимъ сердцемъ, сливается съ нимъ какъ бы въ одну жизнь, удерживается въ немъ, и разрушаетъ наше доброе устроеніе. Этотъ моментъ называется *плѣненіемъ*. Но и въ этомъ случаѣ плѣненный помысломъ умъ, при помощи Божіей, можетъ освободиться отъ него. Бываетъ, однако, что и умъ, какъ бы уносимый бурею и волнами, и увлекаемый отъ своего добраго устроенія къ лукавымъ мыслямъ, не можетъ уже придти въ тихое и мирное устроеніе. Это особенно бываетъ отъ суеты, и отъ многихъ и неполезныхъ бесѣдъ. Но и здѣсь о тяжести грѣха надо судить различно, смотря по тому, случается ли это плѣненіе во время молитвы, или не во время, и бываетъ ли это съ помыслами средними, или злыми. Если плѣненіе бываетъ не во время молитвы и касается необходимыхъ для жизни потребностей, то таковое можетъ быть даже и безгрѣшно. (Смотри объ этомъ подробнѣе у преп. Нила Сорскаго: Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ, стр. 31—32. Эту книгу Еп. Игнатій Брянчаниновъ рекомендуетъ новоначальнымъ, какъ первую книгу для ознакомленія съ дѣланіемъ Іисусовой молитвы и умнымъ дѣланіемъ вообще). Наконецъ, высшая степень овладѣнія насъ помысломъ именуется *страстью*. Это бываетъ тогда, когда долгимъ временемъ угнѣздившійся въ душѣ нашей злой помыслъ становится какъ бы нравомъ ея и ея постоянной привычкой. Въ такое состояніе человѣкъ приходитъ по собственной

своей волѣ, и въ немъ онъ постоянно обуревается страстными помыслами, влагаемыми врагомъ, и укоренившимися въ немъ отъ постояннаго упражненія и отъ мечтательности. Избавиться отъ этого состоянія можно только путемъ покаянія; въ противномъ случаѣ человѣкъ подлежитъ будущей мукѣ (Тамъ же, стр. 33). Такъ вотъ видите, какая послѣдовательность существуетъ въ овладѣваніи души нашей помыслами, и эта послѣдовательность облегчаетъ внимательному подвижнику борьбу съ ними.

Вы спрашиваете еще, въ какомъ отношеніи къ помысламъ стоитъ молитва Іисусова. Изъ сказаннаго вы сами можете уже видѣть, что она стоитъ къ нимъ въ очень близкомъ и понятномъ отношеніи. При помощи молитвы Іисусовой, и только при ея помощи, а не своими усиліями, какъ объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ отцы-подвижники, человѣкъ преодолѣваетъ первый моментъ въ натискѣ помысловъ, именно — *прилогъ*, а преодолѣвъ его, онъ тѣмъ самымъ отсѣкаетъ отъ себя и всю послѣдующую цѣпь натисковъ до страсти включительно.

Изъ сказаннаго видно также, какое огромное значеніе имѣетъ въ умномъ дѣланіи постоянное трезвеніе, блюденіе ума и сердца и острозоркое вниманіе, при помощи которыхъ человѣкъ улавливаетъ моментъ, когда ему необходимо бываетъ обратиться къ помощи горячей и усиленной Іисусовой молитвы, чтобы предотвратить угрожающую ему опасность засоренія нечистыми или пустыми помыслами его ума и сердца. О, если бы міряне обратили на сказанное серьезное вниманіе! Насколько чище, правильнѣе и легче стала бы тогда ихъ духовная жизнь! Зорко слѣдя за чистотою самого источника духовной жизни, то есть за своимъ сердцемъ, имъ уже не трудно было бы сдѣлать чистыми и всѣ внѣшнія проявленія этой жизни, то есть всѣ свои поступки и свои взаимныя отношенія! Какимъ свѣжимъ, чистымъ воздухомъ повѣяло бы тогда въ нашей жизни! И насколько легче и отраднѣе дышалось бы тогда въ ней! Наша главная бѣда именно и заключается въ неупорядоченности, безпризорности и запущенности жизни нашего сердца!

І. Большое вамъ спасибо, батюшка, за сдѣланное вами разъясненіе. Дай Богъ, чтобы оно дошло до слуха и сердецъ живущихъ въ міру христіанъ! А теперь прошу васъ продолжать изложеніе наставленій Отцовъ Церкви объ умномъ дѣланіи и Іисусовой молитвѣ, каковое я слушаю съ большимъ услажденіемъ и пользою для себя.

Свв. Варсонофій и Іоаннъ.

И. Наставленія святыхъ преподобныхъ отцовъ Варсонофія и Іоанна заключаются въ книгѣ ихъ отвѣтовъ, которые они давали на предлагаемые имъ различными лицами вопросы о разныхъ сторонахъ монашеской и вообще христіанской жизни. Книга содержитъ въ себѣ 850 отвѣтовъ на вопросы архіереевъ, іереевъ, монаховъ, мірянъ, старцевъ, юныхъ, немощныхъ и здоровыхъ, и является драгоцѣннымъ и незамѣнимымъ пособіемъ при разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ практическихъ вопросовъ духовной жизни.

»Утверждай сердце твое, полагая на немъ безъ смущенія крестное знаменіе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и вѣруя, что сіе помогаетъ намъ попрать главу врага« (Еп. Ѳеоф. О трезвеніи и молитвѣ. Св. Варсонофій и Іоаннъ. § 13).

»Желая омыть скверны, омой ихъ слезами: ибо онѣ чисто омываютъ всякую скверну. Пока не умолкнетъ гортань твоя, взывай ко Іисусу: »Наставниче, спаси ны, погибаемъ« (Лк. 8: 24). Очисти сердце свое отъ пепла, и воспламени тотъ огонь, который Господь пришелъ ввергнуть на землю. Онъ истребитъ все сіе и сдѣлаетъ золото твое чистымъ. Много потребно намъ трезвенія« (§ 23).

»Когда возстаетъ на тебя тѣло: бѣги поспѣшно съ молитвою къ Іисусу, и успокоишься« (§ 31).

»Хорошо ли упражняться въ молитвѣ: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!«, или лучше поучаться въ Божественномъ Писаніи и стихословить псалмы? Надобно дѣлать и то и другое: немного того, и немного другого поперемѣнно, по написанному: *сія подобаше творити и оныхъ не оставляти* (Мо. 23: 23). (§ 45).

»Какъ сподобиться чистой и духовной молитвы? Поелику Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: просите и

дастся вамъ; ищите и обрящете; толцыте и отверзется вамъ (Лк. 11: 9); то молись Самому благому Богу, чтобы Онъ послалъ Святаго Духа Утѣшителя; и Тотъ, пришедши, научитъ тебя всему и откроетъ тебѣ всѣ таинства. Его взыщи себѣ въ путеводители; Онъ не допуститъ прелести, или разсѣянія въ сердце, не попуститъ нерадѣнія и унынія, или дремоты мысли, просвѣтитъ очи, утвердитъ сердце, возвыситъ умъ. Ему прилѣпись, Ему вѣруй, Его возлюби; ибо Онъ умудряетъ безумныхъ, услаждаетъ мысль, подаетъ силу, чистоту, радость и правду, учитъ долготерпѣнію и кротости, любви и миру, и даруетъ оныя» (§ 50).

»Какъ должно испытывать свои помыслы, и какъ избѣгать плѣненія? Испытаніе помысловъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда придетъ тебѣ помыслъ, разсмотри, что отъ него происходитъ. Приведу тебѣ на сіе и примѣръ: представь себѣ, что кто-нибудь тебѣ досадилъ, и помыслъ побуждаетъ тебя сказать ему что-нибудь; а ты скажи своему помыслу: если я выскажу ему, смущу его черезъ это, и онъ будетъ на меня скорбѣть; такъ потерплю немного и пройдетъ. Такъ и при всякомъ худомъ помыслѣ, спроси себя, къ чему приводятъ худыя мысли, — и онѣ прекратятся» (§ 63).

»Непрестанно молиться относится къ мѣрѣ безстрастія; и черезъ это обнаруживается пришествіе Духа, Который учитъ всему. Если всему, то и молитвѣ. Ибо Апостолъ говоритъ: о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы; но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными. (Рим. 8: 26).» (§ 64).

»Если внутреннее дѣланіе по Богу не поможетъ человѣку, то напрасно онъ трудится во внѣшнемъ. Внутреннее дѣланіе съ болѣзнію сердечною производитъ истинное безмолвіе сердца; такое безмолвіе производитъ смиреніе, а смиреніе дѣлаетъ человѣка селеніемъ Божіимъ; отъ вселенія же Божія (въ человѣкѣ) изгоняются лукавые демоны и начальникъ ихъ діаволъ съ постыдными ихъ страстями, и человѣкъ дѣлается храмомъ Божіимъ, освящаемымъ, просвѣщеннымъ, очищеннымъ и исполненнымъ всякаго благодѣянія,

благости и радости. Человѣкъ сей дѣлается Богоносцемъ. Трудись же, по силѣ внутренняго человѣка, надъ тѣмъ, чтобы смирить свои помыслы; и тогда Богъ откроетъ очи сердца твоего, чтобы видѣть истинный свѣтъ и быть въ состояніи сказать: благодатію спасенъ я о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.» (§ 72).

»Скажу тебѣ о подвигахъ духовныхъ, что они безъ храненія ума ни во что не вмѣняются человѣку.» (§ 77).

»Есть раздражительность естественная и есть раздражительность противоестественная. Естественная противится исполненію похотныхъ вожделѣній, и она не требуетъ врачеванія, какъ здравая. Противоестественная возстаетъ, если не исполняются вожделѣнія. Сія послѣдняя требуетъ врачеваній сильнѣйшихъ, чѣмъ вожделѣнія.» (§ 88).

»Для искорененія сквернои страсти (блудной) необходимъ трудъ сердечный и тѣлесный: сердечный, чтобы сердце непрестанно молилось Богу; тѣлесный, чтобы человѣкъ умертвилъ и посильно поработилъ тѣло свое. Всячески надо не допускать согласія съ помысломъ. Согласіе съ помысломъ вообще въ томъ состоитъ, что когда что-либо нравится человѣку, онъ услаждается тѣмъ въ сердцѣ своемъ и съ удовольсвіемъ размышляетъ о томъ. Если же кто противорѣчитъ помыслу и ведетъ съ нимъ брань, чтобы не принимать его, это не есть согласіе, но брань, и сіе приводитъ человѣка къ опытности и успѣху.» (§ 90).

»Безъ болѣзни сердечной никто не получаетъ дарованія различать помыслы. Когда же Богъ подастъ кому сіе дарованіе, тогда онъ всегда уже будетъ въ состояніи различать помыслы духомъ Его.» (§ 96).

»Утромъ немного соберешься въ себя; но потомъ дѣло за дѣломъ развлекаютъ тебя, и къ вечеру являешься пустъ, омраченъ и унылъ, какъ быть? Погибъ я. Не должно тебѣ отчаяваться вслѣдствіе этого. Кормчій, когда корабль его бьютъ волны, не отчаявается въ своемъ спасеніи, но управляетъ кораблемъ, пока не приведетъ его въ пристань. Такъ и ты, видя, что увлекся и разсѣялся въ дѣлѣ, воззови

себя къ началу пути, говоря съ пророкомъ: *и рѣхъ, нынѣ начахъ.* (Пс. 76: 11). Разсматривай также встрѣчающіяся дѣла и обсуждай, какъ вести ихъ, не отставая отъ своего внутренняго дѣланія. Попеченіе ради Бога есть духовное дѣланіе, исполняемое и совершаемое во спасеніе души. Старайся, по силѣ своей, не опутывать себя мелочными дѣлами, ограничиваясь самонужнѣйшимъ. Будь разумно внимателенъ къ себѣ, и Богъ поможетъ тебѣ» (§ 100).

Да дастъ тебѣ Господь разумъ духовный, чтобы ты могъ во всѣхъ дѣлахъ твоихъ поступать разумно. Воздержигай языкъ свой отъ празднословія, чрево отъ сластолюбія, и не раздражай ближняго. Не будь дерзокъ, почитай себя за ничто, храни любовь ко всѣмъ и имѣй всегда Бога въ умѣ своемъ, поминая, *когда явлюся лицу Божію* (Пс. 41: 3). Сохрани сіе, и земля твоя принесетъ сторичный плодъ Богу» (§ 101).

»Не плачъ происходитъ отъ слезъ, а слезы отъ плача. Если человѣкъ, не обращая вниманія на чужіе грѣхи, на свои одни смотритъ, то пріобрѣтаетъ плачъ. Ибо черезъ сіе собираются его помыслы, и собираясь такимъ образомъ, рождаютъ въ сердцѣ печаль по Богу (2 Кор. 7: 10), а печаль эта – слезы.» (§ 109).

»Если страстный помыслъ войдетъ въ сердце, чѣмъ отражать его, тѣмъ ли, чтобы противорѣчить ему, или произнести запрещеніе, и какъ бы прогнѣваться на него, или тѣмъ, чтобы прибѣгнуть къ Богу и повергнуть предъ Нимъ свою немощь? – Страсти тѣ же скорби, и Господь не отдѣлилъ ихъ, но сказалъ: *призови Мя въ день скорби твоея и изму тя, и прославиши Мя.* (Пс. 49: 15). И потому въ отношеніи всякой страсти ничего нѣтъ полезнѣе, какъ призывать имя Божіе. Противорѣчить же прилично не всѣмъ, но только сильнымъ о Богѣ, которымъ повинуются бѣсы. Если же кто изъ нихъ будетъ противорѣчить, бѣсы ругаются надъ нимъ, что, находясь въ ихъ власти, онъ имъ же противорѣчитъ. Также и запрещать имъ дѣло мужей великихъ, имѣющихъ надъ ними власть. Многіе ли изъ святыхъ запрещали діаволу, подобно Михаилу

Архангелу, который сдѣлалъ сіе потому, что имѣлъ власть. Намъ же немощнымъ остается только прибѣгать къ имени Іисусову; ибо страсти, какъ сказано, суть демоны – и уходятъ (отъ призыванія сего имени)» (§ 111).

»Когда отягощаюсь помыслами при псалмопѣніи, или безъ онаго, и призываю въ помощь имя Божіе, то врагъ внушаетъ мнѣ, что непрестанное призываніе имени Божія ведетъ къ возношенію, ибо человѣкъ можетъ при томъ думать, что онъ хорошо дѣлаетъ. Какъ надлежитъ помышлять о семъ? Мы знаемъ, что болящіе всегда требуютъ врача и врачеваній его, и обуреваемые непрестанно спѣшатъ къ пристанищу, дабы не постигло ихъ потопленіе. Посему то и Пророкъ взываетъ, говоря: *Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ.* (Пс. 89: 1); и еще: *Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло.* (Пс. 45: 2.) Если же Онъ прибѣжище наше, то вспомнимъ, что говоритъ Онъ: *Призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.* (Пс. 49: 15.) Итакъ, научимся тому, что во время скорби непремѣнно надобно призывать милостиваго Бога. Призывая же имя Божіе, да не возносимся помысломъ. Кто, кромѣ безумнаго, превозносится, полу.. отъ кого либо помощь! Мы же, какъ имѣющіе нужду въ Богѣ, призывая имя Его въ помощь на сопротивныхъ, если не безумны, то не должны возноситься помысломъ, ибо по нуждѣ призываемъ, и скорбя прибѣгаемъ. Сверхъ того, мы должны знать, что непрестанно призывать имя Божіе есть врачеваніе, убивающее не только страсти, но и самое дѣйствіе ихъ. Какъ врачъ изыскиваетъ врачеваніе или пластырь на рану страждущаго, и они дѣйствуютъ, причемъ больной и не знаетъ, какъ сіе дѣлается; такъ точно и имя Божіе, будучи призываемо, убиваетъ всѣ страсти, хотя мы и не знаемъ, какъ сіе совершается (§ 146).

»Хорошо ли всегда помышлять (о Богѣ) въ сердцѣ своемъ, или сердечно молиться Ему безъ содѣйствія языка? Когда случается, что я упражняюсь въ семъ, мысль моя погружается въ разсѣянность, и я пребываю будто въ сон-

ныхъ мечтаніяхъ. – Не уклоняться умомъ, и не погружаться сильно въ разсѣянность или мечтаніе, есть дѣло совершенныхъ, могущихъ управлять умомъ своимъ и содержать его всегда въ страхѣ Божіемъ. А тотъ, кто не можетъ имѣть постояннаго трезвенія по Богу, пусть передаетъ поученіе и языку (то есть, пусть и языкомъ повторяетъ слово, обращенное къ Богу). Подобное сему видимъ и на плавающихъ въ морѣ: тѣ изъ нихъ, которые искусны, смѣло ввергаютъ себя въ море, зная, что оно не можетъ потопить хорошо обучившихся искусству плаванія. Начинающій же обучаться сему искусству, почувствовавъ, что онъ находится въ глубокомъ мѣстѣ, изъ опасенія утонуть, спѣшитъ выбраться изъ глубины на берегъ, и отдохнувъ немного, снова бросается въ глубину, и упражняется такимъ образомъ, чтобы совершенно узнать это искусство, пока достигнетъ степени изучившихъ оное прежде его» (§ 152).

»Движеніе (противъ злыхъ помысловъ) должно состоять въ томъ, чтобы не склоняться къ лукавому помыслу, и не соглашаться съ нимъ, но безмятежно прибѣгать къ Богу. Итакъ, если войдетъ помыслъ, не смущайся, но разсмотри, что онъ хочетъ сдѣлать, и сопротивляйся, безмятежно призывай Господа. Господь, пришедши въ землю іудейскую, т. е. въ сердце человѣческое, изгонитъ бѣсовъ. Итакъ, воззови къ Нему, какъ ученики: *Наставниче, спаси ны, погибаемъ* (Мо. 8: 25); и Онъ, пробудившись, запретитъ вѣтрамъ, и утихнутъ; ибо Его есть сила и слава во вѣки» (§ 161).

»Сколько имѣешь силы, уничижай себя день и ночь, понуждаясь увидѣть себя ниже всякаго человѣка. Это есть истинный путь и кромѣ него нѣтъ другого» (§ 162).

»Если вижу, что кто-нибудь поступаетъ неприлично, могу ли я судить о семъ неприличіи? И какъ избѣжать проистекающаго отсюда осужденія ближняго? — То дѣло, которое дѣйствительно неприлично, мы не можемъ не признать за неприличное; ибо иначе, какъ избѣжимъ происходящаго отъ него вреда? Того же, кто дѣлаетъ такое дѣло, осуждать не слѣдуетъ, какъ по слову Писанія: *не судите, да неосуждены будете* (Лк. 6: 37), такъ и потому, что намъ

должно признавать самихъ себя грѣшными болѣе всѣхъ, а равно и потому, что согрѣшеніе брата мы должны считать за свое собственное, и ненавидѣть лишь діавола, прельстившаго его. Когда бы кто столкнулъ другого въ яму, то мы порицаемъ не того, кто упалъ въ яму, а того, кто столкнулъ его; такъ точно и здѣсь. — Случается, что человѣкъ дѣлаетъ дѣло, которое видящимъ оное кажется неприличнымъ, но оно совершается по благому намѣренію дѣлающаго. — А равно мы не знаемъ итого, не сдѣлается ли согрѣшившій братъ посредствомъ покаянія благоугоднымъ Богу, черезъ свое смиренномудріе и исповѣданіе. Фарисей отошелъ осужденнымъ за свое величаніе. Зная сіе, будемъ подражать мытареву смиренію и осуждать самихъ себя, чтобы быть оправданными; и убѣгать фарисейскаго величанія, чтобы не быть осужденными». »Отъ желанія человѣкоугодія человѣкъ приходитъ въ тщеславіе. Когда же оно умножится, приходитъ гордость» (§ 163).

»Должно ли любопытствовать о Божественныхъ Тайнахъ? И, приступая къ нимъ, грѣшный осуждается ли, какъ недостойный? — Придя во св. храмъ для принятія Тѣла и Крови Христовыхъ и принимая оныя, внимай себѣ, чтобы несомнѣнно вѣровать истинѣ сего (таинства). А какъ сіе бываетъ, не любопытствуй, но вѣрь, какъ сказано: *Сіе есть Тѣло Мое, Сія есть Кровь Моя.* Господь далъ намъ ихъ во оставленіе грѣховъ (Мо. 26: 26; Мр. 14: 22). Надѣемся, что кто вѣруетъ такъ, тотъ не осудится, а кто не вѣруетъ, уже осужденъ есть. Итакъ, не воспрещай себѣ приступать, осуждая себя, какъ грѣшнаго, но признавай, что грѣшникъ, приступающій къ Спасителю, удостоивается отпущенія грѣховъ. И въ Писаніи видимъ приступающихъ къ Нему съ вѣрою и слышавшихъ оный Божественный гласъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои мнози* (Мо. 9: 2, 5; Мр. 2: 5; Лк. 7: 47, 48). Послушай и Самого Господа, Который говоритъ: *не пріидохъ спасти праведныхъ, но грѣшныя* (Лк. 5: 32). Итакъ, признавая себя грѣшнымъ, приступи къ Могущему спасти погибшаго (Мо. 18: 11; Лк. 19: 10)». (§ 167).

»Стоишь ли ты, или сидишь, или лежишь, пусть бодр-

струетъ сердце твое въ твоемъ псалмослуженіи. Предавайся молитвѣ, непрестанно прибѣгая къ Богу, днемъ и ночью, и тогда враги, борющіе душу, отступятъ постыженные» (§ 173).

»Слушать съ удовольствіемъ злословіе есть также злословіе и заслуживаетъ равное съ нимъ осужденіе» (§ 179).

»Когда услышу, что кто нибудь худо говоритъ о мнѣ, что мнѣ дѣлать? — Встань на молитву и помолись сперва объ немъ, потомъ о себѣ, говоря: Господи, Іисусе Христе! Помилуй сего брата и меня, непотребнаго раба Твоего, и покрой насъ отъ лукаваго, молитвами Святыхъ Твоихъ. Аминь» (§ 177).

»Во время бесѣды съ кѣмъ либо, хорошо ли призывать имя Божіе? — И во время бесѣды, и прежде бесѣды, и послѣ бесѣды, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ должно призывать имя Божіе. Писаніе говоритъ: непрестанно молитеся (1 Сол. 5: 17); ибо черезъ сіе упраздняется всякое искушеніе» (§ 190).

»Какъ можетъ человѣкъ непрестанно молиться? Когда кто бываетъ наединѣ, то долженъ упражняться въ псалмопѣніи и молиться устами и сердцемъ; если же кто будетъ на торгу и вообще вмѣстѣ съ другими, то не слѣдуетъ молиться устами, но однимъ умомъ. При семъ надлежитъ соблюдать глаза, для избѣжанія разсѣянія помысловъ и сѣтей вражьихъ.» (§ 191).

»Когда молюсь или упражняюсь въ псалмопѣніи, и не ощущаю силы произносимыхъ словъ, по причинѣ сердечнаго нечувствія, какая мнѣ польза отъ сего (моленія)? — Хотя ты и не ощущаешь (силы того, что произносишь), но бѣсы ощущаютъ ее, слышатъ и трепещутъ. Итакъ, не переставай упражняться въ псалмопѣніи и молитвѣ, и мало-по-малу, помощію Божіею, нечувствіе твое преложится въ мягкость.» (§ 192).

Преп. Исаакъ Сиринъ.

Переходимъ теперь къ великому наставнику безмолвія и совершенной молитвы преп. *Исааку Сирину*, Епископу Ниневійскому, жившему въ шестомъ вѣкѣ.

»Начало истинной жизни въ человѣкѣ — страхъ Божій».

(Слова подвижническія св. Исаака Сиріанина. Слово I-е, стр. 3.) *)

»Умудрись въ основаніе шествія твоего полагать страхъ Божій, и въ немного дней, не дѣлая круженій на пути, будешь у вратъ Царствія» (Слово I-е, стр. 5).

»Преслѣдуй самъ себя, и врагъ твой прогнанъ будетъ приближеніемъ твоимъ. Умирись самъ съ собою, и умирятся съ тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клѣть, и узришь клѣть небесную, потому что та и другая—одно и тоже, и входя въ одну, видишь обѣ. Лѣствица онаго царствія внутри тебя, сокровенна въ душѣ твоей. Въ себѣ самомъ погрузись отъ грѣха, и найдешь тамъ восхожденія, по которымъ въ состояніи будешь восходить». (Слово 2-е, стр. 10. Еп. Ѳ. О трезвеніи и молитвѣ. Св. Исаакъ. § 14.)

»Постоянно утруждай себя молитвами предъ Богомъ въ сердцѣ, носящемъ чистый помыслъ, исполненный умиленія, — и Богъ сохранитъ умъ твой отъ помысловъ нечистыхъ и скверныхъ, да не укорится о тебѣ путь Божій». (Слово 2-е, стр. 11. Еп. Ѳ. § 16.)

»Начало помраченія ума прежде всего усматривается въ лѣности къ Божіей службѣ и молитвѣ. Ибо если душа сперва не отпадетъ отъ этого, нѣтъ иначе пути къ душевному обольщенію; когда же (за лѣность къ молитвѣ) лишается она Божіей помощи, удобно впадаетъ въ руки противниковъ» (Еп. Ѳ. § 19).

»Иное есть чистота ума, и иное — чистота сердца. Ибо умъ есть одно изъ душевныхъ чувствъ, а сердце обнимаетъ въ себѣ и держитъ въ своей власти внутреннія чувства. Оно есть корень, а если корень святъ, то и вѣтви святы, т. е. если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и всѣ чувства. Если умъ приложитъ стараніе къ чтенію Божественныхъ Писаній или потрудится нѣсколько въ постахъ, въ бдѣніяхъ, въ безмолвіяхъ, то забудетъ прежній

---

*) Цитація по книгѣ »Творенія иже во святыхъ Отца нашего Аввы Исаака Сиріанина. Слова подвижническія». Изд. 3. Сергіевъ Посадъ, 1911.

свой образъ мыслей, и достигнетъ чистоты, какъ скоро удалится отъ сквернаго житія; однако же не будетъ имѣть постоянной чистоты, потому что какъ скоро онъ очищается, такъ же скоро и оскверняется. Сердце же достигаетъ чистоты многими скорбями, лишеніями, удаленіемъ отъ общенія со всѣмъ, что въ мірѣ мірского, и умерщвленіемъ себя для всего этого. Если же достигло оно чистоты, то чистота его не скверпится чѣмъ-либо малымъ, не боится великихъ, явныхъ браней, разумѣю брани страшныя; потому что прібрѣло себѣ крѣлкій желудокъ, который можетъ скоро переварить всякую пищу, несваримую въ людяхъ немощныхъ . . . Такъ, всякая чистота, пріобрѣтенная скоро, въ короткое время и съ малымъ трудомъ, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и пріобрѣтенная продолжительнымъ временемъ, не страшится какого либо не превышающаго мѣру прираженія въ которой либо изъ частей души, потому что укрѣпляетъ душу Богъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.» (Слово 4-е, стр. 24. Еп. Ѳ. § 30.)

»Чистъ умомъ не тотъ, кто не знаетъ зла (ибо такой будетъ скотоподобнымъ), не тотъ, кто по естеству находится въ состояніи младенческомъ, не тотъ, кто принимаетъ на себя видъ чистоты. Но вотъ чистота ума — просвѣтленіе Божественнымъ, по дѣятельномъ упражненіи въ добродѣтеляхъ. И не смѣемъ сказать, чтобы пріобрѣлъ кто сіе безъ искушенія помыслами, потому что иначе онъ былъ бы необлеченный тѣломъ. Ибо не отваживаемся говорить, чтобы естество наше до самой смерти не было боримо, и не терпѣло вреда. Искушеніемъ же помысловъ называю не то, чтобы подчиняться имъ, но чтобы положить начало борьбѣ съ ними». (Слово 4-е, стр. 23. Еп. Ѳ. § 27.)

»Кто хранитъ сердце свое отъ страстей, тотъ ежечасно зритъ Господа. У кого помышленія всегда о Богѣ, тотъ прогоняетъ отъ себя демоновъ и искореняетъ сѣмя ихъ злобы. Кто ежечасно назираетъ за своею душею, у того сердце возвеселится откровеніями. Кто зрѣніе ума своего сосредоточиваетъ внутри себя самого, тотъ зритъ въ себѣ

духовную зарю. Кто возгнушался всякимъ пареніемъ ума, тотъ зритъ Владыку внутри сердца своего» (Еп. Ѳ. § 46).

»Страсти искореняются и обращаются въ бѣгство непрестаннымъ погруженіемъ мысли въ Богѣ. Это мечъ, умерщвляющій ихъ. Кто желаетъ видѣть Господа внутри себя, тотъ прилагаетъ усиліе очищать сердце свое непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ. И такимъ образомъ при свѣтлости очей ума своего, сжечасно онъ будетъ зрѣть Господа. Что, бываетъ съ рыбою, вышедшею изъ воды, то бываетъ съ умомъ, который выступилъ изъ памятованія о Богѣ и паритъ памятованіемъ о мірѣ» (Еп. Ѳ. § 51).

»Дѣятельность крестная двоякая; по двоякости естества, и она раздѣляется на двѣ части. Одна, состоя въ претерпѣніи плотскихъ скорбей, производимыхъ дѣйствованіемъ *раздражительной* части души, и есть, и называется *дѣятельность*. А другая заключается въ тонкомъ дѣланіи ума, и въ Божественномъ размышленіи, а также и въ пребываніи на молитвѣ, и такъ далѣе; она совершается *вожделѣвательною* частью души, и называется *созерцаніемъ*. И одна, т. е. дѣятельность, очищаетъ, по силѣ ревности, страстную часть души, а вторая — дѣйственность душевной любви, т. е. естественное вожделѣніе, которое просвѣтляетъ умную часть души. Всякаго человѣка, который прежде совершеннаго обученія въ первой части, переходитъ къ сей второй, прилекаемый ея сладостію, не говорю уже — своею лѣностію, постигаетъ гнѣвъ (Божій) за то, что не умертвилъ прежде *уды* свои, *яже на земли* (Кол. 3: 5), т. е. не уврачевалъ немощи помысловъ терпѣливымъ упражненіемъ въ дѣланіи крестнаго поношенія, но дерзнулъ въ умѣ своемъ возмечтать о славѣ крестной. Сіе-то и значитъ сказанное древними святыми, что, если умъ вознамѣрится взойти на крестъ прежде, нежели чувства его, исцѣлясь отъ немощи, придутъ въ безмолвіе, то постигаетъ Божій гнѣвъ. Сіе восхожденіе на крестъ, навлекающее гнѣвъ, бываетъ не въ первой части претерпѣнія скорбей, т. е. распятія плоти, но когда человѣкъ входитъ въ созерцаніе; а это есть вторая часть, слѣдующая за исцѣленіемъ души. У

кого умъ осквернень постыдными страстями, и кто поспѣшаетъ наполнить умъ свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказаніемъ за то, что, не очистивъ прежде ума скорбями, и не покоривъ плотскихъ вожделѣній, но положившись на то, что слышало ухо, и что написано чернилами, устремился онъ прямо впередъ, идти путемъ, исполненнымъ мраковъ, когда самъ слѣпъ очами. Ибо и тѣ, у кого зрѣніе здраво, будучи исполнены свѣта и пріобрѣтя себѣ вождей благодати, день и ночь бываютъ въ опасности, между тѣмъ какъ очи у нихъ полны слезъ, и они въ молитвѣ и въ плачѣ продолжаютъ служеніе свое цѣлый день, даже и ночь, по причинѣ ужасовъ, ожидающихъ ихъ въ пути и встрѣчающихся имъ страшныхъ стремнинъ и образовъ истины, оказывающихся перемѣшанными съ обманчивыми призраками вещей. Говорятъ: »Что отъ Бога, то приходитъ само собою, а ты и не почувствуешь». Это правда, но только если мѣсто чисто, а не осквернено. Если же нечиста зѣница душевнаго ока, твоего, то не дерзай устремлять взоръ на солнечный шаръ, чтобы не утратить тебѣ сего малаго луча, т. е. простой вѣры, и смиренія, и сердечнаго исповѣданія, и малыхъ посильныхъ тебѣ дѣлъ, и не быть извергнутымъ въ единую область духовныхъ существъ, которая есть тьма кромѣшная, то, что внѣ Бога, и есть подобіе ада, какъ извергнутъ былъ тотъ, кто не устыдился придти на бракъ въ нечистыхъ одеждахъ» (Слово 2-е, стр. 12).

»Всякому дѣлу свой порядокъ, и всякому роду жизни извѣстное время. Кто прежде времени начинаетъ что сверхъ его мѣры, тотъ ничего не пріобрѣтаетъ, а усугубляетъ только себѣ вредъ» (Слово 11-е, стр. 51).

»Какъ изъ многихъ тысячъ едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и достигшій черезъ то душевной чистоты, такъ изъ тысячи развѣ одинъ найдется, при великомъ раченіи и бдительности сподобившійся достигнуть чистой молитвы; а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва находится изъ рода въ родъ» (Еп. Ѳ. § 66).

»Какой признакъ того, что чистота начала водворяться

въ сердцѣ? Когда сподобится кто благодати слезъ, проливаемыхъ безъ принужденія; потому что слезы положены уму какъ бы нѣкіимъ предѣломъ между тѣлеснымъ и духовнымъ, между состояніемъ страстнымъ и чистотою. Пока не приметъ человѣкъ этого дарованія, дѣло его совершается еще во внѣшнемъ только человѣкѣ, и еще вовсе не ощутилъ онъ дѣйственности того, что сокрыто въ духовномъ человѣкѣ» (Еп. Ѳ. § 82).

»Если просишь чего у Бога, и Онъ медлитъ услышать тебя вскорѣ, не печалься, потому что ты не премудрѣе Бога. Бываетъ же сіе съ тобою или потому, что недостоинъ ты получить просимое; или потому, что пути сердца твоего не соотвѣтственны, но противны прошеніямъ твоимъ; и ни потому, что не пришелъ ты еще въ мѣру, чтобы пріять дарованіе, которое просишь. Ибо не должно намъ прежде времени касаться великихъ мѣръ, чтобы дарованіе Божіе, отъ скорости пріятія онаго, не сдѣлалось безполезнымъ; потому, что легко полученное — скоро и утрачивается; все же, пріобрѣтенное съ болѣзнію сердечною, и хранится съ осторожностію» (Слово 5-е, стр. 28).

»Внѣ искушеній не усматривается Промыслъ Божій, невозможно пріобрѣсти дерзновенія предъ Богомъ, невозможно научиться премудрости Духа, нѣтъ также возможности, чтобы Божественная любовь утвердилась въ душѣ твоей. Прежде искушеній человѣкъ молится Богу, какъ чужой кто. Когда же входитъ въ искушеніе по любви къ Богу, и не допускаетъ въ себя измѣненія (остается непоколебимъ), тогда поставляется передъ Богомъ, какъ бы имѣющій Его должникомъ своимъ, и какъ искренній другъ; потому что, во исполненіе воли Божіей, велъ брань съ врагомъ Божіимъ, и побѣдилъ его» (Слово 5-е, стр. 30).

»Всякая молитва, въ которой не утруждалось тѣло и не скорбѣло сердце, вмѣняется за одно съ недоношеннымъ плодомъ чрева, потому что такая молитва не имѣетъ въ себѣ души» (Слово 11-е, стр. 52. Еп. Ѳ. § 62).

»Иное слово дѣйственное, и иное слово красивое. И безъ незнанія вещей мудрость умѣетъ украшать слова свои, го-

ворить истину, не зная ея, и толковать о добродѣтели, хотя самъ человѣкъ не извѣдалъ опытно дѣла ея . . . Что художникъ, который живописуетъ на стѣнахъ воду, и не можетъ тою водою утолить свою жажду, и что человѣкъ, который видитъ прекрасные сны, то же и слово, не оправданное дѣятельностью. Кто говоритъ о добродѣтели, что самъ испыталъ на дѣлѣ, тотъ такъ же передаетъ сіе слушающему его, какъ иной отдаетъ другому деньги, добытыя трудомъ своимъ. И кто изъ собственнаго стяжанія посѣваетъ ученіе въ слухъ внемлющихъ ему, тотъ съ дерзновеніемъ отверзаетъ уста свои, говоря духовнымъ своимъ чадамъ, какъ престарѣлый Іаковъ сказалъ цѣломудренному Іосифу: *азъ же даю ти* единую часть *свыше братіи твоея, юже взяхъ* у аммореевъ *мечемъ моимъ и лукомъ моимъ* (Быт. 48: 22). (*Слово 1-е*, стр. 7).

»Если будешь въ прекрасной добродѣтели и не почувствуешь, что вкушаешь отъ нея наслажденіе, то не дивись. Ибо пока не смирится человѣкъ, не получаетъ награды за свое дѣланіе. Награда дается не за дѣланіе, а за смиреніе: кто оскорбляетъ послѣднее, тотъ теряетъ первое» (Еп. Ѳ. § 110).

»Дарованіе безъ искушеній — погибель для пріемлющихъ оное. Если дѣлаешь доброе передъ Богомъ, и Онъ дастъ тебѣ дарованіе, умоли Его научить тебя смиряться, или взять у тебя оное, чтобы оно не было для тебя причиною гибели» (Еп. Ѳ. § 111).

»Путь Божій есть ежедневный крестъ. Никто не восходилъ на небо, живя прохладно. О пути же прохладномъ знаешь, гдѣ онъ оканчивается» (Еп. Ѳ. § 115).

»Человѣкъ, пока въ нерадѣніи, боится часа смертнаго; а когда приблизится къ Богу, боится срѣтенія Суда; когда же всецѣло поступитъ въ предняя, тогда любовію поглощается тотъ и другой страхъ» (Еп. Ѳ. § 119).

»Пусть у тебя всегда беретъ перевѣсъ милостыня. Сердце жесткое и немилосердое никогда не очистится. Человѣкъ милосердый — врачъ души своей; потому что какъ бы сильнымъ вѣтромъ изъ внутренности своей разгоняетъ онъ омраченіе страсти» (Еп. Ѳ. § 135).

»Разумная душа, бывъ существенно соединена и сопряжена съ чувствами и своими помыслами, естественно увлекается, если человѣкъ не будетъ бодрствовать въ сокровенной молитвѣ» (Еп. Ѳ. § 140).

»Смиреніе и безъ дѣлъ многія прегрѣшенія дѣлаетъ простительными; напротивъ того, безъ смиренія и дѣла безполезны. Что соль для всякой пищи, то смиреніе для всякой добродѣтели. Для пріобрѣтенія его потребно непрестанно печалиться мыслію съ уничиженіемъ и разсудительною печалію» (Еп. Ѳ. § 155).

»Должно погружаться во внутренняго своего человѣка, и тамъ уединенно пребывать, непрестанно воздѣлывая виноградникъ сердца своего. И можетъ быть, что симъ пребываніемъ близь внутренняго человѣка придемъ въ совершенное соединеніе съ вѣдѣніемъ нашей надежды, живущаго въ насъ Христа» (Еп. Ѳ. § 176).

»Не дѣла отверзаютъ заключенную дверь сердца, но сердце сокрушенное и смиреніе души, когда препобѣдитъ страсти смиреніемъ» (Еп. Ѳ. § 179).

»Однимъ изъ святыхъ написано: кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва не пріемлется Господомъ» (Еп. Ѳ. § 180).

»Приведемъ въ устройство область сердца дѣлами покаянія и житіемъ благоугоднымъ Богу: Господне же придетъ само собою, если мѣсто въ сердцѣ будетъ чисто и неосквернено». (Еп. Ѳ. § 181).

»Сокровенное дѣланіе и заповѣди новыя и духовныя, которыя душа хранитъ, имѣя въ виду страхъ Божій, обновляютъ и освѣщаютъ душу и сокровенно врачуютъ всѣ члены ея» (Еп. Ѳ. § 182).

»Ничто не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, какъ милостыня; и ничто не производитъ въ душѣ такой тишины, какъ произвольная нищета» (Еп. Ѳ. § 195).

»Когда человѣкъ закроетъ врата градскія, т. е. чувства, тогда ратуетъ внутри, и не боится злоумышляющихъ внѣ града» (Еп. Ѳ. § 196).

»Чѣмъ погубилъ ты доброе, тѣмъ пріобрѣтай оное.

Погубилъ ты цѣломудріе, Богъ не приметъ отъ тебя милостыни, если пребываешь въ блудѣ, потому что хочетъ отъ тебя святыни тѣла» (Еп. Ѳ. § 200).

»Тѣлесные труды безъ чистоты ума тоже, что безплодная утроба и изсохшіе сосцы: потому что не могутъ приблизиться къ вѣдѣнію Божію. Тѣло они утомляютъ, но не заботятся искоренить страсти въ умѣ, а потому ничего и не пожинаютъ» (Еп. Ѳ. § 209).

»Какъ благодать на благодать — людямъ по крещеніи дано покаяніе. Ибо покаяніе есть второе возрожденіе отъ Бога. И то дарованіе, котораго залогъ пріяли мы отъ вѣры, пріемлемъ покаяніемъ. Покаяніе есть дверь милости, отверстая усильно ищущимъ его; сею дверію входимъ въ милость Божію: помимо этого входа не обрѣтемъ милости; *вси бо*, по слову Божественнаго Писанія, *согрѣшиша, оправдаеми туне благодатію Его* (Рим. 3: 23, 24). Покаяніе есть вторая благодать и рождается въ сердцѣ отъ вѣры и страха (Божія)». (Слово 83, стр. 397).

»Есть вѣдѣніе, предшествующее вѣрѣ, и есть вѣдѣніе, порождаемое вѣрою. Вѣдѣніе, предшествующее вѣрѣ, есть вѣдѣніе естественное; а порождаемое вѣрою есть вѣдѣніе духовное. Есть вѣдѣніе естественное, различающее добро отъ зла, и оно именуется естественною разсудительностью, которою естественно, безъ наученія, распознаемъ добро и зло. Сію (разсудительность) Богъ вложилъ въ разумную природу, при помощи же наученія она получаетъ приращеніе и пополненіе. Нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ ея. Лишенные этой силы ниже разумной природы, и утратившихъ сію познавательную силу . . . Пророкъ справедливо уподобилъ несмысленнымъ скотамъ. Сею (разсудительностью) можно намъ обрѣтать путь Божій. Это есть естественное вѣдѣніе: оно предшествуетъ вѣрѣ и есть путь къ Богу. Ею (разсудительностію) научаемся различать добро отъ зла и принимать вѣру. И сила природы свидѣтельствуетъ, что человѣку подобаетъ вѣровать въ Того, Кто сотворилъ все это, вѣровать и словесамъ заповѣдей Его и исполнять ихъ. Отъ вѣры же рождается Страхъ

Божій; и когда онъ будетъ сопровождать дѣла, и постепенно взойдетъ къ дѣланію, тогда рождаетъ онъ духовное вѣдѣніе, о которомъ сказали мы, что рождается оно отъ вѣры. (Итакъ) вѣра производитъ въ насъ страхъ; страхъ же понуждаетъ насъ къ покаянію и дѣланію. Такъ дается человѣку духовное вѣдѣніе, т. е. ошущеніе тайнъ, которое рождаетъ вѣру истиннаго созерцанія. Такимъ образомъ, не просто отъ одной только вѣры рождается духовное вѣдѣніе, но вѣра рождаетъ Страхъ Божій, и когда въ Божіемъ Страхѣ начнемъ дѣйствовать, отъ дѣйствія Страха Божія рождается духовное вѣдѣніе . . . Не Страхъ Божій рождаетъ сіе духовное вѣдѣніе (ибо чего нѣтъ въ природѣ, то не можетъ и родиться), но вѣдѣніе сіе дается, какъ даръ, дѣланію Страха Божія. Когда изслѣдуешь внимательно дѣланіе Страха Божія, тогда найдешь, что оно есть покаяніе. И духовное вѣдѣніе, за нимъ слѣдующее, есть то самое, о чемъ сказали мы, что залогъ его (вѣдѣнія) пріяли мы въ крещеніи, а дарованіе его пріемлемъ покаяніемъ. И дарованіе сіе, о которомъ сказали мы, что пріемлемъ оное покаяніемъ, есть духовное вѣдѣніе, подаваемое, какъ даръ, дѣланію Страха. Духовное же вѣдѣніе есть ошущеніе сокровеннаго. И когда ощутитъ кто сіе невидимое и во многомъ превосходнѣйшее, тогда пріемлетъ оно отъ сего именованіе духовнаго вѣдѣнія, и въ ощущеніи его рождается иная вѣра, не противная вѣрѣ первой, но утверждающая ту вѣру. Называютъ ее вѣрою созерцательною. Дотолѣ былъ слухъ (т. е. вѣра отъ слуха — Рим. 10: 17), а теперь созерцаніе: созерцаніе же несомнѣннѣе слуха» (Слово 84, стр. 399).

Всѣ роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имѣютъ предѣломъ чистую молитву. Ибо и воздыханія, и колѣнопреклоненія, и сердечныя прошенія, и сладчайшіе вопли, и всѣ виды молитвы, какъ я сказалъ, имѣютъ предѣломъ чистую молитву, и до нея только имѣютъ возможность простираться . . . Чистота и нечистота молитвы зависитъ отъ слѣдующаго: какъ скоро въ то самое время, какъ умъ пріуготовляется принести (молитву), примѣшивается къ ней какая-либо посторонняя мысль или

безпокойство о чемъ-нибудь, тогда молитва сія не называется чистою: потому что не отъ чистыхъ животныхъ принесъ умъ на жертвенникъ Господень, т. е. на сердце — этотъ духовный Божій жертвенникъ . . . Послѣ чистой молитвы иной молитвы нѣтъ. До сего только предѣла всякое молитвенное движеніе и всѣ виды молитвы доводятъ умъ властію свободы. Потому и подвигъ въ молитвѣ. А за симъ предѣломъ будетъ уже изумленіе, а не молитва; потому что все молитвенное прекращается, наступаетъ же нѣкое созерцаніе, и не молитвою молится умъ . . . Иное дѣло молитва, а иное — созерцаніе въ молитвѣ, хотя молитва и созерцаніе заимствуютъ себѣ начало другъ въ другѣ. Молитва есть сѣяніе, а созерцаніе — собираніе рукоятей . . . Какъ изъ многихъ тысячъ едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное съ малымъ недостаткомъ и достигшій душевной чистоты, такъ изъ тысячи развѣ одинъ найдется, сподобившійся, при великой осторожности, достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этотъ предѣлъ и пріять оное таинство; потому что чистой молитвы никакъ не могли сподобиться многіе; сподобились же весьма рѣдкіе; а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божіей, находится и изъ рода въ родъ . . . И если чистою молитвою едва ли кто молится, то что сказать о молитвѣ духовной? У святыхъ Отцовъ было въ обычаѣ всѣмъ добрымъ движеніямъ и духовнымъ дѣланіямъ давать именованіе молитвы. И не только отцамъ, но и всѣмъ, которые просвѣщены вѣдѣніемъ, обычно всякое прекрасное дѣланіе вмѣнять почти за одно съ молитвою . . . Иногда сію, такъ называемую духовную, молитву въ одномъ мѣстѣ называютъ путемъ, а въ другомъ вѣдѣніемъ, и индѣ — умнымъ видѣніемъ. Видишь, какъ Отцы перемѣняютъ названія духовныхъ предметовъ. Ибо точность именованій устанавливается для предметовъ здѣшнихъ, а для предметовъ будущаго вѣка нѣтъ подлиннаго и истиннаго названія, есть же о нихъ одно простое вѣдѣніе, которое выше всякаго наименованія и всякаго составного начала, образа, цвѣта, очертанія и всѣхъ придуманныхъ именъ.

Поэтому, когда вѣдѣніе души возвысится изъ видимаго міра, тогда Отцы въ означеніе онаго вѣдѣнія употребляютъ, какія хотятъ, названія, такъ какъ точныхъ именованій оному никто не знаетъ. Но, чтобы утвердить на семъ вѣдѣніи душевныя помышленія, употребляютъ они наименованія и притчи, по изреченію св. Діонисія, который говоритъ, что ради чувствъ употребляемъ притчи, слоги, приличныя имена и реченія. Когда же дѣйствіемъ Духа душа подвигнута къ Божественному, тогда излишни для насъ и чувства и ихъ дѣятельность, равно какъ излишни силы духовной души, когда она, по непостижимому единству, содѣлывается подобною Божеству и въ своихъ движеніяхъ озаряется лучемъ высшаго свѣта. Итакъ, повѣрь, братъ, что умъ имѣетъ возможность различать свои движенія только до предѣла чистой молитвы. Какъ же скоро достигнетъ туда и не возвращается вспять, или оставляетъ молитву — молитва дѣлается тогда какъ бы посредницею между молитвою душевною и духовною. И когда умъ въ движеніи, тогда онъ въ душевной области; но какъ скоро вступаетъ онъ въ оную область, прекращается и молитва. Ибо Святые, въ будущемъ вѣкѣ, когда умъ ихъ поглощенъ Духомъ, не молитвою молятся, но съ изумленіемъ водворяются въ веселящей ихъ славѣ. Такъ бываетъ и съ нами. Какъ скоро умъ сподобится ощутить будущее блаженство, забудетъ онъ и самого себя, и все здѣшнее, и не будетъ уже имѣть въ себѣ движенія къ чему-либо. Посему, нѣкто съ увѣренностью осмѣливается сказать, что свобода воли путеводитъ и приводитъ въ движеніе посредствомъ чувствъ всякую совершаемую добродѣтель и всякій чинъ молитвы, въ тѣлѣ ли то, или въ мысли, и даже самый умъ — этого царя страстей. Когда же управленіе и смотрѣніе Духа возгосподствуетъ надъ умомъ, — этимъ домостроителемъ чувствъ и помысловъ, тогда отъемлется у природы свобода, и умъ путеводится, а не путеводитъ. И гдѣ тогда будетъ молитва, когда природа не въ силахъ имѣть надъ собою власти, но иною силою путеводится, сама не знаетъ куда и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей

хотѣлось, но овладѣвается въ тотъ часъ плѣнившею ее силою, и не чувствуетъ, гдѣ путеводится ею? Тогда человѣкъ не будетъ имѣть и хотѣнія; даже, по свидѣтельству Писанія, не знаетъ, въ тѣлѣ онъ, или внѣ тѣла (2 Кор. 12: 2). И будетъ ли уже молитва въ томъ, кто столько плѣненъ, и не сознаетъ самъ себя? Посему никто да не глаголетъ хулы, и да не дерзаетъ утверждать, что молится духовною молитвою. Такой дерзости предаются тѣ, которые молятся съ кичливостью, невѣжды вѣдѣніемъ, и лживо говорятъ о себѣ, будто бы, когда хотятъ, молятся они духовною молитвою. А смиренномудрые и понимающіе дѣло соглашаются учиться у Отцовъ и знать предѣлы естества, и не дозволяютъ себѣ предаваться такимъ дерзкимъ мыслямъ». (Слово 16-е, стр. 61 и слѣд.).

Въ другомъ мѣстѣ св. Исаакъ даетъ еще такое опредѣленіе духовной молитвы.

»Душевныя движенія за строгую непорочность и чистоту, дѣлаются причастными дѣйственности Св. Духа. И ея сподобляется одинъ изъ многихъ тысячъ людей, потому что это — тайна будущаго состоянія и житія. Ибо онъ возносится, и естество пребываетъ недѣйственнымъ, безъ всякаго движенія и памятованія о здѣшнемъ. Не молитвою молится душа, но чувствомъ ощущаетъ духовныя вещи онаго вѣка, превышающія понятіе человѣческое, уразумѣніе которыхъ возможно только силою Св. Духа. А это есть умное созерцаніе, но не движеніе и не взысканіе молитвы, хотя отъ молитвы заимствовало себѣ начало». (Слово 21-е, стр. 104).

I. То, о чемъ вы сейчасъ говорили, очень напоминаетъ слова святого Максима Капсокаливита, сказанныя во второй половинѣ его бесѣды съ преп. Григоріемъ Синаитомъ, которую вы вспоминали въ концѣ прошлой нашей бесѣды.

И. Совершенно вѣрно. И тамъ и здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же, именно о тѣхъ молитвенныхъ состояніяхъ, которыя начинаются, по словамъ св. Исаака, за предѣлами чистой молитвы, которая является концомъ

самовластной человѣческой молитвы. Эти молитвенныя состоянія уже и не называютя молитвою, а носятъ различныя другія наименованія, причину многообразія коихъ также объясняетъ св. Исаакъ. Называются они и видѣніемъ, и созерцаніемъ, и изумленіемъ; называются, кромѣ того, и духовною молитвою. Самовластно человѣкъ не можетъ войти въ эти состоянія, но вводится въ нихъ Духомъ Святымъ, независимо отъ воли и усилій человѣка. Стремиться войти въ нихъ самовластно — не только не благоговѣйно и дерзостно, но и безразсудно; безъ благодатной силы Святаго Духа, человѣкъ, по словамъ святого Григорія Синаита, видитъ тогда не видѣнія или созерцанія, а только свои собственныя мечтанія и, такимъ образомъ, впадаетъ въ прелесть. Я радъ, батюшка, что вы обратили вниманіе на это сходство между словами святого Исаака и словами преп. Максима. И тотъ и другой напоминаютъ намъ, чтобы мы не забывали о тѣхъ высшихъ и запредѣльныхъ для человѣческаго сознанія молитвенныхъ состояніяхъ, первымъ шагомъ къ которымъ является смиренная дѣятельная Іисусова молитва, изученію которой мы посвящаемъ наши бесѣды. Но обратимся снова къ болѣе простымъ и болѣе доступнымъ нашему разумѣнію и нашему малому опыту, мыслямъ и наставленіямъ св. Исаака.

»Восчувствовавшій грѣхи свои лучше того, кто молитвою своею воскрешаетъ мертвыхъ . . . Кто сподобилея увидѣть самого себя, тотъ лучше сподобившагося увидѣть ангеловъ . . .» (Слово 41, стр. 175).

»Не наказуетъ и не судитъ Богъ человѣка за невольное движеніе, если и согласимся на время съ помысломъ. Ежели въ тотъ же часъ отвергнемъ въ себѣ страсть, и явится въ насъ сокрушеніе, то Господь не взыскиваетъ съ насъ за такое нерадѣніе; взыскиваетъ же за нерадѣніе, которому дѣйствительно умъ предается такъ, что взираетъ на это безчувственно и признаетъ это чѣмъ-то должнымъ и полезнымъ, а не почитаетъ сего для себя опасною заботою. Будемъ же всегда молиться Господу такъ: Христе, полнота истины, да возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ истина Твоя, и

да познаемъ, какъ по волѣ Твоей ходить путемъ Троимъ!» (Слово 40-е, стр. 170).

»Многіе отцы болѣе, нежели о дѣлахъ, прилагали попеченіе о благочиніи чувствъ и о тѣлесномъ навыкѣ; потому что отсюда происходитъ благочиніе помысловъ. Много причинъ встрѣчается человѣку внѣ его воли, которыя заставляютъ его выходить изъ предѣловъ свободы своей. И если не будетъ онъ охраняемъ въ чувствахъ своихъ предварительно снисканнымъ неослабнымъ навыкомъ, то можетъ случиться, что долгое время не войдетъ онъ самъ въ себя, и не обрѣтетъ первоначальнаго мирнаго своего состоянія.» (Слово 41-е, стр. 172).

»Если хочешь узнать смиренномудръ ли ты, то испытай себя, не приходишь ли въ смятеніе, когда тебя обижаютъ.» (Еп. Ѳ. § 215).

»Когда случится, что душа твоя внутренно наполняется тьмою, и подобно тому, какъ солнечные лучи закрываются на землѣ тьмою облаковъ, душа на нѣсколько времени лишается духовнаго утѣшенія, и свѣтъ благодати внутри померкаетъ, по причинѣ осѣняющаго душу облака страстей, и потому, что умалена въ тебѣ радостотворная сила и умъ пріосѣнила необычная мгла; ты не смущайся мыслію и не подавай руки душевному разслабленію, но терпи, читай книги учителей, принуждай себя къ молитвѣ, и жди помощи. Она придетъ скоро, чего и не узнаешь ты». (Еп. Ѳ. § 239).

»Если до вшествія въ градъ смиренія примѣчаешь въ себѣ, что успокоился ты отъ мятежа страстей, то не довѣряй себѣ . . . Врагъ готовитъ тебѣ какую-либо засаду, и послѣ этого покоя жди великой тревоги и великаго мятежа». (Еп. Ѳ. § 261).

»Діаволъ усиливается сначала сдѣлать, чтобы оставлена была непрестанная сердечная молитва, а потомъ внушаетъ пренебреженіе къ установленнымъ временамъ молитвы и правила, совершаемаго тѣлесно. И такимъ образомъ, въ началѣ помыслъ предается слабости вкусить прежде времени какую-нибудь малость пищи, и что-нибудь самое

незначительное и ничтожное . . . А потомъ возстаетъ уже въ немъ и прочее одно за другимъ.» (Еп. Ѳ. § 265).

»Тѣлесное житіе по Богу составляютъ дѣла тѣлесныя; дѣлами же тѣлесными именуются тѣ, которыя для очищенія плоти въ добродѣтельной дѣятельности совершаются явными дѣйствіями, которыми человѣкъ очищается отъ плотской нечистоты. Житіе умное есть дѣло сердца непрестанно продолжаемое съ заботливою мыслью объ угожденіи въ чувствахъ Богу, вездѣсущему и всевидящему, также непрестанная молитва сердца и храненіе себя отъ страстей тайныхъ, чтобы не встрѣчалось ничего страстнаго въ области сокровенной и духовной. Все это есть дѣло сердца; оно то и называется житіемъ умнымъ». (Еп. Ѳ. § 276).

»Дѣланіе сердца служитъ узами для внѣшнихъ чувствъ. И если кто съ разсудительностью занимается онымъ, по примѣру жившихъ до насъ отцовъ, то сіе бываетъ явно по слѣдующимъ въ немъ тремъ явленіямъ: не связанъ онъ тѣлесными выгодами, не любитъ чревоугодія и совсѣмъ далека отъ него раздражительность». (Еп. Ѳ. § 286).

»Блаженъ человѣкъ, который позналъ немощь свою; потому что вѣдѣніе сіе дѣлается для него основаніемъ, корнемъ и началомъ всякой благостыни. Но никто не можетъ ощутить немощь свою, если не будетъ попущено на него хотя малаго искушенія тѣмъ, что утомляетъ или тѣло или душу. Тогда, сравнивъ свою немощь съ Божіею помощью, тотчасъ познаетъ ея величіе. Но кто позналъ, что имѣетъ нужду въ помощи Божіей, тотъ совершаетъ множество молитвъ. И въ какой мѣрѣ умножаетъ ихъ, въ такой смиряется сердце его». (Еп. Ѳ. § 235).

»Какъ скоро человѣкъ смирится, немедленно окружаетъ его милость. И тогда сердце ощущаетъ Божественную помощь; потому что обрѣтаетъ возбуждающуюся въ немъ нѣкую силу увѣренности. Когда же человѣкъ ощутитъ, что Божественная помощь дѣйствительно вспомоществуетъ ему, тогда сердце его мгновенно исполняется вѣры. Изъ сего уразумѣваетъ онъ, что молитва есть прибѣжище ищущимъ помощи, источникъ спасенія, сокровище упова-

нія, свѣтъ пребывающимъ во тьмѣ, щитъ избавленія во брани, стрѣла изощренная на враговъ. Отнынѣ услаждается уже онъ молитвою вѣры; сердце его дѣлается свѣтлымъ отъ упованія; и отъ великаго веселія видъ молитвы своей измѣнитъ онъ въ благодарственные гласы. Не съ трудомъ и утомленіемъ молится тогда человѣкъ, какова всякая иная молитва, каковою молится человѣкъ до ощущенія сей благодати; но съ сердечною радостію и удивленіемъ непрестанно источаетъ благодарственныя движенія, при неисчислимыхъ колѣнопреклоненіяхъ и отъ множества возбужденія къ удивленію предъ благодатію Божіею внезапно возвышаетъ гласъ свой, пѣснословя и прославляя Бога. И отнынѣ да престанетъ онъ помышлять суетное, да пребываетъ неотступно предъ Богомъ въ непрестанной молитвѣ съ боязнію и страхомъ, чтобы не лишиться великой Божіей помощи». (Еп. Ѳ. § 236).

«Пока не достигнешь слезъ, знай, что еще міру служитъ сокровенное твое, и Божіе дѣло дѣлаешь ты внѣшнимъ человѣкомъ, внутренній же твой человѣкъ еще безплоденъ, потому что плодъ его начинается слезами. Когда достигнешь области слезъ, тогда знай, что умъ твой вышелъ изъ темницы міра сего, поставилъ ногу свою на стезю новаго вѣка, и началъ обонять воню чуднаго новаго воздуха. Слезы источаться начали, потому что приблизилось рожденіе духовнаго младенца. Общая всѣхъ матерь, благодать, вожделѣваетъ таинственно въ душѣ произвести на свѣтъ будущаго вѣка божественный образъ. — И у всякаго, пребывающаго съ Богомъ, бываетъ по временамъ сіе утѣшеніе, т. е. слезы, то когда онъ въ умственномъ созерцаніи, то когда занятъ словами Писаній, то когда бываетъ въ молитвенномъ собесѣдованіи. Но я говорю не о семъ чинѣ слезъ, а о томъ, какой бываетъ у плачущаго непрерывно день и ночь. У такого очи уподобляются родному источнику до двухъ и болѣе лѣтъ; а потомъ приходитъ онъ въ умиреніе помысловъ; по умиреніи помысловъ входитъ въ тотъ покой, о которомъ сказалъ Ап. Павелъ (Евр. 4: 3); по семъ же мирномъ упокоеніи умъ начинаетъ созерцать

тайны. Тогда Духъ Святый начинаетъ открывать ему небесное, и вселяется въ немъ Богъ, и человѣкъ начинаетъ ощущать въ себѣ, хотя неясно и гадательно, то измѣненіе, какое пріиметъ внутреннее естество при обновленіи всяческихъ». (Еп. Ѳ. § 240).

Но объ этомъ уже не намъ судить.

Преп. Серафимъ Саровскій.

Къ древнимъ Отцамъ Церкви близко примыкаетъ нашъ, отечественный подвижникъ, *преп. Серафимъ Саровскій*, который и по святости своей жизни, и по своимъ великимъ подвигамъ и трудамъ является и въ наши слабые дни »яко единъ отъ древнихъ». Поэтому его наставленія о внутреннемъ дѣланіи и объ Іисусовой молитвѣ я считаю умѣстнымъ включить въ настоящую бесѣду,

Въ жизнеописаніяхъ преподобнаго Серафима мы находимъ его »духорныя наставленія» относительно различныхъ сторонъ духовной и монашеской жизни, изъ коихъ мы и заимствуемъ его наставленія о вниманіи и молитвѣ, пользуясь книгою »Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни іеромонаха и затворника. Изд. третье. Москва 1851 г.»

Преподобный Серафимъ прежде всего требуетъ крѣпкой и непоколебимой, горячей вѣры въ Бога, и его первое наставленіе есть наставленіе »о Богѣ», которое и является основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ наставленій. »Богъ есть огнь, согрѣвающій и разжигающій сердца и утробы. Итакъ, если ощущаемъ въ сердцахъ своихъ хладъ, который отъ діавола, ибо діаволъ хладенъ, то призоземъ Господа, и Онъ пришедъ согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнему. И отъ лица теплоты изгонится хладъ доброненавистника». (Стр. 63).

»Не называй Бога правосуднымъ, говоритъ преп. Исаакъ, ибо въ дѣлахъ твоихъ не видно Его правосудія. Если Давидъ и называлъ Его правосуднымъ и правымъ, но Сынъ Его показалъ намъ, что Онъ болѣе благъ и милостивъ. Гдѣ Его правосудіе? Мы были грѣшники, и Христосъ умеръ за насъ» (Тамъ же).

Если не знаешь Бога, то невозможно, чтобы возбудилась

въ тебѣ любовь къ Нему; и не можешь любить Бога, если не увидишь Его; ибо созерцаніе Его не предшествуетъ познанію Его» (Стр. 64).

»О дѣлахъ Божіихъ не должно разсуждать но насыщеніи чрева, ибо въ наполненномъ чревѣ нѣтъ вѣдѣнія таинъ Божіихъ» (Тамъ же).

»Прежде всего должно вѣровать въ Бога, *яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздатель бываетъ* (Евр. 11: 6). Вѣра, по ученію преподобнаго Антіоха, есть начало нашего соединенія съ Богомъ; истинно вѣрующій есть камень храма Божія, уготованный для зданія Бога Отца, вознесенный на высоту силою Іисуса Христа, т. е. крестомъ, помощію вервія Духа Святаго» (Стр. 64).

»*Вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2: 26); а дѣла вѣры суть любовь, миръ, долготерпѣніе, милость, смиреніе, упокоеніе отъ всѣхъ дѣлъ, какъ и Богъ почилъ отъ Своихъ дѣлъ, несеніе креста и жизнь по духу. Только эта вѣра вмѣняется въ правду. Истинная вѣра не можетъ быть безъ дѣлъ; кто истинно вѣруетъ, тотъ непремѣнно имѣетъ и дѣла» (Стр. 65).

»Всѣ, имѣющіе твердую надежду на Бога, возводятся къ Нему и просвѣщаются сіяніемъ вѣчнаго свѣта» (Стр. 65).

»Истинная надежда ищетъ единаго Царствія Божія, и увѣрена, что все земное, потребное для жизни временной, несомнѣнно дано будетъ» (Стр. 65).

»Сердце не можетъ имѣть мира, доколѣ не стяжешь сей надежды. Она умиротворитъ его и вольетъ въ него радость» (Стр. 65).

»Стяжавшій совершенную любовь существуетъ въ жизни сей такъ, какъ бы не существовалъ . . . Онъ весь измѣнился въ любовь къ Богу и забылъ всякую другую любовь. Кто любитъ себя, тотъ любить Бога не можетъ. А кто не любитъ себя ради любви къ Богу, тотъ любитъ Бога» (Стр. 66).

»Истинно любящій Бога считаетъ себя странникомъ и пришельцемъ на земли сей; ибо душею и умомъ въ своемъ стремленіи къ Богу созерцаетъ Его одного» (Стр. 66).

»Человѣкъ, принявшій на себя проходить путь внутренняго вниманія, прежде всего долженъ имѣть страхъ Божій, который есть начало премудрости» (Стр. 67).

»Въ умѣ его всегда должны быть напечатлѣны сіи пророческія слова: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ*» (Пс. 2: 11). (Стр. 67).

»Онъ долженъ проходить путь сей съ крайнею осторожностію и благоговѣніемъ ко всему священному, а не небрежно» (Стр. 67).

»Благоговѣйная осторожность здѣсь нужна для того, что сіе море, т. е. сердце со своими помыслами и желаніями, которое должно очистить посредствомъ вниманія, велико и пространно: тамо гади, имже нѣсть числа, — т. е. многіе помыслы суетные, неправые и нечистые, — порожденіе злыхъ духовъ» (Стр. 67).

»Боясь Бога, ты все будешь дѣлать хорошо. А діавола не бойся; ибо если боишься Бога, то діавола одолѣешь; потому что онъ безсиленъ» (Стр. 67).

»Но никто не можетъ стяжать страха Божія, доколѣ не освободится отъ всѣхъ заботъ житейскихъ. Когда умъ будетъ безпопечителенъ, тогда движетъ его страхъ Божій и влечетъ къ любви благости Божіей» (Стр. 68).

»Страхъ Божій пріобрѣтается тогда, когда человѣкъ, отрекшись отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, сосредоточитъ всѣ свои мысли и чувства въ одномъ представленіи о законѣ Божіемъ, и весь погрузится въ созерцаніе Бога и въ чувство обѣщаннаго святымъ блаженства» (Стр. 68).

»Проходящій путь вниманія не одному только сердцу своему долженъ вѣрить, но сердечныя свои дѣйствія и жизнь свою долженъ поставлять съ закономъ Божіимъ и съ дѣятельною жизнью подвижниковъ благочестія, которые таковой подвигъ проходили. Симъ средствомъ удобнѣе можно и отъ лукаваго избавиться и яснѣе узрѣть истину» (Стр. 70).

»Умъ внимательнаго человѣка есть какъ бы поставленный стражъ, или неусыпный охранитель внутренняго Іерусалима. Стоя на высотѣ духовнаго созерцанія, онъ смотритъ окомъ чистоты на обходящія и приражающіяся къ

душѣ его противныя силы, по Псаломнику: *и на враги моя воззрѣ око мое* (Пс. 53: 9)». (Стр. 70).

»Отъ ока его не скрытъ діаволъ, *яко левъ рыкающій и искій кого поглотити* (1 Петр. 5: 8), и тѣ, которые напрягаютъ *лукъ свой сострѣляти во мрацѣ правыхъ сердцемъ* (Псал. 10: 2)». (Стр. 70).

»По ученію св. Отцевъ, при каждомъ человѣкѣ находятся два Ангела: одинъ добрый, другой злый. Ангелъ добрый тихъ, кротокъ и безмолвенъ. Когда онъ войдетъ въ сердце человѣка, то говоритъ съ нимъ о правдѣ, чистотѣ, честности, спокойствіи и всякомъ благомъ дѣлѣ и о всякой добродѣтели. Когда почувствуешь это въ сердцѣ твоемъ, то, очевидно, находится въ тебѣ Ангелъ правды. А духъ лукавый острожелченъ, жестокъ и безуменъ. Когда онъ войдетъ въ сердце твое, то узнавай это по дѣламъ его (Ант. Сл. 61)». (Стр. 71).

»Проходящій путь сей (вниманія) не долженъ внимать постороннимъ слухамъ, отъ которыхъ голова можетъ быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаніями; но долженъ быть внимателенъ къ себѣ» (Стр. 73).

»Особенно на семъ пути наблюдать должно, чтобы не обращаться на чужія дѣла, не мыслить и не говорить о нихъ, по Псаломнику: *не возглаголютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ* (Пс. 16: 4); а молить Господа: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади раба Твоего*» (Пс. 18: 13, 14). (Стр. 73).

»Человѣкъ по тѣлу подобенъ зажженной свѣчѣ. Она должна сгорѣть, и онъ долженъ умереть. Но душа безсмертна; потому и попеченіе наше должно быть болѣе о душѣ, нежели о тѣлѣ: *кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?*» (Стр. 73).

»Если самовольно изнуримъ тѣло свое до того, что изнурится и духъ, то таковое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели. Буде же Господу Богу угодно будетъ, чтобы человѣкъ испыталъ на себѣ болѣзни, то Онъ же подастъ ему и силу терпѣнія. Итакъ, пусть будутъ болѣзни не отъ насъ самихъ, но отъ Бога» (Стр. 74).

Если хочешь устроить домъ души своея, говорить преподобный Варсонофій, то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось придти и устроить. Потребное для таковаго зданія суть твердая вѣра для устроенія стѣнъ; древяныя окончины, вводящія свѣтъ солнечный, который бы освѣщалъ домъ, чтобы не было въ немъ ни малѣйшей темноты. Оконца древяныя суть оныя пять чувствъ, честнымъ Крестомъ Христовымъ утвержденныя и вводящія свѣтъ мысленнаго солнца правды, и не позволяющія оставаться въ дому твоемъ ни малѣйшей темноты врага и доброненавистника твоего. Потомъ требуется покровь, да ни *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію* (Псал. 120: 6). Покровь скрѣпляется любовію къ Богу, которая бы, покрывая домъ, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гнѣвѣ твоемъ*, дабы не увидѣть его обличающимъ тебя въ день судный и жгущимъ въ огнѣ геенскомъ, и луну, свидѣтельствующую о нощномъ нашемъ унынiи и лѣности. Наконецъ, требуется дверь, вводящая въ домъ и хранящая живущаго въ немъ. Разумѣй мысленную дверь — Сына Божія, Который говоритъ: Азъ есмь дверь. Если такъ устроишь домъ души своей, и въ немъ не будетъ ничего неприличнаго и неугоднаго Ему, — тогда Онъ пріидетъ съ благослозеннымъ Отцемъ и Духомъ Святымъ, и обитель у тебя сотворитъ и научитъ тебя, что такое миръ души, просвѣтивъ сердце твое радостію неизглаголанною (Варсонофій. Отв. 171)». (Стр. 75).

»Душу снабдѣвать надобно словомъ Божіимъ: ибо слово Божіе, какъ говоритъ Григорій Богословъ, есть хлѣбъ Ангельскій, имже питаются души, Бога алчущія. Всего же болѣе должно упражняться въ чтеніи Новаго Завѣта и Псалтири . . . Отъ сего бываетъ просвѣщеніе въ разумѣ, который отъ того измѣняется измѣненіемъ Божественнымъ» (Стр. 76).

»Очень полезно заниматься чтеніемъ слова Божія въ уединеніи и прочитать всю Библію разумно. За одно таковое упражненіе, кромѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, Господь не оставитъ человѣка Своею милостію, но исполнитъ его

дара разумѣнія. Когда же человѣкъ снабдитъ душу свою словомъ Божіимъ, тогда исполнится разумѣніемъ того, что есть добро и что есть зло. Чтеніе слова Божія должно быть производимо въ уединеніи для того, чтобы весь умъ чтущаго углубленъ былъ въ истины Священнаго Писанія, и принималъ отъ Бога въ себя теплоту, которая въ уединеніи производитъ слезы; отъ нихъ человѣкъ согрѣвается весь и исполняется духовныхъ дарованій, услаждающихъ умъ и сердце паче всякаго слова» (Стр. 76).

»Миръ душевный пріобрѣтается скорбями. Писаніе говоритъ: *проидохомъ сквозь огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой*» (Псал. 65: 12). (Стр. 78).

»Признакі разумной души, когда человѣкъ погружаетъ умъ внутрь себя и имѣетъ дѣланіе въ сердцѣ своемъ» (Стр. 78).

»Тогда благодать Божія пріосѣняетъ его, и онъ бываетъ въ мирномъ устроеніи, а посредствомъ того и въ премірномъ: въ мирномъ, то есть съ совѣстію благою; въ премірномъ же, ибо умъ созерцаетъ въ себѣ благодать Святаго Духа, по слову Божію: въ мирѣ мѣсто Его »(Псал. 75: 3). (Стр. 78).

»Когда человѣкъ придетъ въ мирное устроеніе, тогда можетъ и на другихъ изливать свѣтъ просвѣщенія разума» (Стр. 79).

»Мы должны всѣ свои мысли, желанія и дѣйствія сосредоточивать къ тому, чтобы получить миръ Божій, и съ Церковью всегда взывать: *Господи, Боже нашъ, миръ даждь намъ*» (Псал. 26: 12). (Стр. 80).

»Всѣми мѣрами надобно стараться, чтобы сохранить миръ душевный и не возмущаться оскорбленіями отъ другихъ; для сего нужно всячески удерживать гнѣвъ, и посредствомъ вниманія умъ и сердце соблюдать отъ непристойныхъ движеній» (Стр. 80).

»Для сохраненія мира душевнаго всячески должно избѣгать осужденія другихъ. Неосужденіемъ и молчаніемъ сохраняется миръ душевный» (Стр. 82).

»Чтобы избавиться осужденія, должно внимать себѣ, ни отъ кого не принимать постороннихъ мыслей» (Стр. 82).

»Выше мѣры подвиговъ предпринимать не должно, а стараться, чтобы другъ — плоть наша — былъ вѣренъ и способенъ къ творенію добродѣтелей» (Стр. 82).

»Надобно идти среднимъ путемъ, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4: 27), и давая духу духовное, тѣлу тѣлесное, для поддержанія временной жизни потребное, и жизни общественной ею законно требуемое, по словамъ Священнаго Писанія: воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови (Мѳ. 22: 21)». (Стр. 82).

»Должно снисходить душѣ своей въ ея немощахъ и несовершенствахъ, и терпѣть свои недостатки, какъ терпимъ недостатки другихъ, но не облѣняться, и побуждать себя къ лучшему» (Стр. 83).

»Истинно рѣшившіеся служить Господу Богу должны упражняться въ памяти Божіей и непрестанной молитвѣ къ Іисусу Христу, говоря умомъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго; въ часы же послѣобѣденные можно говорить сію молитву такъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвами Богородицы, помилуй мя грѣшнаго; или же прибѣгать собственно къ Пресвятой Богородицѣ, моляся: Пресвятая Богородице, спаси насъ; или говорить поздравленіе Ангельское: Богородице Дѣво, радуйся! Таковымъ упражненіемъ, при охраненіи себя отъ разсѣянія и при соблюденіи мира совѣсти, можно приблизиться къ Богу, и соединиться съ Нимъ. Ибо, по словамъ св. Исаака Сирина, кромѣ непрестанныя молитвы, мы приблизиться къ Богу не можемъ» (Слово 69-е, стр. 84).

»Образъ молитвы весьма хорошо расположилъ св. Симеонъ, Новый Богословъ» (Слово о тріехъ образѣхъ молитвы). (Стр. 85).

»Если въ молитвѣ случится плѣниться умомъ въ расхищеніе мысли, то должно смириться предъ Господомъ Богомъ и просить прощенія, говоря: согрѣшихъ, Господи, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствы» (Тамъ же).

»Въ церкви на молитвѣ стоять полезно съ закрытыми очами, во внутреннемъ вниманіи, открывать же очи развѣ

тогда, когда уныешь, или сонъ будетъ отягощать тебя и склонять къ дреманію; тогда очи обращать должно на образъ и на горящую предъ нимъ свѣщу» (Тамъ же).

»Всегда должно стараться, чтобы не предавать себя разсѣянію мыслей; ибо черезъ сіе уклоняется душа отъ памяти Божіей и любви Его, по дѣйствію діавола, какъ говоритъ св Макарій: все супостата нашего тщаніе есть, да мысль нашу отъ памятованія о Богѣ и страха и любви ствратитъ» (Сл. 2. гл. 15). (Тамъже).

»Когда же умъ и сердце соединены будутъ въ молитвѣ, и помыслы души не разсѣяны, тогда сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой возсіяваетъ свѣтъ Христовъ, исполняя мира и радости всего внутренняго человѣка» (Стр. 85).

»О всемъ мы должны благодарить Господа и предавать себя Его волѣ; должны также представлять Ему всѣ свои мысли, слова и дѣянія, и стараться, чтобы все служило только къ Его благоугожденію» (Стр. 86).

»Дабы пріять и узрѣть въ сердцѣ свѣтъ Христовъ, надобно, сколько можно, отвлечь себя отъ видимыхъ предметовъ. Предочистивъ душу покаяніемъ и добрыми дѣлами и съ вѣрою въ Распятаго, закрывъ тѣлесныя очи, должно погрузить умъ внутрь сердца, и вопіять призываніемъ имени Господа нашего Іисуса Христа; и тогда по мѣрѣ усердія и горячности духа къ Возлюбленному (Лк. 3: 22) находитъ человѣкъ въ призываемомъ имени услажденіе, которое возбуждаетъ желаніе искать высшаго просвѣщенія» (Стр. 86).

»Когда черезъ таковое упражненіе укоснитъ умъ въ сердцѣ, тогда возсіяваетъ свѣтъ Христовъ, осѣщая храмину души божественнымъ осіяніемъ, какъ говоритъ Пророкъ Малахія: и *возсіяетъ самъ, боящимся имене Моего, солнце правды*» (Тамъ же).

»Сей свѣтъ есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*» (Іоан. 1: 4). (Тамъ же).

»Когда человѣкъ созерцаетъ внутренно свѣтъ вѣчный, тогда умъ его бываетъ чистъ и не имѣетъ въ себѣ никакихъ

чувственныхъ представленій; но, весь будучи углубленъ въ созерцаніе несозданной доброты, забываетъ все чувственное, не хочетъ зрѣть и себя, но желаетъ скрыться въ сердце земли, только бы не лишиться сего истиннаго блага — Бога» (Тамъ же).

»У кого текутъ слезы умиленія, таковаго сердце озаряютъ лучи Солнца правды — Христа Бога» (Стр. 87).

»Желающему спастися всегда должно имѣть сердце, къ покаянію расположенное и сокрушенное, по Псаломнику: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*» (Стр. 88).

»Въ такомъ сокрушеніи духа человѣкъ удобно можетъ безбѣдно проходить сквозь хитрыя козни гордаго діавола, коего все тщаніе состоитъ въ томъ, чтобы возмутить духъ человѣческій, и въ возмущеніи посѣять свои плевелы . . . Когда же человѣкъ старается въ себѣ имѣть сердце смиренное и мысль невозмущенную, но мирную, тогда всѣ козни врага бываютъ бездѣйственны; ибо гдѣ миръ помысловъ, тамъ почиваетъ Самъ Богъ: *въ мирѣ мѣсто Его*» (Пс. 75: 3). (Тамъ же).

»Начало покаянія происходитъ отъ страха Божія и вниманія, какъ говоритъ св. мученикъ Вонифатій (Житіе, 19 дек.); страхъ Божій есть отецъ вниманія, а вниманіе — матерь внутренняго покоя; той же рождаетъ совѣсть, которая дѣлаетъ то, что душа, какъ въ нѣкоей водѣ чистой и невозмущенной, видитъ свою некрасоту, и такъ рождаются начатки и корни покаянія» (Стр. 88).

»Мы во всю жизнь свою грѣхопаденіями своими, много или мало, оскорбляемъ величество Божіе; а потому и должны всегда смиряться предъ Нимъ, прося оставленія долговъ нашихъ» (Тамъ же).

О постѣ преп. Серафимъ учитъ такъ: »Подвигоположникъ нашъ Іисусъ Христосъ предъ вступленіемъ на подвигъ искупленія рода человѣческаго, укрѣпилъ Себя продолжительнымъ постомъ. И всѣ подвижники, приступая работать Господу, вооружали себя постомъ, и не иначе вступали на путь крестный, какъ въ сопровожденіи поста. Самые ус-

пѣхи свои въ подвижничествѣ измѣряли они успѣхами въ постѣ» (Стр. 92).

»Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тѣло, укрѣпясь, было другомъ и помощникомъ душѣ въ совершеніи добродѣтели; а иначе можетъ быть то, что при изнеможеніи тѣла, и душа ослабѣетъ» (Стр. 93).

»Къ строгому посту св. постники приступали не вдругъ, и мало по малу дѣлались способными довольствоваться самою скудною пищею . . . При всемъ томъ они не знали разслабленія, но всегда были бодры и готовы къ дѣлу. Болѣзни между ними были рѣдки, а жизнь ихъ чрезвычайно продолжительна» (Стр. 93).

»По мѣрѣ того, какъ плоть постящагося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходитъ въ совершенство и открываетъ себя чудными явленіями, и духъ совершаетъ свои дѣйствія какъ бы въ безтѣлесномъ тѣлѣ. Внѣшнія чувства закрываются, и умъ, отрѣшаясь отъ земли, возносится къ небу и всецѣло погружается въ созерцаніе міра духовнаго» (Стр. 93).

»Мы непрестанно должны хранить сердце свое отъ непристойныхъ помысловъ и впечатлѣній, по слову Приточника: *всяцѣмъ храненіемъ блюди сердце твое: отъ сихъ бо исходища живота*» (4: 23). (Стр. 94).

»Отъ всегдашняго храненія сердца рождается въ немъ чистота, въ которой зрится Господь, по увѣренію Истины вѣчныя: блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ (Мо. 5: 8)». (Тамъ же).

»Что втекло въ сердце лучшаго, того мы безъ надобности выливать не должны; ибо тогда только собранное можетъ быть въ безопасности отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, когда оно хранится во внутренности сердца» (Стр. 94).

»Сердце тогда только кипитъ, будучи возжигаемо огнемъ божественнымъ, когда въ немъ есть вода живая; когда же сія вода выльется, то оно хладѣетъ, и человѣкъ замерзаетъ. Не всѣмъ открывай тайны сердца твоего» (Стр. 94).

»Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ

вещахъ говорить не должно; особенно когда въ нихъ не примѣчается и желанія къ слушанію» (Стр. 95).

»Съ человѣкомъ душевнымъ надобно говорить о человѣческихъ вещахъ; съ человѣкомъ же, имѣющимъ разумъ духовный, надобно говорить о небесныхъ» (Стр. 95).

»Не должно безъ нужды открывать сердца своего; изъ тысячи найти можно только одного, который бы сохранилъ твою тайну» (Стр. 94).

»Когда мы сами не сохраняемъ ее въ себѣ, то какъ же можемъ надѣяться, что она можетъ быть сохранена другимъ» (Тамъ же).

»Одного многословія съ тѣми, которые противныхъ съ нами нравовъ, довольно разстроить внутренность внимательнаго человѣка» (Стр. 96).

»Но всего жалостнѣе то, что отъ сего можетъ погаснуть тотъ огонь, который Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ вовреши на землю сердецъ человѣческихъ» (Стр. 96).

»Когда человѣкъ пріиметъ что-либо Божественное, то въ сердцѣ радуется; а когда діавольское, то смущается» (Стр. 97).

»Сердце христіанское, принявъ что либо Божественное, не требуетъ еще другого со стороны убѣжденія въ томъ, точно ли сіе отъ Господа, но самымъ тѣмъ дѣйствіемъ убѣждается, что оно небесное, ибо ощущаетъ въ себѣ плоды духовные: *любы, радость, миръ и проч.*» (Галат. 5: 22). (Тамъ же).

»Напротивъ же, хотя бы діаволъ преобразился и въ Ангела свѣтла (2 Кор. 11: 14), или представлялъ мысли благовидныя, сердце все чувствуетъ какую-то неясность и волненіе въ мысляхъ» (Стр. 98).

»Изъ сихъ разнообразныхъ дѣйствій сердечныхъ можетъ человѣкъ познать, что есть Божественное, и что діавольское, какъ о семъ пишетъ Григорій Синаитъ: отъ дѣйствія убо возможешь познать возсіявый свѣтъ въ душѣ твоей, Божій ли есть, или сатанинъ» (Стр. 98).

»Кто переноситъ болѣзнь съ терпѣніемъ и благодареніемъ,

тому вмѣняется она вмѣсто подвига, или даже болѣе» (Стр. 99).

»Мы должны быть чисты отъ помысловъ нечистыхъ, особенно, когда приносимъ молитву Богу. Ибо нѣтъ согласія между смрадомъ и благовоніемъ. Гдѣ бываютъ помыслы, тамъ и сложеніе съ ними» (Стр. 100).

»Должно отражать первое нападеніе грѣховныхъ помысловъ и разсѣвать ихъ отъ земли сердца нашего. Пока дѣти Вавилонскія, т. е. помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать ихъ о камень, который есть Христосъ; особенно же три главныхъ изъ нихъ: чревоугодіе, сребролюбіе и тщеславіе, которыми старался діаволъ искушать даже Самого Господа нашего въ концѣ подвига Его» (Стр. 100).

»Діаволъ, какъ левъ, скрываясь въ оградѣ своей (Пс. 9: 30), тайно разставляетъ намъ сѣти нечистыхъ и нечестивыхъ помысловъ. Итакъ, немедленно, какъ только увидимъ, надобно расторгать ихъ посредствомъ благочестиваго размышленія и молитвы» (Стр. 101).

»Требуется подвигъ и длительная бдительность, чтобы во время псалмопѣнія умъ нашъ согласовался съ сердцемъ и силами, дабы въ молитвѣ нашей къ ѳиміаму не примѣшивалось зловонія. Ибо Господь гнушается сердцемъ съ нечистыми помыслами. Законъ говоритъ: *не ори юнцемъ и ослятемъ* (Второз. 22: 10), т. е. съ помысломъ чистымъ и нечистымъ не приноси молитвы» (Стр. 101).

»Будемъ непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя предъ лицемъ благости Божіей, да очиститъ Онъ сердца наши отъ всякаго злаго помышленія, чтобы мы достойно могли проходить путь званія нашего, и чистыми руками приносить Ему дары служенія нашего» (Тамъ же).

»Нечистый духъ только на страстныхъ имѣетъ сильное вліяніе; а къ очистившимся отъ страстей приражается только со стороны, или внѣшно» (Стр. 102).

»Возлюбимъ смиреніе — и узримъ славу Божію; идѣже бо истекаетъ смиреніе, тамъ слава Божія источается.» (Стр. 103).

»Не сущу свѣту, вся мрачна; такъ и безъ смиренія ничего нѣтъ въ человѣкѣ, какъ только одна тьма» (Тамъ же).

»Какъ воскъ, не разогрѣтый и не размягченный, не можетъ принять налагаемой на него печати, такъ и душа, не искушенная трудами и немощами, не можетъ принять на себя печати добродѣтели Божіей. Когда діаволъ оставилъ Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (Мѳ. 4: 11). Такъ, если во время искушеній нѣсколько и отходятъ отъ насъ Ангелы Божіи, но не далеко, и скоро приступаютъ и служатъ намъ Божественными помышленіями, умиленіемъ, услажденіемъ, терпѣніемъ. Душа, потрудившись, стяжаваетъ и прочія совершенства» (Стр. 103).

»Кто хочетъ узнать путь совершенно и нейдетъ съ знающимъ сей путь совершенно, никогда не достигнетъ града совершеннаго безмолвія» (Стр. 105).

»Послушливый много къ созиданію души преуспѣваетъ, кромѣ того, что онъ пріобрѣтетъ чрезъ сіе понятіе о вещахъ, и приходитъ въ умиленіе» (Стр. 106).

»Кто занялся познаніемъ самого себя, тому некогда замѣчать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать другихъ» (Стр. 110).

»Отчего мы осуждаемъ братій своихъ? Оттого, что не стараемся познать самихъ себя» (Стр. 110).

»Когда мы отвращаемся отъ человѣка, или оскорбляемъ его, тогда на сердце наше прикладывается какъ бы камень» (Стр. 106).

»Осуждай дурное дѣло, а самого дѣлающаго не осуждай» (Стр. 110).

»Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видѣлъ кого согрѣшающимъ, или коснѣющимъ въ преступленіи заповѣдей Божіихъ» (Стр. 108).

»Когда злой духъ печали овладѣетъ душею, тогда, наполнивъ ее горестію и непріятностію, не даетъ ей совершать молитву съ должнымъ усердіемъ и заниматься чтеніемъ писаній съ надлежащимъ вниманіемъ, лишаетъ ее кротости и благодушія въ обращеніи съ братіями и рождаетъ отвращеніе отъ всякаго собесѣдованія. Ибо душа,

исполненная печали, отчаясь, какъ бы безумною и изступленною, не можетъ спокойно ни принимать благого совѣта, ни кротко отвѣчать на предлагаемые вопросы. Она убѣгаетъ людей, какъ виновниковъ ея смущенія, и не понимаетъ, что причина болѣзни внутри ея. Печаль есть червь сердца, грызущій рождающую его мать» (Стр. 114).

»Духъ смущеннаго или унывающаго человѣка надобно стараться ободрить словомъ любви» (Стр. 107).

»Брату грѣшащу, покрой его, какъ совѣтуетъ св. Исаакъ Сиринъ: простри ризу твою на согрѣшающемъ и покрой его» (Стр. 107).

»Кто побѣдилъ страсти, тотъ побѣдилъ и печаль. А побѣжденный страстями не избѣжитъ оковъ печали» (Стр. 114).

»Кто любитъ міръ, тому невозможно не печалиться. А презрѣвшій міръ всегда веселъ» (Стр. 114).

»Съ духомъ печали неразлучно дѣйствуетъ и скука. Она производитъ такое страшное безпокойство, что несносны становятся и мѣсто жительства, и живущіе съ нимъ братія, а при чтеніи розбуждается какое то отвращеніе, и частая зѣвота . . . Болѣзнь сія врачуется молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ; потому что и рождается она отъ малодушія и праздности и празднословія». (Стр. 115).

»Скучаютъ только тѣ, у кого дѣла не въ порядкѣ. Когда занятія твои придутъ въ настоящій порядокъ, тогда скука не найдетъ мѣста въ сердцѣ твоемъ» (Стр. 116).

»Иное — скука, а иное — томленіе духа, называемое унынiемъ. Бываетъ иногда человѣкъ въ такомъ состояніи духа, что, кажется ему, легче было бы ему уничтожиться или быть безъ всякаго чувства и сознанія, нежели оставаться въ этомъ безотчетно-мучительномъ состояніи. Надобно спѣшить выйти изъ него. Блюдись отъ духа унынія, ибо отъ него рождается всякое зло» (Стр. 116).

»Врачеваніе для всего этого, по святому Исааку, одно, при помощи котораго человѣкъ скоро находитъ утѣшеніе въ душѣ своей. И что же это за врачество? Смиренномудріе сердца» (Стр. 117).

»Отчаяніе, по ученію св. Іоанна Лѣствичника, рождается или отъ сознанія множества грѣховъ, отягченія сьѣсти и несносной печали, когда душа, множествомъ язвъ покрытая, отъ невыносимой ихъ боли погружается во глубину отчаянія, или отъ гордости и надменія, когда кто почитаетъ себя не заслуживающимъ того грѣха, въ который впалъ . . . Первое врачуется воздержаніемъ и благою надеждою, а второе смиреніемъ и неосужденіемъ ближняго. (Лѣств. ст. 26)». (Стр. 118).

»Душа высокая и твердая не отчаявается при несчастіяхъ, какихъ бы то ни было. Жизнь наша есть какъ бы домъ искушеній и пытокъ; но мы не отступимъ отъ Господа, доколѣ не повелитъ Онъ оставить насъ пытающимъ, и пока мы не будемъ оживлены терпѣніемъ и твердымъ безстрастіемъ» (Стр. 118).

»Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, а потому и путь жизни его долженъ состоять изъ дѣйствій тѣлесныхъ и душевныхъ — изъ дѣянія и умосозерцанія» (Стр. 122).

»Путь дѣятельной жизни составляютъ: постъ, воздержаніе, бдѣніе, колѣнопреклоненіе, молитва и прочіе тѣлесные подвиги, составляющіе тѣсный путь и прискорбный, который, по слову Божію, *вводитъ въ животъ вѣчный*» (Мо. 7: 14). (Тамъ же).

»Путь умосозерцательной жизни состоитъ въ возвышеніи ума ко Господу Богу, въ сердечномъ вниманіи, умной молитвѣ и созерцаніи черезъ таковыя упражненія вещей духовныхъ» (Тамъ же).

»Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать отъ дѣятельной жизни, а потомъ уже приходить и въ умосозерцательную: ибо безъ дѣятельной жизни въ умосозерцательную придти невозможно» (Тамъ же).

»Дѣятельная жизнь служитъ ко очищенію насъ отъ грѣховныхъ страстей, и возводитъ насъ на степень дѣятельнаго совершенства; а тѣмъ самымъ пролагаетъ намъ путь къ умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившіеся отъ страстей и совершенные къ оной жизни приступать могутъ, какъ сіе видѣть можно изъ словъ Священнаго Писанія:

блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ (Мо. 5: 8), и изъ словъ св. Григорія Богослова (въ словѣ на Св. Пасху): къ созерцанію могутъ безопасно приступать только совершеннѣйшіе по своей опытности» (Стр. 122—123).

»Такъ и Церковь, ублажая Святителя Николая, воспѣваетъ: молчаньми прежде и бореньми съ помыслы, дѣянію Богомысліе приложилъ еси, Богомысліемъ же разумъ совершенъ стяжалъ еси, имже дерзновенно съ Богомъ и Ангелы бесѣдовалъ еси . . . (Акаѳ. Св. Николаю, конд. 10»). (Стр. 123).

»Къ умозрительной жизни приступать должно со страхомъ и трепетомъ, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ, со многимъ испытаніемъ Святыхъ Писаній и, если можно найти, подъ руководствомъ какого-либо искуснаго старца, а не съ дерзостію и самочиніемъ: ибо дерзкій и самонадѣянный, по словамъ Григорія Синаита, стремясь къ тому, что выше его достоинства, гордостно усиливается достигнуть его прежде времени. И еще: Если кто-нибудь мечтаетъ, въ своемъ самомнѣніи, достигнуть высокаго, имѣя сатанинское желаніе, а не истину, — таковаго діаволъ легко уловляетъ своими сѣтями, какъ своего слугу» (Стр. 123).

»Если нельзя найти наставника, могущаго руководствовать къ умосозерцательной жизни, то въ такомъ случаѣ должно руководствоваться Священнымъ Писаніемъ, ибо Самъ Господь повелѣваетъ намъ учиться изъ Писанія, говоря: Испытайте Писанія, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный» (Іоан. 5: 39). (Тамъ же).

»Также должно тщательно прочитывать отеческія писанія, и стараться, сколько можно, но по силѣ, исполнять то, чему научаютъ оныя, и, такимъ образомъ, мало по малу отъ дѣятельной жизни восходить къ совершенству умосозерцательной» (Стр. 124).

»Не должно оставлять дѣятельную жизнь и тогда, когда бы въ ней человѣкъ имѣлъ преспѣяніе и пришелъ бы уже въ умосозерцательную; ибо она содѣйствуетъ умосозерцательной жизни и ее возвышаетъ» (Тамъ же).

»Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни,

не должно ослабѣвать и ослаблять онаго, потому что люди, прилѣпившіеся ко внѣшности и чувственности, поражаютъ насъ противностію своихъ мнѣній въ самое чувство сердечное, и всячески стараются отвлечь насъ отъ прохожденія внутренняго пути, поставляя намъ на ономъ различныя препятствія; ибо, по мнѣнію Учителей Церковныхъ (Блаж. Ѳеодорита толков. на Пѣснь Пѣсней, л. 84-й на обор.), умосозерцаніе вещей духовныхъ предпочитается познанію вещей чувственныхъ. А потому, никакими противностями въ прохожденіи сего пути колебаться не должно, утверждаясь въ семъ случаѣ на словѣ Божіемъ: *Страха же ихъ не убоимся, яко съ нами Богъ. Господа Бога нашего освятимъ* въ сердечной памяти Его Божественнаго Имени, и *Той будетъ намъ въ страхъ* (Ис. 8: 12, 13). Истинное познаніе добра и зла можно имѣть только тогда, когда подвижникъ благочестія придетъ въ сочувствіе будущаго осужденія и предвкушеніе вѣчнаго блаженства; что совершается въ душѣ благочестивой еще въ здѣшней земной жизни, таинственнымъ и духовнымъ образомъ» (Стр. 125).

О молитвѣ Іисусовой старецъ Серафимъ такъ училъ новоначальныхъ: »За рукодѣліемъ, или будучи гдѣ-либо на послушаніи, твори непрестанно молитву — Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Въ молитвѣ внемли себѣ, т. е. умъ собери и соединяй съ душею. Сначала день, два и множае твори молитву сію однимъ умомъ, раздѣльно, внимая каждому особо слову. Потомъ, когда Господь согрѣетъ сердце твое теплотою благодати Своея, и соединитъ въ тебѣ оную въ единъ духъ, тогда потечетъ въ тебѣ молитва оная безпрестанно, и всегда будетъ съ тобою, наслаждая и питая тебя. Сіе-то самое есть реченное Пророкомъ Исаіею: *роса бо яже отъ Тебе, исцѣленіе имъ есть* (26: 19). Когда же будешь содержать въ себѣ сію пищу душевную, т. е. бесѣду съ Самимъ Господомъ, то зачѣмъ ходить по келліямъ братій, хотя кѣмъ и будешь призываемъ? Истинно сказую тебѣ, что празднословіе сіе есть празднолюбіе. Аще себя не понимаешь, то можешь ли разсуждать о чемъ и другихъ учить? Молчи, безпрестанно

молчи, помни всегда присутствіе Божіе и имя Его. Ни съ кѣмъ не вступай въ разговоръ; но всячески блюдись осуждать много разговаривающихъ или смѣющихся» (Стр. 128).

»Сіе держи несумнѣнно до кончины жизни . . . И я съ молодыхъ лѣтъ держалъ такой путь . . . Аще тако будешь хранить себя, то не будешь унылъ, но здравъ и веселъ» (Стр. 129).

Имѣя великое богатство духовнаго опыта, преп. Серафимъ признавалъ себя ничего не знающимъ. Одному иноку благословлено было отъ настоятеля начать пустынническую жизнь, и настоятель самъ писалъ къ отцу Серафиму, чтобы принялъ того инока, и наставилъ бы его въ духовной жизни, какъ самъ себя. Когда инокъ пришелъ съ этимъ письмомъ къ о. Серафиму, онъ принялъ его весьма ласково, и не такъ далеко отъ своей келліи благословилъ ему построить другую. Когда же инокъ началъ требовать у него наставленія, старецъ отъ глубочайшаго смиренія сказалъ, что »я и самъ ничего не знаю», и напомнилъ ему слова Спасителя: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мато. 11: 29); потомъ прибавилъ: »по разуму св. Іоанна Лѣствичника не отъ Ангела, или человѣка, но отъ Самого Господа мы должны научаться».

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Писанія Молдавскихъ старцевъ — схимонаха Василія и схи-архимандрита Паисія (Величковскаго) объ умномъ дѣланіи и объ Іисусовой молитвѣ.

I. Приведенныя вами въ послѣдней бесѣдѣ многочисленныя свидѣтельства великихъ древнихъ Отцовъ Церкви и преп. Серафима Саровскаго всесторонне и подробно разъясняютъ ученіе Православной Церкви объ умномъ дѣланіи и объ Іисусовой молитвѣ. Они дополнили то, что было вами сказано въ первыхъ бесѣдахъ и дали полную и ясную картину дѣлательной, или трудовой молитвы. Мнѣ вполнѣ ясны теперь значеніе, смыслъ, важность и необходимость внутренняго молитвеннаго дѣланія для христіанина. Этимъ именно дѣланіемъ, имѣя непрестанную въ сердцѣ своемъ молитвенную память о Господѣ Іисусѣ Христѣ и постоянно прибѣгая къ Его помощи, христіанинъ охраняетъ чистоту своей внутренней духовной жизни отъ засоренія пустыми и грѣховными помыслами и отъ нечистаго движенія страстей. Онъ совершаетъ ту необходимую внутреннюю работу, безъ которой и его внѣшняя жизнь, его поведеніе не можетъ быть христіанскимъ, какъ учитъ объ этомъ св. Исихій, пресвитеръ Іерусалимскій: »Если внутри сердца не сотворитъ человѣкъ волю Божію и не сохранитъ заповѣдей Его, то онъ и внѣ — не сможетъ этого сдѣлать.« Послѣ всего выслушаннаго для меня по новому раскрывается задача жизни христіанской, и я ясно вижу тотъ основной недостатокъ, который дѣлаетъ столь малоплодною религіозную жизнь нашего христіанскаго общества — этотъ недостатокъ заключается въ слабости нашей внутренней борьбы за чистоту и упорядоченность

жизни нашего сердца, или иначе сказать, въ нашемъ равнодушіи къ его духовному состоянію. Отсюда, изъ этого именно пункта, должно начинаться наше религіозное возрожденіе, если мы, дѣйствительно, хотимъ его. Скажите, правильно ли я понялъ значеніе Іисусовой молитвы?

И. Мнѣ кажется, вы правы.

І. Возвращаясь къ содержанію нашихъ предыдущихъ бесѣдъ, я хочу обратить ваше вниманіе на то, что до сихъ поръ мы почти всецѣло занимаемся разсмотрѣніемъ и изученіемъ дѣлательной, или трудовой молитвы. Мы очень мало касаемся молитвы созерцательной, и ничего до сихъ поръ не говорили о тѣхъ опасностяхъ, которыя возникаютъ при неправильномъ прохожденіи Іисусовой молитвы. Поэтому я хочу снова просить васъ — разскажите подробнѣе, насколько это возможно, о томъ, что такое созерцательная молитва, и въ чемъ заключается ея отличіе отъ дѣлательной молитвы, а также и о томъ, что такое »прелесть», въ чемъ она состоитъ, отъ чего она происходитъ, и какъ предохранить себя отъ нея дѣлателю Іисусовой молитвы?

И. Я уже неоднократно вамъ говорилъ, что въ дѣланіи Іисусовой молитвы крайне необходима строгая постепенность и послѣдовательность. Преуспѣяніе въ молитвѣ совершается органическимъ путемъ, незамѣтно, какъ растетъ человѣческій организмъ, какъ развивается растеніе. Всему свое время. Нельзя забѣгать впередъ. При томъ же переходъ отъ дѣлательной молитвы къ созерцательной зависитъ не отъ человѣческихъ усилій, а отъ воли Божіей. Хотя и въ дѣлательной молитвѣ успѣхъ зависитъ отъ благодати Божіей, но все же здѣсь имѣютъ большое значеніе и усилія самого человѣка. Въ дальнѣйшемъ же молитвенномъ преуспѣяніи самъ Богъ ведетъ человѣка какъ бы за руку, и наше самовольное исканіе высшей молитвы, будучи преждевременнымъ и грѣховнымъ, заключаетъ въ себѣ большую опасность для нашей духовной жизни. Кромѣ того, въ молитвѣ, какъ и во всякомъ другомъ органическомъ процессѣ, не существуетъ рѣзкихъ, опредѣленныхъ границъ между отдѣльными моментами роста. Мы отличаемъ отро-

ка отъ юноши, но указать моментъ, когда отрокъ становится юношей, мы не можемъ. Тоже самое и въ молитвѣ. Мы знаемъ молитву устную, молитву умную, молитву умно-сердечную, молитву самодвижную, молитву зрительную или созерцательную, молитву чистую, молитву духовную, молитву, выходящую за предѣлы сознанія, но мы не можемъ точно разграничить ихъ между собою. Переходъ одной въ другую происходитъ незамѣтно, органически. Вы помните слова преп. Исаака Сирина о томъ, въ какомъ широкомъ смыслѣ святые Отцы употребляютъ самое наименованіе молитвы. Вотъ почему во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ я имѣю въ виду прежде всего то, чтобы утвердить васъ въ той мысли, что необходимо какъ можно крѣпче утверждаться въ дѣлательной молитвѣ, преуспѣвать въ подвигѣ вниманія, покаянія, сокрушенія, благоговѣнія, преодолѣнія помысловъ. Если ваша дѣлательная молитва будетъ идти правильно, проникнется, наконецъ, горячею вѣрою, молитвенною теплотою, искреннимъ сокрушеніемъ, покаянными слезами, собранностью вниманія, вамъ самъ собою, по милости Божіей, откроется путь къ созерцательной молитвѣ, и вы опытомъ познаете, въ чемъ она заключается. Правильное же и терпѣливое прохожденіе дѣлательной молитвы, сопровождающееся указанными состояніями духа, само по себѣ дастъ вамъ такую радость и такое удовлетвореніе, что вы ничего большаго не захотите и не посмѣете просить у Бога, и только будете благодарить Его за то, что вы уже имѣете отъ Него.

I. Я всѣмъ сердцемъ понялъ и усвоилъ это ваше наставленіе, дорогой батюшка, и всегда буду помнить и держаться его; и я отнюдь не порываюсь преждевременно и самовольно взойти на высшія ступени молитвеннаго подвига, но я помню слова святыхъ Отцовъ и подвижниковъ, а также и ваши собственныя слова о томъ, что если мы не имѣемъ понятія о высшихъ молитвенныхъ состояніяхъ, то мы не понимаемъ и своего собственнаго состоянія и легко можемъ вообразить, будто мы уже достигли возможнаго предѣла молитвы, и такимъ образомъ, впасть въ самодовольство и

гордость. Чтобы избѣжать этого, я и хотѣлъ бы знать, чего еще недостаетъ труженику дѣлательной молитвы, и какова та высшая, созерцательная молитва, которой достигаютъ преуспѣвшіе. Не изъ гордостнаго побужденія взойти въ недосягаемую область я ищу этого, а только для того, чтобы яснѣе понимать свое собственное настоящее молитвенное состояніе.

И. Этотъ именно отвѣтъ я и разсчитывалъ услышать отъ васъ. Если такъ, то я готовъ бесѣдовать съ вами о поставленныхъ вами вопросахъ. Но вмѣсто того, чтобы говорить съ вами объ этомъ своими словами, я предлагаю вамъ прослушать то, что написали о молитвѣ молдавскіе старцы — схимонахъ Василій, старецъ и начальникъ Поляномерульскаго скита, и схи-архимандритъ Паисій (Величковскій), настоятель Нямецкаго монастыря. Эти старцы жили въ 18-мъ вѣкѣ. Оба они вышли изъ Россіи. Старецъ Василій былъ наставникомъ и другомъ старца Паисія. Онъ постригъ его и въ монашество. Оба они дѣятельно, собственнымъ опытомъ, проходили святоотеческое ученіе объ умномъ дѣланіи и объ Іисусовой молитвѣ, и пишутъ объ этомъ предметѣ не только на основаніи того, чему научились изъ книгъ, но и на основаніи своего личнаго опыта. Поэтому всѣ ихъ слова отличаются ясностью, точностью, опредѣленностью. Объ этихъ старцахъ, особенно о Паисіи Величковскомъ, вы, навѣрно, уже слышали. Послѣдній изъ нихъ, собравшій вокругъ себя до тысячи братій въ Нямецкомъ монастырѣ, воспитавшій многочисленную школу своихъ учениковъ, и обновившій своими переводами святоотеческую аскетическую литературу, имѣлъ въ 18-мъ и 19-мъ вѣкѣ большое вліяніе на православное монашество, особенно въ Россіи, которое не потеряло своего значенія и въ настоящее время, о чемъ распространяться подробно я сейчасъ не буду.

Старецъ Василій написалъ предисловія къ книгамъ объ умномъ дѣланіи св. Григорія Синаита, св. Филоѳея Синайскаго, св. Исихія Іерусалимскаго и святого Нила Сорскаго. Въ этихъ предисловіяхъ онъ указываетъ недостаточность

одного внѣшняго молитвословія, пѣнія тропарей и каноновъ и псалмопѣнія, и необходимость внутренняго молитвеннаго дѣланія и борьбы съ помыслами и страстями постояннымъ призываніемъ имени Господа Іисуса Христа. Таковое внутреннее дѣланіе не нужно считать принадлежностью только тѣхъ, кто достигъ уже высокой степени духовнаго совершенства и очистился отъ страстей; оно необходимо и новоначальнымъ, которымъ оно помогаетъ познавать свое внутреннее устроеніе и свои недостатки, и преодолѣвать помыслы и страсти. При этомъ старецъ Василій опровергаетъ различныя возраженія, которыя дѣлаются противъ умнаго дѣланія, и доказываетъ, что именно оно и помогаетъ подвижнику различать дѣйствіе прелести и избѣгать ея. Касается онъ и созерцательной молитвы, описывая нѣкоторыя ея состоянія.

Во всѣхъ четырехъ предисловіяхъ онъ говоритъ объ одномъ и томъ же, но съ разныхъ сторонъ освѣщаетъ обсуждаемый предметъ, такъ что всѣ предисловія дополняютъ одно другое. Изъ сочиненій старца Паисія я привожу только »Главы объ умной молитвѣ», написанныя противъ хулителей умнаго дѣланія. Знакомясь съ ихъ писаніями, вы найдете въ нихъ отвѣты и на интересующіе васъ вопросы, а если что-нибудь покажется вамъ неяснымъ, или возникнутъ у васъ новые вопросы, мы попытаемся все это разсмотрѣть и разъяснить въ нашей послѣдующей бесѣдѣ. Я надѣюсь, что предлагаемый мною планъ окажется для васъ полезнымъ и интереснымъ, и потому прошу васъ прослушать сначала переведенныя Валаамской обителью съ славянскаго на современный русскій языкъ предисловія старца Василія, начиная съ предисловія на книгу св. Григорія Синаита.

Предисловіе или предпутіе желающимъ читать иже во святыхъ отца нашего Григорія Санаита и не погрѣшать противъ ея смысла.

Многіе, читая эту святую книгу святаго Григорія Синаита, и не зная опытно умнаго дѣланяі, погрѣшаютъ про-

тивъ здраваго разума, думая, что умное дѣланіе принадлежитъ однимъ безстрастнымъ и святымъ мужамъ.

По этой причинѣ, держась, по внѣшнему обычаю, одного псалмопѣнія, тропарей и каноновъ, пренебрегаютъ въ этомъ одномъ внѣшнемъ моленіи. Они не понимаютъ того, что такое пѣсненное моленіе предано намъ Отцами на время, по немощи и младенчеству ума нашего, чтобы мы, обучаясь мало по малу, восходили на степень умнаго дѣланія, а не до кончины нашей пребывали въ пѣсненномъ моленіи. Ибо что младенчественнѣе того (Григ. Син. гл. 19), когда мы, прочитавъ устами внѣшнее наше моленіе, увлекаемся радостнымъ мнѣніемъ, думая о себѣ, что творимъ нѣчто великое, потѣшая себя однимъ количествомъ и этимъ питая внутренняго фарисея.

Отводя насъ отъ такой, подлинно, младенческой немощи, какъ младенцевъ отъ сосцевъ млекопитательныхъ, святые Отцы показываютъ намъ грубость этого дѣланія, сравнивая гласовое языкомъ пѣніе съ пѣніемъ язычниковъ. Ибо надлежитъ, говоритъ св. Макарій Египетскій (Гл. 6) по образу жизни нашей, Ангельскому быть и пѣнію нашему, а не плотскому, да не скажу языческому. Если же и дозволено намъ пѣть голосомъ, то ради лѣности и невѣдѣнія нашего — съ тѣмъ, чтобы мы возводились къ истинному моленію. Какой же бываетъ плодъ такого внѣшняго моленія, показалъ святый Симеонъ Новый Богословъ, во второмъ образѣ вниманія, говоря: »Второй же образъ вниманія и молитвы таковъ: когда кто собираетъ умъ свой въ себѣ, отвлекая его отъ всего чувственнаго, и хранитъ чувства свои, и собираетъ всѣ помыслы свои, чтобъ не скитались въ суетныхъ вещахъ міра сего, — и то изслѣдуетъ помыслы свои, то внимаетъ словамъ произносимой имъ молитвы, въ иной часъ собираетъ въ себѣ всѣ помыслы свои, плѣненные діаволомъ и превращенные въ лукавые и суетные; въ иной же часъ снова со многимъ трудомъ и усиліемъ приходитъ въ самаго себя, бывъ охваченъ и побѣжденъ какою либо страстію.

И имѣя этотъ подвигъ и брань внутри себя, не можетъ

онъ никогда быть мирнымь, или найти время заняться дѣланіемъ добродѣтелей, и получить вѣнецъ правды. Ибо таковой подобенъ ведущему брань съ врагами своими ночью въ темнотѣ. Онъ слышитъ голоса враговъ и принимаетъ раны отъ нихъ, но не можетъ ясно видѣть, кто они такіе, откуда пришли, какъ и почему одолѣваютъ его. Потому что тьма, которая находится въ умѣ его и буря, которую онъ имѣетъ въ помыслахъ, приносятъ ему сію тщету. И онъ никакъ не можетъ освободиться отъ своихъ мысленныхъ враговъ, чтобы не сокрушали его. Онь и трудъ подъемлетъ, награды же лишается, ибо окрадывается тщеславіемъ, не сознавая того; думаетъ о себѣ, что онъ внимателенъ; многократно отъ гордости презираетъ другихъ, и осуждаетъ ихъ, и считаетъ себя достойнымъ, по своему мечтанію, быть пастыремъ овецъ и путеводительствовать ихъ, уподобляясь слѣпцу, покушающемуся водить другихъ слѣпцевъ.» До сюда св. Симеонъ.

Какъ же можно внѣшними чувствами хранить умъ, или собирать его отъ тѣхъ, кои по естеству сами собою растекаются и парятъ по чувственнымъ вещамъ: зрѣніе, разсматривая прекрасное или безобразное; слухъ, слушая пріятное или противное; обоняніе, обоняя благовонное или смрадное; вкусъ, вкушая сладкое или горькое; осязаніе, касаясь добраго или злаго, и таковыми, подобно листьямъ отъ вѣтра, сотрясаясь и колеблясь; уму же, единому, всѣмъ этимъ смущающемуся и размышляющему объ ихъ дѣйствіяхъ, можно ли когда либо быть свободнымъ отъ помысловъ правыхъ и лѣвыхъ? Никакъ и никогда.

Если же внѣшнія чувства не могутъ оградить умъ отъ помысловъ, то, конечно, возникаетъ нужда бѣжать уму отъ чувствъ въ часъ молитвы внутрь къ сердцу, и стоять тамъ глухимъ и нѣмымъ отъ всѣхъ помысловъ. Ибо если кто внѣшнимъ только образомъ удалится зрѣнія, слуха и глаголанія, получаетъ нѣкоторую тишину отъ страстей и помысловъ злыхъ; но въ значительно большей степени онъ насладится покоемъ отъ злыхъ помысловъ, когда удалитъ умъ свой отъ пяти внѣшнихъ чувствъ, заключая его во внут-

ренней и естественной клѣти или пустынѣ, и вкусить духовной радости, приходящей отъ умной молитвы и сердечнаго вниманія.

Какъ обоюду острый мечъ, куда бываетъ обращаемъ, сѣчетъ своей остротой встрѣтившееся, такъ и молитва Іисусъ- Христова, обращаемая иногда на злые помыслы и страсти, иногда же за грѣхи, или памятію смерти, суда и мукъ вѣчныхъ, дѣйствуется. Если же кто (Исаакъ Сиринъ и Нилъ Сорскій), помимо умной молитвы, пѣсненнымъ моленіемъ и внѣшними чувствами съ прекословіемъ, захочетъ отразить прилогъ вражій, и противостать какой либо страсти и лукавому помыслу, тоть скоро одолѣнъ бываетъ много разъ: ибо бѣсы, одолѣвая его сопротивляющагося, и снова добровольно ему покоряясь, какъ бы побѣждаемые его сопротивленіемъ, издѣваются надъ нимъ, и склоняютъ его мысли къ тщеславію и гордости, называя его учителемъ и пастыремъ овецъ.

И зная это, святой Исихій говоритъ: »Не можетъ умъ нашъ побѣдить мечтаніе бѣсовское самъ собою только, и да не надѣется когда либо на это: ибо бѣсы, будучи коварными, лицемѣрно покоряются и притворяются побѣжденными, запиная тебя тщеславіемъ съ другой стороны. И не терпятъ, чтобы ты хотя бы даже на одинъ часъ умудрился призываніемъ Іисуса Христа». И снова: »берегись, да не вознесешься по примѣру древняго Израиля, и преданъ будешь и ты мысленнымъ врагамъ. Тотъ, будучи избавленъ Богомъ всяческихъ отъ египтянъ, задумалъ сдѣлать себѣ помощникомъ идола перстнаго. Подъ идоломъ же перстнымъ разумѣй нашъ немощный умъ, который, пока молитъ Іисуса Христа противъ лукавыхъ духовъ, легко ихъ отгоняетъ, и художнымъ искусствомъ побѣждаетъ невидимыя ратныя силы врага. Когда же безсмысленно станетъ всячески надѣяться на себя, тогда подобно такъ называемому быстрокрылому, разбивается и падаетъ дивнымъ паденіемъ». До селѣ св. Исихій.*)

*) Для уясненія вышеизложеннаго мѣста у схимонаха Василія, начиная отъ словъ: »Какъ же можно внѣшними чувствами хранить

Изъ сказаннаго достаточно познается сила и мѣра умнаго дѣланія, то есть молитвы и пѣнія. Не думай же того, благочестивый читатель, что святые Отцы, отводя насъ отъ многаго внѣшняго пѣнія и повелѣвая обучаться умному дѣланію, наносятъ ущербъ псалмамъ и канонамъ. Да не будетъ: ибо отъ Духа Святаго предано все это Святой Церкви, въ которой всѣ священно-дѣйствія возглавляются хиротоніею, и все таинство домостроительства Бога Слова, даже до втораго Его пришествія, вмѣстѣ же и нашего воскресенія, въ себѣ заключаютъ. И нѣтъ ничего человѣческаго въ чинѣ церковномъ, но все — дѣло благодати Божіей, не возрастающее отъ нашихъ достоинствъ, не умаляющееся отъ нашихъ грѣховъ. Но у насъ рѣчь идетъ не о чинахъ Святой Церкви, но объ особномъ правилѣ и образѣ жизни каждаго изъ монаховъ, то есть объ умной молитвѣ, которая стараніемъ и сердечною правотою обычно привлекаетъ благодать Святаго Духа, а не одними словами псаломскими, помимо умнаго вниманія, устами только и языкомъ поемыми. Какъ

умъ . . .» — приводимъ сокращенный переводъ этого мѣста Епископомъ Ѳеофаномъ Затворникомъ:

»Какъ можно однимъ огражденіемъ внѣшнихъ чувствъ хранить умъ нерасхищеннымъ, когда помыслы его сами собою растекаются и парятъ на вещи чувственныя? Если не можно, то нужда настоитъ уму, въ часъ молитвы, бѣжать внутрь сердца и стоять тамъ глухимъ и нѣмымъ для всѣхъ помысловъ. Кто внѣшне только удаляется отъ зрѣнія, слышанія и глаголанія, тотъ мало получаетъ пользы. Затвори умъ свой во внутренней клѣти сердца, — и тогда насладишься покоемъ отъ злыхъ помысловъ и вкусишь радости духовной, приносимой умною молитвою и вниманіемъ сердечнымъ». Св. Исихій говоритъ: »не можетъ умъ нашъ побѣдить мечтаніе бѣсовское самъ собою токмо, да и не надѣется когда либо сего. Посему блюдись, да не вознесешься по примѣру древняго Израиля, — и преданъ будешь и ты мысленнымъ врагамъ. Тотъ, будучи избавленъ Богомъ всяческихъ отъ египтянъ, помощникомъ себѣ вздумалъ возъимѣть идола перстнаго. Подъ идоломъ перстнымъ разумѣй немощный нашъ разумъ, который, пока молитъ Іисуса Христа противъ лукавыхъ духовъ, удобно ихъ отгоняетъ, а когда на себя безсмысленно понадѣется, падаетъ паденіемъ дивнымъ и разбивается».

Епископъ Ѳеофанъ: »Письма о духовной жизни». 1882 г. Стр. 184—188.

сказалъ Апостолъ: »хочу пять словъ сказать умомъ моимъ, чѣмъ тьму языкомъ». Ибо слѣдуетъ сначала этими пятичисленными словами очищать умъ и сердце, говоря непрестанно въ глубинѣ сердечной: »Господи Іисусе Христе, помилуй мя», и такимъ образомъ восходить на разумное пѣніе. Потому что всякій новоначальный и страстный, можетъ сію молитву разумно, въ блюденіи сердца, дѣйствовать, пѣнія же никакъ, прежде чѣмъ не предочистится умною молитвою. Поэтому святой Григорій Синаитъ, всѣхъ святыхъ житія и писанія и искусство духовное болѣе всѣхъ, живущимъ въ немъ Святымъ Духомъ до тонкости испытавъ и разсудивъ, установляетъ все стараніе имѣть о молитвѣ. Также и святый Симеонъ Солунскій архіепископъ, имѣя тотъ же Духъ и даръ, заповѣдуетъ и совѣтуетъ архіереямъ, священникамъ, монахамъ и всѣмъ мірскимъ во всякое время и часъ произносить и дышать сію священную молитву: ибо нѣтъ, говоритъ онъ съ Апостоломъ, крѣпчайшаго оружія ни на небѣ, ни на землѣ, больше имени Іисуса Христа.

Да будетъ же извѣстно тебѣ, добрый ревнитель священнаго сего умнаго дѣланія, и то, что не только въ пустынѣ, или въ уединенномъ отшельничествѣ, но наиболѣе въ самыхъ тѣхъ великихъ лаврахъ, находившихся среди городовъ, были учители и многочисленные дѣлатели сего умнаго священнодѣйствія. И достойно удивленія, какъ святѣйшій патріархъ Фотій, будучи взятъ на патріаршество отъ сенаторскаго званія, не монахъ, обучился на такомъ высокомъ посту этому умному дѣланію, и настолько преуспѣлъ, что лице его сіяло, подобно второму Моисею, отъ пребывавшей въ немъ благодати Святаго Духа, говоритъ св. Симеонъ Солунскій. И свидѣтельствуетъ о немъ, что онъ и книгу написалъ всепремудрымъ философскимъ искусствомъ объ этомъ умномъ дѣланіи. Говоритъ также, что и Іоаннъ Златоустъ, Игнатій же и Каллистъ, святѣйшіе патріархи того же Царяграда, написали свои книги о томъ же внутреннемъ дѣланіи. И что еще тебѣ не достаетъ, христолюбивый читатель, чтобы, отложивъ всякое сомнѣніе, приступить къ обученію умнаго вниманія? Если скажешь:

не имѣю житія уединеннаго, — примѣръ тебѣ — св. Патріархъ Каллистъ, который обучился умному дѣланію въ великой Лаврѣ Афонской, проходя поварскую службу. Если сомнѣваешься, что не находишься въ глубокой пустынѣ, второй тебѣ примѣръ — св. Патріархъ Фотій, обучившійся искусству сердечнаго вниманія уже въ патріаршемъ санѣ. Если подъ предлогомъ послушанія лѣнишься приступить къ умному трезвенію, — за это посмѣянію подлежишь: такъ какъ ни пустыня, ни уединенное житіе не приносятъ въ такой мѣрѣ преуспѣяніе въ этомъ дѣланіи, какъ послушаніе въ разумѣ, говоритъ св. Григорій Синаитъ. Или еще съ правой стороны окрадываешься, будто не имѣешь учителя таковому дѣланію: повелѣваетъ тебѣ Самъ Господь учиться отъ Писанія, говоря: »испытайте Писанія, и въ нихъ обрящете животъ вѣчный». Или отъ лѣвой стороны увлекаешься, смущаясь, не находя мѣста безмолвнаго; и въ этомъ тебя опровергаетъ Петръ Дамаскинъ, говоря: »Въ томъ состоитъ начало спасенія человѣку, да оставитъ свои хотѣнія и разумѣнія, исполнитъ же Божія хотѣнія и разумѣнія; и тогда не найдется во всемъ мірѣ вещи или начинанія или мѣста, которое могло бы воспрепятствовать ему». Наконецъ, если еще изобрѣтая благословнѣйшую причину, претыкаешься неоднократными словами св. Григорія Синаита, много говорящаго о прелести, случающейся въ семъ дѣланіи, то исправляетъ тебя самъ этотъ Святой, говоря: Мы не должны бояться или сомнѣваться, Бога призывая. Если же нѣкоторые и совратились, будучи повреждены умомъ, то знай, что они потерпѣли это отъ самочинія и высокоумія». Кто же въ послушаніи, съ вопрошеніемъ и смиренномудріемъ ищетъ Бога, никогда не потерпитъ вреда благодатію Христа. Ибо кто право живетъ и неукоризненно жительствуетъ и удаляется отъ самоугодія и высокоумія, тому весь бѣсовскій полкъ, хотя бы и безчисленныя противъ него поднялъ искушенія, не можетъ повредить, какъ говорятъ отцы. Которые же самонадѣянно и самовольно ходятъ, эти въ прелесть впадаютъ. Если же нѣкоторые, претыкаясь о

камень Священнаго Писанія, принимаютъ указанія намъ пути прелести поводомъ къ возбраненію умнаго дѣланія, то таковые пусть знаютъ, что они превращаютъ »горняя долу и дольняя горѣ.» Не на возбраненіе умнаго дѣланія, но предостерегая насъ отъ прелести, указываютъ намъ св. Отцы причины, по которымъ прелесть приходитъ.

Подобнымъ образомъ и сей св. Григорій Синаитъ, повелѣвая не бояться и не сомнѣваться обучающемуся въ молитвѣ, приводитъ двѣ причины прелести: самочиніе и высокоуміе. И св. Отцы, желая сохранить насъ невредимыми отъ нихъ, повелѣваютъ изслѣдовать Св. Писаніе, научаясь отъ него, имѣя братъ брата добрымъ совѣтникомъ, какъ говоритъ Петръ Дамаскинъ. Если нельзя найти искуснаго словомъ и дѣломъ старца, по примѣру св. Отецъ знающаго хорошо отеческое писаніе, то пребывая наединѣ, въ безмолвіи, всѣми силами должно стараться имѣть духовное наставленіе отъ ученій и наставленій св. Отецъ, вопрошая о всякой вещи и добродѣтели. Такую мѣру и порядокъ слѣдуетъ сохранять и намъ, читая писанія, а не уклоняться отъ ихъ ученія и наставленія, подобно тому, какъ нѣкоторые, не зная опыта умнаго дѣланія, и считая себя имѣющими даръ разсужденія, тремя причинами или доводами уклоняются, лучше бы сказать, отводятъ себя отъ обученія сему священному дѣланію. Во первыхъ, они считаютъ, что это дѣланіе подобаетъ лишь однимъ святымъ и безстрастнымъ мужамъ, а не и страстнымъ. Во вторыхъ, указываютъ совершенное оскудѣніе наставниковъ и учителей таковому жительству и пути. Въ третьихъ — послѣдующую таковому дѣланію прелесть.

Первая изъ этихъ причинъ или доводовъ никуда негодна и несправедлива, потому что первая степень для новоначальныхъ монаховъ состоитъ въ томъ, чтобы умалять страсти умнымъ трезвеніемъ и сердечнымъ блюденіемъ, т. е. умною молитвою, подобающею дѣятельнымъ. Вторая — безразсудна и неосновательна, потому что за отсутствіемъ наставника и учителя Писаніе намъ учитель, какъ сказано выше. Третья же самопрельстительна: ибо читая

Писаніе о прелести, этимъ же Писаніемъ сами себя запинаютъ, криво разсуждая о немъ. Вмѣсто того, чтобъ принимать Писаніе какъ предостереженіе къ познанію прелести, они придумываютъ и находятъ причину уклоняться отъ умнаго дѣланія. Подобно тому, какъ полководецъ, получивъ извѣстіе, что непріятели устроили засаду на пути, намѣреваясь хитростью и тайнымъ нападеніемъ одолѣть его, не имѣя силы открыто съ нимъ бороться, онъ же, будучи неразсудительнымъ, вмѣсто того, чтобы перехитрить врага и одержать побѣду нечаяннымъ нападеніемъ на его тайную засаду, страшится страха, »идѣже не бѣ страхъ», и обращается въ бѣгство, покрывая себя вѣчнымъ позоромъ предъ царемъ и его вельможами.

Если же ты страшишься этого дѣланія и обученія отъ одного благоговѣнія и простоты сердца твоего, то и я еще больше вмѣстѣ съ тобою устрашаюсь, но не на основаніи пустыхъ басенъ, по которымъ волка бояться, въ лѣсъ не ходить. И Бога должно бояться, но не убѣгать и не отрекаться отъ Него по причинѣ этого страха. Воистину, страха и трепета, сокрушенія и смиренія, и многаго испытанія Св. Писаній, и совѣта единодушныхъ братій — требуетъ это дѣланіе, но не бѣгства и отказа, и тѣмъ болѣе не дерзости и самочинія. Ибо дерзкій, сказано, и самонадѣянный, порываясь къ тому, что выше его достоинства и устроенія, въ гордости стремится достигнуть преждевременно зрительной молитвы. И еще: если кто мечтаетъ мнѣніемъ достигнуть высокаго, будучи охваченъ сатанинскимъ, а не истиннымъ желаніемъ, таковаго сатана удобно опутываетъ своими сѣтями, какъ раба своего. И что намъ стремиться къ высокому преуспѣянію въ умной и священной молитвѣ, которой, по слову св. Исаака, едва сподобляется одинъ изъ тьмы?!

Довольно, довольно для насъ, страстныхъ и немощныхъ, хотя слѣдъ умнаго безмолвія познать, то есть дѣлательную умную молитву, при помощи которой прилоги вражіи и злые помыслы прогонимы бываютъ отъ сердца и которая есть подлинное дѣло новоначальныхъ и страст-

ныхъ монаховъ, каковымъ они востекаютъ, аще Богъ восхощетъ, въ зрительную и духовную молитву.

И не слѣдуетъ намъ унывать о томъ, что немногіе сподобляются зрительной молитвы: ибо нѣтъ неправды у Бога. Только да не лѣнимся идти путемъ, ведущимъ къ этой священной молитвѣ, т. е. дѣлательною молитвою сопротивляться прилогамъ, страстямъ и злымъ помысламъ. И такимъ образомъ скончавшимся намъ на пути святыхъ, удостоимся и жребія ихъ, хотя бы здѣсь и не достигли совершенства, говоритъ св. Исаакъ и многіе святые.

И еще опять удивленія и ужаса достойно и то, какъ нѣкоторые, знающіе Писаніе, не испытуютъ его, другіе же, и не зная и не вопрошая, дерзаютъ своимъ разумомъ на сіе умное вниманіе, и при томъ еще и говорятъ, будто вниманіемъ стоять и молитву творить должно въ желательной части; »то бо, глаголютъ, есть среда чрева и сердца». Это есть первая и самоизвольная прелесть. Не только молитвы и вниманія не слѣдуетъ въ этой части дѣйствовать, но и самую ту теплоту, которая приходитъ отъ похотной части на сердце въ часъ молитвы, ни въ какомъ случаѣ не принимать. Средою же чрева, по святому Ѳеофилакту, называется самое то сердце, и она не при пупѣ, ни посреди груди, но подъ лѣвымъ сосцемъ имѣетъ свое мѣсто. Ибо такъ распредѣляются три силы души: словесная въ недрахъ; яростная или ревностная въ сердцѣ; желательная же въ чреслахъ при пупѣ, куда и діаволъ имѣетъ удобный входъ, по Іову: возмущая и разжигая ее, какъ піявка и жабы въ болотномъ озерѣ, и имѣя пищей и наслажденіемъ похотную сладость. Поэтому говоритъ Григорій Синаитъ: »немалый трудъ постигнуть истину явственно и быть чисту отъ того, что противно благодати, ибо подъ видомъ истины діаволъ обычай имѣетъ, особенно въ новоначальныхъ, показывать свою прелесть, преображая лукавое свое какъ бы въ духовное: одно вмѣсто другого изображая внутри естественныхъ чреслъ, мечтательно преобразуя, какъ хочетъ, и вмѣсто теплоты народитъ свое жженіе, вмѣсто веселія приноситъ радость безсмысленную и сладость мокротную».

Полезно же, думается, и о томъ знать дѣлателю, что жженіе или теплота исходитъ отъ чреслъ къ сердцу иногда сама по себѣ, естественно, помимо помысловъ блудныхъ. И это не отъ прелести, а отъ естества, говоритъ съ. Каллистъ Патріархъ. Если же кто принимаетъ и это за проявленіе благодати, а не естества, то это, несомнѣнно, есть прелесть. Каково же все это есть, подвизающемуся не слѣдуетъ обращать вниманія, но отвергать. Иногда же діаволъ, смѣшавши свое жженіе съ похотію нашею, вовлекаетъ умъ въ блудные помыслы. И это есть несомнѣнная прелесть. Если же все тѣло растепливается, и умъ остается чистымъ и безстрастнымъ и какъ бы прилѣпленый покрывается во глубинѣ сердца, начиная и кончая молитву въ сердцѣ: это есть несомнѣнно отъ благодати, а не отъ прелести. Бываетъ же нѣкоторымъ подвижникамъ немалымъ препятствіемъ къ этому священному дѣланію и тѣлесная немощь: не будучи въ силахъ выдержать въ должной мѣрѣ и вѣсѣ сверхъ естественныхъ трудовъ и постовъ, каковые имѣли святые, они полагаютъ, что невозможно имъ помимо этого начать подвигъ умнаго дѣланія. И таковую ихъ ошибку приводя въ должную мѣру, Василій Великій такъ учитъ: воздержаніе, говоритъ онъ, каждому по его тѣлесной силѣ опредѣляется. И потому я думаю, прекрасно наблюдать за тѣмъ, чтобы, разрушивши безмѣрнымъ воздержаніемъ тѣлесную силу, не сдѣлать тѣло слабымъ и неспособнымъ къ добрымъ дѣламъ. Ибо слѣдуетъ имѣть тѣло дѣятельнымъ, не разслабленнымъ никакою безмѣрностью. Если бы хорошо было человѣку быть разслабленнымъ тѣломъ и лежать какъ бы мертвымъ, едва дышущимъ, то таковыми, конечно, съ самаго начала насъ и сотворилъ бы Богъ. Если же Онъ не сотворилъ насъ такими, то погрѣшаютъ тѣ, кто добрѣ сотворенное, не хранятъ такимъ, какъ оно есть. И потому, объ одномъ подвижникъ благочестія пусть заботится: не злоба ли, по причинѣ лѣности, нашла себѣ мѣсто въ душѣ; не ослабло ли, въ чемъ либо трезвеніе и прилежное восхожденіе мысли къ Богу, не омрачилось ли какъ либо освященіе духовное и происходящее отъ него просвѣщеніе души?

Ибо, если сказанное доброе возрастаетъ, то и тѣлесныя страсти не будутъ имѣть времени возставать, когда душа упражняется въ горнемъ и не оставляетъ тѣлу времени обуреваться страстьми. При такомъ устроеніи души принимающій пищу ничѣмъ не различается отъ не вкушающаго: и не только постъ, но и всегдашнее неяденіе таковой выполнилъ, и имѣетъ похвалу за особенное попеченіе о тѣлѣ, ибо умѣренное житіе не распаляетъ похоти. И св. Исаакъ, согласно съ этимъ, сказалъ: если понудишь немощное тѣло свыше силы его, то причиняешь душѣ смущеніе на смущеніе. И св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: видѣлъ я враждебницу сію (утробу) упокоеваемую, и подающую уму бодрость. И еще: видѣлъ ее изнуряемую постомъ, и производящую истеченіе, дабы мы надѣялись не на себя, но на Бога живаго. Съ этимъ согласуется и исторія, о которой преподобный Никонъ вспоминаетъ, что въ наши уже времена былъ найденъ въ пустынѣ одинъ старецъ, не видѣвшій человѣка тридцать лѣтъ, не ѣвшій хлѣба, кромѣ кореньевъ, и исповѣдавшій, что за все это время былъ обуреваемъ блуднымъ бѣсомъ. И разсудили отцы, что ни гордость, ни пища были причиной такой брани, а то обстоятельство, что не наученъ былъ старецъ умному трезвенію и противоборству вражескимъ искушеніямъ. По этому поводу сказалъ св. Максимъ: дай тѣлу твоему по силѣ его, и весь подвигъ твой обрати на умное дѣланіе. И еще св. Діадохъ говоритъ: постъ имѣетъ похвалу по себѣ, а не по Богу: ибо онъ есть орудіе благоустрояющее къ цѣломудрію желающихъ. Посему подвижникамъ благочестія не подобаетъ высокоумствовать онемъ, но въ вѣрѣ Божіей ожидать конца нашей мысли. Ибо и мастера какого либо искусства не отъ орудія хвалятся добрымъ окончаніемъ дѣла, но ожидаютъ исполненія, и оно уже обнаруживаетъ достоинство искусства.

Имѣя таковое установленіе о принятіи пищи, не все усердіе и надежду возлагай на одинъ постъ, но въ мѣру и по силѣ своей постясь, стремись къ умному дѣланію. И если имѣешь въ себѣ достаточно силы питаться хлѣбомъ и водой, добро есть. Ибо не укрѣпляютъ, сказано, прочія снѣди тѣла

такъ, какъ хлѣбъ и вода. Однако не думай, что совершаешь добродѣтель, тако постяся, но ожидая отъ поста пріобрѣтенія цѣломудрія. И такой постъ будетъ разумнымъ, сказалъ св. Дорооей. Если же ты немощенъ, повелѣваетъ тебѣ св. Григорій Синаитъ, если хочешь имѣть спасеніе, ѣсть литръ хлѣба и воды, или вина пить въ день три или четыре чаши, и отъ прочихъ снѣдей, какія прилучатся, вкусить отъ всѣхъ по немногу, не допуская насыщенія, дабы вкушеніемъ отъ всего ты возмогъ избѣгнуть киченія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не возгнушался весьма добрыхъ Божіихъ твореній, за все благодаря Бога. Таково разсужденіе благоразумныхъ. Если же вкушая всѣхъ случающихся брашенъ и пія мало вина, сомнѣвашься въ твоемъ спасеніи, это есть невѣріе и немощь помысла. Мѣра принятія пищи, безгрѣшно и по Богу, на три чина полагается: воздержаніе, доволь и сытость. Воздержаніе есть, когда при ѣдѣ чувствуется еще алканіе; доволь, когда нѣтъ ни алканія, ни отягощенія; сытость, когда есть малое отягощеніе. А по насыщеніи и еще ѣсть, дверь есть чревобѣсія, коею входитъ блудъ. Ты же, сія разсмотрѣвъ, по силѣ твоей избери приличное, не преступая установленнаго: совершеннымъ же свойственно и то, по Апостолу, чтобы и насыщаться и алкать и во всемъ мощнымъ быть.

Все это тебѣ, о ревнитель умнаго вниманія, отъ самыхъ подлинныхъ словъ великихъ и святыхъ Отцовъ показано, и въ чемъ состоитъ мѣра воздержанія и разсудительнаго поста, и какъ преуспѣвать во вниманіи.

Предисловіе на главы Блаженнаго Филовея Синайскаго.

»Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ».

Воины земного царя носятъ мечъ, будучи готовы и искусны на борьбу съ врагами; носятъ же такой мечъ и не воины, по одному лишь обычаю, а не для приготовленія къ борьбѣ и не зная даже, какъ должно противоборствовать

врагамъ. Сказанное по всему есть совершенное подобіе и нашей духовной брани, о которой нынѣ предлагается слово. Ибо всякій отрекающійся отъ міра и становящійся монахомъ принимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мечъ духовный, какъ воинъ Христовъ, и выходитъ на брань противъ духовъ злобы. Къ нему-то и обращены слова въ часъ постриженія: »пріими, братъ, мечъ духовный, который есть слово Божіе, нося его въ устахъ твоихъ, умѣ и сердцѣ, говори непрестанно: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя».

Но, о время наше! Какъ многіе, не говорю уже — всѣ, носятъ этотъ мечъ по одному только обычаю, а не какъ необходимый для брани! Не научившись, какъ слѣдуетъ съ нимъ обращаться предъ лицемъ враговъ и пожигать ихъ, какъ пламенемъ, употребляютъ его просто и грубо и бездѣйственно, то есть вычитывая за одну »Славу» псалтири одну вервицу,*) а за каѳизму вычитывая три, ограничиваютъ этимъ внѣшнее молѳніе. Многіе же, совершенно отложивъ этотъ глаголъ Божій, лучше же сказать, пламенное оружіе, охраняющее врата сердца, довольствуются однимъ псалмопѣніемъ, канонами и тропарями, преданными Церковью, думая, что эта пятисловная молитва вмѣнена за правило только простымъ и некнижнымъ монахамъ. Опровергая и исправляя такое ихъ неправильное мнѣніе, св. Симеонъ, архіепископъ Солунскій, преподаетъ и узаконяетъ всѣмъ архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ, іеромонахамъ, іереямъ, діаконамъ, монахамъ и мірскимъ людямъ всякаго званія и занятія, вмѣсто всякаго правила, какъ свое дыханіе и жизнь, выполнять эту святую молитву Іисусову въ умѣ и устахъ на каждый часъ и время, если даже они и не могутъ познавать ея художнаго дѣйствія, ибо то-есть дѣло, по его словамъ, однихъ монаховъ, отрекшихся отъ міра. Если же и повелѣваетъ Василій Великій неученому монаху сею молитвою Іисусовою совершать правило, ограничиваясь численнымъ ея произношеніемъ, и не художно, то это слѣдуетъ понимать такъ, что онъ узаконяетъ

*) т. е. одну сотню четокъ.

это, какъ необученнымъ, такъ и мірскимъ съ тѣмъ, чтобы и они всѣ по мѣрѣ своихъ силъ славословили Бога, а не пребывали праздными.

Кто носитъ мечъ свой или слово разумно, по внутреннему вниманію, тотъ знаетъ время, когда обращать его на врага, и молиться на прилоги злые и страсти и помыслы, или за грѣхи свои. Если же иногда, по какимъ либо обстоятельствамъ или по невниманію, поползнется словомъ или гнѣвомъ, а иногда и похотію, или тщеславіемъ и мнѣніемъ и т. п. и по этой причинѣ будетъ укоряемъ своею совѣстію, то не перенося ея обличенія, обращается къ Богу, каяся и моляся отъ сердца и ума, ища помилованія. Все правило таковаго бываетъ въ одномъ покаяніи и вниманіи сердечномъ, по примѣру той вдовицы, которая не отступала отъ судіи день и ночь, прося отмщенія своему сопернику. И это есть порядокъ умнаго дѣланія, подобающаго страстнымъ: пусть никто не приходитъ въ смущеніе отъ этого слова, что обуреваемымъ такими грѣхами можно при помощи Божіей обучаться умному дѣланію.

Представь себѣ пять состояній дѣйствующихъ по страсти: а) впадая въ гнѣвъ и досаду, оставаться всегда злобствующимъ на оскорбившаго; б) будучи опечаленнымъ, помнить зло въ теченіи многихъ дней; в) гнѣваться одну недѣлю; г) одинъ только день помнить и д) враждуя, досаждая, смущая и смущаясь, въ тотъ же часъ измѣниться. Вотъ сколько различныхъ устроеній, однако всѣ они находятся подъ адомъ до тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ страсть, какъ сказалъ св. Дороѳей, и такимъ не должно касаться умнаго дѣланія, ибо они подобны человѣку, который будучи раненъ стрѣлою отъ врага своего, береть ее собственными руками и вонзаетъ въ свое сердце; о нихъ сказалъ Богословъ: дѣлающій грѣхъ отъ діавола есть (1 Іоан. 3: 8).

Возьми и пять другихъ состояній: а) оскорбившагося и скорбящаго не потому, что потерпѣлъ досажденіе, но потому, что не перетерпѣлъ его; б) поучающагося всегда терпѣнію, но въ концѣ концовъ, побѣждающагося увлеченіемъ; в) не хотящаго отвѣчать зломъ за зло, но увлекающагося

силою привычки; г) старающагося отнюдь не произносить зла, но скорбящаго о полученной обидѣ, упрекающаго себя и кающагося въ этомъ и д) не скорбящаго о полученной обидѣ, но и не радующагося ей. Эти всѣ суть сопротивляющіеся страсти, такъ какъ произволеніемъ борятся со страстью и не хотятъ дѣйствовать по ней, но и скорбятъ, и подвизаются. Таковые подобны находящемуся подъ обстрѣломъ врага, но облеченному въ броню, и не уязвимому, говоритъ тотъ же св. Дороѳей. Имъ во всякомъ случаѣ можно и должно обучаться умному дѣланію, потому что они очищаются вседневною благодатію Христовою, чрезъ умную молитву и ежечасное покаяніе, и о нихъ сказалъ Тайновидецъ: если скажемъ, что не имѣемъ грѣха, прельщаемъ себя; и если грѣхи наши исповѣдуемъ, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ, и очиститъ насъ отъ всякой неправды (1 Іоан. 1: 8, 9).

Извѣстно и то, что эта священная молитва Іисусова для многихъ въ древности и нынѣ являлась камнемъ преткновенія и соблазна. И хотя многіе, можетъ быть, даже и всѣ молятся этою молитвою просто и внѣшно, и никто противъ этого не востаетъ, однако художнаго ея дѣйствія, то есть блюденія сердца умомъ въ молитвѣ, мало кто знаетъ. И самому Григорію Синаиту сопротивлялись сначала самые словеснѣйшіе отцы горы Аѳонской, когда онъ началъ учить ихъ этому. И если эти отцы, удалившіеся изъ городовъ, такъ претыкались объ это дѣланіе, то что же сказать о сдружившихся съ міромъ монахахъ? Однако, желающему спасти свою душу, должно повиноваться св. Писанію и ученію св. Отецъ, а не плотскимъ человѣкамъ. Вѣдь не въ какомъ нибудь углу, но среди самаго царствующаго града процвѣло это священное умное дѣланіе, и не у однихъ только простыхъ монаховъ, но даже сами патріархи Константинопольскіе были дѣлателями и учителями его. Имѣю въ виду Іоанна Златоуста, Фотія, Каллиста, бывшихъ одинъ за другихъ преемниками патріаршаго престола, о которыхъ пишетъ св. Симеонъ Солунскій, что они сочинили цѣлыя книги объ одномъ этомъ дѣланіи умной молитвы,

проникнутыя глубокой мудростью и искусствомъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ удивляться тому, что теперь объ этомъ ученіи и писаніи даже и одного слова не произносится среди монаховъ. Каждый, вѣдь, можетъ, если только пожелаетъ, монахъ или мірянинъ, пѣть псалмы и каноны, преданные Святой Церкви св. Отцами для общаго моленія: Господа же Іисуса Христа никто не можетъ умомъ назвать, какъ только Духомъ Святымъ, по Апостолу. Поэтому, св. Отцы, будучи дѣлателями и учителями умнаго дѣланія, уподобляютъ внѣшнее пѣніе малому отроку, молитву же умную— мужу совершенному. И какъ для отрока нѣтъ ничего укоризненнаго въ томъ, что онъ по времени хочетъ быть мужемъ и старцемъ, такъ и внѣшнему пѣнію и моленію, по немощи младенчества нашего, отъ Бога намъ данному, нѣтъ укора и поношенія, если кто либо обращаетъ все усердіе на умную молитву и весьма мало поетъ псалмовъ, каноновъ и тропарей, надѣясь чрезъ умную молитву обрѣсти разумное пѣніе, отъ котораго опять востекаетъ на зрительную молитву, по сравненію съ которой пѣніе ему кажется отрокомъ передъ мужемъ совершеннымъ, и опять удѣливъ немного времени пѣнію, больше удѣляетъ молитвѣ, да и не можетъ снова таковой много пѣть: ибо внѣшне поющіе и не постигающіе чувствомъ того, что поютъ, тѣ могутъ пѣть много, говоритъ св. Григорій Синаитъ. По этой-то причинѣ онъ уподобляетъ пѣніе денницѣ утренней звѣздѣ, молитву же умную — солнцу. И какъ денница видима бываетъ какой нибудь часъ или два, солнце же весь день сіяетъ, такъ должно разумѣть о и пѣніи и молитвѣ. И не говори мнѣ, что многіе изъ святыхъ придерживались многаго пѣнія, но разумѣй и вѣруй, что тѣ же Отцы предписываютъ намъ непремѣнно отъ пѣнія восходить къ молитвѣ. Таковымъ былъ и св. Григорій Синаитъ, который сначала, по невѣдѣнію лучшаго, придерживался одного пѣнія; будучи же наставленъ однимъ Критяниномъ, замѣнилъ многое пѣніе умною молитвою и, на опытѣ познавъ, что не бываетъ такого быстраго и легкаго успѣха отъ пѣнія, какъ отъ молитвы, повелѣлъ всѣмъ имѣть все стараніе о молитвѣ, пѣть же не много изъза уныніе.

Впредь и ты безъ всякаго сомнѣнія поступай также, чтобы и тебѣ не было сказано, за противленіе твое, словами Апостола, который говоритъ: »благоволеніе убо моего сердца и молитва, яже къ Богу по Израили, есть во спасеніе. Свидѣтельствую бо имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму. Не разумѣюще бо Божія правды и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася» (Римл. 10: 1—3). Что-же говоритъ Писаніе? Близъ тебя слово въ устахъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ; если исповѣдуешь устами твоими Господа Іисуса, спасешься; ибо всякій, кто призываетъ имя Господне, спасется. Все же это: слово, исповѣданіе и призываніе слѣдуетъ понимать, какъ пребываніе внутри тебя Христа, вселившагося чрезъ святое крещеніе. И ты долженъ непрестанно призывать, и говорить, и исповѣдывать Его, иногда сердцемъ, иногда же устами, говоря: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя.

Будь же внимателенъ, человѣкъ, къ себѣ и къ твоему упорству, да не пошлетъ на тебя Богъ за это духъ ожесточенія: очами не видѣть и ушами не слышать, какъ свидѣтельствуетъ противъ тебя Св. Писаніе, подобно тому, какъ свидѣтельствовалъ Илія на Израиля къ Богу, Которому и ты сопротивляешься. Не надѣйся же и не вѣрь, что успѣешь достигнуть чего либо духовнаго, если не покоришься призывать Іисуса Христа на каждый злой помыслъ и на всю силу вражію, какъ говоритъ св. Исихій: не найдешь крѣпчайшаго оружія на враговъ ни на небѣ, ни на землѣ, кромѣ имени Христова. И невозможно тебѣ избѣжать горькаго напоенія злыми помыслами, или перестать вкушать хлѣбъ изъ отрубей до тѣхъ поръ, пока не поревнуешь вкушать чистаго хлѣба, сшедшаго съ неба, вкушающіе который не будутъ алкать во вѣки, получая веселіе и радость, а не страхъ или неразумное утѣшеніе, или что тоже радостное самомнѣніе. Ибо какъ законъ, не будучи въ силахъ самъ по себѣ сдѣлать человѣка безгрѣшнымъ, отсылалъ всѣхъ ко Христу и къ Нему самъ стремился, какъ бы умаляя тѣмъ свое значеніе, такъ и внѣшнее пѣніе, сообщивъ дѣлателю первоначальное обученіе, передаетъ его

Христу, т. е. умной молитвѣ Іисусовой, какъ не имѣющій силъ самъ собою возвести его въ духовное дѣйство, хотя при этомъ самое то пѣніе изъ за молитвы сокращается и отходитъ на второе мѣсто. Если же и не всѣ хотятъ обратиться отъ пѣнія ко Христу, то нѣтъ въ этомъ вины самаго пѣнія, какъ нѣтъ и вины закона въ противленіи Іудеевъ, но виною тому одинъ только ихъ плотской умъ и невѣдѣніе силы, сокровенной въ святомъ Писаніи. Ибо они думаютъ, что растягивать сладкіе гласы и изливать языкомъ красивыя слова это есть начало и конецъ молитвы. Они не поняли сказаннаго Господомъ: »яко вѣруяй въ Мя, рѣки потекутъ отъ чрева его воды живыя». Всякій крещающійся принимаетъ свыше эту воду таинственно въ глубинѣ своего сердца, и о ней пишется въ житіи св. Игнатія Богоносца, когда невѣрные разрѣзали сердце его, говоря: »какъ онъ носитъ Бога своего въ сердцѣ своемъ?» И нашли внутри сердца золотомъ написанныя слова: *Іисусъ Христосъ*. Это же было знаменіемъ въ посрамленіе невѣрныхъ и для увѣренія всѣхъ вѣрныхъ въ томъ, что всякій во святомъ крещеніи принимаетъ внутрь себя Христа. Потому-то совершеннѣйшіе и глубочайшіе въ дарованіяхъ духовныхъ св. Отцы прежде всего повелѣваютъ намъ очищаться отъ страстей умныхъ и сердечнымъ призываніемъ имени Іисуса Христа на всякій злой помыслъ, брань и прилогъ вражій: и это есть моленіе, произносимое съ чувствомъ, а не просто только по обычаю, каковое не грѣшно назвать и мертвымъ. Положивши намъ твердое начало таковому разумному вниманію и моленію, блаженные Отцы поучаютъ насъ пребывать въ немъ до смерти, сражаясь съ врагами и страстями своими, и хотя бы и тысячу ранъ принимали бы мы каждый день, мы не должны никогда прекращать этого живоноснаго дѣланія, т. е. призыванія Іисуса Христа, живущаго въ сердцахъ нашихъ, какъ уже и было объ этомъ сказано выше.

И такимъ образомъ, если усмотритъ Богъ въ томъ пользу нашу, возведитъ, кого хочетъ и знаетъ, чрезъ таковое доброе начало и на зрительную умную молитву. Нѣкоторые же, которыхъ слѣдуетъ назвать легкомысленными,

слыша, что чрезъ эту дѣлательную умную молитву достигается скорѣйшее преуспѣяніе, стремятся преждевременно достичь въ зрительную молитву, полагая, что она находится въ рукахъ желающихъ. Другіе же, узнавъ, что зрительной молитвы не всѣ удостаиваются, но только немногіе, ослабѣваютъ, а иногда и совершенно не радятъ о дѣлательной умной молитвѣ, безъ которой никто не можетъ избѣжать дѣйствія страстей и пріятія лукавыхъ помысловъ, за которые будутъ истязаны въ часъ смерти и дадутъ отвѣтъ на страшномъ судѣ. Таковые должны понимать, что мы отнюдь не осудимся за зрительную молитву, если не удостоимся ея по немощи нашей: объ умномъ же и сердечномъ храненіи, каковымъ можно противостать діаволу и злымъ помысламъ, побѣждая ихъ не своею силою, а страшнымъ именемъ Христовымъ, должны будемъ воздать отвѣтъ Богу, ибо, нося Христа внутри себя по дару св. крещенія, не умѣемъ, вѣрнѣе же сказать, не хотимъ научиться, какъ призывать Его на помощь въ часъ брани, и за это именно укоряетъ насъ Апостолъ, говоря: »не вѣсте ли яко Іисусъ Христосъ въ васъ есть?» Неужели еще не опытны: не обучены дѣйствовать умомъ въ сердцѣ имя Христово? И хотя многіе изъ древнихъ, а не только нынѣшніе, умерли, не сподобившись при жизни зрительной молитвы, это не должно вызывать сомнѣнія: ибо нѣтъ мѣста неправдѣ у Бога, и Онъ во всякомъ случаѣ за труды ихъ, которыми они потрудились, идя истиннымъ отеческимъ путемъ дѣлательной молитвы, даетъ имъ въ часъ смерти или по смерти, дѣйствіе зрительной молитвы, съ которой они, какъ пламень огненный, проходятъ воздушныя мытарства, по слову св. Исихія. И получаютъ они жребій свой съ тѣми святыми, которые, по Апостолу, не пріявши здѣсь обѣтованія, трудились всю жизнь свою во упованіи.

Изложивъ все это, съ указаніемъ свидѣтельства Св. Писанія, о единой дѣлательной и подобающей еще страстнымъ, умной молитвѣ, скажемъ по необходимости и о бывающей при этомъ прелести. Прежде всего, говоритъ св. патріархъ Каллистъ, приходитъ теплота отъ почекъ, какъ бы опоя-

сывая ихъ, и она кажется прелестью, но это не прелесть, а естественное дѣйствіе, порождаемое свойствомъ подвига. Если же кто нибудь думаетъ, что эта теплота отъ благодати, то это воистину прелесть. Но какова бы она ни была, подвизающійся долженъ не принимать, но отгонять ее. Приходитъ и другая теплота отъ сердца, и если умъ снисходитъ въ блудные помыслы, это несомнѣнная прелесть. Если же все тѣло отъ сердца растепливается, умъ же чистъ и безстрастенъ и какъ бы прилѣпился во внутреннѣйшей глубинѣ сердца, то это есть поистинѣ дѣйствіе благодати, а не прелести.

Видя это, слѣдуетъ съ самаго начала обучать умъ въ часъ молитвы, чтобы онъ находился въ верху сердца и зрѣлъ въ глубину его, а не былъ бы на половинѣ съ боку, или на концѣ снизу. Причина же, по которой слѣдуетъ такъ поступать, такова: когда умъ стоитъ сверху сердца и внутри его дѣйствуетъ молитву, тогда, какъ царь, сидящій на высотѣ, взираетъ совершенно свободно на всѣ, пресмыкающіеся внизу, злые помыслы и разбиваетъ ихъ о камень имени Христова, какъ вторыхъ Вавилонскихъ младенцевъ. При томъ же, будучи столь удаленъ отъ чреслъ, можетъ во всякомъ случаѣ избѣжать похотнаго женія, существующаго въ естествѣ нашемъ чрезъ преступленіе Адама. Если же кто начинаетъ творить вниманіе въ молитвѣ на половинѣ сердца отъ персей, то, или отъ случающагося оскудѣнія теплоты сердечной, или же по изнеможенію ума и притупленію зрѣнія подъ вліяніемъ частаго дѣйствія молитвы, или по причинѣ воздвигнутой врагомъ брани, умъ самъ со себѣ ниспадаетъ къ чресламъ и смѣшивается съ похотною теплотою, хотя и невольно, по причинѣ сближенія съ нею, при совершеніи молитвы на половинѣ сердца.

Нѣкоторые же по наивной неразсудительности, или лучше сказать, не зная, что такое верхъ или средина сердца и что такое половина и конецъ его, начинаютъ творить молитву снизу, на концѣ сердца, при чреслахъ и, такимъ образомъ, касаясь умомъ частію сердца и частію чреслъ, по собственной винѣ вызываютъ прелесть, какъ обаятели

змѣю: ибо невозможно избѣжать общенія съ врагомъ тѣмъ, кто такимъ образомъ держитъ вниманіе.

Другіе же, страдая окончательнымъ неразуміемъ и грубостію, не знаютъ даже самаго мѣста сердечнаго, находящагося подъ лѣвымъ сосцомь и бокомъ, но полагая его среди пупа чревнаго, дерзаютъ, увы, ихъ прелести! тамъ совершать умомъ молитву. Научаясь изъ этихъ примѣровъ, слѣдуетъ, какъ сказано, совершать умомъ вниманіе и молитву внутри сердца сверху отъ сосца, а не на половинѣ отъ персей, и тѣмъ болѣе, не снизу отъ чреслъ.

Также необходимо распознавать умнымъ чувствомъ и теплоту въ молитвѣ: какая изливается въ сердце отъ Бога, какъ миро благовонное, чрезъ св. крещеніе, и какая привзошла къ намъ отъ преступленія прародителей и какая возбуждается діаволомъ.

Первая теплота только въ самомъ сердцѣ съ молитвою начинается и въ сердцѣ же оканчивается съ молитвою, подавая душѣ удостовѣреніе и плоды духовные. Вторая же имѣетъ начало и конецъ въ почкахъ, принося душѣ жесткость, студеность и смущеніе. Третья, возникая отъ смѣшенія съ похотнымъ жженіемъ, распаляетъ сердце и члены блуднымъ сладострастіемъ, плѣняя умъ въ скверные помыслы и привлекая къ блудному совокупленію, что каждый тщательный дѣлатель можетъ скоро замѣтить и распознать. И хотя врагъ, говоритъ Григорій Синаитъ, внутрь чреслъ и покушается по своему желанію призрачно представлять духовное, вмѣсто теплоты духовныя, наводя свое жженіе, вмѣсто веселія, возбуждая радость безсмысленную и сласть мокротную, и побуждаетъ принимать обольщеніе, какъ дѣйствительную благодать, но время, опытъ и чувство научаютъ его распознавать.

Если же прелесть познается временемъ, опытомъ и чувствомъ, то не слѣдуетъ страшиться или сомнѣваться, призывая Бога, говоритъ тотъ же святой. Если же нѣкоторые и совратились, повредившись въ умѣ, то знай, что они потерпѣли это отъ высокоумія и самочинія. Не для устрашенія или отогнанія нашего отъ священнаго дѣланія умной

молитвы, написали св. Отцы много о прелести, подъ различными видами и предлогами постигающей дѣлателей, но въ предостереженіе наше и для распознанія прелести и лукаваго дѣйствія сатаны, и ради этого и повелѣваютъ всѣмъ борющимся со страстями держаться непадательнаго пути царскаго, живя въ пустынѣ вдвоемъ или втроемъ, гдѣ, имѣя братъ брата добрымъ совѣтникомъ и изслѣдуя день и ночь св. Писаніе, могутъ, благодатію Христовою, непрестанно обучаться этому умному дѣланію.

Нѣкоторымъ же изъ многихъ неизвѣстно откуда пришло въ голову, будто бы нынѣшнимъ монахамъ уже не подаются дѣйствія Святаго Духа, какъ прежнимъ: уже прошли, говорятъ, тѣ времена. Но это только преткновеніе такъ говорящихъ: ибо такъ сказали св. Отцы о знаменіяхъ и чудесахъ, ради которыхъ бываетъ нѣкоторое умаленіе вѣры, по слову Христа, »блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе», а не о прекращеніи дѣйствій Св. Духа. Эти дары всякому вѣрному несомнѣнно подаются въ св. крещеніи и неистребимо въ насъ пребываютъ, если даже мы и не чувствуемъ ихъ, будучи умерщвлены грѣхами. И должны мы соблюденіемъ заповѣдей и призываніемъ Іисуса Христа, живущаго въ сердцахъ нашихъ, воспринять сіе дарованіе и видѣть умомъ сказанное нами прежде, что законъ духовный мы носимъ написаннымъ на скрижаляхъ сердецъ нашихъ, сподобляясь непосредственно, по образу херувимовъ, бесѣдовать со Христомъ чистою сердечною молитвою.

Поэтому несправедливо, выдумывая извиненіе грѣхамъ, обвинять время или Бога въ оскудѣніи дѣйствія Святаго Духа. Но возложивъ всю вину на трехъ злѣйшихъ исполиновъ: невѣріе, лѣность и небреженіе, перестанемъ лгать, и держась истины, приступимъ безъ сомнѣнія къ обученію умнаго дѣланія, отвергнувъ отъ себя и еще трехъ главнѣйшихъ противниковъ: самолюбіе, сребролюбіе и тщеславіе, вмѣстѣ съ которыми и другія страсти можемъ истребить изъ нашихъ душъ.

Прежде же всѣхъ въ тѣлѣ подвизающагося и внимающаго въ молитвѣ начинаются нѣкоторыя движенія, какъ бы

»взыгранія» подъ кожей, и они нѣкоторыми принимаются за прелесть. Появляется теплота отъ почекъ, какъ бы опоясывая, и она также принимается за прелесть; но это не прелесть, а естественное дѣйствіе, порождаемое свойствомъ подвига. Если же кто нибудь прославляетъ эти теплоту, какъ благодатную, а не естественную, то это несомнѣнно прелесть. Но какова бы она ни была, подвизающійся не долженъ ее принимать, но отгонять и отметать. Приходитъ и другая теплота отъ сердца, и если умъ при этомъ снисходитъ въ блудные помыслы, это прелесть воистину. Когда же все тѣло отъ сердца растеплѣвается, умъ же остается чистъ и безстрастенъ и какъ бы прилѣпленъ во внутреннѣйшей глубинѣ сердца, то это есть несомнѣнно дѣйствіе благодати, а не прелести. Иногда же у испытывающихъ такое состояніе появляется и нотъ отъ обильной теплоты, бывающей въ тѣлѣ. И тогда подвижется отъ сердца святое дѣйствіе, взимающее какъ бы листъ нѣкій отъ сердца, и движущее умъ отъ внутреннихъ, какъ бы прильпнувшій къ самому тому Божественному дѣйству, чтобы вопіять часто: Іисусе мой, Іисусе мой. Такъ именно во отверзеніи сердца только это вопіетъ умъ: Іисусе мой, и не можетъ все произнести умъ, то есть: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, отъ частыхъ отверзеній сердца, но только: Іисусе мой. Тѣ же, которые говорятъ, что въ такомъ устроеніи совершаютъ всю молитву, прельщаются. Ибо, когда умъ прилѣпится, какъ уже сказано, Божественному дѣйствованію, войдя во внутреннѣйшее сердца, не можетъ взывать больше, какъ только: Іисусе мой. Тогда, подлинно, отъ этой святой молитвы рождается въ сердцѣ и благоговѣйный страхъ, когда нисходитъ великое утѣшеніе въ душу отъ святаго дѣйствованія. И тогда скачетъ, и истекаетъ сладостная слеза отъ сердца, и сладостно течетъ изъ очей, и это есть радостопечаліе. Вскипаетъ же тогда сердце отъ многаго онаго священнодѣйства, и бываетъ все тѣло распалено и умъ въ благоговѣйномъ страхѣ взываетъ: Господи помилуй. И какъ елей въ полномъ сосудѣ, сильно разогрѣваемый огнемъ, отъ многаго кипѣнія льется чрезъ край, такъ

бываетъ и въ сердцѣ, когда оно возгрѣется отъ Божественнаго дѣйствія, изливаетъ теплоту и на тѣло и дѣлаетъ его распаленнымъ, и тогда переживающій это чувствуетъ, какъ всѣ внутренности его готовы выскочить вонъ. Совершаются и другія нѣкоторыя чудесныя тайны съ имѣющимъ указанное устроеніе: бываетъ иногда и свѣтъ, съ помощію котораго дѣлатель созерцаетъ внутри себя просвѣщеніе, озаряющее его, какъ солнце, и источающее отъ сердца свѣтъ. Бываютъ внутри сердца и другія таинства, но не могу ихъ описать: видитъ умъ все твореніе и ужасаемый движеніемъ святаго дѣйства и созерцаніемъ Божественныхъ таинствъ, возсылаетъ изъ глубины сердца славословія, которыхъ не могу изобразить писаніемъ. Весь человѣкъ становится тогда обоженнымъ этимъ Божественнымъ движеніемъ, внѣ всего вещественнаго и чувственнаго, и какъ бы охваченнымъ неудержимой радостью, подобно напоенному виномъ. И послѣ умъ восхищается въ Божественное видѣніе и видитъ страшныя таинства, о которыхъ не могу писать подробно. Видитъ умъ видѣнія Божественныя, видитъ и наслажденіе праведныхъ, райскія красоты. Еще выше умъ видитъ на небѣ страшныя и преславныя таинства, и поскольку возвышается человѣкъ отъ прилоговъ бѣсовскихъ, постольку видитъ еще больше изъ того, что даетъ ему Духъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Предисловіе на книгу Блаженнаго Исихія.

Жизнь и ученіе св. Отцовъ въ нѣкоторой степени уподобляются внѣшней заботливости людей о всѣхъ необходимымъ тѣлесныхъ потребностяхъ: ибо научившійся всякимъ искусствамъ и ремесламъ пріобрѣтаетъ чрезъ нихъ все необходимое для его жизни; другой, усердно занимаясь земледѣліемъ, въ разнообразныхъ его видахъ, получаетъ все, что потребно для его дома; нѣкоторые же, разсудительнѣйшіе, вмѣсто тѣхъ и другихъ искусствъ и промысловъ, пріобрѣтаютъ одинъ корабль или одинъ виноградникъ и отъ нихъ получаютъ все нужное для себя, безъ всякой суеты и скор-

бей, бывающихъ въ жизни отъ неудачнаго и неправильнаго занятія промысломъ.

Подобное этому случается и въ жизни духовной; одни изъ св. Отцовъ, принимая во вниманіе немощи вновь приходящихъ къ монашеству, назначаютъ имъ вмѣстѣ съ дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ продолжительное псалмопѣніе, каноны и тропари, установленные Духомъ Святымъ въ славословіе Божіе и правило монахамъ. Другіе же, изучивъ тончайшій опытъ духовнаго разума, не хотятъ, чтобы новоначальные довольствовались однимъ только внѣшнимъ обученіемъ, но заповѣдуя имъ вмѣстѣ съ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ умѣренное пѣніе, т. е. полунощницу, утреню, часы, вечерню и павечерницу, установляютъ вмѣсто продолжительнаго псалмопѣнія и каноновъ дѣланіе умной молитвы, прибавляя къ этому, что если посѣтитъ ихъ Св. Духъ дѣйствіемъ сердечной молитвы, то несомнѣнно оставлять тогда указанное внѣшнее правило, ибо восполняетъ его внутренняя молитва; таковые (Отцы) отчасти, но не вполнѣ преподаютъ умное дѣланіе, говоритъ св. Григорій Синаитъ. Третьи же, руководствуясь многимъ опытомъ и изслѣдованіемъ житій и писаній всѣхъ святыхъ и въ особенности же дѣйствіемъ и премудростію Св. Животворящаго Духа, устанавливаютъ новоначальнымъ общее, а не частное обученіе или дѣланіе умной молитвы, называя ее укрощеніемъ страстей въ дѣланіи заповѣдей Христовыхъ и раздѣляютъ ее на два начала, какъ второй рай, источающій изъ себя океанъ и раздѣляющій на двѣ струи, т. е. на дѣлательную и зрительную молитву.

И такимъ образомъ они повелѣваютъ все стараніе имѣть объ умномъ дѣланіи, удѣляя весьма мало времени для пѣнія, на случай уныніи; ибо, говорятъ они, часы и пѣснопѣнія церковныя преданы всѣмъ вообще христіанамъ, а не тѣмъ, кто хочетъ безмолвствовать. Впрочемъ, должно сказать, что нѣкоторые преуспѣваютъ, слѣдуя и тому постановленію св. Отцовъ, о которомъ сказано вначалѣ, однако очень медленно и съ трудомъ; вторымъ же удобнѣе и легче; а третьимъ скорѣе всего, ибо оно сопровождается отрадою и ча-

стымъ посѣщеніемъ Св. Духа, укрѣпляющимъ и удостовѣряющимъ сердце, въ особенности же при тщательнѣйшемъ усердіи и доброй волѣ, а не отъ принужденія, по страху предъ закономъ. Таковой дѣлатель старается о молитвѣ ради одной только сладости сердечной и утѣшенія духовнаго, а не ради чего-либо иного и бываетъ ему одна эта внутренняя молитва вмѣсто всѣхъ внѣшнихъ дѣланій, назовешь-ли ты ихъ — правило, или пѣніе, или моленіе, или поученіе; ибо все это въ ней одной вмѣщается. Памятованіе же смерти, или лучше сказать, чувство суда и мукъ вѣчныхъ и Божія опредѣленія, сплетаются съ нею, какъ отрасли одного и того же дерева. Поэтому, одною только этою молитвою, какъ отъ одного корабля или виноградника, о чемъ было сказано, можетъ каждый безмятежно направлять всю свою жизнь.

Какъ же эта святая молитва сраствоpяется съ заповѣдями Господними и прогоняетъ бѣсовъ и страсти? И еще: какъ небрегущій о заповѣдяхъ и не заботящійся объ умномъ дѣланіи, но усердствующій въ одномъ только пѣніи, увлекается страстями и подпадаетъ вѣчному мученію?

Преступленіе заповѣдей Господнихъ одинаково замѣчается во всѣхъ, однако многообразно осуществляется, о чемъ и скажу сейчасъ слѣдующее: полагаетъ кто-нибудь себѣ начало не нарушать заповѣди, не допускать движенія страсти, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, или смущенію, или брани, случается ему кого-нибудь оскорбить, или оскорбиться, или осудить, или разгнѣваться, или тщеславіемъ побѣдиться, поспорить и оправдываться, или празднословить, или солгать, пресытиться или опить ся,помыслить скверное, или увлечься страстью и т. п., что все есть явное преступленіе заповѣдей и паденіе души. И когда такими грѣхами охваченный онъ дерзаетъ предстать предъ Богомъ, въ тотъ же часъ начинаетъ упрекать себя, съ покаяніемъ припадать къ Богу умною молитвою отъ всего сердца, да проститъ его и подастъ ему помощь, чтобы не впасть ему снова въ тѣ-же согрѣшенія. И такимъ образомъ полагаетъ начало сохранить заповѣди и блюсти свое сердце

отъ злыхъ прилоговъ въ молитвѣ, боясь и трепеща, да не лишится изъ-за нихъ Царства Небеснаго. Другой же, напротивъ, не имѣя готовности хранить заповѣди и нисколько не заботясь о томъ, падаетъ онъ или стоитъ, полагая, что по нынѣшнимъ временамъ никто не соблюдаетъ заповѣдей и не заботится о томъ, чтобы не нарушать ихъ, и что всякій, вольно или невольно предстоитъ предъ Богомъ, и повиненъ бываетъ въ тонкомъ дѣйствіи страстей и грѣховъ: и потому не хочетъ обо всемъ этомъ заботиться, какъ о вещи невозможной, считая ответственными только такіе грѣхи, какъ прелюбодѣйство, блудъ, мужеложество, скотоложество, убійство и татьба, отрава и подобные этимъ смертные и главные грѣхи. Соблюдая себя отъ нихъ, думаетъ о себѣ, что онъ стоитъ (не падая).

Такому Отцы сказали: лучше падать и возставать, нежели стоять и не каяться. Итакъ, здѣсь достойно удивленія, какъ оба они, находясь подъ тѣми-же всечасными грѣхами, не одинаковы предъ Богомъ, и думаю — и предъ духовными людьми. Одинъ изъ нихъ совершенно не знаетъ таковаго паденія и возстанія, хотя страсти и дѣйствуютъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже. Другой же падаетъ и встаетъ, побѣждается и побѣждаетъ. Иной подвизается и трудится, но въ концѣ концовъ побѣждается дѣйствіемъ страсти. Иной не хочетъ отвѣчать оскорбительно, но увлекается привычкою. Иной старается не сказать отнюдь ничего обиднаго, но скорбитъ о томъ, что ему досадили, однако осуждаетъ себя за то, что скорбитъ, и кается въ этомъ. Иной же не огорчается оскорбленіемъ, но и не радуется (о немъ). Всѣ эти сопротивляются страсти, ибо произволеніемъ своимъ остановили страсть и не хотятъ по ней дѣйствовать, но скорбятъ и подвизаются. Отцы же сказали, что всякое дѣло, котораго душа не хочетъ, бываетъ маловременно.

Хочу сказать и о тѣхъ, которые искореняютъ страсть. Иной радуется, когда его оскорбляютъ, но потому, что имѣетъ въ виду награду. Онъ принадлежитъ къ искореняющимъ страсть, но не съ разумомъ. Другой радуется, полу-

чая оскорбленіе, и думаетъ, что онъ долженъ былъ претерпѣть оскорбленіе, потому что самъ онъ подалъ поводъ къ тому: сей разумно искореняетъ страсть. Иной же не только радуется, когда его оскорбляютъ, и почитаетъ виновнымъ въ этомъ самого себя, но и сожалѣетъ о смущеніи оскорбившаго его: Богъ да введетъ насъ въ таковое устроеніе! Скажу вамъ притчу, кому подобенъ тотъ, кто дѣйствуетъ по страсти и удовлетворяетъ ее: онъ подобенъ человѣку, который, будучи поражаемъ отъ врага своего стрѣлами, береть ихъ собственными руками и вонзаетъ въ свое сердце. Сопротивляющійся же страсти подобенъ осыпаемому стрѣлами отъ врага своего, но облеченному въ броню и не получающему ранъ. А искореняющій страсть подобенъ обстрѣливаемому, но берущему стрѣлы и ломающему ихъ, или возвращающему въ сердце врагу. Богъ да дастъ намъ силу, чтобы мы, если и не искореняемъ страсть, то по крайней мѣрѣ не дѣйствовали бы по ней и сопротивлялись бы ей.

Итакъ, слѣдуетъ разумѣть, что св. Дороѳей, располагая къ таковому сопротивленію и поруганію страстей, указываетъ къ этому путь однѣхъ только заповѣдей. А такъ какъ здѣсь сказано, что сопротивляющійся страсти уподобился обстрѣливаемому врагомъ, но облеченному въ броню и не получающему ранъ, то, если онъ остается неуязвляемымъ, какая причина будетъ у него, чтобы воздержираться отъ умнаго дѣланія? Ибо это священное дѣланіе, соединившись съ исполненіемъ заповѣдей, не большее ли принесетъ преуспѣяніе, чѣмъ исполненіе однѣхъ заповѣдей? Для болѣе же яснаго пониманія обоихъ этихъ образовъ жизни здѣсь будетъ сказано о каждомъ въ отдѣльности. Первый, подчиняя себя закону, исполняетъ свое только пѣніе. Второй же, понуждая себя на умное дѣланіе, имѣетъ всегда съ собою имя Іисуса Христа въ потребленіе врага и страстей со злыми помыслами. Тотъ радуется, если только окончитъ пѣніе; этотъ же благодаритъ Бога, если въ тишинѣ, свободно отъ злыхъ помысловъ, молитву дѣйствуетъ. Одинъ усердствуетъ о количествѣ, другой же о качествѣ; у того, спѣшащаго выполнить пѣніе количествомъ, появляется скоро ра-

достное мнѣніе, полагаясь на которое, онъ, не вѣдая призыванія Господа Іисуса Христа, питаетъ и раститъ внутренняго фарисея, если не внимаетъ себѣ. У этого же, заботящагося о качествѣ молитвы, бываетъ познаніе своей немощи и помощи Божіей.

Моляся, или, лучше сказать, призывая Господа Іисуса на прилоги вражіи и на страсти и злые помыслы, онъ видитъ ихъ гибель отъ страшнаго имени Христова и разумѣетъ Божію силу и помощь; и снова, насилуемый и смущаемый злыми помыслами, познаетъ свою немощь, такъ какъ не можетъ противостать имъ собственными силами. И въ этомъ состоитъ все его правило и житіе. Если же врагъ покушается смущать и его радостнымъ мнѣніемъ, — фарисея, однако находитъ его готовымъ призывать Христа на этотъ прилогъ, равно какъ и на всѣ злые помыслы, и не достигаетъ врагъ никакого успѣха противъ него. Но скажетъ кто-нибудь, что можно и тому (первому) призывать Христа на такіе прилоги. Да, можно, Однако, какъ каждый по опыту знаетъ, теперь нѣтъ такого обычая, чтобы кто изъ дѣлателей вмѣстѣ съ исполненіемъ своего правила обучался молиться объ избавленіи отъ злыхъ помысловъ. Таковые, наиболѣе, не принимаютъ того, что говорится или пишется о внутреннемъ вниманіи, въ которомъ и есть искусство моленія на злые помыслы. И не только не принимаютъ, но и сопротивляются и, выставляя себя учителями, говорятъ, что св. Отцы не заповѣдали новоначальнымъ умнаго дѣланія, кромѣ одного псалмопѣнія, тропарей и каноновъ, дѣйствуемыхъ устами и языкомъ. И не смотря на то, что они говорятъ и учатъ объ этомъ невѣрно, всѣ ихъ слушаютъ: потому что для таковаго ихъ моленія не требуется обученія или отреченія отъ мірскихъ похотей, но всякій, если только захочетъ, можетъ такъ молиться, будетъ ли онъ монахъ или міряninъ.

Священное же умное дѣланіе, которое есть славное и богоугодное искусство изъ искусствъ, и въ которомъ нельзя имѣть успѣха безъ отреченія отъ міра съ его похотями, и безъ долгаго наставленія и обученія, весьма по этому осху-

дѣло среди монаховъ: и неутихающая брань бываетъ у незнающихъ силы Св. Писанія, въ особенности же у неискусныхъ въ умномъ вниманіи по внутреннему человѣку.

При всемъ этомъ слѣдуетъ опасаться правыхъ и лѣвыхъ уклоненій, т. е. отчаянія и дерзости.

Видя же здѣсь написанное, что у обучающихся умному дѣланію бываютъ случайныя, не намѣренныя, невольныя преткновенія и паденія, называемыя св. Отцами повседневными грѣхами, — да не усумнимся въ этомъ: ибо по мѣрѣ каждаго бываетъ и преуспѣяніе его и ниспаденіе отъ добраго къ противному, смотря по тому, будутъ ли то новоначальные, средніе или почти совершенные (сказали Отцы).

И съ другой стороны, слыша о великомъ милосердіи Божіемъ къ намъ грѣшнымъ, мы не должны самонадѣянно и безстрашно, безъ великаго смиренія и посильнаго исполненія заповѣдей стремиться къ этому умному священнодѣйствію; но разумѣя, что дерзость и отчаяніе бываютъ отъ врага, рѣшительно избѣгать и того и другого; такимъ образомъ, тщательно изучая Св. Писаніе и совѣтуясь съ опытными, смиренно обучаться сему умному дѣланію. Къ свѣдѣнію же нужно прибавить и то, что великимъ оружіемъ на врага и злыя похоти является памятованіе смерти, или геенны и вѣчныхъ мукъ, или страшнаго суда, истязателей воздушныхъ мытарствъ, или Царствія небеснаго и радости Святыхъ, и прочее, подобное этому. Однако, все это намъ страстнымъ и безчувственнымъ очень слабо, безъ умнаго вниманія и призыванія имени Іисуса Христа. Ибо хотя такія воспоминанія въ побѣдившихъ нечувствіе и могутъ угашать похоти плоти, и истреблять злые помыслы въ душѣ, однако страшное имя Іисуса Христа имѣетъ несравненно большую силу истреблять все это въ сердцѣ и въ умѣ. Поэтому, когда умное дѣланіе соединено съ указаннымъ памятованіемъ, тогда съ большей силой дѣйствуемъ, придавая и самой молитвѣ немалый успѣхъ. Особенно же и сами просіяваемъ отъ молитвы, когда изгоняются отъ ума тьма и мгла страстей именемъ Іисуса Христа.

Въ дополненіе ко всему здѣсь написанному прилагается

и слѣдующее отъ словъ Анастасія Синайскаго, который сказалъ: »разумѣваемъ и размышляемъ о принимающихъ св. Тайны Тѣла и Крови Господнихъ, что они имѣютъ малые нѣкоторые человѣческіе и легко извинительные грѣхи, какъ то: языкомъ, слухомъ или окрадываемые зрѣніемъ, или тщеславіемъ, или печалію, или яростію, или чѣмъ либо подобнымъ, но осуждаютъ себя и, исповѣдуясь Богу, принимаютъ св. Тайны, — вѣруемъ, что во очищеніе грѣховъ бываетъ таковымъ пріятіе св. Таинъ». Въ томъ же разумѣ и въ той же мѣрѣ нужно полагать и о паденіяхъ приключающихся обучающимся дѣланію умной молитвы. А такъ какъ, по словамъ Отцовъ, умная и священная молитва есть ключъ къ уразумѣнію писаній, не хотящіе же ей обучаться, очевидно, не совсѣмъ могутъ постигнуть силу Св. Писанія и Отеческаго, то отъ этого нѣкоторые, противоборствуя говорящимъ малое или многое о трезвеніи умномъ, ссылаются на писанія Отцовъ, будто сначала нужно очистить тѣлесныя чувства, т. е. зрѣніе, обоняніе, вкушеніе, слово и осязаніе, чтобы не согрѣшалъ ими человѣкъ, и тогда только, хорошо очистившись, начинать умную молитву.

Таковымъ отвѣчаемъ такъ: »Друзья! Никто не противъ очищенія тѣлесныхъ чувствъ, но говоримъ о томъ, что если отдѣлять очищеніе чувствъ отъ умнаго дѣланія, получится большое несогласіе».

Прежде всего св. Исихій говоритъ такъ: Бога бойся и заповѣди Его храни, чувственно и умно; если умно понудишь себя хранить, то мало по-малу и чувственно на дѣланіе ихъ взойдешь. И еще: если не сотворитъ человѣкъ воли Божіей и не сохранитъ закона Его посредѣ чрева, т. е. посреди сердца, то и внѣ не можетъ онъ это сдѣлать. И Симеонъ Новый Богословъ сказалъ: св. Отцы, зная, что при внутреннемъ дѣланіи удобно и всѣ внѣшнія добродѣтели выполнить, оставили наружное дѣланіе и все усердіе приложили къ внутреннему блюденію и т. д.

Ты же, другъ, устанавливаешь разстояніе и время, отдѣляя храненіе внѣшнихъ чувствъ отъ обученія умной молитвѣ, и тѣмъ свидѣтельствуешь, что не знаешь порядка

сердечнаго дѣланія. Знающіе же опытъ умной молитвы не раздѣляютъ временемъ одно отъ другого, но устанавливаютъ одновременное и совмѣстное ихъ обученіе; погружая умъ въ часъ молитвы внутрь сердца, укрощаютъ волненіе чувствъ, не попуская уму восходить на нихъ; а отъ того, что умъ не восходитъ на чувства тѣлесныя, они пребываютъ не занятыми внѣ, черезъ это подаютъ великое безмолвіе уму и сердцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ и сами блюденіемъ ума мало по малу обучаются не востекать на плотскія похоти. Да будетъ же извѣстно и то, что нѣтъ недостатка ни времени, ни предмета для тѣхъ, кто любитъ спорить объ этомъ. Ибо и еще остается имъ написанное Новымъ Богословомъ: что желающему обучаться умному дѣланію необходимо сначала сохранить свою совѣсть къ Богу, людямъ и вещамъ Я же вѣрую, что въ одинъ часъ или минуту можетъ человѣкъ примирить свою совѣсть съ Богомъ, людьми и вещами, какъ учитъ великій учитель: ибо жала, т. е. голоса совѣсти, умное дѣланіе не уничтожаетъ и никому не полезно уклоняться отъ этого добраго обличителя. Вижу же и того великаго грѣшника, который шелъ во святый храмъ, окруженный бѣсами, а вышелъ изъ храма со святыми Ангелами, радующимися его обращенію. Ты же отъ крайняго зазрѣнія совѣсти устанавливаешь разстояніе и время примиренію ея съ Богомъ, и этимъ показываешь, что достиженіе безстрастія бываетъ прежде обученія умному дѣланію или выше его. И отсюда у тебя выходитъ, что ты не только не начнешь когда-либо умнаго трезвенія, но и отъ самихъ Святѣйшихъ Тайнъ будешь уклоняться. Ибо никто, не примирившись прежде съ Богомъ, не приступаетъ къ причащенію.

Не говорю же я это тебѣ, человѣкъ, о примиреніи совѣсти отъ себя, но самое исповѣданіе св. Отцовъ предлагаю. Ибо они, насколько ближе приближались къ Богу, на столько видѣли себя большими грѣшниками: и не будутъ ли, по твоему мнѣнію, и сами святые не примиренные совѣстью съ Богомъ? Но ты скажешь, что по причинѣ смиренія такъ говорили о себѣ святые. Прекрати хитросплетенную рѣчь и покорись по крайней мѣрѣ голосу

святыхъ правилъ: Если кто скажетъ. что святые ради смиренія, и принимая видъ грѣшныхъ, говорили »остави намъ долги наша» — анаѳема да будетъ.

Впрочемъ, если кто хочетъ получить правильное понятіе объ этомъ. да вѣруетъ, что Богъ создаетъ сначала тѣло Адаму, потомъ и душу; и не было промежутка времени между твореніемъ того и другого, но вмѣстѣ разумно созданы были, хотя и иначе думалъ объ этомъ Оригенъ.

Такимъ же образомъ и храненіе тѣлесныхъ чувствъ нашихъ и примиреніе совѣсти съ Богомъ разумно вмѣстѣ съ умнымъ вниманіемъ дѣйствуется, хотя и иначе представляется не знающимъ силы и опыта внутренняго дѣланія. Не удивляйся, благочестивый читатель, что со столькимъ возраженіемъ составилось это предисловіе: ибо противъ дыханія вѣтра протягивается и парусъ. Ибо во времена св. Отцовъ, когда было много ревнителей, желавшихъ проходить это умное дѣланіе по самочинію и дерзости, было время и трудъ останавливать ихъ дерзость и безчиніе, дабы небезстрашно бросались къ нему. Теперь же, когда такое учительство пришло въ крайнее забвеніе и пренебреженіе, и многіе начинаютъ ратовать и справа и слѣва и извращать путь этого внутренняго дѣланія, и стараются сверху и снизу засыпать его землею, чтобы сдѣлать его совершенно никому не вѣдомымъ, существуетъ крайняя необходимость такъ писать о немъ и предложить все это предъ чтеніемъ святой книги Исихія Іерусалимскаго, въ которой находится не другое что, какъ только разумѣніе и наставленіе на путь священнаго умнаго дѣланія. И желающій обучаться ему прежде всего пусть разумѣетъ и исполняетъ сказанное св. Максимомъ: Дай тѣлу по силѣ его, и весь трудъ твой на умъ обрати. И еще: тѣлесныя добродѣтели пріятны, если кто со смиреніемъ ихъ проходитъ; безъ этого же суетенъ трудъ. Еще: не все стараніе имѣй о плоти, но противопоставь предѣломъ ея силѣ воздержаніе и весь умъ твой обрати на внутреннее; ибо тѣлесное обученіе мало полезно, внутреннее же вниманіе всегда полезно есть. Исихій же святый сказалъ объ этомъ: кто не имѣетъ понятія о шество-

ваніи духовнымъ путемъ, тотъ не заботится о страстныхъ помыслахъ, ни объ исправленіи ихъ, но все попеченіе и заботы имѣетъ только о тѣлѣ. Такой или объѣдается и безчинствуетъ, опечаливается и гнѣвается, и припоминаетъ обиды, и, такимъ образомъ, помрачаетъ умъ, или, предаваясь безмѣрному воздержанію, смущаетъ умъ. И еще св. Діадохъ сказалъ: какъ обременяемое множествомъ яствъ тѣло дѣлаетъ умъ какимъ то боязливымъ и склоннымъ къ злу, такъ умъ, изнемогающій отъ многаго воздержанія, дѣлаетъ унылою и нелюбимою зрительную часть. Поэтому необходимо соразмѣрять питаніе съ состояніемъ тѣлесныхъ силъ: когда тѣло здорово — утѣснять его, сколько потребно; а когда немоществуетъ, питать его нѣсколько. Ибо подвизающемуся не слѣдуетъ ослабѣвать тѣломъ, но, на сколько нужно, быть способнымъ къ подвигамъ. И опять Лѣствичникъ: видѣлъ, говоритъ, враждебницу (утробу) эту успокоеваемой и подающей уму бодрость и прочее. Ибо намъ нужно имѣть тѣло здоровое, а не разслабленное, такъ какъ умное дѣланіе требуетъ и тѣлесной крѣпости. Поэтому необходимо всѣми силами избѣгать и безмѣрнаго поста и невоздержанія. Каждому же, кто желаетъ имѣть опытное и разсудительное справедливое мнѣніе о постѣ и о мѣрѣ принятія пищи, т. е. о количествѣ ея и качествѣ, предлагается указаніе объ этомъ св. Григорія Синаита, который говоритъ объ этомъ такъ: понуждающему себя и желающему обрѣсти Бога достаточно литры хлѣба, и воды или вина въ теченіе дня три или четыре чаши, и отъ прочихъ снѣдей, какія случаются, отъ всѣхъ вкушать понемногу, не допуская себя до насыщенія; чтобы и возношенія избѣгнуть и не возгнушаться Божіими добрыми твореніями, за все благодаря Бога. Таково разсужденіе мудрыхъ! Немощнымъ же вѣрою, или лучше душою, воздержаніе отъ снѣдей болѣе полезно, и Апостолъ таковымъ повелѣваетъ зеліе ясти, такъ какъ они не вѣруютъ, что Богъ сохранитъ ихъ. Вкушеніе пищи имѣетъ три предѣла: воздержаніе, доволь и сытость. Воздержаніе есть — алкать не много, и поѣвши; доволь — ни алкать, ни отягощаться; сытость — отягощаться немного.

А по насыщеніи и еще ѣсть — дзерь есть чревобѣсія, коею входитъ блудъ. Ты же, все это разсмотрѣвъ, выбери приличное по силѣ твоей, не преступая предѣловъ: ибо совершеннымъ свойственно и то, чтобы, по Апостолу, и насыщаться и алкать, и во всемъ мощными быть.

Наконецъ, слѣдуетъ вспомнить еще и то, что опытные въ умномъ дѣланіи признаютъ неудобнымъ для новоначальныхъ и страстныхъ псалмопѣніе, чтобы имъ всегда молиться за грѣхи свои: или на злые помыслы и страсти, по причинѣ многаго разнообразія словъ, возводящихъ то къ славословію Божію, то къ созерцанію тварей, или домостроительства и промысла Божія, или мукъ вѣчныхъ и обѣтованій, или предвѣчности и непостижимости, и другихъ подобныхъ вещей, къ каковымъ страстный и немощный умъ не можетъ возвыситься. И вслѣдствіе этого помыслъ, впадая въ мечтанія, соблюдаетъ одно только количество, слѣдствіемъ чего обычно бываетъ радостное мнѣніе и самохваленіе сердечное, о чемъ святой Іоаннъ Лѣствичникъ, зная это опытно, сказалъ: »Не старайся многословить, чтобы умъ твой не разбѣгался въ изысканіи словъ. Одно слово мытаря умилостивило Бога, и одно изрѣченіе, исполненное вѣры, спасло разбойника. Многословіе очень часто разсѣеваетъ умъ и наполняетъ его мечтаніями, а малословіе хорошо его собираетъ». И справедливо написалъ Новый Богословъ: что по умаленіи страстей пѣніе естественно дается языку. Ибо какъ и воспоетъ кто-нибудь пѣснь Господню на землѣ чужой, т. е. въ страстномъ сердцѣ? И при томъ, кто не хочетъ обучаться умному дѣланію, тотъ прежде всего не можетъ знать первоначальной степени, что такое прилогъ, что сочетаніе, плѣненіе и страсть. И не зная этого, не знаетъ и своего паденія и востанія: не имѣя же таковаго опыта, лишается и всечаснаго покаянія; не имѣя же постояннаго покаянія, не знаетъ своей немощи; лишенный же сознанія немощи, чуждъ бываетъ сердечнаго сокрушенія и исповѣданія предъ Богомъ. А безъ этого не можетъ придти въ страхъ Божій; а не имѣя страха Божія, не знаетъ, какъ всегда молиться за грѣхи свои, но, какъ барщину, соблюдаетъ толь-

ко количество въ своемъ пѣніи. Такой же чинъ умнаго дѣланія изобразилъ и св. Кассіанъ, говоря: о тѣхъ-же меньшихъ грѣхахъ, которыми и праведникъ семь разъ въ день падаетъ и востаетъ, всегда намъ должно сѣтовать и каяться. Ибо повседневно невѣдѣніемъ, или забвеніемъ, или невольно, или отъ нужды, или отъ немощи плотской, хотя и нехотя, согрѣшаемъ, по Апостолу: »не бо еже хощу творю». И опять: »окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея».

Каждый, кто обучился умному дѣланію, всякій разъ какъ онъ молится, лучше же сказать, творитъ молитву Іисусову, за грѣхи свои или противъ злыхъ помысловъ, какъ сказано, молится, и да не поетъ много псалмовъ. Потому что поющіе много не разумѣютъ, что поютъ, сказалъ Новый Богословъ: ибо пѣть много повелѣно было тѣмъ, кто не постигаетъ того, что поетъ. Подобно и св. Исаакъ сказалъ: хочешь ли напитаться отъ стихословія твоей службы? Совершенно оставь количество и не поставляй въ немъ мѣру разумности. Ср. же Григорій Синаитъ сказалъ: одни учатъ пѣть много, другіе — мало; ты же не много пой, но подражай мало поющимъ. Ибо много пѣть свойственно дѣятельнымъ, а не безмолвствующимъ; ибо по образу жизни нашей подобаетъ и пѣнію нашему быть ангельскому, а не плотскому, чтобы не сказать языческому. Пѣть голосомъ и восклицаніемъ предано намъ ради лѣности нашей и невѣдѣнія, и никто изъ святыхъ не принялъ на себя большаго труда, чтобы слагать слова и писанія объ одномъ псалмопѣніи. Ибо какая нужда много писать о томъ, что всѣ, не только монахи, но и мірскіе люди знаютъ и могутъ пѣть сколько пожелаютъ, какъ уже было сказано?

Объ одной же той краткой и въ пяти словахъ заключающейся молитвѣ, по апостольскому слову: а — Господи, в — Іисусе, г — Христе, д — помилуй, е — мя, первый св. Исихій написалъ двѣсти главъ, ничего другого не изложивъ въ нихъ, какъ только одно блюденіе ума и эту священную молитву Іисусову.

Подобнымъ же образомъ и св. св. Іоаннъ Златоустъ, Иг-

натій, Фотій и Каллистъ, бывшіе преемственно патріархами Константинопольскаго престола, каждый въ отдѣльности, написали цѣлыя книги объ этой единой, краткой молитвѣ и вниманіи, исполненныя глубокой мудрости, какъ сказалъ св. Симеонъ, архіепископъ Солунскій, который и самъ приложилъ къ святой своей книгѣ до шести главъ, повелѣвая духовнымъ и мірскимъ людямъ творить, дѣйствовать, какъ свое дыханіе, умомъ и устами эту священную молитву. Тому же учатъ и св. св. Нилъ Постникъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Филоѳей Синаитъ, Максимъ Исповѣдникъ, Симеонъ Новый Богословъ, Никита Стифатъ, Діадохъ, Петръ Дамаскинъ, Григорій Синаитъ, Варсонофій, Филимонъ, Исаакъ Сиринъ и послѣ нихъ Нилъ Сорскій.

Всѣ они, и многочисленные другіе, сочинили многія главы о священномъ и умномъ дѣланіи, потому что, взирая на его неудобно постижимую глубину, стремились одинъ за другимъ яснѣйшимъ образомъ показать намъ путь его. Ибо оно (умное дѣланіе) не только мірянами, но и самими монахами не постигается удобно, не какъ внѣшнее пѣніе, о которомъ уже сказано. И какъ корабль, стоящій у берега, каждый человѣкъ можетъ нагружать и разгружать, не испытывая при этомъ никакого препятствія и недоумѣнія, кромѣ одного только труда, когда же отправятъ его въ море нагруженнымъ, тогда одинъ только искусный кормчій можетъ править имъ: такимъ образомъ должно разумѣть и разницу между пѣніемъ внѣшнимъ и умною молитвою. Надлежитъ, св. св. отцы и братія, повиноваться ученію столькихъ св. Отцевъ, учащихъ о священномъ дѣланіи умномъ, а не по примѣру осла, вертящаго жерновъ, топтать однообразный кругъ продолжительнаго пѣнія, не желая идти по истинѣ простымъ путемъ предобрѣйшаго умнаго безмолвія и молитвы. Святые же имѣли такое усердіе объ этомъ священномъ дѣланіи, что повелѣваютъ даже молиться за незнающихъ этого умнаго свѣта сердечнаго, просвѣщающагося именемъ Христа Бога нашего.

Впрочемъ, не сомнѣвайся никто, прекращая долгое пѣніе, будто бы отъ этого лишаешься монашескаго правила.

Какъ вѣрующіе во Христа исполнили весь законъ, хотя и оставили его, такъ и перемѣняющіе многое пѣніе на священное умное дѣланіе исполняютъ все свое правило. И какъ законъ отсылаетъ всѣхъ ко Христу, полагая въ этомъ свое назначеніе, такъ и псалмопѣніе, сообщая намъ предварительное обученіе, возводитъ къ сердечному вниманію и молитвѣ, хотя само и умаляется, ибо оно достигло желаемаго. Если же кто изъ незнающихъ опытно священнаго умнаго дѣланія и не желающихъ ему обучаться, измышляя разныя причины, станетъ говорить или сочинять противное настоящему предисловію, таковой пусть прочтетъ упоминаемыя здѣсь св. книги, которыя написали или святѣйшіе патріархи, или же преподобные отцы, въ особенности же и эту настоящую книгу св. Исихія. И вѣрую Богу, что онъ успокоитъ свою душу или же, какъ неисцѣльно больной, обратитъ свою хулу на св. Отцевъ, такъ написавшихъ, лучше же сказать, на Св. Духа, говорившаго чрезъ нихъ, и это не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, по слову Господа. Аминъ.

Отвѣтивъ посильно недугующимъ сомнѣніемъ и противоборствующимъ возраженіями и правой и лѣвой стороны, нужно приступить къ недоконченному, взявъ слово изъ благовѣствованія Евангельскаго, которое говоритъ: »Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси? откуда убо возрастеша плевелы?» Ибо, какъ невозможно не подкрадываться злу къ добру, такъ и къ этому священному умному дѣланію приплетается прелесть, подобно плющу (смилаксъ) къ дереву. Имѣетъ же она начало отъ мнѣнія и самочинія, врачество которымъ — смиреніе, изслѣдованіе Св. Писанія и совѣтъ духовный, а не уклоненіе отъ обученія умному дѣланію. Ибо св. Григорій Синаитъ говоритъ, что не должны мы бояться или сомнѣваться, призывая Бога; если же нѣкоторые и совратились, повредившись въ умѣ, то знай, что они пострадали это отъ самочинія и высокоумія. Причина же высокоумія заключается въ безразсудномъ и безмѣрномъ постѣ, когда постящійся думаетъ, что совершаетъ добродѣтель, а не для цѣломудрія постится, какъ сказалъ

св. Дорофей; къ тому же даетъ поводъ и уединенная жизнь. И, опровергая первую причину, этотъ святой говоритъ: потому-то царскимъ путемъ всегда и долженъ идти безмолвствующій, такъ какъ излишествующему во всемъ всегда легко сопутствуетъ мнѣніе, которому преемницей бываетъ прелесть. Отсѣкая же вторую причину, говоритъ: сильнымъ и совершеннымъ подобаетъ единоборствовать съ бѣсами и обчажать на нихъ мечъ, то есть слово Божіе. Самый же видъ и дѣло прелести заключается во вражескомъ участіи въ похоти внутреннихъ чреслъ, и во вторыхъ — въ призракѣ въ мечтаніи ума. Предостерегая отъ перваго, онъ говоритъ: хотя врагъ внутри чреслъ и покушается, по своему желанію, показывать видъ духовнаго, вмѣсто теплоты духовной наводя свое жженіе и вмѣсто веселія возбуждая радость безсмысленную и сласть мокротную, и побуждаетъ признавать свою прелесть, какъ благодать дѣйствующую, но время и опытъ и чувство обнаруживаютъ его. Показывая же опасность второго, научаетъ, говоря: ты же, когда безмолвствуешь, никогда не принимай, если что увидишь чувственно, или умно, внѣ или внутри, хотя бы то былъ образъ Христа, или Ангела, или видъ святого, или свѣтъ, или огонь и прочее. Здѣсь опять оживаетъ претыкатель, и, набросившись, сдѣлаетъ умное дѣланіе причиною прелести.

Думаютъ, что прелесть внѣшнему пѣнію не примѣшивается: однако, несомнѣнно, что во всемъ, въ пѣніи-ли или въ молитвѣ одинаково прелесть имѣетъ мѣсто по неискусству дѣлателей, какъ сказалъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ: »Испытаемъ и разсмотримъ и измѣримъ: какая сладость происходитъ въ насъ при псалмопѣніи, отъ блуднаго бѣса, и какая отъ духовныхъ словъ, и отъ заключающейся въ нихъ благодати и силы.» И еще: »Поя и молясь, наблюдай приходящую сладость, чтобы она не была растворена съ отравою.» Смотри же, не одинаково-ли касается прелесть поющихъ, какъ и обучающихся молитвѣ; но такъ какъ незнающіе умнаго дѣланія одну только имѣютъ заботу — окончить пѣсненное правило; о помыслахъ же злыхъ и

кипѣніи похоти не заботятся, то по этой причинѣ они и не сознаютъ, когда похоть сама по себѣ кипитъ и когда возбуждается къ сладострастію вражескимъ участіемъ, и не знаютъ, какъ его избѣжать. Но, какъ говоритъ писаніе, голоса враговъ слышатъ, и принимаютъ удары отъ нихъ, но кто враги, и почему они нападаютъ, того не знаютъ, хотя и на хребтѣ ихъ, лучше же сказать, на лицѣ дѣлаютъ грѣшницы беззаконіе. Понявъ изъ этого, что не умное дѣланіе бываетъ причиною прелести, но одно наше самочиніе и высокоуміе, не слѣдуетъ намъ избѣгать его: ибо оно не прелесть намъ приноситъ, а, наоборотъ, открываетъ умныя очи къ различенію и познанію прелести, которую никто не можетъ понять во вѣки, не обучившись этому священному умному дѣланію, хотя бы онъ былъ и превеликій постникъ и безмолвникъ. Полезно же знать дѣлателямъ и о томъ, что если когда-нибудь теплота, поднявшись отъ чреслъ, сама по себѣ, безъ помысловъ блудныхъ, и дойдетъ до сердца, не должно ужасаться этому, ни малодушествовать, но только однимъ изволеніемъ и умомъ отвращаться отъ нея и, какъ непотребную, прогонять обратно. Но если кто приметъ ее или помыслитъ, какъ благодатную, — прельстится.

Самое же необманчивое дѣйствіе для новоначальныхъ въ молитвѣ заключается въ томъ, чтобы въ сердцѣ начинать умную молитву, и въ сердцѣ кончать такъ, чтобы уму покрываться во глубинѣ сердечной, а не въ похотной части, сказалъ св. патріархъ Каллистъ. Больше же всего должно наблюдать съ самаго начала, чтобы вниманіе въ часъ молитвы не находилось на половинѣ сердца, тѣмъ болѣе ниже сердца, но сверху, глубину внутренности сердца да хранитъ умъ. Причина же этому въ томъ, какъ это познано опытомъ, что если совершающій молитву умъ отъ середины персей взираетъ на половину сердца, то, хотя или нехотя, временами касается похотной теплоты, какъ приближающійся къ чреслямъ. Если же, распознавая ее, и будетъ отвращаться отъ нея, однако многій трудъ и смущеніе имѣетъ поднять отъ неискуснаго своего вниманія. Если

же кто нибудь дерзнетъ творить вниманіе снизу сердца, таковаго умъ, возлегши весь на чреслахъ и оттуда смотря въ глубину сердца и совершая молитву, прелюбодѣйствуетъ въ сердцѣ своемъ, распаляя члены свои сладострастіемъ блуднымъ и добровольно впускаетъ врага внутрь себя, что есть явная прелесть, которой многіе въ нынѣшнее время, по невѣдѣнію, пріобщившись и пострадавши отъ нея, отказались обучаться умному дѣланію, говоря: это дѣло однихъ безстрастныхъ. И такимъ образомъ сдѣлались преткновеніемъ и себѣ и всѣмъ, желающимъ начать это умное вниманіе. Лучше было бы имъ, повѣсивъ камень на шею, утонуть, чѣмъ соблазнять себя и многихъ дѣлателей, такъ какъ они не признались въ своемъ неразуміи и самочинной дерзости, но еще сдѣлались учителями, говоря, что всѣ, желающіе обучаться умному вниманію, такъ же пострадаютъ: да не будетъ этого.

Поэтому каждому должно сверху осѣнять умомъ сердце и всегда смотря въ глубину его, дѣйствовать молитву: ибо тамъ есть, по писанію, среда сердца, а не сбоку отъ персей, и на ней покоясь, какъ царь на высотѣ престола, имъ можетъ всегда удаляться отъ чреслъ и теплоту похотную прогонять обратно, въ особенности же съ высоты ея различать всѣхъ пресмыкающихся предъ собою внизу, и однихъ отвращаться, другихъ изгонять, третьихъ же, какъ младенцевъ вавилонскихъ, убивать о камень, который есть Христосъ.

Надсловіе

*на книгу Блаженнаго отца Нила Сорскаго.**)

Святые Отцы, поучая однѣми заповѣдями Христовыми преодолѣвать страсти и очищать сердце отъ злыхъ помысловъ, опредѣляютъ имѣть дѣлателямъ какъ два крѣпчай-

*) Преподобный Нилъ Сорскій, русскій подвижникъ 15-го вѣка, нѣсколько лѣтъ странствовавшій по востоку, по Аѳонскимъ и Константинопольскимъ монастырямъ, возвратившись въ Россію, явился здѣсь насадителемъ умнаго дѣланія и скитскаго монашескаго житель-

шихъ оружія — слѣдующее: страхъ Божій и память присутствія Божія, по сказанному: »страхомъ Господнимъ всякъ уклоняется отъ зла», и: »предзрѣхъ Господа предо мною выну, да не подвижуся.» Предлагаютъ кромѣ того имѣть память смерти и геены, а также чтеніе Св. Писаній.

Хорошо все это добродѣтельнымъ и благоговѣйнымъ мужамъ; на нечувственныхъ же и окаменѣнныхъ и сама геена и даже осязательное явленіе Самого Бога не наведетъ никакого страха. Къ тому же и самый умъ въ новоначальныхъ монахахъ скоро притупляется къ памятованію таковыхъ и бѣжитъ отъ нихъ, какъ пчела отъ запаха дыма.

Если же память о нихъ хороша и полезна въ часъ борьбы, однако кромѣ этого добра открыли духовнѣйшіе и опытнѣйшіе отцы еще и другое большее и несравненное добро, могущее помочь даже и очень немощнымъ.

И подобіемъ и образомъ перваго добра являются мелющіе въ жерновахъ своими руками и силою; второго же добра — мелющіе на мельницѣ при помощи воды и разнаго рода изобрѣтеній: какъ вода сама по себѣ приводитъ въ движеніе колеса и каменъ, такъ и пресладкое имя Іисусово, соединенное съ памятью соприсутствующаго въ немъ Бога, во всей полнотѣ живущаго въ Іисусѣ, воздвигаетъ умъ на молитву, о чемъ свидѣтельствуетъ великій въ богословіи Исихій, говоря: »душа благодѣтелсьтвуемая и услаждаемая Іисусомъ, съ какою то радостью и любовію и исповѣданіемъ возсылаетъ хвалу Благодѣтелю, благодаря и призывая Его съ веселіемъ». И еще: »какъ невозможно жить

ства со строгимъ нестяжательствомъ. Для своихъ учениковъ онъ написалъ книгу объ умномъ дѣланіи, которая называется »Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ». Эта книга рекомендуется наставниками умной молитвы, какъ необходимое пособіе для новоначальныхъ подвижниковъ. Мы не приводимъ изъ нея выдержекъ, но рекомендуемъ прочитать ее полностію тѣмъ, кто интересуется умнымъ дѣланіемъ. Написана она по церковно-славянски, но имѣется подробное ея изложеніе на русскомъ языкѣ Еп. Іустина: »Преподобный и богоносный отецъ нашъ Нилъ, подвижникъ Сорскій, и уставъ его о скитской жизни». Изд. Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря. Москва 1902 г.

нынѣшнею жизнью безъ пищи и питія, такъ невозможно безъ храненія ума достигнуть душѣ чего либо духовнаго и Богу угоднаго, или избавиться отъ мысленнаго грѣха, хотя бы кто страхомъ мукъ и принуждалъ себя не грѣшить.» И еще: »помыслы, противъ воли нашей втѣснившіеся, укрѣпившіеся и стоящіе въ сердцѣ, можетъ прогонять лишь молитва Іисусова изъ глубины сердца.»

Опытомъ постигшій тайну таковаго порядка и обученія умной молитвѣ, великій старецъ, преподобный отецъ нашъ Нилъ, пустынникъ Сорскій, составилъ настоящую книгу, показывая въ ней начало умнаго дѣланія, и нашу побѣду и одолѣніе невидимыхъ противниковъ. Ибо первымъ способомъ (безъ умнаго вниманія), хотя и достигался бы нѣкоторый успѣхъ, однако очень медленно и съ трудомъ. Вторымъ же этимъ способомъ труженикъ скоро и легко приближается къ Богу, сказалъ св. Григорій Синаитъ. Тамъ бываетъ одно внѣшнее моленіе, поученіе и дѣланіе заповѣдей, здѣсь же и то другое: внѣшнее и внутреннее храненіе.

Итакъ, когда новоначальный монахъ по отреченіи отъ міра и совершенія великихъ и смертныхъ грѣховъ, даетъ обѣтъ предъ Богомъ уклоняться не только грѣховъ малыхъ повседневныхъ и простительныхъ, о которыхъ Самъ Господь заповѣдалъ непрестанно молиться, но и дѣйствованія самихъ грѣховныхъ страстей и злыхъ помысловъ и, войдя умомъ своимъ внутрь сердца, начнетъ призывать Господа Іисуса на всю силу вражію и на всякій злой помыселъ; или, если по немощи своей приметъ вражіе внушеніе, но, преступивъ заповѣди Христовы, припадетъ къ Господу съ сердечною молитвою, каясь, укоряя себя, и въ такомъ состояніи будетъ находиться даже до своей кончины, падая и вставая, побѣждаясь и побѣждая и прося день и ночь защиты отъ противника своего, — не будетъ-ли такому дана непостыдная надежда получить спасеніе? Ибо бываютъ, какъ учитъ опытъ, у подвизающихся паденія (не къ смерти), мысленныя и чувственныя, какъ то: мыслію, яростію и похотію, отъ тричастнаго состава души; или чрезъ чувства тѣлесныя,

т. е. зрѣніемъ, слухомъ, словомъ, вкусомъ, осязаніемъ и обоняніемъ. И нѣтъ возможности даже и самымъ великимъ мужамъ избѣжать до конца этихъ повседневныхъ грѣховъ не къ смерти, начало которыхъ въ словѣ, мысли, невѣденіи, забвеніи, неволѣ, волѣ, случаѣ, каковые и прощаются вседневною благодатію Христовою, какъ сказалъ св. Кассіанъ. Если же кто по малодушію скажетъ, что св. Кассіанъ думаетъ такъ объ однихъ только святыхъ, очищающихся благодатію Христовою отъ таковыхъ ежедневныхъ грѣховъ, а не о новоначальныхъ и страстныхъ, пусть будетъ мѣсто и такому мнѣнію. Однако разсуждать и рѣшать объ этомъ должно по преимуществу на основаніи святыхъ писаній, которыя уясняютъ, какимъ образомъ каждый новоначальный и страстный осуждается за эти повседневные грѣхи и страсти, подвергаясь вѣчной мукѣ, и какъ онъ можетъ снова получить благодатію Христовою прощеніе, какъ и всѣ святые, ежечаснымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Богомъ.

Есть, говоритъ св. Дорооей, дѣйствующій по страсти, которой, услышавъ одно слово, раздражается и отвѣчаетъ пятью или десятью словами на одно, и враждуетъ и раздражается, и, по минованіи огорченія, продолжаетъ помышлять злое на сказавшаго ему обидное слово и, злопамятуя на него, печалится, что не сказалъ больше того, что уже сказано, и готовитъ про себя еще болѣе жестокія слова, чтобы сказать ему, и все время сожалѣетъ: почему не отвѣтилъ ему такъ-то, и скажу ему еще такъ-то, и всегда гнѣвается. Это — одно устроеніе, когда держать злобу становится обычаемъ. Богъ да избавитъ насъ отъ такого устроенія! Ибо оно подлежитъ вѣчному мученію. Есть же и другой, который раздражается отъ одного слова и тоже отвѣчаетъ пятью или десятью словами на одно, и скорбитъ, что не сказалъ еще три другихъ болѣе обидныхъ слова, и печалится, и помнитъ зло. Но проходитъ немного дней, и онъ измѣняется; иной пребываетъ въ такомъ состояніи недѣлю и затѣмъ перестаетъ; а другой ограничивается только однимъ днемъ; иной же досаждаетъ, враждуетъ, раздражается

и раздражаетъ и тотчасъ измѣняется. Вотъ сколько различныхъ устроеній, и всѣ они находятся подъ осужденіемъ ада, пока продолжаютъ дѣйствовать.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, равно и изъ другихъ, ясно можно видѣть, почему страстный не можетъ очиститься вседневною благодатію Христовою отъ грѣховъ, почитаемыхъ малыми и не смертными.

Надлежитъ же рѣшить теперь, при какихъ обстоятельствахъ бываютъ простительны новоначальнымъ и страстнымъ такіе грѣхи. Тотъ же св. Дороѳей сказалъ: бываетъ, что иной скорбитъ самъ въ себѣ, когда услышитъ что-нибудь обидное, но не потому, что принялъ досажденіе, а потому, что не перенесъ обиды. Такой имѣетъ устроеніе подвизающихся, сопротивляющихся страсти. Другой подвизается и трудится, напослѣдокъ же побѣждается силою страсти. Иной не хочетъ отвѣчать зломъ, увлекается же привычкою. Иной налагаетъ на себя подвигъ не говорить ничего худого, но скорбитъ о полученной обидѣ, и упрекаетъ себя за то, что скорбитъ и кается въ этомъ. Другой хотя и не скорбитъ о томъ, что получилъ досажденіе, но и не радуется. Всѣ эти — суть, сопротивляющіеся страсти: они своею волею борятся со страстью, не хотятъ дѣйствовать по страсти, и скорбятъ и подвизаются. Отцы же сказали, что всякое дѣло, котораго не хочетъ душа, скоропреходяще. Скажу же вамъ и притчу, кому подобенъ дѣйствующій по страсти и принимающій ее: онъ подобенъ человѣку, который будучи пораженъ отъ врага своего стрѣлою, беретъ эту стрѣлу собственными руками и вонзаетъ въ свое сердце. Сопротивляющійся же страсти подобенъ осыпаемому стрѣлами врага своего, но облеченному въ броню, и потому не получающему ранъ. Такой, хотя и страстенъ, однако можетъ благодатію Христовою получить прощеніе въ тѣхъ вседневныхъ грѣхахъ, которые не по намѣренію, но невольно бываютъ; и о которыхъ Господь заповѣдалъ святому Петру прощать »до седмьдесять кратъ седмерицею» на каждый день.

Подтверждая это, св. Анастасій Синаитъ говоритъ: по-

знаваемъ и размышляемъ о принимающихъ св. Тайны Тѣла и Крови Господней, что если и имѣютъ нѣкоторые малые и легко извинительные грѣхи, какъ то: языкомъ, слухомъ или зрѣніемъ будучи соблазнены, или тщеславіемъ, или печалію, или яростію, или чѣмъ-либо подобнымъ, каясь въ этомъ и исповѣдаясь Богу, и такимъ образомъ принимаютъ Св. Тайны, вѣруемъ, что въ очищеніе грѣховъ бываетъ имъ принятіе Св. Тайнъ. Подобно сему сказалъ и св. Пименъ: предпочитаю человѣка согрѣшившаго и кающагося — не согрѣшающему и не кающемуся.

А такъ какъ въ началѣ говорилось объ искуснѣйшемъ преодолѣніи страстей умною молитвою и заповѣдями, то надлежитъ уже изложить яснѣйшимъ образомъ и самый ходъ умнаго сраженія со страстями. Итакъ, находитъ-ли искушеніе врага въ видѣ какой-либо страсти или злого помысла, призываетъ дѣлатель Христа на него, и погибаетъ діаволъ съ прилогомъ его. Падаетъ-ли кто, по немощи мыслію или словомъ, или яростію или пожеланіемъ плотскимъ, — умоляетъ Христа, исповѣдаясь и каясь Ему. Охваченъ-ли бываетъ унынiемъ и печалью, стѣсняющими его умъ и сердце, — обращается къ памятованію смерти и геены и вездѣсущаго Бога, и немного надъ этимъ потрудившись, призываетъ Христа. Потомъ, обрѣтая миръ отъ брани, снова молитъ Христа быть милостивымъ къ нему за грѣхи вольные и невольные; и чистосердечно въ часъ брани и мира душевнаго прибѣгаетъ ко Христу, и бываетъ ему Христосъ всѣмъ и во всѣхъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ приключеніяхъ. И не увлекается таковой мнѣніемъ, что онъ совершаетъ какой-то подвигъ, молясь или угождая Богу: ибо все его моленіе имѣетъ своимъ началомъ и концомъ страхъ предъ мученіями и покаяніе въ грѣхахъ; ибо иной есть смыслъ внѣшняго моленія и иной — внутренняго. Тотъ, исполняя пѣніе количествомъ, уповаетъ на Бога; оставляя же его, осуждаетъ себя; этотъ же, уязвляемый своею совѣстью въ ежечасныхъ грѣхахъ, о которыхъ было сказано, и терпя нашествіе вражескихъ искушеній — всегда взываетъ ко Христу, нося въ умѣ слѣдующее изреченіе: »если

взойдешь и на всю лѣстницу совершенства, молись объ оставленіи грѣховъ». И еще: «хочу пять словъ произнести умомъ, нежели тысячу языкомъ». И такимъ образомъ, безъ всякаго сомнѣнія, выполняетъ указанное св. Дорооеемъ сопротивленіе страстямъ: и даже большее нѣчто, такъ какъ святой только до скорби устанавливаетъ сопротивленіе страстямъ, приводя и притчу, что таковые подобны обстрѣливаемымъ врагомъ, но облеченнымъ въ броню и не получающимъ ранъ. Принялъ же это святой отъ Пророка: вотъ, говоритъ, поскорбѣлъ и отошелъ печальнымъ, и исцѣлю пути его. Также и Златоустъ сказалъ: если только поскорбишь о грѣхахъ, и то ты получишь великое облегченіе. Здѣсь же не одна только скорбь, но и молитва, и сокрушеніе, и покаяніе, и намѣреніе доброе на храненіе заповѣдей, и воздыханіе, и исповѣданіе. Подобно этому и самая молитва на сонъ грядущимъ поучаетъ, говоря: «аще именемъ Твоимъ кляхся, или похулихъ е въ помышленіи моемъ, или кого укорихъ, или оклеветахъ кого гнѣвомъ моимъ, или опечалихъ, или о чемъ прогнѣвахся», и прочія воспоминанія о грѣхахъ простительныхъ и невольныхъ, случающихся обучающимся въ умномъ дѣланіи. Видя эти повсечасныя грѣхопаденія, и полагая, что всякій, обучающійся этому священному дѣланію, долженъ быть чистъ отъ таковыхъ, многіе не хотятъ даже и очей своихъ возвести къ умному дѣланію: но это не такъ, какъ уже и было показано. Развѣ только кто воленъ поступать по страстямъ своимъ, и тогда тѣ-же самыя страсти и грѣхи одному бываютъ къ жизни, другому же къ смерти: одинъ приходитъ отъ нихъ въ смиреніе и познаніе своей немощи и въ покаяніе; другой же, отъ дерзости своей, въ ожесточеніе и погибель вѣчную. Если же кто скажетъ, что можно и безъ умнаго дѣланія очиститься отъ таковыхъ грѣховъ, чрезъ благодать Христову, покаяніемъ, тому, повторивъ все здѣсь написанное, дается такой отвѣтъ: о, ты, таковой человѣкъ, положи передъ мною съ одной стороны заповѣди Христовы, съ другой же постоянную молитву объ оставленіи грѣховъ нашихъ. Дай же мнѣ и истинное намѣреніе не преступать даже и одной за-

повѣди, т. е. не похотствовать, не гнѣваться, не осуждать, не клеветать, не лгать, не празднословить, любить враговъ, дѣлать добро ненавидящимъ, молиться за творящихъ напасть; также уклоняться сластолюбія, сребролюбія, блудныхъ помысловъ, печали, тщеславія и непослушанія, и просто всѣхъ грѣховъ и помысловъ злыхъ. И съ такимъ намѣреніемъ приступи къ обученію умному дѣланію, и внимай прилежно, сколько разъ ежедневно, вопреки своему намѣренію, ты преступишь заповѣди, и сколькими грѣхами, страстьми и злыми помыслами будешь уязвленъ. Возьми себѣ въ примѣръ и ту вдовицу, которая день и ночь припадала къ судьѣ, и начни взывать ко Христу ежечасно, за каждую заповѣдь, тобой нарушенную, и за всякую страсть и злой помыслъ, какими ты побѣждаешься. Возьми ко всему этому добраго совѣтника, святое писаніе. И пробывъ нѣкоторое время въ такихъ благочестивыхъ занятіяхъ, пріиди и преподай мнѣ, что увидишь въ душѣ твоей. Развѣ и самъ ты не признаешь, какъ невозможную вещь, достигнуть такого вниманія лишь внѣшнимъ моленіемъ, помимо единаго умнаго дѣланія? Ибо оно одно обучаетъ своего дѣлателя таковымъ таинствамъ и возвѣщаетъ душѣ его, что, оставляя многое псалмопѣніе, каноны и тропари, и все усердіе обращая на умную молитву, онъ не погубляетъ своего правила, но напротивъ — умножаетъ его. И какъ законъ имѣлъ силу и намѣреніе приводить всѣхъ ко Христу, хотя черезъ это онъ какъ бы и умалялся самъ, такъ и многое пѣніе отсылаетъ дѣлателя къ умной молитвѣ, а не простирается на всю монашескую жизнь. Да и самый опытъ такового (пѣнія) учитъ человѣка, когда онъ, моляся, чувствуетъ нѣкоторую преграду между собою и Богомъ, какъ бы мѣдную стѣну, по пророку, не позволяющую уму его ясно взирать къ Богу въ молитвѣ, ни сосредоточирать вниманія въ сердцѣ, въ которомъ вмѣстились всѣ силы душевныя, и источникъ помысловъ добрыхъ и злыхъ . . .

Ознакомивъ васъ съ предисловіями старца схимонаха Василія, привожу:

главы объ умной молитвѣ старца Паисія (Величковскаго).

Предисловіе.

Дошелъ слухъ до меня послѣдняго, что нѣкоторые изъ монашескаго званія*) дерзаютъ хулить Божественную, приснопамятную и Боготворную Іисусову, умомъ въ сердцѣ священнодѣйствуемую, молитву, назидая таковое свое языкоболіе на лесцѣ суемудрія, безъ всякаго свидѣтельства. Вооружаетъ ихъ, дерзаю сказать, на это врагъ, чтобы ихъ языками, какъ своимъ орудіемъ, опорочить это пренепорочное и Божественное дѣло, и слѣпотою ихъ разума помрачить это мысленное солнце. Поэтому, оплакавъ такое зломудріе этихъ *заблуждающихъ отъ чрева и глаголющихъ лжу* (Псал. 57: 4) и опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ неутвержденныхъ въ разумѣ, слыша такія ихъ баснословія, не впалъ въ подобный имъ ровъ злохуленія, и смертно не согрѣшилъ предъ Богомъ, похуливъ ученіе премногихъ Богоносныхъ отцевъ нашихъ, свидѣтельствующихъ и учащихъ о сей Божественной молитвѣ изъ просвѣщенія Божественной благодати, къ тому же и не терпя болѣе слышать хульныя рѣчи на это пренепорочное дѣланіе, и въ добавокъ, убѣждаемый просьбою ревнителей этого душеспасительнаго дѣланія, — рѣшился я, хотя это и превышаетъ немощной мой умъ и слабыя силы, призвавъ на помощь сладчайшаго моего Іисуса, безъ Котораго никто не можетъ что-нибудь дѣлать, въ опроверженіе лжеименнаго разума пустоумныхъ и на утвержденіе Богоизбраннаго стада о имени Христовомъ собравшихся въ нашей обители братій, написать мало нѣчто о Божественной умной молитвѣ выписками изъ ученія святыхъ отцевъ, для твердаго, непоколебимаго и несомнѣннаго о ней удостовѣренія.

Будучи прахъ и пепелъ, преклоняю мысленныя колѣна

*) Во времена старца Паисія особеннымъ хулителемъ умной молитвы явился нѣкоторый суеумный философъ-монахъ, пребывавшій въ Мошенскихъ горахъ въ Молдавіи. Противъ него въ особенности и написанъ этотъ »Свитокъ», какъ назвалъ старецъ Паисій свою статью.

сердца моего предъ неприступнымъ величествомъ Твоей Божественной славы, и молю Тебя, всесладчайшій мой Іисусе, Единородный Сыне и Слове Божій, сіяніе славы и образъ ипостаси Отчей! просвѣти помраченный мой умъ и помыслъ и даруй Твою благодать окаянной душѣ моей, чтобы этотъ трудъ мой послужилъ во славу пресвятаго Твоего имени, и въ пользу тѣмъ, кои хотятъ, чрезъ умное и священное дѣланіе молитвы, умно прилѣпляться Тебѣ, Богу нашему, и Тебя, безцѣннаго бисера, непрестанно носить въ душѣ своей и въ сердцѣ, и на исправленіе тѣхъ, которые по крайнему своему невѣдѣнію дерзнули похулить это Божественное дѣланіе!

Глава 1-я.

О томъ, что умная молитва есть дѣланіе древнихъ святыхъ отцевъ, и противъ хулителей этой священной и пренепорочной молитвы.

Пусть будетъ извѣстно, что это Божественное дѣланіе священной умной молитвы, было непрестаннымъ дѣломъ древнихъ Богоносныхъ отцевъ нашихъ, и на многихъ мѣстахъ пустынныхъ, и въ общежительныхъ монастыряхъ, какъ солнце, просіяло оно между монахами: въ Синайской горѣ, въ Египетскомъ скитѣ, въ Нитрійской горѣ, въ Іерусалимѣ и въ монастыряхъ, которые окрестъ Іерусалима, и просто сказать — на всемъ Востокѣ, въ Цареградѣ, на Аѳонской горѣ и на морскихъ островахъ; а въ послѣднія времена, благодатію Христовою — и въ Великой Россіи. Этимъ умнымъ вниманіемъ священной молитвы, многіе изъ Богоносныхъ нашихъ отцевъ, разжегшись серафимскимъ пламенемъ любви къ Богу, и по Богѣ къ ближнему, содѣлались строжайшими хранителями заповѣдей Божіихъ, и, очистивъ свои души и сердца отъ всѣхъ пороковъ ветхаго человѣка, удостоились быть избранными сосудами Святаго Духа. Исполнившись Его различныхъ Божественныхъ даровъ, они явились по своей жизни свѣтилами и огненными столпами для вселенной, и, содѣлавъ безчисленныя чуде-

са, дѣломъ и словомъ привели неисчетное множество человѣческихъ душъ ко спасенію. Изъ нихъ-то многіе, подвигшись тайнымъ Божественнымъ вдохновеніемъ, написали книги своихъ ученій объ этой Божественной умной молитвѣ, по силѣ Божественныхъ Писаній Ветхаго и Новаго Завѣта, исполненныя премудрости Святаго Духа, И это было по особенному Промыслу Божію, чтобы какънибудь въ послѣднія времена это Божественное дѣло не пришло въ забвеніе. Изъ этихъ книгъ многія, Божіимъ грѣховъ ради нашихъ попущеніемъ, истреблены Сарацынами, покорившими Греческое царство; нѣкоторыя же по смотрѣнію Божію сохранились до нашихъ временъ.

На помянутое Божественное умное дѣланіе и храненіе сердечнаго рая, никогда никто изъ правовѣрующихъ не дерзнулъ произнести хулы; но всегда всѣ относились къ нему съ великою честію и крайнимъ благоговѣніемъ, какъ къ вещи, исполненной всякой духовной пользы. Но начальникъ злобы и супостатъ всякаго благаго дѣла — діаволъ, видя, что наиболѣе чрезъ это дѣланіе умной молитвы монашескій чинъ, избирая благую часть, сидитъ неотторжною любовію у ногъ Іисусовыхъ, преуспѣвая въ совершенство Его Божественныхъ заповѣдей, и чрезъ то дѣлается свѣтомъ и просвѣщеніемъ міру, — началъ таять завистію и употреблять всѣ свои козни, чтобы опорочить и похулить это душеспасительное дѣло, и, если можно, совершенно истребить съ лица земли. И то, какъ сказано выше, чрезъ Сарацынъ, во всемъ ему подобныхъ, истреблялъ книги; то въ чистую и небесную этого дѣланія пшеницу насѣвалъ свои душетлѣнные плевелы, чтобы посредствомъ безразсудныхъ нанести на это спасительное дѣло хулу тѣмъ, что самочинники, касавшіеся этого дѣланія, ради своего возношенія, вмѣсто пшеницы пожинали терніе, и вмѣсто спасенія находили погибель. И этимъ еще діаволъ не удовольствовался, но нашелъ въ Италіянскихъ странахъ Калабрійскаго змія, предтечу антихристова, гордостію во всемъ подобнаго діаволу, еретика Варлаама, и поселившись въ немъ со всею своею силою, подвигъ его хулить нашу Православную

вѣру, какъ объ этомъ подробно пишется въ постной тріоди, въ синаксарѣ второй недѣли святаго Великаго поста. Между прочимъ дерзнулъ онъ различно, и языкомъ и рукой, хулить и отвергать и священную умную молитву, какъ пишетъ объ этомъ въ своей священной книгѣ, въ главѣ 31-й, иже во святыхъ отецъ нашъ Симеонъ, Архіепископъ Ѳессалонитскій, котораго и подлинныя слова предлагаю здѣсь, говорящаго такъ:

»Этотъ окаянный Варлаамъ многое хулилъ и писалъ и на священную молитву, и на Божественную, что на Ѳаворѣ (Мо. 17: 5), благодать и осіяніе. Не понявъ, и даже неспособный понять (да какъ и постигнуть это тому, кто умомъ осуетился, и въ мечтаніи мысли съ гордымъ соединенъ?), что значатъ слова: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5: 18), ни того, что значатъ слова: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ* (1 Кор. 14: 15); также: *воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви* (Кол. 3: 16); и что *посла Богъ Духа Сына Своего*, то есть благодать, *въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче* (Гал. 4: 6); также: *хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, нежели тмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14: 19), — онъ отвергъ и умную молитву, или лучше, призываніе Господне, которое есть и исповѣданіе Петра, исповѣдавшаго: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мо. 16: 16), и преданіе самого Господа, говорящаго во Евангеліи: *еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (Іоан. 15: 16); также: *Именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ* (Марк. 16: 17), и прочее. Вѣдь имя Его есть животъ вѣчный: *сія же*, говоритъ, *писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и да вѣрующе животъ имате во имя Его* (Іоан. 20: 31); и Духа Святаго преподаетъ призываніе Христово: *никто же можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12: 3), да и тысячекратно объ этомъ сказано».

Что же успѣлъ своимъ начинаніемъ началозлобный змѣй съ сыномъ погибели, треклятымъ еретикомъ Варлаамомъ, котораго, какъ я сказалъ, научилъ онъ на хуленіе противъ священной умной молитвы? Возмогъ ли его хуленіемъ помрачить свѣтъ этого умнаго дѣланія, и, какъ онъ надѣялся,

до конца истребить? Никакъ. Но болѣзнь его обратилась на главу его. Въ то время великій поборникъ и представитель благочестія, пресвѣтлый между святыми, отецъ нашъ Григорій, Архіепископъ Ѳессалонитскій Палама, который въ совершенномъ послушаніи и непрестанномъ священномъ упражненіи умной молитвы, какъ солнце, просіялъ на святой Аѳонской горѣ дарованіями Святаго Духа, еще прежде возведенія на Архіерейскій престолъ этой Церкви, въ царствованіе Божественнѣйшаго царя Андроника Палеолога въ царствующемъ градѣ, во именитомъ великомъ храмѣ Премудрости Божіей, на Соборѣ, собравшемся противъ вышепомянутаго еретика Варлаама, исполнившись Духа Божія, облекшись въ непреоборимую силу свыше, отверстыя на Бога уста того заградилъ, и въ конецъ посрамилъ, и хвастныя его ереси и всѣ его хуленія огнедухновенными словами и писаніями сжегъ, и въ пепелъ обратилъ. И всею Соборною Божіею Церковію этотъ Варлаамъ еретикъ съ Акиндиномъ и всѣми своими единомышленниками трижды преданъ анаѳемѣ. Но и донынѣ тою-же Церковію ежегодно въ недѣлю Православія, вмѣстѣ съ прочими еретиками, онъ проклинается такъ: Варлааму и Акиндину и послѣдователямъ и преемникамъ ихъ — анаѳема трижды.

Глядите здѣсь, други, дерзающіе хулить умную молитву, и разсмотрите, кто былъ первый ея хулитель: не еретикъ ли Варлаамъ, трижды Церковію преданный анаѳемѣ и имѣющій проклинаться во вѣки? Не пріобщаетесь ли и вы вашимъ злохуленіемъ этому еретику и его единомысленникамъ? Ужели не трепещете душею вашею подпасть подобному имъ церковному проклятію, и быть отчужденными отъ Бога? Возставая на священнѣйшее дѣло и соблазняя вашимъ злохуленіемъ души неутвержденныхъ въ разумѣ ближнихъ вашихъ, ужели не ужасаетесь страшной за это въ Евангеліи Божіей грозы? Развѣ не боитесь, по слову Апостольскому: *страшно есть впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10: 31), подпасть за это, если не покаетесь, и временной, и вѣчной казни? Какую благовидную причину изобрѣли вы, чтобы похулить эту пренепорочную и блаженнѣйшую вещь?

Совершенно недоумѣваю. Призваніе ли имени Іисусова, думается вамъ, неполезно? Но и спастись о иномъ комъ нѣтъ возможности, токмо о имени Господа нашего Іисуса Христа. Умъ ли человѣческій, которымъ дѣйствуется молитва, пороченъ? Но это невозможно. Вѣдь Богъ создалъ человѣка по образу Своему и по подобію; образъ же Божій и подобіе, это — душа человѣка, которая, по созданію Божію, чиста и непорочна: значитъ и умъ, будучи начальнѣйшимъ душевнымъ чувствомъ, какъ и въ тѣлѣ зрѣніе, также непороченъ. Но не сердце ли, на которомъ, какъ на жертвенникѣ, умъ священнодѣйствуетъ Богу тайную жертву молитвы, заслуживаетъ хулы? Никакъ. Будучи созданіе Божіе, какъ и все человѣческое тѣло, оно — прекрасно. Если же призываніе Іисусово — спасительно; а умъ и сердце человѣка суть дѣло рукъ Божіихъ; то какой порокъ человѣку — возсылать изъ глубины сердца умомъ молитву къ сладчайшему Іисусу, и просить отъ Него милости? Или не потому ли вы хулите и отвергаете умную молитву, что вамъ думается, будто Богъ не слышитъ тайной, въ сердцѣ совершаемой молитвы, но слышитъ только ту, которая произносится устами? Но это хула на Бога: вѣдь Богъ сердцевѣдецъ, и въ точности знаетъ всѣ самыя тончайшія сердечныя мысли, и даже будущія, и знаетъ все какъ Богъ и Всевѣдецъ. Да и Самъ Онъ требуетъ, какъ чистой и непорочной жертвы, именно такой тайной молитвы, возсылаемой изъ глубины сердца, заповѣдавъ: *Ты же егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Мѳ. 6: 6); каковыя слова Христовы уста, всемірное свѣтило, вселенскій учитель, святый Іоаннъ Златоустъ, въ бесѣдѣ девятнадцатой на Евангеліе отъ Матѳея, Богоданною Святаго Духа премудростію, относитъ не къ той молитвѣ, которая произносится одними только устами и языкомъ; но къ самой тайной, безгласной, изъ глубины сердца возсылаемой молитвѣ, которую онъ учитъ совершать не дѣйствіями тѣла, и не крикомъ голоса, но усерднѣйшимъ произволеніемъ, со всякою тихостію, съ сокрушеніемъ мыс-

лей и внутренними слезами, съ душевною болѣзнію и затвореніемъ мысленныхъ дверей. И приводитъ въ свидѣтельство объ этой молитвѣ изъ Божественнаго Писанія — Боговидца Моисея, и святую Анну и праведнаго Авеля, говоря такъ. »Но болѣзнуешь ли душой? не можешь и не вопить, потому что молиться и просить такъ, какъ я сказалъ, свойственно очень болѣзчующему. И Моисей, болѣзнуя, такъ молился и болѣзнь его слышалась, почему и говорилъ къ нему Богъ: *что вопіеши ко мнѣ?* (Исх. 14: 15). И Анна, опять, исполнила все, что хотѣла, а гласъ ея не слышался, потому что вопіяло ея сердце. Авель же не молча ли, и даже скончавшись, молился? и кровь его испускала гласъ, превосходнѣйшій гласа трубы. Стени и ты такъ же, какъ и святый Моисей, не возбраняю. Раздери, какъ повелѣлъ Пророкъ, сердце твое, а не ризы. Изъ глубины призови Бога: *изъ глубины*, говоритъ, *воззвахъ къ тебѣ, Господи;* снизу, изъ сердца привлеки гласъ; сдѣлай молитву твою таинствомъ.» И ниже: »вѣдь не человѣкамъ молишься, но Богу вездѣсущему, слышащему прежде голоса, и знающему мысли непроизнесенныя: если такъ молишься, получишь великую мзду. *Отецъ твой*, говоритъ, *видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ*». И ниже: »Такъ какъ Онъ невидимъ, то хочетъ, чтобы и молитва твоя была такою-же».

Видите ли, друзья, что по свидѣтельству непреоборимаго столпа Православія, есть другая, кромѣ произносимой устами, тайная, невидимая, безгласная изъ глубины сердца возносимая къ Богу молитва, которую, какъ чистую жертву, пріемлетъ Господь въ воню благоуханія духовнаго, радуется о ней и веселится, видя, что умъ, который по преимуществу должно посвящать Богу, соединяется Ему молитвою. Зачѣмъ же на эту молитву, свидѣтельствуемую Христовыми устами, святымъ, говорю, Іоанномъ Златоустомъ, вооружаете хулою свой языкъ, хуля, злословя, ненавидя, ругаясь, отвергая и отвращаясь, какъ отъ какой вещи скверной, и, кратко сказать, не терпя и слышать? Ужасъ и трепетъ объемлетъ меня по причинѣ такого безсловеснаго вашего начинанія.

Но и еще, изыскивая причины вашей хулы, спрашиваю васъ: не потому-ли хулите эту спасительнѣйшую молитву, что, можетъ быть, случилось вамъ видѣть или слышать, что кто-нибудь изъ дѣлателей этой молитвы изступилъ ума, или принялъ какую-нибудь прелесть вмѣсто истины, или потерпѣлъ какой-нибудь душевный вредъ? и потому розмнилось вамъ, будто умная молитва служитъ причиною такого вреда? Но нѣтъ, нѣтъ! На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Священная умная молитва, по силѣ писаній Богоносныхъ отцевъ, дѣйствуемая Божіей благодатію, очищаетъ человѣка отъ всѣхъ страстей, возбуждаетъ къ усерднѣйшему храненію заповѣдей Божіихъ, и отъ всѣхъ стрѣлъ вражіихъ и прелестей хранитъ невредимымъ. Если же кто дерзнетъ дѣйствовать эту молитву самочинно, не по силѣ ученія святыхъ отцевъ, безъ вопрошенія и совѣта опытныхъ, и будучи надмененъ, страстенъ и немощенъ, живетъ безъ послушанія и повиновенія, и къ тому же гоняется единственно за пустынножитіемъ, котораго, за свое самочиніе, онъ и слѣда видѣть не достоинъ: таковый, воистину, и я утверждаю, удобно впадаетъ во всѣ сѣти и прелести діавольскія. Что же? Молитва ли эта причиною такой прелести? Никакъ. Если же вы за это порочите мысленную молитву; то пусть будетъ для васъ пороченъ и ножъ, если бы случилось малому ребенку, играя, по причинѣ неразумія, заколоть себя имъ. Также, по вашему, нужно запретить и воинамъ употребленіе воинскаго меча, который они принимаютъ противъ враговъ, если бы случилось какому нибудь безумному воину заколоть себя своимъ мечемъ. Но какъ ножъ и мечъ не служатъ причиною ни одного порока; но только обличаютъ безуміе заклавшихъ себя ими: такъ и мечъ духовный, священная, говорю, умная молитва неповинна ни одному пороку; но самочиніе и гордость самочинниковъ служатъ причиною бѣсовскихъ прелестей и всякаго душевнаго вреда.

Но къ чему еще, какъ будто недоумѣвая доселѣ, спрашиваю у васъ причины вашего злохуленія на эту священную молитву? Знаю навѣрно, о други! знаю самую суще-

ственную причину вашего языкоболія: 1-е, не по заповѣди Божіей, то есть, не съ испытаніемъ, наше чтеніе Священнихъ Писаній; 2-е, недовѣріе ученію святыхъ отцевъ нашихъ, учащихъ о сей Божественной умной молитвѣ Богоданною себѣ премудростію Духа, по силѣ Священныхъ Писаній; 3-е, наконецъ, ваше крайнее невѣжество: вы или можетъ быть, не видѣли и не слышали о ней писаній Богоносныхъ отцевъ нашихъ; или, если не это, то никогда, силы Богомудрыхъ ихъ словъ вы отнюдь не разумѣете, — вотъ самая существенная причина такого вашего зломудрія.

Если бы вы со страхомъ Божіимъ и крѣпкимъ вниманіемъ и несомнѣнною вѣрою съ трудолюбнымъ испытаніемъ и смиренномудріемъ прочитали отеческія книги, приличествующія наиболѣе къ чтенію однимъ монашествующимъ, содержащія въ себѣ весь разумъ жительства Евангельскаго, — отеческія, говорю, книги, которыя также необходимы монахамъ для душевной пользы и исправленія и для стяжанія истиннаго, здраваго, непрелестнаго и смиренномудраго разума, какъ для составленія тѣлесной жизни необходимо дыханіе; если бы вы такъ читали эти книги: то никогда не попустилъ бы вамъ Богъ впасть въ такой ровъ злохуленія. Болѣе: чрезъ это дѣланіе Онъ разжегъ бы васъ Своею Божественною благодатію въ неизреченную Свою любовь, такъ что и вы съ Апостоломъ вопіяли бы: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовы* (Рим. 8, 35), въ которую мы сподобились достигнуть мысленнымъ дѣланіемъ этой молитвы? И вы не только не хулили бы ее, но и душу свою усердствовали бы положить за нее, ощутивъ отъ этого умнаго вниманія самымъ дѣломъ и опытомъ неизреченную душамъ своимъ пользу. А какъ вы книгъ преподобныхъ отцевъ нашихъ съ несомнѣнною вѣрою не прочитываете, или и читая, не довѣряете, какъ это показываютъ плоды вашего хуленія, или совсѣмъ пренебрегаете читать: то и впали вы въ такое Богопротивное мудрованіе, что, какъ бы никогда не слышавшіе христіанскихъ писаній, вы хулите и отвергаете эту священную молитву,

свидѣтельствуемую, по Богомудрому объясненію святыхъ отцевъ, всѣмъ Священнымъ Писаніемъ.

А чтобы избавиться вамъ, и всѣмъ, сомнѣвающимся о ней, отъ такого душевнаго вреда, не нахожу другого приличнѣйшаго врачевства, кромѣ того, что постараюсь, сколько Господь мнѣ Своею благодатію поспѣшитъ и поможетъ, указать, что Богоносные отцы наши, просвѣщенные Божественною благодатію, утверждаютъ зданіе душеполезнаго своего ученія объ этой всесвященной, умомъ въ сердцѣ тайнодѣйствуемой молитвѣ, на недвижимомъ камени Священнаго Писанія. Вы же, увидѣвъ сами явно и ясно, при содѣйствіи тайно коснувшейся душамъ вашимъ благодати Божіей, истину ученія святыхъ отцевъ, и исцѣлившись отъ этого душевнаго вашего недуга, принесите Богу о вашемъ поползновеніи искреннѣйшее покаяніе, — и сподобитесь Его Божественной милости и совершеннаго прощенія вашего согрѣшенія.

Глава 2-я.

Откуда эта Божественная умная молитва имѣетъ начало, и какія свидѣтельства Богоносные отцы приводятъ о ней изъ Священнаго Писанія.

Прежде чѣмъ указать, откуда эта Божественная молитва имѣетъ самое первое начало, нужно предложить къ свѣдѣнію слѣдующее: пусть будетъ извѣстно, что по писанію святыхъ и Богоносныхъ отцевъ нашихъ, есть дѣ умныя молитвы: одна новоначальныхъ, принадлежащая дѣянію, а другая совершенныхъ, принадлежащая видѣнію; та—начало, а эта—конецъ, потому что дѣяніе есть восхожденіе видѣнія. Должно же знать, что по святому Григорію Синаиту, первыхъ видѣній—восемь, которыя пересчитывая, онъ говоритъ такъ: »Говоримъ, что имѣются восемь первыхъ видѣній. *Первое*—видѣніе Бога безвиднаго, безначальнаго и несозданнаго, причину всего, единой Троицы и пресущественнаго Божества.

Второе—чина и устроенія умныхъ силъ. *Третіе*—устроенія чувственныхъ тварей. *Четвертое*—смотрительнаго снисхожденія Слова. *Пятое* — всеобщаго воскресенія. *Шестое*—втораго и страшнаго пришествія Христова. *Седьмое*—вѣчнаго мученія. *Осьмое*—царствія небеснаго не имѣющаго конца.» Предложивъ это, извѣщаю по мѣрѣ худости моего немощнаго разума, въ какой силѣ должно разумѣть дѣяніе и видѣніе. Пусть будетъ извѣстно (говорю къ подобнымъ мнѣ препростымъ), что весь монашескій подвигъ, которымъ, при помощи Божіей, понуждался бы кто-нибудь на любовь къ ближнему и Богу, на кротость, смиреніе и терпѣніе, и на всѣ прочія Божіи и святоотеческія заповѣди, на совершенное душею и тѣломъ по Богу повиновеніе, на постъ, бдѣніе, слезы, поклоны и прочія утомленія тѣла, на всеусердное совершеніе церковнаго и келейнаго правила, на умное тайное упражненіе молитвы, на плачъ и размышленіе о смерти: весь такой подвигъ, пока еще умъ управляется человѣческимъ самовластіемъ и произволеніемъ, съ достовѣрностію называется дѣяніемъ; но никакъ не видѣніемъ. Если же таковый умный подвигъ молитвы и назывался бы гдѣ въ писаніи святыхъ отцевъ зрѣніемъ: то это по обыкновенному нарѣчію, потому что умъ, какъ душевное око, называется зрѣніемъ.

Когда же кто Божіею помощію и вышесказаннымъ подвигомъ, а болѣе всего глубочайшимъ смиреніемъ, очиститъ душу свою и сердце отъ всякой скверны страстей душевныхъ и тѣлесныхъ: тогда благодать Божія, общая всѣхъ мать, взявъ умъ, ею очищенный, какъ малое дитя за руку, возводитъ, какъ по ступенямъ, въ вышесказанныя духовныя видѣнія, открывая ему, по мѣрѣ его очищенія неизреченныя и непостижимыя для ума Божественныя тайны. И это воистину называетя истиннымъ духовнымъ видѣніемъ, которое и есть зрительная, или, по святому Исааку, чистая молитва, отъ которой — ужасъ и видѣніе. Но войти въ эти видѣнія не можетъ никто самовластно своимъ произвольнымъ подвигомъ, если не посѣтитъ кого

Богъ, и благодатію Своею введетъ въ нихъ. Если же кто безъ свѣта благодати дерзнетъ восходить на такія видѣнія: тотъ, по святому Григорію Синаиту, пусть знаетъ, что онъ воображаетъ мечтанія, а не видѣнія, мечтая и мечтаясь мечтательнымъ духомъ (Григ. Син. гл. 130). Таково разсужденіе о дѣятельной и зрительной молитвѣ. Но уже время показать, откуда Божественная умная молитва имѣетъ свое начало.

Пусть будетъ извѣстно, что, по неложному свидѣтельству Богомудраго, преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Нила, постника Синайскаго, еще въ раю, Самимъ Богомъ дана первозданному человѣку умная Божественная молитва, приличествующая совершеннымъ. Святый Нилъ, научая молившихся усердно — мужественно хранить молитвенный плодъ, чтобы трудъ ихъ не былъ напрасенъ, говоритъ такъ: »Помолившись какъ должно, ожидай того, чего не должно, и стань мужественно, храня плодъ свой. Вѣдь на это опредѣленъ ты сначала: дѣлать и хранить. Потому, сдѣлавъ, не оставь трудъ нестрегомымъ: въ противномъ случаѣ ты не получилъ никакой пользы отъ молитвы» (гл. 49).

Объясняя эти слова, Россійское свѣтило, преподобный Нилъ, пустынникъ Сорскій, какъ солнце просіявшій въ Великой Россіи умнымъ дѣланіемъ молитвы, какъ это явствуетъ изъ его Богомудрой книги, говоритъ такъ: »Этотъ святый привелъ это изъ древности: чтобы дѣлать и хранить, потому что Писаніе говоритъ, что Богъ, сотворивъ Адама, помѣстилъ его въ раю, дѣлать и хранить рай. И здѣсь святый Нилъ Синайскій дѣломъ райскимъ назвалъ молитву, а храненіемъ—соблюденіе отъ злыхъ помысловъ по молитвѣ.» Также и преподобный Дороѳей говоритъ, что первозданный человѣкъ, помѣщенный Богомъ въ раю, пребывалъ въ молитвѣ, какъ онъ пишетъ въ первомъ своемъ поученіи. Изъ этихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что Богъ, создавъ человѣка по образу Своему и по подобію, ввелъ его въ рай сладости, дѣлать сады безсмертные, то есть, мысли Божественныя, чистѣйшія, высочайшія и со-

вершенныя, по святому Григорію Богослову. И это есть не что иное, какъ только то, чтобы онъ, какъ чистый душею и сердцемъ, пребывалъ въ зрительной, однимъ умомъ священнодѣйствуемой, благодатной молитвѣ, то есть въ сладчайшемъ видѣніи Бога, и мужественно, какъ зѣницу ока, хранилъ ее, какъ дѣло райское, чтобы она никогда въ душѣ и сердцѣ не умалялась. Велика поэтому слава священной и Божественной умной молитвы, которой край и верхъ, то есть, начало и совершенство, даны Богомъ человѣку въ раю: оттуда она имѣетъ свое и начало.

Но несравненно большую стяжала она славу, когда болѣе всѣхъ святѣйшая, честнѣйшая Херувимовъ, и славнѣйшая безъ сравненія Серафимовъ, Пресвятая Дѣва Богородица, пребывая во Святая Святыхъ, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидѣнія, и сподобилась быть пространнымъ селеніемъ невмѣстимаго всею тварію, ипостасно въ Нее вмѣстившагося Божія Слова, и отъ Нея, человѣческаго ради спасенія, безсѣменно родившагося, какъ это свидѣтельствуетъ непреоборимый столпъ Православія, иже во святыхъ отецъ нашъ Григорій Палама, Архіепископъ Ѳессалонитскій, въ словѣ на Введеніе во храмъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Онъ говоритъ, что Пресвятая Дѣва Богородица, пребывая во Святая Святыхъ, и разумѣвъ совершенно изъ Священнаго Писанія, читаемаго каждую субботу, о погибели чрезъ преслушаніе человѣческаго рода, и исполнившись о немъ крайняго сожалѣнія, приняла умную къ Богу молитву о скорѣйшемъ помилованіи и спасеніи рода человѣческаго. Предлагаю здѣсь и самыя слова этого Святаго Григорія, достойныя ангельскаго разума, немногія изъ многихъ: »Это Богоотрокорица Дѣва слыша и видя, приняла сожалѣніе общаго рода, и разсматривала, какъ бы найти исцѣленіе и врачеваніе, равносильное такому страданію. Вскорѣ Она нашлась — обратиться всѣмъ умомъ къ Богу, и восприняла о насъ эту молитву, чтобы понудить Непонужденнаго, и скорѣе привлечь Его къ намъ, чтобы Самъ Онъ истребилъ изъ среды клятву, оста-

новилъ огонь, растлѣвающій пажить души, и привязалъ къ Себѣ созданіе, исцѣливъ немощное. Такимъ образомъ, Благодатная Дѣва, усмотрѣвъ Себѣ приличнѣйшее и свойственнѣйшее во всякомъ естествѣ, полагала умную молитву, какъ чудную и преславную и лучшую всякаго слова. Изыскивая же, какъ бы художественно и свойственнѣе побесѣдовать къ Богу, она приходила къ Нему, Саморукоположная, или лучше—Богоизбранная молитвенница.» И ниже: »Не видя же ничего изъ существующаго лучше ея для человѣка — простирается со тщаніемъ крѣпко къ молению, новотворитъ большее и совершеннѣйшее, и изобрѣтаетъ, и дѣйствуетъ, и послѣдующему за этимъ преподаетъ дѣяніе, какъ высочайшее восхожденіе къ видѣнію; видѣніе же столько большее предъ вышесказаннымъ, сколько истина выше мечтанія. Но, собравшись всѣ въ себя и очистивъ умъ, услышьте уже величіе таинства: я хочу сказать слово, пользующее хотя все Христоименитое собраніе, но наиболѣе относящееся къ отрекшимся міра. Вкусившій уже ради отреченія что-нибудь изъ тѣхъ будущихъ благъ, который и становится съ Ангелами, и стяжаваетъ жительство на небесахъ: этотъ да возжелаетъ подражать по силѣ своей первой и Единой отъ младенчества отрекшейся для мира міра, Приснодѣвственной Невѣстѣ.» И ниже: »Ища же, что нужнѣе всего молитвенникамъ для собесѣдованія, каковымъ бываетъ молитва, Дѣва находитъ священное безмолвіе, — безмолвіе ума, далекость міра, забвеніе дольняго и таинника горнихъ разумѣній, на лучшее преложеніе: это дѣяніе, какъ поистинѣ восхожденіе къ видѣнію поистинѣ Сущаго, или лучше, сказать справедливѣе, къ Боговидѣнію, есть какъ бы краткое указаніе для души стяжавшаго его (дѣяніе) поистинѣ. Всякая другая добродѣтель есть какъ врачеваніе, примѣнительно къ душевнымъ недугамъ и вкоренившимся чрезъ уныніе лукавымъ страстямъ: Боговидѣніе же есть плодъ здравствующей души, какъ нѣкоторое конечное совершенство и образъ Богодѣяній. И потому человѣкъ Боготворится не словами или разсудительною умѣренностію относительно видимаго,

—все это земное, низкое, человѣческое; но пребываніемъ въ безмолвіи, потому что этимъ мы отрѣшаемся и отходимъ отъ дольняго, и восходимъ къ Богу. Претерпѣвая молитвами и моленіями день и ночь въ горницѣ безмолвнаго жительства, мы приближаемся какъ-то и приступаемъ къ этому Неприступному и Блаженному Естеству. Претерпѣвающіе такимъ образомъ, очистившіе сердца священнымъ безмолвіемъ, и срастворившіеся имъ неизреченно высшему чувства и ума Свѣту, — въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, видятъ Бога. Итакъ, безмолвіе есть скорое и сокращенное руководство, какъ успѣшнѣйшее и соединяющее съ Богомъ, особенно для держащихся его во всемъ вполнѣ. А Дѣва, которая отъ мягкихъ, такъ сказать, ногтей пребывала въ немь, что — Она? Она, какъ безмолвствовавшая превышеестественно съ такого самаго дѣтскаго возраста, потому Одна изо всѣхъ и породила неискусомужно Богочеловѣка Слово.» И ниже: «Поэтому и Пречистая, отрекаясь самаго, такъ сказать, житейскаго пребыванія и молвы, переселилась отъ людей, и избѣжавъ виновнаго житія, избрала жизнь никому невидимую и необщительную, пребывая въ невходныхъ. Здѣсь, разрѣшившись всякаго вещественнаго союза, и оттрясши всякое общеніе и любовь ко всему; и превзойдя самое снисхожденіе къ тѣлу, Она собрала весь умъ въ одно съ Нимъ сообращеніе и пребываніе и вниманіе, и въ непрестанную Божественную молитву. И ею бывъ сама въ себѣ, и устроившись превыше многообразнаго мятежа и помышленій, и просто — всякаго вида и вещи, Она совершала новый и неизреченный путь на небо, который есть, скажу такъ, мысленное молчаніе. И этому прилежа и внимая умомъ, прелетаетъ всѣ созданія и твари, и гораздо лучше, нежели Моисей, зритъ славу Божію, и назираетъ Божественную благодать, не подлежащую нисколько силѣ чувства, — это благорадостное и священное видѣніе нескверныхъ душъ и умовъ, причастившись которому, Она, по Божественнымъ пѣснопѣвцамъ, бываетъ свѣтлый облакъ живой, поистинѣ, воды, и Заря мысленнаго дня, и огнеобразная Колесница Слова» (Св. Григор. Палама).

Изъ этихъ словъ Божественнаго Григорія Паламы, имѣющій умъ можетъ яснѣе солнца понять, что Пречистая Дѣва Богородица, пребывая во Святая Святыхъ, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидѣнія, и отреченіемъ для мира отъ міра, сявщеннымъ безмолвіемъ ума, мысленнымъ молчаніемъ, собраніемъ ума въ непрестанную Божественную молитву и вниманіе, и восхожденіемъ чрезъ дѣяніе къ Боговидѣнію, — подала Сама Собою Божественному монашескому чину образецъ внимательнаго жительства по внутреннему человѣку; чтобы монахи, отрекшіеся міра, взирая на Нее, усердно тщились, сколько по силѣ, Ея молитвами, быть, въ вышесказанныхъ монашескихъ трудахъ и потахъ, Ея подражателями. И кто возможетъ по достоинству похвалить Божественную умную молитву, дѣлательницею которой, въ образъ пользы и преуспѣянія монаховъ, наставляемая руководствомъ Святаго Духа, какъ сказано, была Сама Божія Матерь?

Но въ утвержденіе и несомнѣнное удостовѣреніе сомнящихся о ней, какъ бы о вещи несвидѣтельствованной и недостовѣрной, настоитъ уже время показать, какія свидѣтельства Богоносные отцы, писавшіе изъ просвѣщенія Божественной благодати, приводятъ о ней изъ Священнаго Писанія.

Непоколебимое основаніе Божественная умная молитва имѣетъ въ словахъ Господа нашего Іисуса Христа: *ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Мѳ. 6, 6). Эти слова, какъ уже сказано въ первой главѣ, всемірное свѣтило, святый Іоаннъ Златоустъ, Богоданною премудростію объясняетъ относительно безгласной, тайной, изъ глубины сердца возсылаемой молитвы, приводя въ свидѣтельство изъ Священнаго Писанія — Боговидца Моисея и святую Анну, матерь Самуила Пророка, и праведнаго Авеля и кровь его, вопіющую отъ земли, — что они въ молитвѣ своей, не испустивъ ни одного гласа, были услышаны Богомъ. Этотъ великій, учитель вселенной, Христовы уста,

святый Іоаннъ Златоустъ и отдѣльно еще изложилъ, въ трехъ словахъ, ученіе объ этой Божественной молитвѣ, какъ пишетъ объ этомъ неложный свидѣтель, блаженнѣйшій Симеонъ Архіепископъ Ѳессалонитскій, въ 294 главѣ своей книги, которую вся святая Соборная Восточная Церковь имѣетъ въ великомъ почитаніи, какъ столпъ и утвержденіе истины.

Огненный же столпъ, и огненныя Духа Святаго уста, Церковное око, Василій, говорю, Великій, объясняя изреченіе Божественнаго Писанія: *Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устѣхъ моихъ* (Псал. 33), прекрасно научаетъ о умныхъ устахъ и умномъ дѣйствіи, приводя свидѣтельства изъ Священнаго Писанія, котораго и самыя слова, исполненныя Божественной премудрости, представляю слѣдующія: »*Выну хвала Его во устѣхъ моихъ.* Кажется, что Пророкъ говоритъ невозможное: какъ можетъ быть хваленіе Божіе въ устахъ человѣческихъ всегда? Когда человѣкъ говоритъ о обыкновенныхъ житейскихъ вещахъ, тогда онъ не имѣетъ въ устахъ хвалы Божіей; когда спитъ, молчитъ, конечно; да и когда ѣстъ и пьетъ, то какъ уста его могутъ возносить хвалу? На это отвѣчаемъ, что есть нѣкоторыя мысленныя уста внутренняго человѣка, коими онъ питается, причащаясь Слова животнаго, которое есть *хлѣбъ, сшедый съ небесе* (Іоан. 6, 33). Объ этихъ-то устахъ сказалъ Пророкъ: *уста моя отверзохъ и привлекохъ Духа* (Псал. 118, 131). Къ этому и Господь побуждаетъ насъ, чтобы мы эти уста имѣли пространными, для достаточнаго пріятія истинной пищи, говоря: *разшири уста твоя, и исполню я* (Пс. 80, 11). Поэтому, и однажды начертанная, и утвердившаяся въ разумѣ души, мысль о Богѣ можетъ именоваться хвалою Божіею, всегда находящеюся въ душѣ. И по Апостольскому слову, тщательный можетъ все творить во славу Божію, такъ что всякое дѣло, и всякое слово, и всякое дѣйствіе умное, имѣетъ значеніе хвалы. *Аще бо ястъ* праведный, *аще ли піетъ, аще иное что творитъ, вся во славу Божію творитъ* (1 Кор. 10, 31). У такого и у спящаго сердце бдитъ.» Такъ

говоритъ святый Василій. Изъ словъ же его явствуетъ, что и кромѣ тѣлесныхъ устъ имѣются умныя уста, и есть умное дѣйствіе, и хваленіе, бывающее всегда мысленно во внутреннемъ человѣкѣ.

Тезоименитый блаженству, Египетское. или лучше сказать, всемірное солнце, просіявшій неизреченными дарованіями Святаго Духа, человѣкъ небесный, Великій, говорю, Макарій, въ небесныхъ своихъ словахъ объ этой святой молитвѣ говоритъ такъ: »Христіанинъ долженъ всегда имѣть память о Богѣ, потому что написано: »*Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего* (Мѳ. 22, 37). Не только тогда онъ долженъ любить Господа, когда входитъ въ молитвенный храмъ; но и »ходя, и бесѣдуя, и вкушая, и пія, пусть имѣетъ память о Богѣ, и любовь, и желаніе; потому что Онъ говоритъ: *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мѳ. 6, 21),« и прочее.

Преподобный и Богоносный древній святый отецъ, Исаія отшельникъ, о сокровенномъ поученіи, то есть Іисусовой молитвѣ, совершаемой мыслію въ сердцѣ, приводитъ въ свидѣтельство слова Божественнаго Писанія: *согрѣяся сердце мое во мнѣ, и въ поученіи моемъ разгорится огнь* (Пс. 38, 4).

Преподобный Симеонъ, свидѣтельствуемый въ вышепомянутой книгѣ блаженнѣйшаго Симеона Ѳессалонитскаго, который среди царствующаго града, какъ солнце, просіялъ умною молитвою въ неизреченныхъ дарованіяхъ Святаго Духа и поэтому всею Церковію именованъ Новымъ Богословомъ, — этотъ въ своемъ словѣ о трехъ образахъ молитвы пишетъ о умной молитвѣ и вниманіи такъ: »Святые отцы наши, слыша Господа, говорящаго, что *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы, и та суть сквернящая человѣка* (Мѳ. 15: 19, 20); и опять слыша, что Онъ научаетъ *очистить внутреннее стклянницы, да будетъ и внѣшнее чисто* (Мѳ. 23: 26), оставили всякое другое дѣло, и подвизались только въ этомъ храненіи сердца, зная навѣрно, что вмѣстѣ съ этимъ дѣланіемъ они удобно пріоб-

рѣтутъ и всякую другую добродѣтель. Безъ этого же дѣланія невозможно пріобрѣсти и удержать ни одной добродѣтели». — Эти слова преподобнаго ясно показываютъ, что вышесказанныя слова Господа, Божественные отцы положили себѣ свидѣтельствомъ и основаніемъ храненія сердца, то есть, мысленнаго призыванія Іисуса. Этотъ преподобный приводитъ еще во свидѣтельство Божественной умной молитвы и другія изреченія Священнаго Писанія, говоря: »Объ этомъ говоритъ и Екклисіастъ: *веселися юноше въ юности твоей, и ходи въ путѣхъ сердца твоего непорочень, и остави ярость отъ сердца твоего* (Ек. 11: 9, 10), и: *аще духъ владѣющаго взыдетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Ек. 10: 4); мѣстомъ же называетъ онъ сердце, какъ и Господь сказалъ: *отъ сердца исходятъ помышленія злая* (Мо. 15: 19). И опять: *не возноситеся* (Лук. 12: 29), то есть, не расточайте ума вашего туда и сюда. И опять: *тѣсная врата и прискорбный путь вводяй въ животъ* (Мѳ. 7: 14); также: *блажени нищіи духомъ* (Мѳ. 5: 8), то есть, не имѣющіе въ себѣ ни одной мысли этого вѣка». И Апостолъ Петръ говоритъ: *трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр 5: 8). И Апостолъ Павелъ ясно пишетъ къ Ефесеямъ о сердечномъ храненіи, говоря: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6: 12).

Преподобный Исихій пресвитеръ, Богословъ и учитель Іерусалимской церкви, другъ и собесѣдникъ Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Ефимія Великаго, написавшій Богомудро, изъ просвѣщенія Божественой благодати, объ этомъ священномъ мысленномъ призываніи въ сердцѣ Іисуса, то есть, о умной молитвѣ, книгу въ двѣсти главъ, приводитъ объ этомъ свидѣтельства Священнаго Писанія слѣдующія: *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Мо. 5: 8); также: *внемли себѣ, да не будетъ слово тайно въ сердцѣ твоемъ беззаконія* (Второз. 15: 9); также: *во утріи предстану ти, и узриши мя* (Пс. 5: 4); также; *блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень* (Пс. 136: 9); также: *во*

утріи избивахъ вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающія беззаконія (Пс. 100: 8); также: *уготовися Израилю призывати имя Господа Бога твоего* (Амос. 4: 12); и Апостолъ: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5: 17); и Самъ Господь говоритъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже. Иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ. Аще кто во мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга* (Іоан. 15: 5, 6); также: *отъ сердца исходятъ помышленія злая: убійства, прелюбодѣянія, та суть скверняцая человѣка* (Мѳ. 15: 19); также: *еже сотворити волю Твою. Боже мой, восхотѣхъ, и законъ Твой посредѣ чрева моего* (Пс. 39: 9), и прочія, которыя по множеству оставляю.

Божественный и Богоносный отецъ нашъ Іоаннъ Лѣствичникъ приводитъ объ этой священной молитвѣ и истинномъ безмолвіи ума, свидѣтельство Божественнаго Писанія, говоря: »Великій великой и совершенной молитвы дѣлатель сказалъ: *хощу пять словесъ умомъ моимъ рещи* (1 Кор. 14: 12)», и прочее; и опять: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое* (Пс. 56: 8); также: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. 5: 2); также: *воззвахъ всѣмъ сердцемъ моимъ* (Пс. 118: 145), то есть тѣломъ и душею, и проч.

Божественный отецъ нашъ Филоѳей, игуменъ обители Купины Пресвятыя Богородицы, что на Синаѣ, составившій о мысленномъ храненіи сердца малую книжицу главъ — безцѣнныхъ маргаритовъ Божественной премудрости, преисполненныхъ неизреченной небесной сладости Святаго Духа, полагаетъ въ непоколебимое основаніе своихъ словъ изреченія Священнаго Писанія: *во утріи избивахъ вся грѣшныя земли* (Пс. 100: 8), и прочія; также: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17: 21); и: *уподобися царствіе небесное зерну горушичну*, и бисеру, и квасу; и опять: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15: 5); также: *всякимъ храненіемъ соблюдай твое сердце* (Притч. 4: 23); и: *очисти внутреннее сткляницы, да будетъ и внѣшнее ея чисто* (Мѳ. 23: 26); и: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего,*

къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Ефес. 6: 12); также: *трезвитеся, бодрствуйте: зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити: емуже противитеся тверди вѣрою* (1 Петр. 5: 8, 9); также: *соуслаждаюся закону Божію по внутреннему человѣку: вижду же инъ законъ противу воюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя* (Рим. 7: 22, 23) и прочее.

Божественный отецъ нашъ Діадохъ, Епископъ Фотикійскій, свидѣтельствованный въ книгѣ вышепомянутаго святителя Христова Симеона Ѳессалонитскаго, полагаетъ своимъ словомъ, исполненнымъ духовной премудрости, коихъ въ Божественной его книгѣ находится сто главъ, о умной Іисусовой, въ сердцѣ священнодѣйствуемой молитвѣ, слѣдующее основаніе изъ Божественнаго Писанія: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12: 3); и изъ Евангельской притчи о купцѣ, ищущемъ добрые бисеры, приводитъ слѣдующими словами: это — многоцѣнный бисеръ, который можетъ пріобрѣсти тотъ, кто продастъ имѣніе свое и о обрѣтеніи его будетъ имѣть неизглаголанную радость и прочее.

Преподобный отецъ нашъ Никифоръ Постникъ, свидѣтельствуемый въ той же книгѣ вышепомянутаго святителя Симеона, въ словѣ своемъ о храненіи сердца, преисполненномъ духовной пользы, уподобляетъ это Божественное мысленное въ сердцѣ дѣланіе молитвы сокровищу, сокровенному на селѣ, и называетъ свѣтильникомъ горящимъ, приводя изреченія Священнаго Писанія: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17: 21), и: *нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Ефес. 6: 12); также, чтобы *дѣлать и хранить* (Быт. 2: 15), и прочее.

Блаженный и Богоносный отецъ нашъ Григорій Синаитъ, который дѣланіемъ этой Божественной молитвы взошелъ въ крайнее Боговидѣніе, и какъ солнце просіялъ дарованіями Святаго Духа въ святой Аѳонской горѣ и на прочихъ мѣстахъ, составившій »Троичны», поемыя всякую недѣлю послѣ троичнаго канона въ святой Соборной Восточной Церкви по всей вселенной, также и канонъ Животворящему

Кресту, обнявшій писанія всѣхъ духоносныхъ отцевъ, составилъ книгу, исполненную всякой духовной пользы, въ которой болѣе всѣхъ прочихъ святыхъ въ тонкости учитъ объ этой Божественной, умомъ въ сердцѣ священнодѣйствуемой молитвѣ, и приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ изъ Священнаго Писанія слѣдующее: *Помяни Господа Бога твоего выну* (Второз. 18: 18); также: *въ заутріи сѣй съмя твое, и въ вечеръ да не оставляетъ рука твоя* (Ек. 11: 36), и прочее; также: *аще молюся языкомъ*, то есть, устами, *духъ мой молится*, то есть, гласъ мой (знай, что уста и языкъ, и духъ, и гласъ — одно и то же); *а умъ мой безъ плода есть: молюся убо духомъ, помолюся жс и умомъ;* и: *хощу рещи пять словесъ моимъ умомъ* (1 Кор. 14: 14, 19), и прочее, приводя въ свидѣтеля и Лѣствичника, относящаго эти слова къ молитвѣ. Также: *нуждно есть царствіе небесное, и нуждницы восхищаютъ е;* также: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12: 3) и прочее.

Апостольскимъ стопамъ послѣдователь, непреоборимый столпъ православной вѣры, огненнымъ Духа мечемъ и истиною православныхъ догматовъ уничтожившій на Флорентійскомъ Соборѣ, какъ паутинныя сѣти, Духоборныя ереси Латинянъ, Марко, говорю, всесвященнѣйшій, премудрѣйшій и словеснѣйшій, митрополитъ Ефесскій, въ началѣ толкованія церковнаго послѣдованія, пишетъ о Божественной Іисусовой молитвѣ, совершаемой тайно умомъ въ сердцѣ, употребляя свидѣтельства Божественнаго Писанія, котораго и самыя Богомудрыя слова предлагаю слѣдующія: »Слѣдовало бы, по повелѣвающей заповѣди, *»непрестанно молиться*, и *духомъ и истиною* возносить поклоненіе Богу; но прилежаніе о помыслахъ житейскихъ и уза попеченій о тѣлѣ отводитъ многихъ и отстраняетъ отъ *царствія Божія*, находящагося *внутри насъ*, какъ возвѣщаетъ слово Божіе, и препятствуетъ пребывать при умномъ жертвенникѣ, и приносить отъ себя духовныя и словесныя жертвы Богу, по Божественному Апостолу, говорящему, что мы — храмъ Бога, живущаго въ насъ, и Духъ его Божественный живетъ въ насъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, если это обыкно-

венно такъ бываетъ со многими, живущими по плоти; когда видимъ, что нѣкоторые изъ монаховъ, отрекшихся мірскихъ вещей, по причинѣ мысленной брани отъ предпріятія страстей, и востающаго оттого большаго мятежа, помрачающаго словесную часть души, еще не могутъ достигнуть чистой молитвы, хотя и сильно этого желаютъ. Усладительна чистая въ сердцѣ и непрестанная память Іисуса, и бывающее отъ нея неизреченное просвѣщеніе».

Преподобный отецъ нашъ Россійскій, святый Нилъ Сорскій, составившій свою книгу о мысленномъ храненіи сердца изъ ученія Богоносныхъ отцевъ, а въ особенности изъ Григорія Синаита, употребляетъ изъ Священнаго Писанія свидѣтельства такія: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, и та сквернятъ человѣка* (Мѳ. 15: 19); и: *очисти внутреннее стклянницы* (Мѳ. 23: 26); также: *духомъ и истиною подобаетъ кланятися Отцу;* также: *аще молюся языкомъ*, и прочее; и: *хощу пять словесъ умомъ моимъ рещи, нежели тмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14: 14, 19), и прочее.

Россійское свѣтило опять, святитель Христовъ Димитрій, митрополитъ Ростовскій, духовнымъ мечемъ слова уничтоживший, какъ паутинныя сѣти, заблужденія раскольниковъ и ихъ Богопротивный, растлѣнный, и Священному Писанію противный разумъ, написавшій многія ученія на пользу святой Церкви, исполненныя премудрости Святаго Духа, и составившій слово о внутреннемъ мысленномъ дѣланіи молитвы, преисполненное духовной пользы, употребляетъ изъ Священнаго Писанія свидѣтельства слѣдующія: *ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою* и прочее: также: *тебѣ рече сердце мое: Господа взыщу: взыска Тебе лице мое: лица твоего, Господи, взыщу:* также: *царствіе Божіе внутрь васъ есть;* также: *всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ;* и: *аще молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть; помолюся духомъ, помолюся же и умомъ, воспою духомъ, воспою и умомъ* и прочее. Эти слова онъ, согласно съ святымъ Іоанномъ Лѣствичникомъ, Григоріемъ Синаитомъ и Ниломъ Сорскимъ, разумѣетъ о умной молитвѣ.

Да и самый уставъ церковный, печатанный въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, предлагая церковное законоположеніе о поклонахъ и молитвѣ, приводитъ и объ этой Божественной молитвѣ изреченія Священнаго Писанія, слѣдующія: *Богъ есть духъ: духомъ и истиною кланяющихся Ему ищетъ* (Іоан. 4: 24). Также: *аще молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть. Что убо есть: помолюся духомъ, помолюся и умомъ, воспою духомъ, воспою же и умомъ?* (1 Кор. 14: 14, 15). И опять: *хощу*, говоритъ, *въ церкви пять словесъ умомъ моимъ глаголати, нежели тмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14: 19). И приводитъ въ свидѣтельство святыхъ отцевъ: св. Іоанна Лѣствичника, св. Григорія Синаита и святаго Антіоха, и отчасти ихъ Божественныя ученія объ этой умной молитвѣ, и наконецъ говоритъ: »И этимъ здѣсь мы заканчиваемъ слово о священной и приснопамятной умной »молитвѣ». А затѣмъ уже говоритъ и о святой, всѣмъ общей молитвѣ, совершаемой по церковному чиноположенію.

Вотъ благодатію Божіею показано, что Богоносные отцы, умудренные просвѣщеніемъ Святаго Духа, основаніе своего ученія о мысленномъ священнодѣйствіи молитвы, тайно совершаемой во внутреннемъ человѣкѣ, полагаютъ на недвижимомъ камени Божественнаго Писанія Новаго и Ветхаго заѣтовъ, заимствуя оттуда, какъ изъ неисчерпаемаго источника, такъ много свидѣтельствъ.

Кто же изъ правовѣрующихъ христіанъ, видя это, могъ бы хоть мало усумниться объ этой Божественной вещи? развѣ только повинующіеся духу нечувствія, которые слышатъ и видятъ, а понять и узнать не хотятъ. Но тѣ, кои имѣютъ страхъ Божій и здравый разумъ, видя такія свидѣтельства столькихъ свидѣтелей, единодушно признаютъ, что это Божественное дѣло, преимущественно предъ всѣми монашескими подвигами, свойственнѣе и приличнѣе Ангельскому монашескому чину. Объ этомъ дѣланіи вышепомянутые и многіе другіе Божественные отцы наши въ своихъ писаніяхъ предлагаютъ многія достослышанныя, паче меда и сота сладчайшія, исполненныя духовной премудрости

слова, научая внутреннему, мысленному противъ мысленныхъ враговъ подвигу: какъ должно обращать на нихъ этотъ духовной мечъ, и пламенное непобѣдимое оружіе имени Іисусова, охраняющее сердечныя врата; то есть: какъ должно эту Божественную Іисусову молитву священнодѣйствовать умомъ въ сердцѣ.

Объ этомъ священнодѣйствіи сей священной молитвы, особенно же о самыхъ ея начаткахъ, и о томъ, какъ опытомъ должно новоначальнымъ обучаться ей, я послѣднѣйшій, по силѣ моего немощнаго ума, при помощи Божіей долженъ хоть что-нибудь немного написать изъ ученія святыхъ отцевъ. И во-первыхъ нужно изъявить о томъ, что эта Божественная молитва есть духовное художество; потомъ — какое для занятія ею, по ученію святыхъ отцевъ, требуется предуготовленіе.

Глава 3-я.

О томъ, что эта священная умная молитва есть духовное художество.

Да будетъ извѣстно, что Божественные отцы наши называютъ это священное мысленное дѣланіе молитвы — художествомъ. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ въ словѣ 27-мъ о безмолвіи, уча о таинствѣ этой умной молитвы, говоритъ: »Если ты основательно изучилъ это художество, то не можешь не знать, что говорю. Сидя на высотѣ, наблюдай, если только умѣешь, и тогда увидишь: какъ, когда, и откуда, и сколько, и какіе тати приходятъ, чтобы войти, и украсть твои грозды. Стражъ этотъ, утомившись, встаетъ и молится; потомъ опять садится, и мужественно принимается за прежнее дѣланіе.

Святый Исихій, пресвитеръ Іерусалимскій, объ этой священной молитвѣ говоритъ: »Трезвеніе есть духовное художество, совершенно, съ помощію Божіею, избавляющее человѣка отъ страстныхъ помысловъ и словъ, и лукавыхъ дѣлъ» (гл. 1).

Святый Никифоръ Постникъ, уча о ней, говоритъ: »придите, и объявлю вамъ художество, или лучше — науку, вѣчнаго, лучше же — небеснаго жительства, вводящую дѣлателя своего, безъ труда и безопасно въ пристанище безстрастія».

Художествомъ же святые отцы, какъ показано, называютъ эту святую молитву, думаю, потому, что какъ художеству человѣкъ не можетъ научиться самъ собою безъ искуснаго художника: такъ и этому мысленному дѣланію молитвы, безъ искуснаго наставника, навыкнуть невозможно. Но дѣло это, по святому Никифору, и многимъ, или даже и всѣмъ, приходитъ отъ ученія; рѣдкіе же безъ ученія, болѣзненностію дѣланія и теплотою вѣры пріяли его отъ Бога. Церковное правило по уставу и священнымъ церковнымъ книгамъ, которое православные христіане, мірскіе и монахи, должны ежедневно, какъ дань, приносить небесному Царю, можетъ всякій грамотный устно читать и совершать безъ всякаго ученія. А умомъ въ сердцѣ приносить Богу таинственную жертву молитвы, такъ какъ это духовное художество, безъ ученія, какъ выше указано, невозможно.

Будучи же духовнымъ художествомъ, оно составляетъ и непрестанное дѣланіе монаховъ; чтобы не только отреченіемъ отъ міра и яже въ мірѣ, перемѣною имени при постриженіи, особенностію одежды, безбрачіемъ, дѣвствомъ, чистотою, самопроизвольною нищетою, отдѣльностію пищи и мѣста жительства; но и самымъ мысленнымъ и духовнымъ по внутреннему человѣку вниманіемъ и молитвою, монахи имѣли отмѣнное и превосходнѣйшее предъ мірскими людьми дѣланіе.

Глава 4-я.

Какое нужно предуготовленіе тому, кто желаетъ проходить это Божественное дѣланіе.

Насколько эта Божественная молитва больше всякаго другаго монашескаго подвига, которая, по святымъ отцамъ,

есть верхъ всѣхъ исправленій, источникъ добродѣтелей, тончайшее и невидимое во глубинѣ сердца дѣланіе ума: настолько и тончайшія, невидимыя, едва постижимыя для человѣческаго ума, распростираются на нее невидимымъ врагомъ нашего спасенія сѣти многообразныхъ его прелестей и мечтаній. Поэтому, усердствующій обучаться этому Божественному дѣланію, долженъ, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя душею и тѣломъ въ послушаніе, согласное съ Священнымъ Писаніемъ, то есть: предать себя въ полное отсѣченіе своей воли и своего разсужденія — человѣку, боящемуся Бога, усердному хранителю Его Божественныхъ заповѣдей и не неопытному въ этомъ мысленномъ подвигѣ, могущему, по писанію святыхъ отцевъ, показать ловинующемуся незаблудный путь ко спасенію, — путь умнаго дѣланія молитвы, тайно совершаемой умомъ въ сердцѣ. Это необходимо для того, чтобы истиннымъ послушаніемъ въ разумѣ, онъ могъ содѣлаться свободнымъ отъ всѣхъ молвъ и попеченій, и пристрастій этого міра и тѣла. Какъ же и не быть свободнымъ тому, кто всякое попеченіе о душѣ своей и тѣлѣ возложилъ на Бога и, по Богѣ, на своего отца. Смиреніемъ же, рождающимся отъ послушанія, по свидѣтельству святаго Іоанна Лѣствичника и многихъ св. отцевъ, возможетъ онъ избѣжать всѣхъ прелестей и сѣтей діавольскихъ, и тихо, безмолвно, безъ всякаго вреда, постоянно упражняться въ этомъ мысленномъ дѣлѣ, съ великимъ душевнымъ преуспѣяніемъ.

Если же бы кто предалъ себя и въ послушаніе, но не нашелъ бы въ отцѣ своемъ самымъ дѣломъ и опытомъ искуснаго наставника этой Божественной умной молитвы (въ нынѣшнее время — увы! достойно многаго плача и рыданія — совсѣмъ исчезаютъ опытные наставники этого дѣланія): то не долженъ онъ поэтому приходить въ отчаяніе. Но, пребывая въ истинномъ послушаніи по заповѣдямъ Божіимъ (а не самочинно и особенно, самовольно, безъ послушанія, чему обыкновенно послѣдуетъ прелесть), возложивъ всю надежду на Бога, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, пусть, вмѣсто истиннаго наставника, вѣрою и любовію повинуется уче-

нію преподобныхъ отецъ нашихъ, изложившихъ до тонкости ученіе объ этомъ Божественномъ дѣланіи изъ просвѣщенія Божественной благодати, и отсюда пусть заимствуетъ наставленія объ этой молитвѣ. И во всякомъ случаѣ, благодать Божія, молитвами святыхъ отцевъ, поспѣшитъ и вразумитъ — какъ, безъ всякаго сомнѣнія, научиться этому Божественному дѣлу.

Глава 5-я.

О томъ, что такое эта священная Іисусова молитва по качеству своему и дѣйствію.

Положивъ твердымъ и непоколебимымъ основаніемъ этой Божественной молитвы такое предуготовленіе, то есть, блаженное послушаніе, — время уже показать изъ ученія святыхъ отцевъ: что такое эта священная молитва по качеству своему и дѣйствію. И это для того, чтобы желающій обучаться ея духовному дѣланію видѣлъ, къ какому великому и неизреченному преуспѣянію во всякихъ добродѣтеляхъ возводитъ она подвижника, и этимъ поощрился бы въ желаніи съ большимъ усердіемъ и Божественною ревностію прилѣпиться священному дѣланію этой мысленной молитвы.

Святый Іоаннъ Лѣствичникъ въ словѣ 28 о молитвѣ, въ началѣ говоритъ: »молитва, по качеству своему, есть общеніе и соединеніе человѣка съ Богомъ; а по дѣйствію — утвержденіе міра, примиреніе съ Богомъ, матерь и опять дщерь слезъ, очищеніе грѣховъ, мостъ проводящій чрезъ искушенія, стѣна противъ скорбей, уничтоженіе браней, Ангельское дѣло, пища всѣхъ безплотныхъ, будущее веселіе, безпредѣльное дѣланіе, источникъ добродѣтелей, причина дарованій, невидимое преуспѣяніе, пища души, просвѣщеніе ума, сѣкира на отчаяніе, доказательство надежды, прекращеніе печали, богатство монаховъ, сокровище безмолвниковъ, уменьшеніе раздражительности, зерцало преуспѣянія, показаніе мѣры, обнаруженіе состоянія, указаніе

будущаго, назнаменованіе славы. Молитва для истинно молящагося есть судилище, судъ и престолъ Господень, еще прежде будущаго суда».

Святый Григорій Синаитъ, въ главѣ 113-й, говоритъ: »Молитва въ новоначальныхъ есть какъ огонь веселія, издаваемый сердцемъ; въ совершенныхъ же — какъ дѣйствуемый свѣтъ, благоухающій. Или опять: молитва есть проповѣданіе Апостоловъ, дѣйствіе вѣры, или лучше — непосредственная вѣра, уповаемыхъ изъявленіе, дѣйствуемая любовь, Ангельское движеніе, сила безплотныхъ, дѣло и веселіе ихъ, благовѣствованіе Бога, изъявленіе сердца, надежда спасенія, знаменіе освященія, образованіе святости, познаніе Божіе, явленіе крещенія, очищеніе купели, Духа Святаго обрученіе, Іисусово радованіе, веселіе души, милость Божія, знаменіе примиренія, Христова печать, лучъ мысленнаго солнца, денница сердецъ, утвержденіе Христіанства, примиренія Божія явленіе, благодать Божія, премудрость Божія, или лучше — начало самопремудрости, явленіе Божіе, дѣло иноковъ, жительство безмолвниковъ, причина безмолвія, знаменіе жительства Ангельскаго».

Блаженный Макарій Великій говоритъ: »Глава всякаго благаго тщанія и верхъ всѣхъ исправленій есть то, чтобы претерпѣвать въ молитвѣ, которою мы можемъ пріобрѣсти, чрезъ испрошеніе у Бога, и всѣ прочія добродѣтели. Молитвою достойные пріобщаются святости Божіей и духовнаго дѣйствія, и соединенія ума съ Господомъ неизреченною любовію. Кто всегда понуждаетъ себя претерпѣвать въ молитвѣ; тотъ духовною любовію возгарается въ Божественное усердіе и въ пламенное желаніе къ Богу, и пріемлетъ, въ извѣстной мѣрѣ, благодать духовнаго освятительнаго совершенства (Бесѣд. 40, гл. 2).

Святый Исихій, пресвитеръ Іерусалимскій, говоритъ: »Свѣтороднымъ и молніеороднымъ, и свѣтоиспускательнымъ, и огненоснымъ пусть прилично и тезоименно называется храненіе ума. Превосходитъ оно, сказать поистинѣ, все безчисленное множество тѣлесныхъ добродѣтелей. Итакъ, эту добродѣтель должно называть самыми честными наиме-

нованіями по причинѣ раждающагося отъ нея свѣтозарнаго свѣта. Возлюбивъ ее, грѣшные, непотребные, мерзкіе неразумные, несмысленные и неправедные могутъ содѣлаться праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными о Христѣ Іисусѣ. И не только это, но и зрѣть Божественныя таинства, и богословствовать, И, ставъ зрительными, переплываютъ къ этому чистѣйшему и безконечному Свѣту, и касаются Его неизреченными прикосновеніями, и съ Нимъ живутъ и пребываютъ. Такъ какъ они вкусили *яко благъ Господь* (Псал. 33: 2), то и исполняется явно въ такихъ первоангелахъ это Божественное Давидское слово: *обаче праведніи исповѣдятся имени Твоему, и вселятся правіи съ лицемъ Твоимъ* (Пс. 139: 14). Воистину, одни эти истинно призываютъ и испобѣдаются Богу, и съ Нимъ любятъ бесѣдовать всегда, любя Его (гл. 171).

Святый Симеонъ, Архіепископъ Θессалонитскій, объ этой священной молитвѣ говоритъ: »Эта Божественная молитва, это призываніе нашего Спасителя: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, есть и молитва, и моленіе, и исповѣданіе вѣры, и подательница Святаго Духа, и дарователь Божественныхъ даровъ, и очищеніе сердца, и изгнаніе бѣсовъ, и вселеніе Іисусъ-Христово, и источникъ духовныхъ мыслей и Божественныхъ помышленій, и избавленіе отъ грѣховъ, и врачеваніе душъ и тѣлесъ, и податель Божественнаго просвѣщенія, и источникъ милости Божіей, и дарователь смиреннымъ откровеній Божественныхъ таинъ, и самое спасеніе; потому что есть ношеніе спасительнаго имени нашего Бога. Это-то самое и есть нареченіе на насъ имени Іисуса Христа, Сына Божія» (гл. 296).

Точно такъ и прочіе Богоносные отцы, пиша объ этой священной молитвѣ, своимъ, исполненнымъ Божіей премудрости, ученіемъ, изъявляютъ о ея дѣйствіи, о происходящей отъ нея неизреченной пользѣ и о преуспѣяніи чрезъ нее въ Божественныхъ дарованіяхъ Святаго Духа.

Кто же, видя, что эта священнѣйшая молитва приводитъ подвижника къ такому небесному сокровищу различныхъ добродѣтелей, не разжется ревностію Божіею ко всег-

дашнему дѣланію молитвы, чтобы ею постоянно содержать въ душѣ и сердцѣ Всесладчайшаго Іисуса, поминая въ себѣ непрестанно Его вседражайшее Имя, и этимъ распаляться къ неизреченной Его любви? Развѣ только тотъ, кто, прилежа къ житейскимъ помысламъ, связался узою тѣлесныхъ попеченій, отводящихъ многихъ и отстраняющихъ отъ царствія Божія, находящагося внутри насъ. Тотъ только развѣ не возусердствуетъ коснуться мысленнаго дѣланія мысленной молитвы, кто самымъ дѣломъ и опытомъ не вкусилъ душевною гортанію неизреченной Божественной сладости этого полезнѣйшаго дѣланія, и не знаетъ, сколько эта вещь имѣетъ внутри себя сокровенную духовную пользу. А желающіе быть любовію соединенными съ сладчайшимъ Іисусомъ, оплевавъ всѣ красоты этого міра, всѣ наслажденія и самый тѣлесный покой, ничего другаго не захотятъ имѣть въ этой жизни, какъ только постоянно упражняться въ райскомъ дѣланіи села молитвы.

Глава 6-я.

О томъ, какъ должно въ началѣ обучаться дѣйствованію умомъ въ сердцѣ этой Божественной молитвы.

Въ древнія времена это всесвятое дѣланіе умной молитвы возсіявало на многихъ мѣстахъ, гдѣ только имѣли пребываніе святые отцы. Потому тогда и учителей этому духовному дѣланію было много. По этой причинѣ и св. отцы наши, пиша о немъ, изъявляли только происходящую отъ него неизреченную духовную пользу, не имѣя, какъ я думаю, нужды писать о самомъ опытѣ этого дѣланія, приличествующемъ новоначальнымъ. Если же гдѣ нѣсколько и писали объ этомъ, то и это только для знающихъ опытъ этого дѣланія — очень ясно; а для незнающихъ — вовсе непонятно. Нѣкоторые же изъ нихъ, когда увидѣли, что истинные и непрелестные наставники этого дѣланія начали совсѣмъ умаляться, и опасаясь, чтобы не утратилось истинное ученіе о началѣ этой мысленной молитвы, написали и

самое начало и опыть, какъ должно обучаться новоначальнымъ, и входить умомъ въ страны сердечныя, и тамъ истинно и непрелестно дѣйствовать умомъ молитву. Этихъ-то отцевъ самое Божественное ученіе объ этомъ предметѣ нужно представить на среду.

Святый Симеонъ Новый Богословъ о началѣ этого дѣланія говоритъ такъ: »Истинное и непрелестное вниманіе и молитва состоитъ въ томъ, чтобы во время молитвы умъ хранилъ сердце, и пребывалъ бы постоянно внутри его, и оттуда, то есть, изъ глубины сердца, возсылалъ молитвы къ Богу. И когда внутри сердца вкуситъ, *яко благъ Господь*, и усладится, то не будетъ уже исходить изъ мѣста сердечнаго. И вмѣстѣ съ Апостоломъ скажетъ и онъ: *добро есть намъ здѣ быти* (Мѳ. 17: 4). И осматривая непрестанно сердечныя мѣста, онъ изобрѣтаетъ нѣкоторый способъ прогонять всѣ. всѣваемые тамъ, вражескіе помыслы». И ниже еще яснѣе говоритъ онъ объ этомъ такъ: »Едва только умъ найдетъ мѣсто сердечное, немедленно видитъ то, чего никогда не видалъ: видитъ онъ среди сердца воздухъ, и себя всего свѣтлымъ и полнымъ разсужденія. И съ тѣхъ поръ, откуда бы ни показался помыслъ, прежде, нежели онъ войдетъ и изобразится, немедленно прогоняетъ его и уничтожаетъ призываніемъ Іисуса Христа. Отселѣ умъ, получивъ памятозлобіе къ бѣсамъ, двигаетъ противъ нихъ естественный гнѣвъ, гонитъ и низлагаетъ мысленныхъ супостатовъ. И прочему научишься съ помощію Божіею посредствомъ блюденія ума, держа въ сердцѣ Іисуса» (Слово о трехъ образахъ молитвы).

Преподобный Никифоръ Постникъ, научая еще яснѣе о входѣ умомъ въ сердце, говоритъ: »Прежде всего пусть будетъ жительство твое безмолвно, безпопечительно и со всѣми мирно. Потомъ, войдя въ клѣть твою, затворись, и сѣвъ въ какомъ-нубудь углу, сдѣлай, что я тебѣ скажу: Знаешь, что дыханіе, которымъ дышемъ, есть этотъ воздухъ; выдыхаемъ же его ничѣмъ инымъ, какъ только сердцемъ. Оно-то причина жизни и теплоты тѣла. Привлекаетъ же сердце воздухъ, чтобы посредствомъ дыханія выпустить

вонъ свою теплоту, и доставить себѣ прохладу. Причина этого дѣйствія, или лучше сказать — служитель, есть легкое, которое будучи создано Создателемъ — рѣдкимъ, какъ насосъ какой, удобно вводитъ и выводитъ окружающее, то есть, воздухъ. Такимъ образомъ сердце, привлекая посредствомъ воздуха холодъ, и выпуская теплоту, совершаетъ непрестанно то отправленіе, ради котораго оно устроено къ составленію жизни. Ты же сѣвъ, и собравъ умъ свой, понудь войти въ сердце вмѣстѣ съ дыханіемъ. Когда же онъ войдетъ туда, то послѣдущее за симъ будетъ уже не невесело и не нерадостно». И ниже: »Поэтому, братъ, пріучи умъ не скоро выходить оттуда; потому что сначала онъ очень скучаетъ отъ внутренняго затвора и тѣсноты. Когда же пріобыкнетъ, то уже не терпитъ скитаться внѣ, потому что *царствіе небесное* находится *внутри насъ:* его-то когда разсматриваемъ тамъ и взыскуемъ чистою молитвою, то все внѣшнее дѣлается мерзкимъ и ненавистнымъ. Если сразу, какъ сказано, войдешь умомъ въ сердечное мѣсто, которое я показалъ тебѣ: то воздай благодареніе Богу, и прославь, и взыграй, и держись этого дѣланія постоянно, и оно научитъ тебя тому, чего ты не знаешь. Надо же знать тебѣ и то, что умъ, пребывая тамъ, долженъ не молчащимъ или праздным стоять, но эти слова: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! имѣть непрестаннымъ дѣломъ и поученіемъ, и никогда отъ этого не переставать. Это, содержа умъ не высящимся, сохраняетъ его неуловимымъ и неприступнымъ для приловъ вражіихъ, и возводитъ его повседневно въ любовь и желаніе Божественное. Если же, потрудившись, братъ, много, не возможешь войти въ страны сердца, какъ мы тебѣ повелѣли: то сдѣлай, что скажу тебѣ, и при помощи Божіей найдешь искомое. Извѣстно тебѣ, что словесность каждаго человѣка находится въ персяхъ: здѣсь, внутри персей, и при молчаніи устъ, мы говоримъ и разсуждаемъ, и произносимъ молитвы и псалмы и прочее. Этой то словесности, отнявъ отъ нея всякій помыслъ (можешь это, если захочешь), дай говорить: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, — и понудься это, вмѣсто

всякой другой мысли, постоянно взывать внутри. Когда же ты это подержишь нѣкоторое время, то этимъ отверзется тебѣ и сердечный входъ, какъ мы тебѣ написали, безъ всякаго сомнѣнія, какъ мы и сами узнали изъ опыта. И придетъ къ тебѣ, съ многовожделѣннымъ и сладкимъ вниманіемъ, и весь ликъ добродѣтелей: любовь, радость, миръ, и прочія».

Божественный Григорій Синаитъ, уча также, какъ должно умомъ дѣйствовать въ сердцѣ спасительнѣйшее призываніе Господа, говоритъ: »Сидя съ утра на сѣдалищѣ въ одну четверть, низведи умъ отъ владычественнаго въ сердце, и держи его въ немъ. И преклонившись съ трудомъ, и ощущая сильную боль въ груди и плечахъ и выѣ, непрестанно зови умно или душевно: Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Потомъ, если, быть можетъ, ради тѣсноты и болѣзненности, и отъ частаго призыванія она сдѣлается тебѣ несладостна (что бываетъ не отъ однообразности снѣди Тріименнаго, часто ядомой, ибо *ядущіи Мя*, сказано, *еще взалчутъ* — Сирах. 24: 23); то перемѣнивъ умъ въ другую половину, говори: Сыне Божій, помилуй мя! И многократно произнося эту половину, не долженъ ты по лѣности часто перемѣнять ихъ; потому что деревья, часто пересаждаемыя, не вкореняются. Удерживай же и дыханіе легкаго, чтобы тебѣ не дерзостно дышать; ибо движеніе воздуха, происходящее отъ сердца, развѣваетъ мысль, и помрачаетъ умъ, и возвращая его оттуда, или предаетъ плѣнникомъ забвенію, или заставляетъ вмѣсто одного поучаться другому, и оказывается онъ нечувствительно въ томъ, въ чемъ не должно. Если же увидишь нечистоты лукавыхъ духовъ, то есть, помыслы, возникающіе или изображающіеся въ умѣ твоемъ, то не ужасайся; но если и добрыя разумѣнія о нѣкоторыхъ вещахъ являются тебѣ — не внимай имъ: удерживая же по возможности дыханіе, и умъ заключая въ сердцѣ, и дѣйствуя постоянно и часто призываніе Господа Іисуса, ты скоро сокрушишь и истребишь ихъ, уязвляя невидимо Божественнымъ именемъ, какъ говоритъ и Лѣствичникъ: »Іисусовымъ именемъ бей ратниковъ, потому что нѣтъ оружія, болѣе крѣпкаго, ни на небѣ ни на землѣ».

И опять этотъ же Святый, уча о безмолвіи и молитвѣ, какъ долженъ въ немъ сидѣть, говоритъ: »Иногда должно сидѣть на стульцѣ, ради труда; иногда и на постелѣ немного до времени, для отрады. Въ терпѣніи же должно быть твое сидѣнье, ради сказавшаго, что въ молитвѣ должно терпѣть (Лук. 18: 1), и не скоро вставать, малодушествуя по причинѣ трудности болѣзни и умнаго взыванія и частой напряженности ума. Такъ вѣщаетъ и Пророкъ: *болѣзни объяша мя аки раждающія* (Іер. 8: 21). Итакъ, поникши долу, и умъ собирая въ сердцѣ, если отверзлось тебѣ твое сердце, призывай въ помощь Господа Іисуса. Боля же раменами, часто болѣзнуя головой, терпи то усиленно и ревностно, взыскуя въ сердцѣ Господа: нудящимся принадлежитъ царство небесное, *и нуждницы восхищаютъ е.* (Мѳ. 11: 12)», и прочее. И еще, какъ должно произносить молитву, говоритъ: »Отцы сказали такъ: иной говоритъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! — все; иной же — половину: Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя! — и это удобнѣе, по причинѣ немощи еще ума и младенчества. Не можетъ же никто самъ собою, безъ Духа, тайно именовать Господа Іисуса — чисто и совершенно, *точію Духомъ Святымъ* (2 Кор. 12: 3); но, какъ нѣмотствующій младенецъ, совершить ее членами еще не можетъ. Не долженъ же онъ по лѣности часто перемѣнять призыванія именъ; но рѣдко — для удержанія. Опять: иные учатъ произносить ее устами, другіе же — умомъ; а я допускаю и то и другое. Иногда умъ изнемогаетъ, соскучившись говорить; иногда же — уста. Поэтому должно молиться обоими — и устами и умомъ; однако безмолвно и несмущено должно взывать, чтобы голосъ, смущая чувство и вниманіе ума, не препятствовалъ, пока умъ, обыкнувъ въ дѣлѣ, преуспѣетъ, и приметъ отъ Духа силу — крѣпко и всячески молиться. Тогда уже не нуждается онъ говорить устами, и даже не можетъ, будучи въ состояніи творить дѣланіе совершенно однимъ умомъ».

Итакъ, вотъ вышепомянутые святые отцы, какъ показано, представляютъ очень ясное ученіе и опытъ обученія

умному дѣланію для новоначальныхъ. А отъ этого ученія можно уразумѣть и ученіе прочихъ Святыхъ объ этомъ дѣланіи, изложенное болѣе прикровенно.

И. Вотъ вы ознакомились съ писаніями объ умной молитвѣ тѣхъ старцевъ-подвижниковъ, которые своими сочиненіями, переводами святоотеческой письменности, и своимъ личнымъ вліяніемъ содѣйствовали широкому и глубокому возрожденію въ Православной Церкви во второй половинѣ 18-го и въ 19-мъ вѣкѣ вниманія къ духовной жизни, къ изученію святоотеческой духовно-подвижнической литературы, къ умному дѣланію и къ старчеству, какъ живому, опытному и непосредственному руководительству въ подвигѣ умнаго дѣланія и умной молитвы.

Теперь прошу васъ высказать тѣ вопросы или тѣ недоумѣнія, какія явились у васъ при чтеніи этихъ писаній, и на которыя вы хотѣли бы получить отъ меня отвѣтъ или разъясненіе. Насколько съумѣю, постараюсь дать вамъ необходимыя объясненія.

I. Прежде всего я хочу сказать, что писанія старцевъ Василія и Паисія написаны очень просто, понятно и живо, взяты, дѣйствительно, изъ ихъ личнаго, пережитаго опыта, и искренняго, глубокаго и горячаго убѣжденія сердца, такъ что во многихъ мѣстахъ они глубоко захватываютъ и волнуютъ сердце внимающаго имъ, и читаются или слушаются съ большимъ и неослабѣвающимъ интересомъ. Таково мое общее впечатлѣніе отъ писаній этихъ великихъ старцевъ. Несомнѣнно, они писали свои сочиненія уже въ пожиломъ возрастѣ, а между тѣмъ отъ нихъ вѣетъ юношескою свѣжестью, и горячностью, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они не лишены даже мѣткаго, хотя и скромнаго, острословія.

Однако, самое содержаніе ихъ писаній настолько значительно, возвышенно, серьезно, важно и глубоко, что не все въ немъ можетъ быть даже ясно выражено нашимъ зем-

нымъ, человѣческимъ языкомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (тамъ, гдѣ говорится, напримѣръ, о видѣніяхъ, или о высокихъ духовныхъ переживаніяхъ и созерцаніяхъ Пресвятой Дѣвы) недостаточенъ, быть можетъ, и ангельскій языкъ; и отъ этого и происходятъ, главнымъ образомъ, тѣ трудности и недоумѣнія, которыя возникаютъ у недостаточно подготовленнаго слушателя или читателя, при чтеніи или слушаніи тѣхъ или иныхъ особенно глубокихъ и возвышенныхъ мѣстъ въ писаніяхъ старцевъ. Но и помимо этихъ исключительно трудныхъ мѣстъ, у неопытнаго читателя возникаютъ вопросы или сомнѣнія, требующія отвѣта и разъясненія. Напримѣръ, мнѣ, какъ мірскому священнику, хотѣлось бы услышать отъ васъ разъясненіе, всѣ ли православные христіане, по ученію старцевъ Василія и Паисія, могутъ заниматься Іисусовой молитвой, или только тѣ, которые уже очистили свое сердце отъ страстей?

И. На этотъ вопросъ у старцевъ имѣется совершенно ясный и опредѣленный отвѣтъ, котораго вы не могли не замѣтить, если внимательно знакомились съ ихъ писаніями. По ученію старцевъ, основанному на святоотеческомъ преданіи, молитва Іисусова именно и помогаетъ очищенію сердца отъ страстей, а потому и необходима не только безстрастнымъ, но и тѣмъ, кто еще не освободился отъ страстей. Предисловіе старца Василія на книгу св. Григорія Синаита какъ разъ этими словами и начинается: »многіе, пишетъ онъ, не зная опытно умнаго дѣланія, погрѣшаютъ противъ здраваго разума, думая, что умное дѣланіе принадлежитъ однимъ безстрастнымъ и святымъ мужамъ» . . . И въ другомъ мѣстѣ, приведя слова Апостола — »хочу пять словъ сказать умомъ моимъ, чѣмъ тьму языкомъ», старецъ продолжаетъ: »Слѣдуетъ сначала этими пятичисленными словами очищать умъ и сердце, говоря непрестанно во глубинѣ сердечной: »Господи Іисусе Христе, помилуй мя», и такимъ образомъ восходить на разумное пѣніе (т. е. на сознательное пѣніе и чтеніе псалмовъ и каноновъ). Потому что всякій новоначальный и страстный

можетъ сію молитву (т. е. Іисусову) разумно, въ блюденіи сердца, дѣйствовать, пѣнія же никакъ, прежде чѣмъ не предочистится умною молитвою.»

»Поэтому, пишетъ дальше старецъ, Святой Григорій Синаитъ, всѣхъ святыхъ житія и писанія и искусство духовное болѣе всѣхъ живущимъ въ немъ Святымъ Духомъ до тонкости испытавъ и разсудивъ, установляетъ все стараніе имѣть о молитвѣ (т. е. о молитвѣ внутренней). Также и Святый Симеонъ, Солунскій Архіепископъ, имѣя тотъ же даръ и Духъ, заповѣдуетъ и совѣтуетъ архіереямъ, священникамъ, монахамъ и всѣмъ мірскимъ во всякое время и часъ произносить и дышать сію священную молитву: ибо нѣтъ, говоритъ онъ съ Апостоломъ, крѣпчайшаго оружія ни на небѣ, ни на землѣ, больше имени Іисуса Христа».

Въ предисловіи на книгу Филофея Синайскаго старецъ Василій снова говоритъ, что »дѣлательная умная молитва подобаетъ страстнымъ».

Въ предисловіи на книгу блаж. Исихія, на первой же его страницѣ, старецъ Василій, объясняя различную практику св. Отцовъ съ »приходящими къ монашеству», т. е. съ новоначальными, пишетъ, что одни изъ Отцовъ, принимая во вниманіе немощи приходящихъ, »назначаютъ имъ вмѣстѣ съ дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ продолжительное псалмопѣніе, каноны и тропари» . . . »Другіе же, изучивъ тончайшій опытъ духовнаго разума, не хотятъ, чтобы начальные довольствовались однимъ только внѣшнимъ обученіемъ, но, заповѣдуя имъ вмѣстѣ съ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ умѣренное пѣніе, т. е. полунощницу, утреню, часы, вечерню и повечерницу, установляютъ вмѣсто продолжительнаго псалмопѣнія и каноновъ дѣланіе умной молитвы, прибавляя къ этому, что если посѣтитъ ихъ Св. Духъ дѣйствіемъ сердечной молитвы, то несомнѣнно оставлять тогда указанное внѣшнее правило, ибо восполняетъ его внутренняя молитва» . . Такъ поступающихъ отцовъ св. Григорій Синаитъ называетъ »отчасти, но не вполнѣ преподающими умное дѣланіе». Но есть еще и третьи отцы, которые, »руководствуясь многимъ опытомъ

и изслѣдованіемъ житій и писаній всѣхъ святыхъ и въ особенности же дѣйствіемъ и премудростію Св. Животворящаго Духа, устанавливаютъ новоначальнымъ общее, а не частное обученіе или дѣланіе умной молитвы, называя ее укрощеніемъ страстей въ дѣланіи заповѣдей Христовыхъ» . . .

По словамъ старца, возможно преуспѣяніе, »слѣдуя и тому постановленію св. Отцовъ, о которомъ сказано въ началѣ, однако очень медленно и съ трудомъ: вторымъ же удобнѣе и легче; а третьимъ скорѣе всего, ибо оно сопровождается отрадою и частымъ посѣщеніемъ Св. Духа, укрѣпляющимъ и удостоѣряющимъ сердце, въ особенности же при тщательнѣйшемъ усердіи и доброй волѣ» . . . Въ надсловіи на книгу блаженнаго Нила Сорскаго старецъ Василій приводитъ слова св. Исихія о томъ, что молитва Іисусова очищаетъ умъ и сердце отъ мысленныхъ грѣховъ: »Какъ невозможно жить нынѣшнею жизнью безъ пищи и питія, такъ невозможно безъ храненія ума достигнуть душѣ чего либо духовнаго и Богу угоднаго, или избавиться отъ мысленнаго грѣха, хотя бы кто страхомъ мукъ и принуждалъ себя не грѣшить»; и еще: »помыслы, противъ воли нашей втѣснившіеся, укрѣпившіеся и стоящіе въ сердцѣ, можетъ прогонять лишь молитва Іисусова изъ глубины сердца». Научая тому, что молитвою Іисусовою могутъ заниматься и новоначальные съ цѣлью очищенія сердца отъ страстей, старецъ Василій строго осуждаетъ тѣхъ, кто запрещаетъ умное дѣланіе новоначальнымъ. Они »не только не принимаютъ того, что говорится или пишется о внутреннемъ вниманіи, въ которомъ и есть искусство моленія на злые помыслы, но и сопротивляются, и, выставляя себя учителями, говорятъ, что св. Отцы не заповѣдали новоначальнымъ умнаго дѣланія, кромѣ одного псалмопѣнія, тропарей и каноновъ, дѣйствуемыхъ устами и языкомъ И несмотря на то, что они говорятъ и учатъ объ этомъ невѣрно, всѣ ихъ слушаютъ: потому что для таковаго ихъ моленія не требуется обученія или отреченія отъ мірскихъ похотей, но всякій, если только захочетъ,

можетъ такъ молиться, будетъ ли онъ монахъ или міряннинъ. Священное же умное дѣланіе, которое есть славное и богоугодное искусство изъ искусствъ, и въ которомъ нельзя имѣть успѣха безъ отреченія отъ міра съ его похотями, и безъ долгаго наставленія и обученія, весьма поэтому оскудѣло среди монаховъ: и неутихающая брань бываетъ у незнающихъ силы Св. Писанія, въ особенности же у неискусныхъ въ умномъ вниманіи ко внутреннему человѣку».

Возражая тѣмъ, кто говоритъ »будто сначала нужно очистить тѣлесныя чувства, т. е. зрѣніе, обоняніе, вкушеніе, слово, осязаніе, чтобы не согрѣшалъ ими человѣкъ, и тогда только, хорошо очистившись, начинать умную молитву» старецъ Василій пишетъ: »Друзья! Никто не противъ очищенія тѣлесныхъ чувствъ, но говоримъ о томъ, что если отдѣлять очищеніе чувствъ отъ умнаго дѣланія, то получится большое несогласіе . . . Ты устанавливаешь разстояніе и время, отдѣляя храненіе внѣшнихъ чувствъ отъ обученія умной молитвѣ, и тѣмъ свидѣтельствуешь, что не знаешь порядка сердечнаго дѣланія.

Знающіе же опытъ умной молитвы не раздѣляютъ временемъ одно отъ другого, но устанавливаютъ одновременное и совмѣстное ихъ обученіе; погружая умъ въ часъ молитвы внутрь сердца, укрощаютъ волненіе чувствъ, не попуская уму восходить на нихъ; а отъ того, что умъ не восходитъ на чувства тѣлесныя, они пребываютъ не занятыми внѣ, черезъ это подаютъ великое безмолвіе уму и сердцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ и сами блюденіемъ ума мало по малу обучаются не востекать на плотскія похоти. Да будетъ же извѣстно и то, что нѣтъ недостатка ни времени, ни предмета для тѣхъ, кто любитъ спорить . . . Еще остается имъ написанное Новымъ Богословомъ, что желающему обучаться умному дѣланію необходимо сначала сохранить свою совѣсть къ Богу, людямъ и вещамъ. Я же вѣрую, что въ одинъ часъ или минуту можетъ человѣкъ примирить свою совѣсть съ Богомъ, людьми и вещами, какъ и учитъ великій учитель (Новый Богословъ): ибо жала, т. е. голоса

совѣсти, умное дѣланіе не уничтожаетъ и никому не полезно уклоняться отъ этого добраго обличителя. Вижу же и того великаго грѣшника, который шелъ во святый храмъ, окруженный бѣсами, а вышелъ изъ храма со святыми ангелами, радующимися его обращенію. Ты же отъ крайняго зазрѣнія совѣсти устанавливаешь разстояніе и время примиренію ея съ Богомъ, и этимъ показываешь, что достиженіе безстрастія бываетъ прежде обученія умному дѣланію или выше его. И отсюда у тебя выходитъ, что ты не только не начнешь когда либо умнаго трезвенія, но и отъ самихъ Святѣйшихъ Таинъ будешь уклоняться. Ибо никто, не примирившись прежде съ Богомъ, не приступаетъ къ Причащенію. Не говорю же я это тебѣ, человѣкъ, о примиреніи совѣсти отъ себя, но самое исповѣданіе св. Отцовъ предлагаю. Ибо они, насколько ближе приблѝжались къ Богу, настолько видѣли себя большими грѣшниками: и не будутъ ли, по твоему мнѣнію, и сами святые не примиренные совѣстью съ Богомъ? Но ты скажешь, что по причинѣ смиренія такъ говорили о себѣ святые. Прекрати хитросплетенную рѣчь и покорись по крайней мѣрѣ голосу святыхъ правилъ: Если кто скажетъ, что святые ради смиренія, и принимая видъ грѣшныхъ, говорили »остави намъ долги наша» — анафема да будетъ».

І. Вы очень хорошо, просто и убѣдительно, отвѣчаете на мой вопросъ, но какъ же, все-таки, нѣкоторые наставники Іисусовой молитвы строго-на-строго запрещаютъ тѣмъ, кто еще не очистился отъ страстей, касаться сердца и искать сердечное мѣсто?

И. Если эти наставники говорятъ о необходимости предварительнаго очищенія отъ страстей для прохожденія Іисусовой молитвы, то, очевидно, они имѣютъ въ виду не дѣлательную, трудовую молитву новоначальныхъ, а зрительную, или созерцательную молитву совершенныхъ, которая, по общему мнѣнію Отцовъ, дѣйствительно, невозможна безъ предварительнаго очищенія отъ страстей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и великій старецъ Паисій Величковскій, говоря: »Когда кто Божіею помощью и вы-

шесказаннымъ подвигомъ (дѣлательной молитвы), а болѣе всего глубочайшимъ смиреніемъ, очиститъ душу свою и сердце отъ всякой скверны страстей душевныхъ и тѣлесныхъ; тогда благодать Божія, общая всѣхъ мать, взявъ умъ, ею очищенный, какъ малое дитя за руку, возводитъ, какъ по ступенямъ, въ вышесказанныя духовныя видѣнія (о которыхъ рѣчь будетъ впереди), открывая ему, по мѣрѣ его очищенія, неизреченныя и непостижимыя для ума Божественныя Тайны. И это воистину называется истиннымъ духовнымъ видѣніемъ, которое и есть зрительная, или, по святому Исааку, чистая молитва, отъ которой — ужасъ и видѣніе. Но войти въ эти видѣнія не можетъ никто самовластно своимъ произвольнымъ подвигомъ, если не посѣтитъ кого Богъ, и благодатію Своею введетъ въ нихъ.»

Если же охваченнымъ страстями и запрещается касаться умнаго дѣланія, то только въ томъ случаѣ, если они хотятъ оставаться въ своемъ страстномъ устроеніи, и не хотятъ бороться со своею страстью. О таковыхъ старецъ Василій приводитъ слова св. Дорофея: »Представь себѣ пять состояній дѣйствующихъ по страсти: а) впадая въ гнѣвъ и досаду, оставаться всегда злобствующимъ на оскорбившаго; б) будучи опечаленнымъ, помнить зло въ теченіе многихъ дней; в) гнѣваться одну недѣлю; г) одинъ только день помнить, и д) враждуя, досаждая, смущая и смущаясь, въ тотъ же часъ измѣниться. Вотъ сколько различныхъ устроеній, однако всѣ они находятся подъ адомъ до тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ страсть, и такимъ не должно касаться умнаго дѣланія, ибо они подобны человѣку, который будучи раненъ стрѣлою отъ врага своего, беретъ стрѣлу собственными руками и вонзаетъ въ свое сердце; о нихъ сказалъ Богословъ: дѣлающій грѣхъ отъ діавола есть» (1 Іоан. 3: 8). О таковыхъ и Епископъ Ѳеофанъ пишетъ, что »даже сумашествіе отъ молитвы Іисусовой можетъ произойти тогда, когда, творя сію молитву, не отстаютъ отъ какихъ либо грѣховъ и привычекъ, кои осуждаетъ совѣсть. При семъ внутри происходитъ глубокій разладъ, прогоняющій всякую мирность сердца . . . отсюда

помутиться можетъ голова, и понятія придти въ запутанность и смятеніе» (Сборникъ § 372).

Человѣкъ, сознаніемъ и сердцемъ сущій на сторонѣ страстнаго, страстенъ весь, и Богу противенъ. Человѣкъ, сущій на сторонѣ безстрастнаго, хотя въ немъ есть и борютъ его страсти, непротивенъ Богу, ради нелюбленія страстей и желанія дѣлать не по нимъ, а по волѣ Божіей (Сборникъ § 249).

Тѣмъ же, кто сопротивляется страсти, борется съ нею, не хочетъ дѣйствовать по ней, скорбитъ и подвизается, имъ во всякомъ случаѣ можно и должно обучаться умному дѣланію, потому что они очищаются вседневною благодатію Христовою черезъ умную молитву и ежечасное покаяніе, и о нихъ сказалъ Тайновидецъ: »Если скажемъ, что не имѣемъ грѣха, прельщаемъ себя; и если грѣхи наши исповѣдуемъ, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ, и очиститъ насъ отъ всякой неправды» (I гоан. 1: 8, 9).

1. Позвольте предложить вамъ еще слѣдующій вопросъ: если, какъ говоритъ старецъ Василій, и новоначальные дѣлатели Іисусовой молитвы должны совершать свою молитву въ глубинѣ сердца, борясь тамъ со своими страстями и помыслами, какъ это дѣлаютъ и преуспѣвшіе въ молитвѣ, тогда и у тѣхъ и у другихъ одинаково молитва ихъ будетъ внутри—сердечною? Какъ же тогда понимать раздѣленіе Іисусовой молитвы на устную, умную и сердечную? Вѣдь у всѣхъ она оказывается одинаково внутри-сердечною.

И. Нужно различать разнаго рода сердечную молитву. Припомните слова Епископа Ѳеофана въ одной изъ предыдущихъ нашихъ бесѣдъ о свойствахъ истинной молитвы. Онъ говоритъ, что во всякой истинной нашей молитвѣ должны участвовать и тѣло, и умъ, и сердце. Только такая молитва и есть настоящая, полная молитва. Такъ называемая устная молитва, гласно или безгласно совершаемая, непремѣнно должна совершаться при участіи ума и сердца. Умъ долженъ внимать словамъ молитвы, а сердце должно откликаться на нее своимъ чувствомъ. Если устная молитва совершается безъ участія ума и сердца, то, по словамъ Еп.

Θеофана, она даже и не есть молитва. У людей, еще не окрѣпшихъ въ молитвѣ, бываетъ такъ, что уста произносятъ слова молитвы, а умъ блуждаетъ не вѣсть гдѣ, вниманіе разсѣяно, сердце остается холоднымъ къ словамъ молитвы. Въ томъ и состоитъ подвигъ молитвы, чтобы пріучить умъ свой внимать словамъ молитвы неотходно, а сердце пріучить откликаться на слова молитвы чувствомъ. Такимъ образомъ, первоначальная молитва, въ которой преобладаетъ устная сторона, постепенно становится молитвою умною, и умно-сердечною. И только тогда она и становится настоящею молитвою. Различіе наименованій — устная, умная, сердечная опредѣляется не тѣмъ, что каждый видъ молитвы можетъ существовать отдѣльно, такой молитвы и не бываетъ; различіе же опредѣляется степенью участія ума и сердца въ молитвѣ. При маломъ ихъ участіи молитва бываетъ преимущественно устная, но все же она совершается въ сердцѣ; когда вниманіе ума становится неотходнымъ отъ словъ молитвы, тогда молитва справедливо называется умною, а когда и сердце сливается своимъ чувствомъ со словами молитвы, тогда молитва становится сердечною. И все это происходитъ въ предѣлахъ дѣлательной молитвы, т. е. совершаемой при усиліяхъ самого молящагося. О высшей, зрительной молитвѣ мы сейчасъ не говоримъ. Изъ сказаннаго вы можете видѣть, что наименованія молитвы устною, умною и сердечною имѣютъ свое основаніе, хотя молитва (настоящая молитва) и должна всегда совершаться въ сердцѣ.

I. Это ясно. Въ прежнихъ нашихъ бесѣдахъ уже шла рѣчь о внѣшнихъ пріемахъ низведенія ума въ сердце при совершеніи умной молитвы. Но такъ какъ у старца Паисія, въ главахъ о молитвѣ, снова говорится о пользованіи этими пріемами, то я хотѣлъ бы, имѣя въ виду главнымъ образомъ мірянъ, еще разъ услышать отъ васъ разъясненіе, насколько эти пріемы относятся къ самому существу молитвеннаго дѣланія, и насколько они обязательны для проходящихъ умную молитву.

И. Я могу только повторить вкратцѣ сказанное раньше,

опираясь на слова Еп. Θеофана и Св. Каллиста и Игнатія. Пріемы эти къ существу молитвеннаго дѣланія не относятся. Они имѣютъ вспомогательное значеніе, были рекомендованы въ свое время монахамъ безмолвникамъ, въ особенности тѣмъ, которые затруднялись найти мѣсто сердца, и склонны были смѣшивать область сердца съ чревною областью. Епископъ Θеофанъ, признавая полезность той или другой внѣшней обстановки и внѣшнихъ пріемовъ для успѣшнаго прохожденія молитвы, не считаетъ обязательными для всѣхъ пріемы, указанные аѳонитамъ, и предоставляетъ каждому дѣлателю молитвы пользоваться въ этомъ дѣлѣ наиболѣе подходящими для него средствами. Подробнѣе объ этомъ было уже сказано мною въ своемъ мѣстѣ, и нѣтъ надобности снова повторять сказанное.

I. Теперь я хотѣлъ бы, чтобы вы подробнѣе разъяснили о молитвѣ дѣлательной и созерцательной, и особенно о видѣніяхъ, о которыхъ упоминаетъ старецъ Паисій, ссылаясь на св. Григорія Синаита.

И. О молитвѣ дѣлательной и созерцательной старецъ Паисій пишетъ слѣдующее: »Извѣщаю, по мѣрѣ худости моего немощнаго разума, въ какой силѣ должно разумѣть дѣяніе и видѣніе. Пусть будетъ извѣстно (говорю къ подобнымъ мнѣ препростымъ), что весь монашескій подвигъ, которымъ, при помощи Божіей, понуждался бы кто-нибудь на любовь къ ближнему и Богу, на кротость, смиреніе и терпѣніе, и на всѣ прочія Божіи и святоотеческія заповѣди, на совершенное душею и тѣломъ по Богу повиновеніе, на пость, бдѣніе, слезы, поклоны и прочія утомленія тѣла, на всеусердное совершеніе церковнаго и келейнаго правила, на умное тайное упражненіе молитвы, на плачъ и размышленіе о смерти; весь такой подвигъ, пока еще умъ управляется человѣческимъ самовластіемъ и произволеніемъ, съ достовѣрностью называется дѣяніемъ; но никакъ не видѣніемъ. Если же таковый умный подвигъ молитвы и назывался бы гдѣ въ писаніи святыхъ Отцовъ зрѣніемъ: то это по обыкновенному нарѣчію, потому что умъ, какъ душевное око, называется зрѣніемъ. Когда же кто Божіею помощью

и вышесказаннымъ подвигомъ, а болѣе всего глубочайшимъ смиреніемъ, очистить душу свою и сердце отъ всякой скверны страстей душевныхъ и тѣлесныхъ; тогда благодать Божія, общая всѣхъ мать, взявъ умъ, ею очищенный, какъ малое дитя, за руку, возводитъ, какъ по ступенямъ, въ вышесказанныя духовныя видѣнія, открывая ему, по мѣрѣ его очищенія, неизреченныя и непостижимыя для ума Божественныя тайны. И это воистину называется истиннымъ духовнымъ видѣніемъ, которое и есть зрительная, или, по Святому Исааку, чистая молитва, отъ которой — ужасъ и видѣніе. Но войти въ эти видѣнія не можетъ никто самовластно своимъ произвольнымъ подвигомъ, если не посѣтитъ кого Богъ и благодатію Своею введетъ въ нихъ. Если же кто безъ свѣта благодати дерзнетъ восходить на такія видѣнія: тотъ, по святому Григорію Синаиту, пусть знаетъ, что онъ воображаетъ мечтанія, а не видѣнія, мечтая и мечтаясь мечтательнымъ духомъ (Григ. Син. гл. 130). Таково разсужденіе о дѣятельной и зрительной молитвѣ».

Вы видите, что старецъ Паисій всю совокупность молитвы раздѣляетъ на двѣ части: — одна есть молитва новоначальныхъ, принадлежащая дѣянію; другая есть молитва совершенныхъ, принадлежащая видѣнію. Дѣяніе есть восходъ къ видѣнію. Старецъ подробно перечисляетъ всѣ тѣ дѣланія, которыя входятъ въ содержаніе дѣянія, и которыя находятся въ зависимости отъ человѣческаго самовластія и произволенія. Сюда входитъ и умная молитва, т. е. дѣлательная Іисусова молитва. Объ участіи человѣческаго произволенія въ молитвѣ созерцательной старецъ Паисій не говоритъ, ибо эта молитва совершается уже за предѣлами человѣческаго произволенія.

Такимъ образомъ, весь трудъ дѣлателя молитвы долженъ быть обращенъ на тщательное прохожденіе дѣятельнаго подвига, и этому труду онъ долженъ посвятить всю свою заботу. Къ молитвѣ же созерцательной никто не долженъ стремиться самовольно. »Дерзкій и самонадѣянный, пишетъ старецъ Василій, въ гордости стремится достигнуть преждевременно зрительной молитвы . . Таковаго сатана

удобно опутываетъ своими сѣтями, какъ раба своего . . . И что намъ стремиться къ высокому преуспѣянію въ умной и священной молитвѣ, которой по слову св. Исаака, едва сподобляется одинъ изъ тьмы? Довольно, довольно для насъ, страстныхъ и немощныхъ, хотя слѣдъ умнаго безмолвія познать, то есть дѣлательную умную молитву, при помощи которой прилоги вражіи и злые помыслы прогонимы бываютъ отъ сердца, и которая есть подлинное дѣло новоначальныхъ и страстныхъ монаховъ, каковымъ они востекаютъ, аще Богъ восхощетъ, въ зрительную и духовную молитву. И не слѣдуетъ намъ унывать о томъ, что немногіе сподобляются зрительной молитвы: ибо нѣтъ неправды у Бога. Только да не лѣнимся идти путемъ, ведущимъ къ этой священной молитвѣ, т. е. дѣлательною молитвою сопротивляться прилогамъ, страстямъ и злымъ помысламъ. И такимъ образомъ скончавшимся намъ на пути святыхъ, удостоимся и жребія ихъ, хотя бы здѣсь и не достигли совершенства, говоритъ св. Исаакъ и многіе святые».

Въ другомъ своемъ предисловіи старецъ Василій къ сказанному прибавляетъ еще слѣдующее: »Мы отнюдь не осудимся за зрительную молитву, если не удостоимся ея по немощи нашей; объ умномъ же и сердечномъ храненіи, каковымъ можно противостать діаволу и злымъ помысламъ, побѣждая ихъ не своею силою, а страшнымъ именемъ Христовымъ, должны будемъ воздать отвѣтъ Богу, ибо нося Христа внутри себя по дару св. крещенія, не умѣемъ, вѣрнѣе же сказать, не хотимъ научиться, какъ призывать Его на помощь въ часъ брани . . . Многіе изъ древнихъ, а не только нынѣшніе, умерли, не сподобившись при жизни зрительной молитвы, но это не должно вызывать сомнѣнія: ибо нѣтъ мѣста неправдѣ у Бога, и Онъ во всякомъ случаѣ за труды ихъ, которыми они потрудились, идя истиннымъ отеческимъ путемъ дѣлательной молитвы, даетъ имъ въ часъ смерти или по смерти, дѣйствіе зрительной молитвы, съ которой они, какъ пламень огненный, проходятъ воздушныя мытарства, по словамъ св. Исихія. И получаютъ они

жребій свой съ тѣми святыми, которые, по Апостолу, не пріявши здѣсь обѣтованія, трудились всю жизнь свою во упованіи».

Итакъ, молитва созерцательная не зависитъ отъ человѣческаго произволенія, или, можетъ быть, правильнѣе было бы сказать такъ: она зависть отъ человѣческаго произволенія постольку, поскольку человѣкъ успѣваетъ усердіемъ въ дѣлательной молитвѣ очистить сердце свое отъ страстей. Но и при этомъ условіи дарованіе созерцательной молитвы всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія Божія. Давая нѣкоторое указаніе на то, что такое созерцательная молитва, старецъ Паисій пишетъ: »Когда кто Божіею помощію и вышесказаннымъ подвигомъ, а болѣе всего глубочайшимъ смиреніемъ, очиститъ душу свою и сердце отъ всякой скверны страстей душевныхъ и тѣлесныхъ, тогда благодать Божія . . . взявъ умъ, ею очищенный, какъ малое дитя за руку, возводитъ, какъ по ступенямъ, въ вышесказанныя духовныя видѣнія, открывая ему, по мѣрѣ его очищенія, неизреченныя и непостижимыя для ума Божественныя тайны».

О какихъ духовныхъ видѣніяхъ говоритъ старецъ? Старецъ Паисій говоритъ о нихъ словами св. Григорія Синаита слѣдующее: »Должно знать, что по святому Григорію Синаиту, первыхъ видѣній — восемь, пересчитывая которыя онъ говоритъ такъ: Говоримъ, что имѣются восемь первыхъ видѣній. *Первое* — видѣніе Бога безвиднаго, безначальнаго и несозданнаго, причину всего, единой Троицы, и пресущественнаго Божества. *Второе* — чина и устроенія умныхъ силъ. *Третье* — устроенія чувственныхъ тварей. *Четвертое* — смотрительнаго снисхожденія Слова. *Пятое* — всеобщаго воскресенія. *Шестое* — втораго и страшнаго пришествія Христова. *Седьмое* — вѣчнаго мученія. *Осьмое* — царствія небеснаго, не имѣющаго конца». Было бы безумною дерзостью съ нашей стороны, имѣя неочищенный отъ страстей умъ, принимать на себя объясненіе или истолкованіе видѣній, т. е. самовольно и недостойно входить въ область зрительной молитвы, куда

можетъ ввести только самъ Богъ тѣхъ, кто достигъ чистоты сердца. Но мы можемъ сдѣлать другое, для насъ доступное, а именно, разсмотрѣть дарованные намъ Богомъ способы познанія вещей, и выяснить, какимъ способомъ познанія человѣкъ познаетъ, когда то дано ему Богомъ, вещи міра невидимаго, сокровеннаго, небеснаго. Это и есть тотъ предѣлъ, до котораго мы можемъ дойти при нечистотѣ нашего ума, и за который мы не можемъ перейти самовольно, не имѣя брачной одежды.

Итакъ, первый путь познанія окружающихъ насъ вещей — свидѣтельство нашихъ внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія, слуха, осязанія и т. д. Этимъ путемъ мы познаемъ внѣшнія формы окружающихъ насъ предметовъ. Второй путь познанія — разсудочныя соображенія и заключенія нашего ума. Умъ, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который предлагаютъ ему чувства, строитъ на нихъ зданіе своихъ познаній о мірѣ. Таковы тѣ два способа познанія, какими мы обыкновенно пользуемся въ нашей повседневной жизни, и въ нашихъ научныхъ выводахъ.

Но есть еще и третій путь познанія, путь внутренняго зрѣнія, открывающагося въ насъ благодатію Божіею, и свойственнаго только людямъ, достигшимъ чистоты сердца, по слову Господа—»чистіи сердцемъ Бога узрятъ» . . . Впрочемъ, по особому смотрѣнію Божію, въ цѣляхъ промыслительныхъ, это внутреннее зрѣніе можетъ открываться и у людей, еще не достигшихъ чистоты сердца. Та область видѣній, или созерцаній, о которой говоритъ св. Григорій Синаитъ, познается именно этимъ третьимъ путемъ внутренняго зрѣнія. Принимая это во вниманіе, мы не должны понимать упомянутыя видѣнія, какъ нѣкоторыя внѣшневидимыя явленія, воспринимаемыя нашими внѣшними чувствами — зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ и т. д.; не должны также понимать ихъ и какъ разсудочныя заключенія и соображенія нашего ума объ основныхъ догматахъ нашей христіанской вѣры; мы должны понимать ихъ, какъ созерцанія внутренняго зрѣнія, не передаваемыя на языкѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ и нашихъ логическихъ формулъ.

Это — созерцанія того рода, какія зрѣлъ св. Ап. Павелъ, и о которыхъ онъ писалъ Коринфянамъ: »Знаю человѣка во Христѣ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла, не знаю, Богъ знаетъ) восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю, въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай, и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать» (2 Кор. 12: 2—4).

Если вы примете во вниманіе сказанное мною, то вы не сдѣлаете ошибки въ пониманіи характера тѣхъ видѣній, о которыхъ говоритъ св. Григорій Синаитъ, не сочтете ихъ ни за картины нашего воображенія, ни за выводы разсуждающаго ума, и какъ разъ остановитесь на томъ предѣлѣ, на которомъ и долженъ остановиться грѣшный человѣкъ передъ неизслѣдимою глубиною сокровенной небесной жизни, входъ за завѣсу которой открывается только благодатію Божіею. Но чтобы еще болѣе уяснить вамъ вашъ вопросъ, приведу вамъ нѣкоторые пояснительные примѣры, относящіеся къ молитвѣ созерцательной. Во-первыхъ, вспомните то, что разсказывалъ преп. Максимъ Капсокаливитъ св. Григорію Синаиту о высшихъ молитвенныхъ состояніяхъ, и что нѣтъ надобности повторять. Азатѣмъ, выслушайте повѣсть о нѣкоторомъ юношѣ, разсказанную преп. Симеономъ, новымъ Богословомъ, въ Словѣ его о вѣрѣ.

»Былъ въ Константинополѣ юноша лѣтъ двадцати, благообразный тѣломъ, но еще болѣе душею и сердцемъ. Познакомился онъ съ нѣкоторымъ мужемъ святымъ, инокомъ одной изъ константинопольскихъ обителей, и, открывъ ему всѣ тайны сердца своего, сказалъ, что усердно хочетъ спастись, и великое имѣетъ желаніе оставить міръ и сдѣлаться инокомъ. Честнѣйшій старецъ одобрилъ это намѣреніе, преподалъ ему нужныя наставленія, и далъ прочитать книгу св. Марка подвижника. Юноша принялъ эту книгу, какъ изъ рукъ Божіихъ, въ полной увѣренности, что получитъ отъ нея великую себѣ пользу, и, пришедши домой, тотчасъ принялся читать ее съ благоговѣйнымъ

вниманіемъ; прочиталъ всю трижды и четырежды, и послѣ все еще не выпускалъ ее изъ рукъ. Онъ напитался изъ нея духовною пищею, и все еще хотѣлъ питаться. Однакожъ, изъ всего, содержащагося въ книгѣ той, онъ избралъ себѣ въ рукородство три только главы, которыя и положилъ исполнять со всѣмъ вниманіемъ, неопустительно. *Первая:* если желаешь исцѣленія душѣ твоей, всякимъ храненіемъ храни совѣсть свою чисто, чтобы она ни въ чемъ не обличала тебя, — и какія бы дѣла ни внушала она тебѣ дѣлать, дѣлай ихъ не тяготясь, и получишь пользу. *Вторая:* ищущій и чающій получить дѣйствіе Святаго Духа, прежде исполненія заповѣдей Божіихъ, подобенъ купленному рабу, который проситъ у господина своего себѣ свободы, въ тотъ самый часъ, какъ тотъ еще только расплачивается за него. *Третья:* кто молится только устами, и не стяжалъ еще разума духовнаго, и не умѣетъ молиться умно, тотъ подобенъ слѣпому, который вопіялъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Кто же стяжалъ разумъ духовный и молится умно, тотъ подобенъ тому-же слѣпцу, но уже исцѣленному отъ слѣпоты, когда онъ, получивъ просвѣщеніе очей своихъ, увидѣлъ Господа, и уже не именовалъ Его Сыномъ Давидовымъ, а исповѣдалъ Сыномъ Божіимъ и поклонился Ему, какъ подобало. Эти три главы по душѣ были юношѣ тому, и онъ принялъ извѣщеніе въ сердцѣ своемъ, что незамѣтно получитъ великую пользу, если будетъ внимать своей совѣсти, что насладится дарами Духа Святаго и получитъ силу отъ Него, если будетъ хранить заповѣди, и что, по дару Духа Святаго, сподобится того, что отверзутся очи его и онъ узритъ Господа. Упованіе увидѣть неизреченную красоту Господню уязвило сердце его любовію къ ней, и онъ возъимѣлъ великое желаніе узрѣть ее. И однакожъ, онъ ничего особеннаго не дѣлалъ, а только всякій вечеръ, отходя ко сну, не прежде возлегалъ на одръ, какъ совершивъ молитву и поклоны, какъ заповѣдалъ ему старецъ тотъ . . . Такъ прошло нѣсколько времени. Въ одинъ вечеръ, когда исполнялъ онъ старцево молитвенное правило, совѣсть сказала ему: сотвори и еще другую такую же молитву

и поклоны, говоря: »Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!» многократно, сколько можешь. Онъ охотно внялъ совѣсти и усердно исполнилъ, что она внушила ему, вѣруя, что самъ Богъ говорилъ ему черезъ совѣсть. Съ того времени онъ уже никогда не возлегалъ на одръ свой прежде, чѣмъ не исполнитъ всего, о чемъ говорила ему совѣсть, что онъ можетъ то исполнить. Это одно и могъ онъ дѣлать, ибо на немъ лежало управленіе дома одного вельможи, и днемъ онъ не имѣлъ свободнаго для молитвы времени; только вечеромъ всегда уже молился онъ столько, сколько заставляла его совѣсть. Мало по малу начало согрѣваться сердце юноши, и очи источать слезы умиленія; творилъ онъ частыя колѣнопреклоненія, возсылалъ молитвы и къ Богоматери, съ воздыханіями и болѣзнію сердечною. Помышляя, что предстоитъ предъ Господомъ, онъ мысленно припадалъ къ пречистымъ ногамъ Его, и со слезами умиленія умолялъ Его — умилосердиться надъ нимъ, какъ надъ слѣпымъ, и даровать свѣтъ умнымъ очамъ его. День ото дня росла и свѣтлѣла молитва его, и, углубляясь, длилась иногда до полуночи. Неподвижно стоялъ онъ тогда, какъ столпъ какой, и очей своихъ не обращалъ туда и сюда, чтобы видѣть что-нибудь, а стоялъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ, не дремля, не тяготясь, не унывая. Въ одинъ вечеръ, когда молился онъ по обычаю, и въ умѣ своемъ говорилъ мысленно: »Боже! Милостивъ буди мнѣ грѣшному!» — внезапно осѣнилъ его умный свѣтъ Божественный. Будучи плѣненъ такимъ видѣніемъ, юноша забылъ себя и не понималъ, на землѣ ли онъ, или на воздухѣ; весь міръ исчезъ предъ нимъ, и самъ онъ весь измѣнился, бывъ проникнутъ тѣмъ Божественнымъ дѣйствіемъ, и исполненъ слезъ и радости неизреченной, которая не отходила отъ него и тогда, когда онъ пришелъ въ себя. Всю эту ночь не спалъ онъ; сонъ и на умъ не приходилъ ему отъ сладости духовной, наполнявшей сердце его. Послѣ этого, сладость умиленія уже не отходила отъ сердца его, и отгоняла отъ него всякій мірской и плотской помыслъ; онъ сталъ ко всѣмъ вещамъ безчувственъ до того, что сонъ и пища не

приходили ему на умъ, и онъ проводилъ въ постѣ и бдѣніяхъ многіе дни. Дивно и достохвально, что двадцатилѣтній юноша, озабоченный дѣлами житейскими и мірскими, и, кромѣ ихъ, ни о чемъ высшемъ не помышлявшій, а только малое нѣчто слышавшій отъ старца, и тѣ три слова усвоившій изъ душеспасительной книги, малымъ тѣмъ подвигомъ, который несъ съ искреннею вѣрою и упованіемъ, въ короткое время достигъ такого совершенства духовнаго, что плѣненъ былъ въ видѣніе умное, сподобился Божественнаго просвѣщенія и вкусилъ сладости духовной, облегчившей ему весь послѣдующій путь жизни! Такъ-то ни юность не вредитъ, когда она исполнена страха и вожделѣнія Божественнаго, и жизнь среди міра въ самомъ шумномъ городѣ не помѣшаетъ намъ творить заповѣди Божіи и преуспѣть въ жизни духовной, если только имѣемъ усердіе!»

Эта исторія о юношѣ, разсказанная преп. Симеономъ, замѣчательна не только тѣмъ, что юношѣ было открыто зрѣніе небеснаго міра, но и тѣмъ, что оно было открыто ему въ столь юномъ возрастѣ и безъ длительнаго подвига, т. е. открыто было промыслительно, для облегченія, какъ сказано, послѣдующаго пути жизни!

Такіе промыслительные случаи возможны и съ другими. Одному дѣлателю молитвы дано было въ нѣкоторый моментъ, для его духовнаго укрѣпленія, съ необыкновенною усладительностью пережить чувство живого присутствія Божія въ мірѣ на всякомъ мѣстѣ. Это чувство наполняло душу его такою любовью ко всему сущему, что онъ, казалось, готовъ былъ цѣловать и самую землю.

I. Простите, батюшка, мнѣ хочется сказать, что и въ произведеніяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей иногда проявляется тоже удивительное чувство »прикосновенія инымъ мірамъ», пониманіе языка природы, сладостное чувство любви ко всему сущему и желаніе упасть на землю и цѣловать ее, и омыть ее слезами умиленія и благодарности къ Богу. Я вспоминаю и свои собственныя переживанія, когда я, будучи еще молодымъ человѣкомъ, любилъ странствовать пѣшкомъ по святымъ мѣстамъ—идешь, бывало,

въ тихій жаркій полдень, одинокій, по необъятной равнинѣ, покрытой поспѣвающей рожью, и въ этой глубокой тишинѣ и уединеніи вдругъ почувствуешь всю таинственную глубину безпредѣльнаго міра. Жуткое чувство наполнитъ вдругъ душу и вспоминаются слова патріарха Іакова: »Страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но Домъ Божій, и сія врата небесная».

И. У каждаго человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, существуетъ естественное чувство и тяготѣніе къ Богу. Но это естественное тяготѣніе надо отличать отъ благодатнаго прозрѣнія въ тайны жизни небесной. Я сейчасъ приведу вамъ примѣръ того, какъ можно, пребывая неисходно въ своей келліи, зрѣть внутренними очами величіе Божіе. Вотъ слова объ этомъ преп. Симеона Новаго Богослова: »О, чудо»! восклицаетъ онъ, »какое слово сіе изглаголетъ, ибо это страшно воистину и свыше всякаго слова! Вижу свѣтъ, котораго не имѣетъ міръ, и, сидя въ келліи, вижу внутрь себя Творца міра, и бесѣдую съ Нимъ, и люблю Его, и питаюсь единымъ Боговидѣніемъ, и, соединившись съ Нимъ, превосхожду небеса; гдѣ же тогда тѣло? Не знаю; ибо Господь меня любитъ и въ Самого Себя пріемлетъ, и на объятіяхъ скрываетъ, и, будучи на небесахъ, въ тоже время и въ моемъ сердцѣ, и здѣсь и тамъ видѣнъ мнѣ. Владыка являетъ меня не только равнымъ Ангеламъ, но и преимуществующимъ предъ ними, ибо невидимый для нихъ и неприступный существомъ, мнѣ видѣнъ бываетъ, и съ моимъ соединяется существомъ. Это есть то, о чемъ возвѣщаетъ Апостолъ: »что око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце плотяно не взыде» (1 Кор. 2: 9), и, пребывая въ этомъ, не только не хочешь выйти изъ келліи, но желалъ бы укрыться въ глубинѣ земли, дабы и тамъ, внѣ всего міра, созерцать безсмертнаго Владыку и Создателя» (Еп. Іустинъ. Преподобный и богоносный отецъ нашъ Нилъ, подвижникъ Сорскій . . . стр. 39).

Согласно съ Новымъ Богословомъ, и св. Исаакъ говоритъ, что когда отымется у человѣка покрывало страстей отъ мысленныхъ его очей, и узритъ онъ сію неизреченную

Славу, внезапно умь его возвышается до ужаса, и если бы Богъ не положилъ предѣла въ сей жизни такому состоянію, — сколько въ немъ оставаться, — то хотя бы допущено было продолжаться оному и во всю жизнь человѣка, никогда не захотѣлъ бы онъ выйти изъ сего дивнаго видѣнія. Но такъ устроилъ Богъ по Своей милости, чтобы на время умалялась благодать Его во святыхъ, дабы могли они промышлять и о братіи своей служеніемъ слова, поучающаго благочестію . . . Вкусившіе однажды, въ мертвенномъ семъ тѣлѣ, безсмертной пищи, и въ маловременномъ мірѣ сподобившіеся отчасти той радости, которая предъуготовляется въ небесномъ отечествѣ, уже не могутъ прилѣпляться краснымъ міра сего, или бояться чего либо скорбнаго и лютаго, но съ Апостоломъ дерзаютъ восклицать: »ничтоже возможетъ насъ разлучити отъ любви Божіей» (Рим. 8: 9) (Тамъ же стр. 40).

И у св. Макарія Египетскаго въ бесѣдѣ 8-й *о совершенной молитвѣ совершенныхъ* имѣются подобныя слова: »иногда во весь день чѣмъ нибудь занятый, на одинъ часъ посвящаетъ себя молитвѣ, и внутренній его человѣкъ съ великимъ услажденіемъ восхищается въ молитвенное состояніе, въ безконечную глубину онаго вѣка, такъ что всецѣло устремляется туда парящій и восхищенный умъ. На это время происходитъ въ помыслахъ забвеніе о земномъ мудрованіи, потому что помыслы насыщены и плѣнены Божественнымъ небеснымъ, безпредѣльнымъ, непостижимымъ, и чѣмъ-то чуднымъ, чего человѣческимъ устамъ изречь невозможно. Въ этотъ часъ человѣкъ молится и говоритъ: »о, если бы душа моя отошла вмѣстѣ съ молитвою!» Человѣку надобно, такъ сказать, пройти двѣнадцать ступеней, и потомъ достигнуть совершенства. Въ иное время, дѣйствительно, достигаетъ онъ этой мѣры и приходитъ въ совершенство. И вотъ, благодать снова начинаетъ дѣйствовать слабѣе, и человѣкъ нисходитъ на одну ступень, и стоитъ уже на одинадцатой. А иной, богатый благодатію, день и ночь стоитъ на высотѣ совершенства, будучи свободенъ и чистъ, всегда плѣненъ и выспренъ. И такой чело-

вѣкъ, которому показаны оныя чудеса, и который извѣдалъ ихъ опытно, если бы такъ было съ нимъ всегда, не могъ бы уже принять на себя домостроительства Слова, или иного какого бремени, не согласился бы ни слышать, ни позаботиться, по обыкновенію, о себѣ и объ утреннемъ днѣ, но только сталъ бы сидѣть въ одномъ углу, въ восхищеніи и какъ бы въ упоеніи. Посему-то совершенная мѣра не дана ему, чтобы могъ онъ заниматься попеченіемъ о братіи и служеніемъ Слову . . .» (Бес. 8: гл. 4).

Сказанное мною о созерцательной молитвѣ вы должны понимать только какъ нѣкоторое предварительное понятіе объ этой молитвѣ, отнюдь не выражающее самой сущности дѣла, доступной познанію лишь по особому дѣйствію Божественной благодати. Это есть, такъ сказать, лишь внѣшній осмотръ того храма созерцательной молитвы, внутренность котораго доступна лишь особымъ избранникамъ Божіимъ. Твердо и смиренно вы должны хранить это сознаніе въ своемъ сердцѣ.

I. Благодарю васъ, батюшка! Слѣдующій вопросъ, на который я хочу попросить вашего разъясненія, есть вопросъ о теплотѣ, которою сопровождается молитва. Вы уже говорили объ этомъ во второй бесѣдѣ, но мнѣ хочется еще разъ услышать важное и для меня и для другихъ разъясненіе различія между теплотою естественною, теплотою благодатною и теплотою, возбуждаемою діаволомъ.

И. Теплота чувства должна всегда сопровождать искреннюю и истинную сердечную молитву и оно такъ и бываетъ у людей молящихся съ искреннею вѣрою и въ простотѣ сердца. Но подвижники, дѣйствительно, различаютъ разные виды теплоты, и среди нихъ даже такую, которая исходитъ отъ діавола. Объ этомъ слѣдуетъ знать дѣлателю молитвы.

Различіе между теплотою естественною и благодатною вы можете уяснить себѣ изъ наставленія Епископовъ Ѳеофана и Игнатія, а также и изъ словъ старца схимонаха Василія, изъ которыхъ вы узнаете и о теплотѣ бѣсовской. Епископъ Ѳеофанъ говоритъ о теплотѣ такъ: »теплота на-

стоящая — даръ Божій. Но есть и натуральная теплота, плодъ собственныхъ усилій и свободныхъ настроеній. Онѣ отстоять другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Какая у васъ теплота, это не видно. Послѣ откроется. »Мысли утомили, — не даютъ установиться вниманіемъ передъ Богомъ». Это знакъ, что ваша теплота не Божія, а своя. Первый плодъ Божіей теплоты есть собраніе мыслей во едино, и устремленіе ихъ къ Богу — неотходное. Тутъ бываетъ тоже, что съ кровоточивою (о которой повѣствуетъ Евангеліе). У той »сталъ токъ крове», а тутъ останавливается токъ помысловъ» Итакъ, »что же нужно? »Держа свою натуральную теплоту, ни во что ее вмѣнять, а только приготовленіемъ нѣкіимъ къ Божіей теплотѣ почитать; затѣмъ болѣзновать о скудости Божьяго дѣйствія въ сердцѣ и въ болѣзни молить Господа непрестанно» (Еп. Ѳ.).

Разъясняя возникновеніе въ сердцѣ благодатной молитвы, Епископъ Оеофанъ продолжаетъ: »Іисусова или другая какая краткая молитва — дѣло хорошее, если навязнетъ на языкѣ. Позаботьтесь только при этомъ не въ головѣ быть вниманіемъ, а въ сердцѣ, и будьте такъ не во время только стоянія на молитвѣ, но и во всякое время. Потрудитесь образовать въ сердцѣ будто *болячку какую* . . . Трудъ постоянный скоро сдѣлаетъ это. Тутъ ничего нѣтъ особеннаго. Это натуральное дѣло (то, что болячка покажется). Но отъ этого собранность болѣе будетъ. А главное то, что Господь, видя трудъ, даруетъ потомъ и свою благодатную молитву. Тогда пойдутъ въ сердцѣ свои порядки». (Еп. Ѳ.)

»Для того, чтобы умъ держался на одномъ при употребленіи краткой молитвы, надобно свесть его вниманіемъ въ сердце: ибо, оставаясь въ головѣ, гдѣ происходитъ толкотня мыслей, онъ не успѣетъ сосредоточиться въ одномъ. Когда вниманіе сойдетъ въ сердце, то привлечетъ туда въ одну точку всѣ силы души и тѣла. Это сосредоточеніе всей человѣческой жизни въ одно мѣсто тотчасъ отзывается тамъ особымъ ощущеніемъ; сіе ощущеніе и есть начало будущей теплоты. Ощущеніе сначала легкое, все уве-

личивается, крѣпнетъ, углубляется, и изъ холоднаго, каково оно въ началѣ, переходитъ въ теплое чувство и держитъ на себѣ вниманіе. И происходитъ, такимъ образомъ, что сначала вниманіе держится въ сердцѣ напряженіемъ воли; силою своею вниманіе порождаетъ теплоту въ сердцѣ; теплота же сія затѣмъ держитъ вниманіе безъ особаго его напряженія. Они затѣмъ другъ друга поддерживаютъ и должны пребывать неразлучно, ибо разсѣяніе вниманія охлаждаетъ теплоту, а умаленіе теплоты ослабляетъ вниманіе.

Отсюда законъ духовной жизни: держи сердце въ чувствѣ къ Богу, всегда будешь въ памяти Божіей. Его выразилъ гдѣ-то Іоаннъ Лѣствичникъ. Теперь вопросъ — духовная ли эта теплота? Нѣтъ, не духовная, а обыкновенная, кровеная. Но какъ держитъ вниманіе ума въ сердцѣ, и черезъ то способствуетъ развитію тамъ духовныхъ, указанныхъ прежде, движеній, то она называется духовною, въ томъ однако-же случаѣ, если не сопровождается сластію похотною, хотя бы легкою, но держитъ душу и тѣло въ трезвенномъ настроеніи. Отсюда слѣдуетъ: какъ скоро теплота, сопровождающая молитву Іисусову, не сопровождается духовными чувствами, то ее не слѣдуетъ называть духовною, а просто теплотою кровеною; и она, будучи таковою, не худа, если не состоитъ со сластію похотною, хотя легкою; а если состоитъ, то худа, и должна подлежать изгнанію. Эта неправость бываетъ тогда, когда теплота ходитъ ниже сердца. Вторая неправость та, когда, полюбивъ сію теплоту, ею все ограничивать, не заботясь о чувствахъ духовныхъ, даже о памяти Божіей, а лишь о томъ, чтобы была теплота: эта неправость возможна, хотя не у всѣхъ, и не всегда, но по временамъ. Нужно замѣтить сіе и исправить, ибо въ такомъ случаѣ останется одна кровеная теплота, животная . . . Не должно сію теплоту почитать духовною или благодатною . . . Духовною можно назвать сію теплоту только тогда, когда она сопровождается духовными, молитвенными движеніями . . . Кто безъ нихъ называетъ ее духовною, тотъ допускаетъ неправильность. Кто назы-

ваетъ ее благодатною, еще болѣе неправъ . . . Благодатная теплота особая есть, и она собственно есть духовная. Она отрѣшена отъ плоти, и въ тѣлѣ не производитъ замѣтныхъ измѣненій, и свидѣтельствуется тонкимъ сладкимъ чувствомъ. По симъ чувствамъ всякій легко можетъ опредѣлить и различить теплоту . . . Это каждому слѣдуетъ сдѣлать: стороннему тутъ нѣтъ дѣла и мѣста» (Сборн. § 11).

»Нѣкоторыя особыя движенія въ тѣлѣ и духѣ бываютъ отъ молитвы, но не у всѣхъ молитвенниковъ одинаковы, а у однихъ такія, у другихъ иныя; слѣдовательно, на нихъ нечего останавливаться.

У иныхъ совсѣмъ никакихъ особенностей не бываетъ, а идетъ молитва тихо, даже во всей силѣ. И это самый лучшій и безопасный удѣлъ! Если же иногда бываютъ тѣлесныя движенія или ощущенія какія-либо при молитвѣ и теплотѣ, не обращать на нихъ вниманія; они къ существу дѣла не относятся, и бываютъ разными у разныхъ лицъ. Все-же вниманіе обратите на духовныя дѣйствія и чувства: они будутъ проходить по душѣ и тѣлу, какъ утренняя, пріятная прохлада» (Еп. Ѳ.).

Относительно внѣшнихъ пріемовъ, употребляемыхъ при навыкѣ молитвѣ Іисусовой, и связанныхъ съ бывающей при этомъ теплотой, Еп. Ѳеофанъ дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: »Во время навыка умной въ сердцѣ молитвы ко Господу, вмѣстѣ съ собираніемъ вниманія въ сердцѣ, совѣтуютъ нѣсколько стѣснять дыханіе и сводить къ груди напряженіе мышцъ, считая это не существенною необходимостью, а приспособленіемъ тѣла къ умному дѣланію. И само по себѣ, по связи души съ тѣломъ, умное напряженіе должно воздѣйствовать на сердце, а тѣмъ болѣе при сказанномъ приспособленіи. Оно показывается вскорѣ въ крови, а отъ крови переходитъ на нервы. Раздраженіе, происходящее при этомъ, пріятно, и неопытными, каковы почти всѣ начинающіе, можетъ быть и бываетъ почитаемо слѣдствіемъ, необходимо слѣдующимъ за дѣйствіемъ благодати въ сердцѣ. Этого мнѣнія довольно, чтобы не только не отклонять, но и усугублять сказанное раздраженіе. Тутъ ничего пока нѣтъ

худого и опаснаго, кромѣ того неправаго мнѣнія, что »это есть дѣйствіе благодати» (Еп. Ѳ. Письма о дух жизни, стр. 161).

»Мокрое полотенце класть на грудь? Кто-то дѣлаетъ изъ нынѣ подвизающихся. И писалъ ко мнѣ. Это не относится къ дѣлу молитвы, а къ тѣмъ случаямъ, когда разгорается кровь сердца при искусственномъ дѣланіи молитвы, чтобы умалить жаръ крови. Этотъ жаръ не духовное явленіе, а кровяное, и происходитъ отъ неумѣреннаго употребленія искусственныхъ пріемовъ при молитвѣ Іисусовой. Кроется при семъ и то, что они искусственное дѣланіе Іисусовой молитвы почитаютъ главнымъ дѣломъ, и кровяную теплоту сердца при семъ — настоящею духовною молитвою Іисусовою. Кто такъ думаетъ, тотъ въ прелести» (Еп. Ѳ. Отвѣты иноку, стр. 40).

Для большаго уясненія понятія о теплотѣ сердечной: естественной и благодатной, приведемъ еще разъясненіе Еп. Игнатія (Брянчанинова), который говоритъ почти тоже, что и Епископъ Ѳеофанъ: »Теплота, являющаяся отъ усиленнаго, вещественнаго подвига, также вещественна. Это — теплота плотская, кровяная, въ области падшаго естества. Неопытный подвижникъ, ощутивъ эту теплоту, непремѣнно возмнитъ о ней нѣчто, найдетъ въ ней пріятность, услажденіе, въ чемъ начало самообольщенія. Не только не должно думать чего-либо особеннаго объ этой теплотѣ, но, напротивъ, должно принять особенныя мѣры предосторожности при появленіи ея. Предосторожность необходима по той причинѣ, что эта теплота, какъ кровяная, не только переходитъ по разнымъ мѣстамъ груди», но, по словамъ Еп. Игнатія, очень легко можетъ распространяться и дальше, и вызывать нездоровыя, чувственныя состоянія . . . »Нѣкоторые, пришедши въ это состояніе, и не понимая совершающагося съ ними, вдались въ смущеніе, въ уныніе, въ отчаяніе, какъ это извѣстно изъ опыта . . . Между тѣмъ, эта страшная прелесть есть ничто иное, какъ приливъ крови, происшедшій отъ усиленнаго, невѣжественнаго употребленія вещественныхъ пособій. Этотъ приливъ легко можетъ увращеваться

въ два-три дня прикладываніемъ къ воспалившимся частямъ полотна, напитаннаго водою». (А еще лучше, въ данномъ случаѣ, при твореніи молитвы, стать вниманіемъ ума въ гортани, и упомянутая неурядица прекратится.) «При опытномъ наставникѣ употребленіе вещественныхъ пособій мало опасно; но при руководствѣ книгами оне очень опасно по удобности впаденія, по невѣдѣнію и неблагоразумію, въ прелесть и другіе роды душевнаго и тѣлеснаго разстройства, какъ нѣкоторые, увидѣвъ вредныя послѣдствія безразсуднаго подвига и имѣя о молитвѣ Іисусовой и сопутствующихъ ей обстоятельствахъ лишь поверхностное и сбивчивое понятіе, приписали эти послѣдствія не невѣдѣнію и безразсудству, но самой всесвятой молитвѣ Іисусовой. Можетъ ли что быть печальнѣе, бѣдственнѣе этой хулы, этой прелести?» (Еп. Игнатій. Соч. т. 2 стр. 295, 297).

Посмотримъ теперь, что пишетъ о теплотѣ, бывающей при молитвѣ, схимонахъ Василій. Въ предисловіи на главы блаженнаго Филоѳея Синайскаго старецъ говоритъ: «Необходимо распознавать умнымъ чувствомъ и теплоту въ молитвѣ: какая изливается въ сердце отъ Бога, какъ миро благовонное, черезъ св. крещеніе, и какая привзошла къ намъ отъ преступленія прародителей и какая возбуждается діаволомъ. Первая теплота только въ самомъ сердцѣ съ молитвою начинается, и въ сердцѣ же оканчивается съ молитвою, подавая душѣ удостовѣреніе и плоды духовные. Вторая же имѣетъ начало и конецъ въ почкахъ, принося душѣ жесткость, студеность и смущеніе. Третья, возникая отъ смѣшенія съ похотнымъ движеніемъ, распаляетъ сердце и члены блуднымъ желаніемъ, плѣняя умъ въ скверные помыслы . . ., что каждый тщательный дѣлатель можетъ скоро замѣтить и распознать. И хотя врагъ, говоритъ Григорій Синаитъ, внутрь чреслъ и покушается по своему желанію призрачно представлять духовное, вмѣсто теплоты духовныя наводя срое жженіе, вмѣсто веселія возбуждая радость безсмысленную, и сласть мокротную, и побуждаетъ принимать обольщеніе, какъ дѣйствительную благодать, но время, опытъ и чувство научаютъ его распознавать».

Въ другомъ мѣстѣ того же предисловія то же разъясненіе старецъ дѣлаетъ иными словами: «Прежде всего, по словамъ св. Патріарха Каллиста, приходитъ теплота отъ почекъ, какъ бы опоясывая ихъ, и она кажется прелестью, но это не прелесть, а естественное дѣйствіе, порождаемое свойствомъ подвига. Если же кто-нибудь думаетъ, что эта теплота отъ благодати, то это воистину прелесть. Но какова бы она ни была, подвизающійся долженъ не принимать ее, но отгонять. Приходитъ и другая теплота отъ сердца, и если умъ снисходитъ въ блудные помыслы, это несомнѣнная прелесть. Если же все тѣло отъ сердца растепливается, умъ же чистъ и безстрастенъ, и какъ бы прилѣпился ко внутреннѣйшей глубинѣ сердца, то это есть поистинѣ дѣйствіе благодати, а не прелести».

Тоже самое пишетъ старецъ Василій и въ предисловіи на книгу св. Григорія Синаита: «Полезно, думается, и о томъ знать дѣлателю, что жженіе или теплота исходитъ отъ чреслъ къ сердцу иногда сама по себѣ, естественно, помимо помысловъ блудныхъ. И это не отъ прелести, а отъ естества, говоритъ св. Каллистъ Патріархъ. Если же кто принимаетъ и это за проявленіе благодати, а не естества, то это, несомнѣнно, есть прелесть. Каково же все это есть, подвизающемуся не слѣдуетъ обращать вниманія, но отвергать. Иногда же діаволъ, смѣшавши свое жженіе съ похотію нашею, вовлекаетъ умъ въ блудные помыслы. И это есть несомнѣнная прелесть. Если же все тѣло растепливается, и умъ остается чистымъ и безстрастнымъ и, какъ бы прилѣпленный, покрывается во глубинѣ сердца, начиная и кончая молитву въ сердцѣ: это есть несомнѣнно отъ благодати, а не отъ прелести». И въ предисловіи на книгу св. Исихія старецъ снова пишетъ: «Полезно знать дѣлателямъ и о томъ, что если когда нибудь теплота, поднявшись отъ чреслъ, сама по себѣ, безъ помысловъ блудныхъ, и дойдетъ до сердца, не должно ужасаться этому, ни малодушествовать, но только однимъ изволеніемъ и умомъ отвращаться отъ нея, и, какъ непотребную, прогонять обратно. Но если кто приметъ ее или помыслитъ какъ благодатную, — прельстится».

Все вышеизложенное, надѣюсь, поможетъ вамъ ясно различать бывающую при молитвѣ теплоту — благодатную, естественную и приходящую отъ діавола.

І. Теперь у меня остается еще одинъ вопросъ, на который я хотѣлъ бы получить отъ васъ особенно подробное и всестороннее разъясненіе, именно вопросъ о прелести, бывающей при неправильномъ прохожденіи умнаго дѣланія и Іисусовой молитвы.

Этотъ вопросъ меня особенно занимаетъ потому, что я знаю немало людей, которые, будучи совершенно незнакомы ни съ умнымъ дѣланіемъ, ни съ Іисусовой молитвой, испытываютъ непонятный и безотчетный страхъ уже передъ одними только этими словами, будучи увѣрены, что занятіе умнымъ дѣланіемъ и Іисусовой молитвой заключаетъ въ себѣ величайшую опасность, и неизбѣжно приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ — люди, занимающіеся этимъ дѣланіемъ, теряютъ будто-бы правильное и здоровое религіозное устроеніе, запутываются въ ложныхъ, нездоровыхъ, мечтательныхъ религіозныхъ ощущеніяхъ и переживаніяхъ, отъ которыхъ въ концѣ концовъ совершенно повреждаютъ разсудокъ. Чтобы разъяснить думающимъ такъ ихъ заблужденіе и разсѣять ихъ ложные и неосновательные страхи, я самъ долженъ имѣть объ этомъ предметѣ, то есть о бывающей при умномъ дѣланіи прелести, ясное понятіе — ясно сознавать, что такое прелесть, отъ чего она происходитъ, въ какой мѣрѣ ея бояться, и какъ можно избѣжать ея?

И. Указанные вами страхи и предубѣжденіе противъ Іисусовой молитвы, имѣющіеся у людей, которые, какъ вы указали, совершенно незнакомы съ этимъ дѣланіемъ, настолько же неосновательны, какъ и имѣющееся у нѣкоторыхъ предубѣжденіе противъ чтенія св. Библіи. Библія есть Слово Божіе. Какую же опасность можетъ заключать въ себѣ чтеніе Слова Божія, о которомъ Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: »Изслѣдуйте Писанія . . . они свидѣтельствуютъ о Мнѣ?» (Іоан. 5: 39). И Ап. Павелъ: »Все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличе-

нія, для исправленія, для наставленія въ праведности» . . . (2 Тим. 3: 16). И не само ли Евангеліе свидѣтельствуетъ о силѣ и дѣйственности Іисусовой молитвы? (Мо. 15: 22. 20: 30. 31. молитва жены хананеянки и слѣпцовъ іерихонскихъ.)

Вражда противъ дѣланія молитвы Іисусовой со стороны тѣхъ, кто не понимаетъ ея сущности и смысла, существовала съ давнихъ поръ. Св. Григорій Синаитъ, учившій объ умномъ дѣланіи, былъ встрѣченъ враждебно Аѳонскими иноками. Старцу Паисію Величковскому пришлось три раза письменно выступать противъ хулителей Іисусовой молитвы — одинъ разъ на Аѳонѣ, и два раза въ Молдавіи. Въ приведенныхъ нами его »главахъ объ умной молитвѣ» онъ подробно излагаетъ свои доводы въ защиту умнаго дѣланія, и мнѣ нѣтъ надобности повторять ихъ. Намъ слѣдуетъ остановить наше вниманіе на томъ, что говорятъ опытные наставники Іисусовой молитвы о прелести, чѣмъ они объясняютъ возникновеніе прелести, и какъ можно сохранить себя въ безопасности отъ нея? Но что же значитъ »впасть въ прелесть?» Впасть въ прелесть — это значитъ, стать жертвою обмана или самообмана, имѣя при этомъ твердую увѣренность, что находишься въ истинѣ, въ то время, какъ другіе заблуждаются. Впасть въ прелесть, это значитъ стать жертвою самообольщенія и, будучи ослѣпленнымъ гордостью, потерять даже способность сознать свое заблужденіе. Въ этомъ и заключается особенный ужасъ прелести. Напрасно однако думаютъ, что впаденіе въ прелесть бываетъ только съ людьми, проходящими умное дѣланіе. Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, что она можетъ быть и у тѣхъ, кто не занимается умнымъ дѣланіемъ, а ограничивается псалмопѣніемъ, канонами и тропарями . . Прелесть возможна даже и внѣ религіозной области, но эта сторона насъ не касается. Итакъ, что же говорятъ о прелести наставники умнаго дѣланія? Начнемъ со старца схимонаха Василія. Въ предисловіи на книгу блаженнаго Исихія онъ пишетъ: »Евангельское благовѣствованіе говоритъ: »Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси? Откуду убо воз-

растоша плевелы?» Ибо, какъ невозможно не подкрадываться злу къ добру, такъ и къ этому священному умному дѣланію приплетается прелесть, подобно плющу (смилаксъ) къ дереву. Имѣетъ же она начало отъ мнѣнія и самочинія, врачевство которымъ — смиреніе, изслѣдованіе Св. Писанія и совѣтъ духовный, а не уклоненіе отъ обученія умному дѣланію. Ибо св. Григорій Синаитъ говоритъ, что не должны мы бояться или сомнѣваться, призывая Бога; если же нѣкоторые и совратились, повредившись въ умѣ, то знай, что они пострадали это отъ самочинія и высокоумія . . . Самый же видъ и дѣло прелести заключается во вражескомъ участіи въ похоти внутреннихъ чреслъ, и во вторыхъ — въ призракѣ въ мечтаніи ума. Предостерегая отъ перваго, онъ говоритъ: хотя врагъ и покушается внутри чресль, по своему желанію, показывать видъ духовнаго, вмѣсто теплоты духовной наводя свое жженіе, . . . и побуждаетъ признавать свою прелесть, какъ благодать дѣйствующую, но время и опытъ и чувство обнаруживаютъ его. Показывая же опасность второго, научаетъ, говоря: ты же, когда безмолвствуешь, никогда не принимай, если что увидишь чувственно, или умно, внѣ или внутри, хотя бы то былъ образъ Христа, или Ангела, или видъ святаго, или свѣтъ, или огонь и прочее» . . . »Думаютъ, что прелесть внѣшнему пѣнію не примѣшивается: однако, несомнѣнно, что во всемъ, въ пѣніи ли, или въ молитвѣ одинаково прелесть имѣетъ мѣсто по неискусству дѣлателей, какъ сказалъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ: »Испытаемъ и разсмотримъ и измѣримъ: какая сладость происходитъ въ насъ при псалмопѣніи отъ блуднаго бѣса, и какая отъ духовныхъ словъ, и отъ заключающейся въ нихъ благодати и силы». И еще: »Поя и молясь, наблюдай приходящую сладость, чтобы она не была растворена съ отравою». Смотри же, не одинаков ли касается прелесть поющихъ, какъ и обучающихся молитвою; но такъ какъ незнающіе умнаго дѣланія одну только имѣютъ заботу — окончить пѣсненное правило; о помыслахъ же злыхъ и кипѣніи похоти не заботятся, то по этой причинѣ они и не сознаютъ, когда похоть сама по себѣ ки-

питъ, и когда возбуждается вражескимъ участіемъ, и не знаютъ, какъ его избѣжать.

Но, какъ говоритъ писаніе, голоса враговъ слышатъ, и принимаютъ удары отъ нихъ, но кто враги, и почему они нападаютъ, того не знаютъ . . . Понявъ изъ этого, что не умное дѣланіе бываетъ причиною прелести, но одно наше самочиніе и высокоуміе, не слѣдуетъ намъ избѣгать его; ибо оно не прелесть намъ приноситъ, а, наоборотъ, открываетъ умныя очи къ различенію и познанію прелести, которую никто не можетъ понять во вѣки, не обучившись этому священному умному дѣланію, хотя бы онъ былъ и превеликій постникъ и безмолвникъ». »Однако, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, слыша о великомъ милосердіи Божіемъ къ намъ грѣшнымъ, мы не должны самонадѣянно и безстрашно, безъ всякаго смиренія и посильнаго исполненія заповѣдей стремиться къ этому умному священнодѣйствію; но разумѣя, что дерзость и отчаяніе бываютъ отъ врага, рѣшительно избѣгать и того, и другого; такимъ образомъ, тщательно изучая свящ. Писаніе и совѣтуясь съ опытными, смиренно обучаться сему умному дѣланію».

Въ предисловіи на книгу св. Григорія Синаита старецъ Василій пишетъ: »Кто въ послушаніи, съ вопрошеніемъ и смиренномудріемъ ищетъ Бога, никогда не потерпитъ вреда благодатію Христовою. Ибо кто право живетъ и непорочно жительствуетъ и удаляется отъ самоугодія и высокоумія, тому весь бѣсовскій полкъ, хотя бы и безчисленныя противъ него поднялъ искушенія, не можетъ повредить, какъ говорятъ Отцы. Которые же самонадѣянно и самовольно ходятъ, эти въ прелесть впадаютъ . . . Не на возбраненіе умнаго дѣланія, но предостерегая насъ отъ прелести указываютъ намъ св. Отцы причины, по которымъ прелесть приходитъ . . . Св. Григорій Синаитъ, повелѣвая не бояться и не сомнѣваться обучающемуся въ молитвѣ, приводитъ двѣ причины прелести: самочиніе и высокоуміе. И св. Отцы, желая сохранить насъ невредимыми отъ нихъ, повелѣваютъ изслѣдовать Священное Писаніе, научаясь отъ него, имѣя братъ брата добрымъ совѣтникомъ,

какъ говоритъ Петръ Дамаскинъ. Если нельзя найти искуснаго дѣломъ и словомъ старца, по примѣру св. Отецъ знающаго хорошо отеческое писаніе, то пребывая наединѣ, въ безмолвіи, всѣми силами должно стараться имѣть духовное наставленіе отъ ученій и наставленій св. отецъ, вопрошая о всякой вещи и добродѣтели. Такую мѣру и порядокъ слѣдуетъ сохранять и намъ, читая писанія, а не уклоняться отъ ихъ ученія и наставленія» . . .

»Если ты страшишься этого дѣланія и обученія отъ одного благоговѣнія и простоты сердца твоего, то и я еще больше вмѣстѣ съ тобою устрашаюсь, но не на основаніи пустыхъ басенъ, по которымъ волка бояться, въ лѣсъ не ходить. И Бога должно бояться, но не убѣгать и не отрекаться отъ Него по причинѣ этого страха. Воистичу, страха и трепета, сокрушенія и смиренія, и многаго испытанія Св. Писанія, и совѣта единодушныхъ братій — требуетъ это дѣланіе, но не бѣгства и отказа, и тѣмъ болѣе не дерзости и самочинія. Ибо дерзкій, сказано, и самонадѣянный, порываясь къ тому, что выше его достоинства и устроенія, въ гордости стремится достигнуть преждевременно зрительной молитвы. И еще: если кто мечтаетъ мнѣніемъ достигнуть высокаго, будучи охваченъ сатанинскимъ, а не истиннымъ желаніемъ, таковаго сатана удобно опутываетъ своими сѣтями, какъ раба своего . . .«

Указавъ основныя причины бывающей при умномъ дѣланіи прелести, каковыми является *самочиніе* и *высокоуміе*, а также и средства борьбы съ ними — смиренное изслѣдованіе Св. Писанія, вопрошеніе опытнѣйшихъ, совѣтованіе съ братіями, старецъ Василій указываетъ и нѣкоторыя частныя причины, вытекающія изъ этихъ основныхъ. Таковою является, между другими, неправильная установка вниманія при совершеніи молитвы, отъ чего происходятъ и неправильныя состоянія въ тѣлѣ. Въ предисловіи на книгу блаженнаго Филоѳея старецъ пишетъ: »Слѣдуетъ съ самаго начала обучать умъ въ часъ молитвы, чтобы онъ находился вверху сердца и зрѣлъ въ глубину его, а не былъ бы на половинѣ сбоку, или на концѣ снизу. Причина же, по кото-

рой слѣдуетъ такъ поступать, такова: когда умъ стоитъ сверху сердца и внутри его дѣйствуетъ молитву, тогда, какъ царь, сидящій на высотѣ, взираетъ совершенно свободно на всѣ, пресмыкающіеся внизу, злые помыслы и разбиваетъ ихъ о камень имени Христа, какъ вторыхъ вавилонскихъ младенцевъ. При томъ же, будучи столь удаленъ отъ чреслъ, можетъ во всякомъ случаѣ избѣжать похотнаго женія, существующаго въ естествѣ нашемъ черезъ преступленіе Адама. Если же кто начинаетъ творить вниманіе на половинѣ сердца отъ персей, то, или отъ случающагося оскудѣнія теплоты сердечной, или же по изнеможенію ума и притупленію зрѣнія подъ вліяніемъ частаго дѣйствія молитвы, или по причинѣ воздвигнутой врагомъ брани, умъ самъ по себѣ ниспадаетъ къ чреслямъ и смѣшивается съ похотною теплотою, хотя и невольно, по причинѣ сближенія съ нею, при совершеніи молитвы на половинѣ сердца. Нѣкоторые же по наивной неразсудительности, или, лучше сказать, не зная, что такое верхъ или середина сердца, и что такое половина и конецъ его, начинаютъ творить молитву снизу, на концѣ сердца, при чреслахъ, и, такимъ образомъ, касаясь умомъ частію сердца и частію чреслъ, по собственной винѣ вызываютъ прелесть, какъ обаятели змѣю: ибо невозможно избѣжать общенія съ врагомъ тѣмъ, кто такимъ образомъ держитъ вниманіе. Другіе же, страдая окончательнымъ неразуміемъ и грубостію, не знаютъ даже самого мѣста сердечнаго, находящагося подъ лѣвымъ сосцемъ и бокомъ, но полагая его среди чрева, дерзаютъ, увы — ихъ прелести! тамъ совершать умомъ молитву. Научаясь изъ этихъ примѣровъ, слѣдуетъ, какъ сказано, совершать умомъ вниманіе и молитву внутри сердца сверху отъ сосца, а не на половинѣ отъ персей, и тѣмъ болѣе не снизу, отъ чреслъ».

Подобное же пишетъ старецъ Василій и въ предисловіи на книгу Святаго Григорія Синаита: »И еще опять удивленія и ужаса достойно и то, какъ нѣкоторые, знающіе Писаніе, не испытуютъ его; другіе же, и не зная и не вопрошая, дерзаютъ своимъ разумомъ на сіе умное вниманіе, и при томъ еще и говорятъ, будто вниманіемъ стоять и молитву

творить должно въ желательной части: «то бо, глаголютъ, есть среда чрева и сердца». Это есть первая и самоизвольная прелесть. Не только молитвы и вниманія не слѣдуетъ въ этой части дѣйствовать, но и самую ту теплоту, которая приходитъ отъ похотной части на сердце въ часъ молитвы, ни въ какомъ случаѣ не принимать. Средою же чрева, по святому Ѳеофилакту, называется самое то сердце, и она не при пупѣ, ни посреди груди, но подъ лѣвымъ сосцемъ имѣетъ свое мѣсто» . . .

Въ предисловіи же на книгу блаженнаго Исихія старецъ Василій съ особенною строгостью говоритъ о тѣхъ дѣлательныхъ молитвы, которые свою собственную вину въ своемъ неумѣломъ дѣланіи возлагаютъ не на себя, а на самую Священную молитву. Повторивъ указанныя выше наставленія о мѣстѣ вниманія, старецъ Василій продолжаетъ: «Если же кто-нибудь дерзнетъ творить вниманіе снизу сердца, таковаго умъ, возлегши весь на чреслахъ и оттуда смотря въ глубину сердца и совершая молитву, прелюбодѣйствуетъ въ сердцѣ своемъ, распаляя члены свои сладострастіемъ, и добровольно впускаетъ врага внутрь себя, что есть явная прелесть, которой многіе въ нынѣшнее время, по невѣдѣнію, пріобщившись и пострадавши отъ нея, отказались обучаться умному дѣланію, говоря: это дѣло однихъ безстрастныхъ! И такимъ образомъ сдѣлались пречистовеніемъ и себѣ и всѣмъ, желающимъ начать это умное вниманіе. Лучше было бы имъ, повѣсивъ камень на шею, утонуть, чѣмъ соблазнять себя и многихъ дѣлателей. Такъ какъ они не признались въ своемъ неразуміи и самочинной дерзости, но еще сдѣлались учителями, говоря, что всѣ, желающіе обучаться умному вниманію, такъ же пострадаютъ: да не будетъ этого! Поэтому, каждому должно сверху осѣнять умомъ сердце и всегда смотря въ глубину его, дѣйствовать молитву: ибо тамъ есть, по писанію, среда сердца, а не сбоку отъ персей, и на ней покоясь, какъ царь на высотѣ престола, имъ можетъ всегда удаляться отъ чреслъ и теплоту похотную прогонять обратно, въ особенности же съ высоты ея различать всѣхъ пресмыкающихся предъ собою внизу,

и однихъ отвращаться, другихъ изгонять, третьихъ же, какъ младенцевъ вавилонскихъ, убивать о камень, который есть Христосъ».

Причиною высокоумія, также влекущею за собою прелесть, старецъ Василій почитаетъ и не по силамъ, неразумно принимаемые подвижниками на себя труды чрезмѣрнаго поста и преждевременнаго отшельничества. Въ предисловіи на книгу св. Исихія онъ пишетъ объ этомъ такъ: »Причина высокоумія заключается въ безразсудномъ и безмѣрномъ постѣ, когда постящійся думаетъ, что совершаетъ добродѣтель, а не для цѣломудрія постится, какъ сказалъ св. Дороѳей; къ тому же даетъ поводъ и уединенная жизнь. И опровергая первую причину, этотъ святой говоритъ: потому-то царскимъ путемъ всегда и долженъ идти безмолвствующій, такъ какъ излишествующему во всемъ всегда легко сопутствуетъ мнѣніе, которому преемницей бываетъ прелесть. Отсѣкая же вторую причину, говоритъ — сильнымъ и совершеннымъ подобаетъ единоборствовать съ бѣсами и обнажать на нихъ мечъ, то есть слово Божіе». »Желающій обучаться умному дѣланію, говоритъ старецъ Василій въ другомъ мѣстѣ, прежде всего пусть разумѣетъ и исполняетъ сказанное св. Максимомъ: Дай тѣлу по силѣ его, и весь трудъ твой на умъ обрати. И еще: тѣлесныя добродѣтели пріятны, если кто со смиреніемъ ихъ проходитъ; безъ этого же суетенъ трудъ. И еще: не все стараніе имѣй о плоти, но противопоставь предѣломъ ея силѣ воздержаніе, и весь умъ твой обрати на внутреннее: ибо тѣлесное обученіе мало полезно, внутреннее же вниманіе всегда полезно есть . . . Исихій же святый сказалъ объ этомъ — кто не имѣетъ понятія о шествованіи духовнымъ путемъ, тотъ не заботится о страстныхъ помыслахъ, ни объ исправленіи ихъ, но все попеченіе и заботы имѣетъ только о тѣлѣ. Такой или объѣдается и безчинствуетъ, опечаливается и гнѣвается, и припоминаетъ обиды и, такимъ образомъ, помрачаетъ умъ, или, предаваясь безмѣрному воздержанію, смущаетъ умъ. И еще св. Діадохъ сказалъ: какъ обременяемое множествомъ яствъ тѣло дѣлаетъ умъ какимъ-то боязливымъ и

склоннымъ къ злу, такъ умъ, изнемогающій отъ многаго воздержанія, дѣлаетъ унылою и нелюбимою зрительную часть. Поэтому необходимо соразмѣрять питаніе съ состояніемъ тѣлесныхъ силъ: когда тѣло здорово — утѣснять его, сколько потребно; а когда немоществуетъ, питать его нѣсколько. Ибо подвизающемуся не слѣдуетъ ослабѣвать тѣломъ, но, насколько нужно, быть способнымъ къ подвигамъ. И опять Лѣствичникъ: »видѣлъ, говоритъ, враждебницу (утробу) эту успокоеваемой и подающей уму бодрость» и проч. Ибо намъ нужно имѣть тѣло здоровое, а не разслабленное, такъ какъ умное дѣланіе требуетъ и тѣлесной крѣпости. Поэтому необходимо всѣми силами избѣгать и безмѣрнаго поста и невоздержанія . . . Таково разсужденіе мудрыхъ!» Таково разъясненіе старца Василія, основанное на святоотеческомъ ученіи, о прелести, ея причинахъ и о томъ, какъ предохранить себя отъ нея. Для болѣе полнаго и всесторонняго освѣщенія вопроса, приведемъ еще слова Епископа Ѳеофана и Епископа Игнатія о томъ же предметѣ.

Епископъ Ѳеофанъ пишетъ: »Спрашиваете, отъ чего бываетъ прелесть при дѣланіи молитвы Іисусовой? Бываетъ она не отъ ней, а отъ образа совершенія ея, — именно того, который прописанъ въ Добротолюбіи. Тотъ образъ надо проходить съ наставникомъ, знающимъ то дѣло, и на глазахъ его. А кто одинъ возьмется за сіе дѣло, по одному описанію его, тому не миновать прелести. Тамъ описанъ только одинъ внѣшній очеркъ дѣла, а что при этомъ добавляется старцемъ для восполненія внутренняго при семъ строя, того не видно. Проходящій такое дѣланіе безъ руководителя присущаго, естественно и остается съ однимъ внѣшнимъ дѣланіемъ, — строго исполняетъ, что велѣно относительно положенія тѣла, дыханія и смотрѣнія въ сердце. Какъ такого рода пріемы естественно могутъ доводить до нѣкоей степени сосредоточенія вниманія и теплоты, то онъ, не имѣя при себѣ вѣрнаго опредѣлителя, который бы сказалъ ему, каково достоинство происходящаго въ немъ измѣненія, — приходитъ къ мысли, что это

и есть то, что онъ ищетъ, т. е. что его осѣнила благодать, тогда какъ ея тутъ еще нѣтъ, и начинаетъ мнить, что имѣетъ благодать, не имѣя ея. Это и есть прелесть, которая затѣмъ покривитъ и все послѣдующее теченіе его внутренней жизни. Вотъ почему нынѣ у старцевъ видимъ, что они совѣтуютъ совсѣмъ не браться за такіе пріемы по причинѣ опасности отъ нихъ. Сами по себѣ они не могутъ дать ничего благодатнаго; ибо благодать ничѣмъ внѣшнимъ не вяжется, а нисходитъ только на внутренній строй. Внутренній достодолжный строй и безъ нихъ привлечетъ дѣйство благодати. Этотъ строй есть — при молитвѣ Іисусовой ходить въ присутствіи Божіемъ, возгрѣвать чувства благоговѣинства и страха Божія, ни въ чемъ себѣ не поблажать, всегда и во всемъ слушать свою совѣсть и блюсти ее незапятнанною и мирною, и всю жизнь свою, — и внутреннюю, и внѣшнюю — предать въ руки Божіи. Изъ сихъ духовныхъ стихій благодать Божія, въ свое время пришедши, сливъ ихъ во едино, возжигаетъ огнь духовный въ сердцѣ, который и служитъ свидѣтелемъ присутствія благодати въ сердцѣ. Симъ путемъ трудно попасть въ мнѣніе. Но и тутъ съ руководителемъ лучше, наличнымъ, который бы видѣлъ лице и слышалъ голосъ. Ибо сіи два открываютъ, что внутри» (Сборникъ § 378).

И еще: »Творить молитву Іисусову, какъ всѣ мы навыкаемъ дѣлать — есть доброе дѣло. Въ монастыряхъ это возлагается, какъ долгъ. Стали бы развѣ возлагать, если бы это было опасно?! Опасно то художество, какое придумали и приладили къ сей молитвѣ. Оно иного ввергаетъ въ прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, — въ постоянное похотное состояніе. Его потому надо и отсовѣтывать и запрещать. А сладчайшее имя Господа въ простотѣ сердца призывать всѣмъ надо внушать и всѣхъ къ тому располагать» (Сборникъ § 365).

И еще: »Прелести нечего бояться . . . Она случается съ возгордившимися . . . кои начинаютъ думать, что какъ зашла теплота въ сердце, то это уже и есть конецъ совершенства. А тутъ только начало, и то можетъ быть непроч-

ное. Ибо и теплота и умиреніе сердца бываютъ и естественныя, — плодъ сосредоточеннаго вниманія. А надо трудиться и трудиться, ждать и ждать, пока естественное замѣнено будетъ благодатнымъ. Всяко, лучше всего, никогда не почитать себя достигшимъ чего либо, а всегда видѣть себя нищимъ, нагимъ, слѣпымъ и никуда не годнымъ» (Сборникъ § 364).

Епископъ Игнатій съ большою суровостью обличаетъ тѣхъ, кто запрещаетъ совершать Іисусову молитву изъ опасенія прелести. Онъ пишетъ: нѣкоторые утверждаютъ, что отъ упражненія Іисусовою молитвою всегда, или почти всегда, послѣдуетъ прелесть, и очень запрещаютъ заниматься этою молитвою. Въ усвоеніи себѣ такой мысли и въ такомъ запрещеніи заключается страшное богохульство, заключается достойная сожалѣнія прелесть. Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть единственный источникъ нашего спасенія, единственное средство нашего спасенія; человѣческое имя Его заимствовало отъ Божества Его неограниченную, всесвятую силу спасать насъ; какъ же эта сила, дѣйствующая во спасеніе, эта единственная сила, дарующая спасеніе, можетъ извратиться, и дѣйствовать въ погибель? Это — чуждо смысла! Это — нелѣпость горестная, богохульная, душепагубная! . . . Разсмотри все Священное Писаніе: увидишь, что въ немъ повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила Его, спасительная для человѣка. Разсмотри писаніе Отцовъ: увидишь, что всѣ они, безъ исключенія, совѣтуютъ и заповѣдуютъ упражненіе молитвою Іисусовою, называютъ ее орудіемъ, котораго нѣтъ крѣпче ни на небѣ, ни на землѣ, называютъ ее богоданнымъ, неотъемлемымъ наслѣдіемъ, однимъ изъ окончательныхъ и высшихъ завѣщаній Богочеловѣка, утѣшеніемъ любвеобильнымъ и сладчайшимъ, залогомъ достовѣрнымъ. Наконецъ, обратись къ законоположенію Православной Восточной Церкви: увидишь, что она для всѣхъ неграмотныхъ чадъ своихъ — и монаховъ и мірянъ, установила замѣнять псалмопѣніе и молитвословіе, на келейномъ правилѣ, молитвою Іисусовою. Что же значитъ предъ

единогласнымъ свидѣтельствомъ Священнаго Писанія и всѣхъ святыхъ Отцовъ, предъ законоположеніемъ Вселенской Церкви о молитвѣ Іисусовой противорѣчащее ученіе нѣкоторыхъ слѣпцовъ, прославленныхъ и прославляемыхъ подобными имъ слѣпцами» (Сборн. § 371).

По словамъ Епископа Игнатія, »для преуспѣянія въ молитвѣ и для избѣжанія прелести необходимо самоотверженіе, научающее искать въ молитвѣ одного вниманія. Тогда подвигъ молитвенный упростится и облегчится; облегчатся и искушенія, которыя, однако, всегда сопутствуютъ подвигу. Если же кто преждевременно стремится къ раскрытію въ себѣ дѣйствій сердечной молитвы, — »тому, говоритъ преп. Нилъ Сорскій, согласно съ прочими св. Отцами, *попускаются тяжкія, превыше силъ*, искушенія отъ бѣсовъ». Такому стремленію служатъ основаніемъ непонимаемыя превознощенія и высокоуміе, представляющіяся усердіемъ» (Сборн. § 370).

По словамъ того же Еп. Игнатія »прелесть, понятная для многихъ въ ея ясныхъ послѣдствіяхъ, должна быть изучаема, постигаема въ самомъ ея началѣ: въ мысли ложной, служащей основаніемъ всѣхъ заблужденій и бѣдственныхъ душевныхъ состояній. Въ ложной мысли ума уже существуетъ все зданіе прелести, какъ въ зернѣ существуетъ то растеніе, которое должно произойти изъ него по насажденіи его въ землю» (Сб. § 374). Возвращаясь опять къ Епископу Ѳеофану, отмѣтимъ его слова, въ которыхъ онъ называетъ сокрушенный плачъ лучшимъ предохраненіемъ отъ прелести: »Великое орудіе имѣетъ на враговъ тотъ, кто въ молитвѣ держитъ плачъ сокрушенный, чтобы не впасть въ самомнѣніе отъ радости, подаваемой молитвою. Хранящій эту радость — печаль, избѣгнетъ всякаго вреда. Настоящая, не прелестная молитва та, въ которой теплота, съ молитвою Іисусовою, влагаетъ огнь въ землю сердца нашего и попаляетъ страсти, какъ терніе. Она веселіемъ и миромъ осѣняетъ душу, и приходитъ не отъ десныя или шуія страны, ни даже свыше, но прозябаетъ въ сердцѣ, какъ источникъ воды отъ животворящаго духа.

Эту одну возлюби и возревнуй стяжать въ сердцѣ своемъ, храни умъ всегда немечтательнымъ. Съ нею не бойся ничего, ибо Тотъ, Кто сказалъ: *дерзайте, азъ есмь, не бойтеся!* — Самъ съ нами. Кто, настроившись такъ, живетъ праведно и непорочно, чуждъ человѣкоугодія и высокомѣрія, тотъ устоитъ и не потерпитъ никакого вреда, хотя бы весь бѣсовскій полкъ поднялся противъ него и повелъ на него безчисленныя искушенія» (Сборникъ § 375).

Подобно Еп. Ѳеофану и Еп. Игнатій не считаетъ необходимымъ пользованіе внѣшними пріемами для навыкновенія молитвѣ Іисусовой. Онъ пишетъ: Читатель найдетъ въ Добротолюбіи, въ словѣ Симеона Новаго Богослова о трехъ образахъ молитвы, въ словѣ Никифора Монашествующаго и въ сочиненіи Ксанфопуловъ, наставленіе о художественномъ ввожденіи ума въ сердце при пособіи естественнаго дыханія, иначе, механизмъ, способствующій достиженію умной молитвы. Это ученіе Отцовъ затрудняло и затрудняетъ многихъ читателей . . . Совѣтуемъ возлюбленнымъ братіямъ не доискиваться открытія въ себѣ этого механизма, если онъ не откроется самъ собою. Многіе, захотѣвшіе узнать его опытомъ, повредили свои легкія, и ничего не достигли . . . Сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобы умъ соединился съ сердцемъ при молитвѣ, а это совершаетъ Божія благодать въ свое время, опредѣляемое Богомъ.

Упомянутый механизмъ вполнѣ замѣняется неспѣшнымъ произношеніемъ молитвы, краткимъ отдыхомъ послѣ каждой молитвы, тихимъ и неспѣшнымъ дыханіемъ, заключеніемъ ума въ слова молитвы. При посредствѣ этихъ пособій мы удобно можемъ достигнуть вниманія въ извѣстной степени. Вниманію ума при молитвѣ начинаетъ весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствіе сердца уму мало по малу начнетъ переходить въ соединеніе ума съ сердцемъ, и механизмъ, предложенный Отцами, явится самъ собою. Всѣ механическія средства, имѣющія вещественный характеръ, предложены Отцами единственно какъ пособія къ удобнѣйшему и скорѣйшему достиженію вниманія при молитвѣ, а не какъ что нибудь существенное.

Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть вниманіе. Безъ вниманія нѣтъ молитвы . . . Пособія всегда остаются только пособіями» . . . (Сборн. § 379). Привожу еще одно замѣчаніе Еп. Игнатія на хулителей молитвы Іисусовой: »получившимъ и усвоившимъ себѣ несчастное предубѣжденіе противъ молитвы Іисусовой, нисколько не знакомымъ съ нею изъ правильнаго и долговременнаго упражненія ею, было бы гораздо благоразумнѣе, гораздо безопаснѣе воздерживаться отъ сужденія о ней, сознавать свое рѣшительное невѣдѣніе этого священнаго подвига, нежели принимать на себя обязанность проповѣди противъ упражненія молитвою Іисусовою: провозглашать, что эта всесвятая молитва служитъ причиною бѣсовской прелести и душепогибели. Въ предостереженіе имъ нахожу необходимымъ сказать, что хуленіе молитвы именемъ Іисуса, приписаніе зловреднаго дѣйствія этому имени равновѣсны той хулѣ, которую произносили фарисеи на чудеса, совершаемыя Господомъ . . . Невѣжественное, богохульное умствованіе противъ молитвы Іисусовой имѣетъ весь характеръ умствованія еретическаго» (Сборн. § 382). Желающіе болѣе подробно узнать ученіе Еп. Игнатія объ Іисусовой молитвѣ и о прелести могутъ найти его въ полномъ собраніи его сочиненій — т. 1-й и т. 2-й. Хотя Епископъ Ѳеофанъ и Епископъ Игнатій не считаютъ необходимыми тѣ внѣшніе пріемы обученія Іисусовой молитвѣ, о которыхъ говоритъ въ своихъ предисловіяхъ на книги св. Отцовъ старецъ схимонахъ Василій, но оба они съ большою похвалою и одобреніемъ отзываются о его писаніяхъ и о писаніяхъ старца схи-архимандрита Паисія Величковскаго, рекомендуя руководствоваться ихъ наставленіями при обученіи молитвѣ Іисусовой. Епископъ Ѳеофанъ пишетъ: »Вы читаете Добротолюбіе: хорошо. Въ статьяхъ Игнатія и Каллиста, Григорія Синаита и Никифора не запутайтесь. Поищите, нѣтъ ли у кого жизни старца Паисія Нямецкаго. Тамъ помѣщены предисловія къ нѣкоторымъ статьямъ Добротолюбія, составленныя старцемъ Василіемъ. Сіи статьи много разъясняютъ значеніе

механизма въ производствѣ молитвы Іисусовой. Они и вамъ помогутъ понять все, какъ слѣдуетъ . . .» (Сборн. § 383).

Епископъ Игнатій съ своей стороны пишетъ слѣдующее: »Всѣ писанія Отцовъ Греческихъ достойны глубокаго уваженія по обилію живущихъ въ нихъ и дышащихъ изъ нихъ благодати и духовнаго разума; но сочиненія Россійскихъ Отцовъ, по особенной ясности и простотѣ изложенія, по большей близости къ намъ относительно времени, доступнѣе для насъ, нежели писанія Греческихъ свѣтильниковъ. Въ особенности писанія старца Василія можно и должно признать первою книгою, къ которой въ наше время желающему успѣшно заняться Іисусовою молитвою необходимо обратиться. Таково и назначеніе ея. Старецъ назвалъ свои писанія предпутіями, предисловіями, или такимъ чтеніемъ, которое приготовляетъ къ чтенію Греческихъ Отцовъ» (Сборн. § 384).

Этими отзывами двухъ извѣстныхъ епископовъ-подвижниковъ и наставниковъ Іисусовой молитвы мы и закончимъ нашу бесѣду о писаніяхъ старцевъ — схимонаха Василія Полянomерульскаго и схи-архимандрита Паисія Нямецкаго (Величковскаго).

БЕСѢДА ПЯТАЯ.

Ближайшіе наставники умнаго дѣланія и Іисусовой молитвы: Епископы — Ѳеофанъ Затворникъ и Игнатій (Брянчаниновъ), Оптинскіе старцы, Валаамскій старецъ Агапій, Кронштадтскій протоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ и другіе отечественные подвижники XIX вѣка.

И. Переходимъ, съ помощію Божіею, къ ближайшимъ наставникамъ умнаго дѣланія, т. е. къ тѣмъ, которые жили въ половинѣ и въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Изъ нихъ прежде всего остановимся на Епископѣ Ѳеофанѣ, Вышинскомъ затворникѣ, сочиненія и письма котораго имѣютъ широкое распространеніе и большую извѣстность въ нашемъ православномъ обществѣ среди любителей духовнаго чтенія. Мы уже не разъ упоминали имя этого святителя и приводили выдержки изъ его писаній. Среди наставниковъ духовнаго дѣланія и Іисусовой молитвы Епископъ Ѳеофанъ отличается особенною простотою, ясностью и жизненною дѣловитостью своихъ наставленій. Онъ требуетъ прежде всего благоговѣйной установки вниманія въ сердцѣ предъ лицемъ Божіимъ, и затѣмъ — неспѣшнаго, терпѣливаго, постепеннаго и неустаннаго упражненія въ дѣлательной, трудовой молитвѣ, пока не возникнетъ въ сердцѣ благодатію Божіею молитва постоянная, самодвижная. Епископъ Ѳеофанъ избѣгаетъ говорить подробно о высшихъ степеняхъ молитвы, а также и о состояніяхъ прелести, предоставляя это времени и опыту. Изъ многочисленныхъ наставленій Святителя, имѣющихся въ его сочиненіяхъ и въ его письмахъ, мы остановимъ наше вниманіе прежде всего на рядѣ писемъ къ одной изъ его духовныхъ дочерей, проходившей умную молитву подъ его письмен-

нымъ руководствомъ. По этимъ письмамъ можно прослѣдить, какъ велось это руководство, какія трудности возникали при молитвѣ у его духовной дочери, какъ онѣ преодолѣвались по указаніямъ Епископа Ѳеофана, каково вообще было ея духовное состояніе, и къ какимъ результатамъ она въ концѣ концовъ пришла. Опытъ этой духовной дочери можетъ послужить урокомъ и для другихъ, занимающихся духовнымъ дѣланіемъ. Письма Епископа Ѳеофана, о которыхъ идетъ рѣчь, полностью помѣщены въ его книгѣ: »Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ вопросахъ вѣры и жизни» подъ № № 43—85. Мы приводимъ изъ нихъ выдержки. Прежде всего мы остановимъ наше вниманіе на письмѣ 66-мъ, въ которомъ говорится о молитвѣ Іисусовой вообще и о возможности заниматься ею мірянамъ, а потомъ вернемся къ письму 43-му и слѣдующимъ.

Духовная дочь пишетъ Еп. Ѳеофану: »Была у меня одна благочестивая особа — и мы разговаривали о дѣлахъ Божіихъ. Коснулись молитвы. Къ моему удивленію, гостья моя стояла на томъ, что мірянамъ не только не подъ силу, но и совсѣмъ не подходитъ умную имѣть молитву. Я сказала на это, что могла. Прошу и вашего объ этомъ слова».

Епископъ Ѳеофанъ отвѣчаетъ: »Ваша гостья не право разсуждала. У кого нѣтъ умной внутренней молитвы, у того и никакой нѣтъ: ибо только умная молитва и есть настоящая молитва, Богу угодная и пріятная. Она должна составлять душу домашняго и церковнаго молитвословія; такъ что коль скоро ея нѣтъ при семъ, то молитвословія тѣ имѣютъ только видъ молитвы, а не суть молитвы. Ибо что есть молитва? Молитва есть ума и сердца къ Богу вознощеніе, на славословіе и благодареніе Богу, и испрашиваніе у Него потребныхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Существо молитвы, стало быть, есть умное къ Богу восхожденіе изъ сердца. Становится умъ въ сердцѣ сознательно предъ лицемъ Бога, и исполняясь достодолжнаго благоговѣнія, начинаетъ изливать предъ Нимъ сердце свое. Вотъ и умная молитва! Но такова и должна быть всякая молитва. Внѣшнее молитвословіе, домашнее или церков-

ное, даетъ ей только слово или форму; душу же или существо молитвы носитъ всякій самъ въ себѣ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Весь церковный молитвословный чинъ нашъ, всѣ молитвы, сложенныя для домашняго употребленія, исполнены умнымъ обращеніемъ къ Богу. Совершающій ихъ, если онъ хоть мало внимателенъ, не можетъ избѣжать сего умнаго къ Богу обращенія, развѣ только по совершенному невниманію къ совершаемому имъ дѣлу. Безъ умной молитвы никому нельзя обойтись. Не возноситься къ Богу молитвенно мы не можемъ; ибо природа наша духовная того требуетъ. Вознестись же къ Богу иначе мы не можемъ, какъ умнымъ дѣйствіемъ; ибо Богъ умственъ. Есть правда умная молитва при словесной или внѣшней, — домашней или церковной, — и есть умная молитва сама по себѣ, безъ всякой внѣшней формы или положенія тѣлеснаго; но существо дѣла тамъ и здѣсь одно и тоже. Въ томъ и другомъ видѣ она обязательна и для мірскихъ людей. Спаситель заповѣдалъ — войти въ клѣть свою и молиться тамъ Богу Отцу своему втайнѣ. Клѣть эта, какъ толкуетъ святитель Димитрій Ростовскій, означаетъ сердце. Слѣдовательно заповѣдь Господня обязываетъ тайно въ сердцѣ умомъ молиться Богу. Заповѣдь эта на всѣхъ христіанъ простирается. Боть и Ап. Павелъ что заповѣдуетъ, когда говоритъ, что должно *всякою молитвою и моленіемъ молиться на всякое время духомъ* (Еф. 6: 18)? Заповѣдуетъ умную молитву, — духовную, — и заповѣдуетъ всѣмъ христіанамъ безъ различія. Онъ же всѣмъ христіанамъ заповѣдуетъ *непрестанно молиться* (I Сол. 5: 17). А непрестанно молиться нельзя иначе, какъ умною молитвою въ сердцѣ. Такимъ образомъ, нельзя спорить, что умная молитва для всѣхъ христіанъ обязательна; а если обязательна, то нельзя уже говорить, что едва ли возможна: ибо къ невозможному Богъ не обязываетъ. Что она трудна, это правда; а чтобы была невозможна, это несправедливо. Но вѣдь и вообще все доброе трудно; тѣмъ паче таковою должна быть молитва, — источникъ для насъ всего добраго и вѣрная того опора.

Спроситъ кто: какъ же это сдѣлать? Очень просто: возымѣй страхъ Божій. Страхъ Божій, какъ чувство, привлечетъ вниманіе и сознаніе къ сердцу, а, какъ страхъ, заставитъ вниманіе и сознаніе стоять въ сердцѣ благоговѣйно предъ Богомъ. Вотъ и умное предстояніе Богу, — вотъ и молитва умная! Доколѣ въ сердцѣ есть страхъ Божій, дотолѣ умное предстояніе Богу не отойдетъ отъ сердца. Вотъ вседѣйственное средство къ умной молитвѣ! Но какъ же, скажетъ кто: дѣла развлекаютъ? ! Не будутъ развлекать; возымѣй только страхъ Божій. Умному предстоянію Богу, или памяти Божіей, мѣшаютъ не дѣла, а пустодѣліе и худодѣліе. Отстрани пустое и худое, оставя одно обязательное, — не по свѣтской, а по Евангельской обязательности, — и увидишь, что исполненіе такого обязательнаго не только не отклоняетъ отъ Бога, а, напротивъ, привлекаетъ умъ и сердце къ Богу. То и другое (обязательныя по Евангелію дѣла и молитва) одного рода, и требуетъ одинаковаго строя душевнаго. Что ни сталъ бы ты дѣлать изъ этого круга, всегда обратишься къ Богу, чтобы помощи испросить и дѣло самое Ему посвятить во славу. Вставши утромъ, установись покрѣпче предъ Богомъ въ сердцѣ въ утренней своей молитвѣ, и потомъ исходи на дѣло свое, Богомъ тебѣ опредѣленное, не отрывая отъ Него чувства своего и сознанія. И будетъ то, что силами души и тѣла будешь дѣлать дѣла свои, а умомъ и сердцемъ пребывать съ Богомъ. Неправо понимаютъ умную молитву, когда думаютъ, что для нея требуется сидѣть гдѣлибо скрытно и такимъ образомъ созерцать Бога. Нигдѣ не нужно для сего укрываться кромѣ своего сердца, и тамъ установясь, зрѣть Господа передъ собою, какъ бы Онъ былъ одесную, какъ дѣлалъ св. Давидъ. Говорятъ: къ образованію умной молитвы помощнымъ средствомъ служитъ уединеніе, а для мірянъ какъ возможно уединеніе, — у нихъ непрестанныя дѣла и столкновенія? Стало быть и умной молитвы имъ некогда у себя завесть. То правда, что для умной молитвы нужно бываетъ уединеніе. Но есть два рода уединенія: одно всецѣлое, всегдашнее,

когда кто уходитъ въ пустыню и живетъ одинъ; другое — частное, бывающее по временамъ. Первое, дѣйствительно, не идетъ къ мірянамъ, а второе и возможно для нихъ, и даже есть у нихъ. У всякаго случается сколько нибудь времени всякій день, когда онъ бываетъ одинъ, хоть бы даже и не заботился намѣренно о томъ, чтобы устроять для себя часы уединенія. Вотъ эти часы и можетъ онъ обратить на образованіе, укрѣпленіе и оживленіе умной молитвы. Слѣдовательно, никто не можетъ отговаривать-ся недостаткомъ благопріятнаго для умной молитвы положенія, въ порядкахъ своей жизни. Улучишь такой часъ — и углубись въ себя. Брось всѣ заботы, стань умно въ сердцѣ предъ Богомъ и изливай предъ Нимъ душу свою. Но есть кромѣ внѣшняго еще внутреннее уединеніе. Внѣ — обычное теченіе дѣлъ человѣческихъ; а между тѣмъ среди ихъ иной одинъ себѣ сидитъ въ сердцѣ, ничему не внимая. Всѣми испытывается, что когда у кого болитъ сердце о чемъ-либо, то будь онъ въ самомъ веселомъ и многорѣчивомъ обществѣ, ничего не слышитъ и не видитъ. Тамъ, у сердца своего, сидитъ онъ со своею болѣстію. Это всякій знаетъ по собственному опыту. Если же такъ бываетъ въ житейскихъ дѣлахъ, то отчего не быть подобнаго сему и въ порядкѣ жизни духовной? Есть и тутъ болѣзнованія, которыя еще гораздо сильнѣе и глубже всѣхъ болѣстей житейскихъ. Когда кому западаетъ въ сердце болѣзнованіе въ этомъ порядкѣ жизни, что будетъ въ силахъ тогда извлечь сознаніе его изъ сго уединеннаго пребыванія въ сердцѣ? Слѣдовательно, стоитъ только его завесть чтобы быть уединенну, и не наединѣ будучи. И за этимъ не далеко ходить. Оживи страхъ Божій, — и пойдутъ болѣзнованія самыя сокрушительныя, которыя прикуютъ вниманіе и чувство къ единому потребному, како пріидемъ и явимся лицу Божію. — Вотъ и уединеніе! Еще одно недоумѣніе: въ дѣлѣ умной молитвы надо имѣть руководителя; гдѣ взять его мірянину? Тамъ же, въ міру, и между духовными отцами и даже между мірянами. То правда, что все рѣже и рѣже становятся лица, къ которымъ можно было

бы благонадежно обратиться за совѣтами о духовной жизни. Но они всегда есть и будутъ. И желающій всегда находитъ ихъ, по милости Божіей. Жизнь духовная есть Божія жизнь; и Богъ особое имѣетъ попеченіе о взыскивающихъ Его. Возревнуй только, — и найдешь все благопотребное около себя. Такъ стало быть, хотятъ или не хотятъ міряне, а отъ умной молитвы нечѣмъ имъ отговориться. Пусть берутся за нее и учатся ей» (Стр. 381—385).

Приведенное письмо является какъ бы введеніемъ, или предисловіемъ къ дальнѣйшимъ наставленіямъ объ Іисусовой молитвѣ. Прежде всего (въ письмѣ 43-мъ) Епископъ Ѳеофанъ объясняетъ своей духовной дочери необходимость, при совершеніи Іисусовой молитвы, стоять вниманіемъ не въ головѣ, а въ сердцѣ. »Должное настроеніе вашего внутренняго должно состоять въ непрестанной памяти Божіей со страхомъ и благоговѣйнствомъ, и въ памяти смертной. Навыкъ ходить передъ Богомъ, или въ памятованіи о Богѣ, есть атмосфера духовной жизни. Ему естественно слѣдовало бы быть въ духѣ нашемъ, созданномъ по образу Божію; но нѣтъ его по причинѣ отпаденія нашего отъ Бога. Вслѣдствіе сего предлежитъ трудъ въ стяжаніи навыка ходить предъ Богомъ. Онъ состоитъ существенно въ напряженіи стоять сознаніемъ предъ лицемъ Бога вездѣсущаго; но поддерживается и другими побочными дѣланіми, входящими въ составъ духовной жизни. Но и здѣсь трудъ, — въ томъ, чтобы направлять сіи дѣланія къ означенной цѣли. Сюда должно направлять и чтеніе, и размышленіе, и молитву, и всѣ занятія и сношенія такъ вести, чтобы они не мѣшали и не разстраивали памяти Божіей. И то надо къ сему приспособить, гдѣ стоять сознаніемъ, или вниманіемъ. Умъ въ головѣ, и умовые люди (научники) все въ головѣ живутъ. Живутъ въ головѣ и страдаютъ непрестаннымъ бурленіемъ мыслей. Это бурленіе не даетъ вниманію стоять на единомъ. Не можетъ умъ стоять и на единомъ помышленіи о Богѣ, пока онъ въ головѣ. Все отбѣгаетъ и отбѣгаетъ. На этомъ основаніи желающимъ установиться въ единомъ

помышленіи о Богѣ заповѣдуется оставить голову и низойти умомъ своимъ въ сердце, и тамъ стоять вниманіемъ неисходно. Только тогда, какъ умъ сочетается съ сердцемъ, можно ожидать успѣха въ памяти Божіей. Извольте теперь поставить себѣ цѣлію достиженіе сего, и начинайте движеніе къ сей цѣли. Не думайте, что это трудъ непосильный; но и того не думайте, что это такъ легко, что стоитъ только захотѣть, какъ и дѣло тутъ» (Стр. 325—326).

Далѣе Епископъ Ѳеофанъ пишетъ, что первый пріемъ къ тому, чтобы привлечь умъ къ сердцу, заключается въ томъ, чтобы вызвать сочувствіе сердца къ читаемымъ и слушаемымъ молитвамъ и душу свою наполнить и напитать молитвенными помышленіями и чувствами, избранными изъ готовыхъ молитвенныхъ книгъ: ибо чувства сердца обычно властвуютъ надъ умомъ. Какъ этого достигнуть? »Надо читаемое и слушаемое обдумывать и обчувствовать. Для сего назначьте себѣ какой часъ, — внѣ молитвеннаго правила; берите молитвенникъ и читайте, — читайте и обдумывайте положенныя молитвы и доводите изложенныя тамъ помышленія до чувства. Когда станете потомъ совершать молитвенное правило, всѣ тѣ чувства тотчасъ возобновятся у васъ въ душѣ, и молитва ваша будетъ въ своемъ чинѣ. Сдѣлайте такъ со всѣмъ, что входитъ въ составъ молитвенника, и все тамъ содержащееся проведите чрезъ ясное пониманіе и теплое чувство. Затѣмъ по сему образцу вамъ не трудно будетъ съ яснымъ пониманіемъ и чувствомъ выслушивать и церковныя службы» (Стр. 327).

Когда душа наполнится и напитается молитвенными помышленіями и чувствами, избранными изъ готовыхъ молитвенныхъ книгъ, то съ нею происходитъ то, что бываетъ съ заучивающимъ разговоры на чужомъ языкѣ. Сначала онъ говоритъ только выученныя фразы, а когда освоится съ языкомъ, тогда свободно начинаетъ составлять свои собственныя фразы. Такъ и душа, наполняясь и напитываясь молитвенными помышленіями и чувствами, избранными изъ готовыхъ молитвенныхъ книгъ, сама начинаетъ жить этими мыслями и чувствами.

Далѣе слѣдуетъ второй пріемъ привлеченія ума къ сердцу: »Когда совершаете свое домашнее правило, вставляйте въ промежутки между читаемыми молитвами и свои молитвы, какія породятся дѣйствіемъ тѣхъ молитвъ. Если вы исполните, какъ должно, первый пріемъ, то ваше молитвословіе все будетъ идти съ чувствами. Чувства сіи будутъ измѣняться соотвѣтственно содержанію молитвы. Рѣчь моя не объ этихъ чувствахъ, а объ такихъ изъ нихъ, которыя захватятъ все сознаніе и сердце и свяжутъ душу, не давая ей свободно продолжать чтеніе, а все отвлекая вниманіе ея на себя. Это особыя чувства; и онѣ какъ только родятся, порождаютъ въ душѣ и свои молитвы по роду своему. Этихъ, порождающихся въ сердцѣ, особыхъ чувствъ и молитвъ никогда не надо пресѣкать дальнѣйшимъ чтеніемъ, а остановивъ чтеніе, давать имъ свободу излиться, пока совсѣмъ изольются, и чувство станетъ ровно съ обычными молитвенными чувствами. Этотъ пріемъ сильнѣе перваго и скорѣе сведетъ умъ въ сердце. Но дѣйствовать онъ можетъ только послѣ перваго пріема, или совмѣстно съ нимъ. Но къ нему надо имѣть наготовѣ еще нѣкоторый дополнительный пріемъ, или подпріемъ. Если совершать свое молитвенное правило, или какую церковную службу дома, по сказанному способу, то можетъ случиться, что небольшое правильце, какъ напримѣръ молитвы на сонъ грядущимъ, и небольшая служба, какъ вечерня съ повечеріемъ, продлятся очень долго. Но одно помышленіе объ этой длительности можетъ, или по причинѣ лѣности, или иногда по какимъ дѣламъ (мароинскимъ), заставлять если не спѣшить, то не растягивать своего молитвословія показанными вставками. А это совсѣмъ не даетъ и начала положить сказанному пріему, а не только довести его до совершенства, — чѣмъ причинится большой ущербъ преспѣянію въ духовной жизни. Чтобы этого не пострадать, надобно длительность своего молитвословія опредѣлить, какъ я уже писалъ вамъ, не количествомъ молитвъ, которыя слѣдуетъ прочитать, а временемъ; именно — назначить, сколько времени провесть за такимъ и такимъ правиломъ, за такою и такою службою, — нисколько не

увеличивая его противъ времени, обычно вами на то употребляемаго. Положите, напримѣръ, на вечерню съ повечеріемъ часъ. И читайте положенное, не о томъ заботясь, чтобы все вычитать, а о томъ, чтобы во все положенное время быть въ молитвенныхъ чувствахъ и помышленіяхъ при всемъ читаемомъ, и чтобы, если припадетъ особое чувство, не заглушить его чтеніемъ, а давать ему свободу излиться вполнѣ. Ведя дѣло такъ, вы, можетъ быть, и до — *Свѣте тихій* не дойдете, какъ исполнится часъ. Какъ быть? Закрывайте книжку, кладите нѣсколько поклоновъ съ обычными заключительными молитовками, — и вечерня ваша кончена. Обычная наша молитвенная Марѳа смутится, какъ такъ оставить службу, не докончивъ ея? Но Марія не станетъ смущаться, имѣя свидѣтельство совѣсти, что служба совершена полно и достойно Бога поклоняемаго. Конечно, если вы, движимыя несытостью сердца, размолившагося, проведете свою молитву больше часа, то это не будетъ убыткомъ для искомой вами цѣли. — На другой день, начинайте свою вечерню съ того, на чемъ остановились, и продолжайте ее въ томъ же порядкѣ, какъ прежде. Если опять до конца службы не дойдете, а часъ исполнится, оставляйте конецъ для слѣдующаго дня. Такимъ образомъ иной разъ положенная вечерняя служба, одна — протянется у васъ дня три и болѣе. Но каждая ея часть будетъ для васъ полная вечерня, — и Господь въ такой силѣ ее приметъ. Симъ же образомъ извольте обращаться съ утренею, часами, обѣдницею и со всякимъ своимъ молитвословіемъ домашнимъ. Положите себѣ закономъ никогда не читать молитвы, чтобы только вычитать положенное, а чтобы быть въ молитвѣ подъ дѣйствіемъ чтенія. Читайте положенное, какъ пособіе — держать себя въ молитвенныхъ помышленіяхъ и чувствахъ. Такъ дѣйствуя, вы навыкнете всегда во время молитвословій быть въ чувствѣ къ Богу, и умъ вашъ, будучи привлекаемъ симъ чувствомъ, будетъ стоять въ памяти Божіей. Если затѣмъ и во время чтенія душеспасительныхъ книгъ вы будете имѣть въ виду не количество чтенія, а то же, что и при молитвословіи, т. е. свѣтлое разумѣніе читае-

маго съ соотвѣтственными чувствами; то умъ и при этомъ будетъ въ сердцѣ, и память Божія не отойдетъ отъ васъ и при этомъ занятіи. Съ продолженіемъ времени все больше и больше вы будете разогрѣваться сердцемъ молитвенно, собирая туда и умъ для неотходнаго предстоянія предъ Богомъ. Время это будетъ для васъ сладкимъ временемъ, и вы будете ожидать его приближенія, какъ праздничнаго пира» (Стр. 327—330).

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Епископъ Ѳеофанъ снова возвращается къ вопросу о стояніи умомъ въ сердцѣ.

»Вы спрашиваете, что значитъ быть умомъ въ сердцѣ? Прошлый разъ я велъ объ этомъ рѣчь. Развѣ не ясно говорено? Повторяю. Знаете, гдѣ сердце? Какъ не знать? Чему же учились? — Такъ, станьте тамъ вниманіемъ и стойте неисходно, — и будете умомъ въ сердцѣ; умъ неотлученъ отъ вниманія: гдѣ оно, тамъ и онъ. Вы писали, что часто при чтеніи акаѳиста сладчайшему Іисусу чувствуете огонь въ сердцѣ. Вотъ, гдѣ это чувствуете, тамъ и будьте вниманіемъ и не выходите вонъ не только во время молитвы, но и во всякое другое время. Но стоять тамъ надобно не просто, а съ сознаніемъ, что стоите предъ лицемъ Господа, или предъ всевидящимъ окомъ Его, прозирающимъ въ сокровенности сердечныя; а чтобы такъ стоять, старайтесь имѣть возгрѣтымъ какое-либо чувство къ Богу — страха, любви, упованія, преданности, сокрушенія болѣзненнаго, и проч. Се — норма внутренняго строя! Блюдите, и какъ только замѣтите, что онъ нарушился въ чемъ-либо, спѣшите возстановить его» (Стр. 331).

Напомнивъ сказанное въ предыдущемъ письмѣ о пріемахъ привлеченія ума въ сердце, Епископъ Ѳеофанъ продолжаетъ: »Вы пишете, что начали творить свои молитвы по тому способу. Приложите усердіе совершать сіе въ совершенствѣ, какъ должно, и все будете богатѣть святыми чувствами, а они будутъ держать умъ въ сердцѣ. Безъ чувствъ не удержите его дома: все будетъ вырываться и блуждать по сторонамъ.

Благослови Господи трудъ вашъ — дойти до навыка со-

вершать молитвословіе, какъ указано. Начали; но мнѣ показалось, что вы все-таки спѣшите, чтобы дочитать до конца положенное. Это *до конца* надо совсѣмъ выбросить изъ вниманія, и всю заботу обратить на возгрѣваніе святыхъ чувствъ, не позволяя себѣ ничего въ ущербъ имъ. А вы не тако поступаете. Пишете, что при чтеніи одного псалма, пошли слезы Вамъ и слѣдовало его еще читать, или повторить тѣ особенно стишки, которые возбудили плачъ, не двигаясь впередъ, хоть бы и все время, положенное на службу, прошло въ этомъ, и съ прибавкомъ. А вы потекли дальше и разогнали свой плачъ. Плача что можетъ быть дороже? А то дочитаніе до конца что вамъ принесло? Ровно ничего. Вотъ вы и оказались дѣйствующею не въ видахъ своихъ духовныхъ пользъ . . .

Причащаться Св. Христовыхъ Таинъ почаще — хорошо. Если можете, и не разъ въ мѣсяцъ причащайтесь. Первые христіане на каждой литургіи причащались. Но объ этомъ поговорите со своимъ духовникомъ.

Откуда вы взяли, что я часъ назначилъ вамъ на вечерню. Не во времени сила, а въ духѣ. Время опредѣляйте, какъ вамъ пригожѣй: только безъ поблажки лѣности. Если читаемое, на домашнемъ правилѣ, читается будто отъ себя, со вниманіемъ и соотвѣтственными чувствами, то это должное чтеніе. Останавливаться надо только, когда особое чувство всею душею завладѣетъ. Тогда книжку въ сторону — имолиться такъ. Приступая къ молитвословію, всегда надо расшевелить душу, если она не въ чувствѣ, размышленіемъ, воззраніемъ къ Господу и поклонами, и тогда начинать его. Впрочемъ, молитвословіе, прежде обдуманное и обчувствованное, само расшевелится. А которое необдумано и необчувствовано, скорѣе разсѣетъ, чѣмъ соберетъ. Такое лучше замѣнить поклонами съ молитвою Іисусовою, или другою какою коротенькою. Иногда и всѣ службы можете симъ способомъ справлять» (Стр. 331—334).

Въ слѣдующемъ письмѣ Епископъ Ѳеофанъ предостерегаетъ свою духовную дочь не довѣрять различнымъ видѣніямъ и предсказаніямъ, бывшимъ ей, какъ діавольскому

искушенію, о чемъ сейчасъ нѣтъ надобности намъ говорить подробно. Перехожу къ слѣдующему письму, въ которомъ обсуждается важный вопросъ о помыслахъ. »Желательно вамъ умудриться въ различеніи помысловъ. Сойдите изъ головы въ сердце. Тогда всѣ помыслы ясно видны будутъ вамъ, движась предъ окомъ ума вашего острозоркаго; а до того не ждите должнаго различенія помысловъ. Извольте принять къ свѣдѣнію, что различеніе помысловъ не тоже, что гнаніе ихъ вонъ, когда они недоброкачественны. Это есть брань мысленная, которой предшествуетъ различеніе, какіе помыслы — друзья, и какіе — враги. Увидѣвъ въ нихъ друзей, принимаютъ ихъ съ почетомъ, а увидѣвъ ихъ врагами, прогоняютъ съ безчестіемъ. Вѣдайте также, что различеніе помысловъ различаетъ не добрые только и худые, но и дѣльные отъ бездѣльныхъ и пустыхъ, и кажущіеся добрыми отъ настоящихъ добрыхъ, — наипаче же то различаетъ, какіе помыслы въ видѣ побужденій и цѣлей окружаютъ дѣла наши, — и обычныя и особыя какія, — чтобы не прокрались побужденія и цѣли, непозволительныя въ добромъ христіанинѣ, и не испортили дѣлъ нашихъ. Чего это касается, и какъ все дѣлается, учитесь у св. Лѣствичника, въ особомъ пространномъ словѣ его о различеніи помысловъ. По тѣмъ указаніямъ и начинайте дѣйствовать, — и опытъ всему васъ научитъ» (Стр. 341).

Начавшая проходить молитвенное дѣланіе по указанію Епископа Ѳеофана, его духовная дочь черезъ нѣкоторое время впала въ унынie и пишетъ ему: »У меня дѣло идетъ дурно. Душа не на мѣстѣ, мысли блуждаютъ, читать духовное охоты нѣтъ, правило исправляется вяло и лѣниво, и ко всему стала я равнодушна. Будто что-то ушло изъ души». Епископъ Ѳеофанъ отвѣчаетъ ей: »Не падайте духомъ. Состояніе ваше есть состояніе охлажденія, какъ говорятъ св. Отцы. Оно бываетъ и наказательное и научительное. Какъ наказаніе, бываетъ оно за какой-либо грѣхъ, словомъ, дѣломъ, мыслію, чувствомъ. Какъ ученіе, бываетъ оно по намѣренію Божію научить подвизающагося духовной опытности. — Какъ у васъ? — Смиреннѣе будетъ думать,

что это съ вами за что-либо грѣшное, какъ вы и думаете, хотя не ясно сознаете, за что. Кайтесь и молите милостиваго Господа возвратить вамъ Его отеческія объятія. А между тѣмъ вникните получше, что было у васъ предъ этимъ, не увидите ли опредѣленной причины, за которую терпите такую тяготу. Увидѣвши же, положите не ходить болѣе тою дорогою, которая васъ привела къ такому состоянію. Такое рѣшеніе ускоритъ и помилованіе, съ возвращеніемъ потеряннаго. Состояніе это означаетъ, что благодать Божія отступила, — не бросила, а отступила, и стоитъ внѣ. То была внутри, а теперь внѣ; и вы остались, какъ раздѣтая на холодѣ, какъ комната, изъ которой въ отворенныя окна вышло все тепло. — Какъ воротить? — Такъ именно, какъ вы дѣлаете, — молитвою, сокрушеніемъ, прибавленіемъ лишеній плоти въ пищѣ и снѣ; прибавьте, если можете, побольше помоганія нуждающимся. Трудитесь . . . Смилуется Господь и снова пошлетъ вамъ благодать Свою. Но времени, когда это будетъ, назначить нельзя. Возвращеніе благодати не отъ насъ, а отъ самой благодати, — когда благоволитъ, тогда и придетъ, ничѣмъ не ограничиваясь, по свободному изволенію своему. Однакожъ не опускайте рукъ, а все вопійте, и вопійте, моля о возвращеніи: *когда же пріидеши ко мнѣ?*, не опредѣляя даже въ умѣ, что вотъ-вотъ воротится, а предавая себя всецѣло въ руки Божіи, да будетъ и сіе дорогое и столь желанное по волѣ Божіей, и въ преданности въ волю Божію соглашаясь терпѣть, сколько Ему угодно будетъ. Утѣшенія духовныя, — благодатно приходятъ и отходятъ, какъ Господу угодно. Вы говорите: люблю Господа. Не дивно, когда Онъ исполнялъ васъ радостями о Духѣ Святѣ. Извольте теперь любить, когда Онъ оставилъ васъ одну, пустою и голою отъ покрова Своего. Это будетъ совершенно безкорыстная любовь, болѣе цѣнная, чѣмъ прежняя Вотъ и уразумѣвайте теперь, что есть человѣкъ, оставленный самому себѣ, — и смиряйтесь паче паче. Вы не разъ твердили: у меня разумъ, у меня разумъ. Вотъ извольте теперь изворотиться со своимъ разумомъ. Когда остались вы одни, врагъ подслушалъ и началъ, какъ

пишете, свои предлагать совѣты о лучшемъ устроеніи жизни, внушая то себя пожалѣть, то даже въ міръ воротиться. Въ міръ возвратиться теперь уже мудрено: отрѣзанный ломоть. Себя пожалѣть благовиднѣе, но не меньше опасно . . . Сообразивъ все сіе, извольте встрепенуться, — и съ лютостію начинайте трудить себя. Тереть себя надо подвигами: треніе теплоту развиваетъ . . . Понудьтесь къ преутружденію себя лишеніями, чтобы шествовать тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ, который есть одинъ настоящій путь . . . (Стр. 344—347).

Слова Святителя Ѳеофана подѣйствовали на его духовную дочь. Она смирилась. И въ слѣдующемъ письмѣ пишетъ ему: »Чуть открыла глаза, — первою мыслью было, что я нерадивая, лѣнивая и гордая». Въ отвѣтъ ей Епископъ Ѳеофанъ пишетъ: »Это Ангелъ Хранитель задалъ вамъ стишокъ . . . Извольте твердить его и затвердить, чтобы когда потребуется отвѣтъ, отвѣтить безошибочно и порадовать тѣмъ Ангела своего, а не меньше и Господа Ангеловъ. О келейномъ правилѣ много заботъ не имѣйте . . . Я писалъ вамъ не заботиться о количествѣ молитвъ, а о томъ одномъ имѣть попеченіе, чтобы молитва текла изъ сердца живо, какъ живая струя. Бросьте изъ ума совсѣмъ количество, а имѣйте это одно во вниманіи. Но правило все же требуетъ извѣстнаго порядка. Однакожъ не закаляйте себя въ немъ, какъ въ кандалахъ. Пусть она будетъ только общею программою, а частности можете мѣнять хоть каждый день, смотря по тому, въ чемъ чаете найти оживленіе молитвеннаго духа. Если закалите, живость ослабѣетъ, правило обратится въ форму, которая вскорѣ обезжизнитъ молитву. Такъ дѣлайте, чтобы всякое молитвословіе было, какъ новое . . . Пишете, что нашли рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ въ святоотеческихъ книгахъ. Се добрѣ! И всегда тамъ надо искать его. И если усердно взыщете, всегда найдете. Особенно въ этомъ отношеніи много полезны св. Варсонуфій и Іоаннъ. И у св. Дороѳея встрѣтите доброе разъясненіе многаго. И у всѣхъ можете находить много вразумленія. Читайте только со вниманіемъ и къ себѣ прилагай-

те. Говорите — »страхи нападаютъ, особенно во время молитвы». Страхъ благословенъ одинъ — Божій; но онъ не имѣетъ ничего страшнаго, всегда благотворенъ. Ваши страхованія, безпричинныя, отъ врага, — и особенно во время молитвы» (Стр. 348—349).

Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ писала о крайнемъ своемъ духовномъ охлажденіи и равнодушіи, духовная дочь пишетъ Епископу Ѳеофану: »Отогрѣлась». На это Епископъ отвѣчаетъ, разъясняя, что это надо приписывать дѣйствію благодати Божіей: »Слава Богу! пишетъ онъ, я очень безпокоился. Могло такъ и остаться. Но милостивъ Господь, воротилось къ вамъ Его одѣяніе. Когда благодать Божія внутри, душа бываетъ, какъ одѣтая въ теплую одежду; а когда отойдетъ, душа бываетъ, какъ раздѣтая и на морозѣ . . . Убѣдитесь изъ сего, что все хорошее, особенно хорошее состояніе духа, прямо отъ благодати. Свой трудъ всеконечно нуженъ; но онъ не даетъ духовнаго — существенно и прочно, а только ищетъ его и подготовляетъ къ принятію его. Даетъ все одна благодать. Извольте же это сердцемъ исповѣдать, и себѣ ничего не присвоять. Въ этомъ присвоеніи — грѣхъ чуждоприсвоенія. Никакому труду нельзя присвоять силы — подавать искомое. Нельзя говорить: то и то сдѣлано, такъ и такъ потружусь, — и получу то-то и то-то. Благодать Божія не вяжется контрактами, и дѣйствуетъ всегда, якоже хощетъ. Этого хотѣнія никто угадать не можетъ, или чѣмъ либо вынудить. Равно и пребываетъ она, гдѣ и какъ хощетъ. Почему и получившій благодать не долженъ говорить или думать: получилъ благодать; теперь уже мнѣ нечего много хлопотать. Нѣтъ; и получивши благодать, надо спасеніе свое содѣвать со страхомъ и трепетомъ. Благодать, какъ приходитъ, такъ и отходитъ, не съ усмотрѣніемъ нашимъ. Видите, какъ холодно безъ благодати, и какъ душа вяла и неподвижна на все духовное. Таково состояніе добрыхъ язычниковъ, вѣрныхъ закону іудеевъ, и христіанъ, исправныхъ по жизни, но не помышляющихъ о внутренней жизни, съ ея отношеніемъ къ Богу . . . Чѣмъ наипаче удерживается въ душѣ

благодать? Смиреніемъ. За что наипаче отходитъ? Отъ какого-нибудь движенія гордости, самомнѣнія и самонадѣянности. Какъ только ощутитъ она внутри этотъ дурной запахъ гордыни, тотчасъ и удаляется. Вѣрно, что либо подобное было и у васъ. Вы этого не сознаете. Но примите пока это, какъ умовую истину; а послѣ, Богъ дастъ, и чувствомъ ощутите, что бываютъ движенія гордости, которыхъ не сознаетъ душа, — и усерднѣе станете молиться: даруй мнѣ, Господи, зрѣти моя прегрѣшенія. Вы въ какомъ-то письмѣ доказывали, что вы смиренны. Но изъ того самого, что доказывали, слѣдуетъ, что вы не смиренны. Смиреніе себя не видитъ. Даруй вамъ, Господи, отселѣ никогда уже не испытывать такого дурного состоянія. Но и то надо положить очень вѣроятнымъ, что по временамъ оно и еще будетъ подходить, хоть не въ такой степени, или будетъ попускаемо и даже невидимо, чтобы научить душу опытности и паче всего осторожной бдительности, — а еще тому, чтобы не забывалась и всегда нашла глубокое убѣжденіе, что она сама по себѣ ничто, хотя испытываетъ нѣчто доброе.

Учитесь все, что ни дѣлаете, дѣлать такъ, чтобы это разогрѣвало, а не охлаждало сердца: и читать, и молитву дѣять, и работать, и съ другими входить въ общеніе такъ, чтобы, все одну цѣль держа, — не доводить себя до охлажденія. Топите безъ перерыва свою внутреннюю печку краткою молитовкою, — и берегите чувства, чтобы черезъ нихъ не уходила теплота. Впечатлѣнія отвнѣ очень трудно уживаются съ внутреннимъ дѣланіемъ.

Вы неправо поняли мои слова о вражескихъ навѣтахъ, — будто, соглашаясь признать въ насъ дѣйствія врага, необходимо при семъ думать, что онъ уже и въ сердцѣ. Нѣтъ, онъ — внѣ и издали стрѣляетъ, внушая дурные помыслы. Какъ только откроется для него возможность, онъ тотчасъ подскакиваетъ и даетъ свои совѣты, кои суть всегда навѣты, хотя кажутся красивыми. Онъ всегда съ благовидностей начинаетъ и отъ нихъ уже постепенно переходитъ къ дурному; дурного же вдругъ не совѣтуетъ, и когда его совѣтуетъ, прикрываетъ его благообразнымъ покровомъ Все это вы

сами будете разгадывать, когда научитесь внимать себѣ. Вниманіе и молитва разстраиваютъ всѣ его злокозненныя хитросплетенія» (Стр. 349—352).

»Вы писали, что »ищете сдѣлаться совершенною и къ тому стремитесь». Пришло мнѣ на мысль указать вамъ признакъ, по которому можете опредѣлить, идете ли вы къ совершенству, или вертитесь на одномъ мѣстѣ. Признакъ этотъ есть отрѣзаніе отъ всего. Недавно слышалъ я рѣчь одной простой старушки, которая сказала: »теперь уже все отрѣзано; я какъ птица, ничѣмъ не связана . . .» Какъ она дошла до этого? Цѣлою жизнью, направленною къ угожденію единому Богу. Съ семи лѣтъ запала ей зазноба, — болѣзненная забота, какъ бы Бога не прогнѣвить. Эта зазноба разжигала ее на всякаго рода труды, не жалѣя силъ. Такъ прошла она дѣвичество, замужество, вдовство; дѣла все были обычныя, семейныя; но она всюду была первая и все дѣлала для Бога и по Божьему. Этимъ направленіемъ своихъ трудовъ она такъ выправила, вытерла и выбѣлила свою душу, что въ ней уже не осталось ничего земного, что занимало бы ее. »Теперь, говоритъ, у меня все Господь. Ни къ чему уже душа не лежитъ: и дѣлать ничего не могу — руки отваливаются, и говорить ни о чемъ не хочу — языкъ не поворачивается. Все бы Господь! Отъ него Одного отстать не хочется». Вотъ видите, въ чемъ существо дѣла! Къ сему и направьтесь. И исполнится ваше желаніе: хочу совершенства, дѣвою мудрою желаю стать. Благослови, Господи! *Ищите и обрящете.* А лучше: *просите и дастся вамъ*» (Стр. 352—353).

»Что у васъ плачъ на сердцѣ и сокрушеніе покаянное не отходятъ, — се добрѣ. Храните сей даръ Божій, — и все его подновляйте, какъ только начнетъ ослабѣвать. Это незаблудный путь. И то, что часто созерцаете Господа на крестѣ и поражаетесь тѣмъ до глубины души, добрѣ! Сіе и все подобное, возбуждающее душу, почаще наводите на нее, чтобы непрестанно была въ движеніи и жила; ибо жизнь — движеніе. Нѣтъ движенія, нѣтъ жизни» (Стр. 354).

»Извольте потверже затвердить, что смиреніе пріобрѣ-

тается не мыслями смиренными, а охотнымъ подчиненіемъ себя смирительнымъ случайностямъ и отношеніямъ» (Стр. 355).

»На васъ нападаетъ лѣность, приходитъ желаніе льготъ и поблажекъ, покоя плоти. Вы хорошо дѣлаете, что не уступаете; однакожъ ваша неуступчивость неполна. Разумѣю то, что вы, не смотря на эти соблазнительныя нападки, все же дѣлаете, что считаете должнымъ, но дѣлаете неохотно. »Хоть нехотя, говорите, но исполняю все». И это хорошо, какъ сказалъ я; есть тутъ борьба и одолѣніе. Но надо бы эту борьбу доводить до конца, чтобы и одолѣніе было полное, — т. е. доходить до того, чтобы дѣлать *хотя*, прогнавъ безжалостно *нехотя*. Ибо это *нехотя* есть уступка лѣности и питаетъ ее . . . Извольте, когда прогоняете лѣность, возбуждать себя до ретивости, чтобы живо, съ энергіей, дѣлать то, отъ чего оттягивала лѣность. И это только будетъ настоящею побѣдою и одолѣніемъ лѣности, а не то, какъ вы дѣлаете. Живодѣйственность есть настоящая черта духовной жизни настоящей» (Стр. 355).

»Въ тонѣ вашего письма чуется духъ уныніе. Чего бы ради это? Вы — Божія; Господь васъ призвалъ къ Себѣ; вы идете къ Отцу своему небесному на вѣчныя утѣшенія въ Его домѣ, — а у васъ чуть слезки не падаютъ; будто напрасно протрудили себя всѣмъ, чѣмъ трудили. Ни одинъ шагъ вашъ не пропадетъ даромъ; все Господь возметъ въ счетъ и воздастъ безмѣрно. Что здоровье немного умалилось, стоитъ ли на это обращать вниманіе предъ лицемъ того, что дано въ замѣнъ его? . . Что вамъ жить тяжеловато — слава Тебѣ, Господи! Сіе — тѣсный путь. Вѣдь тѣсный путь необходимъ. Помимо его никто не войдетъ въ царство небесное. Инымъ Господь оставляетъ самимъ устроять для себя такой путь, а для васъ Онъ устроилъ его Самъ . . . Онъ хочетъ васъ къ Себѣ привести, и любя васъ, дѣлаетъ вмѣсто васъ то, безъ чего дойти до Него нельзя. Благодушествуйте же ради Господа, любящаго васъ . . .» (Стр. 357—358).

»Начинаете втягиваться въ молитвенный трудъ. Богъ благословитъ! Да будетъ душа ваша всегда бодренна, чуж-

да всякаго саможалѣнія. Помоги вамъ Господи быть живою и трезвенною. Но не забывайте главнаго — того, чтобы вниманіемъ и умомъ сочетаться съ сердцемъ, и неисходно быть тамъ предъ лицемъ Господа. Всѣ молитвенные труды на это должны быть направлены. Молите Господа, чтобы Онъ даровалъ вамъ это благо. Это сокровище — сокрытое на селѣ; это бисеръ многоцѣнный» (Стр. 359).

»Но что вы сказали: нарушается молитвенный порядокъ, когда кто приходитъ, — се не добрѣ. Вы такъ наладьтесь думать, что когда кто приходитъ, то Господь посылаетъ его, чтобы вы черезъ него службу сослужили Господу. Чѣмъ? Сообщеніемъ пришедшему своего благонастроенія, даннаго вамъ Господомъ. Если будете принимать приходящихъ въ этомъ духѣ, то тутъ не будетъ нарушенія молитвеннаго порядка, а продолженіе его, только въ иной формѣ. То и другое — служба Богу. Имѣя сіе въ цѣли, принимайте всѣхъ съ радостію, какъ посланцевъ Божіихъ, не смотря на ихъ внѣшность, и объ одномъ заботьтесь, какъ бы вамъ не уклониться отъ того, чего желаетъ отъ васъ Господь въ семъ случаѣ. Принявъ такъ, все вниманіе свое устремляйте въ сердце ихъ, чтобы изъ словъ ихъ догадаться, что можете вы сдѣлать во благо душъ ихъ, — и затѣмъ всю рѣчь свою направляйте на это, такъ однакожъ, чтобы не казаться учительницею, а говорящею будто о стороннемъ. И главное, всячески старайтесь достигнуть того, чтобы приходящій отходилъ съ умиреннымъ сердцемъ» (Стр. 359).

»Когда же я о себѣ думаю?» — Мнѣ же думается, что вы много о себѣ думаете, и думаете высоко. Только при этомъ старастесь принижать себя, нудите себя быть смиренною. Смиреніе ищется, но еще не найдено. Ищите усерднѣе и обрящете» (Стр. 360).

»Причастились Св. Христовыхъ Таинъ и, по милости Божіей, получили мирное и утѣшительное настроеніе духа. Затѣмъ прибавляете, что приготовляясь къ Св. Причастію, довольно потрудили себя. — Се добрѣ! И никогда не забывайте сего дѣлать, по силѣ и сверхъ силы. За то и утѣшеніе дается причастникамъ. Не будь труда и лишеній, и

утѣшеніе не будетъ дано, развѣ изъ особой какой милости Божіей . . . Не забывайте однакожъ, что не одинъ трудъ достигаетъ сего, но въ соединеніи съ истиннымъ духомъ, въ какомъ надлежитъ обращаться къ Богу. То и другое нужно . . . Жалѣете, что это райское состояніе не остается навсегда, и желаніе имѣете, чтобы оно пребывало неизмѣннымъ въ васъ . . . Поелику Господь благоподатливъ, то могу вамъ прописать: ищите и обрящете. Это будетъ, когда огонекъ ниспадетъ въ сердце и зажжетъ его. Вы идете къ этому всѣмъ порядкомъ вашей жизни. И, конечно, дойдете, если не разлѣнитесь и смиренія не потеряете. Загорится и ваше сердце, и будетъ горѣть, какъ свѣча неугасимая. Но когда, — этого никто не можетъ вамъ сказать. Это дѣло Божіе. Ищите съ терпѣніемъ и упованіемъ. Состоянія того не описываютъ святые, говоря, что нельзя описать понятно. Когда придетъ, узнаете. Старецъ Кіевскій, о. Парѳеній, называлъ его болячкою въ сердцѣ . . . Извольте же терпѣть заведенные порядки, преутруждающіе васъ, безъ жалѣнія себя. Есть изъ-за чего» (Стр. 360—361).

»Наконецъ-то, говорите, поняла я, что есть радостотворный плачъ, или радосто-печаліе, — и рѣшаетесь развивать въ сердцѣ сильнѣйшее и сильнѣйшее сокрушеніе». Се добрѣ, и предобрѣ! Богъ благословитъ! Однакожъ, вѣдайте, что это радостопечаліе подается, а не пріобрѣтается. Состояніе это похоже на то, какое испытываемъ, увидавшись съ родными послѣ долгой разлуки: и радостно, и жалостливо, — слезы текутъ. Радостопечаліе бываетъ, когда Господь свидится съ душею и душа съ Господомъ. Отъ Св. Причастія можно того ожидать. И бываетъ. Увидьте изъ сего, что сокрушеніе надо развивать, но оно не есть радостопечаліе, а пролагаетъ къ нему путь. Радостопечаліе подаетъ Господь душѣ, а Господь въ дѣйствіяхъ Своихъ ничѣмъ не вяжется» . . . (Стр. 361—362).

»Вы хотите дѣлать выписки изъ книгъ читаемыхъ. Хорошо. Но не все хорошее выписывайте, а только то, что возьметъ за сердце. Соберется тетрадка — другая. Когда потомъ нападетъ уныніе или охлажденіе и сухость, берите эти

тетрадки и перелистывайте. Сердце отзовется на чувствованное прежде и шевельнется. Такъ отъ одной, другой, третьей выписки, глядишь — и совсѣмъ расшевелилось» (Стр. 363).

»Молитвенное правило, говорите, исправляете, какъ прописано. И трудитесь такъ. Помоги вамъ, Господи! Паче же навыкайте имѣть непрестанно память Божію, и какъ Богу молитвенно себя держать, въ страхѣ и благоговѣйствѣ. Даруй вамъ, Господи, сіе! Назначьте себѣ особое время вотъ на что: чтобы, сидя бодренно и вниманіе собравши въ сердце, говорить молитву Іисусову, не развлекаясь мыслями. Раза бы два-три такъ въ день. Хоть по разу при семъ проходите четки; а охота придетъ, — два и три раза можно. Этимъ путемъ можно произвесть въ сердцѣ болячку, о коей говорилъ старецъ Парѳеній, и дойти до того, что молитовка Іисусова сама будетъ журчать въ сердцѣ умными словами, какъ ручеекъ, съ соотвѣтственными движеніями чувствъ» (Стр. 364).

»Собираюсь съ духомъ». Помоги вамъ Господи! Но не выпускайте изъ вниманія главнаго, — того, чтобы собраться умомъ въ сердцѣ. На сіе паче направляйте труды свои. Пріемъ одинъ — стараться стоять вниманіемъ въ сердцѣ, съ памятію о вездѣсущіи Божіемъ, и о томъ, что око Его смотритъ въ сердце ваше. Позаботьтесь утвердиться въ томъ убѣжденіи, что, хоть вы однѣ бываете, всегда имѣете не близь себя только, а внутри себя лицо присущее вамъ, на васъ смотрящее и все въ васъ видящее. То, что я писалъ вамъ о нѣсколькократномъ въ день дѣланіи молитвы Іисусовой, послужить средствомъ къ тому, очень сильнымъ. Дѣлайте же такъ, — всякій разъ минутъ по десять-пятнадцать, — и лучше стоя въ молитвенномъ положеніи съ малыми поклонами, и безъ нихъ, какъ вамъ лучше. Трудитесь такъ, и молите Господа, чтобы далъ вамъ, наконецъ, ощутить и познать, что такое есть болячка въ сердцѣ, по слову старца Парѳенія. Вдругъ это не дѣлается. Пройдетъ годъ усиленныхъ трудовъ, а можетъ быть и больше, пока начнутъ показываться нѣкіе сего слѣды. Благослови васъ, Господи, на трудъ и путь сей» (Стр. 365—366).

»Просите молитвъ, чтобы вамъ не развлекаться мыслями, кои неудержимо блуждаютъ и отвлекаютъ вниманіе отъ должнаго. Въ первый разъ отъ васъ слышу рѣчь объ этомъ. Между тѣмъ это главное нестроеніе, какое испытываемъ мы внутри. Прежде вѣрно это не такъ казалось нестройнымъ дѣломъ, а теперь видится въ иномъ свѣтѣ. Отъ чего? Приписываю это дѣйствію маленькаго правильца, какое вы стали исправлять, творя молитву Іисусову. Когда вы на молитвословіи все читали и читали, то при многомысліи, подаемомъ молитвами, мысли отходили и возвращались незамѣтно. Теперь же, когда слово молитвенное одно, и одно помышленіе имъ подается, всякое иное помышленіе тотчасъ замѣтно, какъ чуждый посѣтитель. Предъ вами и открылось такимъ образомъ внутреннее нестроеніе. — Какъ же быть? — Продолжайте упражняться въ исполненіи того же правильца, и мысли все болѣе и болѣе будутъ успокоиваться, и немощь, замѣченная вами, врачеваться. Правильцо то, если вы станете продолжать его какъ слѣдуетъ, заведетъ болячку въ сердцѣ, а болячка эта мысли прикуетъ къ Единому, — и блужданію мыслей конецъ. Съ этого момента, когда Господь сподобитъ васъ улучить его, начнется новый перестрой всего внутренняго, — и хожденіе предъ Богомъ станетъ неотступное» (Стр. 368).

»Трудитесь въ навыкновеніи молитвѣ Іисусовой. Благослови Господи! Вѣровать надобно, что Господь Іисусъ Христосъ внутрь насъ есть, — въ силу крещенія и причащенія, по обѣтованіямъ Самого Его, соединеннымъ съ сими таинствами. Ибо крещенные облекаются во Христа, а причащающіеся пріемлютъ Господа. *Ядый Мою плоть и піяй Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ*, говоритъ Господь. Только смертные грѣхи лишаютъ насъ сей великой къ намъ милости. Но кающіеся и по исповѣди причащающіеся опять возвращаютъ ее себѣ. Такъ вѣруйте. Если недостаетъ вѣры, молитесь, чтобы Господь приложилъ ее вамъ и утвердилъ въ васъ крѣпко и непоколебимо. Внимайте себѣ, и со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте. Замѣчайте помыслы, находящіе и отходящіе, и состоянія

духа, неподвижно стоящія, или длящіяся часы и дни. Все, сіе будетъ служить для васъ документами для опредѣленія — что въ васъ?» (Стр. 370—371).

»То, что водитесь чувствомъ, или что вообще имѣете духовныя чувства, не значитъ еще, что стоите твердо вниманіемъ въ сердцѣ. Когда это послѣднее есть, тогда умъ стоитъ въ сердцѣ неисходно, и стоитъ предъ Господомъ, въ страхѣ и благоговѣйнствѣ, и исходить оттуда не хочетъ. Состояніе это похоже на то, какъ дитя въ объятіяхъ матери покоится. Даруй вамъ Господи сего достигнуть. Что Іисусовою молитвою дополняете правило своего домашняго молитвословія, добрѣ дѣлаете. Можете четверть, половину, три четверти своего правила, и даже все правило замѣнять сею молитвою. Только времени не умаляйте, и въ страхѣ и благоговѣйнствѣ себя держите. Всячески трите себя — и читаніемъ молитвословій, и своими моленіями, и умною молитвою, заботясь объ одномъ, чтобы отъ души не отходило молитвенное настроеніе» (Стр. 371—372).

»Тяготы и трудности лучше, начавъ съ малаго, понемногу прибавлять. Такъ дѣйствуя, незамѣтно можно дойти до такихъ себя переутружденій, которыя будутъ гораздо значительнѣе вами намѣченныхъ, но которыя не будутъ подавлять. Почему думаю, что вамъ лучше нѣкоторые труды умѣрить теперь, и потомъ по немногу подбавлять ихъ. Устройтесь впрочемъ, какъ находите для себя лучшимъ, — и съ духовникомъ потолкуйте. — Еще одно не забудьте: не вязать себя уставомъ своимъ, сохраняя за собою всегда свободу дѣйствованія, и объ одномъ заботясь, чтобы всегда быть съ Господомъ. Поменьше механизма и формы. Живнь въ движеніи, — а не въ формѣ закаленной» (Стр. 373).

»Я уже не разъ писалъ вамъ, что правило можно исполнять разно. Самое лучшее есть опредѣлить правило временемъ, и потомъ въ сіе время то читать молитвы, то такъ молиться. Начинать читаніемъ начальныхъ молитвъ, углубляясь въ нихъ, съ протяжною разстановкою. Всего лучше читать на память. Затѣмъ, когда расшевелится сердце, кладите поклоны, говоря по движенію чувства отъ себя

простое слово Господу. Можно выучить на память нѣсколько псалмовъ, — и во время правила читать ихъ, изъ всякаго стиха составляя молитвенное къ Богу обращеніе. Можно прочитавши псаломъ, класть поклоны съ краткою молитовкою; потомъ читать другой псаломъ или другую молитву, а послѣ опять поклоны класть. Можно все время только поклоны класть, — малые и большіе, съ краткою какою молитовкою. Всяко можно. Изгнать надо изъ правила всякій механизмъ и форму. Пусть все идетъ изъ сердца свободно» (Стр. 376—377).

»Что прогоняете тотчасъ находящія нечувствія и безпечности, добрѣ творите. И средство, — укорененіе себя — идетъ. Прибавьте устрашеніе. Лѣнивцу сказано: связавше ему руцѣ и нозѣ, ввергните во тьму кромѣшнюю. И затѣмъ Господа молите ниспослать вамъ живительную струю свѣта отъ Престола Своего» (Стр. 385).

»Ваши чувства при воспоминаніи страданій Господа, — что и себя лично въ нихъ укоряете, — настоящія. Такъ есть. Мы всѣ въ нихъ виновны, и по причинѣ виновности въ первородномъ грѣхѣ, и особенно по причинѣ личныхъ нашихъ грѣховъ по крещеніи. Вы смотрите, какъ на примѣръ, на преблагословенную Матерь Божію. Она был введена въ тайну Креста, и это давало Ей мужество стоять у Креста, хотя материнское сердце горѣло отъ скорби. Художники не умѣютъ изображать страданіе Божіей Матери при Крестѣ, чтобы оно было и глубоко скорбно и вмѣстѣ оставалось мужествомъ» (Стр. 386).

»Пишете: »царитъ во мнѣ сознаніе своей грѣшности и того, что я хуже всѣхъ». А черезъ нѣсколько строкъ прибавляете: »за этотъ годъ я больше сдѣлала (успѣха), чѣмъ во всѣ предшествовавшіе пять». Сложите сіи показанія, и смотрите, что получится. Тамъ смиренныя слова и только, а здѣсь чувство самодовольства. Противъ чувства гдѣ устоять словамъ?! И выйдетъ: грѣшность на языкѣ, а въ сердцѣ самоправедность. Въ этомъ смыслѣ, конечно, надо понимать и еще нижеприписанную замѣтку: »я никогда не высокомудрствую». Т. е., что вы всегда смиренны на сло-

вахъ, а сердце полно сознанія своихъ достоинствъ и заслуженности; тамъ царитъ самочувствіе и самоцѣненіе, — скрытнѣйшій врагъ, но который нерѣдко проторгается и наружу. Извольте заняться этимъ положеніемъ дѣла и вникнуть въ себя, боясь образовать изъ себя личность, которая одно есть снаружи, а другое внутри. Я не то здѣсь разумѣю, чтобы вы этого желали, а что это само собою устроится, если не будете внимать себѣ. Смиреніе не вдругъ приходитъ. Оно идетъ въ содружествѣ съ любовію, рука объ руку. Только совершенная любовь совершенно смиренна. А до того изъ сердца нѣтъ-нѣтъ и прорвется высокоуміе» (Стр. 387—388).

»Вы спрашиваете: »Какъ узнать, въ благодати ли кто?» Сами же вы и указали вѣрный признакъ къ опредѣленію сего, а именно: отвращеніе отъ всего грѣшнаго и страстнаго. Прибавьте къ сему: и ревность о богоугожденіи по вѣрѣ и въ духѣ вѣры. Въ комъ жива такая ревность, тотъ въ благодатномъ состояніи. Въ таинствахъ, достойно пріемлемыхъ, благодать подается всѣмъ, — и начинаетъ дѣйствовать. Но чувство благодатнаго осѣненія, не всѣмъ вдругъ дается, а наиболѣе, послѣ довольныхъ надъ собою трудовъ. Блаженна душа, ощущающая благоволеніе Отца, очистительное кропленіе Кровію Сына и животворное вѣяніе Духа. Извольте нераздѣльно сіе созерцать; и, какъ къ верховному благу, молитвенно къ тому стремиться. Придетъ, Богъ дастъ, и чувство благодатнаго состоянія» (Стр. 389—390).

»Хотѣлось бы мнѣ дойти до пониманія глубины сердца и внимательно слѣдить за каждымъ его біеніемъ». — Доброе и предоброе хотѣніе! Надобно установиться вниманіемъ въ сердцѣ и стоять тамъ неисходно предъ Господомъ. Я объ этомъ не разъ уже писалъ вамъ. Тогда всякую порошинку будете замѣчать. Молитесь; дастъ Богъ» (Стр. 390).

»Молитва Іисусова, говорите, начинаетъ журчать, какъ ручеекъ». Слава Богу! Но старайтесь при семъ держать и соотвѣтственныя чувства. И скоро, Богъ дастъ, загорится и огонекъ въ сердцѣ» (Тамъ же).

»Что нужно для жизни въ духѣ?» — Какъ вы направили свою жизнь, такъ и теките; и притечете въ область жизни духовной. Только не прерывайте теченія. Напередъ опредѣлять ничего нельзя, говоря въ себѣ: то и то сдѣлаю, или такъ и такъ потружусь, — и придетъ нѣкое духовное движеніе. Все отъ Бога и благодати Его, а она приходитъ невзначай. Трудитесь, терпите, молитесь, предавая себя Богу, безъ всякихъ гаданій о томъ, что будетъ, внѣшно ли то, или внутренно. Богъ не обидливъ; не обдѣлитъ, когда придетъ срокъ надѣлить чѣмъ» (Стр. 391).

»Начинаете входить во вкусъ духовныхъ вашихъ занятій и уединеннаго пребыванія; блаженствуете и восхищаетесь! Добрѣ, добрѣ! Только не мечтайте о себѣ и не собирайтесь летѣть на небо. Бога благодарите, и въ смиренныя о себѣ помышленія и чувства углубляйтесь» (Тамъ же).

»Много васъ теребятъ по поводу частаго причащенія. Не смущайтесь . . . И всѣмъ слѣдовало бы такъ дѣлать, но не вошло это у насъ въ обычай. На Востокѣ христіане часто причащаются, не въ одни великіе посты, но и кромѣ ихъ. Первоначально же въ Церкви Христовой за всякою литургіею всѣ причащались. Во время св. Василія Великаго спрашивали его, можно ли часто причащаться, и какъ часто? Онъ отвѣтилъ, что не только можно, но и должно; а на то, какъ часто, сказалъ: мы причащаемся четыре раза въ недѣлю — въ среду, пятницу, субботу и воскресеніе. *Мы* — это разумѣются всѣ Кесарійцы. Ибо вопросъ касается не священнодѣйствующихъ, а мірянъ . . . На всякой литургіи священнослужитель приглашаетъ: со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите. Слѣдственно, на всякой литургіи и можно приступать . . . У насъ иные говорятъ, что грѣхъ — часто причащаться; иные толкуютъ, что нельзя раньше шести недѣль причащаться . . . Не обращайте вниманія на эти толки, — и причащайтесь такъ часто, какъ потребность будетъ, ничтоже сумняся. Старайтесь только всячески приготовляться, какъ должно, и приступать со страхомъ и трепетомъ, съ вѣрою, сокрушеніемъ, и покаянными чувствами. Докучающимъ же рѣчами объ этомъ от-

вѣчайте: вѣдь я не инудѣ прелажу ко св. причастію, всякій разъ имѣю разрѣшеніе отъ духовнаго моего отца. И довольно. О томъ, какъ это благотворно для васъ, лучше не говорить. Знайте это для себя и благодарите Господа» (Стр. 391—392).

»Вы спрашиваете: »Говорить ли съ другими о духовной жизни?» Говорите; только о своей не сказывайте, а вообще разсуждайте, примѣняясь однакожъ къ состоянію спрашивающихъ. Бываетъ, что иные заводятъ о семъ рѣчь, чтобы только поговорить. И это лучше, чѣмъ говорить о чемъ-либо житейскомъ или пустомъ . . . Когда ведете рѣчь, больше всего опасайтесь растревожить покой другого какимъ-либо задоромъ, или высказываніемъ своихъ мыслей на перекоръ ему, съ явнымъ желаніемъ поставить на своемъ. Врагъ на это наводитъ, чтобы завязать споръ, а отъ спора довести до разлада. Не меньше этого опасайтесь говорить о духовномъ, чтобы высказать свою въ этомъ отношеніи мудрость. И это вражье внушеніе, за послѣдованіе которому непремѣнно подвергнетесь посмѣху отъ людей и Божію неблаговоленію» (Стр. 393).

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Епископъ Ѳеофанъ пишетъ своей духовной дочери о разнообразныхъ діавольскихъ козняхъ, и о средствахъ борьбы съ ними. Письмо это вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что его духовная дочь, не придававшая раньше серьезнаго значенія діавольскимъ ухищреніямъ, сознала, наконецъ, что она въ этомъ ошибалась. Святитель пишетъ: »Наконецъ-то вы умудрились, и сознали, что есть вражескія искушенія, которыми врагъ никого не задѣляетъ, — даже и вашей учености не стыдится. Да, да; онъ около всякаго и всякой хлопочетъ. Но этого нечего бояться: вниманіе къ себѣ въ сердцѣ съ молитвою къ Господу разстраиваетъ всѣ его козни. Читайте у Исихія и учитесь, какъ тутъ дѣйствовать. Врагъ не тотчасъ худо внушаетъ. Первый его пріемъ есть — всѣвать помыслы кажущіеся добрыми, и увлекать на дѣла, по видимости добрыя, или на дѣла добрыя, съ цѣлью недоброю — себя показать. Лица, не очень разборчивыя на помыслы и дѣла

и не задумывающіяся надъ ними, лишь бы они не были явно худы, поддаются на эту уловку, — и онъ начинаетъ ихъ гонять отъ помысла къ помыслу и отъ дѣла къ дѣлу, все будто добрымъ, но или неумѣстнымъ, или неблаговременнымъ, или ненужнымъ, или не въ своей мѣрѣ дѣлаемымъ. Цѣль его тутъ та, чтобы испортить вкусъ духовный въ различеніи истиннаго добраго отъ мнимаго; пріучить къ принятію своихъ внушеній и породить высокое о себѣ мечтаніе; сколько надѣлано! Между тѣмъ, какъ все то есть пустодѣліе и суета. Грѣшныхъ дѣлъ пока еще не видно; но грѣхи словомъ нерѣдко прорываются; а помысловъ недолжныхъ и еще больше бываетъ. Се — первая вражья прелесть!

Когда успѣетъ онъ кого запутать въ этомъ, и кто втянется въ такой родъ дѣйствованія, тому онъ начинаетъ предлагать грѣшки, кажущіеся безгрѣшными. Кто поддается на это, того доводитъ онъ до грѣховъ, хоть не кажущихся безгрѣшными, но извиняемыхъ по обстоятельствамъ разнымъ, какъ бы позволительныхъ. Кто до этого дойдетъ, тому внушаетъ онъ согрѣшить какимъ либо грѣхомъ, завѣдомо грѣшнымъ, которому и совѣсть поперечитъ, — внушаетъ не всегда грѣшить такимъ грѣхомъ, а только однажды согрѣшить. Кто поддается этому, тотъ попался совсѣмъ въ когти вражіи . . . и сталъ его рабомъ черезъ рабство грѣху. Ибо черезъ это *однажды согрѣшить*, онъ уже не перестанетъ его гнать все дальше и дальше по тому же направленію.

Эту исторію вамъ знать не столько нужно, сколько ту, которая устрояется, когда кто не слушаетъ врага. Тутъ у него свои пріемы. Укажу главнѣйшіе. Когда кто, умудрясь, не даетъ хода помысламъ и позывамъ на добро, кажущимся добрыми, а тотчасъ, или по собственному разсужденію, или по указанію опытнѣйшихъ, отсѣкаетъ ихъ, какъ бы они ни казались красными, и дѣйствуетъ въ семъ родѣ съ такою рѣшительностью, что не предвидится возможности уловить его симъ пріемомъ, тогда врагъ бросаетъ эту уловку, и начинаетъ дѣйствовать совнѣ — черезъ людей, ему подручныхъ. Тутъ пойдутъ льстивыя похвалы, клеветы, осужденія, притѣсненія и всякаго рода непріятности. Вотъ это

и вамъ надо знать и ждать, — и смотрѣть въ оба. Отвратить это не въ нашей власти, но въ нашей власти перехитрить врага. Главное — переносить все, не нарушая любви и мира. Помощникъ Господь. Его надо молить умиротворить наше сердце, и, если благоволитъ, улаживать все и внѣ. Съ своей стороны намъ надо не выпускать изъ вида, откуда и чѣмъ поздвигается буря, — и непріязнь вмѣсто людей направлять на того, кто, стоя позади, поджигаетъ ихъ и заправляетъ всѣмъ ходомъ. Когда и этотъ пріемъ не даетъ желаемыхъ плодовъ, тогда врагъ начинаетъ дѣйствовать своею персоною, тоже совнѣ — строя разныя причуды, то страшныя, то обольстительныя. Когда и эти уловки окажутся тщетными, тогда врагъ, наконецъ, отступаетъ, не смѣя приблизиться. Поодаль ходитъ и издали подсматриваетъ, не допустится ли какая оплошность, и не откроется ли такимъ образомъ ему возможность — сдѣлать снова нападеніе по какому-либо пріему. Но совсѣмъ онъ ни отъ кого не отступаетъ до самой смерти. Даже по смерти порывается что-нибудь сгородить, на мытарствахъ.

Прочитавши это, не подумайте: вотъ какіе страхи! Но страшиться тутъ совсѣмъ нечего, ибо врагъ никакой силы не имѣетъ противъ воли столкнуть насъ на зло. Онъ только разныя уловки употребляетъ, чтобы мы, обманувшись его призрачными представленіями и внушеніями, почли худое хорошимъ и учинили худое, полагая, что дѣлаемъ доброе. Вниманіе и молитва, какъ я сказалъ, дѣлаютъ всѣ его козни бездѣльными. Господь своихъ никогда не оставляетъ, — и Ангелъ Хранитель близъ, — который, какъ только увидитъ, что соблазняемый изъявляетъ несогласіе на соблазнъ и противится ему, тотчасъ немилостиво прогоняетъ врага» (Стр. 393—396).

»У васъ слезы. Добрѣ. Се благодать Божія. Вы ихъ не размолаживайте, а поддерживайте. Отъ слезъ душа мягкою становится, какъ земля рыхлою отъ дождя. Читайте слово св. Лѣствичника о плачѣ. Тамъ разъяснено, какого рода бываютъ слезы и какъ держать настоящія слезы, — въ чемъ и для себя найдете уроки» (Стр. 396).

»Шла у васъ рѣчь съ одною старицею о трудахъ дѣятельныхъ. Обѣ вы согласны, что надо не жалѣя себя трудиться по установленному порядку. Доведу вашу рѣчь до конца: одною дѣятельною жизнью ограничиваться нельзя; надо при семъ вести и умозрительныя занятія, чтобы ими держать неослабно въ своемъ чинѣ и внутренній строй. Надо непремѣнно соединять съ дѣяніемъ умозрѣніе, и съ умозрѣніемъ дѣяніе. То и другое въ связи быстро подвигаетъ душу впередъ, очищая ее отъ худого и укрѣпляя въ добромъ. Посмотрите въ Достопамятныхъ сказаніяхъ — Авву Іоанна Колова и Авву Пимена» (Стр. 401).

»Вы укоряете себя въ нерадѣніи, забвеніи, лѣности, нетерпѣніи, непостоянствѣ. — Хорошо, что вы стали это замѣчать. Внутреннее око ваше изощряется. Присматривайтесь позорчѣе, и увидите многое другое, чего теперь не видите. Вотъ вамъ и начатки самопознанія, о которомъ вы молились. Настоящее самопознаніе есть ясновидѣніе своихъ недостатковъ и немощей, въ такой мѣрѣ, что ими переполнено все. И поставьте такую замѣтку, что чѣмъ болѣе видите себя неисправною и достойною всякаго укора, тѣмъ болѣе вы подвигаетесь впередъ. Такъ благословляйте Господа, что Онъ далъ вамъ увидѣть себя такою» (Стр. 402).

»Спрашиваете: какъ углубиться въ созерцаніе своего внутренняго я», — это зачѣмъ? — Стойте вниманіемъ въ сердцѣ, и созерцайте не свое я, а Господа съ благоговѣніемъ и сокрушеніемъ. Вотъ и все. При этомъ легко будете замѣчать все дурное и пустое, исходящее изъ сердца и входящее въ него. Старайтесь всегда поскорѣе прогонять то и возстановлять чистоту своего умнаго богозрѣнія. И больше ничего не требуется. По времени само собою придетъ опытное познаніе всѣхъ своихъ недостатковъ и немощей, которое не дастъ вамъ засматриваться на свое добро» (Стр. 403).

»Что домашнее свое правило немного измѣнили — ничего. Можно и почаще переиначивать его, чтобы нѣкоею въ немъ новизною поддерживать въ силѣ вниманіе и чувство. А то привычка съ одной стороны, не требуя большого вни-

манія, ослабляетъ сосредоточеніе мыслей, съ другой умаляетъ сочувствіе, притупляя вкусъ къ одному и тому же; и наконецъ обращаетъ въ неотложный законъ то, что не можетъ носить сего титла» (Стр. 404).

»Упражняетесь въ навыкновеніи непрестанной молитвы. Добрѣ! Но смотрите, не ограничьтесь одного языка пріученіемъ къ повторенію краткой молитовки. Это будетъ механическое повтореніе молитвы безъ молитвы. Вмѣстѣ съ симъ пріучайтесь держать себя въ страхѣ и благоговѣйствѣ, съ сокрушеніемъ и смиреніемъ. Такъ имѣйте себя,какъ бы вы стояли на судѣ предъ Господомъ, готовымъ изречь послѣднее о васъ рѣшеніе» (Стр. 406).

»Спрашиваете, какъ бы покрѣпче усвоить себѣ таинства нашей святой вѣры. Надобно перевесть ихъ изъ ума и памяти въ сердце, — и крѣпко будетъ: ибо тогда они войдутъ въ глубь вашей духовной жизни, и сорастворятся съ нею, или станутъ едино съ нею . . . Отъ этого такой будетъ плодъ, что васъ никакое возраженіе противъ предметовъ вѣры не будетъ тогда колебать или смущать. Пока у насъ вѣра только умовая, возраженія невѣровъ, входя въ умъ, колеблютъ основы его, и онъ, чувствуя подъ собою почву неспокойною, смущается. А когда догматы сердцемъ восприняты, тогда сколько хочешь возражай кто, возраженія сіи, оставаясь въ головѣ, не могутъ колебать основъ вѣры въ сердцѣ, и умъ, чувствуя себя стоящимъ на прочной основѣ, остается совершенно покойнымъ» (Стр. 406—407).

»Спрашиваете: »пройдетъ ли молитвенная ревность?» Пройдетъ, если будете ревновать только о вычитываніи молитвословій по уставу. Но не пройдетъ, если будете возгрѣвать внутреннюю молитву, а напротивъ, будетъ все разгораться. Когда внутренняя молитва войдетъ въ силу, тогда она станетъ заправляющею молитвословіемъ, будетъ преобладать надъ внѣшнимъ молитвословіемъ, даже поглощать его. Отъ этого ревность молитвенная и будетъ разгораться: ибо тогда рай будетъ въ душѣ. Оставаясь же съ однимъ внѣшнимъ молитвословіемъ, можете охладѣть къ груду молитвенному, — хотя бы вы совершали его со вни-

маніемъ и пониманіемъ: главное — чувства сердца молитвенныя» (Стр. 408).

»Мысли, говорите, улеглись». Какія мысли?! У врага тактика, что когда кто грѣшнымъ помысламъ не даетъ ходу, а тотчасъ ихъ отсѣкаетъ, то онъ отъ нихъ переходитъ къ всѣянію помысловъ пустыхъ и праздныхъ, чтобы отвлечь отъ помышленій духовныхъ, живительныхъ, — а между тѣмъ высматриваетъ, нельзя ли какъ ухитриться сманить и на помыслы страстные. Такъ, можетъ быть, у васъ нехорошіе помыслы улеглись, а пустые все бурлятъ. Въ такомъ случаѣ это половина дѣла. Надо добиваться до конца, — чтобы и простые помыслы не родились въ головѣ» (Тамъ же).

»Относительно умной молитвы держите одну предосторожность, чтобы при непрестанномъ памятованіи о Богѣ не забывать возгрѣвать и благоговѣйный страхъ, — и позывъ падать въ прахъ передъ лицемъ Бога, милостивѣйшаго Отца, но и грознаго Судіи. Частое памятованіе о Богѣ безъ благоговѣинства притупляетъ чувство страха Божія, и черезъ то лишаетъ его того спасительнаго дѣйствія, которое ему принадлежитъ въ кругу духовныхъ движеній, и котораго, кромѣ его, ничто произвесть не можетъ» (Стр. 412).

По поводу новой утраты внутренней теплоты святитель Ѳеофанъ пишетъ своей духовной дочери: »Дали вы себѣ льготу, позволивъ себѣ немного развлечься, а не поостереглись: ни глазъ, ни языка, ни мыслей не берегли. Отъ того теплота ушла, и вы остались пусты. Это никуда не гоже. Поспѣшите же возстановить внутренній строй, достодолжный, или вымолить его: запритесь, — и все только молитесь и читайте о молитвѣ, пока вниманіе не соединится съ Богомъ въ сердцѣ, и тамъ не водворится духъ сокрушенія и умиленія, которымъ собственно и надо опредѣлять, въ своемъ ли вы чинѣ, или выступили изъ него. Вы кажется о вниманіи судите, какъ объ излишней строгости, а оно напротивъ есть корень внутренней духовной жизни. Почему врагъ больше всего противъ него и вооружается, и всеусильно строитъ предъ очами души обольстительные призраки,

и влагаетъ помыслы о льготахъ и развлеченіяхъ. Вотъ онъ и васъ обманулъ . . . Сознайтесь, что охлажденіе и внутреннее нестроеніе по дѣламъ несете, какъ наказаніе. Теплоту духовную Богъ даетъ за труды вниманія къ себѣ предъ лицемъ Его. Что же, выходитъ, вы сдѣлали? Взяли столь драгоцѣнный даръ Божій и выбросили за окно . . . Даруй вамъ, Господи, поскорѣе возсоединиться съ Нимъ, — и затѣмъ уже всегда неотлучно пребывать съ Нимъ, — и сидя и ходя, и въ церкви и дома, и работая и упраздняясь отъ работы. Какой предметъ наиболѣе достоинъ непрерывнаго вниманія и смотрѣнія умнаго, какъ Господь! И извольте воздавать Ему сіе должное предпочтеніе, — и мало-мало свобода, не въ думаніе, большею частью ни о чемъ, пускайтесь, а къ тому устремляйтесь, чтобы неотступнѣе, глубже и пристальнѣе смотрѣть въ лице Господа, всевидящаго и вездѣсущаго, говоря въ себѣ: *взыска Тебе лице мое, Господи, лица Твоего взыщу.* Страхъ Божій, страхъ Божій, страхъ Божій — да не отходитъ отъ сердца!» (Стр. 313—414).

»Спрашиваете, отъ чего бываетъ прелесть при дѣланіи молитвы Іисусовой? — Бываетъ она не отъ ней, а отъ образа совершенія ея, — именно того, который прописанъ въ Добротолюбіи. Тотъ образъ надо проходить съ наставникомъ, знающимъ то дѣло, и на глазахъ его. А кто одинъ возьмется за сіе дѣло, по одному описанію его, тому не миновать прелести. Тамъ описанъ только одинъ внѣшній очеркъ дѣла, а что при этомъ добавляется старцемъ, для восполненія внутренняго при семъ строя, того не видно. Проходящій такое дѣланіе безъ руководителя естественно и остается съ однимъ внѣшнимъ дѣланіемъ, строго исполняетъ, что велѣно относительно положенія тѣла, дыханія и смотрѣнія въ сердце. Какъ такого рода пріемы естественно могутъ доводить до нѣкоей степени сосредоточенія вниманія и теплоты; то онъ, не имѣя при себѣ вѣрнаго опредѣлителя, который бы сказалъ ему, каково достоинство происходящаго въ немъ измѣненія, приходитъ къ мысли, что это и есть то, что онъ ищетъ, т. е. что его осѣнила благодать, тогда какъ ея тутъ еще нѣтъ, и начинаетъ мнить, что имѣетъ

благодать, не имѣя ея. Это и есть прелесть, которая затѣмъ покривитъ и все послѣдующее теченіе его внутренней жизни. Вотъ почему нынѣ у старцевъ видимъ, что они совѣтуютъ совсѣмъ не браться за такіе пріемы, по причинѣ опасности отъ нихъ. Сами по себѣ они не могутъ давать ничего благодатнаго; ибо благодать ничѣмъ внѣшнимъ не вяжется, а нисходитъ только на внутренній строй. Внутренній достодолжный строй и безъ нихъ привлечетъ дѣйство благодати. Этотъ строй есть при молитвѣ Іисусовой ходить въ присутствіи Божіемъ, возгрѣвать чувства благовѣйнства и страха Божія, ни въ чемъ себѣ не поблажать, всегда и во всемъ слушать свою совѣсть и блюсти ее незапятнанною и мирною, и всю жизнь свою — и внутреннюю, и внѣшнюю — предать въ руки Божіи. Изъ сихъ духовныхъ стихій благодать Божія, въ свое время пришедши, сливъ ихъ во едино, возжигаетъ огнь духовный въ сердцѣ, который и служитъ свидѣтелемъ присутствія благодати въ сердцѣ. Симъ путемъ трудно попасть въ мнѣніе. Но и тутъ съ руководителемъ лучше наличнымъ, который бы видѣлъ лице и слышалъ голосъ. Ибо сіи два открываютъ то, что находится внутри» (Стр. 415—416).

»Еще не возвратилось къ вамъ то, что потерялось (теплота сердечная). Сожалѣю о семъ вмѣстѣ съ вами. Но не падайте духомъ. Милостивъ Господь. Будетъ возвращено, если смиренно будете искать, не ропща, что скоро не дается, и не теряя надежды. Надежду надо имѣть на милость Божію, а не на свои труды. Трудиться надо до упаду; а надежду полагать все-же надо въ единой милости Божіей. Хоть на волосокъ опереться надеждою на чемъ-либо своемъ, есть уже уклоненіе отъ праваго пути, и вмѣстѣ препона и задержка къ полученію искомаго. Если вы уединились съ тою мыслію, что вотъ возьмусь за поклоны, за чтеніе, за ночныя стоянія, — и все воротится, — то Господь нарочно подолѣе не даетъ просимаго, пока не испарится надежда на свои труды, чтобы опытомъ научить васъ, что дарованія Его не зависятъ отъ трудовъ вашихъ, хотя и безъ нихъ ничего не получите, но чѣмъ болѣе и усерднѣе будете тру-

диться, тѣмъ скорѣе возвращено будетъ вамъ желаемое — потерянное . . .

Видите теперь, какой нѣжный цвѣтокъ внутренняя духовная теплота. Се воистину — не тронь меня. Увидѣвъ же это, полагайте намѣреніе блюсти ее въ дальнѣйшемъ со всею бдительностью, когда Господу угодно будетъ возвратить ее вамъ. Теперь это трудно, а если въ другой разъ оплошаете, еще труднѣе будетъ. *Блюдите убо, како опасно ходите.*» (Стр. 419—420).

»Я, кажется, уже писалъ вамъ, и еще повторяю, что претерпѣваемое вами отступленіе благодати не есть наказательное, а научительное. Въ наказательномъ благодать совсѣмъ отступаетъ; а въ научительномъ она только скрывается, хотя присуща: потребной помощи не лишаетъ, а утѣшенія свои отнимаетъ или не подаетъ. Вотъ это есть у васъ. Для васъ Господь почелъ нужнымъ такъ сдѣлать. Но смилуется, и опять начнетъ милостиво подавать вамъ утѣшенія. Утѣшенія не существенно необходимы. Существенно необходима помощь; а она видимо при васъ. Потерпите еще немного, воротится и утѣшеніе. Тяжело, говорите. Иначе-то какъ же! Намъ ко Кресту Господню надо привиться. А ко кресту какъ привиться? Крестомъ же, или тяжелою, какъ крестъ Его, скорбностью. Труды ваши тоже суть прискорбности. Но какъ прежде утѣшенія благодати отнимали у нихъ тяжесть и прискорбность, чувство чего потребно для привитія ко кресту Господню, то теперь и дается вамъ это восчувствовать чрезъ отступленіе благодати. Крестъ и прежде на васъ былъ, но вы не чувствовали его, какъ будто онъ несенъ былъ за васъ чужою рукою. Теперь же ему оставлено лежать на васъ всею своею тяжестію, — онъ взваленъ на васъ однихъ. И пришлось кряхтѣть. Кряхтѣть, кряхтите; но все же несите благодушно. Господь близъ, — и помогаетъ. Еще немножко. Онъ и утѣшеніе возвратитъ.» (Стр. 421).

»Доискиваетесь, отчего дѣло возстанія идетъ такъ долго. Вотъ я вамъ сказалъ: отъ того, что это потребно для вашего воспитанія духовнаго. Но ищите. Можетъ быть, и

еще что найдете смирительнаго свойства. Не помечтали-ль когда: вотъ нашла дорогу, — объятія Отчи чувствую — много при этомъ приписывая своимъ трудамъ и лишеніямъ . . . Можетъ быть, когда разсѣялись, подумали: ну, немножко поутѣшусь, дамъ себѣ волю, а тамъ опять за дѣло; мнѣ, вѣдь, стоитъ только взяться, и все пойдетъ добрѣ, со всѣми радостями жизни о Господѣ . . . Если что изъ сказаннаго сознаете за собою, кайтесь и впередъ задумывайте, — никакъ не позволять себѣ думать такъ. Предайте себя всецѣло Господу, изъявляя готовность — благодушно и радостно принимать все, что благоугодно будетъ Ему послать вамъ, и внѣшно и внутренно.» (Стр. 422).

»Домашнее правило ваше хорошо особенно тѣмъ, что много дастъ простора своей молитвѣ, умовой и сердечной, къ Господу и Святымъ Его. Чѣмъ больше этого въ домашней молитвѣ, тѣмъ лучше. Въ церкви по необходимости положены молитвы читаемыя; но и тамъ дается мѣсто и руководство своеличной молитвѣ. Такое значеніе имѣютъ эктеніи . . . Но все же въ церкви больше читаемыхъ молитвъ, чѣмъ своихъ. А въ домашней молитвѣ умѣстно имѣть болѣе своихъ, умно-сердечныхъ моленій. У васъ такъ и есть. И добрѣ. Можете еще увеличить число своихъ и сократить число читаемыхъ молитвъ, или по временамъ такъ дѣлать. Впрочемъ, и читаемая молитва, съ мыслью и чувствомъ возносимая, есть тоже, что своя. Замѣтьте еще, что не должно пристращаться къ молитвеннымъ правиламъ, а относиться къ нимъ съ полною свободою. Лучше ихъ измѣнять въ частяхъ, или совсѣмъ новыя составлять, изъ опасенія, какъ бы молитва не обратилась въ форму.» (Стр. 423—424).

»Пишете, что иногда во время молитвы сами собою незнать откуда приходятъ рѣшенія занимающихъ душу вопросовъ жизни духовной. Се добрѣ! Я кажется вамъ объ этомъ уже писалъ. Это есть настоящее христіанское ученіе истинѣ Божіей Тутъ исполняется обѣтованіе: *будутъ вси научены Богомъ.* Такъ это и бываетъ. Перстомъ Бо-

жіимъ пишутся истины въ сердцѣ, — и остаются уже неизгладимыми и никакому колебанію не подлежатъ. Не извольте оставлять безъ вниманія такихъ начертаній истины Божіей, а записывайте ихъ.» (Стр. 424).

Послѣднее, заключительное письмо святителя Ѳеофана къ его духовной дочери какъ-бы подводитъ итогъ всѣмъ его предыдущимъ письмамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей ея духовной работѣ, всему ея молитвенному дѣланію подъ руководствомъ святителя. Работа эта началась уясненіемъ понятія объ Іисусовой молитвѣ и обязательности Іисусовой молитвы не только для монаховъ, но и для мірянъ. Въ рядѣ писемъ Епископъ Ѳеофанъ внимательно слѣдитъ за духовнымъ состояніемъ своей духовной дочери, учитъ ее, какъ совершать домашнее молитвенное правило, какъ наблюдать за своими внутренними переживаніями, разбираться въ помыслахъ и вести съ ними борьбу. Онъ отмѣчаетъ происходящую въ ней смѣну духовнаго подъема и духовнаго упадка, и объясняетъ причины этой смѣны. Онъ указываетъ ей значеніе Божіей благодати въ дѣлѣ спасенія, которое совершается не нашими усиліями, а Божіей благодатной помощью при условіи преданія нами себя въ волю Божію. Наконецъ, онъ отмѣчаетъ и происходящее въ ней пріобрѣтеніе ею духовнаго опыта и ея духовный ростъ. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ онъ радуется благодатному состоянію ея души и преподаетъ ей свои послѣднія предостереженія. »Все письмо ваше, пишетъ онъ ей, свидѣтельствуетъ объ обрадованномъ состояніи души вашей. Радуетесь милости Божіей къ вамъ, но вмѣстѣ и страшитесь. Выходитъ, вы опытомъ изучили ту истину, что *работать Господу* подобаетъ *со страхомъ, и радоваться Ему съ трепетомъ*. То и другое надо держать, и неразлучно, чтобы какъ радости не допустить до *спустя рукава*, такъ и страха — до подавленія всякой страды. Слѣдуетъ держать себя въ крайнемъ благоговѣйствѣ предъ Богомъ, яко Отцемъ многомилостивымъ и многопопечительнымъ о насъ, но вмѣстѣ и строгимъ безъ малѣйшей поблажки. Страхъ, не ушло бы опять все, теперь у васъ въ

порядкѣ вещей. По его дѣйствію изъявляете желаніе и готовность на средства, какъ бы уберечь. Но не думаете ли вы сами—одни въ этомъ успѣть? За одно это думаніе можетъ быть опять взято все. Напрягайтесь всячески уберечь; но самое убереженіе предайте въ руки Господу. Не будете трудиться, — Господь не станетъ за васъ беречь. Обопретесь надеждою на свои усилія и труды, — Господь отступитъ, какъ сочтенный вами ненужнымъ, — и опять васъ встрѣтитъ та же бѣда. Трудитесь до упада, напрягайте силы до послѣдней степени; но самого дѣла убереженія все-таки ожидайте отъ одного Господа. Ни того, ни другого не должно ослабять, ни труда и усилія, ни упованія на единаго Господа. Одно другое пусть подкрѣпляетъ, — и изъ обоихъ сложится крѣпкая ограда. Господь всегда хочетъ намъ всего самаго спасительнаго, и готовъ даровать намъ его во всякое время, ожидаетъ только нашей готовности или способности — принять. Почему вопросъ: какъ умудриться, чтобы сохранить, обращается въ другой: какъ умудриться, чтобы содержать себя въ готовности всегда принимать готовую внити въ насъ охранительную силу отъ Господа? А это какъ? Сознать себя пустою, ничего не содержащею, пустымъ сосудомъ; къ сему присоединять сознаніе безсилія — самой наполнить пустоту сію, увѣнчать сіе увѣренностію, что сдѣлать сіе можетъ только Господь, и не только можетъ, но и хощетъ, и знаетъ какъ; и затѣмъ, стоя умомъ въ сердцѣ, вопіять: имиже вѣси судьбами благоустрой мя, Господи, съ непоколебимымъ упованіемъ, что и благоустроитъ, не дастъ въ смятеніе ногъ вашихъ. Вы въ восхищеніи отъ возвратившагося утѣшительнаго благонастроенія. Этому естественно быть. Но поостерегитесь при этомъ пускаться въ мечтательныя гаданія. »А! Такъ вотъ оно! вотъ оно въ чемъ и какъ, а я не знала!» Это вражій помыслъ, оставляющій за собою пустоту, или вводящій въ нее. Все надо одно твердить: Слава Тебѣ, Господи! Прибавляя: Боже, милостивъ буди! Если остановитесь на такомъ помыслѣ, то къ нему тотчасъ приплетутся воспоминанія, какъ трудились

и бились, что дѣлали и чего удалялись, при какихъ вашихъ положеніяхъ благонастроеніе показывалось и отходило, при какихъ осталось и установилось. И затѣмъ послѣдуетъ рѣшеніе: такъ — я всегда такъ буду дѣлать. И впадете вы въ мечтательное самомнѣніе, что наконецъ секретъ духовнаго благонастроенія открытъ, — и въ вашихъ рукахъ. Въ слѣдующую же молитву обличится вся лживость подобныхъ мечтаній, — молитва будетъ пуста, не тверда и малоутѣшительна. Утѣшеніе будетъ только отъ воспоминанія о предыдущемъ бодромъ состояніи, а не отъ обладанія имъ. И придется вздохнуть, и осудить себя. А если не умудрится на это душа, то лживое настроеніе продлится, и благодать опять отстранится. Ибо такое мечтательное настроеніе показываетъ, что душа опять оперлась на свои труды, а не на милость Божію. Благодать всегда благодать, и ни къ какому труду не привязана. Кто привязываетъ ее къ труду, тотъ за это самое можетъ лишиться ея. Затвердите это хорошенько. Научительныя отступленія благодати направлены именно къ тому, чтобы пособить затвердить сей спасительный урокъ.» (Стр. 425—427).

Вышеизображенную общую картину внутренней духовной молитвенной жизни дѣлателя Іисусовой молитвы дополнимъ отдѣльными подробностями изъ писемъ Еп. Ѳеофана къ другимъ лицамъ.

»Хорошо трудиться въ молитвѣ Іисусовой, пишетъ Епископъ одному иноку, но не нужно забывать, что дѣло не въ словахъ и не въ количествѣ молитвъ Іисусовыхъ, а въ навыкѣ быть всегда въ памяти Господа. Количество хорошо выдерживать, чтобы не разлѣниться, но главное, чтобы при семъ мысли и чувства были святыя. Плодъ молитвы — главный — *не теплота и сладость*, а *страхъ Божій и сокрушеніе*. Ихъ постоянно надо возгрѣвать, и съ ними жить, и ими дышать.»

»Храните память Божію и память смертную. Отъ нихъ страхъ Божій будетъ въ силѣ. Отъ страха Божія — вниманіе къ себѣ и всѣмъ дѣламъ своимъ, мыслямъ и чувствамъ. Отъ сего трезвенная, благоговѣйная жизнь. Отъ

сея — страстей подавленіе. Отъ сего — чистота. Отъ чистоты — съ Богомъ пребываніе не мыслями только, но и чувствомъ.»

»Молитва духовная не зависитъ отъ тѣлеснаго какоголибо напряженія, какъ напримѣръ, натиска вниманіемъ къ сердцу, или стѣсненія дыханія и подобное. Начинать ее надо поставленіемъ себя въ присутствіе Господа, и затѣмъ, предавъ себя всего Господу, и одушевляясь вѣрою и упованіемъ, обращать къ Нему молитву свою просто, подѣтски. Чувства при семъ, какія Богъ пошлетъ, тѣми и довольствоваться. Дѣло духовное — не въ восторгахъ: самое лучшее его проявленіе есть »духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно».

»Надо различать только чувства, въ нравъ входящія, и чувства мимолетныя — пришли и ушли. Пока не умерщвлены въ конецъ страсти, дурныя мысли, чувства, движенія и замышленія не прекратятся. Умаляются по мѣрѣ умаленія страстей. Источникъ ихъ — страстная половина наша. Вотъ сюда все вниманіе и обратить надо. Есть одно воспитательное средство. Память о Господѣ непрестанная съ молитвою къ Нему. Старцы Божіи умѣли этимъ отгонять все дурное и удерживать себя въ добромъ строѣ. Навыкъ молитвѣ Іисусовой есть внѣшняя сторона того орудія. Въ существѣ это то же, что домосѣдство. Сознаніемъ въ сердцѣ быть съ Господомъ, призываніе Котораго прогоняетъ все дрянное. Прочитайте Исихія — о трезвеніи. Трудъ и постоянство въ трудѣ однообразномъ все преодолѣваетъ». (Сборн. о молитвѣ Іисусовой. § 251).

»Молитва Іисусова, съ вѣрою въ простотѣ сердца совершаемая, всегда душеспасительна. Вреднымъ можетъ оказаться художество (т. е. искусственные пріемы), какое съ нею соединяютъ. Отъ этого остерегать надо. Можно не вдругъ на молитву эту налегать, а сначала всякій пусть навыкаетъ молиться *отъ сердца* положенными молитвами, и молитвами въ церкви. Потомъ, когда начнетъ углубляться въ молитву, можно предложить ему творить молитву Іисусову непрестанно, и при семъ блюсти память Божію со

страхомъ и благоговѣніемъ, но прибавляйте, что домъ молитвы — чистое сердце и совѣсть спокойная, и ревнованіе о всякой добродѣтели и засѣмененіи ихъ въ сердцѣ.»

»То, чего должно искать въ молитвѣ, это есть водруженіе въ сердцѣ тихаго, но теплаго чувства къ Богу неотходнаго: восторговъ же и особенныхъ движеній не домогаться, а когда Богъ пошлетъ особенныя молитвенныя чувства, благодарить за нихъ, а не присвоять себѣ, и не жалѣть, когда отойдутъ, какъ бы о потерѣ какой великой, и всегда отъ нихъ смиренно нисходить къ тихому чувству къ Господу!»

»Вы думаеге, что напрасно трудитесь надъ молитвою Іисусовою. Но не думаете ли вы, что въ словахъ вся сила? Слова — пособіе немощному уму, который неохотно стоитъ на одномъ мѣстѣ и на одномъ предметѣ. А существо всего дѣла: умное стояніе предъ лицемъ Господа со страхомъ и трепетомъ, непрестанное, неотходное, сопровождаемое теплотою сердца, стягивающее во едино всѣ мысли и чувства и расположенія. Облеките это стояніе въ форму слова, и будетъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго (грѣшную)!»

»Новоначальные должны помнить, что молитва — безъ умнаго и сердечнаго обращенія къ Богу — не молитва. Молитву же пусть совершаютъ сначала по молитвеннику, готовыми молитвами, чтобы усвоить себѣ и мысли и чувства и слова молитвенныя. Когда учитель замѣтитъ, что они достаточно въ этомъ успѣли, тогда пусть укажетъ имъ, какъ молиться не чужими, а своими словами, свои личныя духовныя потребности возносить молитвенно къ Богу, и молить Его быть милостивымъ къ нимъ и помочь имъ. Въ это же время можно предлагать имъ молитву коротенькими молитовками изъ 24-хъ молитовокъ Златоуста, или изъ псалмовъ и другихъ молитвъ церковныхъ. Наконецъ, можно имъ преподать урокъ и молитвы Іисусовой, не обставляя ее никакими внѣшними пріемами, и одно только внушая — износить сію молитву изъ сердца.»

»Если обращеніе ума и сердца къ Богу есть молитва, то молитва составляетъ душу дѣятельной жизни въ ея долж-

номъ строѣ и направленіи. Но молитва имѣетъ и свою особую, исключительно ей принадлежащую часть въ жизни, гдѣ она одна царствуетъ. Это молитвенный подвигъ. Начинается онъ усвоеніемъ чужихъ молитвъ, оставленныхъ намъ богомудрыми отцами: когда такимъ образомъ воспитается духъ молитвенный, молитва начинаетъ восходить на степень молитвы своеличной, гдѣ она проходитъ новыя степени, изъ которыхъ первая есть молитва умная, вторая — умно-сердечная, третья — духовная или созерцательная. Жизнь въ Богѣ цѣлая жизнь; она же и существо молитвы. Слѣдовательно, правый путь восхожденія по степенямъ молиты есть правый путь восхожденія къ Богообщенію, или что то же, есть правый мистицизмъ. Уклоненіе отъ праваго восхожденія молитвы къ совершенству есть вмѣстѣ и уклоненіе въ ложный мистицизмъ. Не трудно замѣтить мѣсто этому уклоненію, или первую точку отправленія въ уклоненіе; это переходъ отъ словесной молитвы къ молитвѣ своеличной, иначе, переходъ отъ внѣшняго молитвословія къ внутреннему, умному. Удалить отъ этой точки заблужденіе будетъ значить удалить уклоненіе въ ложный мистицизмъ. Уклоненіе въ ложный мистицизмъ у отцевъ, подвижниковъ трезвенныхъ, называется уклоненіемъ въ прелесть. Мы видѣли эти уклоненія отъ правоты на пути движенія отъ внѣ внутрь (Симеона Новаго Богослова: »Три образа вниманія и молитвы»). Одни застрявають на воображеніи, другіе останавливаютя на умноголовномъ дѣланіи. Истинный шагъ дѣлаютъ тѣ, которые, минуя эти станціи, проходятъ до сердца и укрываются въ немъ. Но и здѣсь еще возможно заблужденіе, потому что часть умно-сердечной молитвы есть самодѣльная, трудовая; а гдѣ мы, тамъ всегда есть возможность впаденія въ прелесть, точно также, какъ и въ грѣхъ. Безопасность начинается, когда утвердится въ сердцѣ чистая и непарительная молитва, которая есть знаменіе осѣненія сердца осязательною благодатію, ибо тутъ образуются чувства, обученныя въ разсужденіи добра и зла. И такъ, съ самаго начала отъ внѣ внутрь до сего блаженнаго момента воз-

можно уклоненіе въ ложный мистицизмъ. Какъ же избѣжать этого несчастія? У отцевъ для этого указывается одинъ способъ: не оставайся одинъ, имѣй опытнаго совѣтника и руководителя. Если нѣтъ его, сойдитесь двое-трое и руководитесь взаимно при свѣтѣ отеческихъ писаній. Другого пути къ избѣжанію мистицизма я не знаю, кромѣ развѣ особаго благодатнаго руководства, котораго сподобились немногіе избранники Божіи.» (Письма о дух. жизни Еп. Ѳ. Стр. 232 и др.).

»Вниманіе къ тому, что бываетъ въ сердцѣ и исходитъ изъ него — есть главное дѣло въ христіанской исправной жизни. Этимъ и внутреннее и внѣшнее приводится въ должный порядокъ. Но ко вниманію всегда должно прилагать *разсужденіе*, чтобы обслѣдовать, какъ должно, происходящее внутри и требуемое внѣшностью. Безъ разсужденія и вниманіе ни къ чему.» (Сборникъ о мол. Іисусовой § 57).

»Во всякое дѣло нужно влагать сердце богобоязненное. Чтобы сердце было въ состояніи богобоязненности, надобно, чтобы его непрестанно осѣняло помышленіе о Богѣ. Помышленіе о Богѣ будетъ дверь, черезъ которую входить будетъ душа въ дѣятельную жизнь. Весь трудъ теперь долженъ быть обращенъ на то, чтобы непрестанно помышлять о Богѣ, или быть въ присутствіи Божіемъ . . . Богъ вездѣ есть; дѣлай, чтобы и мысль твоя всюду была съ Богомъ. Какъ же сдѣлать? Мысли толкутся, какъ комары въ своихъ столбикахъ, а надъ мыслями и чувства сердца. Чтобы прилѣпить мысль къ единому, старцы имѣли обычай навыкать непрерывному произношенію коротенькой молитовки, отъ навыка и частого повторенія молитовка эта такъ навязывалась на языкъ, что онъ самъ собою повторялъ ее. Чрезъ это и мысль прилѣплялась къ молитвѣ, а чрезъ нее и къ помышленію о Богѣ непрестанному. Послѣ навыка молитва связывала память о Богѣ, а память о Богѣ молитву; и они взаимно себя поддерживали. Вотъ и хожденіе предъ Богомъ. Умная молитва есть, когда кто, утвердившись вниманіемъ въ сердцѣ, оттуда розноситъ къ

Богу молитву. Умное же дѣланіе есть, когда кто, стоя вниманіемъ въ сердцѣ, съ памятію о Господѣ, отрываетъ всякую другую мысль, покушающуюся проникнуть въ сердце.» (Сборникъ о мол. Іисусовой. § 58).

»Велика сила Іисусовой молитвы, по изображенію св. Отцовъ. А между тѣмъ, на дѣлѣ видимъ, что не всѣ, имѣющіе навыкъ къ ней, причастны этой силѣ, не всѣ вкушаютъ отъ плодовъ ея. Отчего это? Отъ того, что сами хотятъ забрать въ свое владѣніе то, что принадлежитъ дарованію Божію и есть дѣло благодати Господней. Начать повторять эту молитву утромъ, вечеромъ, ходя, сидя и лежа, за дѣломъ и на досугѣ, есть наше дѣло. На это не требуется особой помощи Божіей . . . Можетъ послѣдовать за этимъ и нѣкое умиреніе помысловъ, и даже своего рода сердечная теплота, но все это будетъ дѣло и плодъ нашихъ усилій . . . Будешь думать, что имѣешь, тогда какъ ровно ничего не имѣешь . . . Это случается съ тѣми, у кого не раскрывается сознаніе того, въ чемъ существо молитвы . . . Но у кого сознаніе раскроется, тотъ видя, что сколько ни усиливается дѣйствовать по старческимъ указаніямъ, все ожидаемаго плода не обнаруживается, пресѣкаетъ всякое ожиданіе плода отъ однаго своего усилія, и все упованіе возлагаетъ на Бога. Когда это образуется, тогда открывается возможность и благодатному воздѣйствію: приходитъ благодать въ моментъ ей одной вѣдомый и прививаетъ молитву ту къ сердцу. Тогда, какъ говорятъ старцы, все тоже будетъ по внѣшнему порядку, но не тоже по внутренней силѣ.» (Сб. о мол. Іис. § 67).

»Отличительной чертой состоянія, когда раскрывается царствіе Божіе внутрь, или, что то же, когда затепливается неотходный духовный огонь въ сердцѣ по отношенію къ Богу, есть *внутрь-пребываніе*. Сознаніе все сосредоточивается въ сердцѣ и стоитъ передъ лицемъ Господа, изливая предъ Нимъ свои чувства, болѣе же всего болѣзненно припадая къ Нему въ смиренныхъ чувствахъ покаянія, съ сознающей готовностью весь животъ свой посвящать на служеніе Ему единому. Такой строй устанавливается

каждодневно, съ минуты пробужденія отъ сна, держится весь день, при всѣхъ трудахъ и занятіяхъ, и не отходитъ, пока сонъ не смѣжитъ очи. Вмѣстѣ съ образованіемъ такого строя, прекращается все нестроеніе, которое качествовало внутри до этого момента, въ періодъ исканія. Неудержимое броженіе мыслей прекращается, атмосфера души становится чистою и безоблачною: стоитъ одна память и мысль о Господѣ. Отсюда *свѣтлость* во всемъ внутреннемъ. Все тамъ ясно, всякое движеніе замѣчается и достойно оцѣнивается при умномъ свѣтѣ, исходящемъ отъ лица Господа созерцаемаго. Вслѣдствіе сего, всякій недобрый помыслъ и недоброе чувство, приражающіеся къ сердцу, въ самомъ зародышѣ встрѣчаютъ сопротивленіе, и прогоняются. Если же противъ воли проскользнетъ что либо противное, тотчасъ смиренно исповѣдуется Господу и очищается внутреннимъ покаяніемъ или внѣшнимъ исповѣданіемъ, такъ что совѣсть всегда хранится чистою предъ Господомъ. Въ награду за весь такой внутренній трудъ подается дерзновеніе къ Богу въ молитвѣ, которая и теплится непрестанно въ сердцѣ. Теплота молитвы непрестанная есть духъ этой жизни, такъ что, съ прекращеніемъ сего тепленія прекращается и движеніе духовной жизни, какъ съ прекращеніемъ дыханія прекращается жизнь тѣлесная.» (Сборн. о мол. Іисус. § 68).

»Все сказанное есть только начало новой степени, или новаго періода христіанской жизни. Отселѣ пойдетъ преображеніе души и тѣла по духу жизни о Христѣ Іисусѣ, или ихъ одухотвореніе. Возобладавъ надъ собою, человѣкъ начнетъ влагать въ себя все истинное, евятое и чистое, и изгонять все ложное, грѣховное и плотское. И доселѣ онъ трудился надъ тѣмъ же, но поминутно былъ окрадываемъ . . Теперь не то. Человѣкъ сталъ твердою ногою и, не поддаваясь противностямъ, ведетъ цѣлесообразно свое созиданіе. Воспринимается, по словамъ Варсонофія, огнь, который вовреще на землю пришелъ Господь, — и въ этомъ огнѣ начинаютъ перегорать всѣ силы естества человѣческаго Если долгимъ треніемъ возбудите вы

огнь и вложите его въ дрова, — дрова загорятся и, горя, будутъ издавать трескъ и дымъ, пока перегорятъ. Перегорѣвшія же являются проникнутыми огнемъ, издавая пріятный свѣтъ, безъ дыма и треска. Точь въ точь подобное же происходитъ и внутри. Огнь воспринятъ, начинается перегораніе. Сколько при этомъ дыма и треска — знаютъ испытавшіе. Но когда все перегоритъ, — дымъ и трескъ прекращаются, и внутри качествуетъ только свѣтъ. Состояніе это есть состояніе чистоты, до него долгій путь. Но Господь многомилостивъ и всесиленъ . . . Очевидно, что тому, кто воспринялъ огнь ощутительнаго общенія съ Господомъ, предлежитъ не покой, а трудъ многій, но трудъ сладкій и плодный; доселѣ же онъ былъ и горекъ и малоплоденъ, если не совсѣмъ безплоденъ.» (Сб. о мол. Іисус. § 69).

»Теплота сердечная, или горѣніе духа, о коихъ было говорено, приходятъ непрерывнымъ дѣланіемъ Іисусовой молитвы. Чѣмъ усерднѣе потрудишься, тѣмъ скорѣе молитва эта привьется къ сердцу. Чѣмъ болѣе внѣдряется въ сердце молитва Іисусова, тѣмъ болѣе согрѣвается сердце, и тѣмъ самодвижнѣе становится молитва, такъ что огнь жизни духовной въ сердцѣ возгорается, и горѣніе ея становится непрестаннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ молитва Іисусова займетъ все сердце и станетъ непрестанно движущеюся. Оттого получившіе зарожденіе совершенной внутренней жизни почти исключительно молятся этою молитвою, опредѣляя ею свое молитвенное правило.» (Сб. о мол. Іисусовой, § 70).

»Вѣрнымъ признакомъ подвига и вмѣстѣ условіемъ преуспѣянія чрезъ него является приболѣзненность (о чемъ мы уже говорили въ одной изъ прежнихъ бесѣдъ). Неболѣзненно шествующій не получитъ плода. Болѣзнь сердечная и тѣлесный трудъ приводятъ въ явленіе даръ Духа Святаго, подаемый всякому вѣрующему во св. крещеніи, который нашимъ нерадѣніемъ объ исполненіи заповѣдей погребается въ страстяхъ, по неизреченной же милости Божіей опять воскрешается въ покаяніи. Не отступай же отъ трудовъ

изъ-за болѣзненности ихъ, чтобы не быть тебѣ осуждену за безплодіе и не услышать: *возьмите отъ него талантъ*. Всякій подвигъ, тѣлесный или душевный, не сопровождаемый болѣзненностью, и не требующій труда, не приноситъ плода: »*Царствіе Божіе нудится, и нуждницы восхищаютъ е*» (Ме. 11: 12). Многіе много лѣтъ неболѣзненно трудились, но ради безболѣзненности этой были и суть чужды чистоты, и непричастны Духа Святаго, какъ отвергшіе лютость болѣзней. Въ небреженіи и разслабленіи дѣлающіе трудятся будто и много, но никакого не пожинаютъ плода, по причинѣ безболѣзненности. Если, по пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши отъ постныхъ трудовъ, и если мы не водрузимъ въ сердцѣ болѣзненныхъ чувствъ сокрушенія, и не возболѣзнуемъ какъ рождающая, то не возможемъ родить духъ спасенія на землѣ сердца нашего.» (Сб. о мол. 1. § 73).

»Не забывайте, что не должно ограничиваться однимъ механическимъ повтореніемъ словъ молитвы Іисусовой. Это ни къ чему не приведетъ, кромѣ механическаго навыка повторять сію молитву языкомъ, даже не думая о томъ. И это конечно не худо. Но составляетъ самую дальнюю внѣшнюю окраину сего дѣла. Суть дѣла — сознательное стояніе въ присутствіи Господа со страхомъ, вѣрою и любовію. Это настроеніе возможно и безъ словъ. Его и надобно возстановлять въ сердцѣ прежде всего. Слова же потомъ будутъ идти, чтобъ удержать на этомъ одномъ вниманіе и углубить тѣ чувства и расположенія.» (Сборн. о мол. Іисус. § 78).

»*Память Божія* — присная спутница благодатнаго состоянія . . . Память Божія праздной не бываетъ, но непремѣнно вводитъ въ *созерцаніе совершенствъ* Божіихъ, и Божіихъ дѣлъ: благости, правды, творенія, промышленія, искупленія, суда и воздаянія . . . Все сіе въ совокупности есть міръ Божій или область духовная. Ревнующій неисходно пребываетъ въ сей области. Таково ужъ свойство ревности. Отсюда обратно: пребываніе въ сей области поддерживаетъ и живитъ ревность . . . Желаете соблюсти

ревность? Держите все прописанное настроеніе . . . И все добрѣ пойдетъ. Изъ совокупности такихъ духовныхъ движеній исходитъ *страхъ Божій*, благоговѣйное стояніе предъ Богомъ въ сердцѣ. Се стражъ и охрана благодатнаго состоянія.» (Сборн. о мол. I. § 88).

»Усердно исполняя правило, трезвость ума и теплоту сердца храните. Послѣднюю, когда начнетъ умаляться, возгрѣвать спѣшите, твердо вѣдая, что, коль скоро ея не станетъ, это значитъ, что большая половина пути къ отступленію отъ Бога пройдена. Страхъ Божій есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты. Но и смиреніе нужно, и терпѣніе, и вѣрность правиламъ, и паче всего трезвеніе. Внимайте себѣ, Господа ради. Тревожьте себя всячески, чтобъ не заснуть, или, задремавши, пробудиться.» (Сб. о мол. I. § 89).

»Какъ возгрѣвали въ себѣ духъ молитвенный и утверждались въ молитвѣ подвижники, отцы и учители наши? Главное, чего они искали, состояло въ томъ, чтобы сердце горѣло къ единому Господу безпрестанно. Богъ требуетъ сердца, потому что въ немъ исходище жизни. Гдѣ сердце, тамъ сознаніе, вниманіе и умъ, тамъ вся душа. Когда сердце въ Богѣ, тогда и вся душа въ Богѣ, и предстоитъ человѣкъ въ непрестанномъ поклоненіи Ему духомъ и истиною. Это главное иными достигалось скоро и легко . . . Но у другихъ все дѣло идетъ вяло. Строй ли ихъ естественный такой, или другія о нихъ намѣренія Божіи, только сердце ихъ не скоро согрѣвается. Казалось бы, они ужъ навыкли всѣмъ дѣламъ благочестія, и жизнь у нихъ идетъ праведно; а нѣтъ, — на сердцѣ все не то, чему бы слѣдовало быть. Такъ бываетъ не только съ мірянами, но и съ живущими въ обителяхъ, и даже съ отшельниками.» (Сборн. омол. Іисусовой, § 95).

»Изъ опытовъ въ духовной жизни можно вывесть весьма вѣрное заключеніе, что у кого есть усердіе молиться, того нечего учить, какъ усовершенствоваться въ молитвѣ. Самый трудъ молитвенный, съ терпѣніемъ продолжаемый, доведетъ его и до высшихъ степеней молитвы. Но что дѣ-

лать немощнымъ, вялымъ и особенно тѣмъ, которые прежде чѣмъ дошли до разумѣнія, какова должна быть молитва, успѣли затвердѣть во внѣшней формальности и охладѣли въ навыкновеніи порядкамъ уставнаго молитвословія? Имъ остается еще прибѣжище — художественное дѣланіе умной молитвы ко Господу. И не для нихъ ли преимущественно и изобрѣтено это художественное дѣланіе, или, иначе, искусственное привитіе къ сердцу умной молитвы Іисусовой?» (Сб. о мол. Іисусовой, § 96).

»Кромѣ (т. е. помимо, внѣ) дѣятельной умной молитвы, никто не можетъ избѣжать дѣйствія страстей и сложенія лукавыхъ помысловъ, за которые будутъ истязаны въ часъ смерти и дадутъ отвѣтъ на страшномъ судѣ.» (Сборникъ о мол. Іисусовой, § 97).

Отъ чего бываетъ охлажденіе въ молитвѣ? »Охлажденіе бываетъ вотъ какъ: начинается *забвеніемъ* . . . Забываются благодѣянія Божіи, и Самъ Богъ, и свое въ Немъ спасеніе, опасность быть безъ Бога, и память смертная отходитъ, — словомъ, закрывается вся духовная область. Это и отъ врага бываетъ, и отъ разсѣянія мыслей дѣлами, заботами, многимъ обращеніемъ съ людьми. Когда все это бываетъ забыто, охлаждается сердце и сочувствіе его къ духовному пресѣкается . . . вотъ и нечувствіе. А когда оно бываетъ, вмѣстѣ съ нимъ происходятъ и движенія нерадѣнія и безпечности . . . Вслѣдствіе сего духовныя занятія отлагаются на время, а тамъ и совсѣмъ оставляются. И пошла старая — и безпечная, и нерадивая жизнь, въ богозабвеніи, въ собственное лишь угожденіе. Хотя при этомъ безалабернаго и ничего не будетъ, но и Божіяго не ищи. Пустая жизнь! Если не хотите въ сію попасть пропасть, то берегитесь перваго шага — забвенія. Поэтому ходите всегда въ памятяхъ Божіихъ, то есть о Богѣ и Божіихъ вещахъ. Это будетъ поддерживать сочувствіе къ нимъ, а отъ того и другого постоянно будетъ теплиться ревнованіе. И се жизнь!» (Сборн. о мол. Іисусовой. § 109).

»Быть въ какомъ-нибудь чувствѣ очень многозначительно въ духовной жизни. Въ комъ есть оно, тотъ уже —

внутрь себя и сердца, ибо мы всегда вниманіемъ въ дѣйствующей части, и если это — сердце, то — въ сердцѣ.» (Сб. о мол. I. § 145).

»Надо знать, что восходъ къ совершенству невидимъ для ревнующаго; трудится въ потѣ лица, но будто безъ плода, — благодать строитъ дѣло свое подъ прикрытіемъ. Видѣніе человѣческое, глазъ, съѣдаетъ доброе. Человѣку самому остается на долю одно — видѣніе своего непотребства. Путь къ совершенству есть путь къ сознанію, что я и слѣпъ, и нищъ, и нагъ, въ непрерывной связи съ которымъ стоитъ сокрушеніе духа, или болѣзнь и печаль о нечистотѣ своей, изливаемая предъ Богомъ, или что тоже — непрестанное покаяніе. Покаянныя чувства суть отличительные признаки истиннаго подвижничества. Кто уклоняется отъ нихъ и избѣгаетъ, тотъ уклонился отъ пути. Въ положеніи начала новой жизни было покаяніе; оно же и въ возрастаніи должно быть и зрѣть вмѣстѣ съ нимъ. Зрѣющій созрѣваетъ въ познаніи своей порчи и грѣховности и углубляется въ сокрушенныя чувства покаянія. Слезы — мѣра пресѣянія, а непрестанныя слезы — признакъ скораго очищенія.» (Сб. о мол. Іисус. § 272).

»Спрашиваете, какъ Господа при дѣлахъ имѣть во вниманіи? Такъ: какое бы дѣло, большое или малое, вы ни дѣлали, держите въ умѣ, что его вамъ повелѣваетъ дѣлать Самъ Господь Вездѣсущій и смотритъ, какъ вы его дѣлаете. Такъ всегда себя держа, вы дѣло всякое будете дѣлать со вниманіемъ и Господа будете помнить. Въ этомъ весь секретъ успѣшнаго для главной цѣли дѣйствованія. У васъ не ладится отъ того, что вы хотите помнить Господа, забывая о дѣлахъ житейскихъ. Но дѣла житейскія лѣзутъ въ сознаніе и память о Господѣ вытѣсняютъ. А вамъ слѣдуетъ наоборотъ: о житейскихъ дѣлахъ хлопотать, но какъ о Господнемъ порученіи и какъ предъ Господомъ. Тогда у васъ и то и другое будетъ исправно.» (Сб. о мол. Іисус. § 282).

»Вамъ говорятъ: »болѣе заслуги подвизаться въ молвѣ житейской, чѣмъ спасаться въ уединеніи.» И вы не отри-

цайте этого. Тѣ, которые истинно подвизаются, не имѣютъ въ виду заслуги, а о томъ лишь заботятся, чтобъ очистить себя отъ страстей и страстныхъ чувствъ и помысловъ. Для этой цѣли жизнь въ общеніи съ другими пригожѣй, потому что она представляетъ дѣйствительные опыты боренія со страстями и преодолѣнія ихъ. Эти побѣды бьютъ страсти въ грудь и въ голову, а повтореніе ихъ скоро убиваетъ страсти наповалъ. Въ уединеніи же борьба бываетъ только мысленная, которая также бываетъ слабодѣйственна, какъ ударъ крыла мухи. Оттого умерщвленіе страстей въ уединеніи дольше тянется. И мало того, оно бываетъ всегда почти не умерщвленіемъ собственно, а замираніемъ, замираніемъ на время, до случая встрѣчи съ предметами страсти . . . Причемъ бываетъ, что страсть вдругъ воспламеняется, какъ молнія. И бываетъ, что иной, долгое время имѣвшій въ уединеніи покой отъ страстей, вдругъ падаетъ. А того, кто дошелъ до покоя отъ страстей чрезъ борьбу не мысленную, а дѣйствительную, нечаянное нападеніе ихъ не поколеблетъ. — Вотъ на какомъ основаніи мужи опытные въ духовной жизни заповѣдуютъ преодолѣть страсти дѣйствительнымъ съ ними бореніемъ въ общеніи съ другими, а послѣ этого уже уединяться.» (Сб. о мол. Іис. § 283).

»Вниманіе свое меньше всего останавливайте на внѣшнихъ подвигахъ. Хоть они необходимы, но они суть подмостки. Зданіе строится посредѣ ихъ, но они не зданіе. Зданіе въ сердцѣ. На сердечныя дѣланія и обратите все вниманіе свое.» (Сб. о мол. Іис. § 288).

»Учитесь, что ни дѣлаете, дѣлать такъ, чтобы это разогрѣвало, а не охлаждало сердца; и читать, и молитву дѣять, и работать, и съ другими входить въ общеніе надо, все одну цѣль держа — не доводить себя до охлажденія. Топите безъ перерыва свою внутреннюю печку краткою молитовкою, — и берегите чувства, чтобы черезъ нихъ не уходила теплота. Впечатлѣнія отвнѣ очень трудно уживаются съ внутреннимъ дѣланіемъ.» (Сб. о мол. Іис. § 298).

»Учи себя всякій и внушай себѣ истины слова Хри-

стова, и оно вселится въ тебя. Для сего читай, размышляй, заучивай, сочувствуй, возлюбляй и далѣе проводи въ жизнь . . Пока этого нѣтъ, нельзя сказать о комъ либо, что онъ научилъ себя, хоть и знаетъ слово Христово на память и хорошо разсуждаетъ . . . Ибо только тогда и вселяется въ кого слово Христово, когда онъ успѣетъ уговорить себя и вѣровать ему и жить по нему. Не мудро дѣлаетъ тотъ, кто усердно читаетъ слово Божіе, но не обсуждаетъ его, не доводитъ до чувства и не проводитъ его въ жизнь. Оно и течетъ у него, какъ вода по желобу и протекаетъ черезъ него, не осаждаясь въ немъ и не вселяясь въ него. Можно все Евангеліе и весь Апостолъ знать на память, и все же не имѣть слова Христова вселеннымъ въ себѣ, по причинѣ неразумнаго изученія его. Не разумно дѣлаетъ и тотъ, кто только умъ обогащаетъ словомъ Христовымъ, а о сообразованіи съ нимъ сердца и жизни нерадитъ. Оно у него и остается, какъ песокъ, насыпаннымъ въ головѣ и въ памяти, и лежитъ тамъ мертвымъ, а не живетъ. Живетъ оно только тогда, когда проходитъ въ чувства и въ жизнь; а тутъ этого нѣтъ. И нельзя потому сказать, что оно обитаетъ въ таковомъ.» (Сб. о. м. I. § 302).

»Нечего вамъ напоминать, что несокрушимое оружіе противъ враговъ есть *смиреніе*. Смиреніе трудно достается. Можно считать себя смиреннымъ, не имѣя и тѣни смиренія. Однимъ размышленіемъ не усмиришь себя. Лучшій, или единственный вѣрный путь къ смиренію есть — послушаніе и отреченіе отъ своей воли.» (Сборн. о мол. Іисусовой, § 356).

»Почти всѣ вышеприведенныя наставленія Епископа Ѳеофана взяты изъ »Сборника о молитвѣ Іисусовой.» Привожу еще нѣсколько наставленій, помѣщенныхъ въ сборникѣ игумена Тихона, духовника Епископа Ѳеофана: »Искатель непрестанной молитвы»:

»Всѣ мы молимся, но есть молитва, которая сама молится, и увлекаетъ вслѣдъ за собою всего внутренняго человѣка. Кто это испытываетъ, тотъ только и знаетъ, что есть молитва». (Толк. пс. 118 ст. 2).

»Еще для первыхъ учениковъ св. Антонія было положе-

но правиломъ заучивать на память нѣсколько псалмовъ, тотчасъ по приходѣ ихъ въ пустыню. Потомъ внушалось: когда ты въ келліи не занятъ, или идешь куда-нибудь, то перечитывай на память заученные псалмы. Это называлось *поученіе*. У насъ въ славянскихъ отеческихъ книгахъ часто читается заповѣдь: *имѣй сокровенное поученіе*. Это значитъ: собери вниманіе и повторяй непрестанно: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!» (Толк. пс. 118 ст. 16).

»*Се возжелахъ заповѣди Твоя: въ правдѣ Твоей живи мя* . . . Представляю то, что отъ меня требуется, всей душой желаю и ищу; даруй же и Ты, Господи, мнѣ то, что зависитъ отъ благодати Твоей — оживи мя! . . . *Ими же вѣси судьбами, спаси мя!* Желаю, ищу, но оживить меня силенъ только Ты, Господи, правдою Твоею. Въ обычныхъ опытахъ благочестивой жизни до очевидности оправдывается это надъ навыкомъ молитвы Іисусовой. Мало въ ней словъ, но они совмѣщаютъ все. Изстари признано, что навыкнувъ молиться этою молитвою, можешь замѣнить ею всѣ молитвословія.» (Толк. пс. 118 ст. 40).

»Надо бѣду зажечь вокругъ себя . . . Внутренность свою надо уязвлять и тревожить, чтобы не уснуть . . . Что значитъ зажечь бѣду вокругъ себя? Это глубокое чувство опасности своего положенія и опасности крайней, отъ коей нѣтъ иного спасенія, какъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ . . . Сіе чувство и будетъ гнать насъ къ Господу и заставлять непрестанно вопіять: Господи, помилуй! Помоги! Защити! Оно было у всѣхъ святыхъ и никогда ихъ не оставляло.» (Письма о христіанск. жизни ч. I. стр. 5, 7, 8).

»Съ навыкомъ ходить предъ Богомъ начнется перечистка сердца, чувствъ, желаній, помышленій; а до того времени въ душѣ великая сумятица . . . Бывала ли у васъ молитва теплая, при которой все убѣгало изъ вниманія, а оставался только Господь и вопль къ Нему изъ сердца? . . Если бывала, то это состояніе есть непрестанное состояніе ходящихъ предъ Богомъ.» »Какъ хорошо творить поклоны, какъ хорошо стоять въ струнку, не распуская лѣниво и

безпечно членовъ, держа всѣ ихъ въ нѣкоемъ напряженіи! Господи, помилуй насъ!» (Письма о христ. жизни).

»Говорятъ, однообразіе (даже въ молитвѣ и хожденіи, напр., къ службамъ Божіимъ) рождаетъ равнодушіе и холодность. Міръ свое переноситъ и на Божіе. Въ вещахъ земныхъ однообразіе точно надоскучиваетъ. Въ отношеніи къ Богу совсѣмъ не то . . . Спросите: отчего это отцу Серафиму Саровскому и отцу Парѳенію Кіевскому не наскучила такая однообразная и даже однообразнѣйшая жизнь? Церковь да келлія, церковь да келлія . . . А то еще и затворъ! Господи помилуй! Какъ можно убивать себя? А они и не думали мучить себя, а напротивъ, блаженствовали» . . . »Тихое молитвенное упованіе на милость Божію привлекаетъ. Вѣдь не вырвешь ничего изъ рукъ Божіихъ силою, а слезами все можно! Подай, Господи! Подай, Господи! Докучать надобно, а права нѣтъ, все милость» . . .

Трудитесь (въ молитвѣ), но не думайте, что сами что можете; а съ сокрушеніемъ взывайте: Господи, помоги! Господи, зажги! Одинъ старецъ два года умолялъ Пречистую Богородицу, и даровала ему огонь, и стало, говоритъ, хорошо. И вы трудитесь и молитесь, то есть, ищите, какъ установиться въ сердцѣ. И Господь, видя трудъ вашъ, и то, что вы искренно желаете сего блага, подастъ вамъ благодать горѣнія сердечнаго. Это вѣдь и значитъ, въ сердцѣ стоять. Матерь Божія вамъ помощница . . . Батюшка о. Серафимъ научитъ; помните, какъ онъ однажды во время обѣдни объятъ былъ огнемъ сердечнымъ! Ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ.»

»Главное надо стать умомъ въ сердцѣ предъ Господомъ, и стоять предъ Нимъ неотходно и день, и ночь до конца жизни. Употреби небольшой трудъ, съ неослабнымъ усердіемъ . . . Будетъ и подозрѣніе къ совѣтующему (наставнику), и неблаговоленіе къ самому дѣлу молитвы, хула на нее, изнеможеніе, желаніе бросить, именно потому, что мудрено. Опасно! Не слушай! Держи свое дѣло . . . Врагъ паче всего всѣяетъ хулу на сію молитву (умную

Іисусову). Ибо тогда огонь палитъ его и отгоняетъ: ему приступа нѣтъ къ тому лицу, въ сердцѣ котораго внѣдрена молитва Іисусова. Сладчайшее Имя Господа непрестанно звучащее и глаголющееся въ сердцѣ даже безъ твоего вѣдома, будетъ бить врага. Ибо бываетъ такъ, что душа, по небреженію и неразумію, забудется и замечтается, но опомнясь и возвратясь къ себѣ, находитъ, что въ сердцѣ поется одно и тоже: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.»

»*Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* Въ начатомъ дѣлѣ (Іисусовой молитвѣ) попятиться назадъ весьма пагубно. Не смущайся безуспѣшностью. Наше дѣло трудиться и искать, и гнаться; а когда дѣло придетъ, про то одинъ Господь знаетъ. Одинъ старецъ аѳонскій два года докучалъ Матери Божіей даровать огнь въ сердце, и былъ услышанъ. Не назначай сроковъ, а дѣлай и проси, чтобы дающій молитву молящемуся, даровалъ и тебѣ ее. Ищите и обрящете! . . .» (Письма о христ. жизни. Ч. I).

Вотъ, дорогой батюшка, каковы наставленія Еп. Ѳеофана о молитвѣ Іисусовой. Вы видите, какъ онѣ просты, ясны и общедоступны. Но въ основѣ ихъ лежитъ столь трудное для современнаго человѣка требованіе — имѣть искреннюю живую вѣру въ то, что онъ стоитъ предъ лицемъ вездѣсущаго и всевѣдущаго Бога, Который видитъ его сердце. Трудно это потому, что современный образованный человѣкъ привыкъ жить или въ области отвлеченныхъ понятій — научныхъ, философскихъ, богословскихъ и т. д., или въ области чувственныхъ предметовъ и житейскихъ интересовъ. Почувствовать Невидимаго Бога сердцемъ, какъ живое и близкое Существо, онъ отвыкъ. А между тѣмъ это именно и требуется, какъ необходимое условіе для всякой молитвы, а тѣмъ болѣе, для молитвы Іисусовой. Почувствовать Бога, какъ живое, реальное Существо, къ Которому можно обращаться со своими мольбами и нуждами — это значитъ, ощутить въ сердцѣ своемъ тотъ огонекъ живой вѣры, о которомъ такъ часто говоритъ Епископъ Ѳеофанъ. Въ этомъ и состоитъ оживотвореніе, вос-

кресеніе нашего сердца, застывшаго въ формальныхъ понятіяхъ разсудка. Только тогда, когда сердце почувствуетъ въ себѣ живую вѣру въ живого Бога, изъ него можетъ излиться горячая искренняя молитва. И уже эта самая вѣра есть и молитва. Слова же, которыми мы облекаемъ нашу внутреннюю молитву, есть только внѣшняя форма подлинной сердечной молитвы. И сущность молитвы заключается не въ словахъ, а въ томъ молитвенномъ чувствѣ, въ томъ чувствѣ вѣры, которымъ внушаются эти слова, и которымъ живетъ наше сердце. Именно тамъ, въ глубинѣ сердца, и совершается наша подлинная молитва. Если это есть въ человѣкѣ, тогда у него найдется и желаніе, и терпѣніе, и настойчивость непрерывнаго дѣланія Іисусовой молитвы. Его будетъ побуждать къ ней молитвенное горѣніе и вѣра его сердца. Но съ другой стороны, нельзя не признать и того, что самый трудъ молитвы, совершаемый въ надеждѣ воскресенія сердца, ставшаго равнодушнымъ къ Богу, совершаемый настойчиво и неотступно, приноситъ въ концѣ концовъ добрый плодъ, привлекая къ сердцу благодать Божію, и воспламеняя въ немъ огонь вѣры и подлинной горячей молитвы. Всѣ наставленія Епископа Ѳеофана можно въ краткихъ словахъ выразить такъ: »Собери вниманіе, стань вниманіемъ въ сердцѣ, помни (и это самое главное), что стоишь предъ лицемъ Бога вездѣсущаго и всемогущаго, и со страхомъ Божіимъ изъ глубины сердца возноси Іисусову молитву. Поступая такъ, ожидай терпѣливо и смиренно, въ сокрушеніи сердца, съ покаяннымъ чувствомъ, когда придетъ и коснется твоего сердца благодать Божія, и пробудитъ въ немъ непрерывно журчащую, какъ ручеекъ, самодвижную, постоянную молитву, которая явится для тебя какъ бы стражемъ, охраняющимъ твое сердце отъ всякой нечистоты и опасности. А такъ какъ, по слову Божію, изъ сердца исходятъ источники жизни, то и вся жизнь твоя, поскольку она опредѣляется сердцемъ, станетъ чистой и свѣтлой.»

I. Въ дополненіе къ сказанному Вами мнѣ хочется

прибавить, что указанное вами оскудѣніе живой сердечной вѣры въ Бога у современныхъ людей происходитъ еще и отъ того, что современные люди совершенно отвыкли усматривать Бога въ мірѣ, *въ дѣйствіяхъ Его Промысла*, и черезъ то потеряли подъ своими ногами всякую твердую жизненную опору. Міръ имъ представляется какимъ-то случайнымъ, хаотическимъ и безцѣльнымъ бытіемъ, какъ будто никѣмъ не управляемымъ, не имѣющимъ единаго руководящаго центра, какою то безпредѣльною пустынею, въ которой, неизвѣстно почему и для чего, вертятся миріады міровъ, какъ песчинки въ африканской пустынѣ. Точно также не видятъ они никакого разумнаго смысла и плана, и никакой цѣли въ существованіи человѣческаго рода, и въ его исторіи. Тѣ пути Божіи въ исторіи человѣчества, которые раскрываетъ намъ Библія — подготовленіе человѣчества послѣ грѣхопаденія въ пришествію Спасителя міра, искупительный подвигъ Сына Божія, существованіе въ человѣчествѣ Христовой Церкви, какъ благодатной хранительницы христіанскаго ученія и христіанской жизни будущее всеобщее воскресеніе и всеобщій судъ — все это совершенно уходитъ изъ вниманія и сознанія современныхъ людей, оставляя въ нихъ какую-то безнадежную и безъисходную пустоту. Отъ этого исчезаетъ спокойная увѣренность въ смыслѣ жизни и внутренній миръ сердца. Отъ этого рождается чувство всегдашняго одиночества, сиротливости и даже тоски. Не къ кому пріютиться, не у кого искать помощи, ободренія, подкрѣпленія, защиты, всего того, въ чемъ такъ нуждается каждый человѣкъ, и что доступно только вѣрующему сердцу. Такое состояніе современныхъ людей, затерявшихся и растерявшихся въ пустынѣ міра, въ концѣ концовъ становится поистинѣ ужаснымъ и невыносимымъ.

И. Совершенно справедливо. Но то, что вы говорите, есть только развитіе и разъясненіе сказаннаго мною. Увидѣть Бога по дѣйствіямъ Его Промысла въ мірѣ и въ исторіи человѣчества — это значитъ — почувствовать бытіе живого Бога, и познать Его не изъ учебниковъ Зако-

на Божія и не изъ отвлеченнаго, школьнаго Богословія, какъ нѣкоторую теоретическую, безжизненную истину, но непосредственнымъ опытомъ и воспріятіемъ изъ окружающей насъ дѣйствительности. Іисусова молитва, при ея правильномъ употребленіи, къ этому и помогаетъ придти.

I. Я хочу попросить вашего объясненія еще на одинъ возникшій у меня вопросъ. Всѣ ли, научившіеся молитвѣ Іисусовой, проходятъ и должны проходить тѣмъ путемъ наученія этой молитвѣ, какой указываетъ Епископъ Ѳеофанъ? Или возможны и другіе пути? Мнѣ пришлось читать въ »Откровенныхъ разсказахъ странника», какъ онъ научился Іисусовой молитвѣ отъ своего старца, въ теченіе немногихъ дней, произнося ее ежедневно отъ трехъ до двѣнадцати тысячъ въ день . . . О другомъ, также своеобразномъ способѣ обученія Іисусовой молитвѣ я читалъ въ книгѣ »На горахъ Кавказа». Тамъ пустынникъ разсказываетъ о себѣ, что живя еще въ монастырѣ и проходя обычныя монастырскія послушанія, онъ въ теченіе 15 лѣтъ занимался исключительно произношеніемъ одной устной Іисусовой молитвы. Во время этого упражненія онъ вовсе не обращалъ вниманія на умъ и сердце . . . По истеченіи 15 лѣтъ словесная молитва »сама собою перешла въ умную, т. е. умъ сталъ держаться въ словахъ молитвы. Будучи до тѣхъ поръ разсѣяннымъ и разлитымъ по предметамъ и вещамъ міра сего, онъ собирается въ себя и, держась въ словахъ молитвы, пребываетъ какъ бы у себя въ домѣ, чуждымъ всѣхъ помысловъ, кои вообще такъ мучительно тиранствуютъ душу всякаго человѣка, необновленнаго сею молитвенною благодатью. Не имѣя въ себѣ точки опоры — Христа, умъ нашъ бываетъ волнуемъ и обуреваемъ всевозможнымъ движеніемъ помысловъ» . . . Такъ разсказываетъ пустынникъ. А затѣмъ открылась въ немъ и сердечная молитва (къ сожалѣнію, неизвѣстно, какъ скоро), существо которой, по его словамъ, есть »тѣснѣйшее соединеніе нашего сердца, вѣрнѣе, слитіе всего нашего духовнаго существа съ Господомъ Іисусомъ Христомъ». Тогда, говоритъ онъ, »открывается дѣйственность Іисусовой мо-

литвы, т. е. ея внутренняя сила и ощутительность для нашего сердца, состоящая въ томъ, что она становится въ человѣкѣ дѣйствующимъ началомъ, занимаетъ господствующее и преобладающее положеніе, царственно покоряя себѣ всѣ прочія склонности и сердечныя расположенія».

Изъ этихъ примѣровъ я вижу, что способы навыкновенія Іисусовой молитвѣ у разныхъ подвижниковъ бываютъ разные. Очень возможно, что кромѣ приведенныхъ мною случаевъ, знающій человѣкъ можетъ разсказать еще и многіе другіе опыты . . . Какъ же быть? Считать ли всѣ эти различные пріемы равноцѣнными? Или же — одни болѣе правильными, а другіе менѣе? Я бы хотѣлъ получить отъ васъ разъясненіе этого вопроса.

И. Я уже не разъ указывалъ вамъ, что дѣланіе Іисусовой молитвы есть »наука изъ наукъ и искусство изъ искусствъ»; имѣя основной неизмѣнный порядокъ, это искусство въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ не можетъ не сообразоваться съ особенностями того или другого дѣлателя молитвы, въ зависимости отъ его личныхъ свойствъ, отъ мѣры его духовнаго возраста и отъ условій его жизни. Поэтому и необходимо при прохожденіи Іисусовой молитвы имѣть опытнаго наставника, который въ своихъ совѣтахъ и наставленіяхъ былъ бы способенъ примѣниться къ индивидуальнымъ особенностямъ своего ученика. Епископъ Ѳеофанъ указываетъ лишь общій вѣрный путь молитвеннаго дѣланія Іисусовой молитвы; и онъ, естественно, не можетъ входить въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ индивидуальныхъ случаевъ, почему и самъ постоянно указываетъ на необходимость имѣть наставника для ближайшаго руководства въ этомъ дѣланіи и для разрѣшенія возникающихъ трудностей. Все это нисколько не умаляетъ цѣнности и правильности указаній самого святителя, но объясняетъ, почему оказываются возможными всякаго рода индивидуальныя различія въ прохожденіи Іисусовой молитвы. Ясно ли это вамъ?

І. Да, благодарю васъ, вы вполнѣ удовлетворительно разъяснили мнѣ мое недоумѣніе.

И. Пойдемъ теперь дальше. Отъ Епископа Θеофана обратимся къ Епископу Игнатію (Брянчанинову), очень много написавшему объ Іисусовой молитвѣ. Его мысли своеобразно оттѣняютъ и дополняютъ наставленія Епископа Θеофана, причемъ у Еп. Игнатія систематическое изложеніе ученія объ Іисусовой молитвѣ преобладаетъ надъ практическимъ руководствомъ.

Главнѣйшія сочиненія Епископа Игнатія объ Іисусовой молитвѣ слѣдующія: въ первомъ томѣ сочиненій статья »о молитвѣ Іисусовой, бесѣда старца съ ученикомъ»; во второмъ томѣ »слова»: о молитвѣ устной и гласной; о молитвѣ умной, сердечной и душевной; о молитвѣ Іисусовой и др. . ; въ пятомъ томѣ: о молитвѣ Іисусовой; о упражненіи молитвою Іисусовою; о молитвѣ Іисусовой устной, умной и сердечной; и др . . . Попробуемъ, при помощи Божіей, изъ всѣхъ этихъ его писаній вкратцѣ извлечь самое существенное. Примемъ при этомъ во вниманіе, что въ своихъ писаніяхъ Епископъ Игнатій имѣетъ въ виду преимущественно монашествующихъ, хотя это и не дѣлаетъ ихъ неприложимыми къ мірянамъ, понимающимъ значеніе Іисусовой молитвы и желающимъ упражняться въ ней.

»Храненіе ума, блюденіе ума, трезвѣніе, вниманіе, умное дѣланіе, умная молитва — все это, пишетъ Епископъ Игнатій, различныя наименованія одного и того же душевнаго подвига, въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ. Этотъ душевный или духовный подвигъ отцы опредѣляютъ такъ: »Вниманіе есть сердечное непрестанное безмолвіе, всегда и непрерывно призывающее Христа Іисуса, Сына Божія и Бога, дышащее Имъ, съ Нимъ мужественно ополчающееся противъ враговъ, исповѣдающееся Ему, единому имѣющему власть прощать грѣхи» (Исихій Іерусалимскій). Проще сказать — внутреннимъ дѣланіемъ, умнымъ душевнымъ дѣланіемъ, умною молитвою, трезвѣніемъ, храненіемъ и блюденіемъ ума, вниманіемъ называется одно и то же: благоговѣйное упражненіе въ молитвѣ Іисусовой. Блаженный Никифоръ Аѳонскій уподобилъ эти наименованія отрѣзанной части хлѣба, которая можетъ быть наз-

вана и кускомъ, и ломтемъ, и укрухомъ». (Соч. т. I. стр. 205).

Объ этомъ умномъ дѣланіи учитъ насъ Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ о важнѣйшемъ дѣлѣ духовной жизни. *»Всякимъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота».* (Притч. 4: 23). *»Внемли себѣ, да не будетъ въ сердцѣ твоемъ слово тайно беззаконія».* (Второзак. 15: 9). Въ Новомъ Завѣтѣ Господь учитъ: *»Очисти прежде внутреннее скляницы и блюда, да будетъ и внѣшнее ихъ чисто».* (Мѳ 23: 26). Отцы говорятъ: Св. Варсануфій Великій — »если внутреннее дѣланіе съ Богомъ, то есть осѣненное Божественною благодатію, не поможетъ человѣку, то тщетно подвизается онъ наружнымъ, то есть тѣлеснымъ подвигомъ»; и св. Исихій говоритъ: »Невозможно очистить сердце и отогнать отъ него враждебныхъ духовъ безъ частаго призыванія Іисуса Христа». (Тамъ же, стр. 206).

Господь Іисусъ Христосъ указываетъ на необходимость непрестанной и настойчивой молитвы: *Просите и дастся вамъ; ищите и обрящете; толцыте и отверзется вамъ* (Мѳ. 7: 7); *Богъ не имать ли сотворити отмщеніе избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ Нему день и нощь? . . . Глаголю вамъ, яко сотворитъ отмщеніе ихъ вскорѣ* (Лк. 18: 7, 8). И Апостолъ, повторяя ученіе Господа, говоритъ: *непрестанно молитеся* (I Сол. 5: 17).

Эта непрестанная внутренняя молитвенная память о Господѣ Іисусѣ Христѣ — внѣшнимъ образомъ выражается словами молитвы Іисусовой.

»Молитва Іисусова произносится такъ: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Первоначально произносилась она безъ прибавленія слова *грѣшнаго;* слово это присовокуплено къ прочимъ словамъ молитвы впослѣдствіи. Это слово, заключающее въ себѣ сознаніе и исповѣданіе паденія, замѣчаетъ преп. Нилъ Сорскій, намъ прилично, благопріемно Богу, заповѣдавшему возсылать молитвы къ Нему изъ сознанія и исповѣданія своей грѣховности. Для новоначальныхъ, снисходя къ ихъ немощи, отцы позволяютъ раздѣлять молитву на двѣ половины,

иногда говорить: *Господи, Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго*, а иногда: *Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Впрочемъ, это только дозволеніе и снисхожденіе, а отнюдь не приказаніе и не установленіе, требующее непремѣннаго исполненія. Гораздо лучше творить постоянно единообразную, цѣльную молитву, не занимая и не развлекая ума перемѣною и заботою о перемѣнахъ». (Т. 2. Стр. 234).

»Молитва Іисусова раздѣляется на два вида: на устную и умную. Подвижникъ переходитъ отъ устной молитвы къ умной самъ собою, при условіи: когда устная молитва — внимательна. Сперва должно обучиться устной молитвѣ Іисусовой. Существенными принадлежностями этой молитвы должны быть: вниманіе, заключеніе ума въ слова молитвы, крайняя неспѣшность при произнесеніи ея, и сокрушеніе духа. Хотя эти условія необходимы при всякой молитвѣ, но удобнѣе сохраняются и болѣе требуются при совершеніи молитвы Іисусовой. При псалмопѣніи разнообразіе мыслей, въ которыя облечена молитва, невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе ума, и доставляетъ ему нѣкоторое развлеченіе. Но при молитвѣ Іисусовой умъ сосредоточивается въ одну мысль о помилованіи грѣшника Іисусомъ. Дѣланіе по наружности самое сухое, но на опытѣ оно оказывается самымъ многоплоднымъ». (Т. 5. Стр. 107).

»Никто изъ желающихъ преуспѣть въ молитвѣ да не дерзаетъ легко мыслить и судить о молитвѣ, произносимой устами и гласомъ при вниманіи ума, какъ о дѣланіи малозначущемъ, не заслуживающемъ уваженія. Если святые Отцы говорятъ о безплодіи устной и гласной молитвы, не соединенной со вниманіемъ: то изъ этого не должно заключать, чтобы они отвергали, или уничижали и самую устную молитву. Нѣтъ! Они только требуютъ при ней вниманія. Внимательная устная и гласная молитва есть начало и причина умной. Внимательная устная и гласная молитва есть вмѣстѣ и молитва умная. Научимся сперва молиться внимательно устною и гласною молитвою, тогда удобно научимся молиться и однимъ умомъ въ безмолвіи внутренней клѣти». (Т. 2. Стр. 183).

»Достоинство молитвы состоитъ единственно въ качествѣ, а не въ количествѣ; тогда похвально количество, когда оно приводитъ къ качеству. Качество всегда приводитъ къ количеству; количество приводитъ къ качеству, когда молящійся молится тщательно». (Т. 2. Стр. 163).

»Качество истинной молитвы состоитъ въ томъ, когда умъ во время молитвы находится во вниманіи, а сердце сочувствуетъ уму». (Тамъ же).

»Хотя бы кто стоялъ на самой высотѣ добродѣтелей, но если онъ молится не какъ грѣшникъ: молитва его отвергается Богомъ» (Исаакъ Сиринъ). »Хотя бы мы проходили многіе возвышеннѣйшіе подвиги, сказалъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, они не истинны и безплодны, если при нихъ не имѣемъ болѣзненнаго чувства покаянія». (Т. 2. Стр. 162).

»Чувство покаянія хранитъ молящагося человѣка отъ всѣхъ козней діавола: бѣжитъ діаволъ отъ подвижниковъ, издающихъ изъ себя благоуханіе смиренія, которое рождается въ сердцѣ кающихся». (Григорій Синаитъ).

»Приноси Господу въ молитвахъ твоихъ младенческое лепетаніе, простую младенческую мысль, — не краснорѣчіе, не разумъ. *Аще не обратитеся* — изъ вашей сложности и двуличности — *и будете*, сказалъ Господь, *яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное*». (Т. 2. Стр. 163).

»Для новоначальныхъ полезнѣе краткія и частыя моленія, нежели продолжительныя, удаленныя одно отъ другого значительнымъ пространствомъ времени.» (Т. 2. Стр. 167).

Чтобы сдѣлаться способнымъ къ непрестанной молитвѣ, надо пріучиться къ частой молитвѣ. Частая молитва, въ свое время, сама собою, перейдетъ въ непрестанную молитву. Епископъ Игнатій устанавливаетъ слѣдующій порядокъ для домашняго обученія Іисусовой молитвѣ.

»Первоначально положи себѣ произносить сто молитвъ Іисусовыхъ со вниманіемъ и не спѣшностью. Впослѣдствіи, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другое сто. Съ теченіемъ времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произноси-

мыхъ молитвъ. На неспѣшное и внимательное произнесеніе *ста молитвъ* потребно времени 30 минутъ, или около получаса: нѣкоторые подвижники нуждаются и еще въ болѣе продолжительномъ времени. Не произноси молитвъ спѣшно, одной немедленно за другой; дѣлай послѣ каждой молитвы краткій отдыхъ, и тѣмъ способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произношеніе молитвъ разсѣваетъ умъ. Переводи дыханіе съ осторожностью: дыши тихо и медленно: этотъ пріемъ охраняетъ отъ разсѣянности. Окончивъ моленіе молитвою Іисусовою, не вдавайся въ помышленія и мечтанія пустыя, обольстительныя и обманчивыя; но по направленію, полученному въ молитвенномъ подвигѣ, проведи время до сна. Склоняясь ко сну, повторяй молитву; засыпай съ нею. Пріучи себя такъ, чтобы, проснувшись отъ сна, первою твоею мыслію, первымъ словомъ и дѣломъ была молитва Іисусова . . . Во время церковныхъ службъ полезно упражняться молитвою Іисусовою: она, удерживая умъ отъ разсѣянности, способствуетъ ему внимать церковному пѣнію и чтенію. Постарайся столько пріучиться къ молитвѣ Іисусовой, чтобы она сдѣлалась твоею непрестанною молитвою, для чего она очень удобна по краткости своей, и для чего неудобны продолжительныя молитвы.» (Т. 5. Стр. 110–111).

Какъ и всѣ наставники молитвы Іисусовой, Епископъ Игнатій видитъ въ ней одно изъ главнѣйшихъ средствъ нашего спасенія, насажденія въ сердцѣ нашемъ живой молитвенной памяти о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, очищенія и освященія сердца, какъ храма Божія и жертвенника непрестанно возносимой въ немъ молитвы, охраняющей насъ отъ всякой нечистоты, и утверждающей въ душѣ нашей миръ, радость и духовную силу, и въ подтвержденіе сказаннаго ссылается на свидѣтельство всей Церкви, рекомендующей упражненіе Іисусовой молитвой всѣмъ христіанамъ — не только монашествующимъ, но и мірянамъ. »Разсмотри все Священное Писаніе: увидишь, что въ немъ повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила Его, спасительная для человѣ-

ковъ. Разсмотри писанія Отцовъ: увидишь, что всѣ они, безъ исключенія, совѣтуютъ упражненіе молитвою Іисусовою, называютъ ее оружіемъ, котораго нѣтъ крѣпче ни на небѣ, ни на землѣ (Лѣствичникъ), называютъ ее Богоданнымъ, неотъемлемымъ наслѣдіемъ, однимъ изъ окончательныхъ и высшихъ завѣщаній Богочеловѣка, утѣшеніемъ любвеобильнымъ и сладчайшимъ, залогомъ достовѣрнымъ (Каллистъ и Игнатій). Наконецъ, обратись къ законоположенію православной Восточной Церкви: увидишь, что она для всѣхъ неграмотныхъ чадъ своихъ, и монаховъ и мірянъ, установила замѣнять псалмопѣніе и молитвословіе на келейномъ правилѣ молитвою Іисусовою». (Т. I. Стр. 218).

На указаніе, что »отъ упражненія Іисусовою молитвою всегда, или почти всегда послѣдуетъ прелесть», Епископъ Игнатій отвѣчаетъ: »Въ усвоеніи себѣ такой мысли и въ запрещеніи заниматься Іисусовою молитвою заключается страшное богохульство, заключается достойная сожалѣнія прелесть. Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть единственный источникъ нашего спасенія, единственное средство нашего спасенія; человѣческое имя Его заимствовало отъ Его божества неограниченную, всесвятую силу спасать насъ: какъ же эта сила, дѣйствующая во спасеніе, эта единственная сила, дарующая спасеніе, можетъ извратиться и дѣйствовать на погибель? Это — чуждо смысла. Это — нелѣпость горестная, богохульная, душепагубная . . . Запрещающимъ молиться молитвою Іисусовою можно отвѣчать словами Апостоловъ Петра и Іоанна на подобное запрещеніе, сдѣланное Іудейскимъ Синедріономъ: *праведно ли есть предъ Богомъ васъ послушати паче, неже Бога, судите.*» (Т. I. Стр. 215).

На замѣчаніе, что и святые Отцы остерегаютъ занимающихся Іисусовой молитвой отъ прелести, Епископъ Игнатій говоритъ: »Да, остерегаютъ. Они остерегаютъ отъ прелести и находящихся въ послушаніи, и безмолвниковъ, и постниковъ — словомъ сказать, всякаго, упражняющагося какою бы то ни было добродѣтелью . . . Мнѣ случалось

видѣть старцевъ, занимавшихся исключительно усиленнымъ тѣлеснымъ подвигомъ, и пришедшихъ отъ него въ величайшее самомнѣніе, величайшее самообольщеніе. Душевныя страсти ихъ, гнѣвъ, гордость, лукавство, непокорство, получили необыкновенное развитіе . . . Предостереженія отцовъ основательны! Должно быть очень осмотрительнымъ, должно очень охранять себя отъ самообольщенія и прелести. Въ наше время, при совершенномъ оскудѣніи Боговдохновенныхъ наставниковъ, нужна особенная осторожность, особенная бдительность надъ собою . . . *Со страхомъ жительствуйте*, завѣщаетъ Апостолъ. Въ упражненіи молитвою Іисусовою есть свое начало, своя постепенность, свой конецъ безконечный. Необходимо начинать упражненіе съ начала, а не съ средины, и не съ конца . . . Въ общежитіяхъ Пахомія Великаго, произведшихъ возвышеннѣйшихъ дѣлателей умной молитвы, каждаго вновь вступившаго во-первыхъ занимали тѣлесными трудами, подъ руководствомъ старца, втеченіе трехъ лѣтъ. Тѣлесными трудами, частыми наставленіями старца, ежедневною исповѣдію внѣшней и внутренней дѣятельности, отсѣченіемъ воли, обуздывались страсти могущественно и быстро, доставлялась уму и сердцу значительная чистота. При упражненіи въ трудахъ преподавалось новоначальному соотвѣтствующее устроенію его дѣланіе молитвы. По истеченіи трехъ лѣтъ требовалось отъ новоначальныхъ изученіе наизусть всего Евангелія и Псалтыри, а отъ способныхъ и всего свящ. Писанія, что необыкновенно развиваетъ устную внимательную молитву. Уже послѣ этого начиналось тайноученіе умной молитвѣ, объяснялось оно обильно и Новымъ и Ветхимъ Завѣтомъ. Такимъ образомъ подвизающіеся вводились въ правильное пониманіе умной молитвы и въ правильное упражненіе ею. Отъ прочности основанія и отъ правильности въ упражненіи — дивнымъ было преуспѣяніе.» (Т. I. Стр. 225).

Особенная осторожность въ упражненіи молитвой Іисусовой необходима, въ особенности людямъ, живущимъ въ мірской обстановкѣ, среди житейской суеты. Поясняя это,

Епископъ Игнатій приводитъ свидѣтельство Паисія Величковскаго, который въ письмѣ къ старцу Ѳеодосію говоритъ, что не всѣ писанія Отцовъ о молитвѣ, доступныя монахамъ, доступны и мірянамъ: »Отеческія книги, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя научаютъ истинному послушанію, трезвѣнію ума и безмолвію, вниманію и умной молитвѣ, то есть той, которая совершается умомъ въ сердцѣ, исключительно приличествуютъ только одному монашескому чину, а не всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ. Богоносные Отцы, излагая ученіе о этой молитвѣ, утверждаютъ, что ея начало и непоколебимое основаніе есть истинное послушаніе, отъ котораго рождается истинное смиреніе, а смиреніе хранитъ подвизающагося въ молитвѣ отъ всѣхъ прелестей, послѣдующихъ самочинникамъ. Истиннаго монашескаго послушанія и совершеннаго во всемъ отсѣченія своихъ воли и разума отнюдь невозможно стяжать мірскимъ людямъ. Какъ же возможно будетъ мірскимъ людямъ, безъ послушанія, по самочинію, которому послѣдуетъ прелесть, понуждаться на столь страшное и ужасное дѣло, то есть на таковую молитву, безъ всякаго наставленія? Какъ имъ избѣжать многоразличныхъ и многообразныхъ прелестей вражіихъ, наводимыхъ на эту молитву и ея дѣлателей прековарно? Такъ страшна эта вещь — то есть молитва не просто умная (умственная), но дѣйствуемая художественно умомъ въ сердцѣ, — что и истинные послушники, не только отсѣкшіе, но и совершенно умертвившіе волю свою и разсужденіе свое предъ отцами своими, истинными и преискусными наставниками дѣланію этой молитвы, всегда находятся въ страхѣ и трепетѣ, боясь и трепеща, чтобы не пострадать въ этой молитвѣ какой нибудь прелести, хотя и хранитъ ихъ всегда Богъ, за истинное ихъ смиреніе, которое они стяжали благодатію Божіею при посредствѣ истиннаго послушанія своего. Тѣмъ болѣе мірскимъ людямъ, жительствующимъ безъ послушанія, если они отъ одного чтенія такихъ книгъ понудятся на молитву, предстоитъ опасность впаденія въ какую либо прелесть, приключающуюся начинающимъ

самочинно подвигъ этой молитвы. Эту молитву святые назвали художествомъ художествъ: кто же можетъ научиться ей безъ художника, то есть безъ искуснаго наставника?» (Т. 2. Стр. 260).

О томъ, что художественно дѣйствуемая въ сердцѣ молитва, т. е. при помощи указываемыхъ отцами способовъ, требуетъ наставника и безъ него можетъ приводить къ прелести, пишетъ и Епископъ Ѳеофанъ, о чемъ мы уже упоминали въ этой же бесѣдѣ: »Тотъ образъ молитвы, который прописанъ въ Добротолюбіи, надо проходить съ наставникомъ, знающимъ то дѣло и на глазахъ его. А кто одинъ возьмется за сіе дѣло, по одному описанію его, тому не миновать прелести. Тамъ описанъ только одинъ внѣшній очеркъ дѣла, а что при этомъ добавляется старцемъ для восполненія внутренняго при семъ строя, того не видно. Проходящій такое дѣланіе безъ руководителя присущаго, естественно и остается съ однимъ внѣшнимъ дѣланіемъ, строго исполняетъ, что велѣно относительно положенія тѣла, дыханія и смотрѣнія въ сердце. Какъ такого рода пріемы естественно могутъ доводить до нѣкоей степени сосредоточенія вниманія и теплоты, то онъ, не имѣя при себѣ вѣрнаго опредѣлителя, который бы сказалъ ему, каково достоинство происходящаго въ немъ измѣненія, — приходитъ къ мысли, что это и есть то, чего онъ ищетъ, т. е. что его осѣнила благодать, тогда какъ тутъ еще нѣтъ, и начинаетъ мнить, что имѣетъ благодать, не имѣя ея. Это и есть прелесть, которая затѣмъ покривитъ и все послѣдующее теченіе его внутренней жизни. Вотъ почему нынѣ у старцевъ видимъ, что они совѣтуютъ совсѣмъ не браться за такіе пріемы по причинѣ опасности отъ нихъ. Сами по себѣ они не могутъ дать ничего благодатнаго: ибо благодать ничѣмъ внѣшнимъ не вяжется, а нисходитъ только на внутренній строй. Внутренній достодолжный строй и безъ нихъ привлечетъ дѣйство благодати. Этотъ строй есть — при молитвѣ Іисусовой ходить въ присутствіи Божіемъ, возгрѣвать чувства благоговѣйнства и страха Божія, ни въ чемъ себѣ не поблажать, всегда и во всемъ слушать свою

совѣсть и блюсти ее незапятнанною и мирною, и всю жизнь свою, — и внутреннюю, и внѣшнюю, — предать въ руки Божіи. Изъ сихъ духовныхъ стихій благодать Божія, въ свое время пришедши, слиръ ихъ во едино, возжигаетъ огнь духовный въ сердцѣ, который и служитъ свидѣтелемъ присутствія благодати въ сердцѣ. Симъ путемъ трудно попасть въ мнѣніе. Но и тутъ съ руководителемъ лучше наличнымъ, который бы видѣлъ лице и слышалъ голосъ. Ибо сіи два открываютъ, что внутри.» (Сборн. о молитвѣ Іисусовой. § 378).

Все вышеизложенное приводится здѣсь не для того однако, чтобы оттолкнуть мірянъ отъ дѣланія Іисусовой молитвы, но для того, чтобы показать имъ правильный порядокъ этого дѣланія.

Епископъ Игнатій, какъ и Епископъ Ѳеофанъ и другіе наставники Іисусовой молитвы, отмѣчаетъ двѣ первыя ступени Іисусовой молитвы, которыя, будучи проходимы въ строгой послѣдовательности, въ особенности первая изъ нихъ, доступны не только монашествующимъ, но и мірянамъ. На первой изъ этихъ ступеней преобладаютъ собственныя усилія, труды и подвиги проходящаго молитву, при содѣйствіи благодати Божіей. На второй ступени преобладаетъ дѣйствіе благодати Божіей и молитва становится самодѣйствующей въ сердцѣ.

Епископъ Игнатій пишетъ объ этомъ такъ: »Упражненіе молитвою Іисусовою имѣетъ два главнѣйшихъ подраздѣленія или періода, оканчивающіеся чистою молитвою, которая увѣнчивается безстрастіемъ или христіанскимъ совершенствомъ въ тѣхъ подвижникахъ, которымъ Богу благоугодно дать его . . . Въ первомъ періодѣ предоставляется молящемуся молиться при одномъ собственномъ усиліи; благодать Божія несомнѣнно содѣйствуетъ молящемуся, но она не обнаруживаетъ своего присутствія. Въ это время страсти, скрытыя въ сердцѣ, приходятъ въ движеніе, и возводятъ дѣлателя молитвы къ мученическому подвигу, въ которомъ побѣжденія и побѣды непрестанно смѣняютъ другъ друга, въ которомъ свободное произволеніе человѣка

и немощь его выражаются съ ясностью. Во второмъ періодѣ благодать Божія являетъ ощутительно свое присутствіе и дѣйствіе, соединяя умъ съ сердцемъ, доставляя возможность молитвы не парительно или, что то же, безъ развлеченія, съ сердечнымъ плачемъ и теплотою; при этомъ грѣховные помыслы утрачиваютъ насильственную власть надъ умомъ . . . Чтобы достичь второго состоянія, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволенія, и принести плодъ въ терпѣніи.» (Т. I. Стр. 269).

Вторая молитва присходитъ отъ первой. Вниманіе ума при молитвѣ привлекаетъ сердце къ сочувствію; при усиленіи вниманія сочувствіе сердца уму обращается въ соединеніе сердца съ умомъ; наконецъ, при вниманіи, усвоившемся молитвѣ, умъ нисходитъ въ сердце для глубочайшаго молитвеннаго священнослуженія.» (Т. 2. Стр. 263).

Съ чрезвычайною строгостью Епископъ Игнатій запрещаетъ новоначальнымъ самовольно стремиться достигнуть этой второй степени. »Все это совершается подъ водительствомъ благодати Божіей, по ея благоволенію и усмотренію. Стремленіе ко второму прежде стяжанія перваго не только безполезно, но можетъ быть причиною величайшаго вреда.» (Т. 2. Стр. 264).

»Мало по малу зиждется сердечная чистота: чистотѣ постепенно и духовно является Богъ. Постепенно! Потому что и страсти умаляются и добродѣтели возрастаютъ не вдругъ: то и другое требуетъ значительнаго времени» . . . (Т. I. Стр. 272).

Указавъ двоякій характеръ Іисусовой молитвы, Епископъ Игнатій переходитъ къ изложенію ученія св. Отцовъ объ образѣ упражненія молитвою и о томъ, какой образъ умной и сердечной молитвы приличествуетъ всѣмъ безъ исключенія христіанамъ и новоначальнымъ инокамъ, и какой образъ молитвы свойственъ преуспѣвшимъ.

»Безъ всякаго сомнѣнія, пишетъ онъ, первое мѣсто между всѣми способами должно дать способу, предлагаемому святымъ Іоанномъ Лѣствичникомъ, какъ особенно

удобному, вполнѣ безопасному, нужному, даже необходимому для дѣйствительности молитвы, приличествующему всѣмъ благочестиво жительствующимъ и ищущимъ спасенія христіанамъ, и мірянамъ и инокамъ. Великій наставникъ иночествующихъ дважды говоритъ объ этомъ способѣ въ своей Лѣствицѣ, возводящей отъ земли на небо: въ словѣ о послушаніи и въ словѣ о молитвѣ. Уже то, что онъ излагаетъ свой способъ въ изложеніи ученія о послушаніи общежительныхъ иноковъ, съ очевидностью показываетъ, что этотъ способъ назначается и для новоначальныхъ иноковъ. Предложеніе способа повторяется въ отдѣльномъ, пространномъ ученіи о молитвѣ, послѣ наставленія для безмолвниковъ, слѣдовательно, повторяется для преуспѣвшихъ иноковъ: это показываетъ съ очевидностью, что способъ очень хорошъ и для безмолвниковъ, и для преуспѣвшихъ иноковъ. Повторяемъ, величайшее достоинство способа заключается въ томъ, что онъ, при всей удовлетворительности своей, вполнѣ безопасенъ. Въ словѣ о молитвѣ, объясняя способъ молитвы, святый Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: »подвизайся возвращать, — точнѣе, заключать мысль въ словахъ молитвы. Если по причинѣ младенчественности она изнеможетъ, и уклонится: опять введи ее. Свойственна уму нестоятельность. Можетъ же установить его Тотъ, Кто уставляетъ все. Если стяжешь это дѣланіе, и постоянно будешь держаться его, то придетъ Опредѣляющій въ тебѣ границы морю твоему, и скажетъ ему при молитвѣ твоей: *до сего дойдеши, и не прейдеши.* (Іов. 38: 11). Невозможно связывать духъ: но гдѣ присутствуетъ Создатель этого духа, тамъ все покоряется Ему». (Сл. 28. Гл. 17). Такимъ образомъ, постоянное возвращеніе вниманія ума къ словамъ молитвы есть необходимое условіе для обученія молитвѣ. »Начало молитвы — помыслы, отгоняемые молитвою при самомъ ихъ началѣ; средина — когда умъ пребываетъ въ однихъ словахъ, произносимыхъ гласно, или умомъ; конецъ — восхищеніе ума къ Богу.» (Тамъ же, гл. 19). Въ словѣ о послушаніи святый Іоаннъ говоритъ: »Борись съ мыслію непрестанно, возвра-

щая ее къ себѣ, когда она улетаетъ: Богъ не требуетъ отъ послушниковъ молитвы непрестанной. Не скорби, будучи окрадаемъ, но благодушествуй, постоянно возвращая умъ къ самому себѣ.» (Сл. 4, гл. 93). Въ этихъ словахъ преподанъ способъ внимательно молиться, молиться и гласно, и однимъ умомъ. Во внимательной молитвѣ не можетъ не принять участія сердце, какъ сказалъ преп. Маркъ. »Умъ, молящійся безъ развлеченія, утѣсняетъ сердце». (О мнящихся отъ дѣлъ оправдитися, гл. 34). Такимъ образомъ, кто будетъ молиться по способу, предложенному святымъ Іоанномъ Лѣствичникомъ, тотъ будетъ молиться и устами, и умомъ, и сердцемъ; тотъ, преуспѣвъ въ молитвѣ, стяжетъ умную и сердечную молитву, привлечетъ въ себя Божественную благодать, какъ видно изъ приведенныхъ словъ великаго наставника иноковъ . . . При такомъ образѣ упражненія молитвою какая можетъ быть прелесть? Лишь одно увлеченіе въ разсѣянность: погрѣшность, вполнѣ ярная, въ новоначальныхъ неизбѣжная, способная къ немедленному уврачеванію чрезъ возвращеніе мысли въ слова, уничтожаемая милостію и помощію Божіею, въ свое время, при постоянномъ подвигѣ.

Спросятъ: неужели такой великій Отецъ, жившій въ то время, когда умное дѣланіе процвѣтало, ничего не говоритъ о молитвѣ, совершаемой умомъ въ сердцѣ? (То есть о высшей степени молитвы?) Говоритъ, но такъ прикрыто, что одни знакомые опытно съ дѣланіемъ молитвы могутъ понять, о чемъ говорится. Такъ поступилъ святый, будучи руководимъ духовной мудростію, съ которою написана вся книга его. Изложивъ о молитвѣ самое вѣрное и удовлетворительное ученіе, могущее возвести дѣлателя въ благодатное состояніе, Лѣствичникъ выразился приточно о томъ, что совершается по осѣненіи молитвеннаго подвига благодатію. »Иное, сказалъ онъ, обращаться часто къ сердцу, а иное — быть по уму епископомъ сердца, княземъ и архіереемъ, приносящимъ Христу словесныя жертвы». (Слово 28, гл. 51) . . . Между Раиоскими иноками, для которыхъ написана блаженнымъ Іоанномъ »Лѣствица».

процвѣтала умная молитва подъ руководствомъ опытнаго, духовнаго наставленія. Объ этомъ святый писатель опять выражается приточно и прикровенно въ словѣ къ пастырю: »Прежде всего, о честный отецъ, потребна намъ духовная сила, чтобы тѣхъ, которыхъ мы пожелали ввести во Святая Святыхъ, которымъ вознамѣрились показать Христа, Почивающаго на ихъ таинственной и сокровенной трапезѣ, — въ особенности доколѣ они находятся въ преддверіи у этого входа, и когда увидимъ, что ихъ тѣснитъ и угнетаетъ народъ, съ цѣлью возбранить имъ желанный входъ — мы могли, взявъ за руку, какъ младенцевъ, освободить отъ народа помысловъ. Если же младенцы крайне голы и немощны, то необходимо намъ поднять ихъ на рамена, и возносить на раменахъ, доколѣ они пройдутъ чрезъ дверь входа, точно знаю: обычно тамъ быть всевозможной тѣснотѣ и давкѣ. Почему и сказалъ нѣкто объ этой тѣснотѣ: *сіе трудъ есть предо мною дондеже вниду въ святило Божіе* (Псал. 72: 16, 17), и трудъ простирается только до вшествія». (Глава 14). »Желающій видѣть Господа внутри себя, старается очистить сердце свое непрестанною намятію Божіею. Мысленная страна чистаго душею — внутри его. Солнце, сіяющее въ ней — свѣтъ Святыя Троицы. Воздухъ, которымъ дышатъ жители ея — Всесвятый Духъ. Жизнь, радость и веселіе этой страны — Христосъ, Свѣтъ отъ Свѣта — Отца. Это — Іерусалимъ и Царство Божіе, сокровенное *внутри насъ*, по слову Господа. Эта страна — облако славы Божіей: одни чистые сердцемъ войдутъ въ нее, чтобы увидѣть лице своего Владыки, и чтобы озарились умы ихъ лучемъ свѣта Его». (Исаакъ Сиринъ. Сл. 8). »Постарайся войти въ клѣть, которая внутри тебя, и увидишь клѣть небесную. Та и другая — одно: однимъ входомъ вступишь въ обѣ. Лѣствица къ Царству Небесному — внутри тебя; она устроена таинственно въ душѣ твоей. Погрузи себя въ себя отъ грѣха, и найдешь тамъ ступени, которыми возможешь взойти на небо». (Исаакъ Сиринъ. Слово 2-е).

Подобное сему говоритъ своимъ ученикамъ и преп.

Варсонофій, достигшій высшей степени духовнаго преуспѣянія . . . Внушается величайшее благоговѣніе къ молитвенному сердечному священнодѣйствію величественнымъ изображеніемъ его, сдѣланнымъ Отцами. Это благоговѣніе и самое благоразуміе требуютъ отъ насъ, чтобы мы отреклись отъ преждевременнаго, самочиннаго, гордостнаго, безразсуднаго усилія войти въ таинственное святилище. И благоговѣніе и благоразуміе научаютъ насъ пребывать внимательною молитвою, молитвою покаянія, при дверяхъ храма. Вниманіе и сокрушеніе духа — вотъ клѣть, которая дана въ пристанище кающимся грѣшникамъ. Она — преддверіе Святилища. Въ ней будемъ укрываться и заключаться отъ грѣха. Да соберутся въ эту Виѳезду всѣ, страждущіе нравственною хромотою, всѣ прокаженные, всѣ слѣпые и сухіе, словомъ всѣ недугующіе грѣхомъ, *чающіе движенія воды* — дѣйствія милости и благодати Божіей. Самъ и Единъ Господь, въ извѣстное Ему время, даруетъ исцѣленіе и входъ во святилище, единственно по своему непостижимому благоволенію. *Азъ вѣмъ, ихъ-же избрахъ*, говоритъ Спаситель. *Не вы Мене избрасте*, говоритъ Онъ избраннымъ Своимъ, *но Азъ избрахъ васъ, и положихъ васъ, да вы идете и плодъ принесете, да его же просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (Іоан. 15: 16).» (Т. 2. Стр. 264—266).

»Весьма хорошъ способъ обученія Іисусовой молитвѣ, предлагаемый священноинокомъ Дороѳеемъ, россійскимъ подвижникомъ и аскетическимъ писателемъ. »Кто молится устами, говоритъ священноинокъ, а о душѣ небрежетъ, и сердца не хранитъ, такой человѣкъ молится воздуху, а не Богу, и всуе трудится: потому что Богъ внимаетъ уму и усердію, а не многорѣчію. Молиться должно отъ всего усердія своего: отъ души, и ума, и сердца своего, со страхомъ Божіимъ, отъ всей крѣпости своей. Умная молитва не попускаетъ входить во внутреннюю клѣть ни паренію, ни сквернымъ помысламъ. Хочешь ли научиться дѣланію умной и сердечной молитвы? Я научу тебя. Внимай прилежно и разумно . . . Сначала должно тебѣ творить молитву

Іисусову голосомъ, то есть устами, языкомъ и рѣчью, вслухъ себѣ одному. Когда насытятся уста, языкъ и чувства молитвою, произносимою гласно, тогда гласная молитва прекращается, и начинаетъ она произноситься шопотомъ» . . . (Т. 2. Стр. 266).

»Гласная молитва сама собою переходитъ въ умную . . . а отъ умной молитвы является молитва сердечная . . . При особенномъ дѣйствіи разсѣянности, печали, унынія, лѣности очень полезно совершать молитву Іисусову гласно: на гласную молитву Іисусову душа мало по малу возбуждается отъ тяжкаго нравственнаго сна, въ который обычно ввергаютъ ее печаль и уныніе. Очень полезно совершать молитву Іисусову гласно при усиленномъ нашествіи помысловъ и мечтаній плотскаго вожделѣнія и гнѣва, когда отъ дѣйствія ихъ разгорячится и закипитъ кровь, отъимутся миръ и тишина у сердца, когда умъ поколеблется, ослабѣетъ, какъ бы ниспровергнется и свяжется множествомъ непотребныхъ помысловъ и мечтаній: воздушные князи злобы, присутствіе коихъ не обличается тѣлесными очами, но познается душою по производимому ими дѣйствію на нее, услышавъ грозное для нихъ имя Господа Іисуса, придутъ въ недоумѣніе и замѣшательство, устрашатся, не замедлятъ отступить отъ души. Способъ, предлагаемый священноинокомъ, очень простъ и удобенъ. Его надо соединить съ механизмомъ св. Іоанна Лѣствичника т. е. произносить молитву Іисусову гласно, не спѣша, и заключая умъ въ слова молитвы». (Цвѣтникъ, поуч. 32) (Т. I. Стр. 261).

Блаженный старецъ, іеромонахъ Серафимъ Саровскій, завѣщаваетъ новоначальному, по преждесуществовавшему общему обычаю въ Саровской пустынѣ, творить непрестанно молитву: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. »При молитвѣ, наставляетъ старецъ, внимай себѣ, то есть собирай умъ, и соединяй его съ душею. Сначала, день, два и болѣе, твори эту молитву однимъ умомъ, раздѣльно, внимая каждому слову особо. Когда Господь согрѣетъ сердце твое теплотою благодати Своея,

и соединитъ тебя во единъ духъ: тогда потечетъ въ тебѣ эта молитва непрестанно, и всегда будетъ съ тобою, наслаждая и питая тебя. Это-то и значатъ слова, сказанныя пророкомъ Исаіею: *роса яже о Тебѣ исцѣленіе имъ есть.* Когда же будешь содержать въ себѣ эту пищу душевную, то есть, бесѣду съ Господомъ, то зачѣмъ ходить по келліямъ братій, хотя кѣмъ и будешь призываемъ? Истинно сказываю тебѣ, что празднословіе есть и празднолюбіе. Если себя не понимаешь, то можешь ли разсуждать о чемъ, и учить другихъ? Молчи, непрестанно молчи; помни всегда присутствіе Бога и имя Его. Ни съ кѣмъ не вступай въ разговоръ, по вмѣстѣ и остерегайся осуждать разговаривающихъ и смѣющихся. Будь въ этомъ случаѣ глухъ и нѣмъ. Чтобы о тебѣ ни говорили, все пропускай мимо ушей. Въ примѣръ себѣ можешь взять Стефана Новаго, котораго молитва была непрестанна, нравъ кротокъ, уста молчаливы, сердце смиренно, духъ умиленъ, тѣло съ душею чисто, дѣвство непорочно, нищета истинная, и нестяжаніе пустынническое; послушаніе его было безропотливое, дѣланіе терпѣливое, трудъ усерденъ. Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, сколько кто ѣстъ, но внимай себѣ, питая душу молитвою». (Наставл. 32). Старецъ, давъ такое наставленіе новоначальному иноку, проводящему дѣятельную жизнь въ монастырскихъ трудахъ, и преподавъ ему упражненіе молитвою, приличествующею дѣятельному, воспрещаетъ преждевременное, безразсудное стремленіе къ жительству умозрительному и къ сообѣтствующей этому жительству молитвѣ. »Всякому, говоритъ онъ, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать съ дѣятельной жизни, а потомъ уже переходить къ умозрительной: потому что безъ дѣятельной жизни въ умозрительную придти невозможно. Дѣятельная жизнь служитъ къ очищенію насъ отъ грѣховныхъ страстей, и вводитъ насъ на степень дѣятельнаго совершенства, и тѣмъ самымъ пролагаетъ намъ путь къ умозрительной жизни. Къ сей могутъ приступать только очистившіеся отъ страстей и стяжавшіе полное обученіе въ дѣятельной жизни, какъ это можно видѣть изъ словъ

Свящ. Писанія: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*, и изъ словъ св. Григорія Богослова: къ умозрѣнію могутъ приступать только совершеннѣйшіе по своей опытности (въ дѣятельной жизни). Къ умозрительной жизни должно приступать со страхомъ и трепетомъ, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ, со многимъ испытаніемъ Святыхъ Писаній и подъ руководствомъ искуснаго старца, если такового можно найти, а не съ дерзостью и самочиніемъ. »Дерзостный и презорливый, по словамъ Григорія Синаита, не по достоинству своему взыскавъ (высокаго духовнаго состоянія), съ киченіемъ усиливается достигнуть его преждевременно.» И опять: »если кто мечтаетъ по мнѣнію своему достигнуть высокаго состоянія, и стяжалъ желаніе сатанинское, а не истинное, того діаволъ уловляетъ своими мрежами, какъ слугу своего». (Наст. 29). Предостерегая, такимъ образомъ, отъ гордостнаго стремленія къ высокимъ молитвеннымъ состояніямъ, старецъ настаиваетъ, можно сказать, на необходимости для всѣхъ вообще иноковъ, никакъ не исключая и самыхъ новоначальныхъ послушниковъ, внимательной жизни и непрестанной молитвы. Замѣчено, что, по большей части, то направленіе, которое примется при вступленіи въ монастырь, остается господствующимъ въ инокѣ на всю его жизнь. »Благодатныя дарованія, утверждаетъ Серафимъ, получаютъ только тѣ, которые имѣютъ внутреннее дѣланіе, и бдятъ о душахъ своихъ. Истинно рѣшившіеся служить Богу, должны упражняться въ памяти Божіей и непрестанной молитвѣ ко Господу Іисусу Христу, говоря умомъ: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Таковымъ упражненіемъ, при охраненіи себя отъ разсѣянности, и при соблюденіи мира совѣсти, можно приблизиться къ Богу, и соединиться съ Нимъ. Иначе, какъ непрестанною молитвою, по словамъ святаго Исаака Сирскаго, приблизиться къ Богу мы не можемъ». (Наст. 11). Новоначальный съ особеннымъ удобствомъ пріучается къ молитвѣ Іисусовой на продолжительныхъ монастырскихъ молитвословіяхъ. Присутствуя на нихъ, къ чему безплодно и ду-

шевредно скитаться мыслями повсюду? А этого невозможно избѣжать, если умъ не будетъ привязанъ къ чему либо. Займись молитвою Іисусовою: она удержитъ умъ отъ скитанія: ты сдѣлаешься гораздо сосредоточеннѣе, глубже; гораздо лучше будешь внимать чтенію и пѣснопѣніямъ церковнымъ, — вмѣстѣ непримѣтнымъ образомъ и постепенно обучишься умной молитвѣ. Желающему проводить внимательную жизнь, Серафимъ завѣщаваетъ не внимать постороннимъ слухамъ, отъ которыхъ голова наполняется праздными и суетными помышленіями и воспоминаніями; завѣщаваетъ не обращать вниманія на чужія дѣла, не размышлять, не судить и не говорить о нихъ; завѣщаваетъ избѣгать собесѣдованій.» . . . (Томъ 2. Стр. 269).

»Очевидно, что способы, предложенные священноинокомъ Дорооеемъ и старцемъ Серафимомъ, тождественны со способомъ, предложеннымъ святымъ Іоанномъ Лѣствичникомъ. Но св. Іоаннъ изложилъ свой способъ съ особенною ясностью и опредѣленностью . . . Опытъ показываетъ, что при употребленіи этого способа, въ особенности сначала, должно произносить слова съ крайнею неспѣшностію, чтобы умъ успѣвалъ вмѣщаться въ слова, какъ въ формы; этого нельзя достигнуть при поспѣшномъ чтеніи. Способъ св. Іоанна весьма удобенъ и при упражненіи молитвою Іисусовою, и при келейномъ чтеніи молитвословій, даже при чтеніи Писанія и отеческихъ книгъ. Пріучиться къ нему должно, какъ бы читая по складамъ, — съ такою неспѣшностью». (Т. 2. Стр. 270).

»Молитвы учитель — Богъ; истинная молитва — даръ Божій. Молящемуся въ сокрушеніи духа, постоянно, со страхомъ Божіимъ, со вниманіемъ, Самъ Богъ даетъ постепенное преуспѣяніе въ молитвѣ. Отъ внимательной и смиренной молитвы является духовное дѣйствіе и духовная теплота, отъ которыхъ оживаетъ сердце. Ожившее сердце привлекаетъ къ себѣ умъ, дѣлается храмомъ благодатной молитвы и сокровищницею доставляемыхъ ею по ея свойству духовныхъ даровъ. »Потрудись, говорятъ великіе подвижники и учители молитвы, сердечнымъ болѣз-

нованіемъ пріобрѣсти теплоту и молитву, и Богъ дастъ тебѣ имѣть всегда. Забвеніе изгоняетъ ихъ; само же оно рождается отъ нерадѣнія.» (Св. Варсонофій).

Послѣ ознакомленія съ приведенными выше наставленіями, Епископъ Игнатій особенно рекомендуетъ сочиненія Паисія Величковскаго и друга его, схимонаха Василія, а также книгу преп. Нила Сорскаго. Сочиненіямъ Паисія и Василія мы уже посвятили особую бесѣду, а о книгѣ преп. Нила скажемъ сейчасъ. »Мала эта книга, пишетъ Еп. Игнатій, но духовный объемъ ея необыкновенной величины. Трудно найти вопросъ о умномъ дѣланіи, который не былъ бы разрѣшенъ въ ней. Все изложено съ необыкновенною простотою, ясностью и удовлетворительностью. Такъ изложенъ и способъ упражненія молитвою Іисусовою. Впрочемъ, какъ способъ, такъ и вся книга предназначены для иноковъ, уже способныхъ къ безмолвію. Преп. Нилъ завѣщаваетъ *молчать* мыслію, не только не допуская себѣ помышлять о чемъ либо грѣховномъ и суетномъ, но и о полезномъ, повидимому, и духовномъ. Вмѣсто всякой мысли онъ повелѣваетъ непрестанно взирать въ глубину сердца, и говорить: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Молиться можно и стоя, и сидя, и лежа; крѣпкіе по здоровью и силамъ молятся стоя и сидя, немощные могутъ молиться и лежа, потому что въ этой молитвѣ господствуетъ не подвигъ тѣла, а подвигъ духа. Должно давать тѣлу такое положеніе, которое бы предоставляло духу всю свободу къ свойственному ему дѣйствію. Помнить надо, что здѣсь говорится о дѣланіи иноковъ, которые достаточнымъ тѣлеснымъ подвигомъ привели въ должный порядокъ свои тѣлесныя влеченія, и по причинѣ преуспѣянія своего перешли отъ тѣлеснаго подвига къ душевному. Преп. Нилъ повелѣваетъ затворить умъ въ сердцѣ, и пріудерживать по возможности дыханіе, чтобы не часто дышать. Это значитъ: надо дышать очень тихо. Вообще всѣ движенія крови должно удерживать, и содержать душу и тѣло въ спокойномъ положеніи, въ положеніи тишины, благоговѣнія и страха Божія. Безъ этого духовное

дѣйствіе появиться въ насъ не можетъ: оно появляется тогда, когда утихнутъ всѣ кровяныя движенія и порывы. Опытъ скоро научитъ, что удерживаніе дыханія, то есть, не частое и не грубое производство дыханія, очень способствуетъ приведенію себя въ состояніе тишины и къ собранію ума отъ скитанія. »Много добродѣтельныхъ дѣланій, говоритъ свят. Нилъ, но всѣ онѣ — частныя; сердечная же молитва — источникъ всѣхъ благъ; она напояетъ душу, какъ сады. Это дѣланіе, состоящее въ блюденіи ума въ сердцѣ, внѣ всякихъ помысловъ, для необучившихся ему крайне трудно; трудно оно не только для новоначальныхъ, но и для долго трудившихся дѣлателей, которые еще не пріяли и не удержали внутри сердца молитвенной сладости отъ дѣйствія благодати, Изъ опыта извѣстно, что для немощныхъ это дѣланіе представляется очень тяжкимъ и неудобнымъ. Когда же кто пріобрѣтетъ благодать, тогда молится безъ труда и съ любовію, будучи утѣшаемъ благодатію. Когда придетъ *дѣйствіе* молитвы, тогда оно привлекаетъ умъ къ себѣ, веселитъ и освобождаетъ отъ паренія». (Преданіе ученик. сл. 2). Чтобы пріучиться къ способу, предлагаемому препод. Ниломъ Сорскимъ, очень хорошо присоединить его къ способу св.Іоанна Лѣствичника, молясь очень неспѣшно. Въ преподаваніи своего способа преп. Нилъ ссылается на многихъ отцовъ Восточной и Вселенской Церкви, преимущественно же на преп. Григорія Синаита» (Т. 2. Стр. 280), въ ученіи котораго »о молитвѣ замѣчается та особенность, что онъ уставляетъ умъ сосредоточивать въ сердцѣ. Это и есть то дѣланіе, которое Отцы называютъ художественнымъ дѣланіемъ молитвы, которое они воспрещаютъ новоначальнымъ инокамъ и мірянамъ, къ которому нужно значительное предуготовительное обученіе, къ которому и предуготовленные иноки должны приступать съ величайшимъ благоговѣніемъ, страхомъ Божіимъ, осторожностью.» (Т. 2. Стр. 284).

У Епископа Ѳеофана мы находимъ дополненіе къ этимъ словамъ. »Какъ возгрѣвали въ себѣ духъ молитвенный и

утверждались въ молитвѣ подвижники, отцы и учители наши? Главное, чего они искали, состояло въ томъ, дабы сердце горѣло къ единому Господу безпрестанно. Богъ требуетъ сердца, потому что въ немъ исходище жизни. Гдѣ сердце, тамъ сознаніе, вниманіе и умъ, тамъ вся душа. Когда сердце въ Богѣ, тогда и вся душа въ Богѣ, и предстоитъ человѣкъ въ непрестанномъ поклоненіи Ему духомъ и истиною. Это главное иными доставалось скоро и легко. Милость Божія! Какъ глубоко потрясаль ихъ страхъ Божій, какъ скоро оживала совѣсть во всей своей силѣ, какъ стремительно возжигалась ревность — держать себя предъ Господомъ чисто и непорочно, какъ скоро трудъ богоугожденія раздувалъ этотъ огонекъ и превращалъ его въ пламень! Это серафимскія души, пламенныя, быстродвижныя, многодѣятельныя. Но у другихъ все идетъ вяло. Строй ли ихъ естественный такой, или другія о нихъ намѣренія Божіи, только сердце ихъ не скоро согрѣвается. Казалось бы, они ужъ навыкли всѣмъ дѣламъ благочестія, и жизнь у нихъ идетъ праведно; а нѣтъ, — на сердцѣ все не то, чему бы слѣдовало быть. Такъ бываетъ не только съ мірянами, но и съ живущими въ обителяхъ, и даже съ отшельниками. Богъ вразумилъ, и труженики трезвѣнія установили особый способъ привитія къ сердцу неисходной молитвы ко Господу, согрѣвающей сердце. Мы объ этомъ поминали не разъ. Опытъ оправдалъ этотъ пріемъ успѣхомъ, и онъ сталъ почти повсюденъ, и всѣ, которые проходятъ его какъ слѣдуетъ, успѣваютъ». (Сборн. о мол. Іисусовой. § 95).

»Изъ опытовъ въ духовной жизни можно вывесть весьма вѣрное заключеніе, что у кого есть усердіе молиться, того нечего учить, какъ усовершенствоваться въ молитвѣ. Самый трудъ молитвенный, съ терпѣніемъ продолжаемый, доведетъ его и до высшихъ степеней молитвы. Но что дѣлать немощнымъ, вялымъ и особенно тѣмъ, которые прежде чѣмъ дошли до разумѣнія, какова должна быть молитва, успѣли затвердѣть во внѣшней формальности и охладѣли въ навыкновеніи порядкамъ уставного молитвословія? Имъ

остается еще прибѣжище — художественное дѣланіе умной молитвы ко Господу. И не для нихъ ли преимущественно и изобрѣтено это художественное дѣланіе, или, иначе, искусственное привитіе къ сердцу умной молитвы Іисусовой?» (Сб. о. мол. Іусус. § 96).

Прохожденіе молитвы Іисусовой, по словамъ Еп. Игнатія, не можетъ быть успѣшно, если оно не сопровождается исполненіемъ Евангельскихъ заповѣдей. »*Да отступитъ отъ неправды всякъ, именуяй имя Господне*, завѣщаваетъ Апостолъ. Это завѣщаніе, относясь ко всѣмъ христіанамъ, въ особенности относится къ вознамѣрившимся упражняться непрестаннымъ моленіемъ именемъ Господа Іисуса. Пречистое имя Іисуса не терпитъ пребывать посреди нечистоты; оно требуетъ, чтобы изъ сосуда душевнаго было извергнуто и извергаемо все нечистое; входя въ сосудъ по степени чистоты его, оно само начинаетъ дѣйствовать въ немъ и совершать дальнѣйшее очищеніе, для котораго собственныя усилія человѣка недостаточны и которое требуется для того, чтобы сосудъ сдѣлался достойнымъ вмѣстилищемъ духовнаго сокровища, всесвятой святыни . . . Необходимое, существенное условіе преуспѣянія въ молитвѣ Іисусовой есть пребываніе въ заповѣдяхъ Господа Іисуса. *Будете въ любви Моей*, сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ. Что значитъ пребывать въ любви къ Господу? Значитъ: непрестанно памятовать о Немъ, непрестанно пребывать въ единеніи съ Нимъ по духу. Первое безъ послѣдняго мертво, и даже не можетъ осуществиться. *Аще заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей;* если будемъ постоянно соблюдать заповѣди Господа, то духомъ нашимъ соединимся съ Нимъ. Если соединимся съ Нимъ духомъ, то устремимся къ Нему всѣмъ существомъ нашимъ, будемъ непрестанно памятовать о Немъ. Направь поступки твои, все поведеніе твое по заповѣдямъ Господа Іисуса Христа, направь по нимъ слова твои, направь по нимъ мысли и чувствованія твои, — и познаешь свойства Іисуса. Ощутивъ въ себѣ эти свойства дѣйствіемъ Божественной благодати, и изъ этого ощущенія стяжавъ опыт-

ное познаніе ихъ, ты усладишься сладостію нетлѣнною, непринадлежащею міру и вѣку сему, сладостію тихою, но сильною, уничтожающею расположеніе сердца ко всѣмъ земнымъ наслажденіямъ. Усладившись свойствами Іисуса, возлюбишь Его, и возжелаешь, чтобы Онъ вполнѣ обиталъ въ тебѣ: безъ Него сочтешь себя погибающимъ и погибшимъ. Тогда будешь непрестанно вопіять, вопіять изъ полноты убѣжденія, отъ всей души: *Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Молитва Іисусова замѣнитъ для тебя всѣ прочія молитвословія. И всѣ онѣ, какую могутъ вмѣстить и изложить мысль, болѣе обширную мысли о помилованіи грѣшныхъ Іисусомъ? Положи себѣ единственною цѣлію жизни исполненіе воли Іисусовой во всякомъ обстоятельствѣ, какъ бы оно повидимому ни было важно или мелочно; старайся дѣлать дѣла, единственно благоугодныя Іисусу, и всѣ дѣла твои будутъ одинаково достойны неба. Возлюби волю Іисуса паче пожеланій плоти твоей, паче спокойствія и удобствъ твоихъ, паче жизни, паче души твоей. Какъ можно чаще читай Евангеліе, изучай въ немъ волю Господа и Спаса твоего: не оставь безъ вниманія ни малѣйшей черты изъ Евангелія, никакой маловажной, по наружности, заповѣди. Обуздывай и умерщвляй всѣ движенія собственныя твои, не только грѣховныя, но повидимому и добрыя, принадлежащія падшему человѣческому естеству . . . Да молчитъ въ тебѣ все ветхое твое. Да дѣйствуетъ въ тебѣ единъ Іисусъ святѣйшими заповѣдями Своими, помышленіями и ощущеніями, истекающими изъ этихъ заповѣдей. Если будешь жительствовать такимъ образомъ, то непремѣнно процвѣтетъ въ тебѣ молитва Іисусова, независимо отъ того, пребываешь ли ты въ глубокой пустынѣ, или посреди молвы общежитія: потому что мѣсто вселенія и покой этой молитвы — умъ и сердце, обновленные познаніемъ, вкушеніемъ, исполненіемъ *воли Божіей, угодной и совершенной.* Жительство по Евангельскимъ заповѣдямъ есть единый и истинный источникъ духовнаго преуспѣянія, доступный для каждаго, искренно желающаго преуспѣть, въ какое бы

наружное положеніе онъ ни былъ поставленъ недовѣдомымъ промысломъ Божіимъ». (Т. 2. Стр. 309).

»Упражненіе молитвою Іисусовою по самому свойству этого упражненія требуетъ непрерывнаго бодрствованія надъ собою. »Благоговѣйная осторожность, говоритъ старецъ Серафимъ, здѣсь нужна по той причинѣ, что *сіе море*, то есть сердце съ своими помыслами и пожеланіями, которое должно очистить посредствомъ вниманія, *велико и пространно: тамо гади, ихъ же нѣсть числа* (Пс. 103: 25), то есть многіе помыслы суетные, неправые и нечистые, порожденія злыхъ духовъ» . . . Непрестанно должно наблюдать за собою, чтобы умъ и сердце пребывали въ волѣ Іисусовой, и слѣдовали Его святымъ велѣніямъ . . . Положить другого основанія для моленія, кромѣ положеннаго, невозможно: оно есть Самъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, Богочеловѣкъ, непостижимо прикрывшій неограниченное естество Божіе ограниченнымъ естествомъ человѣка, и изъ ограниченнаго человѣческаго естества проявляющій дѣйствія неограниченнаго Бога.

По младенчеству нашему св. Отцы преподаютъ нѣкоторыя внѣшнія пособія для удобнѣйшаго пріобученія себя молитвѣ Іисусовой. Эти пособія не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. На нихъ не должно останавливаться съ излишнимъ вниманіемъ. Имъ не должно придавать излишней важности. Вся сила и все дѣйствіе молитвы Іисусовой истекаетъ изъ покланяемаго и всемогущаго имени Іисусъ, имени, *единаго подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ*. Чтобы содѣлаться способными къ открытію этого дѣйствія въ насъ, мы должны быть воздѣланы Евангельскими заповѣдями, какъ и Господь сказалъ: *Не всякъ глаголяй Ми Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное*, и въ то, которое ожидаетъ насъ по блаженной кончинѣ, и въ то, которое раскрывается въ насъ во время земной жизни нашей, *но творяй волю Отца Моего, иже на небесѣхъ*. Для преуспѣвшихъ не нужны никакія внѣшнія пособія: среди шумящаго многолюдства, они пребываютъ въ безмолвіи. Всѣ препятствія къ преуспѣя-

нію духовному — въ насъ, въ однихъ насъ! Если же что извнѣ дѣйствуетъ, какъ препятствіе: то это только служитъ обличеніемъ нашего немощнаго произволенія, нашего двоедушія, нашего поврежденія грѣхомъ . . . Жительство наше разслаблено, произволеніе шатко, ничтожно: потому мы и нуждаемся во внѣшнихъ пособіяхъ, какъ больные ногами въ костыляхъ и посохѣ. Милосердые Отцы, видя, что я желаю заняться Іисусовою молитвою, притомъ видя, что я вполнѣ живъ для міра, что онъ сильно дѣйствуетъ на меня черезъ мои чувства, совѣтуютъ мнѣ для моленія войти въ уединенную, темную келлію, чтобы такимъ образомъ чувства мои пришли въ бездѣйствіе, прервано было мое сообщеніе съ міромъ, облегчено было мое углубленіе въ себя. Они совѣтуютъ сидѣть во время упражненія молитвою Іисусовою на низменномъ стулѣ, чтобы я, по тѣлу, имѣлъ положеніе нищаго, просящаго милостыню, и удобнѣе ощутилъ нищету души моей. Когда я присутствую при Богослуженіи, и во время его занимаюсь молитвою Іисусовою, Отцы совѣтуютъ мнѣ закрывать глаза для сохраненія себя отъ разсѣянности, потому что мое зрѣніе живо для вещества, и едва открою глаза, какъ начнутъ тотчасъ напечатлѣваться на умѣ моемъ видимые мною предметы, и отвлекутъ меня отъ молитвы. Много и другихъ внѣшнихъ пособій, найденныхъ дѣлателями молитвы для вещественнаго вспомоществованія духовному подвигу — эти пособія могутъ быть употреблены съ пользою. Но при употребленіи ихъ должно соображаться съ душевными и тѣлесными свойствами каждаго: какой-либо механическій способъ, весьма хорошо идущій для одного подвижника, для другого можетъ быть безполезнымъ и даже вреднымъ. Преуспѣвшіе отвергаютъ вещественныя пособія, какъ исцѣлѣвшій отъ хромоты кидаетъ костыль, какъ возросшій младенецъ освобождается отъ пеленъ, какъ отъ выстроеннаго дома снимаютъ лѣса, при помощи которыхъ онъ строился.

Для всѣхъ и каждаго, какъ было уже сказано въ началѣ, существенно полезно *начинать* обученіе моленію именемъ Господа Іисуса съ совершенія молитвы Іисусовой *устно*

при заключеніи ума въ слова молитвы . . . Предоставимъ Самому Господу преобразовать внимательную устную молитву нашу въ умную, сердечную и душевную. Онъ непремѣнно совершитъ это, когда узритъ насъ сколько нибудь очищенными, воспитанными, возращенными, пріуготовленными дѣланіемъ Евангельскихъ заповѣдей. Благоразумный родитель не даетъ остраго меча младенцу, сыну своему. Младенецъ не въ состояніи употребить меча противъ врага: онъ будетъ играть мечемъ грознымъ, скоро и легко пронзитъ имъ себя. Младенецъ по духовному возрасту неспособенъ къ дарованіямъ духовнымъ: онъ употребитъ ихъ не во славу Божію, не въ пользу свою и ближнихъ, не для пораженія невидимыхъ враговъ; употребитъ ихъ для пораженія самого себя, возмечтавъ о себѣ, исполнясь пагубнаго превозношенія, пагубнаго презорства къ ближнимъ. И чуждые дарованій духовныхъ, исполненные смрадныхъ страстей, мы гордимся и величаемся, мы не перестаемъ осуждать и уничижать ближнихъ, которые по всѣмъ отношеніямъ лучше насъ! Что было бы, если бы намъ повѣрилось какое либо духовное богатство, какое либо духовное дарованіе, отдѣляющее обладателя своего отъ братій его, свидѣтельствующее о немъ, что онъ — избранникъ Божій?! Не сдѣлалось ли бы оно для насъ причиною страшнаго душевнаго бѣдствія? Потщимся усовершиться въ смиреніи, которое состоитъ въ особенномъ блаженномъ настроеніи сердца, и является въ сердцѣ отъ исполненія Евангельскихъ заповѣдей. Смиреніе есть тотъ единственный жертвенникъ, на которомъ дозволяется намъ закономъ духовнымъ приносить жертву молитвы, на которомъ принесенная жертва молитвы восходитъ къ Богу, является лицу Его. Смиреніе есть тотъ единственный сосудъ, въ который влагаются перстомъ Божіимъ благодатныя дарованія». (Т. 2. Стр. 312).

»Жизнь въ монастырѣ, особенно въ общежительномъ, способствуетъ новоначальному къ успѣшному и прочному обученію молитвѣ черезъ смиреніе, рождающееся отъ послушанія. »Отъ послушанія — смиреніе«, сказали Отцы.

Смиреніе рождается отъ послушанія и поддерживается послушаніемъ, какъ поддерживается горѣніе свѣтильника подливаемымъ масломъ. Смиреніемъ вводится въ душу миръ Божій. Миръ Божій есть духовное мѣсто Божіе, духовное небо; вошедшіе въ это небо человѣки содѣлываются равноангельными и, подобно Ангеламъ, непрестанно поютъ въ сердцахъ своихъ духовную пѣснь Богу, то есть приносятъ чистую, святую молитву, которая въ преуспѣвшихъ есть точно пѣснь и пѣснь пѣсней. По этой причинѣ послушаніе, которымъ доставляется безцѣнное сокровище смиренія, признано единодушно Отцами за дверь, вводящую законно и правильно въ умную и сердечную молитву, или, что то же, въ истинное священное безмолвіе . . . Послушаніе служитъ начальною причиною, уничтожающею разсѣянность, отъ которой молитва бываетъ безплодною; служа причиною смиренія, послушаніе уничтожаетъ ожесточеніе, при которомъ молитва мертва; прогоняетъ смущеніе, при которомъ молитва потребна; помазуетъ сердце умиленіемъ, отъ котораго молитва оживаетъ, окрыляется и возлетаетъ къ Богу . . . Если инокъ будетъ вести себя въ монастырѣ подобно страннику, не заводя знакомства внѣ и внутри монастыря, не ходя по братскимъ келліямъ и не принимая братію въ свою келлію, не заводя въ келліи никакихъ излишествъ, не исполняя своихъ пожеланій, трудясь въ монастырскихъ послушаніяхъ со смиреніемъ и добросовѣстностью, прибѣгая часто къ исповѣди согрѣшеній, повинуясь настоятелю и прочимъ властямъ монастырскимъ безропотно, въ простотѣ сердца: то, безъ сомнѣнія, преуспѣетъ въ молитвѣ Іисусовой, то есть получитъ даръ заниматься ею внимательно и проливать при ней слезы покаянія». (Т. I. Стр. 273—274).

»Займемся молитвою Іисусовою безкорыстно, съ простотою и прямотою намѣренія, съ цѣлію покаянія, съ вѣрою въ Бога, съ совершенною преданностію волѣ Божіей, съ упованіемъ на премудрость, благость, всемогущество этой святой воли. При избраніи механическихъ способовъ постараемся поступить со всевозможною осмотрительностію

и благоразумiемъ, не увлекаясь пустою пытливостью, безотчетливою ревностiю, которая неопытнымъ представляется добродѣтелью, а святыми Отцами названа гордостною дерзостiю, разгоряченiемъ безумнымъ. Будемъ преимущественно обращаться къ способамъ простѣйшимъ и смиреннѣйшимъ, какъ къ безопаснѣйшимъ. Повторяемъ: всѣ механическiя пособiя должно считать не инымъ чѣмъ, какъ только пособiями, содѣлавшимися для насъ полезными по причинѣ немощи нашей. Не возложимъ упованiя нашего ни на нихъ, ни на количество дѣланiя нашего, чтобы не похищено было у насъ татебнымъ образомъ упованіе на Господа, чтобы по сущности дѣла мы не оказались уповающими на себя, или на что-либо вещественное и суетное. Не будемъ искать наслажденiя, видѣнiй: мы — грѣшники, недостойные духовныхъ наслажденiй и видѣнiй, неспособны къ нимъ по ветхости нашей. Внимательною молитвою взыщемъ обратить взоры ума на самихъ себя, чтобы открыть въ себѣ нашу грѣховность. Когда откроемъ ее, встанемъ мысленно предъ Господомъ нашимъ Iисусомъ Христомъ въ ликѣ прокаженныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, глухихъ, разслабленныхъ, бѣснующихся; начнемъ предъ Нимъ изъ нищеты духа нашего, изъ сердца, сокрушеннаго болѣзнiю о грѣховности нашей, плачевный молитвенный вопль. Этотъ вопль да будетъ неограниченно обиленъ: да окажется всякое многословiе и всякое разнообразiе словъ неспособнымъ къ выраженiю его. По обилiю и невыразимости его, да облѣкается онъ непрестанно, да облекается онъ въ малословную, но обширнаго значенiя молитву: *Господи, Iисусе Христе, Сыне Божiй, помилуй мя грѣшнаго.* Аминь.» (Т. 2. Стр. 313).

Такими словами заканчиваетъ Епископъ Игнатiй свои наставленiя о молитвѣ Iисусовой. Если вы желаете познакомиться съ ними подробнѣе, вамъ нужно обратиться къ собранiю его сочиненiй.

Отъ старцевъ-епископовъ обратимся къ старцамъ-iеросхимонахамъ, подвизавшимся подъ сѣнiю Оптиной Пустыни. Переходя прежде всего къ письмамъ старца

іеросхимонаха Макарія, отмѣтимъ въ нихъ характерныя черты, присущія этому старцу, и обращающія на себя вниманіе при чтеніи его писемъ. Первая черта заключается въ томъ, что старецъ строго осуждаетъ такое изученіе Слова Божія и святоотеческихъ книгъ, которое имѣетъ цѣлію одно только пріобрѣтеніе теоретическихъ познаній и обогащеніе памяти. По его словамъ, такое изученіе не приноситъ истинной пользы и можетъ только питать тщеславіе. Настоящее же изученіе Слова Божія и святоотеческихъ книгъ есть то, которое совершается практическимъ исполненіемъ читаемаго, жизненнымъ подвигомъ, и къ этому онъ призываетъ своихъ учениковъ. Вторая черта старца Макарія заключается въ томъ, что онъ особенно настойчиво требуетъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей смиренія, считая эту добродѣтель основаніемъ правильной христіанской жизни, а отсутствіе ея — источникомъ всѣхъ неправильностей въ духовной жизни христіанина. Помня эти двѣ черты старца Макарія, можно правильно понимать его духовный обликъ и характеръ его писемъ и наставленій. Перехожу къ выдержкамъ изъ его писемъ.

»Получа письмо, желаю отвѣтить на оное, но не надѣюсь удовлетворительно написать вамъ на ваше недоумѣніе, самъ ничто же сый и ничто же вѣдый отъ искуса. Развѣ нѣчто скажу въ предостереженіе, какъ святые Отцы велятъ опасаться принимать за великое какія-либо ощущаемыя дѣйствія и слезы. Мы еще далеки отъ умозрительной молитвы: какъ же будемъ думать, что и плоды оной снискали? Намъ хотя бы мало знать слѣды дѣятельной молитвы, какъ оною смиренно прогонять востающіе на насъ разнаго рода страстные помыслы, припадая къ Господу со страхомъ многимъ. Объ ономъ совѣтую читать книжку преп. Нила Сорскаго, а ежели и есть тамъ о плодахъ молитвы или умнаго дѣланія, то это относится до людей, достигшихъ высокой мѣры. Преп. Нилъ пишетъ въ 11-мъ словѣ, чтобы не искать прежде времени того, что подобаетъ времени и проч. Сіе умное дѣланіе и трезвѣніе требуетъ многаго времени, подвига и труда, со многимъ вниманіемъ и смире-

ніемъ; а кто »безстыдно и самонадѣянно хочетъ взойти къ Богу, и въ чистотѣ бесѣдовать съ Нимъ, и нудится имѣть Его въ себѣ, тотъ легко умерщвляется отъ бѣсовъ; говорю, если будетъ это попущено; ибо дерзновенно и опрометчиво, ища горделиво того, что выше нашего достоинства и устроенія, добиваться достигнуть его». Прочтите у св. Исаака во 2-мъ словѣ: »если прежде дѣятельнаго подвига перейдемъ къ созерцанію, приходитъ на насъ гнѣвъ Божій; Божіе же само по себѣ приходитъ незамѣтно для тебя, но если мѣсто будетъ чисто, а не скверно.» О слезахъ читайте у св. Лѣствичника, и увидите, какія изъ нихъ надежны. Вообще надобно видѣть всегда свою худость и смиряться, имѣя борьбу съ сильными и гордыми бѣсами; безъ смиренія скоро низлагаются дерзающіе. Читайте главы св. Григорія Синаита о прелести. Поучайтесь въ ученіяхъ и прочихъ св. отцевъ». (Письма къ монахамъ. Т. I. Письмо 113, стр. 167).

»Болѣе старайтесь проходить дѣятельную добродѣтель заповѣдями Божіими; а умозрительной еще не касайтесь, ибо оная по очищеніи страстей дѣятельною сама покажетъ путь (къ себѣ) . . . Какія бы вы ни проходили высокія дѣланія духовныя, безъ болѣзни сердечной, по слову св. отцевъ, оныя мало намъ принесутъ пользы.» (Тамъ же, письмо 115, стр. 173).

»Изъ письма твоего вижу, что ты принялась проходить умную молитву, и нудишь себя не имѣть никакихъ помысловъ, а не могши ихъ отогнать, смущаешься и дѣлается помраченіе ума. Меня это ужасаетъ, что ты юная и страстная дерзнула приступить самочинно къ столь великому дѣлу умнаго дѣланія и блюденія ума, которое прилично находящимся въ высокомъ устроеніи; а ты отъ одного чтенія, ни съ кѣмъ не спросясь, дерзнула идти на такую высоту! За это находитъ гнѣвъ Божій: не только помрачаются, но и совсѣмъ сходятъ съ ума, и бываютъ поругаемы бѣсами. Да они тобою и ругаются, обольщая тебя, что будто бы ты дѣлаешь великое дѣло: говорятъ тебѣ: »оставь молитву; я не борюсь съ тобою». Видишь, какая лесть

вражія, чтобы привести тебя въ гордость, что ты будто бы молитвеница. Ты взгляни на свою жизнь, какъ ты жила и живешь: юно и самочинно, вся во страстяхъ, не имѣешь послушанія и покорности къ старшимъ себѣ, съ матерью N ссоришься и прекословишь, такъ что доходитъ и до злобы; и вмѣсто того, чтобы отъ послушанія рождающимся смиреніемъ низлагать страсти, ты, увлекаясь гордостью, еще болѣе углубляешься въ страсти, и чуть было не впала въ глубочайшій ровъ — любострастіе . . . И это показываетъ твою гордость. Какъ же тебѣ посмѣть восходить на высоту умнаго дѣланія, когда ты находишься въ такомъ жалкомъ устроеніи? И тѣ, которые проходятъ путь истиннаго послушанія, самоотверженія, и нудятся къ исполненію заповѣдей Божіихъ, смиряются, считаютъ себя хуже всѣхъ, да еще имѣютъ наставниковъ благодати, и тѣ, проходя умную молитву, въ бѣдѣ находятся, ради многихъ бывающихъ прелестей и сѣтей вражіихъ, являющихся подъ видомъ истинныхъ благодатныхъ дѣйствій. А ты и понятія о семъ не имѣешь, и дерзнула приступить къ столь высокому дѣланію выше своего разума и устроенія. Итакъ, предлагаю тебѣ и строго запрещаю, оставь твое начинаніе, а проходи путь послушанія, въ отсѣченіи своей воли и разума, сопротивляйся страстямъ; при нападеніи оныхъ открывайся могущимъ тебя уврачевать. Если бы ты открывалась прежде, то не пострадала бы то, что пострадала . . . И отъ всего онаго смирись, и считай себя хуже всѣхъ, и Господь помилуетъ тебя. Мать N правду тебѣ говоритъ, что не можетъ тебя благословить проходить умную молитву, я тебѣ это подтверждаю. Иди путемъ смиреннымъ, и получишь спасеніе. Молись Богу въ простотѣ сердца, находящіе помыслы прогоняй смиреніемъ, и не думай, что можешь сама ихъ отгонять; и молитва твоя не истинная; въ смиреніи отгоняется смущеніе, и ты можешь успокоиваться, считая себя сквернѣйшею всѣхъ; отъ усиленія противиться помысламъ помрачается умъ и смущеніе увеличивается. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ: »Богъ не взыскиваетъ отъ новоначальныхъ послушниковъ молитвы безъ паренія. Поэтому не скорби,

будучи мыслями расхищаемъ, но благодушествуй, возводи умъ твой ко вниманію; никогда бо не быть расхищаему мыслями, единому Ангелу свойственно». Еще: »Загляни въ умъ неискусныхъ послушниковъ, и обрящешь тамъ мысль заблужденную, т. е. исканіе высокихъ добродѣтелей, въ томъ числѣ исканіе неразвлекаемой отъ помысловъ молитвы. Они безразсудно перескакиваютъ черезъ низшія ступени, будучи обольщаемы врагомъ, съ тѣмъ, чтобы, искавши прежде времени сихъ совершенствъ, и въ свое время ихъ не получили». Итакъ, совѣтую тебѣ оставить читать Добротолюбіе и Нила Сорскаго, въ коихъ есть много полезнаго, но ты полезное оставляешь, и прежде времени нудишься на высокое, — а оно выше мѣры твоея; а читай св. Іоанна Лѣствичника, аввы Дороѳея и прочихъ отцовъ дѣятельныя словеса, и старайся, по силѣ, побѣждать страсти, а за высокое не берись. Св. Исаакъ Сиринъ пишетъ: »Горе и люто есть предати новоначальному высокое» (Письма, т. 2-й, письмо 56, стр. 140).

»Я тебѣ напоминалъ, что нельзя всегда быть на Ѳаворѣ, нужна и Голгофа: а то неполезно имѣть одни духовныя наслажденія, безъ огорченій — это путь опасный! Упоминаешь о пустотѣ и безплодности жизни, — это мысль не пустая, но также отъ гордости происшедшая. Скажи мнѣ, чего ты хочешь въ себѣ видѣть? Какихъ-нибудь благодатныхъ дарованій? Утѣшеній духовныхъ? Слезъ? Радости? Восхищенія ума? Но ты не успѣла придти въ обитель, и лѣзешь на небо: а таковыхъ повелѣваютъ отцы свергнуть долу. Видишь, какъ мы горды, все хочется видѣть, что мы »Я», а не ничто . . . Какъ мало еще твое понятіе въ духовномъ разумѣ: ты дѣлай, а не ищи дарованій; паче же смотри свои грѣхи, какъ песокъ морской, и болѣзнуй о нихъ . . . Наше ли дѣло искать въ себѣ плодовъ не во-время! Это знакъ гордости; а даже въ пустотѣ и въ душевной горести должно нисходить во глубину смиренія, а не говорить: »гдѣ же искать спасенія?» То-то и горе, что мы все хотимъ видѣть въ себѣ святыню, а не смиреніе» (Письма, т. 2-й, письмо 106, стр. 222).

»Ты, читая старца Паисія о молитвѣ, и мечтаешь о ней; а взгляни на себя — въ смущенномъ духѣ какая будетъ молитва? Не молитва, а маска молитвы, по слову св. Макарія. А св. Симеонъ, Новый Богословъ, въ 3-мъ образѣ молитвы какъ велитъ къ ней приступать? »Хранить совѣсть къ Богу, къ ближнему, и къ вещамъ». А намъ, сколько можно, надобно стараться съ чувствомъ мытаря призывать Бога, всякою молитвою, и Іисусовою, но не мечтать о себѣ, что достигаемъ какихъ благодатныхъ дарованій, до коихъ »единъ отъ тысящи» достигаетъ исполненіемъ заповѣдей и смиренною молитвою. Благодать Божія всѣхъ достигаетъ, но не равною мѣрою; и по мѣрѣ нашего смиренія исполняетъ дарованій. Высокихъ не ищи, а смиренными водись» (Письма, томъ 2, письмо 174, стр. 306).

»Добротолюбіе читай, и на дѣятельную часть подвизайся къ исполненію заповѣдей Божіихъ, высота и чистота коихъ невольно заставляютъ насъ смирить наше мудрованіе, а паче видя въ себѣ воюющія страсти: и когда ведетъ тебя чтеніе къ самоукоренію и смиренію, то благъ плодъ принесетъ; а когда только будешь читать, чтобы знать и наострить умъ знаніемъ, то вмѣсто пользы вредъ можетъ быть» (Письма, т. 2, письмо 253, стр. 432).

»Написалъ я, что вамъ опасно входить въ духовность прежде времени, т. е. разсуждать о высокихъ вещахъ духовнаго умозрѣнія и проч., а надобно видѣть свои грѣхи и стараться побѣждать и искоренять страсти: въ этомъ состоитъ и цѣль нашего намѣренія; ибо по очищеніи отъ страстей само о себѣ откроется духовное чувство; а любовь Божія выражается въ исполненіи заповѣдей Божіихъ: »любяй Мя заповѣди Мои соблюдаетъ» (Іоан. 14: 21). (Письма, т. 2, Письмо 253, стр. 434).

»О памяти Іисусовой ты пишешь, что не имѣешь оную всегда, и не имѣешь чувствъ, какія имѣла прежде; о семъ я выше тебѣ написалъ; а молитва Іисусова, когда будетъ со смиреніемъ проходима, то водрузится, а чуть увлечется умъ во мнѣніе, то или отъ нея отпадаетъ, или обольщается. При молитвѣ, подвизайся на заповѣди, а не ищи теплоты: сія

возвышаетъ, а заповѣди смиряютъ. »Прежде времени бѣдственно искать высокихъ» (Письма, т. 2, письмо 258, стр. 449).

»О Іисусовой молитвѣ я писалъ вамъ, чтобы смиренно проходить, не увлекаться во мнѣніе и подвизаться на заповѣди Божіи; да сохранитъ васъ Господь отъ прелести вражіей, и даруетъ познать истинный путь. Читайте книги, но не для того, чтобы умъ напитать знаніемъ, но душу утучнить смиреннымъ мудрованіемъ и дѣлы благими» (Письма, т. 2, письмо 260, стр. 454).

»Ты не дивись, что во время Іисусовой молитвы находятъ тебѣ студные помыслы: явно, что молилась съ мнѣніемъ, а не со смиреніемъ . . . И гдѣ уже намъ лѣзть на высоту! Хотя бы мало видѣть тропинку сего высокаго дѣланія! Ваше же устроеніе дневное, мятежное, зазираете другихъ, судите, и прочее: то уже умъ и не можетъ чисто помолиться. По крайней мѣрѣ вспомня всѣ свои поползновенія, смири свой помыслъ, и молитвою смиренною проси отъ Господа помилованія, а не успѣянія въ духовныхъ дарованіяхъ» (Письма, томъ 2, письмо 273, стр. 483).

»Подумай, сообразна ли наша жизнь съ хотящими проходить молитву? Она есть выше всѣхъ дѣланій, »яко любы Божія есть, и кто дерзостно и самочинно дерзаетъ взыти на оную, попускается впасти въ руки враговъ, и отъ нихъ умерщвляемъ бываетъ», пишетъ св. Григорій Синаитъ. И св. Исаакъ во 2-мъ словѣ: »гнѣвъ Божій приходитъ на таковыхъ; и подобно взошедшему въ чертогъ въ скверныхъ ризахъ, будутъ извержены». Молитва требуетъ болѣе всего смиренія, которое при стараніи исполненія заповѣдей Божіихъ, при видѣ своей немощи пріобрѣтается. Бѣсы сильно вооружаются на проходящихъ молитву, и только это оружіе противодѣйствуетъ имъ и низлагаетъ. Молись просто и Господь, даяй молитву молящемуся (1 Царств. 2: 9), дастъ и умную молитву, по слову св. Петра Дамаскина. Итакъ не малодушествуй о семъ, а смиренно имѣй мудрованіе и обрящешь спасеніе» (Письма, т. 2, письмо 285, стр. 511).

»Ты спрашиваешь меня о собесѣдованіи о Богѣ и о Его

вездѣсущіи, судьбахъ Его и прочемъ: при ономъ чувствуешь ты утѣшеніе и позволительно ли оное чувство? Все то, что приводитъ насъ къ любви Божіей и смиренію, позволительно; но надобно знать намъ свою мѣру, и не увлекаться въ высоту, а паче при страстномъ нашемъ устроеніи. Думаю, помнишь ты, какъ одинъ братъ говорилъ старцу, что всегда зритъ Бога, а старецъ ему отвѣчалъ: блаженъ, кто зритъ грѣхи свои; и къ Пимену Великому пришедши братъ, когда вопрошалъ его о великихъ, божественныхъ вещахъ и матеріяхъ, тотъ молчалъ и ничего не отвѣчалъ; а когда братъ, бывъ вразумленъ, сталъ вопрошать о немощахъ и страстяхъ, то и онъ отверзъ уста свои и благодать Божія излилась; впрочемъ, нельзя совершенно отречь сего собесѣдованія, но не увлекаться утѣшеніями. Мы вѣдь и читаемъ, и поемъ, а все поучаемся о Богѣ, о Его Промыслѣ и о заповѣдяхъ. Вездѣ потребно смиреніе!» (Письма, т. 3, письмо 40, стр. 86).

»Молитву Іисусову, по младенчеству вашему, желая пріучить васъ, такъ написалъ вамъ проходить, дабы пріучить; но вы не смущайтесь за то, что сонъ восхищаетъ отъ васъ оную; а паче смиряйтесь, ибо и самая молитва должна быть проникнута крайнимъ смиреніемъ, ибо мы просили помилованія насъ грѣшныхъ, а въ васъ, видно, пробѣгаетъ тайная мысль высокоумія и мнѣнія, что нѣчто есмы. Не ищите высокихъ дѣйствій въ молитвѣ, и не отчаявайтесь въ милости Божіей — Онъ не оставитъ вопіющихъ Ему о помилованіи» (Письма, т. 3, письмо 54, стр. 128).

»Твоя святыня желаетъ достигнуть до высшихъ ступеней. Ты хочешь видѣть, что достигаешь, а это-то и есть дѣло гордыни. Святые Отцы, достигши и высшихъ степеней совершенства, считали себя не у что достигшихъ, и подъ всею тварію видѣли себя» (Письма, т. 4, письмо 174, стр. 284).

»Ты скоро хочешь достигнуть до возвышенной духовной жизни, подстрекаемая къ сему гордостію и тщеславіемъ. Ты полна страстей — гордости и тщеславія, и хочешь взойти въ небесный чертогъ, одѣянная въ скверныя страстей ризы, и не боишься, что будешь извергнута вонъ. Святые

Отцы достигли высоты духовной жизни смиреніемъ, самоукореніемъ, никакъ не думая, что они достигаютъ высокой жизни, но считая себя хуже всѣхъ и подъ всею тварью. Исполняй заповѣдь Божію, люби не только ближнихъ, но даже и враговъ, и принимай отъ всѣхъ укоризны, яко достойная того, а то ты чуть что сдѣлала, уже и мечтаешь о себѣ» (Письма, т. 4, письмо 177, стр. 288).

»Я считаю вредоноснымъ для васъ сіи дѣйствія: испытаніе разума Писаній, для насъ сокровенныхъ и недовѣдомыхъ; ибо прежде времени познать оныхъ вредитъ намъ, и прежде дѣланія первыхъ познать второе неполезно, а черезъ труды, и исполненіе заповѣдей, удобопонимаемыхъ нами, откроетъ Богъ и прочее, нами недоразумѣваемое. А ежели прежде времени узнать весь разумъ Писаній, то, возгордившись, умъ пренебрежетъ о дѣяніи, и все потеряетъ. Что скоро и безъ труда пріобрѣтается, то скоро теряется и пропадаетъ» (Письма, т. 4, письмо 1, стр. 17).

»Дѣятельный разумъ предпочитается простому понятію и разумѣнію Писаній, почему и сказано: разумъ кичитъ, а любы созидаетъ (1 Кор. 8: 1). Не надобно углубляться далеко въ разумѣніе; чего иногда не понимаете, оставьте это такъ, умъ еще не чистъ, не можетъ всего обнять; будьте довольны тѣмъ, что разумѣете, и постарайтесь оное исполнить; тогда и то откроется. Св. Исаакъ пишетъ: »Горе предати новоначальному высокая», и въ другомъ мѣстѣ: »не пользуетъ разумѣніе писаній пребывающихъ въ страстяхъ» (Письма, т. 4, письмо 3, стр. 25).

Я привелъ рядъ наставленій старца Макарія объ Іисусовой молитвѣ изъ его писемъ къ монашествующимъ. Перехожу теперь къ письмамъ его ученика и преемника старца іеросхимонаха Амвросія.

»Пишешь, что во время молитвы у тебя бываютъ плотскія движенія и скверные хульные помыслы. Должно быть ты во время молитвы держишь вниманіе ума внутри очень низко. Сердце человѣка находится подъ лѣвымъ сосцемъ, и ежели молящійся человѣкъ держитъ вниманіе ума ниже, тогда и бываетъ движеніе плоти. Держи больше устную мо-

литву, тогда и избавишься отъ подобныхъ движеній; отъ устной молитвы никто не впадалъ въ прелесть, а умную, сердечную молитву безъ наставленія проходить опасно. Такая молитва требуетъ наставленія, безгнѣвія, молчанія, смиреннаго самоукоренія во всякомъ непріятномъ случаѣ. Поэтому безопаснѣй всегда держаться молитвы устной, такъ какъ мы скудны въ терпѣніи, смиреніи и безгнѣвіи; потому и требуется молиться особенно во время смущенія и за себя и за оскорбившихъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ. Держись смиренія и самоукоренія, и поможетъ тебѣ Господь» (Въ Собраніи писемъ старца Анатолія. Стр. 74).

»Пишешь, что когда творишь молитву, смотришь въ сердце . . . Отцы святые совѣтуютъ во время молитвы смотрѣть внутрь сердца, а не сверху, и не сбоку, и, особенно, если вниманіе ума нисходитъ ниже сердца, тогда возбуждается плотская страсть . . . Ни противъ чего такъ врагъ не востаетъ, какъ противъ молитвы Іисусовой. Поэтому, какъ начала ты держаться молитвы Іисусовой, такъ и не оставляй ее, а продолжай, уповая на помощь и милость Божію» (Тамъ же, стр. 76).

»Вопросъ — что лучше: совершать обычное правило, или проходить Іисусову молитву? Отвѣтъ: лучше исполнять и то и другое: потому что подъ правиломъ жили и не оставляли онаго великіе мужи, каковъ былъ Антоній В. и преп. Зосима, видѣвшій Марію Египетскую. Стоя въ церкви, должно слушать внимательно пѣніе и чтеніе церковное, и кто можетъ, не долженъ оставлять при этомъ и молитвы Іисусовой, особенно когда нехорошо и невнятно слышно церковное чтеніе. Молитва Іисусова, по наученію св. Отцевъ, прилична, когда человѣкъ идетъ, или сидитъ, или лежитъ, пьетъ, ѣстъ, бесѣдуетъ, или занимается какимъ рукодѣліемъ. Кто можетъ при всемъ этомъ произносить молитву Іисусову со смиреніемъ, тотъ не долженъ оставлять оной; за оставленіе же укорять себя и каяться со смиреніемъ, но не смущаться; потому что смущеніе, какое бы оно ни было, есть признакъ тайной гордости, и доказываетъ неопытность и неискус-

ство человѣка въ прохожденіи своего дѣла. Когда кто-либо совершаетъ келейное правило, и среди онаго почувствуетъ особенное настроеніе духа къ молитвѣ Іисусовой, или къ поученію въ какомъ-либо изреченіи Писанія, тогда можетъ оставить на время келейное правило, и заняться тѣмъ или другимъ изъ сказаннаго. Такъ научаютъ насъ опытные отцы» (Письма Оптинскаго Старца Іеросхимонаха Амвросія. Т. 1. Стр. 83).

»Вчера вечеромъ получилъ письмо отъ N, которая по твоему порученію пишетъ, чтобы разрѣшить тебѣ оставить обычное твое правило на всю твою поѣздку въ N. Богъ да благословитъ оставить обычное правило и постоянно держаться молитвы Іисусовой, которая можетъ успокоивать душу болѣе, нежели совершеніе большого келейнаго правила. Изъ прежнихъ опытныхъ старцевъ по имени Василій объяснялъ это такъ: держащійся большого келейнаго правила, когда исполняетъ оное, то подстрѣкаемъ бываетъ тщеславіемъ и возношеніемъ. Когда же почему либо не можетъ исполнить своего правила, то смущается. А держащійся постоянно молитвы Іисусовой одинаково пребываетъ въ смиренномъ расположеніи духа, какъ бы ничего не дѣлающій, и возноситься ему нечѣмъ. Въ Добротолюбіи означенъ чинъ премудрыхъ подвижниковъ, которые ежедневно совершали малое обычное келейное правило, а остальное время дня и ночи употребляли на молитву Іисусову. Но ты, по привычкѣ, вдругъ перейти къ этому не можешь; по крайней мѣрѣ не смущайся, когда неудобно бываетъ тебѣ совершать все твое правило, и особенно не заставляй перечитывать одно и тоже, когда врагъ наводитъ забвеніе» (Тамъ же, т. 1, стр. 177).

». . . Прежде сердечной молитвы, постарайся имѣть молитву умную, держа вниманіе въ персѣхъ и заключая умъ въ самыхъ словахъ молитвы. Такая молитва проще и удобнѣе; и если въ этой молитвѣ будетъ успѣхъ, то по свидѣтельству нѣкоторыхъ, она переходитъ и въ сердечную» (Тамъ же, т. 2, стр. 115).

»При постригѣ было сказано: вотъ тебѣ, сестра, мечъ ду-

ховный, глаголи выну во умѣ, во устѣхъ, въ мысли, въ сердцѣ: Г. І. Х. С. Б. п. м. г. Держись и ты этого предписанія, и како будетъ тебѣ возможно, такъ и произноси молитву, иногда умную, иногда устную, а на свободѣ и сердечную, если Богъ поможетъ» (Тамъ же, т. 2, стр. 121).

»Пишешь, что ты проходишь молитву Іисусову устную и умную, а о сердечной молитвѣ не имѣешь и понятія. Сердечная молитва требуетъ наставника. Впрочемъ, кто сначала проходитъ правильно устную молитву, заключая умъ въ слова молитвы: Г. І. Х. С. Б. п. м. г., а потомъ будетъ проходить правильно и умную молитву, со смиреніемъ держа вниманіе ума въ персѣхъ, то по времени и безъ наставника у нѣкоторыхъ умная молитва сама переходитъ въ сердечную. Впрочемъ, у кого не переходитъ, должны довольствоваться устною и умною . . . Устную молитву, какъ бы кто ни проходилъ, не было примѣровъ, чтобы впадалъ въ прелесть вражескую. А умную и сердечную молитву проходящіе неправильно нерѣдко впадаютъ въ прелесть вражескую. И потому прежде всего должно держаться крѣпче устной молитвы, а потомъ умной, со смиреніемъ, а затѣмъ уже, кому удобно и кому благоволитъ Господь, переходить къ сердечной, по указанію св. Отцовъ, опытомъ прошедшихъ все это» (Тамъ же, т. 2, стр. 126).

»Описанное тобою искушеніе происходитъ отъ діавольской зависти. Въ Добротолюбіи — въ главахъ Марка подвижника — о мнящихся отъ дѣлъ оправдатися, въ главѣ 88-й, сказано: »егда увидитъ діаволъ, яко умъ отъ сердца помолися: тогда велія и злохудожныя искушенія наноситъ». Просто сказать — врагъ за сердечную молитву возсталъ на тебя и хочетъ отвратить отъ оной, но ты не покоряйся ему. Искушеніе это милостію и помощію Божіею пройдетъ, только ты противъ вражескихъ помысловъ не представляй доказательствъ, потому что, по слову Лѣствичника, враги злохитры и могутъ съ своей стороны представить тебѣ много возраженій; а просто продолжай молиться, стараясь не внимать вражескимъ помысламъ и презирать ихъ, повторяя сладчайшее имя Господа нашего Іисуса Христа. Св. Лѣст-

вичникъ пишетъ: »именемъ Іисуса бій ратника. Нѣсть бо сильнѣе оружія ни на земли, ни на небеси» . . . Не врагамъ противопоставляй, а сама про себя думай, что Святѣйшій Сынъ Божій во время Своей земной жизни съ грѣшниками ѣлъ и пилъ, и не отрекся вечерять въ дому Симона прокаженнаго, и дозволилъ заявленной въ городѣ блудницѣ прикасаться и лобызать пречистыя Свои нозѣ . . . Кратко сказать, ничего не отвѣчай врагамъ, а только молись и молись, призывая на помощь и милость сладчайшее имя Господа нашего Іисуса Христа, пришедшаго въ міръ грѣшныя спасти. А безтолковые толки вражескіе, дѣлать нечего, потерпи и понеси; черезъ это стяжевается опытность духовная» (Письма, т. 2, стр. 136).

Отъ писемъ старца Амвросія переходимъ къ письмамъ старца іеросхимонаха Анатолія, который, по благословенію старца Амвросія, былъ духовникомъ Шамординскихъ сестеръ . . . Его письма имѣютъ ту особенность, что онъ съ особенною любовью и настойчивостью привлекаетъ своихъ духовныхъ дѣтей къ дѣланію Іисусовой молитвы; онъ убѣждаетъ ихъ держаться прежде всего устной Іисусовой молитвы, предоставляя дальнѣйшее волѣ Божіей и предостерегая ихъ отъ самочинія.

»Пишешь не безъ скорби, что сидишь, какъ заключенная, въ кельѣ, тогда какъ другія идутъ въ церковь. Значитъ ты, матушка, забываешь о моемъ желаніи и напоминаніи, чтобы ты какъ можно больше держала устную молитву Іисусову. И особенно, когда остаешься одна. Это самое дорогое время укоренить ее въ памяти. А ты, значитъ, умомъ блуждаешь — вотъ и дѣлается скучно. А молитва Іисусова веселитъ сердце» (Письма, стр. 7).

»Помню, что писала, что молитва Іисусова легче держится. Если такъ, слава Тебѣ, Господи! Продолжай и ухищряйся, чтобы держать ее крѣпче. Лучше этого времени никогда не найдешь. Когда разъѣдется торгъ, тогда хоть руками махай, да поздно будетъ. Только помни давнее слово: будь готова встрѣтить скорби. Ибо всѣмъ, кому слюбится молитва Іисусова, врагъ никогда не оставитъ безъ отмщенія,

но непремѣнно научитъ или старшихъ или младшихъ, а ужъ пакостей непремѣнно натворитъ» (Письма, стр. 9).

»Молитву умственно держать можно и по болѣзни, и по немощамъ, и по случаю народа, и въ службѣ. Только отъ этого иногда голова болитъ, но что же дѣлать? Зато слюбится. Тысячу разъ слюбится. Ты старайся держать мысль съ Іисусомъ не въ головѣ собственно, а направляя нѣсколько къ персямъ: тогда, конечно, грудь заболитъ, но безъ этого нельзя. »Богъ нашъ огнь поядаяй есть». И гдѣ нечисто — тамъ и больно. Такая боль за недостоинство посылается, но современемъ пройдетъ» (Письма, стр. 12).

»Если желаешь имѣть миръ, то имѣй Іисуса если не въ сердцѣ, то хоть въ устахъ, какъ и заповѣдывалъ я тебѣ лично» (Тамъ же).

»Если хочешь быть благодарною, то воздай пятью словами: 1-е Господи, 2-е Іисусе, 3-е Христе, 4-е Сыне, 5-е Божій, и къ нимъ прибавляй — помилуй мя грѣшную. Такъ все и тверди. Этимъ и Богу угодишь, и меня отблагодаришь, и себя спасешь» (Тамъ же, стр. 14).

»Преподобная мать Т. Ты меня истинно утѣшила, когда написала, что молитва для тебя ужъ не такъ трудна, какъ была прежде. Говорю о молитвѣ Іисусовой. И слава Тебѣ, Господи, снисходящему немощамъ нашимъ! Постоянно творить ее тебѣ еще нельзя. Ибо, пока не вкуситъ человѣкъ (яко благъ Господь), трудно непрестанно имѣть въ сердцѣ Іисуса. Но и за то, что есть, слава Богу! Значитъ, пока держится молитва, не оставляй ее. А главное, во время молитвы окаяваяй себя, какъ недостойную произносить имя, непрестанно славословимое на небеси и на земли Ангелами и человѣками. А скорби собирай, какъ сокровище, ибо это очень способствуетъ молитвѣ Іисусовой. А потому врагъ и научаетъ и подстрекаетъ всѣхъ, кто только можетъ досадить тебѣ. Я тебя предупреждалъ давно, что всякій христіанинъ, чѣмъ больше держится за эту молитву, тѣмъ больше озлобляетъ діавола, не терпящаго имени Іисусова, и направляющаго на такого людей, даже и близкихъ. Я видѣлъ дѣвицу, которую отецъ родной такъ возненавидѣлъ,

что хотѣлъ убить. Только та проходила умную, — чего нельзя тебѣ еще» (Тамъ же, стр. 20).

»Отьѣчаю тебѣ на твои недоразумѣнія: молитва Іисусова не только не мѣшаетъ, но даже способствуетъ слушать чтеніе и пѣніе, и помогаетъ обыкновенной церковной и келейной молитвѣ, и услаждаетъ, очень услаждаетъ сердце, и духъ дѣлаетъ мирнымъ, и мысль даетъ сьѣтлую. А ты думаешь неправильно, ибо ты дѣвочка неопытная, да еще и своенравная. А ты старайся смирять себя, и молитва скоро привьется къ тебѣ. Только не спѣши, а жди помощи Божіей» (Тамъ же, стр. 48).

»Твори чаще Іисусову молитву — повеселѣетъ на сердцѣ. Только постарайся выковыривать гниль сердечную, т. е. не увлекайся въ нецѣломудренные помыслы» (Тамъ же, стр. 52).

»Говорилъ я батюшкѣ (о. Амвросію) о твоей молитвѣ, которая начинается въ церкви, и переходитъ въ сердце. Онъ говоритъ, что молоденькимъ это нейдетъ. А надо тотчасъ творить устами. Спасайся! Смиряйся!» (Тамъ же, стр. 58).

»Утѣшеніе твое молитвенное — не новость; я тебѣ не разъ, а, можетъ быть, сто разъ твердилъ — потрудись, потерпи, а тамъ — Самъ Богъ утѣшитъ. Нѣтъ, пусти М. домой, да въ С., да въ Іерусалимъ. А я говорю: подержи молитву, не только Римъ и Іерусалимъ, а Самъ Распятый за насъ придетъ съ Пречистою Матерію. Вотъ тебѣ объясненіе! Господь привлекаетъ къ Себѣ строптивыхъ и малодушныхъ именно такимъ образомъ. А то они тотчасъ возропщутъ и на Бога, и на отца своего, и на всѣхъ ближнихъ, что они погибли: А теперь ты сама видишь, что не всуе трудилась, и я тебя не обманывалъ. Это первая часть. А вторая послѣдуетъ послѣ. Это утѣшеніе увѣрило тебя, что есть Богъ и есть награда; затѣмъ оно отойдетъ отъ тебя, и Господь будетъ глядѣть на тебя, что ты вѣрная раба Его, или лукавая, сластолюбивая, купленая раба, которая любитъ Господина только тогда, когда Онъ ее утѣшаетъ. Вотъ ты тогда и покажи искреннюю любовь неподкупной невѣсты Его. Но это опять пройдетъ. И опять блеснетъ лучъ утѣшенія.

И такъ-то обучаетъ Господь возлюбленныхъ Своихъ. Но горе тебѣ, если ты вознесешься, какъ богачка, сущи нищая! Діаволъ видитъ, что ты дѣлаешь, и откуда получаешь, и вотъ старается тебя отбить отъ пастыря, какъ юную неопытную овцу. Держись! Миръ тебѣ и спасеніе! А главное, смиряйся! Лишь потеряешь смиреніе и самоукореніе — тогда прощай!» (Письма, стр. 61).

»Письмо твое я читалъ, читалъ, и не могъ надивиться: какъ это — дѣвочка мнѣ показалась умная, внимательная, а какія глупости плететъ! Она вѣритъ помысламъ, что творить молитву Іисусову есть нѣчто важное. Глупенькая ты, преглупенькая! Я жъ тебѣ говорилъ, что эту молитву, какъ не требующую ни книгъ, ни поклоновъ, ни другихъ тяжелыхъ подвиговъ, даютъ старухамъ, больнымъ и окаменѣлымъ сердцемъ. Конечно, кто ужасно любитъ ходить въ церковь, придетъ прежде всѣхъ, не пропуститъ ни одного слова въ церкви; придетъ домой — обливается слезами, зря свою нищету и недостоинство; такому, конечно, Іисусову молитву не стали бы навязывать. А ты, глупенькая, во всемъ повинная, ни молиться, ни смиряться, ни любить оскорбляющихъ, ни слова Божія слушать, ничего подобнаго не умѣешь — а хочешь спастись! Что же намъ оставалось съ тобою дѣлать?! Вотъ мы и дали тебѣ легонькую, прелегонькую молитву — всего пять словъ. А ты и тутъ ухитрилась отыскать что-то особенно великое, отличающее тебя отъ другихъ, то есть: что собственно тебя должно бы смирять, ты въ безуміи думаешь этимъ еще гордиться. Врагу, разумѣется, страшно, что такая дѣвченка, ни на что негодная, вдругъ спасется, и потому всячески тебя уловляетъ и внушаетъ такія лживыя и глупыя мысли, что ты будто должна гордиться тѣмъ, что именно должно бы смирять тебя. Оставь же глупости, притекай къ Іисусу, а не къ діаволу. Іисусъ умеръ за тебя, значитъ, любитъ тебя. А діаволъ не умеръ, а скорѣе тебя хочетъ умертвить. Такъ и не слушай его. Я и батюшку Амвросія спрашивалъ о тебѣ; онъ тоже сказалъ: »пусть продолжаетъ, а діавола не слушаетъ. А горло и грудь болятъ за недостоинство». Ибо и

всякая, а особенно эта старушечья молитва, назначаемая только для больныхъ и непотребныхъ, хуже которыхъ всѣхъ я, непотребнѣйшій, *требуетъ познанія своей немощи и смиренія.* А ты сдуру вздумала еще возноситься! Глупенькая ты, преглупенькая! А что радость разливается въ сердцѣ, — это, я тебѣ кажется говорилъ, бываетъ. Иногда Господь желаетъ подвижника утѣшить, видя, что онъ уже изнемогаетъ, иногда же отъ усиленнаго напряженія къ этой молитвѣ. Сказано: »Богъ, т. е. Іисусъ огнь есть (грѣхи и немощи) попаляяй». И потому, часто призываемый, Сладчайшій Іисусъ не можетъ не веселить сердце. Развѣ ужъ окаяннѣйшій какой, яко же азъ, огрубѣлый, то долго не можетъ чувствовать радости. А настоящіе молитвенники черезъ нѣсколько дней чувствуютъ радость и сладость, которая изъ сердца разливается — и на всего человѣка. Но только опасно принимать ее безъ разбора: *ибо и сатана преобразуется въ Ангела Свѣтла.* А потому, какъ неопытная въ духовной жизни, будь осторожна; и принимать берегись, и отвергать берегись. Прочти у Марка Подвижника слово 2-е, гл. 28. Прочти еще въ томъ же второмъ словѣ главу 133. А если оставишь молитву, куда тебя тогда дѣвать? Терпи. Это скоро все пройдетъ и слюбится. Молитва прекращается — это обыкновенно отъ празднословія, обжорства, осужденія, и главное — отъ гордости. А такъ какъ ты особенно горда, то особенно и держись за эту молитву. А чтобы она никогда не прекращалась, такъ для этого ты, молоденькая, посиди у моря, подожди погодки! Помысловъ опровергать ты тоже еще не можешь, а будетъ съ тебя, если будешь терпѣть и звать Іисуса. А когда грѣховъ за собою не видишь, тогда бываешь въ діавольскомъ устроеніи. Онъ тоже своихъ грѣховъ не видитъ, и, никогда не каясь, не обвиняя себя, думаетъ, что Богъ пристрастенъ къ человѣку, ибо любитъ его; а Богъ за то и любитъ человѣка, что онъ кается и смиряется. И ты во всемъ кайся и смиряйся, и Богъ спасетъ тебя!» (Письма, стр. 70).

»Получилъ твое письмо и спѣшу тебя успокоить. Первое — ты не слушала меня. Я тебя не одинъ, а много разъ пре-

достерегалъ — когда будетъ утверждаться молитва, *отнюдь не спускай вниманія внизъ*. Иначе блудная страсть замучитъ. И это не есть прелесть, а дѣло естества, происходящее отъ *неправильнаго* умнаго дѣланія. Вотъ если бы эту сладость приняла за *благодать*, тогда была бы прелесть. А теперь еще можно поправить дѣло. Тѣмъ больше, что ты сама сознаешь путаницу. А исправленіе начни съ того — *не спускай внизъ вниманія*, а держи умъ въ срединѣ сердца. А (если не можешь), оставь *на время* и займись чтеніемъ. Хорошо, если бы ты пріобрѣла книгу Паисія Величковскаго. Тебѣ надо ее прочесть. Держись этого правила, и не погибнешь. Молитвы же не оставляй. Такія уклоненія случаются со многими. Миръ тебѣ и спасеніе!» (Письма, стр. 73).

»У меня были опыты, что ученые и даже очень ученые по книгамъ, на дѣлѣ ни на волосъ не понимали духовнаго дѣланія. Потому что этотъ путь дается не книгою, а кровью. *Даждь кровь, и пріими духа*» (Тамъ же).

»Прочитавши письмо твое, я тогда же пошелъ къ батюшкѣ Амвросію. И вмѣстѣ разбирали его. Мы не нашли въ молитвѣ неправильностей. Только такихъ вещей, какъ благоуханіе, принимать не должно. Объ этомъ пишетъ св. Симеонъ Новый Богословъ въ 1-мъ образѣ молитвы. Сердечнаго мѣста упруго отыскивать не должно: когда возрастетъ молитва, она сама отыщетъ оное. Наше стараніе — заключать умъ въ слова: Г. І. Х. С. Б. п. м. г. Святитель Димитрій учитъ: »гдѣ умъ, тамъ и сердце». Что молитва прерывается, это иначе и быть не можетъ. А если постоянно стоитъ, то учатъ св. Отцы: »убойся — это волчій путь». А какъ говорить? Что видимъ въ воздухѣ? То дождь, то солнце, то снѣгъ, то вѣтеръ, то жаръ, то холодъ. Такъ и въ нашемъ устроеніи: одно состояніе быть не можетъ, и не должно. А когда прекращается молитва умная, берись за устную, или за чтеніе. А когда и это нейдетъ, берись за подѣліе. А перемѣнять руководителя на полдорогѣ опасно. Богъ тебя благословитъ продолжать начатое дѣло, никако не устрашаясь, ни усумнѣваясь. Богъ намъ помощникъ. Самочин-

никамъ, правда, должно бояться. А кто, сознавая свою немощь, вопрошаетъ другихъ, тотъ благонадеженъ. Только всегда укоряй и смиряй себя» (Письма, стр. 75).

»Молитва прекратилась — или отъ самомнѣнія, или отъ осужденія. А главное — чтобы мы были смиренны» (Письма, стр. 77).

»Если устная молитва сама собою переходитъ въ умную, то прекращать не нужно. Только все укоряй себя и не смущайся». »Очень ты меня утѣшила, что желаешь учиться молитвѣ Іисусовой. Начинай съ устной. А прежде всего, вмѣсто фундамента, положи *терпѣть скорби*. Тогда она скоро привьется» (Письма, стр. 121).

»Ноздренное дыханіе впослѣдствіи объяснимъ. А пока вотъ немножко: ты дышешь чѣмъ? Ухомъ? Вѣдь ноздрями? Ну, вотъ тебѣ и все! Значитъ, соедини съ дыханіемъ молитву, какъ учитъ Лѣствичникъ, вотъ и ноздренное дыханіе. А что дальше должно быть, дальше тебѣ покажется, а теперь и сего довольно» (Письма, стр. 128).

»Главное — держись Іисусовой молитвы, иногда устами, а иногда умомъ» (Письма, стр. 146).

На этомъ мы заканчиваемъ ознакомленіе съ наставленіями Оптинскихъ старцевъ и переходимъ къ Валааму.

І. Я слышалъ, батюшка, что между Оптиной Пустынью и Валаамомъ существуетъ какая то духовная связь. Кто-то изъ Оптинскихъ старцевъ подвизался сначала на Валаамѣ, а потомъ перешелъ въ Оптину.

И. Да, связь, дѣйствительно, существуетъ, и не только между этими двумя обителями, но и между ними и Саровскою Пустынью. Всѣ онѣ въ своемъ духовномъ ростѣ тѣсно переплетаются своими корнями. И Оптина Пустынь, и Валаамскій монастырь (послѣдній въ особенности) ведутъ свое происхожденіе съ временъ глубокой древности, но начало ихъ духовнаго процвѣтанія относится къ концу 18-го вѣка, и связано у Валаама съ Саровской пустынью, а у Валаама и Оптиной вмѣстѣ, съ великимъ Молдавскимъ старцемъ, схи-архимандритомъ Нямецкаго монастыря, Паисіемъ Величковскимъ. И Оптина и Валаамъ призваны къ новой ду-

ховной жизни двумя знаменитыми архипастырями, сверстниками и сослуживцами: Оптина — митрополитомъ Московскимъ Платономъ; Валаамъ — митрополитомъ Петербургскимъ Гавріиломъ, которые оба находились въ непосредственныхъ письменныхъ сношеніяхъ со старцемъ Паисіемъ. Для возрожденія и устроенія Оптиной пустыни былъ присланъ инокъ Авраамій изъ Пѣшношскаго монастыря, гдѣ тогда настоятельствовалъ архимандритъ Макарій, имѣвшій личную переписку со старцемъ Паисіемъ; а для возстановленія и возрожденія Валаама почти въ тѣ же самые годы былъ вызванъ изъ Сарова старецъ Назарій. И какъ Авраамій положилъ въ Оптиной пустыни твердое основаніе ея дальнѣйшаго преуспѣянія, такъ и Назарій далъ Валаамской обители твердое духовное направленіе. Въ началѣ 19-го вѣка на Валаамѣ поселились ученики старца Паисія — Клеопа и Ѳеодоръ, со своимъ ученикомъ Леонидомъ. Отъ нихъ пошло на Валаамѣ старчество и духовное дѣланіе по завѣтамъ старца Паисія черезъ ихъ учениковъ — Евѳимія и другихъ, а Леонидъ — переселившись въ Оптину, положилъ тамъ начало Оптинскому старчеству. Вотъ какъ переплелись болѣе ста лѣтъ тому назадъ духовныя нити, связывающія три знаменитыхъ обители — Саровъ, Валаамъ и Оптину.

Духовное вліяніе питомца Саровской обители, а также и суровая, сѣверная природа Валаама, островное его положеніе и отрѣзанность отъ остальнаго міра, содѣйствовали развитію въ немъ суроваго подвижничества и его не напрасно называли и называютъ русскимъ Аѳономъ. На его островахъ процвѣли всѣ виды монашескаго жительства — и тяжкій подвигъ пустынножительства и отшельничества среди лѣсовъ и скалъ отдѣльныхъ острововъ, съ принятіемъ на себя самыхъ трудныхъ и суровыхъ видовъ подвижничества, постничества, молчальничества и др.; и средній путь скитническаго жительства, сподъ сѣнію небольшихъ деревянныхъ и каменныхъ благолѣпныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ въ разныхъ мѣстахъ Валаамскаго архипелага, и, наконецъ, огромное общежительное братство на главномъ островѣ.

Нужно однако сказать, что на Валаамѣ, при всей суровости внѣшняго подвижничества, создавшаго его славу въ православномъ мірѣ, не было оставлено безъ вниманія и внутреннее духовное дѣланіе, прочное основаніе которому было положено старцемъ Назаріемъ. Проживавшіе на Валаамѣ, въ Большомъ скиту, ученики старца Паисія, не смотря на кратковременность своего пребыванія въ обители, также оставили свой слѣдъ и имѣли учениковъ. Дѣланіе Іисусовой молитвы, изученіе аскетическихъ писаній Святыхъ Отцовъ, келейныя выписки изъ ихъ твореній — никогда не прекращались на Валаамѣ. Въ огромной библіотекѣ Валаамскаго монастыря имѣется большой рукописный отдѣлъ, состоящій изъ дневниковъ и келейныхъ выписокъ изъ святоотеческихъ книгъ, оставшихся послѣ скончавшихся Валаамскихъ иноковъ. Этотъ матеріалъ еще не достаточно изученъ.

Было на Валаамѣ всегда и старчество, хотя и въ иномъ видѣ, чѣмъ въ Оптиной пустынѣ. Изъ Валаамскихъ подвижниковъ, дѣлателей Іисусовой молитвы и старцевъ я хочу остановить ваше вниманіе лишь на старцѣ — слѣпцѣ схимонахѣ Агапіѣ потому, что о немъ у меня имѣется больше письменныхъ свѣдѣній, чѣмъ о другихъ. Около него группировался кружокъ дѣлателей Іисусовой молитвы. Между нимъ, Епископомъ Ѳеофаномъ Затворникомъ и духовникомъ Гевсиманскаго скита при Троице-Сергіевой Лаврѣ, а впослѣдствіи игуменомъ Зосимовой пустыни Германомъ, шла оживленная переписка о дѣланіи Іисусовой молитвы. Это даетъ возможность точно изложить его наставленія объ Іисусовой молитвѣ и объ умномъ дѣланіи. Отличительными чертами его наставленій являются простота и сердечная умиленность. Прежде всего приведу составленую имъ и его сотрудниками записку: »О молитвѣ Іисусовой, словесно, умно и сердечно совершаемой», просмотрѣнную и исправленную Епископомъ Ѳеофаномъ, что придаетъ ей особенное значеніе. Вотъ эта записка:

»1. Объ устной. Въ сокращенномъ видѣ она говорится такъ: Господи помилуй; Господи Іисусе Христе, помилуй мя

грѣшнаго; а въ полномъ — такъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Въ началѣ она произносится большею частью принужденно и неохотно, но по мѣрѣ упражненія и себя къ ней принужденія, если только есть рѣшительное намѣреніе посредствомъ молитвы, съ помощію Божіей благодати, умалить всестороннія страсти, она отъ частаго въ ней упражненія, по мѣрѣ умаленія страстей, время отъ времени будетъ дѣлаться легче, пріятнѣе и желательнѣе. При устной молитвѣ всевозможно должно стараться держать разумъ въ словахъ молитвы, говорить неспѣшно, все вниманіе сосредоточивать въ мысляхъ, выражаемыхъ словами, а когда умъ будетъ увлекаться въ посторонніе помыслы, безъ смущенія опять *вводить его въ слова молитвы* (Лѣств. сл. 28, гл. 17). Неразсѣянность уму дается не скоро, и не тогда, какъ захотимъ, а когда смиримся, и когда Богъ благоволитъ. Сей Божій даръ временемъ не опредѣляется, ниже количествомъ молитвъ, а сердечнымъ смиреніемъ и Христовою благодатію и всегдашнимъ себя къ ней принужденіемъ. Изъ устной внимательной молитвы бываетъ переходъ къ молитвѣ умной, которая называется такъ тогда, когда однимъ умомъ къ Богу устремляемся или зримъ Бога.

2. Объ умной молитвѣ. При умной молитвѣ необходимо должно держать вниманіе въ сердцѣ предъ Господомъ. По мѣрѣ нашего усердія и смиреннаго тщанія въ молитвѣ даруетъ Богъ первое дарованіе уму нашему — собранность и сосредоточенность въ молитвѣ. Когда вниманіе ко Господу дѣлается неотходнымъ, то оно есть вниманіе благодатное; а наше собственное вниманіе всегда бываетъ принужденное. Отъ такой умной молитвы бываетъ переходъ къ сердечной внутренней молитвѣ, если только есть опытный учитель, очень удобный и свободный. Когда чувствами сердца съ Богомъ бываемъ, а любовь къ Богу сердце исполняетъ, тогда такая молитва носитъ названіе сердечной.

3. О молитвѣ внутренней сердечной. Въ Евангеліи изречено: *аще кто хощетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой*. Если примѣнить эти слова къ дѣлу

молитвы, то они будутъ означать слѣдующее: кто хочетъ законно подвизаться въ молитвенномъ подвигѣ, пусть прежде отвергнется своей воли и собственныхъ разумѣній, а потомъ понесетъ крестъ, то есть трудъ тотъ душевный и тѣлесный, который неизбѣженъ при этомъ подвигѣ. Предавъ себя всецѣло неусыпному попеченію Божію, надо смиренно и благодушно переносить этотъ трудъ ради истиннаго блага, которое даруется усердному молитвеннику отъ Бога во свое ему время, когда Богъ своею благодатію положитъ предѣлы нашему уму, и уставитъ его неподвижно съ памятію Божіею въ сердцѣ. Когда подобное стояніе ума сдѣлается какъ нѣчто естественное и постоянное, оно носитъ у Отцовъ названіе *соединеніе ума съ сердцемъ;* при такомъ устроеніи уму уже не бываетъ желанія быть внѣ сердца; напротивъ того, если по какимъ либо обстоятельствамъ или многою бесѣдою удержанъ будетъ онъ внѣ сердечнаго вниманія, то у него бываетъ неудержимое желаніе опять возвратиться внутрь себя съ какою-то духовною жаждою, и съ новымъ усердіемъ опять заняться созиданіемъ своего внутренняго дома. При такомъ сердечномъ устроеніи у человѣка изъ головы переходитъ все внутрь сердца, и тогда какъ бы нѣкій умный свѣтъ озаряетъ всю его внутренность, и чего онъ ни дѣлаетъ, ни говоритъ, ни помышляетъ, все дѣлается съ полнымъ сознаніемъ и вниманіемъ. Онъ можетъ ясно видѣть тогда, какіе приходятъ къ нему помыслы, намѣренія и желанія, и охотно понуждаетъ умъ, сердце и волю на послушаніе Христово, на исполненіе всякой Божіей и отеческой заповѣди; всякое же уклоненіе отъ нихъ заглаждается чувствомъ сердечнаго покаянія и сокрушенія съ непритворнымъ жалѣніемъ и съ приболѣзненнымъ смиреннымъ припаданіемъ къ Богу, прося и ожидая свыше помощи къ своей немощи. И Богъ, смотря на такое его смиреніе, не лишаетъ его своей благодати . . .» (Сборникъ о молитвѣ Іисусовой, стр. 255).

Привожу выдержки изъ писемъ о. Агапія къ отцу іеромонаху Герману о молитвенномъ дѣланіи, написанныхъ съ чрезвычайною простотою и сердечною теплотою.

»Милость Божія буди съ вами, Боголюбивѣйшій нашъ Батюшка, отецъ Германъ! Мы всѣ, ваши духовные друзья, усердно, умносердечно издалека вамъ кланяемся и смиренно просимъ земнымъ поклоненіемъ вашего отеческаго благословенія и св. молитвъ, и при помощи Божіей за предстательство Богородицы желаемъ вамъ отъ Господа Бога временнаго и вѣчнаго блага, яже къ животу и благочестію и къ преуспѣянію христіанскаго совершенства . . . Объ рукописи вашего старца особеннаго вамъ сообщить нечего . . . въ ней вреднаго и опаснаго нѣтъ, а все изложено отъ опыта и простоты. Только насчетъ келейнаго правила онъ пишетъ несогласно съ разумомъ св. Отцовъ, и говоритъ: »для чего давать правило? . . . писано бо есть: бдите и молитеся, и еще: молитеся непрестанно». А св. отцы наши говорятъ такъ: только совершенные въ духовной жизни не требуютъ правила, а прочимъ всѣмъ необходимо нужно имѣть правило, только чтобы оно было сообразно съ душевными и тѣлесными силами, по умной способности каждаго, какою кого Богъ наградилъ, какъ Онъ и Самъ въ св. Своемъ Евангеліи объяснилъ: овому данъ одинъ талантъ, овому же два, овому же пять, каждому по его силѣ, а зарывать талантъ въ землю нерадѣніемъ и нечувствіемъ никому не заповѣдалъ, и даже за сіе строго наказываетъ. Мы вамъ, батюшка, правила не опредѣляемъ, а вы сами съ благоразуміемъ себѣ уставьте. Дѣло не въ количествѣ правила, а въ качествѣ онаго, а иныхъ приводитъ и количество къ качеству, а у преуспѣвшихъ бываетъ больше уже отъ качества количество. Мы вашего устроенія хорошо не знаемъ; вы для себя можете лучше сіе устроить, только все дѣлайте по разуму Божію, и по водѣ Божіей, и въ славу Божію, а не въ свою, и всевозможно избѣгайте праздности, многословія и многоспанія — это самые злые враги молитвеннаго преуспѣянія. Когда Господь дастъ вамъ тихую и внимательную молитву, больше всего ей прилежите. Молитва не въ словахъ заключается, и не въ числѣ словъ, а во вниманіи, и сердечномъ смиреніи, и чувствѣ покаянія, вѣры, страха Божія, любви къ Богу и ближнему. На духовной Божіей любви, какъ къ

Богу, такъ и къ ближнему все наше спасеніе основано. Всѣ законы и пророки на сихъ двухъ заповѣдяхъ содержатся. Іоаннъ Златоустъ такъ пишетъ: что мы дѣлаемъ безъ любви къ Богу и ближнему, тамъ Христосъ уже не имѣетъ, гдѣ главы подклонити, а любовь познается въ исполненіи Господнихъ заповѣдей. Тотъ, говоритъ, любитъ Меня, кто слово Мое соблюдетъ, а кто Меня не любитъ, тотъ и словъ Моихъ не соблюдетъ . . . Вы пишете насчетъ грудной тѣсноты и боли. Вы на сіе обратите вниманіе всестороннее, нѣтъ ли у васъ неумѣренной ревности и разгоряченія — поскорѣе развить умно-сердечную молитву? Это, батюшка, очень вредно, а должно во время молитвы въ первоначальныхъ ея степеняхъ соединять умъ съ сердцемъ посредствомъ вниманія и молитвы безъ собственнаго разгоряченія, съ тихостію и спокойствіемъ духа, безъ особеннаго плотскаго и кровянаго напряженія. Насильственнымъ душевнымъ и тѣлеснымъ чувствомъ истинно духовной молитвы пріобрѣсти невозможно. Она даруется Богомъ въ свое время не за нашу плотскую ревность, а за духовное чувство смиренія и всегдашнее покаяніе, и посильное усердное упражненіе, а отъ неумѣренности и кровянаго разгоряченія многіе повредились и вредятся . . .»

»Милость Божія буди съ вами, Боголюбивѣйшій нашъ батюшка, о. Германъ! Вседушно желаемъ вамъ всякой Божіей милости и во всемъ духовнаго преуспѣянія и изъ далеча съ сердечною любовію вамъ кланяемся и умно припадаемъ къ вашимъ стопамъ, и съ живою вѣрою просимъ вашего отеческаго благословенія и св. молитвъ. Письмо мы отъ васъ получили, за что васъ по премногу благодаримъ; не знаемъ, по какой причинѣ мы, въ чемъ васъ просили, вы намъ ничего не отвѣтили, а именно, мы просили объяснить для нашей духовной пользы объ умномъ вниманіи и о предметахъ духовной памяти во время молитвы, но мы съ терпѣніемъ подождемъ, а все таки просимъ объясненія: и сотвори любовь насчетъ этого предмета намъ что нибудь опиши: у насъ и въ началѣ было такое намѣреніе, чтобы другъ друга духовно назидать, а отъ вреднаго предотвращать И мы

не стыдимся о своемъ скудоуміи: оно для насъ очень прилично по воспитанію и по нашей нравственной жизни; и мы, батюшка о. Германъ, душевно расположены больше назидаться, нежели назидать; а истинная любовь, присвоенная Божіею благодатію, не ищетъ своего, а стремится къ общей пользѣ. Мы вамъ желаемъ нѣсколько объяснить о памяти и предметахъ для вашей духовной повѣрки, и мы не столько вамъ пишемъ отъ собственнаго опыта, сколько отъ слуха истинныхъ и не лживыхъ устъ. Во время умной чистой молитвы, а особенно, когда сподобится умъ непарительности и вниманіемъ прилѣпится въ молитвѣ къ сердцу неисходнымъ пребываніемъ, тогда въ очищенной памяти, чуждой всякаго мечтанія и разнообразныхъ вещественныхъ предметовъ, вотъ чѣмъ бываетъ память занята: 1) своимъ предъ Богомъ ничтожествомъ и зрѣніемъ непрестанной своей грѣховности, въ чувствѣ непрестаннаго покаянія и во всегдашнемъ ожиданіи смерти, по смерти строгаго испытанія отъ лукавыхъ бѣсовъ, и неизвѣстнаго опредѣленія въ вѣчности, втораго Христова и страшнаго пришествія и окончательнаго неумытнаго и вѣчнаго отъ Бога опредѣленія всякому разумному существу: 2) памятью о пречистыхъ Христовыхъ страданіяхъ и всей Его земной жизни и о Его Божественномъ изреченіи, въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ написанномъ, св. Апостолами и св. Отцами изъясненномъ, что къ нашему спасенію относительно и о Его Божественномъ о насъ домостительствѣ; 3) О Божественныхъ свойствахъ: первое о Божіемъ всевѣдѣніи, о Его всемогуществѣ и премудрости, о Его вседержительствѣ, благости и человѣколюбіи, правосудіи и долготерпѣніи. Вотъ, батюшка о. Германъ, всѣ сіи Божественные и духовные предметы такъ тѣсно срастаются съ нашею памятью въ чистомъ, умно-сердечномъ молитвенномъ дѣланіи, и они въ чистой бесѣдѣ съ Богомъ не препятствуютъ, а больше насъ возбуждаютъ къ духовной ревности, яже по Богу.

Чистая молитва и называется бесѣдою съ Богомъ, а память и размышленіе о духовныхъ и Божественныхъ предметахъ, сами собою въ чистомъ умѣ и сердцѣ непрестанно

возникающихъ, называются Богомысліемъ: ихъ ясно понимать можно только собственнымъ опытомъ, а прежде опыта надо пользоваться духовною и живою вѣрою отъ постояннаго умнаго дѣланія и исполненія Господнихъ заповѣдей проистекающею. Только, батюшка, еще прибавляемъ вамъ: вышеозначенные духовные предметы дѣйствуютъ на душу и тѣло и на нашъ духъ по мѣрѣ умнаго, сердечнаго и истиннаго дѣланія, и непрестаннаго въ немъ упражненія, и дѣйствуютъ на сердце и на нашу память не всѣ вдругъ, а поперемѣнно, однако непрестанно: иногда дѣйствуетъ сильно память смертная, иногда больше дѣйствуетъ судъ Божій, и вѣчное неизвѣстное опредѣленіе· иногда память о царствіи небесномъ, а иногда объ адскомъ вѣчномъ мученіи; иногда сильно дѣйствуетъ страданіе Господне и земная жизнь нашего Спасителя, Его распятіе и смерть ради нашего спасенія, Воскресеніе и на небеса Вознесеніе, и Его второе Страшное пришествіе; иногда сильно дѣйствуетъ на насъ память истинныхъ Христовыхъ подвижниковъ, ради любви Христовой до кончины вся претерпѣвшихъ; иногда дѣйствуетъ неизъяснимо словомъ на все наше грѣшное существо страхъ Божій отъ живой вѣры въ Его при насъ присутствіе, если мы только углубимъ въ нашъ умъ и сердце, что мы стоимъ, ходимъ, дѣлаемъ, сидимъ, ѣдимъ, пьемъ, говоримъ, глядимъ, слышимъ, все какъ бы предъ очами Божіими, при Его всевѣдѣніи, всемогуществѣ и вседержительствѣ, премудрости и благости. Вотъ о сихъ послѣднихъ непрестанно водруженная въ умѣ и сердцѣ память всего больше можетъ привести насъ къ истинному умносердечному чистой молитвы дѣланію, и къ духовному совершенному преуспѣянію, а не одни только наши слова молитвенныя могутъ намъ доставлять истинную и непрестанную молитву. И это вамъ буди извѣстно, батюшка о. Германъ: во время умной молитвы, собранной и непарительной, вышеозначенные духовные предметы бываютъ въ памяти безъ воображенія, безвидно, неколичественны, а только въ одной чистой памяти безъ всякихъ образовъ въ нашей памяти дѣйствующихъ вмѣстѣ съ памятію Бога. Помимо же умной мо-

литвы можно упражняться Богомысліемъ и размышленіемъ тонкочастнымъ о всѣхъ Божественныхъ судьбахъ и о Его Божественныхъ свойствахъ, насколько Божія благодать будетъ просвѣщать нашъ умъ и сердце о Божественныхъ истинахъ. Вотъ, батюшка о. Германъ, по мѣрѣ нашего скудоумія и по душевному о духовной любви расположенію мы вамъ отчасти объяснили о памяти и духовныхъ предметахъ, которые рождаются отъ непрестанной умной молитвы и Божіей памяти; а если мы что не такъ написали, Бога ради просимъ исправленія: мы вѣруемъ, что вы можете поправить, а насъ въ ошибкахъ Бога ради простите . . .

Еще прибавляемъ отъ преизбытка духовной любви нашей къ вамъ, и къ вашему и нашему преуспѣянію, что выше писанное о духовныхъ предметахъ и Божественныхъ свойствахъ не на всѣхъ дѣйствуетъ одинаковымъ чувствомъ; на иного дѣйствуетъ больше память смертная, на иного судъ Божій и неизвѣстное вѣчное опредѣленіе, на иного царствіе небесное, на иного адское вѣчное мученіе, на иного спасительныя Христовы страданія, на иного страхъ Божій и непрестанная память о Божіемъ присутствіи, всезрительствѣ, всемогуществѣ и вседержительствѣ, на иного сильно дѣйствуетъ Божіе благодѣяніе и долготерпѣніе. И вотъ, что тутъ надо замѣтить нашимъ умнымъ вниманіемъ и душевнымъ чувствомъ: который предметъ изъ обозначенныхъ нами на кого чаще и сильнѣе дѣйствуетъ къ горѣнію нашего духа и къ ревности о благочестіи, тотъ и надо себѣ сильнѣе присвоивать и тверже его укрѣплять во всѣ наши душевныя чувства. Одно духовное чувство, тяготѣющее въ нашемъ умѣ и сердцѣ и въ незабвенной памяти, довольно способно насъ подвигнуть къ духовной ревности, и пробудить наши духовныя чувства отъ душевной дремоты и нашего нерадѣнія, и привести намъ на память и прочіе духовные предметы. Только для сего требуется, батюшка, самоотверженіе своего разума и своего хотѣнія, и взять крестъ—сирѣчь умерщвленіе отъ всего страстнаго и любопластнаго, и идти путемъ Господнихъ заповѣдей и живою вѣрою безъ всякаго сомнѣнія и самонадѣянности, при содѣйствіи въ

насъ Божіей благодати, до послѣдняго издыханія нашей жизни. Претерпѣвый до конца той спасется. Благослови насъ, отче святый, и помолись за насъ, и прости насъ . . .»

Въ жизнеописаніи старца Агапія, (и зд. Валаамскаго монастыря. СПБ. 1910 г.) имѣются нѣкоторыя его наставленія о молитвѣ Іисусовой.

»Сердечное внутреннее дѣланіе есть наука изъ наукъ и художество изъ художествъ и опытные въ семъ дѣланіи всегда пребываютъ въ страхѣ и трепетѣ, по причинѣ тѣснаго и весьма темнаго пути, который обрѣтается лишь съ помощію опытныхъ наставниковъ» (Стр. 39).

»Уму надо давать крайнее вниманіе, сердцу трезвѣніе, волѣ бодрствованіе, чтобы она помимо молитвы ни во что не увлекалась, а если по немощи увлечется, то надо опять ободрившись внимать молитвѣ. Безъ трехъ сихъ: вниманія, трезвенія и бодрствованія истинная и чистая молитва произноситься не можетъ; сіе дѣланіе молитвы надо хранить неопустительно до послѣдней минуты жизни, при всякомъ молитвенномъ дарованіи, по заповѣди Господней: бдите и молитеся, да не внидете въ напасть» (Стр. 40).

»Проходить дѣланіе молитвы Іисусовой нужно подъ руководствомъ опытныхъ людей. Ибо отъ духовнаго безсовѣтія, и отъ довѣрія своему мнѣнію, разсужденію, душевнымъ и тѣлеснымъ чувствамъ — происходитъ въ неопытныхъ молитвенникахъ ложное душевное радованіе или наоборотъ — малодушная скука и сердечное ожесточеніе» (Стр. 41).

О. Агапій очень совѣтовалъ дѣланіе молитвы Іисусовой вести въ тайнѣ:

»Постарайтесь со смиреннымъ тщаніемъ укрыть отъ всѣхъ свое смиренное дѣланіе. Когда дорогія вещи кладутся неосторожно при пути — онѣ удобно похищаются ворами, а хранимыя въ крѣпкихъ кладовыхъ, подъ хорошими замками, сохраняются отъ всѣхъ безопасно» (Стр. 42).

»Кто истинно упражняется Іисусовой молитвой, тому бываетъ всегдашняя жажда, со всякимъ отсѣченіемъ своего разумѣнія и воли, если только найдетъ опытнаго человѣка, съ простосердечіемъ и любовію пользоваться духовнымъ со-

вѣтомъ и во всемъ стяжать правое истинное разсужденіе» (Тамъ же).

На вопросъ нѣкоторыхъ лицъ о томъ, какъ можетъ держаться молитва Іисусова въ сердцѣ, о Агапій отвѣчалъ: »Это вещь очень секретная. Мы сами по себѣ хотя бы очень тщательно старались умъ держать неисходно въ сердцѣ, — безъ дарованія Св. Духа это невозможно и не бываетъ; но пусть это васъ не смущаетъ, что не можете умъ держать въ сердцѣ постоянно; трудитесь съ усердіемъ и просите милость Божію, чтобы Онъ далъ вамъ сіе дарованіе, какъ Ему угодно, а преждевременно сего желать запрещаю. А во время немощи, лѣности и умнаго изнеможенія имѣйте всегда въ сердцѣ благоразумное и благодарное терпѣніе, съ благоговѣніемъ предавайте себя волѣ Божіей, въ смиренномъ чувствѣ покаянія и зрѣніемъ своей грѣховности, съ вопитіемъ къ Богу: — помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь. Смущаться и унынію себя предавать въ это время не должно, а благодушно и пождательно ожидать добраго измѣненія» (Стр. 42).

Своихъ учениковъ о. Агапій понуждалъ: »чтобы они любили не одно голое слово, но проводили бы его до чувства сердца и, съ помощію Божіей благодати, принуждали бы себя къ точному исполненію всякаго добраго дѣла, памятуя, что только нуждницы восхищаютъ Царствіе Божіе, а для нерадивыхъ и лукавыхъ оно недоступно, и что наше падшее естество требуетъ всегдашняго къ добру принужденія, а особенно къ такому добру, которое дѣлается съ истиннымъ смиреніемъ» (Стр. 35).

О молодыхъ и новоначальныхъ о. Агапій имѣлъ особую заботливость, »чтобы врагъ нашего спасенія подъ видомъ добра не обольстилъ ихъ къ вѣчной погибели . . . Молодость, говорилъ онъ, по своей природѣ и худымъ привычкамъ, очень непостоянна, а потому наставнику надо съ мужествомъ охранять новоначальныхъ и молодыхъ иноковъ, внушая слова Св. Писанія: — въ терпѣніи вашемъ, стяжите души ваши, — то есть, что тѣ только пріобрѣтаютъ спасеніе, которые претерпятъ до конца жизни въ борьбѣ со страстями и сохранятъ непорочность совѣсти».

Внутренній молитвенный трудъ о. Агапія хорошо уясняется изъ писемъ къ нему Епископа Ѳеофана Затворника, къ которому о. Агапій обращался за совѣтами. Такихъ писемъ имѣется въ печати девять. Приведу нѣсколько выдержекъ изъ нихъ. Епископъ Ѳеофанъ пишетъ о. Агапію.

»Кромѣ того, что вы видите въ помянутой вами книжкѣ о молитвѣ Іисусовой, я ничего вамъ прибавить не умѣю. Если для васъ мало того, то потрудитесь сами просмотрѣть объ этомъ въ той книжкѣ, на которую та книжка указываетъ. А что покажется и послѣ недостаточнымъ, — спрашивайте у своихъ, Богомъ вамъ данныхъ руководителей: настоятеля обители, духовнаго вашего отца, отца воспріемнаго и единомысленныхъ братій».

»Положите себѣ жить въ памяти Божіей и ходить въ присутствіи Божіемъ, — и это одно приведетъ васъ къ доброму концу. Все же отъ благодати Божіей. Безъ благодати Божіей никакимъ другимъ способомъ ничего духовнаго пріобрѣсть нельзя. Какъ уканетъ благодать въ сердце, тогда все пойдетъ, какъ слѣдуетъ быть».

»Тому состоянію, въ которомъ вы себя чувствовали во время св. поста, нельзя не порадоваться. Благослови васъ, Господи, и всегда такъ пребывать! Воспріимите смиренное ничего себѣ неприписываніе, видѣніе однихъ своихъ недостатковъ, погрѣшностей и опущеній и болѣзненное изъ сердца взываніе: »Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!» И благодать Божія никогда не отдалитъ отъ васъ своего осѣненія и покрова. Аминь!»

»Послушаніе, на васъ наложенное, надо нести. Это врагъ васъ мутитъ. И всѣ ваши извѣты — его суть издѣлія. Безъ послушанія быть въ обители стыдно. И вамъ дано послушаніе для избѣжанія сего стыда, и при томъ такое, которое вамъ подручнѣе всякаго. Вы исполняете его сидя, однимъ словомъ. Что легче слова? А добра отъ него сколько! — Вы говорите: »не способенъ». — Объ этомъ не вамъ судить, а о. игумену . . . Приказано дѣлать и дѣлайте, не разсуждая. »Ни ума, ни жизни нѣтъ у меня, подходящей къ такому послушанію», говорите вы . . . Если бы этого не было

въ васъ въ какой либо мѣрѣ, о. игуменъ, конечно, не тронулъ бы васъ. Развѣ онъ врагъ братій, которыхъ отряжаетъ на вашу долю? . . . »Ученики — помѣха въ молитвѣ». Никакое доброе дѣло не можетъ быть помѣхой въ молитвѣ: добрыя дѣла и молитва — родныя сестры, и одна другой руку подаютъ . . . »Старчество затруднительно нынѣ». А когда оно было свободно отъ затруднительности? По самому свойству своему оно затруднительно. Но ему всегда присуща помощь свыше . . . »Старчество малоплодно». Это несправедливо. Никакое слово не останется безплодно. Только плодъ не тотчасъ появляется. Да и какъ вы судите о плодахъ?! Если бы вамъ повелѣно было — всѣхъ сдѣлать святыми, другое дѣло. А вамъ сказано только: »придутъ братія, сказывай имъ, что Богъ пошлетъ». »Отвѣчай за нихъ». — Если не будете говорить, что нужно, будете отвѣчать, а коль скоро вы съ любовію говорите все должное, вы свое дѣло сдѣлали . . . и отвѣчать не за что. »Поступаютъ въ монастырь не ради спасенія». Коль скоро кто пришелъ въ монастырь, значитъ у него есть духовная зазноба. Но въ началѣ она слаба. Вамъ предстоитъ развить ее и усилить. И трудитесь. Трудъ съ Божіею помощію все преодолѣетъ . . . Молитесь о всѣхъ, вамъ врученныхъ, со слезами, каждому испрашивая благопотребнаго . . . и себѣ просите вразумленія. — И потомъ не безпокойтесь, ни что сказали, ни что еще сказать, ни что изъ того вышло».

»Мнѣ не непріятно вести съ вами бесѣду, пишетъ Еп. Ѳеофанъ, въ чаяніи научиться отъ васъ духовному дѣланію. Вы нашли драгоцѣнную бисеринку. Слава Богу! Теперь держите ее, — и по какой либо ошибкѣ не продайте, или не промѣняйте ее на глиняныя тетерки. Пребывайте въ томъ, что есть, болѣзненно припадая къ Господу, да соблюдетъ Онъ въ васъ великій даръ сей неутраченнымъ. Я не имѣю, что сказать вамъ, и пишу, чтобъ приложить прошеніе — помолитесь, чтобы и мнѣ многомилостивый Господь даровалъ сію бисеринку. А прежде того, чтобъ даровалъ мнѣ духъ покаянія и утвердилъ въ немъ: ибо безъ этого никакой даръ не дается и плодовъ не приноситъ. Вы что-то

упоминали о порядкахъ въ монастырѣ. Какое намъ съ вами дѣло до тѣхъ порядковъ? Они не на нашей шеѣ лежатъ. Тотъ и пусть кряхтитъ отъ нихъ, кому они поручены».

»Вы все спрашиваете и желаете слышать о духовномъ, а я по этой части недоученъ . . . Память Божія, память смертная, духъ сокрушенъ . . . и болѣзненное къ Богу припаданіе: »О, Господи, спаси-же! О, Господи, благоноспѣши-же!» Се — прямая дорога! Не мое это слово, а всѣхъ старцевъ, прямо на дѣло смотрящихъ. Кто попадетъ на это, тому нечего охать! Посылаю вамъ книжки: »Невидимая брань» . . . Желаю, чтобы вы въ этой книжкѣ нашли все вамъ нужное».

»Очень радъ начать опять съ вами бесѣду. Очень утѣшительно видѣть, что ваша ревность о дѣланіи внутреннемъ пребываетъ въ васъ въ силѣ и занимаетъ вниманіе ваше.

Ваши недоумѣнія и вопросы: »Можно-ли при молитвѣ Божіей Матери и святымъ стоять вниманіемъ въ сердцѣ?» — Можно . . . Молитва всякая должна изъ сердца идти. Слѣдовательно, тамъ и вниманіе должно быть.

»Есть-ли какая разница молиться со вниманіемъ внутри сердца, или при *устѣхъ внимая* словамъ молитвы, *со смиреннымъ и покаяннымъ чувствомъ, при неотходномъ памятованіи Бога Вездѣсущаго и Всезрящаго со страхомъ и благоговѣніемъ?*» — Послѣднія слова, что я подчеркнулъ, составляютъ духъ молитвы. И у кого это есть, тотъ стоитъ въ сердцѣ: ни о словахъ, ни объ устахъ помышлять ему некогда, и на умъ не приходитъ. Эти слова: »при устѣхъ внимая» — новая выдумка, нигдѣ у св. Отцовъ не встрѣчаемая . . . Ваши слова подчеркнутыя составляютъ существо молитвы. Все прочее — наклоненіе головы, стѣсненіе дыханія, сѣдѣніе на стульцѣ, введеніе словъ молитвы черезъ ноздренное дыханіе, — и эти конецъ языка и губы — будь не будь, это простая обстановка, ничего существеннаго не имѣющая . . . Обстановка молитвеннаго труда — несущественное дѣло. И при сей обстановкѣ нѣкая теплота приходитъ въ сердце: но это наша трудовая, а не благодатная. Считать и эту благодатною есть прелесть . . .»

»Можно-ли говорить: Господи Іисусе Христе, Богороди-

цею помилуй насъ?» — Можно. Но откуда родился вопросъ? Не взываемъ ли въ церкви: »Святъ, святъ, святъ еси, Боже, Богородицею помилуй насъ!?»

»Можно-ли вмѣсто слова *мя* говорить *насъ?*» — Можно. Когда молитва о себѣ: *мя*, когда о всѣхъ: *насъ*.

Мысль о молчаніи и уединеніи — добрая мысль. Но вѣдь вы и такъ сидите одни . . . Иногда же поговорить съ братомъ единомысленнымъ куда какъ хорошо . . . Такъ, я думаю, вамъ вотъ какъ можно: церковь да келлія — законъ неотложный; безъ крайней нужды никуда не выходить . . . Самому на бесѣду не навязываться, а когда кто въ нуждѣ духовной заведетъ рѣчь, надо поговорить съ нимъ добрѣ . . . Когда при умиленіи слезы приходятъ сами собою, пусть идутъ; а когда не приходятъ, и одного умиленія сердечнаго достаточно. Можно себя раздразнить на слезы и поплакать; но не слѣдуетъ этого считать чѣмъ нибудь, хотя слезы всегда умягчаютъ сердце».

»Вотъ и добрѣ! Благослови васъ Господь быть такъ, какъ написали . . . И совсѣмъ забудьте и кончикъ носа и губки свои святыя. А будьте исполнителями правила Филоѳеемъ Синайскимъ изреченнаго: »съ утра стань у сердца и именемъ Іисуса бей ратниковъ». Въ молитвѣ что много заботиться о словахъ и произношеніи ихъ? Все должно быть поглощено *чувствомъ къ Богу*, или сокрушеніемъ, или благодареніемъ, или прошеніемъ чего потребнаго для души и тѣла, и для внѣшняго положенія съ вѣрою и упованіемъ. Такія чувства и подобныя имъ да порождаютъ вопль къ Богу, и сей вопль будетъ настоящею молитвою, — и скажу, единою, истинною. — Прежде начала молитвословія надо оживлять сіи чувства размышленіемъ, напряженіемъ внутреннимъ на нихъ и молитвою о нихъ; а потомъ и весь день пребывать съ ними. И будетъ сіе непрестанная молитва . . . Не сласти ищите духовной, а того, чтобы со страхомъ и трепетомъ стоять предъ Господомъ, Божеское Ему воздавая поклоненіе».

»Говоря о состояніи вашей молитвы, на третьемъ мѣстѣ полагаете недоброе состояніе, которое изображаете такъ:

»бываетъ такъ стѣснительно, что ни умъ, ни сердце не могутъ произносить молитвенныхъ словъ, а, какъ бы умученные и убитые, въ неподвижномъ стояніи внутри, въ чувствѣ своего ничтожества и покаянія». Не умѣю понять, почему вы такое состояніе называете недобрымъ?

»*Стоять внутри неподвижно*, и, конечно, предъ Господомъ есть хорошее состояніе. Если при этомъ имѣется еще чувство своего *ничтожества и покаянія*, то и лучше и желать ничего нельзя. И стойте такъ, не отходя отъ Господа, хоть цѣлый день».

»Прилагаю отвѣты на ваши вопросы:

1. На литургіи побыть въ церкви довольно на одной, и ее, какъ и вечернее правило, келейною молитвою замѣнить можно. О послѣднемъ, кажется, надо испросить разрѣшеніе у настоятеля. Да и о первомъ, если у васъ положено, чтобъ лица, вамъ подобныя, бывали на всякомъ собраніи церковномъ.

2. »Скоро-ли лучше, или не скоро молитвословить?» — Вопросъ этотъ у васъ самихъ рѣшенъ. Вы говорите: »стараюсь всякое молитвенное слово доводить до чувства, и чувствую отъ сего большую пользу». — Старайтесь и всегда такъ дѣлать, — и вопросъ — скоро или медленно — совсѣмъ не родится.

3. »Люблю читать, но и молитву ради чтенія оставлять сомнѣваюсь». — Молитва выше чтенія, потому оставлять молитву ради чтенія незаконно. — Чтобъ сіи духовныя дѣланія одно другому не мѣшали, надо точно опредѣлить молитвенное келейное правило мѣрою и числомъ, и всегда исполнять его въ настоящемъ молитвенномъ духѣ, не оставляя, не умаляя и не ускоряя исполненіемъ его ни ради чего . . . Еще: за чтеніемъ-ли, или за другимъ какимъ дѣломъ найдетъ молитвенный духъ, оставлять надо всякое дѣло и молиться. Можно это и сидя, или ходя, но лучше стать на обычное мѣсто и класть поклоны, пока душа насытится. Главное наше дѣло — къ Богу приближеніе, которое бываетъ преимущественно въ молитвѣ. Молитвѣ потому все должно уступить.

4. »Что такое молитва безъ словъ»? — Есть неподвижное пребываніе въ молитвенныхъ чувствахъ къ Богу, не произнося ни въ умѣ, ни устами никакихъ словъ. Это высшая степень молитвы. Непрестанною молитвою можетъ быть только такая молитва. То, что вы назвали недобрымъ состояніемъ молитвы, близко подходитъ къ этому».

»Спрашиваете, какъ отнестись къ болѣзнямъ? — Относитесь также, какъ и къ слѣпотѣ, то есть какъ о слѣпотѣ радуетесь, такъ радуйтесь и о другихъ болѣзняхъ и благодарите Бога искренно: ибо все отъ Бога и все ко благу намъ».

»Лѣчиться-ли? — Отчего не лѣчиться? И лекаря, и лекарство Богъ сотворилъ. Развѣ излишне Онъ ихъ сотворилъ? Нѣтъ; а затѣмъ, чтобъ они болѣзни врачевали. Отвращеніе отъ лекаря и лекарства — Богу укоръ».

»Не лѣчиться можно, опредѣляя себя на терпѣніе, но надо бояться, какъ бы не прокралась самонадѣянность: »пусть лѣчатся слабые, а мы сильны». За такое о себѣ думаніе находитъ ропотливость. Лучше такъ: пришла болѣзнь, полѣчиться; пройдетъ боль отъ лекарства, слава Богу; не пройдетъ—терпѣть и Бога благодарить».

»Не могу, говорите, трезвиться и бодрствовать». — Если это, какъ пишете, находитъ и отходитъ, то это ничего . . . А если тянется долго, надо подбодрить себя богомысліемъ, или созерцаніемъ таинства вѣры нашей, особенно — смерти, суда, ада и рая. Страхъ Божій надо разогрѣвать, въ немъ великая возбудительная сила. Отъ ослабленія его находитъ лѣность, нерадѣніе и сонливость . . . Сами говорите, что молитва внутренняя помогаетъ, на нее и налегайте. — А это что, невоздержаніе въ пищѣ и лакомство?! Полагаю, что вы на себя клевещете: какое у васъ тамъ лакомство? Щи да каша, или хлѣбъ да вода. А какъ вы управляетесь съ душевными немощами и помыслами, лучше этого ничего придумать нельзя. Благослови васъ, Господи, такъ вамъ настроенными быть всегда».

»Какъ въ церкви быть, внутренно-ли молиться своею молитвою, или слушать, что читается и поется? — Разогрѣвайте свою внутреннюю молитву, и при ней слушайте . .

Молитва внутри — печка, а слушаніе — дровъ въ печку подбрасываніе . . . Но если слушаніе разбиваетъ внутреннюю молитву, то лучше оставаться со своею молитвою; но на литургіи надо и мыслями, и чувствами идти вслѣдъ за службою. Вотъ еще что надо помнить, — въ церковь собираемся на общую молитву, чтобъ и мысль, и чувства, и слово было у всѣхъ одно, иначе не получимъ, что обѣтовалъ Господь, когда два или три молятся».

»Всѣ немощи, какія вы написали, и у меня есть . . . Я вижу и стараюсь преодолѣть ихъ и уврачевать. Иногда успѣхъ бываетъ, а потомъ опять старое. Скажу однако-жъ, какъ я поступаю. Главная и у меня съ вами забота о трезвѣніи и умной молитвѣ, они вмѣстѣ идутъ, и одно безъ другой не бываетъ. Умная молитва по формѣ очень проста и, кажется, очень доступна. Вотъ: низойдя умомъ въ сердце и уставясь тамъ предъ лицемъ Господа, взывай о томъ, чего ищешь; взывай: »Господи, даруй мнѣ молитву». Трезвѣнія ли ищешь, — взывай: »Господи, даруй мнѣ трезвѣніе!» Терпѣнія ли ищешь, взывай: »Господи, даруй мнѣ терпѣніе!» и прочее, и все такъ».

»Лучше всѣхъ взываній есть: »Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!» Творите такъ, и будете имѣть умную молитву. Но бѣда наша въ томъ, что мысли разбѣгаются, за ними уходитъ и вниманіе, и умъ начинаетъ блуждать внѣ и не знать куда уходитъ. Молитва и пресѣкается, хоть и стоимъ на молитвѣ. Какъ же быть? Не вижу нигдѣ указаній; одно всѣ говорятъ: когда опомнишься, воротись опять въ сердце и начинай опять взывать изъ сердца, взывай о томъ, чтобы умъ не убѣгалъ во внѣ. Опять убѣжитъ умъ, опять вороти его, и опять берись взывать — и все такъ . . . Что-же выйдетъ? Будетъ ли конецъ сему убѣганію? Надо бы ему быть, но у насъ съ вами все не клеится. Мнѣ думается, что, если приложить къ сему боренію самоукореніе на себя и прошеніе у Господа трезвѣнія, то Господь, увидѣвъ наше терпѣливое исканіе и искреннее желаніе трезвѣнія, подастъ намъ по милости Своей. Трезвѣніе есть даръ благодати, и самому его достигнуть невозможно,

а надо только трудиться надъ исканіемъ его и молить Господа о немъ въ чаяніи Божія посѣщенія. Какъ искать? Замѣчаете ли, что, когда есть въ сердцѣ чувство, тогда вниманіе не отходитъ отъ сердца: потому заключаю, что, если дѣлать такъ, чтобы приступить къ умной молитвѣ не иначе, какъ напередъ возбудивъ въ сердцѣ какое либо святое чувство, то вниманіе не отойдетъ отъ сердца, съ вниманіемъ будетъ тамъ умъ, и — умная молитва. Попробуйте такъ, можетъ быть дѣло пойдетъ на ладъ. Какое чувство? Всякое святое. Славословіе, благодареніе, сокрушеніе, страхъ Божій, самоуничиженіе и прочее . . . Помолившись такъ, сядьте и почитайте что духовное, — лучше всего о трезвѣніи и молитвѣ. Потомъ походите и подумайте, а то поговорите съ кѣмъ все о томъ же».

»А блужданіе мыслей какъ? Когда будетъ чувство въ сердцѣ, онѣ не будутъ блуждать. Когда кранъ въ самоварѣ отвернутъ, вода течетъ неудержимо, а какъ завернешь, вода останавливается; такъ и съ мыслями: все текутъ и текутъ, завернешь кранъ и перестанутъ. Это завернутіе крана есть возбужденіе святаго чувства въ сердцѣ и держаніе его».

»Еще жалуетесь на недостатокъ терпѣнія, — терпѣніе никакъ не водворится въ васъ, если не будете держать глубокое чувство, что все встрѣчающееся съ вами, встрѣчается по волѣ Божіей . . . Тутъ же придетъ и смиреніе и нищета духовная . . . и всѣ тревоги ваши прекратятся».

»Скорое читаніе заученныхъ молитвъ конечно нехорошо, а вѣдь это въ вашей же власти. Какъ замѣтите это, прекращайте, и начинайте читать не спѣшно. Мѣра для читанія молитвъ по молитвеннику или на память — имѣйте пониманіе и сознаніе читаемаго; такъ читайте, чтобы все читаемое сознаваемо было. Этимъ и скорость опредѣляйте. Помните вы 24 молитовки св. Златоуста? Прочитывайте ихъ почаще, прибавьте къ нимъ другія изъ псалмовъ, или церковныхъ пѣснопѣній, и тоже затвердите, — и читайте съ соотвѣтственными мыслями и чувствами. Можно ими и все молитвенное правило замѣнить, но для васъ въ этомъ нужды нѣтъ».

»Беретесь прочитать мои книжки . . . Дивиться буду, если вы найдете у меня что либо пригожее для васъ. Вы уже зрѣлая ягода, а мои писанія новоначальническія все . .»

»Большая вамъ милость, что молитва ваша бываетъ нерасхищенная . . . Но говорите, что случается страдать отъ *охлажденія*. — Откуда у васъ быть охлажденію? Оно приходитъ, когда лишнее съѣшь, лишній часъ соснешь, чувства распустишь и многаго насмотришься, наслушаешься, и особенно, когда много наговоришь . . . Всего этого, я думаю, у васъ нѣтъ. Откуда-же охлажденіе ваше? Отъ чего нибудь внутри недобраго. Бываетъ оно отъ самодовольства . . . Душа самодовольная, и ничего ей больше не нужно, отъ того и молится холодно. Сознаніе своихъ нуждъ духовныхъ рождаетъ чувство скудости духовной, и тогда душа невольно вопитъ ко Господу: Господи, помоги, — Господи, вразуми, — Господи, утѣши. Я думаю, что и это у васъ есть, — т. е. нищета духовная.

Такъ должно быть у васъ охлажденіе — отъ того, что душа, день, другой, третій, пятый, десятый — потрудившаяся добрѣ въ молитвѣ, чтеніи и богомысліи, все со вниманіемъ и чувствомъ, — требуетъ, наконецъ, отдыха, перерыва напряженной дѣятельности. Въ такомъ случаѣ съ душею ничего не подѣлаешь . . . а остается только терпѣть ее . . . все обычно по уставу заведенное исполнять . . . а охлажденіе терпѣть, моля Господа смиловаться и воротить подобающее чувство. — И пройдетъ. Ибо это состояніе проходчиво.

Вѣдь вы ходите въ церковь!? Бываніе въ церкви съ терпѣніемъ и вниманіемъ тоже расшевеливаетъ душу.

Постоянное охлажденіе бываетъ только при постоянномъ грѣхолюбіи и грѣходѣланіи . . . а безъ этого оно всегда переходчиво. У всѣхъ отцевъ поминается объ охлажденіи . . . и всѣ даютъ уроки, какъ быть въ семъ случаѣ. Учитесь у нихъ».

Опубликовавшій вышеозначенныя письма Епископа Ѳеофана къ схимонаху Агапію протоіерей Іустинъ Ольшевскій, впослѣдствіи Сильвестръ, Архіепископъ Омскій и Семипалатинскій, пишетъ въ своемъ заключительномъ словѣ:

»Въ письмахъ одинаково поражаютъ смиреніе и глубина разумѣнія сокровеннѣйшихъ высокихъ движеній духа въ одномъ, высота духа вмѣстѣ съ дѣтскою простотою — въ другомъ».

Эта справедливая характеристика даетъ правильную оцѣнку духовнаго молитвеннаго устроенія и Епископа Ѳеофана и старца схимонаха Агапія.

Еще я хочу остановить ваше вниманіе на книгѣ, о которой уже упоминалъ: на книгѣ Игумена Тихона, духовника Епископа Ѳеофана, носящей заглавіе »Искатель непрестанной молитвы или сборникъ изреченій и примѣровъ о непрестанной молитвѣ». Для полноты нашего изложенія, — я хочу и изъ этой книги привести нѣкоторыя наставленія о молитвѣ Іисусовой.

Схимонахъ Маркъ Саровскій, современникъ преп. Серафима, училъ объ Іисусовой молитвѣ: »Умную молитву Іисусову твори на всякомъ мѣстѣ навсегда» («Искатель непрестанной молитвы . . .», стр. 19).

У подвижника Ѳеодора Санаксарскаго, того-же 18 вѣка, въ его обители было правило: »Въ вечеру, по отпускѣ церковнаго правила, въ келліи творить: *триста молитвъ Іисусовыхъ*, и при нихъ полтораста поклоновъ — т. е. десять молитвъ Іисусовыхъ просто, и десять съ поклонами» (Тамъ же).

Старецъ игуменъ Валаамскій Назарій училъ: »*Помолимся духомъ, помолимся и умомъ*». Взойдите въ слова апостола Павла: *хощу рещи пять словъ умомъ, нежели тысячу языкомъ*». Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сіи пять словъ удостоились говорить: *Господи, Іисусе Христе, помилуй мя!* Что за радость!»

Онъ-же училъ: »Въ келліи не упускай изъ мысли твоей Іисусову молитву, и старайся стяжать душевное умиленіе сердца въ тишинѣ и глубокомъ молчаніи ума твоего. Собери разумъ и вся помышленія твоя, стани на молитву, впери къ Богу умъ твой и сердце, и молись . . . Старайся, дабы отнюдь твои мысли не могли парить по сторонамъ и ничѣмъ изъ міра сего не занимались; въ такой тишинѣ и глубокомъ молчаніи ума твоего стани, потупи главу, руцѣ при-

ложи къ персямъ, ноги соедини вмѣстѣ, очи смежи и, собравъ умъ и сердце во едино, *молися Іисусовою молитвою*».

Онъ-же: »Если, въ церкви стоя, не можешь понимать, слушая пѣніе и чтеніе церковное, то съ благоговѣніемъ тайно твори молитву имени Іисусову, слѣдующимъ образомъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Старайся углубить сію молитву въ душу и сердце твое. Твори оную умомъ и мыслію, не попускай оной на малое время удалиться изъ устъ твоихъ, соединяй оную, какъ можно, съ дыханіемъ твоимъ и сколько силъ твоихъ есть, старайся при семъ нудить себя къ сокрушенію сердечному, да не безъ слезъ каешися о грѣсѣхъ твоихъ. Если же нѣтъ слезъ, то должны быть, по крайней мѣрѣ, сокрушеніе и стенанія сердечныя» (Сборникъ о молитвѣ Іисусовой, стр. 259).

Строитель Саровскій, старецъ Пахомій, современникъ Святителя Тихона Задонскаго и преп. Серафима Саровскаго, училъ: »Да будетъ прилеженъ безмолствующій въ испытаніи совѣсти своей, въ самоукореніи, смиреніи, въ непрестанной молитвѣ ко Христу Богу, и во внимательномъ Богомысліи, вседневно воспоминая смерть свою, судъ Христовъ, царство небесное и вѣчныя муки» (»Искатель», стр. 21).

Старецъ іеросхимонахъ Парѳеній Кіевскій говорилъ: »Всякому, хотящему спастися, надо всѣмъ сердцемъ взыскать Господа, а взыскать Его можно только *прилежнымъ и докучнымъ къ Нему моленіемъ*. Ты *только молись*, проси отъ всей души Господа, чтобы Онъ не оставилъ тебя, а Онъ вразумитъ, наставитъ и отъ грѣха сохранитъ тебя, а самъ по себѣ ничего не сдѣлаешь: безъ Бога ни до порога» — (»Искатель», стр. 24).

Пріобрѣтеніе истиннаго молитвеннаго духа составляло главнѣйшій подвигъ блаженнаго отца Парѳенія, и онъ стяжалъ сей благодатный духъ въ высшей степени. *Молитва*, по словамъ его, обратилась для него въ такую потребность, какъ пища или питіе, или же сдѣлалась у него, по его выраженію, какъ бы *болячкою, вросшею въ сердце*. Она сама собою при вѣшнихъ даже развлеченіяхъ и даже во снѣ въ

немъ дѣйствовала. Онъ самъ видѣлъ однажды, въ полусонномъ видѣніи, свое сердце, объятое пламенемъ. Это *символъ непрестанной молитвы*, въ которой сердце его непрестанно возносилось горѣ — къ Богу (Тамъ же).

Онъ же говоритъ: »Истинную молитву стяжать неизреченно трудно, не разъ душа за подвигъ сей приблизится ко вратамъ смертнымъ. Но кто уже сподобился стяжать ее, у него она, какъ *болячка*, вростетъ въ сердце и ничто не изметъ ее» (Тамъ же, стр. 27).

Онъ же: »Молитва истинная есть та, которая *вросла* въ душу и совершается духомъ. Для стяжанія ея великій потребенъ подвигъ умственный и тѣлесный» (Тамъ же).

Иларіонъ, духовникъ Московскаго Симонова монастыря говорилъ: »Я неискусенъ и малоопытенъ во внутренней молитвѣ. Но если усердно желаешь научиться, то св. Отцы учатъ сему слѣдующимъ образомъ: старайся какъ можно болѣе или даже непрестанно при всѣхъ занятіяхъ творить Іисусову молитву, произнося тихо: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! Когда утомятся уста, произноси ее умомъ, и старайся отгонять помыслы, и внимать тому, что ты произносишь. По времени Богъ поможетъ тебѣ достигнуть и того, что само сердце твое будетъ творить молитву самодѣйственно, по писанію: *»сердце мое бдитъ»* (»Искатель», стр. 28).

Въ Симоновомъ монастырѣ жилъ старецъ Павелъ, ученикъ архимандрита Паисія Величковскаго. По болѣзни ногъ онъ болѣе семи лѣтъ лежалъ на одрѣ и съ благодареніемъ несъ крестъ свой. Когда у него просили наставленія, онъ говорилъ: »сколько возможно, возбуждай въ себѣ любовь къ ближнимъ, и имѣй простое око. Къ сему руководствуетъ уединеніе и *себѣ вниманіе, соединенное съ Іисусовою молитвою*, которая всему глава» (Тамъже, стр. 30).

Іеросхимонахъ Симоновскій Іона разсказывалъ о своемъ старцѣ Адріанѣ, съ которымъ онъ пустынножительствовалъ въ Брянскихъ лѣсахъ, что »внутренняя сладость сердечной молитвы не допускала ему чувствовать наружную боль».

Тотъ же іеросхимонахъ Іона, живя въ Симоновомъ мо-

настырѣ, все свое келейное правило выполнялъ, занимаясь внутреннею молитвою, держа въ рукахъ шерстяныя четки, и непрерывно повторяя Іисусову молитву сердцемъ и устами. Когда же его спрашивали, что ты, отче, дѣлаешь? Онъ отвѣчалъ: узлы на четкахъ считаю (Тамъ же).

Ученикъ старца Серафима Саровскаго, Арзамасскій протоіерей Авраамій Некрасовъ, училъ объ Іисусовой молитвѣ: »Спаситель говоритъ, *безъ Мене не можете творити ничесоже*. Поэтому, по слову Апостола, — *непрестанно молитеся* — должно и нужно тебѣ упражняться въ умной сердечной молитвѣ, при самыхъ даже обыкновенныхъ занятіяхъ въ глубинѣ души твоей, произнося со страхомъ и вѣрою: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!»

»Хочется тебѣ спастись? Непрестанно молись, и все терпи, и терпи до конца, ибо точію претерпѣвый до конца спасенъ будетъ».

»Бѣсовъ бей нещадно именемъ Іисусовымъ, вотъ и будешь добръ воинъ Христовъ».

»Навыкни непрестанно молиться и истинно смиряться, такъ какъ безъ молитвы никакой даръ не стяжавается, а безъ смиренія хоть бѣги изъ монастыря».

»О мірѣ не грусти, о мирѣ же сердечномъ непрестанно трости».

»Не будь безъ молитвы Іисусовой ни на одну минуту. И вставая, и сидя, и ходя, и при трапезѣ, и при всякомъ занятіи твоемъ, даже во многолюдствѣ, отнюдь не оставляй въ умѣ твоемъ сей краткой молитвы: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!»

»Частое и усердное, съ вѣрою и любовію, произношеніе сей молитвы сохранитъ умъ твой отъ разсѣянія и помышленій злыхъ, и сердце — отъ похотей лукавыхъ».

»Дабы стяжать сокровище непрестанной молитвы, нуженъ подвигъ — царствіе небесное нудится, и нудящіе себя восхищаютъ его, а подвизаться за тебя, кромѣ тебя же самого, никто не можетъ».

»Подвизаюсь, да не успѣваю! Значитъ еще слабо внима-

ешь, мало подвизаешься. Усугуби твое вниманіе, умножь подвигъ твой, и ты, съ помощію Божіею успѣешь въ твоемъ подвигѣ столько, что молитва Іисусова также сдѣлается для тебя естественною, какъ и самое дыханіе твое, безъ котораго существовать не можешь».

»Если душа твоя всегда уязвлена жаломъ сокрушенія и страхомъ суда будущаго, то старайся чрезъ тщательное упражненіе въ словѣ Божіемъ и черезъ умную молитву этотъ даръ Божій еще болѣе пріумножить въ себѣ».

»Противъ скуки и унынія есть средство: чрезъ умную сердечную Іисусову молитву старайся всегда быть въ Богѣ, Который есть источникъ радости и утѣшенія».

»Не выроняй ни на одно мгновеніе ока изъ сердца твоего Пресладкаго и Всещедраго Іисуса. *Безъ Него горько жить*».

»Ума и сердца и очей умныхъ не спускай съ Того, съ Кѣмъ пріискреннѣ удостоился соединяться (въ таинствѣ причащенія). Бди и молись».

»Кромѣ трезвѣнія и молитвы не можешь устоять въ чистотѣ и правдѣ. При самомъ трезвѣніи и молитвѣ берегись, чтобы не впасть тебѣ въ самомнѣніе и самообольщеніе. Возлюби смиреніе и самоукореніе. Одно, одно намъ грѣшнымъ нужно — смиреніе. Безъ сего небеснаго дара ни истиннаго покаянія нельзя принести, ни добродѣтели какой стяжать невозможно».

»Внемли себѣ опасно! Мысли злыя, какъ сѣмя діавольское, именемъ Іисусовымъ исторгай въ самомъ началѣ».

»Замѣчаешь въ себѣ лѣность къ молитвѣ? Нудь себя, грози себѣ, устрашай себя, обнадеживай себя наградою за труды; чаще разсуждай; что есть молитва? И понемногу станешь услаждаться молитвою. Не хотѣть молиться, значитъ не хотѣть быть съ Богомъ».

»Молиться обучай себя столь же часто, какъ часто и дышешь. Я разумѣю внутреннюю молитву, которая всегда и вездѣ можетъ быть совершаема съ такою же удобностью, съ какою совершается въ насъ біеніе сердца».

»Продолжай дѣланіе свое внутреннее неослабно, призы-

вай непрестанно съ вѣрою и любовію достопокланяемое имя Господа Іисуса».

»Іисусова молитва пусть будетъ дыханіемъ души твоей! Сладчайшій Іисусъ да не выходитъ изъ ума и сердца твоего . . . Со Сладкимъ Іисусомъ все для тебя будетъ сладко: самыя скорби покажутся тебѣ манною небесною . . . Держись умомъ твоимъ и сердцемъ Сладчайшаго Іисуса: Онъ все совершитъ въ тебѣ, во внутреннемъ твоемъ человѣкѣ. Обучай себя смиренію и терпѣнію. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши. Претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ».

»Молись умомъ своимъ непрестанно и смиряйся сердцемъ, и *Господь дѣйствуяй въ насъ, и еже хотѣти, и еже дѣяти,* сотворитъ съ тобою благодатный плодъ свой во время свое».

»Уединяйся почаще въ себя, въ клѣти твоего сердца, и тамъ бесѣдуй съ Богомъ черезъ умную молитву, которая такою радостію и сладостію наполнитъ душу твою, что ты не захочешь искать ни въ чемъ земномъ себѣ утѣшенія».

»Во внутреннемъ святилищѣ души совершай выну (всегда) словесное служеніе посредствомъ умной и сердечной молитвы Іисусовой, которую никто и ничто не можетъ препятствовать произносить тебѣ (если, конечно, самъ поревнуешь объ этомъ)».

»Держись паче всего молитвы Іисусовой, и при ней строгаго вниманія самому себѣ, въ страхѣ Божіемъ».

»Къ добродѣтелямъ чистотѣ и смиренію потребна молитва и молитва непрестанная. Кто изъ св. Отцевъ стяжалъ себѣ Христа безъ молитвы? Никто! Молитва есть сѣмя, порождающее въ насъ Христа; молитва есть сила, оплодотворяющая въ душахъ нашихъ жизнь Христову . . .»

»Старайся всегда быть съ Господомъ! А быть съ Господомъ это рай земной и царствіе Божіе . . . Глазамъ, языку, ушамъ воли не давай: глаза закрой, уста затвори, уши заткни . . . Болѣе всего, при умной непрестанной Іисусовой молитвѣ, держись смиренномудрія, которое есть вѣрное и твердое огражденіе души».

»Не можешь много поститься и предстоять на молитвѣ (тѣлесно), такъ упражняйся болѣе въ умной и сердечной молитвѣ. Паче же всего храни уста свои отъ празднословія и осужденія, ибо ничто такъ не препятствуетъ вниманію умному и теплотѣ сердечной, какъ празднословіе».

Всѣ вышеприведенныя наставленія объ Іисусовой молитвѣ о. Авраамія Некрасова заимствованы изъ его книги: »Письма къ духовнымъ дѣтямъ».

»Одинъ старецъ, преуспѣвшій въ умной молитвѣ, спросилъ другого инока, также занимавшагося ею: кто обучилъ тебя молитвѣ? Инокъ отвѣтилъ: »демоны». Старецъ улыбнулся и сказалъ: какой соблазнъ произнесъ ты для незнающихъ дѣла! Однако скажи: какимъ образомъ демоны выучили тебя молитвѣ? Инокъ отвѣчалъ: меня одолѣвала тяжкая и продолжительная брань отъ лютыхъ помысловъ, мечтаній и ощущеній, не дававшихъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью . . . Угнетенный натискомъ духовъ, я сталъ читать молитву Іисусову и, такимъ образомъ, выучился ей» — (Искатель . . .» Стр. 49).

Извѣстный Затворникъ Задонскій Георгій Алексѣевичъ говорилъ объ Іисусовой молитвѣ: »Одно призываніе Сладчайшаго Іисуса можетъ усладить огорченное сердце и привести душу въ восторгъ небесной радости. Мирное спокойствіе снискивается въ самомъ сердцѣ именемъ Христовымъ» (Письма, томъ 1, стр. 128).

Святитель Тихонъ Задонскій въ глубокомъ чувствѣ сокрушенія и умиленія иногда вопіялъ: »Господи, пощади! Кормилецъ, помилуй! Потерпи, благость наша, грѣхамъ нашимъ! Услыши, Господи, и не погуби насъ со беззаконьми нашими!» И бился головою о полъ. Онъ же училъ о молитвѣ Іисусовой: »Отъ искушеній никуда не уйдешь, когда врагъ, чего самъ не можетъ, то черезъ злыхъ людей наноситъ оскорбленія . . . Повсюду надобно терпѣть и быть великодушну; не смотрѣть на то, что дѣлаютъ, а внимать тому, чему слово Божіе учитъ; знать келлію да церковь, и всегда быть заняту: то читать, то молиться, то дѣлать, что пристойное, и такъ поперемѣнно продолжать; мало ѣсть, мало пить,

и непрестанно Іисусову молитву имѣть въ сердцѣ своемъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!» — («Искатель . . .» Стр. 55).

Въ заключеніе этой бесѣды приведу еще нѣкоторыя мѣста о молитвѣ изъ дневника нашего великаго пастыря-молитвенника о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго).

»Двѣ силы, совершенно противоположныя между собою, вліяютъ не меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Какъ духовныя силы, обѣ онѣ невидимы. Добрая сила, по свободной и искренней молитвѣ моей, всегда прогоняетъ злую силу, и сила злая сильна только зломъ, во мнѣ скрывающимся. Чтобы не терпѣть непрерывныхъ стуженій злаго духа, надо постоянно имѣть въ сердцѣ Іисусову молитву: *Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя!* Противъ невидимаго діавола — невидимый Богъ, противъ крѣпкаго — Крѣпчайшій» (Моя жизнь во Христѣ, часть I, стр. 79).

»Имѣя Христа въ сердцѣ, бойся, какъ бы не потерять Его, а съ Нимъ и покоя сердечнаго; горько начинать снова; усилія прилѣпиться къ Нему снова по отпаденіи будутъ тяжки и многимъ будутъ стоить горькихъ слезъ. Держись всѣми силами за Христа, пріобрѣтай Его, и не теряй святаго дерзновенія предъ Нимъ» (Тамъ-же, стр. 13).

»Христосъ, введенный въ сердце вѣрою, возсѣдаетъ въ немъ миромъ и радостію. Не даромъ говорится о Богѣ: *святъ еси и во святыхъ почиваеши*» (Тамъ-же, стр. 19).

»Всѣ мои бѣды происходятъ въ невидимой моей мысли и въ невидимомъ сердцѣ моемъ; потому невидимый же нуженъ мнѣ и Спаситель, вѣдущій сердца наша. О, крѣпость моя, Іисусе, Сыне Божій! О, свѣте ума моего! Мире, радосте, широта сердца моего—слава Тебѣ! Слава Тебѣ, Избавителю отъ невидимыхъ враговъ моихъ, ратующихъ умъ и сердце мое и убивающихъ меня въ самомъ источникѣ моей жизни, въ самомъ чувствительномъ моемъ мѣстѣ» (Тамъ-же, стр. 25).

»Мысленными очами сердца вижу я, какъ мысленно вдыхаю въ сердце свое Христа, какъ Онъ входитъ въ него,

и вдругъ упокоеваетъ и услаждаетъ его. О, да не пребуду я одинъ, безъ Тебя Жизнодавца моего! Худо мнѣ безъ Тебя» (Тамъ же, стр. 27).

»При молитвѣ держись того правила, что лучше сказать пять словъ отъ сердца, нежели тьмы словъ языкомъ. Когда замѣчаешь, что сердце твое хладно и молится неохотно, — остановись, согрѣй свое сердце какимъ нибудь живымъ представленіемъ, — напримѣръ, своего окаянства, своей духовной бѣдности, нищеты и слѣпоты, или представленіемъ великихъ ежеминутныхъ благодѣяній Божіихъ къ тебѣ и къ роду человѣческому, особенно же къ христіанамъ, и потомъ молись не торопясь, съ теплымъ чувствомъ; если и не успѣешь прочитать всѣхъ молитвъ ко времени, бѣды нѣтъ, а пользы отъ теплой и неспѣшной молитвы получишь несравненно больше, чѣмъ если бы ты прочиталъ всѣ молитвы, но спѣшно, безъ сочувствія. Хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, нежели тьмы словесъ языкомъ. Но очень хорошо, разумѣется, было бы, если бы мы могли съ должнымъ сочувствіемъ сказать на молитвѣ и тьмы словесъ. Господь не оставляетъ трудящихся для Него и долго предстоящихъ Ему; въ ню же мѣру они мѣряютъ, возмѣриваетъ и Онъ, и соотвѣтственно обилію истинныхъ словъ ихъ молитвы, посылаетъ въ душу ихъ обиліе свѣта, теплоты духовной, мира и радости. Хорошо продолжительно и непрестанно молиться, но *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть: могій вмѣстити, да вмѣститъ.* Не могущимъ вмѣщать продолжительной молитвы, лучше творить молитвы краткія, но съ горячею душею» (Тамъ-же, стр. 167).

»И Святыми Божіими овладѣвало діавольское отчаяніе и уныніе. Что же съ нами грѣшными? О, насъ врагъ уязвляетъ часто сердечнымъ озлобленіемъ, уничиженіемъ и лютымъ унынiемъ! Нужно постоянно обращаться ко Господу, и быть съ Нимъ каждую минуту, чтобы не овладѣло нами вражіе озлобленіе и уныніе. Есть и еще средство избавиться отъ вражія унынія — пространный путь міра . . . удовольствія свѣта . . . но сохрани Богъ всякаго христіанина отъ того, чтобы такимъ средствомъ избавиться отъ діа-

вольскаго унынія. Лучше идти тѣснымъ путемъ, теріѣть уныніе, и искать частой помощи и избавленія у Господа Іисуса Христа, веселящаго трудящихся Его ради надъ спасеніемъ своимъ, нежели сойти на пространный и гладкій путь міра, и тамъ удовольствіями плоти купить свободу отъ духа унынія. Врагъ духомъ унынія многихъ согналъ съ тѣснаго и спасительнаго пути на широкій и гладкій, но гибельный путь» (Тамъ-же, стр. 169).

»Когда молишься, внимай себѣ, чтобы внутренній твой человѣкъ молился, а не внѣшній только. Хотя безъ мѣры грѣшенъ, а все молись. На діавольское ражженіе, лукавство и отчаяніе не смотри, а преодолѣвай и побѣждай его козни. Помни пучину человѣколюбія и милосердія Спасова. Діаволъ будетъ представлять тебѣ лице Господа грознымъ и немилостивымъ, отвергающимъ твою молитву и твое покаяніе, а ты вспомни слова Спасителя, исполненныя для насъ всякаго упованія и дерзновенія: *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ*, и — *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи* грѣхами и беззаконіями, и діавольскими кознями и навѣтами, *и Азъ упокою вы*» (Тамъже, стр. 218).

»Человѣколюбче Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій! Благодарю отъ всего сердца моего, яко молитву мою о любленіи ближняго и презрѣніи земного услышалъ еси, и мирную, разумную и сладостную любовь въ сердце мое изліялъ еси. Утверди, Боже, сіе во мнѣ молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, и да буду я чадо Твое, Господи, и чадо Ея истиннѣйшее» (Тамъ-же, стр. 373).

»На молитвѣ будь, какъ дитя лепечущее, сливаясь въ одинъ духъ съ духомъ произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай, какъ великій даръ Божій. Отъ своего разума плотскаго совсѣмъ откажись и не внимай ему, ибо плотскій разумъ *кичитъ*, сомнѣвается, мечтаетъ, хулитъ. Если во время или внѣ молитвы врагъ займетъ душу твою какими-либо хулами и мерзостями, не унывай отъ нихъ, но скажи съ твердостью въ сердцѣ своемъ; для очищенія отъ этихъ-то и подобныхъ имъ грѣховъ и пришелъ на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ; въ этихъ-то и по-

добныхъ имъ немощахъ духа и пришелъ Многомилостивый помочь намъ; и когда скажешь эти слова съ вѣрою, сердце твое тотчасъ успокоится: ибо Господь сердце твое очиститъ. Вообще ни отъ какого грѣха, какъ отъ мечты, не надо унывать, а уповать на Спасителя. О, безмѣрное благоутробіе Божіе! О, величайшее служеніе Богочеловѣка намъ грѣшнымъ! И донынѣ Онъ служитъ намъ человѣколюбно, очищая и спасая насъ. И такъ, да посрамится держава вражія!» (Тамъ-же, стр. 376).

»Діаволъ обыкновенно вселяется въ насъ черезъ одинъ лживый помыслъ или мысль ложную и вожделѣніе грѣховное, и потомъ дѣйствуетъ въ насъ и безпокоитъ насъ: такъ онъ простъ. Не паче ли Господь Богъ духовъ вселяется въ насъ черезъ единую мысль и любовь истинную и святую и съ нами бываетъ, и въ насъ дѣйствуетъ и бываетъ для насъ всѣмъ? Итакъ, молись безъ сомнѣнія, просто, т. е. въ простотѣ сердца, безъ сомнѣнія: какъ мыслить легко, такъ и молиться должно быть легко» (Тамъ-же, стр. 399).

»Ты не можешь безъ благодатной помощи побѣдить ни одной страсти, ни одного грѣха, — проси же всегда помощи у Христа Спасителя своего. Онъ для того и пришелъ въ міръ, для того пострадалъ, умеръ и воскресъ, чтобы во всемъ помогать намъ, чтобы спасать насъ отъ грѣха и отъ насилія страстей, чтобы очищать грѣхи наши, чтобы подавать намъ въ Духѣ Святомъ силу къ дѣланію добрыхъ дѣлъ, чтобы просвѣщать насъ, укрѣплять насъ, умиротворять насъ. Говоришь: какъ спастись, когда на каждомъ шагу грѣхъ стоитъ и на всякую минуту грѣшишь? На это отвѣтъ простой: на всякомъ шагу, на всякую минуту призывай Спасителя, помни о Спасителѣ и спасешься, и другихъ спасешь» (Моя жизнь во Христѣ, ч. 2. стр. 49).

»Свѣтло и тепло и покойно мнѣ, когда я всецѣло обращаюсь душею моею къ мысленному Солнцу, Солнцу Правды, Христу Богу моему. И растаеваетъ ледъ сердца моего, отъемлется нечистота и тля его, исчезаетъ мракъ, отбѣгаетъ смерть духовная, воцаряется жизнь небесная, ничто земное не занимаетъ меня» (Тамъ-же, стр. 99).

»Во время молитвы, при сильныхъ искушеніяхъ отъ діавола, всю печаль свою возверзи на Господа, *яко Той печется о тебѣ*. На молитвѣ только вѣруй въ Господа, яко одесную тебе есть, и все возможно тебѣ будетъ» (Тамъ-же, стр. 136).

»Когда ты молишься Богу, то ты не иначе представляй себѣ близость Его, какъ такъ, что ты ежеминутно дышешь Имъ, двигаешься, просвѣщаешься, упокоеваешься, утѣшаешься, и укрѣпляешься, — словомъ живешь Имъ, по Писанію: о Немъ бо живемъ и движемся и есмы. Даяй всѣмъ животъ, и дыханіе, и вся. Близъ ти есть Богъ (Глаголъ), во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ . . . Яко аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ Него въ сердцѣ твоемъ, спасешися» (Тамъ-же, стр. 171).

»Молитва есть дыханіе души, какъ воздухъ дыханіе естественное тѣла. Дышемъ Духомъ Святымъ. Ни одного слова молитвы не можешь сказать отъ всего сердца безъ Духа Святаго. Молясь, усты ко устомъ съ Господомъ бесѣдуешь, и если имѣешь открытыя вѣрою и любовію сердечныя уста, въ то же время какъ бы вдыхаешь изъ Него просимыя духовныя блага Духомъ Святымъ» (Тамъ-же, стр. 196).

»Спаситель благоволилъ воплотиться не для того только, чтобы спасать насъ тогда, какъ грѣхи, страсти одолѣли насъ, когда мы уже опутаны ими, но и для того, чтобы спасать насъ, по молитвѣ нашей, тогда, когда еще только усиливаются ворваться въ насъ грѣхъ и страсть, когда борютъ насъ. Не надо спать и опускать малодушно руки, когда борютъ насъ страсти, но въ это-то самое время и быть на сторожѣ, бодрствовать и молиться Христу, чтобы Онъ не допустилъ насъ до грѣха. Не тогда спасать должно домъ отъ пожара, когда огонь всюду уже распространился въ немъ, а лучше всего тогда, когда пламя только что начинается. Такъ и съ душею. Душа — домъ, страсти — огонь. Не дадите мѣста діаволу (Ефес. 4: 27)» (Тамъ-же, стр. 202).

»Когда бываешь очень молодъ, или живешь жизнью міра грѣшнаго, тогда знаешь и Христа Спасителя, и врага Божьяго и человѣческаго, сатану всезлобнаго, только по одному имени, и думаешь, что Христосъ отъ тебя далеко —.

на небѣ, а діаволъ гдѣ-нибудь есть, только никакъ не близко и не около тебя, и хотя слышишь, что онъ золъ, но думаешь, что злость его до тебя не касается; но когда будешь въ лѣтахъ зрѣлыхъ и вступишь въ жизнь подвижническую, когда будешь служить Богу чистою совѣстію, тогда испытаешь на сердцѣ и благое иго Спасителя, и тяжелое несносное иго сатаны, который нещадно оскорбляетъ насъ» (Тамъ же, стр. 300).

»Старайся дойти до младенческой простоты въ обращеніи съ людьми и въ молитвѣ къ Богу. Простота — величайшее благо и достоинство человѣка. Богъ совершенно простъ, потому что совершенно духовенъ, совершенно благъ. И твоя душа пусть не двоится на добро и зло» (Ч. 2, стр. 301).

»Учитесь молиться, принуждайте себя къ молитвѣ: сначала будетъ трудно, а потомъ, чѣмъ болѣе будете принуждать себя, тѣмъ легче будетъ; но сначала всегда нужно принуждать себя» (Ч. 2, стр. 348).

»Когда молишься, тогда представляй, что какъ бы единъ только и былъ предъ тобою Богъ, Троичный въ Лицахъ, и кромѣ Его ничего не было. Представь, что Богъ въ мірѣ, какъ душа въ тѣлѣ, хотя и безконечно выше его и не ограничивается имъ; твое тѣло мало, и все его проникаетъ малая душа твоя. Но міръ великъ. Богъ безконечно великъ, и по всему творенію Богъ все наполняетъ — вездѣ сый и вся исполняяй» (Ч. 2. Стр. 362).

»Когда молишься Господу, взирай сердечными очами внутрь себя, на душу свою: Господь тамъ, въ мысляхъ твоихъ и въ движеніяхъ сердца твоего правыхъ, какъ и внѣ тебя и на всякомъ мѣстѣ. *Близъ тебя* Онъ, *во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ*, а не на небесѣхъ только, или въ безднѣ» (Ч. 2, Стр. 394).

»Сердце наше ежедневно умираетъ духовною смертію. Теплая слезная молитва есть оживленіе его, начинающееся дыханіе его. Если не молиться ежедневно съ теплотою духовною, то легко скоро умереть духовно» (Ч. 2. Стр. 419).

»Нечувствіе сердцемъ истины словъ на молитвѣ происходитъ отъ сердечнаго невѣрія и нечувствія своей грѣховно-

сти, а это въ свою очередь проистекаетъ отъ тайнаго чувства гордости. — По мѣрѣ чувствъ своихъ на молитвѣ, человѣкъ узнаетъ: гордъ онъ или смиренъ: чѣмъ чувствительнѣе, пламеннѣе молитва, тѣмъ онъ смиреннѣе; чѣмъ безчувственнѣе, тѣмъ гордѣе» (Ч. 2, стр. 419).

»Будь умѣренъ во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ, ибо и добродѣтель въ мѣру, соотвѣтственно своимъ силамъ, обстоятельствамъ, времени, мѣста, трудамъ предшествовавшимъ, есть благоразуміе. Хорошо, напримѣръ, молиться отъ чистаго сердца, но коль скоро нѣтъ соотвѣтствія молитвы съ силами (энергіею), различными обстоятельствами, мѣстомъ и временемъ, съ предшествовавшимъ трудомъ, то она уже будетъ не добродѣтель. Потому Ап. Петръ говоритъ: *покажите въ добродѣтели разумъ* (т. е. не увлекайтесь однимъ сердцемъ), *въ разумѣ* же воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе» (Ч. 2, стр. 421).

»*Кто не собираетъ со мною*, говоритъ Господь, *тотъ расточаетъ*. Надо подвигаться впередъ въ духовной жизни, восходить все выше и выше; увеличивать болѣе и болѣе запасъ добрыхъ дѣлъ; если же мы стоимъ на одной точкѣ нравственнаго совершенства, на одной ступени лѣстницы христіанскаго восхожденія, то все равно, что идемъ назадъ; если не собираемъ, то все равно, что расточаемъ» (Ч. 2, стр. 421).

»Когда покроетъ тебя тьма окаяннаго — сомнѣніе, уныніе, отчаяніе, смущеніе, тогда призови только всѣмъ сердцемъ сладчайшее имя Іисуса Христа, въ Немъ ты все найдешь: и свѣтъ, и утвержденіе, и упованіе, и утѣшеніе, и покой, найдешь въ Немъ самую благость, милость, шедроты, все это найдешь въ одномъ имени заключеннымъ, какъ-бы въ какой богатой сокровищницѣ» (Ч. 2, стр. 424).

»Мысли человѣка имѣютъ крайне сильное вліяніе на состояніе и расположеніе его сердца и дѣйствій; потому, чтобы сердце было чисто, добро, покойно, а расположеніе воли доброе и благочестивое, надо очищать свои мысли молитвою, чтеніемъ Свящ. Писанія и твореній св. Отцовъ, размышленіемъ о тлѣнности и скоропреходности и изчезновеніи земныхъ удовольствій (Ч. 2, стр. 203).

»Какъ близка къ тебѣ твоя мысль, какъ близка вѣра къ твоему сердцу, такъ близокъ къ тебѣ Богъ, и чѣмъ живѣе и тверже мысль о Богѣ, чѣмъ живѣе вѣра и познаніе своей немощи и ничтожества, и чувство нужды въ Богѣ, тѣмъ Онъ ближе. Или какъ близокъ воздухъ къ тѣлу, такъ близокъ Богъ къ душѣ. Ибо Богъ, такъ сказать, мысленный воздухъ, которымъ дышатъ всѣ Ангелы, души святыхъ, и души людей живущихъ, особенно благочестивыхъ. Ты не можешь жить безъ Бога ни минуты, и дѣйствительно, каждую минуту живешь имъ: о Немъ бо и живемъ, и движемся, и существуемъ».

Здѣсь же кстати мы можемъ привести подобныя же мысли Иннокентія, архіепископа Херсонскаго: »Человѣкъ ни съ одною вещью такъ тѣсно не соединенъ, какъ съ Богомъ: онъ живетъ и движется Его силою. Но это соединеніе остается для насъ (страстныхъ) темнымъ, потому что мы не можемъ его постигать. Между тѣмъ оно для насъ весьма близко и вѣрно: оно составляетъ основаніе всѣхъ тайныхъ понятій или идей ума» . . . »Эти темныя ощущенія Божества можно ясно примѣтить въ сердцѣ, какъ основной силѣ нашего духа, у которой чувство и умъ есть ничто иное, какъ двустороннее развитіе ея. Бытіе Божіе чувствуется сердцемъ: оно наполняется иногда такими чувствованіями, которыя не имѣютъ никакого отношенія ни къ какому предмету внѣшнему, — которыя могутъ быть произведены только отъ сообщенія съ душею какого-то таинственнаго существа . .»

Заканчивая наставленіями о. Іоанна Кронштадтскаго нашу сегодняшнюю бесѣду, прошу васъ твердо запомнить, что подвигъ прохожденія Іисусовой молитвы и вообще внутренняго духовнаго дѣланія, какъ это ясно видно изъ предыдущихъ бесѣдъ, всегда существовалъ и всегда былъ почитаемъ въ Православной Церкви и, въ частности, въ русской церкви, какъ важнѣйшее и дѣйствительнѣйшее средство къ внутреннему сердечному единенію съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, составляющему необходимое и главное условіе подлинной и успѣшной христіанской жизни въ каждомъ че-

ловѣкѣ. Мы привели многочисленныя свидѣтельства изъ писаній древнихъ и новыхъ подвижниковъ, подтверждающихъ сказанное. Если бы нужно было, мы могли бы привести этихъ свидѣтельствъ еще больше. Но и сказаннаго достаточно для нашей цѣли — показать важность и необходимость дѣланія Іисусовой молитвы для нашей духовной жизни, для нашего спасенія.

Если у васъ имѣются какіе нибудь вопросы, или недоумѣнія, выскажите ихъ, прежде чѣмъ мы закончимъ эту нашу бесѣду.

I. У меня лично нѣтъ. Но я думаю, что мои міряне могутъ сказать мнѣ — изъ всего сказаннаго въ этихъ бесѣдахъ видно, что дѣланіе Іисусовой молитвы заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ ступеней, постепенно возводящихъ дѣлателя молитвы отъ земли къ небу, причемъ высшія ступени этого дѣланія совершенно недоступны огромному большинству дѣлателей молитвы, такъ что едва находится одинъ изъ тысячи, достигающій чистоты молитвы, а той молитвы, которая находится еще выше, за предѣлами чистой молитвы, достигаетъ развѣ только одинъ въ цѣломъ поколѣніи. Огромное же большинство дѣлателей молитвы не поднимается выше первой, дѣлательной или трудовой ступени Іисусовой молитвы, и лишь немногіе удостаиваются достигнуть второй ступени — молитвы самодвижной, благодатной. Принимая все это во вниманіе, а также считаясь съ трудностью самаго дѣланія, съ недостаткомъ наставниковъ, съ возможностью ошибокъ и даже съ опасностью впаденія въ прелесть — не можетъ ли у многихъ ослабѣвать усердіе къ этой молитвѣ? Большихъ успѣховъ отъ занятія ею ожидать нельзя, трудностей много, много опасностей . . . Не лучше ли, скажетъ кто-нибудь, совсѣмъ не браться за такое непосильное дѣло, и скромно ограничиться благоговѣйнымъ, по мѣрѣ силъ, выполненіемъ обычныхъ христіанскихъ обязанностей — посѣщеніемъ церковнаго богослуженія, выполненіемъ домашняго молитвеннаго правила и дѣланіемъ, насколько возможно, добрыхъ дѣлъ?

Что отвѣтить на такой вопросъ, если мнѣ его зададутъ?

И. Отвѣчайте такъ. Вы совершенно правильно указываете трудности и опасности молитвеннаго подвига. Но развѣ все это присуще одному только внутреннему дѣланію и молитвѣ Іисусовой, а не всей вообще христіанской жизни, о которой сказано у Ап. Павла — »многими скорьбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе» (Дѣян. 14: 22), а Господь Іисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ Своимъ — »въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ» (Іоан. 16: 33)?

Много и другихъ словъ о трудностяхъ и опасностяхъ христіанской жизни можно найти и въ Евангеліяхъ и въ посланіяхъ Апостольскихъ . . . И не ко всѣмъ ли христіанамъ относятся слова Спасителя: »Будите убо совершени, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть». А вѣдь эти слова ставятъ передъ христіаниномъ не менѣе великую, и отвѣтственную, и страшную задачу, какъ и дѣланіе Іисусовой молитвы?! Такъ возможно ли, оставаясь христіаниномъ, уклониться тѣмъ или инымъ способомъ отъ трудностей и опасностей христіанской жизни, которая всегда есть и будетъ, по слову Господа, крестнымъ путемъ (Мѳ. 16: 24)? И не ко всѣмъ ли христіанамъ относятся слова великаго Апостола языковъ: »Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5: 24)?

Если же христіанская жизнь вообще есть крестный путь и подвигъ, и невозможна безъ трудностей и опасностей, то не правильнѣе ли смотрѣть на умное дѣланіе, и на Іисусову молитву въ частности, какъ на спасительное благодатное средство, облегчающее этотъ крестный путь христіанской жизни вообще? Ибо, въ самомъ дѣлѣ что пріобрѣтается Іисусовою молитвою даже на первой, трудовой ея ступени? Пріобрѣтается сосредоточеніе вниманія на словахъ молитвы, собранность мысли, преодолѣніе блужданія мыслей и засоренности ума навязчивыми помыслами, а сердца нечистыми движеніями; пріобрѣтается постоянная живая память о Господѣ и Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и внутреннее съ Нимъ сопребываніе въ сердцѣ, чѣмъ создается и воспитывается чувство страха Божія и бдительность надъ

своимъ внутреннимъ состояніемъ, а, слѣдовательно, и надъ своими словами и поступками. Однимъ словомъ, человѣкъ духовно воспитывается и возрастаетъ въ молитвенномъ внимательномъ предстояніи предъ Господомъ. Неужели же все это, мною сейчасъ перечисленное, не есть великое достиженіе для каждаго христіанина, и великій успѣхъ въ его христіанской жизни? Да вѣдь если всего этого нѣтъ, то и самаго начала, самаго перваго шага христіанской жизни мы еще не сдѣлали, ибо корень и начало христіанской жизни возникаютъ прежде всего въ сердцѣ человѣка . . . Изъ сердца начинается христіанская жизнь. Если мы въ сердцѣ не заложимъ основанія христіанской жизни, то и внѣшней христіанской жизни у насъ не будетъ, по слову преп. Исихія. И проповѣдь Спасителя о покаяніи, и слова о нищетѣ духовной, и о плачѣ, и о кротости, и прочія, все это обращено именно къ сердцу, гдѣ должны возгорѣться страхъ Божій и вѣра, и любовь, и прочія чувства, необходимыя для искренняго и свободнаго слѣдованія Христу и исполненія Его заповѣдей. Совершенно справедливо, что очень немногіе дѣлатели Іисусовой молитвы идутъ далѣе первой дѣятельной ступени. Но почему? Потому что въ этомъ дѣланіи, какъ и вообще въ христіанской жизни, нельзя взойти на вторую ступень, не пройдя первой. Кто прошелъ первую ступень, тотъ естественно, самъ собою, переходитъ на вторую ступень. Запрета или препятствія для перехода никакого не существуетъ. Если кто не переходитъ на вторую ступень, это значитъ, что ему еще необходимо оставаться на первой, что онъ еще не созрѣлъ для второй. То же самое мы видимъ и въ тѣлесномъ возрастаніи: не пройдя младенчества, нельзя достигнуть отрочества; не пройдя отрочества, нельзя достигнуть юношества и т. д.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что вообще не стоитъ возрастать? Всякому возрасту есть свое время и свое мѣсто, какъ въ жизни тѣлесной, такъ и въ жизни духовной, да и вообще во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, и во всякомъ искусствѣ. Скачки нигдѣ не возможны, да если бы и были возможны, то бы ни бы не полезны. Самый правильный путь, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и самый вѣрный способъ быстрѣйшаго возрастанія въ духовной жизни вообще, и въ Іисусовой молитвѣ въ частности, состоитъ въ томъ, чтобы терпѣливо оставаться на своемъ мѣстѣ, тщательно исполняя то, что требуется этимъ мѣстомъ. Въ этомъ и заключается правильный духовный ростъ человѣка, котораго обычно самъ онъ не замѣчаетъ, но который, несомнѣнно, существуетъ, и въ свое время обнаруживается въ благодатномъ переходѣ на слѣдующую ступень. А если этого перехода не происходитъ, это показываетъ, что дѣлатель молитвы еще не прошелъ всего необходимаго пути предыдущей ступени, почему и остается на ней. И каждому слѣдуетъ пребывать на своей ступени духовнаго возраста со смиреніемъ и благодареніемъ, не порываясь самовольно и прежде времени на высшія достиженія, и терпѣливо ожидая, когда Самъ Господь придетъ и, взявъ его за руку, возведетъ на высшую ступень.

Да и справедливо ли оцѣнивать первую трудовую ступень Іисусовой молитвы, какъ нѣчто, якобы недостаточное? Не связанъ ли съ нею почти весь доступный человѣку на землѣ опытъ христіанскаго дѣланія? Не она ли является незамѣнимой спутницей и сотрудницей христіанина и въ томъ самомъ дѣятельномъ христіанствѣ, о которомъ вы упомянули и которое заключается въ послѣщеніи храма, въ выполненіи келейнаго молитвеннаго правила, въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ? Не она ли даетъ внутреннюю силу, и чистоту, и ревность этому самому внѣшнему дѣланію? Поэтому, въ высшей степени неправильно и несправедливо утверждать, что если человѣкъ въ теченіе всей своей жизни остается на дѣлательной ступени умнаго дѣланія, то этимъ онъ будто бы ничего не пріобрѣтаетъ для своей вѣчной жизни. Онѣ пріобрѣтаетъ все, что было ему доступно и возможно въ теченіе его земного странствованія. Конечно, умное дѣланіе нельзя отрывать отъ внѣшнихъ дѣлъ христіанской жизни — посѣщенія храма, выполненія молитвеннаго правила и добрыхъ дѣлъ, но и то и другое въ своей совокупности должны составлять единый недѣлимый подвигъ земной жизни христіанина.

Что же касается восхожденія на высшія ступени созерцанія, то пути Божіи неисповѣдимы: оно не невозможно и въ будущей жизни, какъ на это указываетъ и старецъ схимонахъ Василій.

Итакъ, если трудности и опасности существуютъ при всякомъ христіанскомъ дѣланіи, а не при одной только Іисусовой молитвѣ; и если достигнуть полнаго совершенства не можетъ въ этой жизни не только дѣлатель Іисусовой молитвы, но и какой бы то ни было христіанинъ, то нѣтъ никакой достаточной причины страшиться и избѣгать внутренняго молитвеннаго дѣланія, великое спасительное значеніе котораго для нашей жизни во Христѣ столь очевидно. Сомнѣніямъ и опасеніемъ тѣмъ болѣе не должно быть мѣста, что въ дѣланіи Іисусовой молитвы, какъ и вообще въ христіанской жизни — успѣхъ зависитъ не отъ нашего искусства, и не отъ нашихъ усилій, а отъ помощи Божіей. Нашъ трудъ и наше усердіе хотя и являются необходимымъ условіемъ успѣха, по сами по себѣ, безъ воли Божіей, они успѣха не обезпечиваютъ.

Успѣхъ обусловливается съ нашей стороны смиреніемъ, сокрушеніемъ духа, всецѣлымъ преданіемъ себя въ руки Божіи, готовностью добросовѣстно выполнять все, что отъ насъ зависитъ, а подается успѣхъ Господомъ тогда, когда это намъ нужно. Если мы это помнимъ, то намъ не трудно, при всѣхъ опасностяхъ духовнаго дѣланія, съ полнымъ спокойствіемъ, предаваясь въ руки Божіи, исполнять то, что зависитъ отъ насъ, и съ дѣтскою довѣрчивостью ожидать того, что можетъ намъ даровать одинъ только Господь!

Значеніе Іисусовой молитвы для духовной жизни православнаго христіанина становится еще понятнѣе, когда мы глубоко вдумаемся въ сущность христіанской жизни, и постараемся постигнуть ея внутреннюю тайну, которая нерѣдко закрывается для насъ или отвлеченными разсудочно-богословскими построеніями, или внѣшне-формальнымъ отношеніемъ къ религіознымъ обязанностямъ. Эта »тайна христіанской жизни» съ большою ясностью раскрыта въ статьѣ

I. Гурія, которую въ виду ея близкаго отношенія къ содержанію нашихъ бесѣдъ привожу полностію:

»Какъ усилились въ нашъ вѣкъ стремленія навязывать различныя пониманія христіанству. Кто ни берется писать программы жизни, — онъ стремится навязать свои идеалы Христу и выдать личныя выдумки за великое благовѣстіе Сына Божія.

Если когда, то въ нашъ вѣкъ особенно чувствуется нужда въ критеріи для опредѣленія истинности сужденій о вѣрѣ, въ обращеніи къ той полнотѣ церковнаго вселенскаго сознанія, которое живо отпечатлѣлось въ святоотеческихъ писаніяхъ, преданіяхъ, соборныхъ постановленіяхъ. Личный разумъ широко заявилъ свои права на постиженіе истины въ дѣлахъ вѣры. Свобода рвется изъ оковъ церковнаго сознанія, требующаго отъ нея разумнаго послушанія и еще болѣе разумной, строго направленной къ опредѣленной цѣли, нормировки жизни, Разумъ, гордый своимъ положеніемъ, талантами и превосходствомъ, кичитъ, а нормировка жизни, какъ нормировка внутренней борьбы со всѣми видами страстности плоти и гордости духа, слишкомъ противна свободолюбивой душѣ. Душа знаетъ только то, что ее окружаетъ, и знать другого не хочетъ. Ей дорогъ страстный порывъ, удобство, комфортъ, бурная радость грѣшной земли. Какая то пленка съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ заволакиваетъ душу и не даетъ къ ней пробиться родникамъ иной жизни. А когда душа станетъ созрѣвать, она дѣлаетъ надстройки къ этой пленкѣ, загордившись, вѣритъ только въ себя и рветъ всякую связь съ церковнымъ сознаніемъ.

Все больше и больше забываются вселенскіе церковные идеалы, хотя объ нихъ часто говорятъ и пишутъ. Умъ чувствуетъ принципіальную ложь обычной жизни, хочетъ родства съ Богомъ, близости къ Нему, чтобы каждый шагъ жизни совершался какъ бы въ сознаніи Бога, въ ощущеніи Его, въ чувствѣ къ Нему и предъ Нимъ, но какъ ограниченный, непостоянный и часто ложный, онъ беретъ святую идею только въ части и не можетъ обнять ее во всей полнотѣ. Онъ не можетъ дать ей надлежащаго освѣщенія и тѣмъ болѣе не

можетъ указать дѣйствительныхъ средствъ провести ее въ жизнь. Къ святой идеѣ прикоснулись люди, живущіе такъ или иначе внѣ полноты церковнаго сознанія, люди личнаго разума и авторитета, люди, не знающіе тайны вселенской церковной жизни и не изучавшіе этой жизни въ Св. Писаніи и тѣхъ преданіяхъ, гдѣ она отразилась во всей своей чистотѣ.

Они много знаютъ и толкуютъ о древне-христіанской жизни, какъ о жизни братской любви, какъ о жизни свободы и равенства, какъ о лучшемъ соціальномъ строѣ, — но совсѣмъ не знаютъ о ней, какъ о жизни Духа Святаго въ сердцахъ христіанъ, какъ о жизни дѣйственнаго Богообщенія.

И оно вполнѣ понятно! Ибо Духъ Святый обитаетъ въ Церкви Христовой, открывается тому, кто за послушаніе вѣрѣ жаждетъ жить всей полнотой церковнаго сознанія, поселяется въ сердцѣ человѣка за труды и поты благочестивой жизни, послѣ долгаго испытанія спасающагося, послѣ закаленія свободы его въ святомъ охраненіи ввѣреннаго таланта благодати. Христіанство — глубоко теистично. Его Богъ — живой и любящій, личный, близкій людямъ Творецъ-Промыслитель. Подъ Его личнымъ руководствомъ и бесѣдой воспитывался первый человѣкъ. По паденіи человѣка и лишеніи его жизни Богообщенія, Любвеобильный Богъ приходитъ къ падшему человѣчеству въ смиренномъ образѣ человѣка. Онъ живетъ съ людьми и снова возводитъ человѣка въ возможность прежняго Богообщенія и Богоуподобленія. Черезъ Спасителя люди привились къ Божеству. Черезъ Духа Святаго жизнь Богообщенія стала созидаться и утверждаться на землѣ въ Церкви Божіей.

Тайна жизни христіанской — есть тайна живого общенія Бога и человѣка, начинающагося на землѣ и продолжающагося въ вѣчность.

Жизнь Церкви Христовой, земной и небесной, есть прежде всего жизнь дѣйственнаго Богообщенія, жизнь Духа Святаго въ сердцахъ вѣрующихъ. »Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ» (1 Кор. 3: 16). »Я

Лоза, а вы вѣтви; пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ», говоритъ Христосъ. »Да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино», молился Спаситель. И христіане, прививаясь къ Божественной Лозѣ, Духомъ Святымъ, живущимъ въ нихъ, соединялись въ одинъ духъ, въ одного человѣка, въ одно настроеніе. »Они, говоритъ Григорій Богословъ, — чтители Единаго, стали едино, чтители Троицы, такъ сказать, срослись между собой, стали единодушны и равночестны» (Т. 1, стр. 179).

Въ день Пятидесятницы Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ и на глазахъ у всѣхъ произвелъ въ нихъ удивительную перемѣну. Апостолы получили особыя, доселѣ не имѣвшіяся у нихъ, силы и свойства, что-то Божественное стало обитать въ ихъ существѣ, жить съ ними и руководить ихъ. Для вѣрующихъ это было исполненіемъ Спасителева обѣщанія о ниспосланія Духа Святаго и свидѣтельствомъ того, что внутренняя дѣйственная жизнь Богообщенія началась на землѣ.

Съ тѣхъ поръ Духъ Святый, какъ Личное Божественное Начало, исходящее отъ Отца, неизмѣнно пребываетъ въ Церкви Христовой и сообщается вѣрующимъ христіанамъ. Апостолъ Петръ послѣ своей проповѣди о Христѣ, въ день сошествія Святаго Духа, на вопросъ окружавшихъ его людей: »что намъ дѣлать, мужи братія?» отвѣтилъ: »покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ и получите даръ Святаго Духа». Исповѣданіемъ вѣры Христовой, покаяніемъ въ содѣланныхъ прежде согрѣшеніяхъ и крещеніемъ каждый вступаетъ въ число вѣрующихъ, становится членомъ Церкви Христовой и получаетъ даръ Святаго Духа. Такъ христіанинъ пріобщается къ жизни благодатной, въ его сердцѣ начинаетъ бить божественный источникъ, онъ даже ощутимо переживаетъ обновленіе своего существа, обитаніе въ немъ зиждительной Божеской силы.

Многіе вѣрующіе, во времена Апостоловъ, присоединясь къ Церкви Христовой, подобно Апостоламъ, видимо для всѣхъ получали жизнь божественную въ свои сердца; испол-

няясь благодатныхъ даровъ Духа Святаго, ощутимо переживали высокое состояніе Богообщенія. И съ тѣхъ поръ всѣ подвижники вѣры и благочестія, становясь сосудомъ благодати, являли міру дары живущаго въ нихъ Святаго Духа на всемъ протяженіи жизни Церкви Христовой и до сего дня.

Духомъ Святымъ освящается вся жизнь истиннаго христіанина. Весь процессъ его спасенія совершается при свѣтѣ Богообщенія, то скрытаго, то явнаго. Съ малыхъ ступеней оно ведетъ человѣка все къ большему и большему постиженію божественной жизни и заканчивается совершеннымъ Боговселеніемъ. Сила Божія, сочетаясь съ свободой человѣка, очищаетъ христіанина отъ всякой скверны плоти и духа и приготовляетъ въ его душѣ обиталище безстрастное, святое для полнаго и блаженнаго Боговселенія по слову Спасителя: »Пріидемъ и обитель сотворимъ» (въ сердцѣ человѣка). Мы употребили два термина для обозначенія различныхъ періодовъ жизни духовно-благодатной: Богообщеніе и Боговселеніе. Образно выражаясь, подъ первымъ терминомъ понимается какъ бы внѣшнее, не полное единеніе Духа Божія съ духомъ человѣка. Человѣкъ чувствуетъ божественную силу, помогающую ему, чувствуетъ, что онъ и поддерживается-то только этой божеской силой; — но съ другой стороны, также чувствуетъ, что въ его душѣ еще остается страстность, препятствующая ему совершенно упокоиться въ Богѣ, что полноты Божественной силы въ немъ нѣтъ, что сердце неполно, неудовлетворено, ищетъ, жаждетъ имѣть Бога въ себѣ, любить Его всей полнотой своего существа, а этого между тѣмъ еще нѣтъ, ибо сердце отчасти любитъ и страстность.

Боговселеніе же есть совершенный видъ Богообщенія, когда Духъ Святый совершенно ввѣряется человѣку и поселяется въ немъ.

Передъ нами письмо покойнаго іеросхимонаха О-ой пустыни. Старецъ, незадолго до смерти, такъ писалъ одному ученику о своихъ исканіяхъ и мольбахъ получить благодать Духа Святаго.

М. С. О. Н. Г. І. Х. С. Б. н. п. н. . . .
Господи благослови и спаси насъ!
Боголюбивѣйшій Батюшка N.

Начну съ Боголюбія. Быть можетъ по наукѣ, по способности ума вашего вы знаете о Боголюбіи несравненно болѣе, нежели я убогій. Слава Богу! Но если бы вы были уязвлены сердцемъ этимъ Боголюбіемъ, и оно совнѣ и внутрь освящало, сожигало и переплавляло васъ, — то, конечно, ни напоминаній сладострастныхъ, ни другихъ какихъ-либо тѣней не было бы въ вашемъ сердцѣ и ни чѣмъ оно не могло бы усладиться, кромѣ Боголюбія. Прости, мой любимче, и не подумай, что я хочу упрекнуть тебя въ чемъ либо. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Мнѣ желалось бы выяснить тебѣ, какъ ближайшему другу и брату о Христѣ, чувство Боголюбія, — то чувство, которое я самъ такъ долго и такъ сильно желалъ получить и не получалъ. Эти желанія были муками моего духовнаго рожденія, и эти муки были весьма длинны, около тридцати лѣтъ съ небольшимъ. Думаю, что борьба съ грѣхомъ за радость единенія съ Господомъ и Творцомъ была во мнѣ двухъ родовъ. Одна — моя природная, другая — Божія, — но все это было такъ таинственно и сокрыто по высшему усмотрѣнію, что я могъ кое-что уразумѣть уже впослѣдствіи. Я изнемогалъ въ борьбѣ съ собою, съ порывами страстей моей плоти, но при этомъ во мнѣ пребывало желаніе высшее и лучшее (желаніе), нежели всѣ грѣховные порывы. Оно окрыляло мой духъ, я чувствовалъ, что только оно меня удовлетворитъ и болѣе ничто на свѣтѣ, — эта вѣчная творческая сила, сила не умирающая, дарованная Творцомъ — любовь къ Богу.

Я жаждалъ любить Бога всѣмъ сердцемъ. Но какъ любить? Если любить Бога, — нужно быть достойнымъ Бога, а я видѣлъ себя не только грѣшникомъ, но и коснѣющимъ во грѣхахъ своихъ.

Желаніе любить Бога крѣпло, возрастало до горѣнія, а какъ любить, чтобы сердце удовлетворилось въ своемъ желаніи, я не зналъ. И что дѣлать для этого, я не могъ придумать. Всѣ способы испыталъ, на которые указываютъ: т. е.

дѣлать все доброе, быть милосердымъ къ ближнимъ. Я эту добродѣтель исчерпалъ до дна. Не разъ оставался чуть прикрытымъ, раздавая все нуждающимся, терпѣлъ голодъ и холодъ, скрывая это отъ другихъ, обиды терпѣлъ, не мстилъ за обиды, старался любить враговъ и любилъ ихъ, какъ то повелѣно Господомъ. Но самой любви то къ Богу я въ себѣ не ощущалъ, да и страсти мои ясно говорили, что я чуждъ этой Божественной любви. А мысль не оставляла меня, и сердце горѣло еще большимъ желаніемъ любить Бога, но на дѣлѣ я этого не достигалъ. Я чувствовалъ, что сила жизни — въ любви къ Богу, сила творческая, благодатная; я думалъ, что если буду имѣть въ себѣ эту любовь, — то оковы моихъ страстей спадутъ сами собой, слѣды ихъ растаютъ и перегорятъ отъ огня Божественной любви. Я былъ убѣжденъ въ этомъ тогда и теперь удостовѣряю, что иначе и быть не можетъ. Это та самая истина, о которой сказано Самимъ Спасителемъ нашимъ Богомъ: »Истина свободитъ вы, и вы поистинѣ свободни будете». И вотъ не стало терпѣнія долго ждать. Я взывалъ ежеминутно, да когда же Господь удостоитъ меня этой любви къ Нему. Вѣдь Онъ сказалъ: »Безъ Меня не можете творити ничесоже». Господи! пріиди и вселися въ ны; научи мя творити волю Твою, научи и любить Тебя, какъ подобаетъ любить. Вѣдь Тебѣ, Всесильному не трудно это сотворить со мною. Господи, хотя такъ удостой меня: ненадолго всели эту любовь въ меня и поживи во мнѣ, я пойму, узнаю Тебя; тогда удались отъ меня, я буду уже по вѣдѣнію стремиться къ Тебѣ, буду страдать сознательно, зная, за что страдаю, для чего живу.

И вотъ Господу моему было угодно, чтобы я заболѣлъ, и я заболѣлъ, а любви этой еще не испыталъ въ себѣ; заболѣлъ и сильно плакалъ во время болѣзни о томъ, что остался побѣжденнымъ во грѣхахъ моихъ — грѣхомъ, а любви то еще не имѣю. Спѣшу каяться не разъ и не два, очень много каюсь и получаю радость, ибо вижу, что грѣхъ начинаетъ терять надо мною свою силу, такъ какъ грѣховнаго услажденія не стало въ душѣ, помыслъ грѣховный не возникалъ въ сердцѣ, а покаяніе соединилось съ благодарностью къ Богу.

Чѣмъ болѣе я страдалъ, тѣмъ легче я себя чувствовалъ. Я ощущалъ сильную потребность причащаться, — и меня причащали. По причащеніи Св. Таинъ мой духъ окрылялся неизреченной надеждой на Бога, а сердце переполнялось благодарностью ко Господу Іисусу Христу. Здѣсь то мнѣ убогому и открылась въ необъятной полнотѣ любовь Божія къ міру въ искупленіи человѣческаго рода. Эта любовь заговорила какъ бы во мнѣ, внутрь всего моего существа, съ такой силой ко Господу, что я не чувствовалъ и своихъ страданій. Я не могъ оторваться ни мыслями, ни чувствами сердца отъ любви ко Господу. Воспоминанія о всей Его земной жизни, о всѣхъ явленіяхъ и дѣйствіяхъ на землѣ производили во мнѣ радостный трепетъ, обновляли внутреннее моей души и сердца. Сердце было полно надеждой спасенія. Ничто не могло дать повода къ отчаянію въ милосердіи Божіемъ. Господь былъ близъ, душа жила Имъ и чувствовала только Его безграничную любовь.

Каждый шагъ земной жизни Спасителя ясно отпечатлѣвался въ сознаніи, какъ совершенный для спасенія, для освященія человѣка. Имъ было освящено для меня все: и окружающій воздухъ, которымъ я дышалъ, и вода, которую пилъ, и самый одръ, на коемъ лежалъ, и гробъ, въ который готовился сойти. Все это было залогомъ моего спасенія, воскресенія изъ омертвленія плоти и прославленія съ Господомъ. И я чувствовалъ, что это творится не по моей заслугѣ, а единственно по безконечному милосердію Божію.

Я сознавалъ себя глубоко грѣшнымъ, но въ то же время горячая надежда на спасающую любовь и милость Господню неизмѣнно окрыляла мой духъ. Слезы умиленія лились изъ очей, а что переживало при этомъ сердце, я не могу и описать. Я не чувствовалъ потребности къ пищѣ, тяготился, когда меня посѣщали другіе. Я блаженствовалъ, уязвленный любовью ко Господу, желалъ остаться хотя бы навѣчно одинъ и страдать, — но только съ Господомъ и въ любви къ Нему. Вотъ что такое Боголюбіе и вотъ что оно дѣлаетъ съ душой человѣка.

Ради этого я и назвалъ васъ боголюбивѣйшимъ, ибо Боголюбіе необходимо для всѣхъ и каждаго въ отдѣльности.

Оно есть богатство неокрадомое и есть всемогущая сила, какъ сила творческая, сила вѣчнаго живота.

Если кто водрузилъ эту силу въ сердцѣ, — тотъ и душу свою оживитъ ею. Боголюбивый не пожелаетъ любленія міра сего, ибо любить міръ будетъ уже разрывомъ любви Божіей и вражда Богу. Это слово многимъ не кажется справедливымъ, но оно правда Божія и истина.

Развѣ тотъ, кто имѣетъ благодатную любовь въ себѣ, будетъ убивать другихъ? Кто любитъ Бога, развѣ пожелаетъ чужой собственности? Кто любитъ Бога, развѣ чего другого желаетъ и ищетъ, или будетъ отнимать и красть чужое? Онъ и свое то имѣетъ, какъ Божіе, со страхомъ Божіимъ тратитъ то, что ему далъ Богъ.

Боголюбіе есть жизненная сила души и сердца человѣка, созданнаго по образу Божію. Черезъ него человѣкъ вновь водворяется въ рай и къ нему приходитъ Царствіе Божіе въ силѣ. Нужно любить Бога и жить Имъ, вдыхать и выдыхать духомъ любви Божіей. »Аще не Господь бы былъ въ насъ, никтоже отъ насъ противу возмоглъ бы вражіимъ бранемъ одолѣти. Побѣждающіи бо отъ здѣ возносятся».

Почувствовали ли вы въ этомъ письмѣ, достоуважаемый читатель, біеніе какой-то невѣдомой, чужой намъ жизни, жизни полной духовной красы и благодатной таинственной мощи? — То голосъ души, жившей дивной жизнью таинственнаго, неизреченнаго Богообщенія. Сколько усилій, сколько моленій, какая твердость духа и цѣльность натуры, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ неуклонно стремившейся къ одной опредѣленной цѣли, къ воспріятію въ себя любви Божественной — Святаго Духа Божія.

И вотъ, на склонѣ лѣтъ, почти на одрѣ смерти, Духъ Святый входитъ въ убранную храмину подвижническаго сердца и поселяется въ ней. Здѣсь уже больше, чѣмъ обычная помощь человѣку въ дѣлѣ спасенія. Здѣсь Господь приходитъ въ сердце человѣка, Духъ Святый оживотворяетъ его и тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ душой человѣка.

Такова тайна жизни христіанской! Но она забыта нами, и большинство изъ насъ совсѣмъ не знаетъ Духа.

Прими мы эту тайну, и сейчасъ же наша жизнь пойдетъ въ согласіи съ полнотой церковнаго сознанія, въ подражаніи жизни всѣхъ прославленныхъ Богомъ лицъ. Всѣ споры о личномъ и общественномъ служеніи, о молчаніи и затворѣ или широкой общественной дѣятельности отойдутъ прочъ, ибо они освѣтятся высшей точкой зрѣнія.

Цѣль жизни — стяжаніе Духа Святаго, стяжаніе Его вселенія, проникновенія Имъ всего человѣческаго существа. Если нѣтъ стремленія къ этому, жизнь съ христіанской точки зрѣнія безцѣльна, безсмысленна и пуста.

Это — жизнь безъ Бога, безъ души. Но чтобы стяжать Духа Святаго, чтобы стяжать сего огненнаго Духа, надо принести труды и поты сердечные, надо убрать для Него храмину сердца. Вотъ эта-то уборка собственной храмины сердца *и есть самое первое, самое нужное и необходимое* дѣло въ христіанствѣ. Поэтому христіанство, насколько строго тейстично, настолько же строго индивидуалистично. Спасается индивидуумъ, его душа. Каждый христіанинъ, жаждущій Духа Святаго и готовящій въ своемъ сердцѣ храмину для обитанія Царственной Троицы, силой того же Духа Божія восходитъ отъ силы въ силу и достигаетъ уже совершенна въ полноту мѣры возраста Христова. И спасается онъ не одинъ, а въ Церкви, во всей полнотѣ церковной — земной и небесной. Онъ — звѣно церковнаго тѣла, служитъ ему, а оно питаетъ его, оказывая разнообразную поддержку и помощь.

Уготовляя храмину сердца своего для Духа Божія, христіанинъ измѣняетъ эгоистическое грѣховное содержаніе своей личности на любовное, святое; онъ черезъ измѣненіе собственнаго внутренняго существа становится любвеобильнымъ служителемъ и помощникомъ ближнихъ, а, озаренный свѣтомъ живущаго въ немъ Духа Божія, является мощнымъ носителемъ всесозидающей, все устроляющей силы Божіей, могучій вѣрою, переставляющей горы, полный любви и молитвы о всемъ живущемъ.

Здѣсь разрубается узелъ прекаяній. Индивидуализмъ сочетавается въ идеальнѣйшей формѣ съ широтой всеобъемлющей любви и полнотой общественнаго служенія для

немощнаго, лишеннаго духоносной силы жизни, падшаго человѣчества.

Измѣненіе эгоистическаго содержанія жизни въ любовное и святое не можетъ даться безъ свободнаго подвига духа. Это — не обычная гуманность или кричащая въ глаза филантропія. Нѣтъ, здѣсь идеалъ болѣе высокій и единственно цѣнный!

Сердце созидается для Духа Божія, измѣняется самая природа его существа. Видна каждая грѣховная соринка и она, однажды замѣченная, требуетъ немедленнаго удаленія. Недопустима малѣйшая тѣнь красованія своимъ я, самый тонкій видъ самолюбія является преградой для вселенія Духа Божія въ сердце человѣка, малѣйшее попраніе чужой личности разсматривается, какъ грѣхъ противъ любви, противъ образа Божія въ человѣкѣ, противенъ Духу и отгоняетъ Его. Отсюда совершенная чистота и полнота любви, какъ идеалъ христіанина, и неизбѣжная строгая аскеза жизни, какъ необходимое и единственное средство въ рукахъ человѣческой свободы для достиженія этого идеала. Аскеза жизни можетъ проявляться въ различныхъ видахъ и формахъ — отъ затвора и юродства до широчайшаго служенія любви; это зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ спасающагося христіанина, но она должна быть цѣлесообразна, способствовать переработкѣ человѣческаго существа до идеала совершенной чистоты, возбуждаетъ соотвѣтствующія мысли и чувства въ отношеніи къ Богу. Христіанство строго аскетично, т. е. оно требуетъ постоянной, мучительно-страдальческой борьбы съ живущимъ въ самомъ человѣкѣ и окружающимъ его совиѣ грѣхомъ, постояннаго ограниченія себя во имя обузданія грѣха и стяжанія добра.

Таково участіе христіанской свободы въ дѣлѣ спасенія. Самый высшій ея подвигъ — принести себя въ жертву Христу и отречься отъ своего хотѣнія во имя хотѣнія и воли Христа. Преданіе себя во всецѣлую волю и помощь Божію, совершенное ненадѣяніе на личныя силы, ожиданіе исцѣленія, обновленія и просвѣщенія отъ Духа Божія, несмолкаемый вопль о семъ къ Богу, — вотъ тотъ конечный пунктъ, гдѣ

свобода, принесенная въ жертву, украшается побѣднымъ вѣнцомъ, и ей ввѣряется полный талантъ благодати. Духъ Святый соединяется съ ней и вселяется въ сердцѣ человѣка. Такова, намъ думается, тайна жизни христіанской!

Это — прежде всего жизнь дѣйственнаго Богообщенія, вѣнчающаяся таинственнымъ Боговселеніемъ. Это жизнь строго индивидуальная и въ своей индивидуальности широко любовная, идейно-церковная. Это жизнь строго аскетичная, неизмѣнно цѣлостная, постоянно направленная къ одной опредѣленной цѣли и на своемъ пути уничтожающая все то, что препятствуетъ достиженію ея вѣчнаго идеала . . .

Искать-ли намъ подтвержденія высказанныхъ мыслей въ словѣ Божіемъ и писаніяхъ св. Отцевъ? Кто хоть немного интересовался внутренней жизнью христіанской, читалъ творенія людей, жившихъ этой благодатной жизнью, и оставившихъ намъ указанія на то, какъ созидали они въ себѣ духовную жизнь, — тотъ знаетъ отлично общую схему христіанскаго спасенія. Это — очищеніе сердца, труды и поты за радость Богообщенія, за жизнь въ Богѣ. Это — борьба съ грѣхомъ, трудничество въ первой половинѣ пути спасенія и упокоеніе въ Богѣ, блаженное Боговселеніе во второй и послѣдней.

Христіанство — единственная религія въ мірѣ, допускающая возможность жизненной провѣрки и осуществляющая человѣку то, что она обѣщаетъ. Она обѣщаетъ Царство Божіе внутрь, Духа Святаго въ сердца вѣрующихъ, — и Царство Божіе воистину приходитъ въ сердце нудящаго его, и Духъ Святый вселяется въ душѣ, уготованной для Него и обитаетъ въ ней.

Эта истина вѣры Христовой доступна самой строгой провѣркѣ и она подтверждается опытомъ безчисленнаго сонма людей, посвятившихъ Богу свою жизнь, она ярко запечатлѣна въ устномъ и письменномъ церковномъ преданіи, ею живетъ вселенское церковное сознаніе.

»Кто старается увѣровать и придти ко Господу, говоритъ Макарій Великій, тому надлежитъ молиться, чтобы здѣсь еще пріять ему Духа Божія, потому что Онъ есть жизнь ду-

ши, и для того было пришествіе Господа, чтобы здѣсь еще дать душѣ жизнь — Духа Святаго. Ибо сказано: »дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ» (Іоан. 12: 36), »пріидетъ нощь, егда не можетъ дѣлати» (Іоан. 9: 4). Посему, если кто здѣсь не искалъ и не пріялъ жизни душѣ, т. е. Божественнаго Свѣта Духа, — то онъ во время исшествія изъ тѣла отлучается уже на шуюю страну тьмы, не входя въ Небесное Царство и въ геенѣ имѣя конецъ съ діаволомъ и ангелами его.

Какъ желѣзо или свинецъ, золото или серебро, вложенныя въ огонь, теряютъ свойство жесткости, перемѣняясь въ вещества мягкія и, пока бываютъ въ огнѣ, по силѣ огненной теплоты, расплавляются и измѣняютъ естественную жесткость: такимъ же образомъ и душа, отрекшись отъ міра и возлюбивъ Единаго Господа, съ великимъ сердечнымъ исканіемъ, въ трудѣ, въ подвигѣ, непрестанно ожидая Его съ упованіемъ и вѣрою и пріявъ въ себя оный небесный огнь Божества и любви Духа, дѣйствительно уже отрѣшается тогда отъ всякой мірской любви, освобождается отъ всякаго вреда страсти, все отметаетъ отъ себя, перемѣняетъ естественное свое качество и грѣховную свою жесткость, все почитаетъ излишнимъ въ Единомъ Небесномъ Женихѣ, Котораго приняла къ себѣ, упокоевается горячей и несказанной любовью къ Нему.

Умъ и разумѣніе христіанъ по общенію и причастію Святаго Духа достигаютъ постоянства, твердости, безмятежія и покоя, не разсѣиваются и не волнуются уже непостоянными и суетными помыслами; но пребываютъ въ мирѣ Христовомъ и въ любви Духа, какъ и Господь, разсуждая о таковыхъ, сказалъ, что прешли они отъ смерти въ животъ (Іоан. 5: 24).

Обновленіемъ ума, умиреніемъ помысловъ, любовью и небесной приверженностью ко Господу отъ всѣхъ людей въ мірѣ, отличается новая тварь — христіанинъ. Для того было и пришествіе Господне, чтобы истинно увѣровавшіе въ Господа сподобились сихъ духовныхъ благъ.

Господь призываетъ человѣка къ покою, говоря: »Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ» (Мѳ. 11: 28). И тѣ души, которыя покоряются и при-

ходятъ. Онъ упокоеваетъ отъ тяжкихъ, обременительныхъ, нечистыхъ помысловъ и дѣлъ. Дѣлаются они праздными отъ всякаго беззаконія, субботствуютъ субботу истинную, пріятную и святую, празднуютъ духовный праздникъ неизглаголанной радости и веселія, совершаютъ отъ чистаго сердца служеніе чистое и благоугодное Богу.

И это есть истинная и свѣтлая суббота!

Посему, будемъ и мы умолять Бога, чтобы намъ войти въ покой сей, упразднiться отъ срамныхъ, лукавыхъ и суетныхъ помышленій, придти въ возможность служить Богу отъ чистаго сердца и праздновать праздникъ Духа Святаго.

И блаженъ, кто войдетъ въ сей покой»[1]) (I. Гурій. Тайна христіанской жизни. Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 1908 г.).

Приведенныя мною слова I. Гурія говорятъ о той именно »тайнѣ христіанской жизни», заключающейся въ живой любви къ Богу, въ живомъ Богообщеніи и Боговселеніи, осуществляемыхъ въ нѣдрахъ Святой Церкви благодатнымъ дѣйствіемъ Св. Духа, напечатлѣнію и раскрытію которой въ сердцѣ вѣрующаго христіанина посвящено и дѣланіе умной Іисусовой молитвы. Вотъ почему я и счелъ умѣстнымъ заключить наши бесѣды этою именно статьею.

I. Ваши слова совершенно меня успокоиваютъ. Уѣзжая изъ вашей Обители, я уношу полное и ясное понятіе объ Іисусовой молитвѣ, о ея значеніи и о ея необходимости въ духовной жизни христіанина, а также и о томъ, какъ нужно проходить эту молитву по ученію и преданію Святыхъ Отцевъ и подвижниковъ Православной Церкви, за что и приношу вамъ мою искреннюю и глубокую благодарность не только отъ себя, но и отъ имени моихъ духовныхъ дѣтей!

---

[1]) Макарій Егип. Добротолюбіе т. 1.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ БЕСѢДА.

Іерей. Я уже совсѣмъ собрался въ дорогу, но почувствовалъ сильное желаніе еще разъ зайти къ вамъ, поблагодарить васъ за ваши назидательныя бесѣды, открывшія мнѣ сущность внутренней духовной жизни, и попросить вашихъ святыхъ молитвъ и напутственнаго благословенія и, можетъ быть, услышать ваше послѣднее наставленіе, совѣтъ и указаніе, какъ мнѣ, слабому и неопытному, сохранить въ своей памяти, въ сердцѣ и въ жизни полученные отъ васъ уроки. Я боюсь, что въ сложной, суетной, мірской жизни я легко и скоро растеряю все то, что успѣлъ пріобрѣсти здѣсь, въ вашей святой обители.

Инокъ. Очень радъ видѣть васъ еще разъ. Не смущайтесь и не падайте духомъ. Надѣйтесь на Господа. Онъ не оставитъ васъ и поможетъ вамъ не только сохранить, но и возрастить, и умножить то доброе, что дала вамъ наша обитель.

Съ своей стороны позаботьтесь сохранить тотъ духъ ревности по Богу, то горѣніе сердца, которое вы сейчасъ чувствуете въ себѣ.

І. Я былъ бы очень счастливъ сохранить въ себѣ горѣніе духа по Богу, но боюсь, что это мнѣ не удастся. Что я долженъ дѣлать, чтобы не потерять его?

И. »Ревность по Богу рождается у насъ въ чувствѣ покаянія, возжигаемомъ въ духѣ нашемъ благодатію Божіею ради духа сокрушеннаго и обѣта творить волю Божію: она-то и есть сила на твореніе заповѣдей Божіихъ, и только она одна и способна поднять на себя все это бремя . . . Духъ ревности есть единственная для насъ спасительная сила. Гдѣ онъ, тамъ тщаніе, заботы, усердіе, готовность,

живость на дѣла, угодныя Богу. Гдѣ нѣтъ его, тамъ все прекращается и падаетъ: Нѣтъ жизни духа — онъ хладѣетъ, замираетъ. Тамъ пусть будетъ и твореніе дѣлъ добрыхъ, — они добры будутъ только по формѣ, а не по силѣ и духу. Это — тотъ огонь, который пришелъ возжечь на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Лк. 12: 49). Апостолъ заповѣдуетъ *духа не угашать* (Солун. 1: 5, 19). У св. Отцевъ это именуется разно: исканіемъ, предложеніемъ, усердіемъ, тщаніемъ, теплотою духа и горѣніемъ, и просто ревностію». *)

Чтобы сохранить въ себѣ духъ ревности по Богу, необходимо отъ внѣшней жизни обратиться къ внутренней, войти въ себя, перевести свое сознаніе изъ области разсудка въ область духа, изъ головы въ сердце, и тамъ прочно утвердиться. Это есть исходная, начальная точка перехода къ правильной духовной жизни. Раскрытію этого закона духовной жизни и всестороннему его освѣщенію и были, въ сущности, посвящены всѣ наши предыдущія бесѣды. **) Только при этомъ постоянномъ *внутрь-пребываніи* и возможно сохранить въ себѣ непрерывное горѣніе духа и ревность по Богу. »Ревность, пишетъ епископъ Ѳеофанъ, должна сохраняться такимъ же путемъ, какимъ она родилась; а родилась она *внутреннимъ измѣненіемъ сердца*, подъ невидимымъ дѣйствіемъ благодати Божіей.» ***)

Ученіе о перемѣщеніи сознанія изъ области ума въ область духа, и изъ головы въ сердце, совершенно чуждо современному научному сознанію. »Умовые люди (научники), пишетъ еп. Ѳеофанъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, все въ головѣ живутъ. Живутъ въ головѣ и страдаютъ непрестаннымъ бурленіемъ мыслей. Это бурленіе не даетъ вниманію стоять на единомъ. Не можетъ умъ стоять и на еди-

*) Еп. Ѳеофанъ. Путь ко спасенію. Изд. 7, стр. 204.

**) См. особенно страницы: 56, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 106, 115, 117, 120, 128, 132, 133, 141, 160, 214, 222, 238, 240, 243, 274, 312, 351, 353, 355, 368, 389, 390, 391, 399, 400, 401, 455, а также и другія этой книги.

***) Путь ко спасенію. Стр. 205.

номъ помышленіи о Богѣ, пока онъ въ головѣ. Все отбѣгаетъ и отбѣгаетъ. На этомъ основаніи желающимъ установиться въ единомъ помышленіи о Богѣ заповѣдуется оставить голову и низойти умомъ своимъ въ сердце, и тамъ стоять вниманіемъ неисходно. Только тогда, какъ умъ сочетается съ сердцемъ, можно ожидать успѣха въ памяти Божіей. Извольте поставить себѣ цѣлью достиженіе сего, и начинайте движеніе къ сей цѣли. Не думайте, что это трудъ непосильный; но и того не думайте, что это такъ легко, что стоитъ только захотѣть, какъ и дѣло тутъ».

»Умъ, какъ только получитъ свободу, тотчасъ начнетъ блуждать и шататься по міру. Надобно пріучить его сидѣть дома . . .; и не только дома сидѣть, но и стоять неотходно предъ Богомъ. Вотъ ежели и въ этомъ успѣете, то память Божія явится у васъ водруженною въ умѣ и сердцѣ, — вы начнете ходить неотступно въ присутствіи Божіемъ, съ достодолжнымъ благоговѣйствомъ, — вступите въ атмосферу духовную, гдѣ легко будетъ вамъ и дышать и летать». . . . Прежде, чѣмъ блюсти стояніе въ сердцѣ, надобно стать тамъ. Вы большею частью живете въ головѣ, а въ сердце сходите лишь тогда, когда головная работа возбудитъ какое либо чувство. А надо, наоборотъ, въ сердцѣ быть неотходно, а голову совсѣмъ бросить; если встрѣтится нужда, по потребности жизни духовной, поработать умомъ, то пусть онъ тогда работаетъ, сидя въ сердцѣ».

Такъ пишетъ еп. Ѳеофанъ о необходимости для правильной духовной жизни перемѣщенія сознанія и вниманія изъ головы въ сердце, какъ въ центръ духовной, а не одной только разсудочной, жизни. Тоже самое пишетъ и еп. Игнатій Брянчаниновъ, какъ это видно изъ нашихъ предыдущихъ бесѣдъ. Тоже самое говоритъ и древній отецъ Церкви, св. Григорій Палама, архіепископъ Солунскій. Вотъ его собственныя слова о внутрь-пребываніи и объ отношеніи ума къ сердцу.

»Умомъ называется и дѣятельность ума, состоящая въ мысляхъ и разумѣніяхъ; умъ есть и производящая сіе сила, называемая въ Писаніи еще и сердцемъ. По сей силѣ ума,

главнѣйшей между нашими силами, сущая въ насъ душа есть мысляща». *)

»Нѣкоторые говорятъ, что мы худо дѣлаемъ, стараясь умъ свой заключать внутрь тѣла; ибо, говорятъ, гораздо нужнѣе и полезнѣе всячески простирать его во внѣ тѣла . . . Брате! Не слышишь, какъ говоритъ Апостолъ, что *тѣлеса наши храмъ живущаго въ насъ Святаго Духа суть* (1 Кор. 6: 19), — и опять, что мы *храмъ Божій есмы* (1 Кор. 3: 16), какъ и Богъ говоритъ: *вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ* (2 Кор. 6: 16)? Что же сподобилось быть жилищемъ Бога, въ то вселить умъ свой кто изъ имѣющихъ умъ сочтетъ чѣмъ-либо неподобнымъ? Какъ и Богъ въ начальѣ вселилъ умъ въ тѣло? Ужели и Онъ худо сдѣлалъ? Такія слова, брате, прилично обратить къ еретикамъ, кои говорятъ, что тѣло зло и есть твореніе злого начала. Мы же быть уму въ тѣлесныхъ мудрованіяхъ почитаемъ зломъ, а въ тѣлѣ ему быть не почитаемъ зломъ: такъ какъ тѣло не зло . . . Если Апостолъ и называетъ тѣло смертію, когда говоритъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7: 24), то разумѣетъ при семъ чувственное и плотское мудрованіе. Примѣняя сіе послѣднее къ духовному, онъ справедливо назвалъ его тѣломъ, и не просто тѣломъ, но смертію тѣла . . . Итакъ, зло то, что не умъ, а этотъ *законъ, сущій во удѣхъ нашихъ и противувоюющій закону ума, живетъ въ тѣлѣ* (Рим. 7: 23). Почему мы, противувоюя сему закону грѣха, изгоняемъ его изъ тѣла и поселяемъ тамъ умъ, какъ епископа (надъ всѣмъ надзирающаго и всѣмъ заправляющаго), и черезъ него полагаемъ законы каждой силѣ души и каждому изъ членовъ тѣла подобающее ему. Чувствамъ предписываемъ, что и въ какой мѣрѣ должно имъ воспринимать; — каковое дѣло закона именуется воздержаніемъ; желательную часть души настроиваемъ наилучшимъ расположеніемъ, коему имя любовь; мысленную часть улучшаемъ, отгоняя все, что препятствуетъ уму возноситься къ Богу, — и сію частичку закона духовнаго называемъ трезвѣніемъ . . .

*) О молитвѣ и чистотѣ сердца. Добротолюбіе. Изд 2-е, т. 5, стр. 301.

Итакъ, если и мы будемъ держать умъ свой внутрь тѣла, ужели будемъ дѣлать нѣчто недостойное величія ума? И кто скажетъ это, кромѣ развѣ того, кто совсѣмъ не духовенъ, и умъ имѣетъ обнаженный отъ божественной благодати? . . .

Душа наша одарена многими силами и пользуется, какъ орудіемъ, тѣломъ, ею оживляемымъ. Какимъ же органомъ, какъ орудіемъ, пользуется въ своей дѣятельности та сила ея, которую мы называемъ умомъ? Никто никогда не думалъ, чтобы умъ обиталъ въ ногтяхъ или рѣсницахъ, въ ноздряхъ или пятахъ. Но всѣ согласны, что онъ внутрь насъ есть. Расходятся только въ томъ, какимъ внутреннимъ органомъ, какъ орудіемъ, пользуется онъ. Ибо одни водворяютъ его въ мозгу, какъ въ нѣкоемъ акрополѣ (кремлѣ); другіе даютъ ему сѣдалище въ сердцевинѣ сердца. Съ послѣдними и мы согласны, поясняя только, что разумная сила наша въ сердцѣ не какъ въ сосудѣ какомъ заключена, какъ не тѣлесная, и не внѣ его есть, какъ соединенная съ нимъ, но есть въ сердцѣ, *какъ въ органъ своемъ*, какъ мы навѣрное это знаемъ, не отъ человѣковъ сему научены бывъ, но отъ Самого Создателя человѣка, Который говоритъ въ Евангеліи: *не входящее въ уста сквернитъ человѣка, но исходящее изо устъ, то сквернитъ человѣка. Отъ сердца бо исходятъ помышленія* (Мо. 15: 11, 19). Тоже говоритъ и Макарій Великій: »Сердце правитъ всѣмъ органомъ, и, когда благодать займетъ всѣ отдѣленія сердца, господствуетъ надъ всѣми помыслами и членами, ибо тамъ умъ и всѣ помыслы душевные». Итакъ, сердце есть сокровенная храмина ума и первый плотской органъ мыслительной силы. Почему, стараясь въ тщательномъ трезвѣніи надзирать надъ нашею мыслительною силою, ею право править и ее исправлять, какимъ другимъ способомъ можемъ мы успѣть въ семъ, какъ не собравъ отъ внѣ разсѣянный чувствами умъ, и введши его внутрь, въ это самое сердце, которое есть хранилище помысловъ? Чего ради и блаженный Макарій, немного ниже послѣ приведенныхъ выше словъ, говоритъ: »тамъ убо должно смотрѣть, написала ли благо-

дать законы духа». Гдѣ тамъ? — Въ главномъ органѣ, гдѣ престолъ благодати, и гдѣ умъ и всѣ помыслы душевные, т. е. въ сердцѣ. Видишь, какъ необходимо для тѣхъ, кои положили внимать себѣ въ безмолвіи, возвращать и заключать умъ въ тѣлѣ, наипаче же въ томъ, которое есть внутреннѣйшее въ тѣлѣ тѣло, которое мы называемъ сердцемъ. Ибо если, по Псалмопѣвцу, *вся слава дщере царевы внутрь* (Пс. 44: 14), то зачѣмъ намъ искать ее гдѣ-либо внѣ? Если, по Апостолу, *посла Богъ Духа Своего въ сердца наша, вопіюща: Авва, Отче* (Гал. 4: 6), то какъ намъ *не въ сердцахъ* молиться съ Духомъ симъ? Если, по слову Господа, Пророковъ и Апостоловъ, *царствіе Божіе внутрь насъ есть* (Лк. 17: 21), то не будетъ ли внѣ царствія небеснаго тотъ, кто такъ усердно старается изгнать умъ изъ внутрь себя во внѣ?» *) Таково свидѣтельство св. Григорія Паламы.

Обратимся снова къ еп. Ѳеофану. Онъ пишетъ: »Когда вниманіе сойдетъ въ сердце, то привлечетъ туда, въ одну точку всѣ силы души и тѣла. Это сосредоточеніе всей человѣческой жизни въ одно мѣсто тотчасъ отзывается тамъ особымъ ощущеніемъ. Сіе ощущеніе и есть начало будущей теплоты. Ощущеніе сіе сначала легкое, все усиливается, крѣпнетъ, углубляется, и изъ холоднаго, каково оно въ началѣ, переходитъ въ теплое чувство, и держитъ на себѣ вниманіе, порождаетъ теплоту въ сердцѣ. Теплота же сія затѣмъ держитъ вниманіе безъ особаго его напряженія. Они затѣмъ другъ друга поддерживаютъ и должны пребывать неразлучно, ибо разсѣяніе вниманія охлаждаетъ теплоту, а умаленіе теплоты ослабляетъ вниманіе» (Сборн. объ Іисусовой молитвѣ. § 11).

Болѣе подробно говоритъ о *внутрь-пребываніи* еп. Ѳеофанъ въ своей книгѣ »Путь ко спасенію».

»Когда божественная благодать воздѣйствуетъ на человѣка въ сердцѣ его, тогда духъ его проникаетъ туда своимъ сознаніемъ, а за нимъ и всѣ силы души и тѣла. Отсюда

*) О священно-безмолвствующихъ. Добротолюбіе. Изд. 2-е. т. 5, стр. 289—293.

— законъ для внутрь-пребыванія: держи сознаніе свое въ сердцѣ, и собирай туда напряженіемъ всѣ силы души и тѣла. Внутрь-пребываніе собственно есть заключеніе сознанія въ сердце, напряженное же собраніе туда силъ души и тѣла есть существенное средство, или дѣланіе, подвигъ. Впрочемъ, онѣ взаимно другъ друга рождаютъ и предполагаютъ, такъ что одно безъ другого не бываетъ. Кто заключенъ въ сердцѣ, тотъ собранъ; а кто собранъ, тотъ въ сердцѣ. Около сознанія въ сердцѣ должно собираться всѣми силами — и умомъ, и волею, и чувствомъ. Собраніе ума въ сердцѣ есть *вниманіе*, собраніе воли — *бодренность*, собраніе чувства — *трезвѣніе*. Вниманіе, бодренность, трезвѣніе — три внутреннихъ дѣланія, коими совершается самособраніе, и дѣйствуетъ внутрь-пребываніе. У кого есть они, и при томъ всѣ, тотъ — внутрь; у кого нѣтъ, и при томъ хоть одного, — тотъ внѣ. Вслѣдъ за такими дѣланіями душевными, туда же должны направляться и тѣлесные, имъ соотвѣтствующіе, органы: такъ за вниманіемъ — обращеніе *внутрь очей*, за бодренностью — напряженіе мускуловъ во всемъ тѣлѣ, въ направленіяхъ *къ персямъ*, за трезвенностью — отчесненіе мокротныхъ, какъ выражается Никифоръ, какихъ-то разслабляющихъ движеній, подходящихъ къ сердцу изъ нижнихъ частей тѣла, подавленіе услажденія и покоя плоти. Такія тѣлесныя дѣланія, дѣйствуя неразлучно съ душевными, суть самыя сильныя, помогающія тѣмъ душевнымъ средствамъ, безъ коихъ имъ и быть нельзя. Итакъ, все дѣланіе внутрь-пребыванія черезъ самособраніе состоитъ въ слѣдующемъ. Въ первую минуту, по пробужденіи отъ сна, какъ только сознаешь себя, *низойди* внутрь къ сердцу, въ эти перси тѣлесныя; вслѣдъ за тѣмъ созывай, привлекай, напрягай туда и всѣ душевныя и тѣлесныя силы, вниманіемъ ума, съ обращеніемъ туда очей, бодренностью воли, съ напряженіемъ мускуловъ и трезвѣніемъ чувства, съ подавленіемъ услажденія и покоя плоти, и *дѣлай* это до тѣхъ поръ, пока сознаніе не установится тамъ, какъ на своемъ мѣстѣ — сѣдалищѣ, не прилѣпится, не привяжется, какъ липкое что-либо къ

крѣпкой отѣнѣ; и потомъ пребывай тамъ неисходно, пока пользуешься сознаніемъ, часто повторяя тоже дѣланіе самособранія и для возобновленія его, и для укрѣпленія, потому что оно поминутно то разслабляется, то нарушается.

Надобно знать, что это внутрь пребываніе и собраніе не тоже, что углубленіе при размышленіи, или дума (отъ слова — задумываться), хотя много походитъ на него. Послѣднее стоитъ только въ исходищѣ ума, оставляя другія силы незанятыми, и держится въ головѣ; а то стоитъ въ сердцѣ, въ исходищѣ всѣхъ движеній, *ниже и глубже всего*, что въ насъ есть и бываетъ, или происходитъ такъ, что все это бываетъ уже поверхъ его, предъ его глазами, и то позволяется, то запрещается.

Отсюда само собою очевидно, что внутрь пребываніе есть, въ истинномъ своемъ видѣ, *условіе истиннаго господства человѣка надъ собою*, слѣдовательно, истинной свободности и разумности, а потому и истинно-духовной жизни. Это подобно тому, какъ, во внѣшнемъ мірѣ, владѣтелемъ города считается тотъ, кто занимаетъ крѣпость. Потому всякое духовное дѣланіе и всякій вообще подвигъ долженъ быть совершаемъ отсюда, иначе онъ — не духовенъ, ниже подвижничества и долженъ быть отметаемъ. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть*, говоритъ Господь, и потомъ для одного духовнаго дѣланія заповѣдалъ: *впиди въ клѣть твою и затвори двери* . . . Это клѣть сердца по разумѣнію всѣхъ св. Отцовъ. По сей то причинѣ, человѣкъ духовный, спасающійся, подвизающійся, и называется *внутреннимъ*.

Что собраніе внутрь есть приспособленнѣйшее средство къ храненію ревности, это сейчасъ видно: 1) Собранный долженъ горѣть, ибо собираетъ всѣ силы воедино, подобно, какъ лучи разсѣянные, будучи собраны въ одну точку, обнаруживаютъ сильный жаръ и зажигаютъ. И, дѣйствительно, съ собраніемъ всегда соединена теплота: духъ здѣсь видится самъ съ собою, какъ говоритъ Никифоръ, и играетъ отъ радости. 2) Собранный силенъ, подобно войску устроенному, или пуку слабыхъ тростей связанныхъ. Оно, по-

добно препоясанію чреслъ, означаетъ готовность и силу дѣйствовать. Несобранный всегда слабъ и или падаетъ, или не дѣлаетъ. 3) Собранный зритъ все въ себѣ. Кто въ центрѣ, зритъ по всѣмъ радіусамъ, все видитъ въ кругѣ ровно и какъ-бы въ одинъ разъ, а выступившій изъ центра видитъ по направленію одного только радіуса; точно такъ и тотъ, кто собранъ внутрь, видитъ всѣ движенія своихъ *силъ*, — видитъ и управить можетъ. Горѣніе же духа, — сила и зрячесть и составляютъ истинный духъ ревности, который изъ нихъ слагается. Потому слѣдуетъ сказать: *только будь внутрь, и не перестанешь ревновать.*

Такъ-то значительно внутрь-пребываніе! Значитъ, должно потрудиться, чтобы стяжать его, ибо и оно не вдругъ оказывается, а по времени и многомъ исканіи. На первомъ мѣстѣ оно поставляется потому, что есть условіе духовной жизни. Его совершенствованіе зависитъ отъ совершенства трехъ производящихъ его душевныхъ и трехъ тѣлесныхъ дѣланій, именно — вниманія ума съ обращеніемъ внутрь очей, бодренности воли съ напряженіемъ тѣла, и трезвѣнія сердца съ отбиваніемъ услажденія и покоя плоти. Въ полномъ же свѣтѣ явится тогда, когда будетъ стяжена *чистота ума* отъ помысловъ, *чистота воли* отъ пожеланій, *чистота сердца* отъ пристрастій и страстей. Но и до того времени оно все же есть внутрь-пребываніе, хотя несовершенное, незрѣлое, не непрерывное». *)

». . . Вотъ почему въ наставленіяхъ св. Отцовъ внутренняя жизнь всегда поставляется въ неразрывной связи съ подвижническою бранію. Однако же, собраніе не то же, что брань. Это особое дѣланіе духовное, начальнѣйшее. Оно есть мѣсто, гдѣ все духовное дѣлается — и брань, и чтеніе, и Богомысліе, и молитва. Что ни дѣлалъ бы подвизающійся, прежде всего войди внутрь и оттуда дѣйствуй» **)

Для низведенія ума въ сердце и для соединенія ума съ сердцемъ древніе отцы рекомендовали и нѣкоторые физическіе методы, напримѣръ, сведеніе ума въ сердце путемъ

*) Путь ко спасенію. Изд. 7, стр. 205—209.

**) Тамъ же. Стр. 209.

дыханія, или сидѣніе на маленькомъ стульцѣ, прижавъ голову къ груди, пригнувшись къ колѣнамъ и сдерживая дыханіе. Объ этихъ пріемахъ еп. Ѳеофанъ пишетъ такъ: »Сведеніемъ ума въ сердце путемъ дыханія указывается на тотъ случай, если ты не знаешь, гдѣ остановиться вниманіемъ, или гдѣ сердце; а если ты и безъ этого знаешь, какъ найти сердце, дѣлай, какъ знаешь, только установись въ сердцѣ».

И еще: »Другіе дѣлали такъ: сядетъ на маленькое стульце, что подъ ноги подставляютъ, прижметъ голову къ груди, пригнется къ колѣнамъ и дышетъ; одну половину молитвы (Іисусовой) говоритъ, вдыхая воздухъ, а другую — выдыхая . . . Трудясь такъ, навыкаютъ молитвѣ, а потомъ и другимъ совѣтуютъ тоже . . . И пусть! Только бы не думали, что въ этомъ все дѣло и есть . . . Но это все и подобное сему — не дѣло, а придѣлки. Дѣло: стать умомъ въ сердцѣ предъ лицемъ Господа и говорить Ему молитву.»*)

»Художественный образъ молитвеннаго дѣланія имѣетъ не существенное, но вспомогательное значеніе У Отцовъ Церкви онъ изображается, какъ внѣшнее пособіе и подчиняется внутреннему дѣланію. Неопытные подвижники усвояютъ только внѣшнюю сторону, нерадя о внутренней. Чуть-чуть появится какое теплое движеніе въ сердцѣ, они рѣшаютъ: вотъ далъ Богъ . . . и предаются мечтаніямъ о себѣ . . . Отъ сего преуспѣяніе внутренней молитвы прекращается, и они остаются съ однимъ внѣшнимъ дѣланіемъ. И духовная жизнь перестаетъ.»

Заблужденіе происходитъ прежде всего отъ неуясненія сущности дѣланія и отъ ложной мысли, служащей основаніемъ всѣхъ заблужденій. Напримѣръ, иные ревнители внутренняго дѣланія, по своей неопытности, а иногда и по невѣжеству, не понимая того, что умъ есть духовная сила и пользуется сердцемъ, какъ своимъ органомъ, разсматри-

*) О внѣшнихъ пріемахъ низведенія ума въ сердце, и о пользованіи ими мы не одинъ разъ говорили въ нашихъ бесѣдахъ. См. страницы: 56, 76, 78, 79, 81, 87, 88, 89, 90, 91, 299—304, 327, 343 и др.

ваютъ умъ, какъ нѣкоторый матеріальный предметъ, который путемъ дыханія надо перенести въ сердце, при чемъ и самое сердце они представляютъ себѣ, какъ нѣкоторый сосудъ или пузырь, въ который можно посадить умъ.

Одного этого неправильнаго мнѣнія достаточно, чтобы сдѣлать безплоднымъ весь ихъ молитвенный трудъ. Многіе трудились многіе годы, и все было напрасно. Мало того — умъ нисходилъ ниже сердца, и вызывалъ тамъ извѣстныя нежелательныя ощущенія; или же у иныхъ нисходилъ въ чресла, и они, воображая, что ихъ умъ находится какъ бы въ содержащемъ его сосудѣ или пузырѣ, полагали, что это и есть то, чего они искали, т. е. благодатная молитва, при которой бѣсы уже не смѣютъ приблизиться, ибо ихъ опаляетъ Іисусова молитва, а между тѣмъ, въ такомъ ихъ состояніи только повторялись слова молитвы, безъ мысли и чувства, и даже безъ памяти Божіей. Богъ же мнился гдѣ-то далеко на небѣ. У другихъ вмѣсто соединенія ума съ сердцемъ происходило изверженіе изъ себя, исходъ въ чувства. И все это зависѣло отъ основной неправильной мысли, что умъ можно усадить въ сердцѣ, какъ въ нѣкоторомъ сосудѣ, вопреки вышеприведенному разъясненію св. Григорія Паламы объ истинномъ взаимоотношеніи ума и сердца. *)

Правильная установка ума въ сердцѣ, сопровождаемая горѣніемъ духа и ревностью по Богу, является и возможностью, и основаніемъ, и условіемъ правильнаго и успѣшнаго подвижничества, т. е. борьбы и побѣды надъ страстями и ихъ источниками, и на это долженъ обратить вниманіе каждый дѣлатель умной молитвы. Я хочу сказать вамъ и объ этомъ нѣсколько словъ въ этой нашей послѣдней, напутственной бесѣдѣ. Первая наша побѣда надъ собою заключается въ переломѣ воли, въ преданіи себя Богу, съ непріязненнымъ отверженіемъ всего грѣховнаго. Наше внутреннѣйшее является исходною точкою какъ нашей поло-

*) Подробнѣе о прелести при молитвѣ Іисусовой см. страницы: 70, 71, 72, 74, 108, 166, 227, 229, 230, 240, 241, 259, 276, 326, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339—342 и др.

жительной дѣятельности, такъ и нашей брани со страстями. Сознаніе и произволеніе, переходя на сторону добра, съ возлюбленіемъ его, поражаетъ ненавистію всякое зло и всю страстность, и при томъ *именно свою*. Въ этомъ собственно и состоитъ переходъ, переломъ.*) Этимъ однако же не утверждается, будто вся сила побѣды отъ насъ, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть нашъ возстановленный духъ; сила же побѣдительная и разрушительная для страстей есть благодать . . . Борющійся съ воплемъ повергаетъ себя Богу, жалуясь на враговъ, и ненавидя ихъ, и Богъ въ немъ и черезъ него прогоняетъ ихъ и поражаетъ. *Дерзайте*, говоритъ Господь, *яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16: 33). *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ*, исповѣдуетъ Апостолъ (Филип. 4: 13).

Человѣкъ весь страстенъ до обращенія. По обращеніи, духъ, исполнясь ревности, является чистымъ. Душа же и тѣло остаются страстными. Когда начнется ихъ очищеніе и врачеваніе, они упорствуютъ и возстаютъ за свою жизнь на гонящій ихъ духъ. Эти возстанія совершаются болѣе черезъ тѣлесныя и душевныя силы и поражаютъ духъ, поколику имъ усвояются эти силы. Но бываютъ движенія, прямо устремленныя на духъ.

Епископъ Ѳеофанъ слѣдующимъ образомъ перечисляетъ страсти, возстающія на подвижника: 1) *Въ тѣлѣ:* источное ихъ начало — плотоугодіе, или упокоеніе плоти. Гдѣ это есть, тамъ есть похоть блудная, чревоугодіе, сластолюбіе, лѣность, изнѣженность, блужданіе чувствъ, говорливость, разсѣянность, непосѣдность, вольность во всемъ, смѣхотворство, празднословіе, сонливость, жажда пріятнаго и всякаго рода творенія угодія плоти въ похоти. 2) *Въ душѣ:* а) *въ умственной части* — своеуміе, вѣра въ свой только умъ, прекословіе, возстаніе на умъ Божій, сомнѣніе, дменіе и киченіе, пытливость, расхищеніе ума, блужданіе помысловъ; б) *въ части желательной* — своеволіе, непокорливость, властолюбіе, жестокость, самонадѣян-

*) Еп. Ѳеофанъ. Путь ко спасенію. Изд. 7, стр. 267.

ность, себѣ-присвоеніе, неблагодарность, любообладаніе, лихоиманіе; в) *въ части чувствующей* — потрясающія покой и миръ сердца страсти: гнѣвъ, зависть, ненависть, злоба, месть, осужденіе, презорство, славолюбіе, тщеславіе, гордость, тоска, печаль, скорби, уныніе, страхи, надежды, ожиданія. *)

Все это — въ душѣ и тѣлѣ. Но и духъ, оживший или, лучше, оживающій, не свободенъ отъ прираженій, которыя тѣмъ опаснѣе, что касаются исходища жизни и нерѣдко бываютъ незамѣчаемы, по своей тонкости и глубинѣ. И здѣсь, также какъ въ душѣ и тѣлѣ, противъ всего состава духовной жизни внутренней есть противный рядъ движеній и состояній, отгоняющій и заслоняющій его. Такъ, часто бываетъ, вмѣсто внутрь-пребыванія и собранности — изверженіе изъ себя, исходъ въ чувства; вмѣсто трехъ актовъ внутрь-пребыванія: вниманія, бодренности и трезвѣнія — расхищеніе ума, внутреннее смятеніе, суета, ослаба, льгота, опущеніе себя, вольность, дерзость, плѣнъ, пристрастіе, уязвленіе сердца, вмѣсто познанія духовнаго міра — забвеніе Бога, смерти, суда, всего духовнаго.

Какъ главное въ духѣ — сознаніе, зиждемое внутрь пребываніемъ, то когда оно падаетъ, падаетъ и жизнедѣятельность. Отъ этого возстаетъ вмѣсто страха Божія и чувства зависимости отъ Него, безстрашіе, вмѣсто избранія и дороженія духовнымъ — равнодушіе къ нему, вмѣсто отрѣшенія отъ всего — себя упокоеніе (что себя нудить!), вмѣсто познанія грѣховности — стояніе въ прелести и мнѣніи, вмѣсто покаянныхъ чувствъ — нечувствіе, окаменѣніе сердца, вмѣсто вѣры въ Господа — самооправданіе, вмѣсто ревности — охлажденіе, вялость, невозбужденіе и вмѣсто преданности Богу — самодѣланіе . . .**)

Вотъ — полчища каждоминутно готовыхъ погасить нашу новую жизнь возстаній грѣха. Человѣкъ ходитъ по землѣ существа своего, какъ по трясинѣ, готовый въ каждое мгновеніе провалиться.

---

*) Еп. Ѳеофанъ. Путь ко спасенію. Стр. 269.

**) Еп. Ѳеофанъ. Путь ко спасенію. Изд. 7, стр. 270—271.

Всѣ сіи неправыя движенія (внутри человѣка) не такъ были бы свирѣпы, если бы не вспомоществуемы были сосѣдствующими имъ родителями ихъ — міромъ и бѣсами.

Міръ есть осуществленный міръ страстей, или ходячія страсти въ лицахъ, обычаяхъ, дѣлахъ. Прикасаясь къ нему какою-нибудь частію, нельзя не растревожить и соотвѣтственной въ себѣ раны, или страсти, по сходству ихъ и подобонастроенію. И бѣсы, какъ источники всякаго зла, своими полчищами всюду окружая людей, научаютъ ихъ на самый грѣхъ, дѣйствуя черезъ плоть, особенно чувства и ту стихію, въ коей душа и самые бѣсы. Потому-то всякую страсть и всякое возстаніе грѣховное можно относить къ нимъ, какъ къ причинѣ. Но есть нѣчто въ грѣховномъ кругѣ, что бѣсы только одни и могутъ навѣять, къ чему, при всей порчѣ, естество представляется неспособнымъ: такъ, помыслы хульные — сомнѣнія, невѣрія, необыкновеннаго отвращенія, омраченіе, разнаго рода прелести и, вообще, искушенія страстныя, дмящіяся — неукротимая блудная страсть, досмертная и упорная ненависть и проч. Кромѣ сихъ невидимыхъ бореній отъ бѣсовъ, есть нападенія отъ нихъ видимыя, осязаемыя: разнаго рода привидѣнія, простирающіяся даже до власти ихъ надъ тѣломъ.

Вотъ все, возстающее на новаго человѣка внутрь и внѣ». *)

Я перечислилъ вамъ многообразные виды брани отъ страстей и бѣсовъ, постигающіе человѣка.

Сейчасъ не время указывать вамъ правила брани. Вы ихъ найдете въ книгахъ еп. Ѳеофана — »Путь ко спасенію», »Невидимая» брань» и др. Но главное условіе успѣшности брани вамъ извѣстно. Это внутрь-пребываніе съ молитвою ко Христу въ сердцѣ, отъ чего рождается горѣніе духа и ревность по Богу. Раскрытію этой истины были посвящены всѣ наши бесѣды. Кратко я повторилъ сказанное тамъ въ настоящей, послѣдней нашей бесѣдѣ. Еще короче главную мысль нашихъ бесѣдъ можно выразить словами

*) Еп. Ѳеофанъ. Путь ко спасенію. Стр. 272.

блаженнаго Филовея, игумена Синайскаго: »Съ утра мужественно и неотступно стань у дверей сердца, съ крѣпкою памятію о Богѣ и непрестанною въ душѣ Іисусъ-Христовою молитвою, и сею мысленною стражею посѣкай главы сильныхъ и брань воздвигающихъ помысловъ».*) Вотъ вамъ и все мое напутственное наставленіе. Держитесь его крѣпко, и Господь васъ не оставитъ! Грядите съ миромъ!

*) Стр. 162 настоящей книги.

Конецъ.

Да хвалится со многою славою Богъ, всѣхъ Создатель!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ,

помогающій читателю находить въ этой книгѣ имена, изреченія и наставленія Св. Отцовъ и подвижниковъ Православной Церкви, учившихъ внутреннему духовному дѣланію.

Римская цифра означаетъ бесѣду, арабская — страницу.

А.

Авраамій Некрасовъ, Арзамасскій протоіерей, ученикъ преп. Серафима Саровскаго — наставленія объ Іисусовой молитвѣ V. 475—478.

Агапій, схимонахъ, старецъ-слѣпецъ Валаамскій, наставленія объ Іисусовой молитвѣ V. 453—472.

Адріанъ, путьножитель Брянскихъ лѣсовъ, дѣлатель Іисусовой молитвы V. 474.

Амвросій, іеросхимонахъ, Оптинскій старецъ, наставленія объ Іисусовой молитвѣ V. 441—445.

Анатолій, іеросхимонахъ, Оптинскій старецъ и Шамординскій духовникъ, наставленія объ Іисусовой молитвѣ V. 445—451.

Ангелы, добрый и злой, соприсутствуютъ всякому человѣку III. 201.

Въ *Ангела* свѣтла сатана преобразуется: посему не всякую радость принимай за благодатную V. 449.

Св. *Антоній Великій*, — установилъ для своихъ учениковъ правило: заучивать псалмы, и держать ихъ въ памяти при путешествіяхъ и въ другихъ случаяхъ V. 397

Б.

Благоговѣніе, вниманіе и покаянное чувство — необходимыя условія правильной молитвы I. 46.

Безъ *благоговѣнія* память о Богѣ притупляетъ чувство страха Божія V. 377.

Благодари Господа, излившаго въ сердце твое мирную, сладостную, разумную любовь къ Нему и ближнему V. 481.

Благодать приходитъ не отъ насъ, а отъ усмотрѣнія Божія, въ руки Котораго и надо предавать себя V. 358.

Благодать удерживается смиреніемъ, удаляется гордостью, самомнѣніемъ, самонадѣяніемъ V. 361.

Благодать всѣмъ подается въ таинствахъ, достойно пріемлемыхъ, но не всѣми вдругъ чувствуется V. 370.

Благодать всѣхъ достигаетъ, но не равною мѣрою: по мѣрѣ смиренія исполняетъ дарованій V. 438.

Благодать никогда не оставитъ при соблюденіи смиренія и болѣзненнаго отъ сердца сокрушенія V. 463.

Когда *благодать* уканетъ въ сердце, тогда все пойдетъ, какъ слѣдуетъ V. 463.

Когда *благодать* внутри, тогда душа какъ бы одѣта въ теплую одежду V. 360.

Благодать отойдетъ, душа на холодѣ V. 360.

Благодатное состояніе узнается по отвращенію отъ всего грѣховнаго и страстнаго V. 370.

Благоуханіе и подобныя вещи не должно принимать V. 450.

Благочестіе есть конца не имѣющее совершенство III. 165.

Благочиніе чувствъ охраняетъ мирное состояніе духа III. 195.

Блужданіе мыслей обнаруживается Іисусовой молитвой V. 367.

Блудная страсть искореняется трудомъ сердечнымъ — молитвою, и трудомъ тѣлеснымъ — порабощеніемъ тѣла III. 176.

Болѣзнь, переносимая терпѣливо и съ благодареніемъ, вмѣняется въ подвигъ III. 208.

Болѣзнь пришла, можно полечиться; прошла — слава Богу; не прошла — терпѣть и Бога благодарить V. 468.

Болячкой въ сердцѣ должно стать неустанное призываніе имени Божія V. 366.

Богъ есть огонь: отъ Него теплота сердца III. 198.

Бога не называй правосуднымъ: въ твоихъ дѣлахъ не видно Его правосудія; мы были грѣшниками, и Христосъ умеръ за насъ III. 198.

Бога если не увидишь, не можешь любить Его III. 199.

Богъ требуетъ сердца II. 54.

О *Богѣ* не разсуждай по насыщеніи чрева III. 199.

Бога боящійся—выше всякаго страха III. 140.

Бога если боишься, одолѣешь діавола III. 200.

Божію близость представляй такъ, что ты Имъ живешь, дышешь, двигаешься, просвѣщаешься, укрѣпляешься V. 483.

Богъ есть мысленный воздухъ, которымъ дышатъ Ангелы, святые и всѣ люди, особенно благочестивые V. 486.

Нѣтъ большей близости, какъ у *Бога* съ душею, и у души съ *Богомъ* III. 118.

Бога любящій забываетъ всякую другую любовь III. 199.

Надежда на *Бога* умиротворяетъ сердце III. 199.

Истинная вѣра въ *Бога* не можетъ быть безъ дѣлъ III. 199.

Самъ *Богъ* даетъ преуспѣяніе молящемуся въ сокрушеніи духа, со страхомъ Божіимъ и вниманіемъ V. 423.

Бога нужно молить, чтобы послалъ Св. Духа, научающаго чистой духовной молитвѣ III. 174—175.

Богомысліе есть память и размышленіе о духовныхъ и Божественныхъ предметахъ, возникающія въ чистомъ умѣ и сердцѣ V. 458—459.

»*Богородицею* помилуй насъ» — можно говорить при молитвѣ Іисусовой V. 465—466.

Молясь *Божіей Матери* и святымъ, должно стоять вниманіемъ въ сердцѣ V. 465.

Богохульство — запрещать заниматься Іисусовою молитвою V. 410.

Борьба съ помыслами новоначальныхъ и сильныхъ различна II. 66—68.

Въ *борьбѣ* со страстями и помыслами прибѣгай къ Іисусовой молитвѣ IV. 237—238, 246—249.

Всѣ *бѣды* мои происходятъ въ невидимомъ моемъ существѣ: поэтому и Спаситель мнѣ нуженъ невидимый V. 479.

Бѣсы научили молиться V. 478.

Отъ *бѣса* хульные помыслы III. 143.

В.

Преп. *Варсонофій и Іоаннъ* — наставленія объ Іисусовой молитвѣ и умномъ дѣланіи III. 174—181.

Св. *Василій Великій* — наставленія о молитвѣ III. 115—117.

Василій, схимонахъ, Молдавскій старецъ, предисловія къ книгамъ преп. Григорія Синаита, Филовея Синайскаго, Исихія Іерусалимскаго и Нила Сорскаго IV. 220—268.

Видѣть себя ниже всякаго человѣка — есть истинный путь и кромѣ него нѣтъ другого III. 179.

Визіонерство, его причина и опасность II. 70—73, 93—94.

Вниманіе необходимо при Іисусовой молитвѣ I. 46.

Вниманіемъ должно стоять въ сердцѣ II. 58—59.

Вниманіе есть безмолвіе сердца, занятаго памятью Іисусовою III. 149.

Съ крайнимъ *вниманіемъ* блюди свой умъ, призывая на помощь Христа III. 165.

О сочетаніи *вниманія* съ молитвою по Симеону, Новому Богослову II. 69.

Проходящій путь *вниманія* долженъ провѣрить свое

сердце Закономъ Божіимъ и дѣятельною жизнью подвижниковъ III. 200.

Проходящій путь внутренняго *вниманія* долженъ имѣть страхъ Божій — начало премудрости III. 200.

Проходящій путь *вниманія* не долженъ заниматься пересудами чужихъ дѣлъ III. 201.

Вниманіе при Іисусовой молитвѣ надо держать не въ головѣ, а въ сердцѣ V. 351, 352, 353, 355.

Вниманіе не слѣдуетъ спускать ниже сердца, во избѣжаніе движеній похоти IV. 229, 240—241.

Если *внутреннее дѣланіе* не поможетъ человѣку, напрасно онъ трудится во внѣшнемъ III. 175.

Внутренняя молитва должна быть постоянною III. 115.

Внутреннему отъ внѣшняго горе! III. 159.

Внутрь-пребываніе есть условіе успѣха въ борьбѣ со страстями. Заключ. бес. 515.

Внѣшніе пріемы при обученіи молитвѣ Іисусовой имѣютъ не существенное, но подсобное значеніе II. 78—79, 87—91.

Возражать вражіимъ помысламъ новоначальному не слѣдуетъ, но спасаться отъ нихъ молитвою Іисусовою II. 66—68. V. 444.

Возрожденіе души начинается здѣсь на землѣ III. 122.

Воинъ Христовъ нещадно бьетъ бѣсовъ именемъ Іисусовымъ V. 475.

Воплотился Христосъ не только для спасенія отъ грѣха, уже овладѣвшаго нами, но и отъ грѣха, борющаго насъ V. 483.

Воспоминаніе страданій Господнихъ спасительно V. 369.

Врагъ несомнѣнно существуетъ и никого не оставляетъ своими кознями V. 372.

Врагъ дѣйствуетъ своими кознями и навѣтами извнѣ, а не внутри сердца V. 361.

Врагъ, замѣчая противодѣйствіе помысламъ грѣшнымъ, переходитъ къ помысламъ пустымъ и праздным, чтобы черезъ нихъ опять вернуться къ первымъ V. 373.

Время всякому роду жизни: начинающій прежде времени то, что сверхъ его мѣры, ничего не пріобрѣтаетъ, но вредъ себѣ причиняетъ III. 185.

Прежде *времени* не ищи того, что придетъ въ свое время V. 434.

Есть *вѣдѣніе*, предшествующее вѣрѣ, и *вѣдѣніе*, послѣдующее вѣрѣ III. 189.

Вѣра воскриляетъ молитву III. 146.

Вѣра умовая можетъ колебаться отъ возраженій невѣровъ, вѣра сердца — никогда V. 376.

Вѣра просящаго молитвы спасаетъ и того, кого просятъ молиться III. 148.

Вѣруй въ Господа, яко одесную тебе есть, и все тебѣ возможно будетъ V. 483.

Вѣруй въ Господа всѣмъ сердцемъ, и во всякое время обрѣтешь благодать Его III. 138.

Г.

Георгій Алексѣевичъ, затворникъ Задонскій, о молитвѣ Іисусовой V. 478.

Глубина сердца познается неисходнымъ вниманіемъ въ сердцѣ предъ Господомъ V. 370.

Отъ *гордости* рождаются хульные помыслы III. 143.

Господь Іисусъ Христосъ внутри насъ пребываетъ по благодати Крещенія и Причащенія: только смертные грѣхи лишаютъ насъ этой милости V. 367.

Господь близъ тебя — въ молитвѣ твоей, въ мысляхъ твоихъ, въ правыхъ движеніяхъ сердца твоего, а не на небесахъ только V. 484.

Св. *Григорій Палама* — о молитвѣ Іисусовой I. 33.

Св. *Григорій Синаитъ* — о молитвѣ Іисусовой I. 41. II. 65, 79—85.

Грѣхъ глубоко укоренился въ природѣ человѣческой III. 118.
Грѣхъ дѣлаетъ мертвою душу III. 142.
Грѣхъ преодолѣть собственными силами человѣкъ не можетъ III. 119.
Грѣхъ восчувствовавшій — лучше воскресившаго молитвою мертваго III. 194.
Грѣхъ связанъ съ человѣческою природою не какъ вино съ водою, а какъ плевелы съ пшеницею на полѣ III. 119.
Не говори: *грѣхъ* на каждомъ шагу стоитъ; стоитъ на каждомъ шагу и Христосъ, могущій спасти тебя отъ грѣха V. 482.
Не говори: сегодня *согрѣшу*, а завтра покаюсь; ибо о завтрашнемъ днѣ ничего нѣтъ у тебя вѣрнаго III. 138.
Грѣховный помыслъ надо отражать въ самомъ началѣ III. 209.
Гурій, іеромонахъ: тайна христіанской жизни V. 492—504.

Д.

Никакой *даръ* безъ молитвы не стяжавается V. 475.
Безъ *дарованія* Св. Духа удержать умъ неисходно въ сердцѣ невозможно V. 462.
Двигаться впередъ надо въ духовной жизни: кто стоитъ на одной точкѣ, идетъ назадъ; кто не собираетъ, расточаетъ V. 485.
Какъ *дитя* лепечущее, стой на молитвѣ, сливаясь съ духомъ произносимой молитвы V. 481.
Отъ *діавола* сердечный холодъ, ибо діаволъ хладенъ III. 198.
Козни *діавола* бездѣйственны для сердца смиреннаго и мысли мирной III. 206.
Діаволъ, хотя бы преобразился въ Ангела свѣтлаго, вноситъ въ душу неясность и волненіе III. 208.
Діаволу нѣтъ приступа къ сердцу, въ которомъ внѣдрена молитва Іисусова V. 400.

Отъ козней *діавола* хранитъ молящагося покаянное чувство V. 408.

Діаволъ бѣжитъ отъ подвижника, стяжавшаго смиреніе, рождающееся отъ покаянія V. 408.

Въ *діавольскомъ* устроеніи бываешь, не видя грѣховъ въ себѣ, — онъ тоже своихъ грѣховъ не видитъ V. 449.

На *діавольское* лукавство не смотри: преодолѣвай его сердечною молитвою V. 481.

Какъ *діаволъ* вселяется и дѣйствуетъ въ насъ черезъ одинъ лживый помыслъ и вожделѣніе грѣховное, такъ и Господь Богъ духовъ вселяется въ насъ черезъ единую мысль и любовь истинную и святую V. 482.

Догматы вѣры надо переводить изъ ума въ сердце — и будетъ крѣпко V. 376.

Доброе дѣло не можетъ мѣшать молитвѣ V. 464.

Домашній порядокъ Іисусовой молитвы V. 408—409.

Домъ души какъ устроить III. 137—138, 202.

Дорога прямая — память Божія, память смертная, духъ сокрушенъ V. 465.

Духомъ Святымъ дышемъ въ молитвѣ V. 483.

Духа Святаго дѣйствія не прекращаются и въ наши дни IV. 242.

Безъ *духа* покаянія никакой даръ не дается и плода не приноситъ V. 464.

Духъ нечистый только на страстныхъ имѣетъ сильное вліяніе III. 209.

Духовная молитва, таинство будущаго вѣка, бываетъ въ родѣхъ родовъ II. 89, 92.

О духовныхъ вещахъ не должно говорить со всякимъ III. 207—208.

О духовной жизни вообще можно говорить съ другими, но не о своей личной V. 372.

О духовной жизни не надо говорить задорно, настаивая на своемъ V. 372.

О духовной жизни не надо говорить для обнаруженія своихъ знаній или мудрости V. 372.

Духовная жизнь не устанавливается самовольно, а подается Богомъ, когда Ему угодно V. 371.

Духовная жизнь начинается переходомъ отъ внѣшняго къ внутреннему. Закл. бес. 506.

Въ *духовной жизни* очень многозначительно быть въ чувствѣ: въ комъ это есть, тотъ уже внутрь себя V. 394.

Въ *духовность* входить прежде времени опасно: духовное чувство само о себѣ откроется по очищеніи отъ страстей V. 438.

Духовное дѣло познается не книгою, а кровью V. 450.

Душа побѣждается помыслами отъ того, что не противится имъ III. 138.

Душу необходимо питать Словомъ Божіимъ III. 202.

Душѣ надо снисходить въ ея немощахъ, и терпѣть свои недостатки, какъ терпимъ недостатки другихъ III 204.

Съ *душевнымъ* человѣкомъ говори о житейскихъ дѣлахъ, съ *духовнымъ* — о небесныхъ вещахъ III. 208.

Душа, себѣ не внимающая, безплодна добрыми помышленіями III. 110.

Душа, не искушенная трудами и немощами, не можетъ принять печати добродѣтелей Божіихъ III. 210.

Дѣлательная молитва есть молитва принудительная II. 91, 92.

Прежде перваго *дѣланія* познавать второе не полезно V. 441.

Высокія *дѣланія* безъ болѣзни сердечной мало приносятъ пользы V. 435.

Внутреннее *дѣланіе* должно совершаться со страхомъ и трепетомъ, по причинѣ тѣсноты и темноты пути, требующаго опытнаго наставника V. 461.

У истинныхъ *дѣлателей* молитвы бываетъ всегдаш-

няя жажда слушать духовные совѣты и наставленія опытныхъ V. 461.

Дѣятельная жизнь должна соединяться съ занятіями умозрительными V. 375.

Дѣятельную добродѣтель заповѣдями Божіими болѣе старайся проходить; умозрительная по очищеніи страстей сама покажетъ путъ V. 435.

Выше *дѣятельнаго* служенія другимъ—созерцательное предстояніе Богу въ молитвѣ III. 116.

Какъ *дыханіе*, должна быть естественна Іисусова молитва V. 476.

Е.

Съ *единомысленнымъ* братомъ поговорить куда какъ хорошо V. 466.

Сынъ Божій для того и воплотился, чтобы наше *естество* измѣнить, преобразить и обновить III. 120.

Прп. *Ефремъ Сиринъ* — наставленія о молитвѣ III. 137—142.

Ж.

Жизнь духовная должна начинаться жизнью дѣятельною и переходить въ умосозерцательную III. 212.

Безъ *жизни* дѣятельной невозможно придти въ жизнь умосозерцательную III. 212.

Жизнь дѣятельная: постъ, воздержаніе, бдѣніе, колѣнопреклоненіе, молитва и прочіе тѣлесные подвиги III. 212.

Жизнь умосозерцательная: возвышеніе ума къ Господу, сердечное вниманіе, умная молитва III. 212.

Жизнь дѣятельная очищаетъ отъ грѣховныхъ страстей и тѣмъ пролагаетъ путь къ жизни умосозерцательной III. 212.

Къ *жизни* зрительной надо приступать со страхомъ и трепетомъ, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ,

со многимъ испытаніемъ Св. Писанія и съ опытнымъ старцемъ III. 213.

Жизнь дѣятельную не должно оставлять и при жизни созерцательной III. 213.

Проходя *жизнь* внутреннюю, не должно обращать вниманія на толки людей, прилѣпившихся къ внѣшенму и чувственному III. 213—214.

Въ *жизни* христіанской главное — вниманіе къ тому, что бываетъ въ сердцѣ, сопровождаемое разсужденіемъ V. 388.

Жизнь въ обществѣ другихъ полезна для обнаруженія и преодолѣнія страстей V. 396.

Въ *жизни* уединенной страсти замираютъ, но не умерщвляются V. 396.

Жизни устроеніе зависитъ отъ устроенія сердца. Предисл. 12—13.

Опытомъ *жизни* изучается Слово Божіе и отеческія книги II. 50. Вступ. 20, 21.

Жизнь монастырская въ послушаніи, отъ котораго рождается смиреніе, способствуетъ успѣшному и прочному обученію молитвѣ Іисусовой V. 431.

Житейскія дѣла не надо забрасывать какъ бы для Господа, но надо ихъ исполнять, какъ порученіе Господне V. 395.

Житіе тѣлесное по Богу, и житіе умное по Богу въ чемъ состоятъ III. 196.

З.

Забвеніе врачуется храненіемъ ума съ призываніемъ имени Іисусова III. 152.

Завѣтъ Ветхій есть образъ чувственно-тѣлеснаго подвига III. 155.

Завѣтъ Новый — образъ умно-сердечнаго подвига III. 155.

Занятія повседневныя должны сопровождаться въ глубинѣ души неустанною сердечною молитвою

по слову Спасителя: »Безъ Мене не можете творити ничесоже» V. 475.

Заповѣдь о молитвѣ Іисусовой дается при постригѣ V. 443.

Заслуги нѣтъ въ принужденіи себя къ молитвѣ, а есть только подготовленіе къ пріятію молитвы благодатной II. 92.

Какъ отъ *засоренія* хранимъ око тѣлесное, такъ надо хранить чистою и душу отъ засоренія злотворными помыслами III. 156.

Злословіе слушать съ удовольствіемъ есть тоже злословіе III. 181.

О злословящемъ тебя помолись: сначала о немъ, потомъ и о себѣ III. 181.

Злѣйшіе враги молитвеннаго преуспѣянія — праздность, многословіе, многоспаніе V. 456.

Знаетъ молитву тотъ, у кого молитва сама молится и увлекаетъ за собою молящагося V. 397.

Зрительная молитва требуетъ предварительнаго очищенія отъ страстей I. 35; II. 64—65; II. 92—94; III. 184—185; IV. 313, 316; V. 389.

Отъ того, что *зрительной молитвы* не многіе сподобляются, унывать не должно IV. 229, 239.

За отсутствіе *зрительной молитвы* не будемъ отвѣчать Богу, а за отсутствіе дѣлательной отвѣтимъ IV. 239.

И.

Игнатій Брянчаниновъ, Епископъ — о молитвѣ Іисусовой V. 405—433.

Игумену, а не вамъ, судить о способности вашей къ вашему послушанію V. 463.

Иларіонъ, духовникъ Московскаго Симонова монастыря — о молитвѣ Іисусовой V. 474.

Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій, — о чувствѣ бытія Божія V. 486.

Преп. *Исаакъ* Сиріанинъ — наставленія о молитвѣ III. 181—198.
Преп. *Исихій* Іерусалимскій — наставленія объ умномъ дѣланіи III. 149—161.
Исканіе въ себѣ плодовъ не во время — признакъ гордости V. 437.
Въ *искушеніяхъ* усматривается Промыслъ Божій III. 186.
Безъ *искушеній* дарованіе — погибель III. 187.
Прежде *искушенія* человѣкъ молится Богу, какъ чужой, а выдержавъ искушеніе, какъ искренній другъ III. 186.
Исповѣдь старца, искавшаго и нашедшаго въ сердцѣ любовь къ Богу V. 496—504.
Не *ищи* дарованій, а »дѣлай» V. 437.

I.

Іисусова молитва, сходя въ глубину сердца, обличаетъ живущій въ насъ грѣхъ, смиряетъ змія, спасаетъ и оживотворяетъ душу III. 132.
Іисусова молитва, исходя изъ нѣдръ души, пребываетъ крѣпкою и неослабною III. 133.
Іисусова молитва должна имѣть покаянный духъ I. 38—42.
Іисусова молитва — мечъ духовный, требующій умѣлаго обращенія IV. 232—233.
Іисусова молитва необходима всѣмъ I. 32—34. V. 347—348.
Іисусова молитва — не въ словахъ и не въ количествѣ молитвъ, а въ навыкновеніи всегда быть въ памяти Господа V. 384.
Въ *Іисусовой* молитвѣ не ищи теплоты и сладости, а страха Божія и сокрушенія сердца V. 384.
Іисусова молитва, съ вѣрою, въ простотѣ сердца совершаемая, всегда душеспасительна V. 385.
Іисусова молитва, укореняясь, рождаетъ благодатный огонекъ въ сердцѣ V. 370, 389.

Сила *Іисусовой* молитвы не отъ собственныхъ трудовъ, а отъ всецѣлаго упованія на Бога V. 387.
Суть *Іисусовой* молитвы — въ сознательномъ стояніи въ присутствіи Господа со страхомъ, вѣрою и любовію V. 389.
Въ *Іисусовой* молитвѣ мало словъ, но они вмѣщаютъ въ себѣ все V. 398.
Іисусова молитва бываетъ устная, умная и сердечная. Пред. 13; I. 37, 38; V. 407.
Устная *Іисусова* молитва не есть дѣло малозначительное V. 407.
Кто научится устной *Іисусовой* молитвѣ, тотъ удобно можетъ научиться молиться и однимъ умомъ V. 407.
Достоинство *Іисусовой* молитвы въ качествѣ, а не въ количествѣ V. 408.
Качество *Іисусовой* молитвы въ томъ, чтобы умъ находился во вниманіи, а сердце сочувствовало уму V. 408.
Іисусова молитва водружается при смиреніи: не ищи теплоты, подвизайся на заповѣди: теплота выситъ, заповѣдь смиряетъ V. 438.
Начавши *Іисусову* молитву, не надо прекращать, уповая на милость и помощь Божію V. 442.
Что лучше: творить *Іисусову* молитву или обычное правило? Надо дѣлать то и другое V. 442.
Въ дорогѣ *Іисусовой* молитвой можно замѣнять обычное правило V. 443.
Іисусова молитва веселитъ сердце V. 445.
Любящимъ *Іисусову* молитву врагъ посылаетъ скорби V. 445.
Если отъ упражненія въ *Іисусовой* молитвѣ начинаетъ болѣть голова, горло или грудь, безъ этого нельзя: гдѣ нечисто, тамъ и больно V. 446.
Іисусова молитва даетъ внутренній миръ V. 446.
Трудно непрестанно имѣть въ сердцѣ *Іисуса*, пока не вкуситъ человѣкъ, яко благъ Господь V. 446.

Скорби собирай, какъ сокровище: это очень способствуетъ молитвѣ *Іисусовой* V. 446.

Молитва *Іисусова* не мѣшаетъ, но помогаетъ слушать церковное пѣніе и чтеніе V. 447.

Молитва *Іисусова* даетъ мысль свѣтлую V. 447.

Чаще твори *Іисусову* молитву — повеселѣетъ на сердцѣ, только выковыривай гниль сердечную — нецѣломудренные помыслы V. 447.

Іисусова молитва прекращается отъ празднословія, обжорства, осужденія и, главное, отъ гордости V. 449.

Не теряй ни на мгновеніе изъ сердца *Іисуса:* безъ Него горько жить V. 476.

Іисусова молитва да будетъ дыханіемъ души твоей V. 477.

Изъ обладаемыхъ страстями кающіеся и борющіеся со страстями могутъ и должны проходить *Іисусову* молитву; не борющіеся со страстью и дѣйствующіе по ней не должны касаться *Іисусовой* молитвы подъ опасеніемъ душевнаго разстройства IV. 309—311.

Св. *Іоаннъ* Златоустъ — ученіе о молитвѣ III. 131—137.

Пр. *Іоаннъ* Лѣствичникъ — ученіе о молитвѣ III. 142—149.

Отецъ *Іоаннъ* Сергіевъ Кронштадтскій — наставленіе о молитвѣ V. 480—486.

Іона, іеросхимонахъ Симонова монастыря — объ Іисусовой молитвѣ V. 474.

Іустинъ, Епископъ — объ Іисусовой молитвѣ I. 32, 33.

К.

Препп. *Каллистъ* и *Игнатій*, иноки II. 85.

Въ *келейномъ* правилѣ главное — не количество молитвъ, а то, чтобы молитва шла изъ сердца V. 359.

Келейное правило можно видоизмѣнять для оживленія молитвеннаго чувства V. 375.

Порядокъ *келейнаго* правила V. 368.
При *келейномъ* правилѣ нужно давать просторъ и молитвѣ собственными словами V. 381.
Келейнаго правила только совершенные въ духовной жизни не требуютъ; всѣмъ прочимъ оно необходимо, сообразно ихъ душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ V. 456.
Изъ *книгъ* дѣлать выписки полезно, но выписывать надо только то, что особенно захватитъ сердце V. 365.
Вниманіе въ духовной жизни не есть излишняя строгость, но самый *корень* этой жизни V. 377.
Крестъ ежедневный есть путь Божій III. 187.
Крестнымъ знаменіемъ утверждай сердце твое III. 174.
Ко *Кресту* Господню намъ необходимо привиться крестомъ же V. 380.
Крестной славѣ предшествуетъ *крестное* поношеніе: не пройдя послѣдняго, безразсудно домогаться перваго III. 184.

Л.

Лекаря и лекарство Богъ сотворилъ: отвращаться отъ нихъ — укоръ Богу V. 468.
Лѣность, нерадивость и сонливость — отъ ослабленія страха Божія V. 468.
Лѣности не надо уступать V. 363.
Лѣность къ Божіей службѣ и молитвѣ есть начало поврежденія ума III. 182.
Лѣстница къ небу скрыта въ душѣ нашей III. 182.
Любовь больше молитвы III. 145—146.
Любовь познается въ исполненіи заповѣдей Божіихъ V. 457.
Совершенная *любовь* совершенно смиренна V. 370.
Что дѣлается безъ *любви* къ Богу и ближнему, тамъ Христу негдѣ приклонить главу V. 457.

М.

Преп. *Макарій* Великій — его ученіе о молитвѣ III. 117—131.

Макарій, іеросхимонахъ, Оптинскій старецъ — наставленія о молитвѣ Іисусовой V. 434—441.

Маркъ, схимонахъ Саровскій, современникъ преп. Серафима, дѣлатель умной молитвы V. 472.

Милосердый — врачъ души своей III. 187.

Милостыня всегда должна брать перевѣсъ III. 187.

Ничто такъ не приближаетъ сердце къ Господу, какъ *милостыня* III. 188.

Миръ душевный пріобрѣтается скорбями III. 203.

О мірѣ не грусти, *а о мирѣ* сердечномъ всегда трости V. 475.

Отъ ложнаго *мистицизма* предохранить можетъ только опытное руководство V. 387—388.

Молитва опытомъ познается. Вступл. 21.

Условія и порядокъ правильной *молитвы* I. 37.

Молитва воображательная и умно-головная, и въ чемъ ея неправильность II. 70—74.

Тяга къ внутренней *молитвѣ* и начало молитвы благодатной II. 93—95.

Примѣръ высшей *молитвы* у преподобнаго Максима Капсокаливита II. 105—110.

Истинное основаніе молитвы — вниманіе къ помысламъ и совершеніе молитвы въ великомъ безмолвіи и мирѣ III. 127.

Внимательные къ помысламъ весь *молитвенный* подвигъ совершаютъ внутренно III. 128.

Молитва безъ утружденія тѣла и безъ скорби сердца подобна недоношенному плоду чрева III. 186.

Чистой *молитвы* отъ новоначальныхъ Богъ не требуетъ III. 142.

Въ *молитвѣ* должны слѣдовать одно за другимъ — благодареніе, исповѣданіе грѣховъ, прошеніе III. 146—147.

Молитва требуетъ простоты словъ III. 147.
Самое пребываніе въ *молитвѣ* есть уже пріобрѣтеніе III 148.
Во время *молитвы* не должно принимать чувственныхъ мечтаній III. 148.
Богъ — учитель *молитвы* III. 149.
Объ услышаніи нашей *молитвы* узнаемъ устраненіемъ сомнѣнія III. 148.
Молитва того не пріемлется Господомъ, кто не почитаетъ себя грѣшникомъ III. 188.
Слова св. Исаака Сирина *о молитвѣ* чистой и зрительной III. 190—193.
Домъ *молитвы* — чистое сердце и спокойная совѣсть V. 386.
Въ *молитвѣ* не ищи восторговъ, но тихаго, теплаго, неотходнаго чувства къ Богу V. 386.
Молиться начинай по молитвеннику и переходи къ молитвѣ своими словами, молясь короткими молитовками и молитвой Іисусовой V. 386.
Правильный путь восхожденія по степенямъ *молитвы* есть правильный путь восхожденія къ Богообщенію V. 387.
Уклоненіе отъ правильнаго восхожденія въ *молитвѣ* есть уклоненіе въ ложный *мистицизмъ*, это уклоненіе можетъ начаться тамъ, гдѣ внѣшнее молитвословіе переходитъ во внутреннюю молитву II. 93—94; V. 387.
У кого есть усердіе къ *молитвѣ*, того самый трудъ молитвенный доведетъ до высшихъ степеней молитвы V. 393.
Молитва не можетъ не прерываться V. 450.
Молитва прекращается — отъ самомнѣнія, отъ осужденія, а, главное, для смиренія V. 451.
Молитва не въ словахъ и не въ числѣ словъ, а во вниманіи и сердечномъ смиреніи V. 456.
Въ *молитвѣ* должно умъ соединять съ сердцемъ посредствомъ вниманія, молитву совершать безъ

разгоряченія, съ тихостію и спокойствіемъ, безъ напряженности V. 457.

Истинной духовной *молитвы* насильственнымъ духовнымъ и тѣлеснымъ чувствомъ пріобрѣсти нельзя V. 457.

Въ *молитвѣ* уму надо давать крайнее вниманіе, сердцу трезвѣніе, волѣ бодрствованіе; безъ сихъ трехъ истинной молитвы не можетъ быть. V. 461.

Молитва безъ словъ — неподвижное пребываніе въ молитвенныхъ чувствахъ къ Богу, не произнося ни въ умѣ, ни устами никакихъ словъ. Это высшая степень *молитвы* V. 468.

Молитва есть сѣмя, рождающее въ насъ Христа. V. 477.

Тотъ имѣетъ дерзновеніе въ *молитвѣ*, кто думаетъ, что не имѣетъ дерзновенія III. 136.

Молитвы — нервы души III. 137.

Гдѣ смиреніе, память о Богѣ съ трезвѣніемъ и вниманіемъ, и частая *молитва* — тамъ мѣсто Божіе или сердечное небо III. 162.

Молитва Іисусова упорядочиваетъ внутреннее состояніе души. Пред. 12. Вступ. 22.

Молитва Іисусова, утверждаясь въ сердцѣ, регулируетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь христіанина I. 29, 30.

Понятіе *о молитвѣ* Іисусовой. Пред. 13; I. 26.

Отношеніе *молитвы* Іисусовой къ другимъ молитвамъ I. 24, 25.

Почему особо *молимся* Сыну Божію I. 26, 27.

О трехъ родахъ *молитвы* I. 28—30.

Древность употребленія *молитвы* Іисусовой I. 31.

Два періода *молитвы* Іисусовой: дѣлательный или трудовой, и благодатный или самодвижный I. 34—35; II. 79—82.

Степени *молитвы* Іисусовой I. 36.

Порядокъ обученія *молитвѣ* Іисусовой I. 38.

Молитва Іисусова требуетъ приболѣзненнаго, сокрушеннымъ сердцемъ, совершенія I. 38—42; II. 83.
Молитва Іисусова должна сопровождаться подвигомъ добродѣтельной жизни I. 42—45; II. 61, 86.
Молитва Іисусова требуетъ хожденія предъ лицемъ Божіимъ II. 57.
Самочинное исканіе высшихъ степеней *молитвы* опасно II. 64, 65.
Внѣшніе пріемы обученія *молитвѣ* Іисусовой и ихъ необязательность II. 78, 79, 90—91.
О молитвѣ Іисусовой, ученіе препп.: Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита и др. II. 75—77, 79—90.
Молодость непостоянна, и молодыхъ иноковъ нужно убѣждать до конца жизни претерпѣвать въ борьбѣ со страстями и сохранять чистоту совѣсти V. 462.
Мысли о пустотѣ и безплодности жизни — не пустыя, но бываютъ и отъ гордости V. 437.

Н.

Назарій, игуменъ Валаамскій. Наставленія о молитвѣ V. 472—473.
Навыкъ ходить передъ Богомъ приводитъ къ перечисткѣ сердца и мыслей V. 398.
Способъ *навыкновенія* Іисусовой молитвѣ, по существу единый, примѣняется къ личнымъ особенностямъ проходящихъ молитву V. 403—404.
Различныя *наименованія* духовнаго внутренняго дѣланія V. 405.
Хоть на волосокъ опереться *надеждою* на чемъ нибудь своемъ — есть уже уклоненіе отъ праваго пути V. 379.
Наставленіе о высшей молитвѣ преп. Іоанна Лѣствичника V. 415, 416.
»*Насъ*» вмѣсто »мя» говорить въ Іисусовой молитвѣ можно, когда молитва не о себѣ, а о всѣхъ V. 466.
Непамятозлобіе даетъ успѣхъ молитвѣ III. 146.

При *нечувствіи*, хотя ты самъ и не ощущаешь силы молитвенныхъ словъ, бѣсы ощущаютъ и трепещутъ III. 181.

За *нерадѣніе* взыскиваетъ Богъ, а не за невольное грѣховное движеніе III. 194.

Познаніе *немощи* своей есть основаніе, корень и начало всего добраго III. 196.

Немощь познается искушеніемъ III. 196.

Нечувствіе и безпечность надо прогонять самоукореніемъ и самоустрашеніемъ V. 369.

Чѣмъ болѣе видишь себя *неисправнымъ*, тѣмъ болѣе подвигаешься впередъ V. 375.

Неразсѣянность въ молитвѣ не отъ нашего желанія, а отъ смиренія V. 454.

Неотходность вниманія въ молитвѣ отъ благодати V. 454.

О причинахъ *нечувствія* Бога современными людьми V. 400, 401, 402.

Нечувствіе словъ молитвы отъ сердечнаго невѣрія и нечувствія своей грѣховности, происходящаго отъ тайной гордости V. 484.

Непамятованіе о Богѣ отъ забвенія Его благодѣяній III. 116.

Необходимы: и упражненіе въ молитвѣ Іисусовой, и поученіе въ Божественномъ писаніи, и стихословіе псалмовъ III. 174.

Малое *нерадѣніе* рождаетъ грѣхъ, и малая трезвенность отвращаетъ великій вредъ III. 138.

На *нечистыхъ* помыслахъ не останавливайся, чтобы не дойти до срамныхъ дѣлъ III. 138.

Недоступный для всякаго ума обитаетъ въ нашемъ сердцѣ III. 141.

Непрестанная молитва очищаетъ мысленный въ насъ воздухъ отъ мрачныхъ облаковъ и вѣтровъ духовъ злобы III 160.

Прп. *Нилъ* Сорскій — запрещаетъ преждевременное исканіе высшей молитвы II. 65.

Блаж. *Никифора* — ученіе о внѣшнихъ пріемахъ Іисусовой молитвы II. 87.

Ничто не даетъ душѣ такой тишины, какъ произвольная *нищета* III. 188.

Новоначальнымъ — полезнѣе краткія и частыя моленія, нежели продолжительныя, съ большими между ними промежутками V. 408.

Новоначальному предати высокое — горе и люто есть V. 437.

Ноздренное дыханіе — это значитъ: соедини молитву съ дыханіемъ твоимъ V. 451.

О.

Обольщеніе врага побуждаетъ перескакивать черезъ низшія ступени съ тѣмъ, чтобы, ища прежде времени совершенства, человѣкъ не получилъ его и въ свое время V. 437.

Внѣшняя *обстановка* молитвеннаго труда — несущественна: и отъ нея можетъ быть теплота, но трудовая, а не благодатная; считать ее благодатною — прелесть V. 465.

Обязательность Іисусовой молитвы для всѣхъ христіанъ V. 409.

Оживляетъ сердце молитва: если не молиться ежедневно съ теплотою духовною, то легко скоро умереть духовно V. 484.

Опасность своего положенія надо сознавать, и искать спасенія въ Господѣ V. 398.

Никого не *осуждай*, никѣмъ не гнушайся, и не дѣлай разницы между людьми III. 129.

Осуждай дурной поступокъ, но не осуждай того, кто его совершаетъ III. 179, 210.

Осужденіемъ другихъ разрушается миръ душевный III. 203.

Осуждай себя, и не будешь осуждать другихъ III. 210.

Осуждаемъ другихъ отъ того, что не стараемся познать себя III. 210.

Не *осуждай* никого, хотя бы своими глазами видѣлъ его согрѣшающимъ III. 210.

Ослабленіе трезвенности и бодрствованія нужно преодолѣвать созерцаніемъ таинствъ вѣры нашей, особенно смерти, суда, ада и рая V. 468.

Осторожность въ прохожденіи молитвы Іисусовой особенно необходима живущимъ въ мірской суетѣ V. 411—412.

Откровенные разсказы странника. Пред. 14.

Отрываніе помысловъ опытнымъ необходимо для уврачеванія души V. 436.

Отрѣшенность отъ житейскихъ связей — признакъ совершенства V. 362.

Отъ *отчаянія* и унынія два пути спасенія: истинный и ложный V. 480.

Отчаяніе бываетъ отъ множества грѣховъ, и отягченія совѣсти, и отъ гордости и надменія III. 212.

Нужно оберегать сердце отъ *охлажденія* V. 361.

Охлажденіе при молитвѣ Іисусовой бываетъ и наказательное — за грѣхъ, и научительное — для пріобрѣтенія опытности V. 357.

Охлажденіе теплоты сердечной — признакъ отступленія отъ Бога V. 393.

Охлажденіе начинается забвеніемъ благодѣяній Божіихъ и всей духовной области V. 394.

Очищай мысли молитвою, ибо мысли имѣютъ сильное вліяніе на расположеніе сердца и дѣйствій V. 485.

Очищеніе сердца отъ злыхъ помысловъ и преодолѣніе страстей достигается: исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ и внутреннимъ призываніемъ имени Іисуса IV. 261—263.

П.

Павелъ, старецъ Симонова монастыря въ Москвѣ, ученикъ Паисія Величковскаго — его наставленіе о молитвѣ V. 474.

Паисій Величковскій, схи-архимандритъ, старецъ Нямецкаго монастыря въ Молдавіи, род. 1722, ум. 1794 г. Свитокъ о молитвѣ Іисусовой. IV. 269—304.

Память Божія вводитъ въ созерцаніе Божіихъ дѣлъ и Божіихъ совершенствъ — благости, правды, творенія, промышленія, искупленія, суда, воздаянія V. 392.

Парфеній, іеросхимонахъ, старецъ Кіево-Печерскій V. 473—474.

Пахомій Великій — *порядокъ* духовнаго обученія въ его общежитіяхъ V. 411.

Пахомій, строитель Саровскій 18 вѣка, современникъ преп. Серафима и Святителя Тихона Задонскаго V. 473.

Печаль побѣдилъ тотъ, кто побѣдилъ страсти III. 211.

Съ духомъ *печали* неразрывно дѣйствуетъ скука III. 211.

Не можетъ не *печалиться* тотъ, кто любитъ міръ III. 211.

Пищи должно употреблять столько, чтобы тѣло, укрѣпляясь, было другомъ и помощникомъ душѣ III. 207.

Плачъ на сердцѣ — незаблудный путь V. 362.

Плоды Іисусовой молитвы I. 46—49.

Постомъ измѣряются успѣхи въ подвижничествѣ III. 207.

Къ строгому *посту* должно приступать не вдругъ, а мало по малу III. 207.

По мѣрѣ истощенія плоти *постомъ* приходитъ въ совершенство и духовная жизнь III. 207.

Отъ чрезмѣрныхъ *подвиговъ* поста и безмолвія рождается высокоуміе IV. 230, 231, 258, 259.

Подвизаться за тебя, кромѣ тебя самого, никто не можетъ V. 475.

Внѣшніе *подвиги* — подмостки: зданіе строится внутри ихъ — въ сердцѣ V. 396.

Подвигъ внутренняго духовнаго дѣланія всегда существовалъ и существуетъ въ Православной Церкви V. 486.

Подвижнику необходимо имѣть въ себѣ: смиреніе, вниманіе, противорѣчіе помысламъ и молитву III. 51.

Не будемъ отрицаться и отъ трудовъ тѣлеснаго *подвижничества*, ибо отъ нихъ произростаетъ духовная радость и опытность въ добрѣ III. 165.

Подвиговъ не должно предпринимать выше мѣры III. 204.

Покаяніе дано людямъ по крещеніи, какъ благодать на благодать III.189.

Отъ *покоя* внутренняго совѣсть научаетъ душу видѣть свою некрасоту, и отъ этого рождаются начатки и корни покаянія III. 206.

Помыслъ оцѣнивай потому, что отъ него происходитъ добро или зло III. 175.

За *помыслами* простыми и безстрастными приходятъ страстные III. 159.

Помыслы и мысли: различіе между ними III. 167.

Помыслы добрые и злые, и откуда они возникаютъ III. 168.

Какъ отъ злыхъ *помысловъ* возрастаютъ въ душѣ страсти III. 170—172.

Значеніе молитвы Іисусовой въ борьбѣ съ *помыслами* III. 173.

О различной борьбѣ съ *помыслами* новоначальныхъ и сильныхъ подвижниковъ II. 65—69.

Ясное различеніе *помысловъ* подается молитвеннымъ стояніемъ ума въ сердцѣ V. 357.

Помыслы не опровергай, а терпи и зови Іисуса V. 449.

Студные *помыслы* на молитвѣ отъ того, что молилась съ мнѣніемъ, а не со смиреніемъ V. 439.

Съ утра мужественно и неотступно стань у дверей сердца памятію о Богѣ, побѣждая брань воздвигающихъ *помыслы* III. 161.

Безъ *послушанія* въ обители жить стыдно V. 463.
Постепенность и неспѣшность необходимы при обученіи молитвѣ Іисусовой II. 51—52.
Постепенность существуетъ и въ умаленіи страстей и въ возрастаніи добродѣтелей V. 415.
Посѣтителей надо принимать съ радостью, и въ бесѣдѣ съ ними видѣть службу Божію V. 364.
Послушаніе и отсѣченіе своей воли — единственный вѣрный путь къ смиренію V. 397.
Правило молитвы слѣдуетъ опредѣлить временемъ V. 353, 356.
Празднословіе и осужденіе больше всего препятствуютъ умному вниманію и теплотѣ сердечной V. 478.
Предметы, содержащіеся въ *очищенной* памяти во время чистой умной молитвы: 1) зрѣніе своего предъ Богомъ ничтожества и грѣховности въ чувствѣ покаянія, ожиданія смерти, строгаго испытанія по смерти отъ бѣсовъ, неизвѣстнаго опредѣленія въ вѣчности, втораго Христова пришествія и окончательнаго отъ Бога опредѣленія; 2) память пречистыхъ Христовыхъ страданій и всей земной жизни Христа; 3) память Божественныхъ свойствъ — всевѣдѣнія, всемогущества, премудрости, благости, правосудія, долготерпѣнія. Всѣ эти *предметы* не препятствуютъ молитвѣ, но болѣе къ ней располагаютъ V. 458.
Означенные *предметы* дѣйствуютъ на душу неравномѣрно — иногда одни сильнѣе, иногда другіе . . . Дѣйствіе ихъ опредѣляется духовнымъ дѣланіемъ и упражненіемъ въ немъ V. 459.
Писанія отцовъ о *прелести* имѣютъ цѣлью предостеречь не отъ умнаго дѣланія, а отъ прелести IV. 228.
Прелесть при умномъ дѣланіи происходитъ не отъ умнаго дѣланія, а отъ высокоумія и самочинія IV. 227.

Прелесть постигаетъ дерзкаго и самонадѣяннаго, въ гордости стремящагося преждевременно достигнуть зрительной молитвы IV. 228.

Прелесть возможна при упражненіи всякою добродѣтелью, и происходитъ отъ неправильнаго ея прохожденія IV. 259; V. 410—411.

Прелесть при Іисусовой молитвѣ не отъ молитвы, а отъ неумѣлаго ея прохожденія безъ руководства V. 378.

Прелесть выражается во вражескомъ возбужденіи чувственной похоти, и въ призракахъ и мечтаніяхъ ума, и распознается временемъ, опытомъ и чувствомъ IV. 258, 259.

Какъ предупредить *прелесть* IV. 259, 260.

Само — *принужденіе* къ молитвѣ всегда необходимо V. 484.

Въ *простотѣ* сердца надо молиться безъ сомнѣнія: какъ мыслить легко, такъ и молиться должно быть легко V. 482.

Простота, когда сердце не двоится на добро и зло, есть величайшее благо и достоинство человѣка V. 484.

Р.

Радосто-печаліе дается, а не пріобѣтается V. 365.

Раздражительность бываетъ естественная — противъ похотныхъ вожделѣній, и противоестественная, если похотныя вожделѣнія не исполняются III. 176.

Если внутренняя молитва *разсѣивается*, молись устно III. 178—179.

Признакъ *разумной* души — погруженіе внутрь себя и дѣланіе въ сердцѣ III. 203.

Разумная душа возводится благодатію Божіею въ мирное и премірное устроеніе: мирное, т. е. соединенное съ благою совѣстью; премірное, когда умъ созерцаетъ въ себѣ благодать Св. Духа III. 203.

Отъ *разума* плотскаго откажись и не внимай ему, ибо плотской разумъ кичитъ, сомнѣвается, мечтаетъ, хулитъ V. 481.

Религіозное пониманіе міра. Вступ. 17—19.

Религіозная жизнь общества и ея противорѣчія. Пред. 10—11.

Ревность молитвенная угашается механическимъ вычитываніемъ молитвословій V. 376.

Ревность молитвенная разгорается отъ внимательной внутренней молитвы V. 376.

Отъ возгорѣнія *ревности* молитвенной водворяется *рай* въ душѣ V. 376.

Медленность *роста* духовнаго необходима для нашего духовнаго воспитанія V. 380.

Безъ опытнаго *руководства* у неопытныхъ молитвенниковъ возникаетъ или ложное душевное радованіе, или малодушная скука и ожесточеніе V. 461.

Рѣшенія занимающихъ душу духовныхъ вопросовъ, получаемыя во время молитвы, — отъ Бога V. 381.

С.

Самочинное исканіе высокой молитвы, безъ очищенія отъ страстей, приводитъ къ помраченію ума и поруганію отъ бѣсовъ V. 435.

Сборникъ о молитвѣ Іисусовой. Вступ. 19.

Свобода человѣческая Богомъ не насилуется III. 118.

Священное Писаніе учитъ объ умномъ дѣланіи V. 406.

Святоотеческая письменность — путеводитель для проходящихъ духовное дѣланіе III. 112—115.

Преп. *Серафимъ* Саровскій. Наставленія о духовной жизни III. 198—215.

Преп. *Симеонъ* Новый Богословъ. Три образа вниманія и молитвы II. 69—77.

Св. *Симеонъ* Архіепископъ Солунскій I. 33.

Сердце—средоточіе духовной жизни II. 59.

Сердце, умъ и тѣло въ ихъ взаимоотношеніи II. 59, 60.

Дверь *сердца* открывается не дѣлами, а сокрушеніемъ и смиреніемъ III. 188.

Область *сердца* приводится въ порядокъ покаяніемъ и угодною Богу жизнью III. 188.

Если мѣсто въ *сердцѣ* будетъ чисто, Господне придетъ само собою III. 188.

Сердце человѣческое есть море великое и пространное: тамо гади, имже нѣсть числа III. 200.

Сердце всегда храни отъ непристойныхъ помысловъ и впечатлѣній III. 207.

Отъ храненія *сердца* въ немъ рождается чистота, въ ней же зрится Господь III. 207.

Что влилось въ *сердце* хорошаго, не должно выливать изъ него. III. 207.

Тайны *сердца* твоего не открывай всѣмъ: изъ тысячи одинъ сохранитъ твою тайну III. 208.

Сердце, христіански настроенное, воспринимая Божественное, не нуждается въ доказательствахъ, ощущая истину непосредственно III. 208.

Сердце загорится, когда Богу будетъ угодно — надо терпѣливо трудиться V. 364—365.

Сердце богобоязненное надо влагать во всякое дѣло V. 388.

Все дѣлай такъ, чтобы *сердце* разогрѣвалось, а не охлаждалось V. 396.

Сердце оживаетъ отъ внимательной умной молитвы V. 423.

Сердечнаго мѣста упруго отыскивать не должно: когда возрастетъ молитва, она сама отыщетъ его V. 450.

Сердечная молитва, когда чувствами сердца съ Богомъ живешь, а любовь къ Богу *сердце* наполняетъ V. 454.

Соединеніе ума съ *сердцемъ*, когда благодатію Божіею умъ неподвижно установится въ сердцѣ съ памятію Божіею V. 455.

Умъ, соединенный съ *сердцемъ*, неохотно покидаетъ сердце, и тогда все *изъ* головы переходитъ въ сердце V. 455.

Сердце озаряется свѣтомъ, и все совершается съ полнымъ сознаніемъ и вниманіемъ V. 455.

Въ *сердцѣ* у тебя хранится сокровище твое III. 141.

Двѣ *силы* духовныя борятся въ душѣ твоей: добрая и злая V. 479.

За *смиреніе*, а не за дѣланіе получаетъ человѣкъ награду III. 187.

Смиреніе пріобрѣтается исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, при сознаніи своей немощи V. 439.

Смиреніе для добродѣтели тоже, что соль для пищи III. 188.

Смиренномудріе испытывается получаемыми обидами III. 195.

Смиреніемъ привлекается Божественная помощь: отъ ощущенія Божественной помощи *сердце* исполняется вѣрою III. 196.

Смиренномудріе — врачевство отъ скуки и унынія III. 211.

Безъ *смиренія* ни покаянія, ни добродѣтели какой стяжать невозможно V. 476.

Скука рождается отъ малодушія, праздности и празднословія III. 211.

Скука врачуется молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ III. 211.

Скучаютъ тѣ, у кого дѣла не въ порядкѣ III. 211.

Иное *скука*, иное уныніе III. 211.

Скука отъ блужданія ума V. 445.

Слезы отъ благодати V. 374.

Отъ *слезъ* душа размягчается V. 374.

Непрерывныя *слезы* — признакъ прекращенія внутренняго безплодія и начало рожденія духовнаго младенца III. 197

Слово дѣйственное и *слово* красивое нужно различать III. 186.

Всякое молитвенное *слово* нужно доводить до чувства V. 467.

Собесѣдованія о Богѣ, приводящія насъ къ любви Божіей и смиренію, позволительны; но надобно знать свою мѣру, и не увлекаться въ высоту при страстномъ своемъ устроеніи V. 440.

Сокрушеніе сердца вызывается памятью о прежней жизни, о грѣхахъ юности, о смерти, о страданіяхъ Господа, о благодѣяніяхъ Божіихъ III. 162.

Если *сонъ* отнимаетъ молитву, не смущайтесь, а смиряйтесь V. 440.

Восходъ въ *совершенству* не виденъ самому ревнующему V. 395.

Сочетаніе личнаго подвига съ соборнымъ дѣланіемъ осуществляется въ церковной жизни V. 500—501.

Для *спасенія* нужно имѣть сердце, къ покаянію расположенное и сокрушенное III. 206.

Спасеніе человѣка совершается Богомъ не безъ воли человѣка III. 121.

Способъ обученія Іисусовой молитвѣ по Іоанну Лѣствичнику, доступный инокамъ и мірянамъ V. 415—418.

Тоже *самое* по наставленію священно-инока Дорофея, русскаго подвижника V. 419—420.

Тоже *самое* по наставленію преп. Серафима V. 421—423.

Спастись хочешь? Терпѣливо непрестанно молись, ибо претерпѣвый до конца спасенъ будетъ V. 475.

Страсти искореняются погруженіемъ мысли въ Богѣ III. 184.

Спокойствіе отъ *страстей* до пріобрѣтенія смиренія не внушаетъ довѣрія III. 195.

По мѣрѣ умаленія *страстей* умаляются дурныя мысли, чувства и движенія V. 385.

Страсти умалаются непрестанною памятью о Господѣ V. 385.

Страстный помыслъ преодолѣвается призываніемъ имени Божія III. 177.

Страхъ Божій — начало истинной жизни въ человѣкѣ III. 181.

Страхъ Божій есть начало пути внутренняго вниманія III. 200.

Страха предсмертнаго два вида, и его преодолѣніе III. 187.

Чтобы стяжать *страхъ* Божій, надо быть свободнымъ отъ заботъ житейскихъ III. 200.

Страхъ Божій пріобрѣтается сосредоточеніемъ мысли и чувства на представленіи о законѣ Божіемъ III. 200.

Страхъ Божій есть отецъ вниманія, а вниманіе — мать внутренняго покоя III. 206.

Страхъ Божій отъ памяти Божіей и памяти смертной: отъ страха Божія вниманіе къ себѣ и всѣмъ дѣламъ своимъ; отсюда жизнь трезвенная и благоговѣйная V. 384, 385.

Отъ *суетливости* внѣшней теряется внутренняя теплота III. 157.

Т.

Св. *Таинъ* причащаться почаще хорошо, но съ должнымъ приготовленіемъ: первые христіане на каждой литургіи причащались V. 356, 371.

Къ Св. *Тайнамъ* нѣтъ запрещенія приступать и грѣшнику, если только осуждаетъ себя, какъ грѣшника III. 180.

Тайна христіанской жизни — въ живомъ общеніи съ Богомъ, благодатію Св. Духа, въ единствѣ церковнаго сознанія и жизни, начинающемся на землѣ и продолжающемся въ вѣчности V. 493.

Теплотою духовною согрѣвается сердце отъ соединенія ума съ сердцемъ въ молитвѣ III. 205.

Треніе себя подвигами *теплоту* развиваетъ V. 359.
Теплоту духовную Богъ даетъ за труды вниманія къ себѣ передъ лицемъ Божіимъ V. 378.
Теплота сердечная, или горѣніе духа отъ усердія въ молитвѣ Іисусовой V. 391.
Теплота чувства утеряна отъ послабленія, и нехраненія глазъ, языка и мыслей V. 377.
Теплота можетъ возвратиться отъ возстановленія внутренняго строя V. 378.
Теплота, какъ сердечное горѣніе любви къ Богу II. 104—105.
Нужно различать: *теплоту* естественную, *теплоту* благодатную, и *теплоту* бѣсовскую II. 98—105. IV. 230, 239, 241, 243.
Терпѣніемъ, духовнымъ чтеніемъ, самопринужденіемъ къ молитвѣ преодолѣвается омраченіе души III. 195.
Св. *Тихонъ*, святитель Задонскій, учитель молитвы Іисусовой V. 478.
При *трезвенности* внутренняго человѣка сохраняется и внѣшній человѣкъ III. 160.
Трудъ молитвенный въ сердцѣ сохраняетъ умъ отъ нечистыхъ и скверныхъ помысловъ III. 182.
Трудъ тѣлесный безъ чистоты ума тоже, что безплодная утроба и сосцы изсохшіе III. 189.
Труды нужно начинать съ малаго и увеличивать постепенно V. 368.
Что безъ *труда* пріобрѣтается, то скоро и теряется V. 441
Не оставляя своихъ *трудовъ*, надо всегда надѣяться не на нихъ, а на милость Божію V. 383.
Трудности внутренняго дѣланія не должны ослаблять усердія къ нему V. 487—491.
Когда *тѣло* возстаетъ на тебя, бѣги поспѣшно съ молитвою къ Іисусу III. 174.
Тѣло человѣка подобно свѣчѣ, которая сгораетъ, а душа безсмертна III. 201.

Тѣлу нужно давать тѣлесное, по мѣрѣ потребности, духу духовное III. 204.

Чрезмѣрное изнуреніе *тѣла*, до ослабленія духа, безразсудно III. 201.

Тѣло мало — и все его проникаетъ малая душа твоя. Міръ великъ, Богъ безконечно великъ, и все твореніе наполняетъ V. 484.

Тѣсный путь — необходимъ V. 363.

Когда *тьма* духовная покроетъ тебя, призови сладчайшее имя Іисуса Христа — въ Немъ все найдешь V. 485.

У.

Уединеніе самое дорогое время для укрѣпленія Іисусовой молитвы V. 445.

Уединяйся чаще въ клѣти сердца для бесѣды съ Богомъ, и не захочешь искать утѣшенія ни въ чемъ земномъ V. 477.

Уединенная молитва въ сердцѣ возможна и въ міру V. 350.

Узами для внѣшнихъ чувствъ является дѣланіе сердца III. 196.

Узами мрака связана въ глубинѣ своей грѣхолюбивая душа, отъ которыхъ разрѣшается силою молитвъ и начинаетъ понимать внутреннюю борьбу III. 164.

Умная молитва требуетъ послушанія отцу духовному и храненія совѣсти II. 75.

Умирись съ собою и умирятся съ тобою небо и земля III. 182.

Умъ внимательнаго человѣка есть неусыпный хранитель внутренняго Іерусалима III. 200.

Умная молитва для всѣхъ обязательна IV. 233. V. 348.

Умное дѣланіе принадлежитъ не однимъ безстрастнымъ и св. мужамъ IV. 220, 227, 233.

Безъ *умнаго* дѣланія внѣшними чувствами невозможно оградить умъ отъ блужданія IV. 222.

Борющійся со страстями и помыслами внѣшними чувствами, помимо *умнаго дѣланія*, удобно побѣждается бѣсами IV. 223.

Не можетъ *умъ* самъ собою, безъ призыванія имени Іисусова, побѣдить мечтаніе бѣсовское III. 151. IV. 223.

Одно внѣшнее пѣніе и чтеніе безъ *умнаго дѣланія* недостаточно IV. 233—234, 255, 263.

Умное дѣланіе не упраздняетъ внѣшняго пѣнія и молитвы IV. 224.

Псалмопѣніе, тропари и каноны, и другое внѣшнее пѣніе и чтеніе помогаютъ восходить къ *умному дѣланію* IV. 221.

Умное дѣланіе возможно не только въ пустынѣ, но и въ большихъ монастыряхъ и въ городахъ IV. 225—226, 235.

Умное дѣланіе нужно проходить въ послушаніи, съ вопрошеніемъ и смиренномудріемъ IV. 227, 250.

Умное дѣланіе должно проходить со страхомъ и благоговѣніемъ, но отнюдь не бояться и не бѣжать отъ него IV. 228, 241, 262.

Умное дѣланіе — скорѣйшій и легчайшій путь къ духовному преуспѣянію IV. 236, 237.

Умное дѣланіе научаетъ видѣть свое внутреннее состояніе IV. 249, 255.

Невѣрно, будто *умное дѣланіе* могутъ проходить только очистившіеся отъ страстей IV. 221, 225, 227.

Обуреваемые страстями и грѣхами, но сопротивляющіеся имъ; падающіе, но кающіеся отъ сердца, могутъ и должны прибѣгать къ *умному дѣланію* IV. 234, 247, 248.

Дѣйствующіе по страсти, не кающіеся, не борющіеся съ грѣхомъ, не должны касаться *умнаго дѣланія*, такъ какъ это можетъ привести ихъ къ душевному разстройству IV. 265.

Откуда *умное дѣланіе* получило свое начало? IV. 278—284.

При *умномъ дѣланіи* должно опасаться двухъ крайностей: отчаянія и дерзости IV. 250.

Умная молитва есть душа домашняго и церковнаго молитвословія V. 347.

Умной молитвѣ мѣшаютъ не дѣла, а пустодѣліе, худодѣліе V. 349.

Въ *умномъ дѣланіи* не нужно смущаться безуспѣшностью: надо терпѣть и трудиться V. 400.

При *умной молитвѣ* вниманіе можно держать въ персяхъ, заключая умъ въ слова молитвы: при успѣхѣ эта молитва переходитъ и въ сердечную V. 443.

Отъ призыванія имени Іисусова въ *умѣ* рождается нѣкоторое Божественное состояніе III. 153.

Упражненіе въ памяти Божіей и непрестанной Іисусовой молитвѣ приближаетъ къ Богу III. 204.

Услажденіе находитъ человѣкъ въ имени Іисусовомъ, если предочиститъ душу покаяніемъ, добрыми дѣлами и вѣрою въ Распятаго III. 205.

Ищите правильнаго *установленія* въ сердцѣ, и Господь подастъ вамъ благодать сердечнаго горѣнія V. 399.

Устная Іисусова молитва сначала сопровождается трудностью и принужденностью, но постепенно становится пріятною V. 454.

Держи больше *устную* молитву: отъ нея никто не впадалъ въ прелесть; а *умную* безъ наставленія проходитъ опасно V. 441—442.

Устная молитва со *вниманіемъ* совершаемая, и *умная* со *смиреніемъ* совершаемая въ персяхъ, по времени и безъ наставника переходитъ въ сердечную V. 444.

»При *устѣхъ* внимая молитвѣ» — новая выдумка, нигдѣ у св. Отцовъ не встрѣчаемая V. 465.

Умѣренъ будь и въ религіозныхъ дѣлахъ, ибо и добродѣтель въ мѣру есть благоразуміе V. 485.

Учащеніе есть мать навыка какъ въ добродѣтели, такъ и въ порокахъ III 153.

Ф.

Преп. *Филимона* наставленіе объ умной молитвѣ II. 89.

Преп. *Филовей*, игуменъ Синайскій. Наставленія объ умномъ дѣланіи III. 161—167.

Х.

Замѣчая на молитвѣ *холодность* сердца, остановись и согрѣй сердце живымъ представленіемъ своего окаянства, или благодѣяній Божіихъ, и тогда молись, не торопясь, съ теплымъ чувствомъ V. 480.

Не *хотѣть* молиться, значитъ, не хотѣть быть съ Богомъ V. 476.

Храмомъ будь и священникомъ Богу III. 142.

Хранящій сердце отъ страстей зритъ Господа III. 183.

Какъ невозможно жить безъ пищи и питія, такъ безъ *храненія ума* невозможно достигнуть душѣ чего либо духовнаго IV. 263.

Храненіе тѣлесныхъ чувствъ и примиреніе совѣсти съ Богомъ неразрывно съ *умнымъ* вниманіемъ IV. 253.

Храненіе ума, установившись въ душѣ, доставляетъ уму мудрость въ совершеніи подвиговъ по Богу III. 161.

Христово слово тогда только и вселяется въ насъ, когда мы вѣруемъ ему и живемъ по нему V. 397.

Христовы слова читай, учи, обдумывай, возлюбляй и проводи въ жизнь, не ограничиваясь только тѣмъ, чтобы знать ихъ на память и хорошо говорить о нихъ V. 397.

Имѣя *Христа* въ сердцѣ, бойся потерять Его V. 479.

Потерявъ *Христа*, трудно прилѣпиться къ Нему снова V. 479.

Христосъ, введенный въ сердце вѣрою, возсѣдаетъ въ немъ миромъ и радостію V. 479.

Христосъ для того и пришелъ въ міръ, чтобы во всемъ помогать намъ и спасать отъ грѣха и насилія страстей V. 482.

Хула на молитву Іисусову и ея опроверженіе IV. 270—278.

Хульными помыслами не нужно смущаться III. 101.

Хульные помыслы отъ осужденія III. 144.

Хульные помыслы и плотскія движенія при молитвѣ отъ неправильнаго держанія вниманія V. 441.

Отъ *хульныхъ* помысловъ и нечистыхъ не унывай, но спасайся словами съ твердою вѣрою: отъ этихъ-то мерзостей и пришелъ спасти меня Господь Іисусъ Христосъ! V. 481.

Хульные помыслы труднѣе всего исповѣдывать III. 100.

Ц.

Царствіе Божіе внутри насъ II. 95, 96.

Царствіе Божіе найдешь, если съ усердіемъ будешь искать его внутри себя самаго III. 141.

Царствіе Божіе есть возникновеніе и раскрытіе въ душѣ нашей благодатной духовной жизни, сопровождающейся горѣніемъ духа, или духовною теплотою II. 96—98. V. 389.

Стоя въ *церкви* разогрѣвайте внутреннюю молитву и при ней слушайте, что читается и поется V. 468.

Въ *церковь* собираемся на общую молитву, чтобы и мысль, и чувства, и слово было у всѣхъ одно V. 469.

Погубившій *цѣломудріе*, не можетъ спастись милостынею, если продолжаетъ пребывать въ блудѣ III. 189.

Цѣль жизни — стяжаніе Духа Святаго, уготовляемое убранствомъ для Него храмины сердца V. 499.

Ч.

Частая молитва подготовляетъ къ постоянной молитвѣ V. 408.

Чистота, души, какъ и *чистота* молитвы достигается однимъ изъ тысячи III. 185.

Чистая душа чувствуетъ въ людяхъ и святость, и злосмрадіе грѣха III. 146.

Необходимо различать *чистоту* ума и *чистоту* сердца III. 182.

Въ *чистотѣ* и правдѣ не устоишь безъ трезвенія и молитвы V 476.

Чистую мысль о Богѣ всегда должно носить въ себѣ III. 117.

Чистота, обрѣтаемая въ крещеніи, загрязняется въ жизни II. 85, 86.

Чтеніе слова Божія научаетъ различать добро и зло III. 203.

Чтеніе святоотеческихъ книгъ дастъ отвѣты на недоумѣнные вопросы духовной жизни V. 359.

Чтеніе духовныхъ книгъ, если приводитъ къ самоукоренію и смиренію, благъ плодъ принесетъ; если же служитъ къ наостренію ума знаніемъ, то вмѣсто пользы можетъ быть вредъ V. 438.

Выше *чтенія* — молитва, оставлять молитву ради чтенія нельзя V. 467.

За *чтеніемъ* ли, или другимъ занятіемъ найдетъ молитвенный духъ, надо оставлять всякое дѣло и молиться V. 467.

Имѣть *чувства* духовныя еще не значитъ твердо стоять умомъ въ сердцѣ V. 368.

До глубины *чувства* сердца надо доводить слушаемое слово, и принуждать себя къ исполненію всякаго добраго дѣла V. 462.

Ш.

Не на вашей *шеи* порядки монастыря висятъ, не ваше дѣло ихъ и разбирать V. 465.

Щ.

Щитомъ твоимъ да будетъ честный Крестъ III. 139.

Ю.

Въ *юности* и въ суетѣ мірской знаешь и Христа и діавола только по имени, и думаешь, что Христосъ -- далеко, на небѣ, а діаволъ гдѣ-то есть, но къ тебѣ не относится. Опытомъ сердца познаешь и благое иго Христово, и тяжкое иго сатаны V. 483.

Я.

На *языкѣ* смиреніе, а въ сердцѣ самоправедность V. 369.

Ясновидѣніе своихъ недостатковъ и немощей есть настоящее самопознаніе V. 375.

Недостаточно *языкомъ* привыкнуть произносить слова Іисусовой молитвы безъ чувства страха, благоговѣнія, сокрушенія и смиренія V. 376.

Ѳ.

Ѳеофанъ, Епископъ-Затворникъ — наставленія о молитвѣ Іисусовой и духовномъ дѣланіи V. 346—404.

Нельзя быть все время на *Ѳаворѣ:* нужна и Голгоѳа V. 437.

Ѳеодоръ Санаксарскій, подвижникъ 18 вѣка, дѣлатель Іисусовой молитвы V. 472.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА.

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
13	Снизу 16	*устною*	*словесною*